

Я Х О Ш Е

Мари-Пьер РЭЙ
Александр I





Marie-Pierre
Rey

Alexandre I^{er}

Flammarion
2009



Мари-Пьер
Рэй

Александр I

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
Р96

Рэй М.-П.

Р96 Александр I / Мари-Пьер Рэй ; [пер. с фр. А. Ю. Петров, А. Ю. Терещенко]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — 495 с. — (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-1721-3

Монография французского историка, специалиста по России Мари-Пьер Рэй посвящена одному из наиболее ярких российских правителей — императору Александру I.

Об Александре I написаны многочисленные исторические труды, однако до сих пор не создано его однозначного образа. В этой связи написание очередной биографии российского императора может показаться немислимой затеей, учитывая, насколько трудным оказывается создание целостного образа этого исторического деятеля. Но именно такую задачу ставит перед собой автор.

М.-П. Рэй красочно и ярко повествует о жизни императора, опираясь на обширнейшую библиографию и используя чрезвычайно объемный корпус различных архивных и опубликованных материалов, показывает изменения, которые претерпели международное положение и статус России в годы правления Александра I.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-8243-1721-3

© Éditions Flammarion, 2009

©Петров А. Ю., перевод на русский язык,
гл. 1–11, введение, пролог, библиография,
2013

©Терещенко А. Ю., перевод на русский язык,
гл. 12–15, эпилог, хронология, благодарности,
2013

©Российская политическая энциклопедия,
2013



БЛАГОДАРНОСТИ

Описание чьей-либо жизни — увлекательное интеллектуальное приключение, которое таит в себе множество трудностей, вызывает сомнения и вопросы, а иногда приводит в уныние — слишком трудной бывает взятая на себя задача. Поэтому я хочу по-дружески искренне поблагодарить тех, кто поддержал меня в этом деле.

В первую очередь я признательна своей издательнице Элен Фьямма, за ее благосклонную помощь, за веру в меня и за неизменно рассудительные советы. Все это оказалось весьма ценным для меня на протяжении шести лет, которые заняла работа над книгой.

Я должна также поблагодарить директоров и хранителей архивов и библиотек, которые оказали мне содействие: Сергея Владимировича Мироненко, директора ГА РФ, архивистов Ларису Александровну Роговую и Елену Алексеевну Чиркову; Михаила Рафаиловича Рыженкова, директора РГАДА; Кристину Графингер, хранительницу Ватиканской библиотеки и архивов; Мирей Пастуро, хранительницу библиотеки Института Франции; Женевьеву Шено, хранительницу библиотеки им. кавалера Чессоле; а также руководство императорской Петербургской библиотеки, Британской библиотеки, Французской национальной библиотеки и архивов министерства иностранных дел Франции. Анна Мэтр, хранительница фонда Гагарина и фонда св. Георгия в библиотеке Эколь Нормаль (ENS-LSH) в Лионе, и отец Рене Маришаль, бывший заведующий этой коллекцией, постоянно помогали мне в изучении этих бесценных документов — я горячо благодарю их за это.

В процессе написания книги я могла рассчитывать на моих друзей Кристину Моро и Жан-Пьера Минодье, которые внимательно, тщательно и требовательно читали мой текст: они помогли значительно улучшить рукопись, за что я им очень признательна. Кроме того, я благодарна Корине Амашер, которая поделилась со мной своими обширными познаниями о времени правления Александра I.

Я должна вспомнить и о тех, кто в разные моменты и на разных этапах моей работы поделились со мной познаниями, дали мне добрые советы или оказали логистическую помощь. Спасибо вам, Марианна Бастид-Брюгьер, Фредерик Бозо, Аглаэ Бюстани, Марианна Ярославская, Франсина-Доминика Лихтенхан, Сильви Мартен, Сюзанна Пуршье и Клер Вернон.

В том, что касается издания на русском языке, я должна выразить свою глубокую признательность Французскому Национальному книжному центру за его великодушную поддержку, а также директору издательства РОССПЭН Андрею Константиновичу Сорокину, который отнесся к проекту доброжелательно и с энтузиазмом. Кроме того, я выражаю самую горячую благодарность моим двум молодым переводчикам, Антону Юрьевичу Петрову и Алексею Юрьевичу Терещенко, за их самоотверженность и очень старательную работу.

Наконец, эта биография не могла бы быть начата и тем более завершена без постоянной помощи моих родных — поэтому книга посвящается им.



К ЧИТАТЕЛЮ

Императорская Россия жила по юлианскому календарю, который на одиннадцать дней в XVIII в. и на двенадцать дней в XIX в. отставал от григорианского календаря, принятого в остальных европейских странах. Чтобы избежать постоянного использования двойной датировки и не надоесть этим читателям, я решила, за редкими исключениями, указанными в сносках, поступить следующим образом: все даты, относящиеся к внутренним аспектам царствования Александра I, даны по юлианскому календарю, который положен в основу повествования. Даты, имеющие отношение к международным событиям (сражения, встречи дипломатов, подписания договоров и т. д.) и часто известные читателю, также даны по юлианскому календарю, но при этом снабжены сносками, в которых содержатся их эквиваленты по григорианскому календарю. Наконец, когда речь шла о событиях, напрямую не связанных с русской историей (например, франко-английских или франко-пруссских отношениях), даты даны по григорианскому календарю, что представляется логичным.

Все географические названия (города, деревни, области и т. д.) представлены в их современной версии; они снабжены сносками с указанием наименований, бывших в ходу в царствование Александра I, поскольку в течение двух последних столетий эти названия менялись.



ВВЕДЕНИЕ

В истории императорской России император Александр I занимает особое место. Действительно, редко крупные политические фигуры вызывали у современников столько споров и противоречивых суждений. «Ангел небесный»¹ — в глазах своей супруги, императрицы Елизаветы Алексеевны, человек, наделенный «тонким умом» и «восхитительно всегда ровным настроением духа, качеством столь редким и драгоценным в монархе и проистекавшим из природной его доброты»², — в глазах графини С. Шуазель-Гуфье, он был всего лишь «коронованным Гамлетом» для А. И. Герцена, «северным Тальмой»³, «двуличным византийским греком» и «упрямым как осел» — для Наполеона⁴.

Если близкие Александра⁵ видели в нем человека искреннего, то согласно одной талантливой и убийственной характеристике, данной ему шведским послом в России Лагербильте, Александр I являл собой образчик двуличия: «...в политике тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, фальшив, как пена морская»⁶. Наделенный «прекрасным сердцем, но, возможно, несколько слабохарактерный» — в глазах австрийского военного атташе в Санкт-Петербурге К. фон Штуттерхайма⁷, — он, напротив, описывается маркизом А.-О.-Л. Колленкуром как человек с характером: «Полагать, что он слаб, было бы ошибкой. Несомненно, он способен выдержать многие испытания, скрывая свое недовольство... но он не выйдет за пределы начертанного им же самим круга; здесь он, ничуть не притворяясь, проявит железную твердость»⁸.

Несмотря на свою противоречивость, эти представления свидетельствуют об одном несомненном факте: являясь объектом лести или злобы, воплощением надежд, желаний или разочарований, Александр I оставался, несмотря на продолжительность — почти двадцать пять лет — своего царствования, личностью неуловимой, «сфинксом, неразгаданным до гроба»⁹ — одним словом, загадкой. А его внезапное исчезновение, произошедшее при загадочных обстоятельствах в 1825 г., когда императору еще не исполнилось и сорока восьми лет, создало вокруг него дополнительный ореол загадочности, породив самые нелепые слухи и внося раскол в ряды современников¹⁰.

Загадочный при жизни, Александр сохранил это свойство и впоследствии, поскольку — и это не самый большой парадокс, связанный с этим персонажем, — многочисленные исторические труды, объектом исследования в которых становился российский император, тем не менее не создали его однозначного образа. Скорее наоборот.

Начиная с XIX в. некоторые биографы подчеркивают контрастность суждений об Александре и необходимость учитывать это обстоятельство при объяснении противоречий, характерных для его правления¹¹. В самом начале XX в. в авторитетном исследовании великого князя Николая Михайловича подчеркивалась слабохарактерность Александра¹², тогда как в труде, написанном несколько позднее польским историком К. Ф. Валишевским¹³, акцент делался на двуличности императора и его склонности скрывать свои мысли и чувства. Таким образом, оба автора способствовали созданию мрачного ореола вокруг личности Александра I. Многие дореволюционные историки соглашались с тем, что именно в детстве¹⁴, в тех трудных годах, когда Александр стараниями обожавшей его бабки Екатерины II был оторван от своих родителей — будущего императора Павла I и его супруги Марии Федоровны — следовало искать истоки пресловутой «двуличности» и слабохарактерности будущего императора.

В дальнейшем, начиная с межвоенного периода и до наших дней, интересовавшиеся Александром I историки также рисовали контрастные портреты императора, предлагая множество пристрастных объяснений и категоричных высказываний. Действительно, если большинство исследователей сходилось во мнении относительно скрытности характера Александра, который представлялся им «северным сфинксом»¹⁵, «загадочным» царем¹⁶, «мистиком»¹⁷ и даже «блуждающим огоньком»¹⁸, их суждения обретали еще более полемический характер, когда речь шла о политике: «князь иллюзий»¹⁹ (у Д. Оливье), «царь-идеолог»²⁰ (у П. Рэна), банальный самодержец (у М. Клименко²¹), тогда как в глазах А. Макконелл²² Александр I предстает «патерналистским реформатором»; В. Федорову император виделся человеком жестким, скрытным, «республиканцем на словах, но самодержцем на деле»²³, а А. Н. Сахаров²⁴ видел в нем исключительно сложную личность, раздираемую внутренними противоречиями.

В этой связи написание очередной биографии Александра I может показаться невысказанной затеей, учитывая, насколько трудным оказывается создание целостного образа этого исторического деятеля. Но в то же время большая значимость царствования Александра I

для истории России и тех изменений, которые претерпели международное положение и статус страны за двадцатипятилетний период его правления, подталкивают историка к тому, чтобы взяться за столь непростой труд²⁵.

Действительно, в царствование Александра в России произошли крупные изменения. В сфере внутренней политики поначалу были предприняты реформы в либеральном духе, среди которых в первую очередь следует назвать реорганизацию центральных органов управления и создание нескольких университетов, тогда как вторая половина царствования, напротив, ознаменовалась созданием ужасных военных поселений графа А. А. Аракчеева. На международной арене Российская империя, проводившая очень активную политику территориальной экспансии, присоединила сначала Финляндию, затем Бессарабию, после чего расширила свои владения в направлении Кавказа и ступила на американский континент. В то же самое время, переходя от военных столкновений к вооруженному миру, она заняла господствующее положение среди европейских держав. Однако именно в годы царствования Александра I Россия пережила одно из самых трагических событий своей истории — вторжение наполеоновской армии и пожар в Москве, ее священной столице, в 1812 г. А ведь в каждом из этих эпизодов роль Александра I, его решения, подходы, восприятие событий имели определяющее значение — как вследствие самодержавной природы императорской власти, так и в силу особенностей личности самого императора.

Именно с целью лучше узнать и понять тот исключительно важный двадцатипятилетний период я решила поведать о жизни Александра I, опираясь на обширнейшую библиографию и используя чрезвычайно объемный корпус различных архивных и опубликованных материалов. Ибо во время подготовки собственного лекционного курса мне показалось, что ряд работ, посвященных императору Александру I, всего лишь дополняют более ранние исследования, которые, в свою очередь, воспроизводили труды предшественников, при этом не опираясь непосредственно на архивные источники... Чрезмерное доверие к более ранним работам способствовало тому, что в новых трудах повторялись и усиливались некоторые утверждения, даже стереотипы в том что касается личности и образа царствования Александра I — при полном отсутствии попыток их проанализировать и тем более опровергнуть. Чтобы избежать подобных недостатков, было крайне важно вернуться к изуче-

нию первичных документальных источников, созданных в годы правления Александра I.

С этой целью я в первую очередь задействовала материалы РГИА, и прежде всего личные фонды династии Романовых (в частности, фонд Александра I²⁶), а также очень ценные рукописные фонды библиотеки Зимнего дворца. В этих фондах хранятся документы на французском (большей частью) и русском языках. Кроме того, я имела возможность поработать в дипломатических архивах многих европейских стран (Франции, Великобритании, Ватикана), а также обогатить свое исследование за счет использования не только официальных, но и частных документов из архивов знатных российских, польских и итальянских семей, равно как и источников церковного характера (архивы ордена иезуитов)²⁷.

Более полному пониманию этих документов способствовало привлечение переписки, свидетельств современников и многочисленных мемуаров, часто написанных выдающимися и приближенными к императору людьми: его бабкой Екатериной II, супругой Елизаветой Алексеевной, различными наставниками, а также государственными мужами, военными, дипломатами, придворными, художниками, писателями и писательницами, которые желали оказаться в числе его приближенных и услужить или, напротив, воспротивиться и вступить с ним в борьбу. Несмотря на полифоничность и контрастность, даже противоречивость встречающихся в источниках сведений, они помогли мне лучше ухватить сущностные характеристики личности Александра I, выявить малоизученные стороны его правления — ключевую роль, сыгранную его республикански настроенным наставником, его отношения с матерью, эклектичность его религиозных взглядов — равно как и совершенно по-новому взглянуть на противостояние Александра I с Наполеоном, его европейскую мечту и желание осуществить слияние Восточной и Западной церквей.

Наконец, мне показалось важным дать читателю возможность услышать голос Александра I: с этой целью в книге настолько, насколько это возможно, используются его труды, написанные как для частных лиц, так и для широкой публики, а также ценная переписка императора²⁸. Попеременно серьезная и непринужденная, непосредственная и сдержанная, личная и публичная, эта богатая переписка в сочетании с другими источниками позволила автору слегка приподнять завесу тайны, окутывающую личность российского императора, и прояснить смысл странного высказывания Наполеона, который, находясь в ссылке на о. Св. Елены, заявил Лас-Каз:

«Что касается императора России, этот человек стоит неизмеримо выше всех и вся его окружающих: у него довольно ума, изящества, образования. Его легко обворожить, но ему нельзя доверять, ибо он не чистосердечен. Это настоящий византийский грек. <...> Возможно также, что он вводил меня в заблуждение; ибо он ловок, лжив, искусен. Он может далеко пойти. Если я здесь умру, он станет моим истинным преемником в Европе»²⁹.



ПРОЛОГ

Смерть Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.

Утром 12 марта 1801 г., во время своего первого официального выхода в качестве императора, Александр I, двадцати трех лет от роду, предстал перед собравшимися в Зимнем дворце придворными в странном образе растерянного, убитого горем человека:

«Новый император шел медленно, колена его как будто подгибались, волосы на голове были распущены, глаза заплаканы, смотрел прямо перед собою, редко наклонял голову, как будто кланялся; вся поступь его, осанка, изображали человека, удрученного горестию и растерзанного неожиданным ударом рока»³⁰.

Страдания и печаль сочетались с сильными угрызениями совести. После возвращения весной 1801 г. в Россию, откуда он был изгнан Павлом I, друг детства Александра I польский князь Адам Чарторыйский услышал (по его словам) от императора следующее:

«Если бы вы были здесь, ничего этого не случилось бы: имея вас подле себя, я не был бы увлечен таким образом». Затем он рассказал мне о смерти своего отца, выражая при этом непередаваемое горе и раскаяние. Это грустное и несчастное событие в продолжение некоторого времени часто служило темой наших разговоров»³¹.

И далее:

«На мои увещевания, на мои слова, с которыми я к нему обращался, желая поднять в нем энергию и надежду, он отвечал: “Нет, это невозможно; против этого нет лекарств, я должен страдать; как хотите вы, чтобы я перестал страдать? Этого изменить нельзя”. <...>

Не раз, когда разговор переходил на эту грустную тему, император Александр повторял мне подробности того, как он предполагал устроить отца в Михайловском дворце, предоставив ему, по мере возможности, пользование загородными императорскими дворцами. “Ведь Михайловский дворец, — говорил он, — был любимым жилищем отца, ему было бы там хорошо, он имел бы в своем распоряжении весь Летний сад для прогулок верхом и пешком”»³².

Почему же Александр испытывал чувство вины? Что же произошло в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.?

Трагедия, разыгравшаяся тогда в стенах мрачного Михайловского замка, в который императорская фамилия въехала всего за месяц

до описываемых событий³³, была столь же беспорядочной и сумбурной, что и ее описания — разноречивые и даже противоречивые. Не имея возможности установить в точности обстоятельства смерти Павла I³⁴, мы ограничимся тем, что восстановим общий ход событий.

Около часа ночи, у Павла I, разбуженного самым грубым образом группой сильно нетрезвых офицеров, которые сумели пробраться в спальню императора без ведома приближенных к нему гвардейцев и придворного лакея, было время лишь на то, чтобы спрятаться за портьерой. Будучи быстро выгнан из своего жалкого укрытия, он попытался, несмотря на обуревавший его страх, противиться самозванцам, наотрез отказавшись подписывать навязываемое ему отречение от престола. Раздраженные отказом офицеры набросились на императора и под покровом темноты, царившей в комнате, начали его душить, пока один из них не нанес Павлу смертельный удар. В рукописи, подготовленной в 1826 г. на основе свидетельств, предоставленных участниками заговора несколько лет спустя после смерти Павла I, граф А. Ф. Ланжерон, французский эмигрант, перешедший на российскую службу, писал:

«У убийц не было ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить императора. Мне говорили, Каряткин отдал свой шарф: именно им был задушен Павел. Неизвестно, кому именно император обязан своей жестокой кончиной. Все заговорщики принимали в этом участие, однако представляется, что князья Яшвиль и Катаринов более других виноваты в этом ужасном преступлении. Представляется, что Николай Zubov, своего рода мясник, жестокий и разгоряченный большим количеством вина, ударил его кулаком, и золотая табакерка, которую он держал в руке, острым углом угодила Павлу под левый глаз»³⁵.

Путаница и неясность в равной степени преобладают в рассказе младшего сына императора, Константина Павловича, о событиях той ночи:

«Я не испытываю никаких терзаний и сплю так же, как спал в двадцать лет. Платон Zubov [последний фаворит Екатерины и один из главных вдохновителей заговора. — *Авт.*], будучи пьян, вошел в комнату, наделав много шума (к тому моменту мой отец уже час, как был мертв). Zubov грубо сорвал с меня одеяло и дерзко сказал мне: “Поднимайтесь, идите к императору Александру, он вас ждет”. Можете себе представить, как я был удивлен и напуган этими словами. Я смотрел на Zubova, проснувшись лишь наполовину и полагая, что мне снится сон. Платон грубо потянул меня за руку, чтобы заставить встать, я надел панталоны, ботинки и машинально проследовал за Zubовым. Из осторожности я захватил свою польскую саблю, которую мне подарил князь Лубоминский в Ровно, чтобы защитить себя в случае покушения на мою жизнь, поскольку я понятия не имел, что могло произойти. Я пришел в прихожую своего брата. Там я застал очень шумную и возбужденную толпу офицеров и та-

кого же пьяного Уварова, который сидел на мраморном столе, свесив ноги.

Я зашел в гостиную своего брата и застал его, равно как и императрицу Елизавету, лежащими на диване в слезах. Только тогда я понял, что мой отец был убит. *Я был настолько ошеломлен этой новостью, что сначала подумал, что это был иностранный заговор против нас всех*» (курсив мой. — Авт.)³⁶.

Однако несмотря на то, что при реализации заговора было много неразберихи и несогласованности действий, сам по себе заговор не был импровизацией. Напротив, он был тщательно продуман и подготовлен задолго до смерти Павла I.

С 1798–1799 гг. при дворе поползли слухи о готовящемся царевубийстве, и в ближайшем окружении императора, вокруг графа Никиты Петровича Панина, начала складываться оппозиция.

Вице-канцлер и племянник бывшего канцлера Екатерины II, друг детства Павла I, Н. П. Панин открыто придерживался либеральных и англофильских взглядов, которые также разделяли адмирал О. М. де Рибас, братья Зубовы и их сестра Ольга Жеребцова, бывшая тогда любовницей английского посла лорда Ч. Уитворта. Испытывая глубокое беспокойство по поводу эволюции государственного устройства России, которое, по их мнению, становилось все более деспотичными и опасно англофобским, небольшая группа людей, часто собиравшаяся у Ольги Жеребцовой, мало-помалу разрабатывала проект бескровного устранения от власти императора в пользу его сына Александра, которого собирались назначить регентом. Речь, таким образом, шла о проведении тихого дворцового переворота. Однако проект не имел ясных очертаний. Весной 1800 г. братья Зубовы и их сестра — служившие при Екатерине II и в силу этого являвшиеся в глазах Павла I воплощением ненавистного ему времени, которому, как он считал, настал конец, — были высланы из Санкт-Петербурга. Незадолго до этого, 27 мая 1800 г., лорд Ч. Уитворт, ставший жертвой кризиса, наметившегося в русско-английских отношениях, был вынужден покинуть Россию. Тогда идея заговора казалась скомпрометированной, но Панин от нее не отказывался, о чем практически открытым текстом говорилось в письме, которое отправил ему лорд Ч. Уитворт накануне своего отъезда:

«Но как выразить другу, которого я люблю, которого уважаю, ту скорбь, что я испытываю, расставаясь с ним. Примите, мой дорогой граф, прощальные пожелания человека, который к вам нежно привязан. Думайте обо мне, как я часто думаю о вас. Последняя молитва, которую я вам посвящаю, призвана придать вам храбрости, терпения и смирения. *Подумайте, как много зависит от вас в столь критической ситуации. Учитывая вашу преданность делу, я не теряю надежды и уповаю на то, что увижу вас снова...*» (курсив мой. — Авт.)³⁷.

Именно тогда Панин начал сближаться с Александром. Он попытался, поначалу безуспешно, заручиться — во время тайной встречи в бане — молчаливым согласием цесаревича относительно своего проекта. Одновременно он занялся подготовкой материальной составляющей своих планов при финансовой поддержке лорда Уитворта. Действительно, в британских архивах имеются сведения о том, что в мае 1800 г. лорд Уитворт получил и истратил 40 тыс. руб., которые, как он впоследствии утверждал, были «необходимы для завершения моей миссии» и выделены «с согласия секретных служб Ее Величества»³⁸. В своем тщательном исследовании, посвященном этой теме³⁹, историк Д. Кенней утверждает, что значительная часть этой суммы была, несомненно, направлена на подкуп лиц, приближенных к Павлу I. Так, Кутайсов, парикмахер и конфидент императора, скорее всего получал от англичан деньги и должен был добиться от Павла разрешения на возвращение в Санкт-Петербург братьев Зубовых. Из материалов британских архивов следует, что министерство иностранных дел Великобритании, разумеется, не было непосредственным инициатором убийства. Однако английские секретные службы, получив известия о готовящемся заговоре, отдали инициативу в руки Ч. Уитворта: поскольку тот возвратился в Лондон еще в мае 1800 г., почти за десять месяцев до успешной реализации заговора, его нельзя было ни в чем обвинить.

В ноябре 1800 г. попавший в немилость Н. П. Панин был вынужден, в свою очередь, покинуть Петербург, и с этого времени граф Петр Алексеевич Пален — дальний родственник Панина и военный губернатор Санкт-Петербурга, становившийся все большим противником англофобской политики Павла I, — берется за обеспечение практической реализации заговора, в этом ему помогают щедрые денежные вливания англичан, поступавшие к нему через Панина.

Пален начинает с умелой работы в рядах армии, особенно в полках лейб-гвардии, где он на протяжении нескольких месяцев распространяет инсинуации и критику относительно деспотизма и произвола императора⁴⁰; затем он посвящает себя методичной подготовке переворота:

«Я хотел бы, чтобы мне помогали более надежные люди, чем вся эта толпа ветрогонов⁴¹; я хотел бы иметь возможность положиться на друзей, чья сила и храбрость мне известны. Я хотел бы иметь в своем распоряжении братьев Зубовых и Беннигсена, но как сделать так, чтобы они вернулись в Петербург? Они попали в немилость, были высланы из столицы, у меня нет ни единого предлога, чтобы положить конец их изгнанию»⁴².

Пользуясь доверием императора и полагаясь на денежные средства, переданные ему Н. П. Паниным для подкупа Кутайсова и прочих лиц, П. А. Пален вырывает у Павла I разрешение на амнистию

для нескольких сотен офицеров, которым был запрещен въезд в столицу. Именно среди этих исполненных недовольства и униженных людей граф наберет себе приспешников, всего около шестидесяти человек, в том числе генерала Л. Л. Беннигсена, троих братьев Зубовых, генерала П. А. Талызина, командира Преображенского полка генерала Ф. П. Уварова, командира кавалергардов и по совместительству грузинского князя В. М. Яшвиля. П. А. Пален, высоко ценимый Павлом I, который 18 февраля 1801 г. назначил его главным директором почт, а два дня спустя — первоприсутствующим членом Коллегии иностранных дел, оставался верен своему плану. Но чтобы добиться поставленной цели, ему следовало заручиться если не поддержкой великого князя Александра, то по крайней мере его молчаливым согласием. Именно с этой целью он пообещал Александру, что его отец останется в живых:

«В течение более полугода мои проекты останавливались перед необходимостью свержения императора Павла. Но мне казалось невозможным (и это действительно было так) действовать без согласия или даже содействия великого князя Александра, или по меньшей мере без того, чтобы поставить его в известность.

Я расспросил его на эту тему, но сначала зашел издалека, говорил неопределенно и ограничился тем, что бросил несколько слов об опасных чертах характера его отца. Александр меня выслушал, вздохнул и ничего не ответил.

Это было не то, чего я добивался. Наконец, я решился сломать лед и сказать ему прямо и откровенно о том, что мне казалось необходимым сделать. Александр сначала, казалось, воспротивился моему проекту: он сказал мне, что сознает опасности, грозящие как империи, так и ему самому и его близким, но что он готов вынести все страдания и решил ничего не предпринимать против своего отца.

Я не унывал и посредством новых неотступных просьб, заставляя его ощутить необходимость перемен, которая с каждым днем из-за новых безумств делалась все острее, посредством лести и изображения страшных картин его собственного будущего, говоря, что выбирать приходится между тронem или тюрьмой, а возможно, и смертью, я смог поколебать его сыновнюю жалость и даже заставить его решиться на развязку, неотложность которой он сам не мог не осознавать.

Но по правде я должен сказать, что великий князь Александр ни на что не соглашался, не взяв с меня самое священное слово, что на жизнь его отца не будут покушаться, и я его дал. Я был в своем уме и не мог взять на себя обязательство выполнить невозможное. Но мне нужно было успокоить совесть моего будущего императора и я потворствовал его намерениям, будучи уверен в том, что они не будут исполнены. Я прекрасно знал, что следовало либо доводить переворот до конца, либо не предпринимать его вовсе и что, если бы Павел I остался в живых, двери его тюрьмы вскоре отворились бы, началась бы самая страшная реакция и кровь невинных, равно как и виноватых вскоре залила бы столицу и губернии. У им-

ператора появились некоторые подозрения относительно моих связей с великим князем Александром. Мы не могли этим пренебрегать: я не мог появиться в покоях цесаревича, мы не смели вести продолжительные беседы, за исключением лишь тех отношений, которые предполагало занимаемое нами положение. Поэтому мы обменивались мыслями и договаривались о предстоящих действиях посредством записок (вещь, которую я считал неблагоприятной и опасной, но необходимой). Эти записки передавались через графа Панна, который приносил мне ответные записки от Александра: мы их читали, писали ответ и тотчас же их сжигали»⁴³.

С этого времени, пользуясь согласием Александра, Пален решает перейти к активным действиям в конце марта, но обстоятельства вынуждают его ускорить развязку. 7 марта в семь часов утра его вызвал император, которому только что стало известно, что против него замышляется заговор во главе с Паленом. Проявив присутствие духа и хладнокровие, Пален ответил, что он действительно принимает участие в заговоре, но лишь для того, чтобы лучше его контролировать и обезвредить в подходящий момент. Пален представил Павлу I список заговорщиков, включив в него имена великих князей Александра и Константина, а также императрицы Марии Федоровны. Уверившись в намерениях генерал-губернатора и его лояльности, Павел подписал указы об аресте троих «заговорщиков» и передал их Палену, поручив употребить их в дело, когда тот сочтет своевременным. Вооружившись этими документами, Пален тут же сообщил Александру об опасности, нависшей над ним и его приближенными, и тем самым убедил его в том, что настало время действовать. Тогда Александр выбрал для осуществления заговора ночь с 11 на 12 марта, поскольку гвардейцев, охранявших снаружи замок, в эту ночь должен был сменить третий батальон Семеновского полка, «в котором он был более уверен, чем в остальных»⁴⁴. Однако Александр в очередной раз призвал Палена пощадить жизнь своего отца.

С этого момента ход событий ускорился. Пока вечером 11 марта Павел, одолеваемый новыми подозрениями, сажал Александра и Константина под домашний арест и запрещал им выходить из замка, заговорщики собрались около одиннадцати часов вечера на квартире генерала Талызина, располагавшейся в Лейб-кампанском корпусе Зимнего дворца. Час спустя они построились для марша в направлении Михайловского замка, чьи толстые стены, рвы с водой и подъемные мосты, казалось, служили напоминанием о минувших временах. Первой группой руководил Пален, второй — Беннигсен и Платон Зубов. Поскольку Пален намеренно задержался для того, чтобы не принимать непосредственного участия в событиях в ключевой момент, Беннигсен и Зубов первыми добрались до императорских по-

коев и, таким образом, именно они несут непосредственную ответственность за смерть Павла I.

Не сомневаясь более в благоприятном исходе переворота, Пален быстро взял руководство в свои руки, поскольку его беспокоило то, как отнесутся к происходящему рядовые солдаты, многие из которых были глубоко преданы Павлу I. Именно он сообщил мрачные известия Александру и бросил начавшему было рыдать молодому человеку жестокую фразу («Полноте ребячиться. Ступайте царствовать, покажитесь гвардии!»⁴⁵) перед тем, как вывести его к полкам лейб-гвардии, собравшимся во внутреннем дворе Михайловского замка.

Новоявленный император выступил тогда перед ними со своим первым публичным заявлением. Уточнив, что его отец скончался от апоплексического удара, он подтвердил свое намерение продолжить дело своей бабки. Таким образом, на заре дня 12 марта юный Александр I решил начать свое царствование под знаком правления Екатерины II.

Некоторые биографы Александра интересовались вопросом его причастности к заговору, оборвавшему жизнь Павла I, и результаты проведенного ими анализа сильно отличаются друг от друга. Для тех из них, кто ссылался на свидетельства Палена, согласие Александра имело исключительно пассивный характер: цесаревич желал не смерти отца, но лишь его свержения. По мнению других, Павел никогда не отказался бы от власти добровольно, кроме того, сама природа самодержавной власти, полученной от Бога, препятствовала отречению от престола; вдобавок он был очень популярен в армии. Следовательно, роковой исход был неизбежен⁴⁶, и в глубине души Александр это прекрасно понимал⁴⁷. На поверку оказывается трудным разрешить этот спор. Конечно, не вызывает сомнений тот факт, что Александр боялся за свою жизнь и что заведенный его отцом порядок постепенно укреплял цесаревича в мысли о том, что он — с моральной и политической точек зрения — должен был взять на себя ответственность и завладеть тронном силой. В этом смысле он нес полную ответственность за произошедшее. С другой стороны, невозможно с точностью установить, действительно ли Александр искренне надеялся на то, что его отец останется в живых, или же пытался убедить себя в этом для того, чтобы избавиться от чувства вины.

Как бы то ни было и какова бы ни была степень причастности Александра, важно подчеркнуть, что чувство глубокой вины непрерывно преследовало Александра до конца дней. Супруга императора Елизавета Алексеевна начала тревожиться за него с той самой ночи, когда произошла трагедия и когда она написала своей матери: «Великий князь Александр, ныне император, совершенно подавлен

смертью своего отца, тем, каким образом тот был убит; его чувствительная душа вечно будет терзаема этим»⁴⁸.

Время так и не смогло унять чувство совершенной непоправимой ошибки: отце- и цареубийство — и то, и другое было смертным грехом перед лицом Господа. Умышленно ли или неумышленно было совершено убийство, воспоминание об этом навсегда осталось для Александра I незаживающей раной. Сама сила чувства вины и его продолжительное влияние на поведение императора предлагают историку пищу для размышлений над мотивами, двигавшими Александром во время драматических событий марта 1801 г. Почему и как этот двадцатитрехлетний цесаревич, мягкий и робкий юноша, годы спустя признававшийся себе в том, что он «всегда смущался показываться на публике»⁴⁹, решился или был вынужден примерить на себя роль отцеубийцы и «коронованного Гамлета»⁵⁰? Честолюбие, вкус к власти, цинизм или ненависть подтолкнули его к этому? Или же нужно учитывать всю совокупность более сложных и тонких обстоятельств? Ответы, по крайней мере частичные, следует искать в детстве и отрочестве Александра.

I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
ИМПЕРАТОРА
1777–1801



1

«ГОСПОДИН АЛЕКСАНДР»
И ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

«Знаете ли Вы господина Александра? Вы часто бываете в Версале? Известны Вам или нет слуги слуг господина Александра? По крайней мере это именно тот господин Александр, о котором столько раз спрашивали в “Простодушном”. Я бьюсь об заклад, что Вы вовсе не знаете того господина Александра, о котором я буду Вам говорить. Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр, который родился 12-го этого месяца в десять и три четверти утра. Все это, конечно, значит, что у великой княгини только что родился сын, который в честь святого Александра Невского получил торжественное имя Александр и которого я зову господином Александром, потому что он хочет жить, во что бы то ни стало; со временем его слуги станут его подданными. Вот увидите, чего стоят бабушкины прозорливые пророчества и сплетни... Но, Боже мой, что выйдет из мальчугана? <...> Я утешаю себя тем, что вспоминаю Бейля и отца Тристрама Шенди, который придерживался того мнения, что название влияет на суть предмета. Черт возьми, это известное имя: многие прославившиеся люди, если не мастера своего дела, носили его. Могут ли с этим помочь примеры из истории семьи, как вы думаете? Выбор несколько смущает. Примеры здесь не помогут. Говоря словами евангелия почтенного пастора Вагнера, все делает природа, но где ее найти? Не есть ли это основание хорошей конституции? <...> Жаль, что волшебницы вышли из моды; они одаривали ребенка, чем хотели; я бы поднесла им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а уж опытность доделает почти все остальное. Прощайте. Берегите себя»¹.

14 декабря 1777 г. именно в этих жизнерадостных и вдохновенных словах императрица Екатерина II сообщила немецкому барону Гримму о рождении своего первого внука. Проживавший в Париже Фридрих Мельхиор Гримм был автором «литературной переписки», которую он разослал в количестве пятнадцати экземпляров исключительно королям и принцам, жаждавшим быть в курсе культурной жизни Парижа. Заботясь о создании своего образа просвещенного монарха, Екатерина подписалась на это издание². В 1773 г. Гримм отправился в Санкт-Петербург по приглашению императрицы и после возвращения в Париж, получая от Екатерины жалование, завел с ней переписку. Эта переписка, которая велась регулярно на протяжении

более двадцати лет и затрагивала самые различные темы — Фридрих Мельхиор Гримм сделался сразу конфиденнтом, информатором, культурным агентом и агентом влияния императрицы, — представляет собой ценный источник с точки зрения понимания психологии и внутреннего мира Екатерины II. Действительно, письмо, в котором императрица сообщает о рождении Александра, свидетельствует о ее радости, но также и об испытываемом ею беспокойстве: «Боже мой, что выйдет из мальчугана?», — писала она.

12 декабря в Петропавловской крепости и Адмиралтействе прогремел 201 пушечный залп, в большой дворцовой часовне отслужили благодарственный молебен. Восемь дней спустя в Имперской часовне Зимнего дворца ребенка крестил отец Иоанн Панфилов, духовник императрицы. Павел решил назвать своего сына Александром в честь Александра Невского, святого покровителя Санкт-Петербурга. Екатерина II, крестная мать новорожденного, добилась того, чтобы крестными отцами ребенка стали австрийский император Иосиф II и прусский король Фридрих II, хотя они и не присутствовали на крещении. В глазах императрицы ничто не могло быть более торжественным и почетным, чем возможность приветствовать рождение будущего российского императора, правление которого, по ее мнению, не могло стать ничем иным, кроме как продолжением ее собственного царствования.

Когда родился Александр, Екатерине II было 48 лет. Она правила с 28 июня 1762 г. — даты военного переворота, который привел к низложению и убийству ее мужа Петра III и возвел на престол ее, Софию Ангальт-Цербстскую, принцессу из небольшого германского княжества. За пятнадцать лет своего правления Екатерина II ощутило укрепила мощь России и провела крупные внутренние преобразования. Однако в целом ее достижения к 1777 г. имели как положительные, так и отрицательные стороны. Екатерина уже тогда видела себя просвещенным монархом, но тем не менее оставалась приверженницей самодержавной власти, вдали от которой она сознательно держала своего сына.

Российская империя в 1777 г.: могущество и модернизация

С 1762 г. Екатерина II пошла по стопам Петра Великого и подтвердила свое желание продолжить начатое им дело активными дипломатическими и военными действиями на международной арене, а в политике внутренней — посредством реформ и модернизации.

В плане дипломатии заветным желанием Екатерины II было обеспечить Российской империи видное место в европейских делах. По ее мнению, Россия должна была участвовать в европейском концерте

наравне с Англией, Францией, Австрией и Пруссией и тем самым попытаться добиться господства в континентальной Европе. С этой целью Екатерина с 1763 г. поручила Никите Панину, поставленному во главе Коллегии иностранных дел, руководство российской дипломатией. При поддержке Уильяма Питта Старшего, премьер-министра Великобритании, Панин незамедлительно стал продвигать идею — реализовать ее на практике — план создания «Северного аккорда» (согласия)*, союза России с Пруссией, Англией и Данией, направленного против Бурбонского союза, куда входили католические страны — Франция, Испания и Австрия.

Этот выбор во многом объяснялся экспансионистскими взглядами Екатерины II: желая расширить южные границы России до Черного моря за счет владений Османской империи, союзницы Франции, она нуждалась в мощной поддержке на международной арене. Укрепив свое положение благодаря «Северному аккорду», Россия в 1768 г. начала войну с Высокой Портой. Шесть лет спустя, в 1774 г., война закончилась подписанием выгодного для России Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Договор признавал важные территориальные приобретения Российской империи: она получала право обосноваться на северном побережье Черного моря, присоединить Керчь и провозгласить Крымское ханство, независимое от Османской империи. Кроме того, договор давал России экономические преимущества, которые не стоит недооценивать, поскольку отныне российским купцам было предоставлено право свободного мореходства в Черном море и его проливах. Наконец, с политической точки зрения, хотя провинции Молдавия и Валахия до времени оставались османскими владениями, Россия получила право следить за положением христиан на территории Высокой Порты. Последний пункт имел фундаментальное значение: он действительно придавал российскому государству большой вес в международных делах, превратив его в защитника христианских народов, «томящихся в плену у нечестивцев».

Российская экспансия в Европе равным образом осуществлялась за счет территорий Польши. Здесь речь шла о том, чтобы воспользоваться ослаблением польского государства, оказавшегося во власти

* Или иначе «Северная система». союз, который российская дипломатия пыталась создать в 60-х годах XVIII века. В «Северный аккорд», помимо названных стран, должны были войти Швеция и Речь Посполитая. Проект Панина оказался неосуществимым, поскольку он стремился соединить государства, интересы которых были совершенно разнонаправленными. (Прим. ред.)

процесса глубокого разложения, и присоединить земли, некогда являвшиеся частью Киевской Руси. В 1772 г. первый раздел — всего их было три, — проведенный Австрией, Пруссией и Россией, окончательно отрезал от Польши одну треть ее территорий и населения: Российская империя тогда получила земли, прилегавшие к Полоцку, Витебску и Могилеву, а также часть Литвы. В общей сложности России досталось население численностью 1,3 млн и земли площадью 85 тыс. км², что значительно расширило территорию империи.

Если территориальный рост и служил для Екатерины II свидетельством усиливавшегося влияния России, его было недостаточно для того, чтобы сделать из страны великую державу — именно это обстоятельство вызвало к жизни политическую и экономическую модернизацию, предпринятую императрицей с первых лет правления.

Совершенно очевидно, что это предприятие было не из легких: прежде всего потому, что, пережив такие напасти, как монгольское иго, ужасы правления Ивана IV и религиозный раскол³, начало которому было положено в 1660-х гг., Россия оставалась в стороне от тех мощных идейных течений — Возрождения, гуманизма и Реформации, — которые обогатили Европу. По этой причине она играла роль «пария» на культурной сцене Европы. Затрудняла процесс модернизации и архаичная социальная структура российского общества. Служилое дворянство было покорным и неохотно выступало с инициативами. Духовенство, часто плохо образованное, не могло взять на себя роль культурного авангарда, как это в свое время произошло в Западной Европе. Крестьянская масса находилась в крепостной зависимости и не владела грамотой. В силу всего перечисленного российское общество середины XVIII в. сильно противилось любым переменам.

Осознавая, сколь серьезные препятствия стоят у нее на пути, Екатерина II с целью осуществления глубокой и всеобъемлющей модернизации общества, к которой она стремилась, прибегла к мерам не столько принудительным, сколько пробуждавшим инициативу.

Конечно, как и в царствование Петра I, всеобъемлющий контроль всегда находился в руках самодержавного государства, воплощением которого являлась императрица, слишком трепетно относившаяся к своим исключительным правам, чтобы пустить на самотек реформы, целью которых была политическая, социальная, экономическая и культурная модернизация России. В 1764 г., желая запустить крупную реформу действующего законодательства, Екатерина II издала «Наказ» Уложенной комиссии, призванный задать рамки для буду-

щей работы комиссии. В пространном тексте, в основу которого были положены трактаты «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлении и наказании» Ч. Беккариа, откуда Екатерина без зазрения совести заимствовала многие идеи, российская императрица высказывалась по очень конкретным вопросам, призывая, например, к отмене пыток. Однако, несмотря на первоначальные амбициозные замыслы, деятельность комиссии не оправдала возлагавшихся на нее надежд: получив задание поразмыслить над изменениями, которые можно было бы внести в действующие законы, комиссия заседала лишь в 1767–1768 гг., и ее работы не дали конкретных результатов⁴. Зато более законченный вид имела губернская реформа, которая проводилась в 1764–1775 гг. и в результате которой на благо подданных Российской империи удалось создать более единообразную, эффективную и более отзывчивую к нуждам населения систему. В Жалованной грамоте дворянству, которую Екатерина II издала 21 апреля 1785 г., предусматривалось укрепление прав дворянства, грамота была нацелена прежде всего на то, чтобы сделать из этого сословия главное действующее лицо своего рода политической модернизации. Освобожденные от уплаты налогов и телесных наказаний дворяне могли по собственному желанию поступать на государственную службу и получили разрешение избирать губернские дворянские собрания, имевшие право направлять губернаторам свои прошения. Параллельно, в целях ускорения модернизации страны, Екатерина II, вдохновленная трудами английских либеральных экономистов, начала поощрять частную инициативу и свободу торговли. В октябре 1762 г. указом императрицы были отменены монополии в торговле промышленной сфере, всякий российский подданный, за исключением обитателей Москвы и Санкт-Петербурга, отныне получал право стать «предпринимателем», а тысячам государственных крестьян⁵ позволялось занятие ремесленным производством тканей, кожи и гончарных изделий. Желая добиться скорейших успехов в деле модернизации страны, императрица, кроме того, заимствовала технические умения европейцев, которых она привлекала в Россию за щедрое вознаграждение, как то было, например, в случае с английским адмиралом Ч. Ноулзом, который был приглашен в качестве эксперта для участия в модернизации российского флота. Однако — и это очень интересно — призыв российской императрицы был обращен не только к европейской элите: Россия также создавала благоприятные условия для массового приезда свободных крестьян из Центральной Европы. Привлеченные особенно выгодными налоговыми, финансовыми и правовыми условиями, несколько тысяч немцев начали ко-

лонизацию Волжского бассейна, благодаря чему черноземные земли южной России впоследствии превратились в хлебную житницу Российской империи.

Наконец, для придания России того ореола, который принадлежал ей по праву, императрица позаботилась о том, чтобы открыть страну для культурного, художественного и интеллектуального влияния Европы.

Желая поскорее развернуть Россию в сторону просвещенной Европы, Екатерина II очень рано приняла меры к тому, чтобы облегчить распространение идей, идущих из западной части европейского континента. С этой целью она создала в 1768 г. специальное учреждение, которому был поручен перевод на русский язык художественных и научных произведений западноевропейцев. Екатерина создавала условия для проживания в России таких деятелей искусств из Европы, как Д. Кваренги, Э. М. Фальконе и Ч. Камерон, чья задача заключалась в том, чтобы знакомить Россию с европейским искусством неоклассицизма и руководить обновлением архитектурного облика Санкт-Петербурга.

Культурная и интеллектуальная открытость европейским веяниям проявилась также в поведении императрицы: она любила писать — помимо мемуаров, из-под ее пера вышли несколько исторических очерков и театральных пьес — и поддерживала постоянную переписку с Д. Дидро, Ф.-М. А. Вольтером и, как было отмечено выше, с бароном Ф. М. Гриммом. Однако не следует заблуждаться на счет истинного смысла этого литературного обмена: если он и свидетельствует об искренней открытости Екатерины II идеям европейского Просвещения, он также был нацелен на то, чтобы наглядно продемонстрировать европейскую сущность России и представить самодержицу в образе современного монарха, открытого и просвещенного, полностью порывавшего с «варварским» наследием XVI и XVII в. Именно заботой о своем имидже объясняется эффектный и щедрый жест российской императрицы по отношению к Дидро: она купила его библиотеку, оставив за ним право пользоваться ею до самой смерти.

В 1777 г. Екатерина II, с 1762 г. продолжавшая дело, начатое Петром I, стремилась сделать Россию более современной, лучше управляемой, более терпимой и находящейся под влиянием идей Просвещения. Однако не следует преувеличивать масштаб привнесенных изменений — первые пятнадцать лет царствования Екатерины II обнаружили ее приверженность самодержавной форме правления и отказ уступать хотя бы крупицу своей власти, особенно своему сыну Павлу.

Безраздельная самодержавная власть

Начиная с 1760–1770-х гг. Россия действительно открылась идеям энциклопедистов XVIII в., но в 1777 г. политическое влияние просветителей по-прежнему оставалось очень ограниченным, и вопрос о пересмотре самодержавных основ государства больше не поднимался. Законодательные реформы, поначалу поощряемые Екатериной II, быстро провалились, о чем свидетельствовала неудача, постигшая Уложенную комиссию. Кроме того, намечавшиеся взрывы народного недовольства или нападки, нацеленные на избавление от самодержавной опеки, подавлялись систематически и жестоко.

В 1770 г. на Россию обрушилась чума. Весной 1771 г. это бедствие, которое в начале лета унесло около 400 жизней ежедневно, обрушилось на Москву. Неспособность властей остановить эпидемию — только в одной Москве от чумы умерло порядка 130 тыс. человек — вызвала вспышку народного негодования, которая вскоре переросла в восстание. Не желая медлить, Екатерина II поручила Г. Г. Орлову силой водворить порядок. Это было сделано в сентябре, и уже в начале следующего месяца эпидемия пошла на спад.

Екатерина II проявила бескомпромиссность и во время назревшего и начавшегося в 1772 г. бунта во главе с донским казаком Емельяном Пугачевым. Пугачев, которому тогда было тридцать лет, выдавал себя за императора Петра III (свергнутого с престола и убитого по приказу Екатерины) и изображал из себя легитимного правителя в противовес Екатерине II, узурпировавшей власть. В течение более чем двух лет он наносил поражения войскам императрицы, собрав собственную армию из казаков, беглых крепостных крестьян и уральского работного люда. Призывая к восстановлению более справедливой монархии и отмене крепостного права, он угрожал основам, на которых зиждилась империя. Однако в сентябре 1774 г. Пугачев в результате предательства соратников был схвачен и доставлен к генералу А. В. Суворову. Его жестокая смерть — в январе Пугачеву отрубили голову на Болотной площади в Москве, — равно как и суровые репрессии на Урале, свидетельствовали о беспощадности политического режима, который не считался с гуманистическими ценностями и их практическим воплощением, за что выступали просветители.

Открытость духу европейского Просвещения также не потрясла основ социального порядка. Конечно, в начале своего правления Екатерина II пыталась дать ход размышлениям о крепостном праве, но очень скоро ярко выраженная враждебность дворянства к любым изменениям в положении крепостных крестьян и быстро сформировавшаяся у императрицы убежденность в том, что Россия еще недоста-

точно созрела для столь масштабной реформы, разубедили Екатерину в ее необходимости. В 1762–1777 гг. положение крепостных крестьян непрерывно ухудшалось. Подобный итог вызывал вопросы у великого князя Павла, у которого сложились сложные отношения с императрицей, державшей его в стороне от государственных дел.

Павел родился в сентябре 1754 г. во времена правления своей двоюродной бабушки Елизаветы Петровны⁶. К тому времени великий князь Петр Федорович, племянник Елизаветы и наследник престола, и великая княгиня Екатерина Алексеевна состояли в браке уже девять лет. Быстро распространился слух о том, что ребенок родился не от Петра⁷, а скорее всего от С. В. Салтыкова, камергера великого князя. Елизавета Петровна, желавшая сохранить преемственность династии, закрыла на это дело глаза, отпраздновала рождение будущего императора в ходе двух блестящих празднеств и придворного бала-маскарада и с первых часов жизни младенца забрала его у родителей с тем, чтобы лично присматривать за его воспитанием. Петру и Екатерине было дозволено увидеть сына лишь через сорок дней после рождения, а за первые полгода его жизни они виделись с ним всего трижды.

В раннем детстве за Павлом присматривала многочисленная прислуга, кормилицы и гувернантки. С 1760 г. Елизавета Петровна поручила наблюдение за воспитанием цесаревича графу Н. И. Панину, который впоследствии стал его главным воспитателем. Под началом нескольких известных профессоров Павел изучал Священное Писание, русский, французский и немецкий языки, историю, географию, арифметику и физику. С годами он проявил себя как любознательный, но не слишком прилежный ученик. Елизавета Петровна, желавшая как можно раньше ознакомить его с отправлением власти, заставляла Павла присутствовать во время приемов иностранных послов, и ему редко позволялось играть с детьми своего возраста. У него не было друзей — за исключением А. Б. Куракина, племянника графа Н. И. Панина и А. К. Разумовского⁸ — и он не мог встречаться со своими родителями чаще одного раза в неделю.

Ребенком Павел был «красавцем, так что лица, видевшие в галерее графа Строганова его портрет, где он, в возрасте семи лет, изображен в парадном орденом рядом с портретом императора Александра I в том же возрасте и в том же костюме, спрашивали, отчего у графа Строганова один и тот же портрет встречается два раза»⁹. Но в 1764–1765 гг. Павел переболел оспой, после чего его лицо стало одутловатым и покрылось рубцами. Это отразилось на его характере: периоды подавленности и затишья отныне сменялись приступами гнева и возбуждения.

25 декабря 1761 г. после смерти Елизаветы Петровны новым императором стал великий князь Петр Федорович. Петр III сразу же принял популярные меры, среди которых следует упомянуть упразднение Канцелярии тайных и розыскных дел (полиции, творившей произвол и вызывавшей всеобщий ужас), понижение соляного налога и разрешение староверам, изгнанным из Москвы его теткой, вернуться и свободно исповедовать свою веру. Он провел секуляризацию монастырского имущества, тем самым переведя тысячи крепостных, которые подвергались очень суровому обращению, в разряд государственных крестьян, чья участь была менее тяжелой. Но если Петр III имел далеко идущие планы в сфере социального устройства, то в отношении армии он проявил бестактность, даже повел себя вызывающим образом: будучи германофилом, он начал переговоры с целью положить конец русско-прусской войне и заявил о своем намерении вернуть Пруссии земли, захваченные российской армией во время триумфального шествия по землям Восточной Пруссии. Еще важнее было то, что при поддержке прусского короля Фридриха II он готов был незамедлительно рассмотреть возможность войны против Дании, цель которой состояла в возвращении Шлезвига, ранее принадлежавшего его родственнику из династии Гольштейнов. После заключения 11 июня 1762 г. дипломатического и военного союза России с Пруссией недовольство в рядах российской армии достигло высшей точки.

Именно в этой напряженной ситуации Екатерина, обеспокоенная собственным будущим и сохранением жизни Павла, — Петр III никогда не заботился о Павле, зная, что он был не его сыном, и не упомянул о нем в своем манифесте, составленном в момент восшествия Петра Федоровича на престол, — решила на военный переворот. Не согласившись на роль регентши, как того ожидал граф Н. И. Панин, поддержавший Екатерину в этом начинании, последняя решила сосредоточить в своих руках всю полноту власти и короноваться, что делало ее правление легитимным в глазах церкви. 28 июня 1762 г., на следующий день после совершения переворота, Павел принес клятву верности новой императрице, которая в тот же день провозгласила его своим наследником. Однако семилетнему мальчику, державшемуся чопорно и настороженно в Казанском соборе, где проходила церемония, не суждено было познать материнской ласки, потому как его взросление прошло вдали от Екатерины.

Павел проживал в четырех километрах от Царского села. Два раза в неделю, утром, он наносил визит своей матери в сопровождении графа Н. И. Панина¹⁰. Из недели в неделю содержание бесед было похожим: ребенок хотел поплакаться матери, добиться от нее нежно-

сти, но Екатерина II казалась холодной и отдаленной, с подозрением относясь к тому, кто мог стать орудием заговора, нацеленного на ее свержение. В своих «Секретных записках о России...» полковник Ш. Массон, будущий поэт, проживавший в России с 1787 по 1797 г.¹¹ и впоследствии ставший секретарем великого князя Александра Павловича, исключительно сурово отзываясь о поведении Екатерины II в отношении сына:

«В детстве он проявлял качества, которые она подавила своим плохим с ним обращением: он был умен, энергичен, имел склонность к наукам, чувство порядка и справедливости — все это погубило, не получив должного развития. Она морально уничтожила своего сына после долгих сомнений относительно того, следовало ли ей от него избавиться. Ее ненависть по отношению к нему — единственное доказательство того, что он сын Петра III; и это очень веское доказательство. Она терпеть его не могла, держала на удалении от себя, окружала шпионами, унижала во всем, и в то время как фавориты императрицы, более молодые, чем ее собственный сын, правили Россией и купались в богатстве, Павел жил в уединении, не играя сколько-нибудь значимой роли и нуждаясь в самом необходимом»¹².

В то же время Павла всегда готовили для российского престола, и именно по этой причине Екатерина II продолжила его образование. По достижении Павлом 14-летнего возраста ему стали преподавать политические науки, оставившие его равнодушным, военные дисциплины, которыми он страстно увлекся — к неудовольствию графа Панина, заботившегося о том, чтобы заинтересовать своего подопечного вопросами государственного управления. 20 сентября 1772 г., в день восемнадцатилетия Павла, Екатерина предложила сыну должность адмирала российского флота и произвела его в полковники кирасирского полка¹³. Однако, вопреки ожиданиям Н. И. Панина, она не уступила Павлу ни толики своей власти и даже начала опасаться популярности молодого цесаревича. Поскольку Павел воспринимался как «русский», а Екатерина выглядела как иноземка, фигура наследника действительно начала становиться средоточием надежд таких писателей, критически относившихся к правлению Екатерины и близких к Н. И. Панину, как Д. И. Фонвизин и А. П. Сумароков. То же самое касалось военных кругов. В 1772 г. в рядах Преображенского полка наметились первые признаки заговора в поддержку Павла, а через год образовались зачатки нового заговора. Хотя в обоих случаях планы заговорщиков были сорваны, сам факт их наличия вызывал растущее недоверие императрицы по отношению к своему сыну¹⁴.

В то же время для упрочения и продолжения династии Екатерина решила женить Павла. После долгих консультаций и переговоров, начатых в 1768 г., ее выбор в конце концов пал на Вильгельмину, дочь

ландграфа Гессен-Дармштадтского. 29 сентября 1773 г. Павел сочетался браком с юной принцессой, которая перешла в православие под именем Натальи Алексеевны.

Тогда же Павел, который был счастлив в связи с женитьбой, но сильно потрясен масштабом Пугачевского бунта, начал интересоваться политическими вопросами и был исполнен надежд действовать на благо государства. При участии Н. И. Панина и его брата генерал-аншефа П. И. Панина, который даже планировал заговор с целью приведения Павла к власти¹⁵, цесаревич в 1774 г. составил документ под названием «Рассуждения о государстве вообще» — в тот самый момент, когда Екатерина II завершила проведение своей губернской реформы. В своей записке Павел сразу же высказал тезисы, которые шли вразрез с политикой Екатерины II. Во-первых, он выступил в защиту императорской власти, которая, находясь под присмотром Сената¹⁶, чьи полномочия предполагалось расширить, могла эволюционировать в направлении конституционной монархии. Во-вторых, Павел поддерживал идею мира и внутреннего развития страны: по его мнению, Российская империя должна была положить конец своим нескончаемым войнам, истощившим ее силы. В будущем России следовало вести исключительно оборонительные войны. С этой целью вдоль всех границ необходимо возвести крепости, а командование ими и ответственность за их строительство возложить на местные войска, которые должны были оборонять их тем лучше, что речь шла о защите родной земли. Армия должна была состоять из добровольцев, набранных преимущественно из солдатских детей. Права и обязанности солдат предполагалось строго регламентировать, а полки — подчинить безукоризненной дисциплине и порядку. Этот документ, быстро начавший восприниматься как критика, обращенная как против абсолютизма Екатерины, так и против разорительной завоевательной политики, которую она проводила, невзирая на условия жизни народа, еще более укрепил недоверие императрицы к Павлу. Продолжая осыпая князя Г. А. Потемкина, бывшего с 1774 г. ее любовником, новыми полномочиями, почестями и подарками, Екатерина II по-прежнему держала своего сына в стороне от власти.

Живя в одиночестве, испытывая на себе пренебрежительное отношение собственной матери, Павел вскоре пережил новую личную трагедию, когда 15 апреля 1776 г. Наталья Алексеевна умерла при родах. Желая как можно скорее повторно женить своего безутешного сына, Екатерина прибегла к циничному и даже жестокому приему, показав ему письма, свидетельствовавшие о том, что великая княгиня Наталья Алексеевна была любовницей друга детства Павла графа А. К. Разумовского. Будучи болезненно задет в своих любовных и

дружеских чувствах, Павел вскоре — в присутствии Фридриха Великого — принимает решение жениться 26 сентября 1776 г. на юной принцессе Софии Доротее Вюртембергской, перешедшей в православие и крещеной под именем Марии Федоровны. Однако Павел медленно оправлялся от понесенной утраты, наполнявшей его душу горечью, тогда как Екатерина II все более открыто проявляла свое презрение к тому, кого она одновременно считала опасным для себя и умственно ограниченным.

В декабре 1777 г., когда от союза Павла и Марии Федоровны родился «господин Александр», все составляющие политического и семейного конфликта были налицо. Именно в этой, очень напряженной обстановке будет проходить детство великого князя.



2

«БУДУЩИЙ ВЕНЦЕНОСЕЦ»

После рождения Александра Екатерина II, сама в свое время страдавшая от того, что императрица Елизавета Петровна лишила ее общения с сыном сразу после его рождения, забрала ребенка у великокняжеской пары, мотивируя это тем, что слишком молодые Мария Федоровна и Павел (которому тогда было двадцать три года, а его супруге — восемнадцать) не способны взять на себя ответственность за благополучие и правильное воспитание будущего императора.

Разрыв отношений не был столь радикальным, как между Екатериной и ее сыном, поскольку Александр сохранил связь с родителями: временами он навещал их и, достигнув определенного возраста, стал им писать. Детским и чаще коротким по содержанию письмам Александра¹⁷, которые до 1790–1792 гг. писались под присмотром, если не под диктовку его наставников¹⁸, не хватало главным образом теплоты и естественности¹⁹. Но самим своим существованием они способствовали поддержанию огня сыновней любви. Кроме того, Екатерина II проявила великодушие по отношению к молодой чете: после рождения Александра она дала ей приличное содержание и 362 десятины (чуть менее 400 га) земельных владений с тем, чтобы они построили на них дворец-резиденцию по своему вкусу. Так появился Павловский дворец, проектированию и обустройству которого Мария Федоровна посвятила много усилий. Тем не менее родители Александра, у которых отняли сына, были лишь немymi и бессильными свидетелями того, как детство их ребенка оказалось предметом исключительной заботы Екатерины II, действовавшей в соответствии с собственной системой ценностей и склонностями характера.

Бабушка и внук

С первых месяцев своей жизни Александр занял важное место в занятиях и распорядке рабочего времени Екатерины II, и с годами тот, кого она называла «будущий венценосец»²⁰, стал почти исключительным объектом нежности и восхищения императрицы.

Вооружившись идеями Руссо и Песталлоцци, работы которых она изучала ранее и продолжала изучать²¹, желая наилучшим образом исполнять роль бабушки, Екатерина вскоре взялась за составление

принципов ухода за детьми младенческого возраста, которые она стала применять в воспитании Александра. Она приставила к своему внуку русскую воспитательницу, генеральшу С. И. Бенкендорф, и англичанку П. Гесслер, которая по первому же указанию Екатерины II должна была укладывать ребенка спать — при открытых окнах — не в колыбель, а в маленькую железную кровать, огороженную перилами и убранную жесткими кожаными подушками. Каждое утро в комнате, температура воздуха в которой не превышала 13–14°R*, Александр принимал холодную ванну или душ. С точки зрения Екатерины, речь шла о воспитании ребенка «в античном духе», в спартанской манере с целью сделать его более стойким — к великому несчастью Марии Федоровны, у которой подобные методы вызывали сильное беспокойство.

Императрица дошла до того, что стала подбирать для Александра одежду, и в этом она видела доказательство того, что идет впереди своего времени. В письме к Ф. М. Гримму она с гордостью описывала практичную и удобную одежду, которую придумала для своего внука, присовокупив к своим объяснениям маленький эскиз:

«Но раз уж вы начали меня расспрашивать о господине Александре <...>, вот как он одевается, начиная с полугодовалого возраста: все это²² шито вместе, одевается через голову и застегивается сзади на четыре или пять маленьких крючка. Края платья вышиты бахромой, а само оно прекрасно сидит. Шведский король и прусский принц просили у меня и получили выкройку платья господина Александра. На этом моем гениальном изобретении нет ни одного шва, и ребенок почти не знает, что его одевают: ему вдруг всунут ручки и ножки в платье, и вот он готов; это платье свидетельствует об одной из граней моего таланта, и я не хотела, чтобы вы ее игнорировали»²³.

День за днем, неделя за неделей Екатерина наблюдала, давала инструкции и подробно обсуждала физическое и умственное развитие ребенка. Она замечала малейшие положительные сдвиги и, переписываясь с Гриммом, сообщала множество подробностей своему адресату, который все же чувствовал себя более свободно в вопросах политики и литературы своего времени, чем при обсуждении загадок детской психологии. Нежные чувства Екатерины к Александру росли непрерывно. Она успешно постигала искусство быть бабушкой и льстила себя надеждой — в этом проявлялся эгоцентрический характер Екатерины II, — что оказывает на ребенка сильное влияние и лепит из него то, что хочет. В конце мая 1779 г., когда Александру было около полутора лет, она писала:

* °R (градус Реомюра) — не употребляемая в наши дни единица измерения температуры, 1 °R соответствует 1,25 °C. (Прим. ред.)

«Знаете ли, что, говоря о господине Александре, Вы затрагиваете мою слабую струну? Я Вам прежде говорила, что это принц, который здоров, но теперь можно сказать уж более. Он показывает необыкновенную для своего возраста понятливость, я от него без ума, и, если б дать ему волю, этот мальчуган всю жизнь свою остался бы со мною. Он всегда в хорошем расположении духа, потому что здоров, и оттого всегда весел, ласков, предупредителен, ничего не боится и хорош собою, как Амур. Этот ребенок всех приводит в восторг, особенно меня. Я все могу из него сделать; он ходит один, и, когда у него лезут зубки, даже боль не изменяет его расположения; смеясь и резвясь, он показывает, где чувствует боль; он все понимает, что ему говоришь. Знаками и звуками он создал свой, для него понятный язык. Более всего он любит веселую музыку. Паизиелло расскажет вам, какую партию он сыграл в оркестре, который он собирал и распускал несколько раз по собственному желанию, и как он недавно просил сыграть ему всевозможные арии, которые ему нравятся, после чего он по-своему отблагодарил музыкантов»²⁴.

Со временем Александр занимал все более важное место в распорядке дня Екатерины II, и между бабушкой и внуком установился своеобразный каждодневный ритуал:

«Я составляю законы по утрам, затем занимаюсь текущими делами. В пол-одиннадцатого приходит господин Александр, пока я одеваюсь. Поговаривают, что я делаю из него посмешище, что он делает все, чего я ни пожелаю, и что он радостен и приветлив настолько, насколько ему позволяет его возраст. Мне его избаловали за те четыре дня, что я его не видела, но теперь все в порядке, к явному удовольствию папеньки и маменьки (а это не такой уж пустяк), которые ничего толком не умеют. Я вам уже об этом говорила и повторяю: я без ума от этого мальчугана. Мы каждый день делаем новые открытия, а это значит, что из каждой игрушки мы делаем десять-двенадцать новых, и именно так мы оба развиваем наши умения. Мы необычайно изобретательны. Что вы об этом думаете? <...> Мать-природа создала нас здоровыми и сильными; все вокруг трезвонит о чуде, сотворенном бабушкой, но причиной тому мы оба. После обеда мой мальчуган возвращается ко мне, сколько ему угодно, и проводит от трех до четырех часов в моей комнате, где я часто ничем не занята. Если ему становится скучно, он уходит, но это с ним случается очень редко»²⁵.

27 апреля 1779 г. Мария Федоровна родила второго мальчика, которого Екатерина решила назвать Константином: этот выбор был незамедлительно воспринят как геополитический манифест и отражал желание императрицы возвести своего младшего внука на константинопольский престол²⁶. С этого времени оба мальчика росли вместе, забота о них была поручена одним и тем же нянькам и прислуге. Тем не менее особенную нежность Екатерина питала к своему старшему внуку и продолжала лично заниматься его образованием, в соответствии с методикой, которую она сама разработала и применяла на

практике. В июле 1779 г. Екатерина начала учить с Александром алфавит, а десять месяцев спустя, в мае 1780 г., она сама по собственному желанию изготовила маленький букварь, украшенный краткими изречениями:

«Нужно будет, чтобы вы позволили мне рассказать о других вещах, например, дать поведать вам о том, что вот уже два месяца, как я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для моего развлечения, предназначенную для господина Александра маленькую азбуку изречений, которая постоит за себя. Все, видевшие ее, отзываются о ней очень хорошо и прибавляют, что это полезно не только для детей, но и для взрослых. Сначала ребенку говорится без недомолвок, что он, малютка, родился на свет голый, как ладонь, что все так родятся, что по рождению все люди равны²⁷, что только познания производят между ними бесконечное различие, и потом, нанизывая одно изречение за другим²⁸, словно жемчуг, мы переходим от предмета к предмету. При этом я преследовала только две цели: раскрыть ум для внешних впечатлений и возвысить душу, образуя сердце. В моей азбуке множество ярких картинок, отвечающих поставленным целям. Все, даже папенька и маменька, говорят, что это хорошо»²⁹.

В то же время, неизменно опираясь на теории Руссо, Екатерина в глубине души стремилась пробудить в своих внуках интерес к прикладным и физическим занятиям и сделать так, чтобы они пребывали в гармонии с природой. С трех- и четырехлетнего возраста Александр и Константин по очереди превращались в садовников³⁰, лесорубов и столяров...

В течение первых лет жизни мальчиков влияние Екатерины на них было настолько велико и даже исключительно, что больше года, с 19 сентября 1781 г. по 20 ноября 1782 г., по просьбе императрицы Павел Петрович и Мария Федоровна тайно, под именами графа и графини Северных, совершали большое путешествие по Европе, наподобие того путешествия по европейским землям, которое чувствовал себя обязанным осуществить всякий российский аристократ второй половины XVIII в., заботившийся об улучшении своих познаний в области культуры и политики. В их отсутствие, да и после их возвращения, Екатерина II безраздельно следила за первоначальным образованием своих внуков, продолжая в то же время не менее энергично, чем ранее, участвовать в делах управления империей. В 1783 г. Екатерина, подталкиваемая своим фаворитом и камергером Г. А. Потемкиным, решила вновь помериться силами с Османской империей: в результате Россия добилась присоединения Крыма и получила контроль над северным и западным побережьем Азовского моря. Не мечтала ли императрица о том, чтобы передать константинопольский престол маленькому Константину?

В июле 1783 г. Мария Федоровна произвела на свет первую дочь — Александру. Желая отпраздновать это событие, Екатерина II вновь проявила великодушие, предоставив в распоряжение молодых родителей Гатчинский дворец, который она незадолго до этого выкупила у наследников своего бывшего фаворита Г. Г. Орлова. Но на этот раз она не заботилась о том, чтобы спасти девочку от ее собственных родителей: как и пять ее младших сестер³¹, Александра выросла под присмотром отца и матери. В глазах Екатерины II судьба этих девочек представляла лишь относительный интерес, в чем она открыто признавалась в одном из своих писем к Ф. М. Гримму, написанном в августе 1783 г. в Царском Селе:

«Моя компания увеличилась на этих днях барышней, которая в честь старшего брата названа Александрой³². По правде сказать, я гораздо более люблю мальчиков, чем девочек. Мои пользуются превосходным здоровьем, бегают, прыгают, ловки, проворны, смелы, гребут и сами управляют лодками по каналам, где не более фута воды. И Бог знает, чего они не производят: читают, пишут, рисуют, танцуют, и все с великой охотой»³³.

Наблюдая с самого раннего их возраста за образованием великих князей, Екатерина вскоре решила дать им более структурированные и систематизированные знания. С этой целью, оставаясь верной своему методичному уму и желанию всем руководить, она составила специально для Александра и Константина план образования, во многом основываясь на трудах Локка и Руссо.

Работу над планом она завершает в марте 1784 г.³⁴ и передает его в виде «инструкций, составленных для сведения Николая Салтыкова»³⁵ тому, кто отныне возводился в ранг «главного наставника» великих князей и кому поручалось наблюдение за их правильным физическим и умственным развитием.

Написанный по-русски и разделенный на крупные главы по тематическому признаку, план последовательно касался здоровья и одежды (глава I), необходимости использования средств, побуждающих детей к хорошему поведению (глава II), христианских добродетелей и ценностей, которые им следовало внушить (глава III), учтивости (глава IV) и ее применению в отношениях со взрослыми и в поведении в обществе (глава V). предметов, намеченных для преподавания великим князьям, и методов обучения (глава VI), вплоть до издания правил, согласно которым дети должны были вести себя в отношениях с различными надзирателями, преподавателями и воспитателями.

При подготовке этого текста Екатерина проявляла тщательную заботу о малейших деталях повседневной жизни детей, она «законодательствовала», наказывала, предписывала и запрещала. Глава, по-

священная здоровью, медицинскому уходу и питанию особенно показательна с этой точки зрения.

Что касалось одежды, то «независимо от времени года, никаких теплых вещей, грудь не должна быть сжата. Одежда по возможности простая и легкая». В отношении питания императрица предписывала простую и скудную пищу:

«Никаких пряностей, возбуждающих корней и соли. Когда Их Высочества захотят есть в промежутке между обедом и ужином, дать им кусок хлеба. Вино под запретом, за исключением предписаний врача.

Летом можно подавать на завтрак или между обедом и ужином вишню, клубнику, смородину, яблоки и спелые груши. <...>

Не предлагать им есть или пить, когда они не испытывают в этом нужды. Не давать им пить, когда они вспотели или перегрелись. Если они вспотели, не давать им пить, пока они не съедят кусок хлеба».

Остановившись затем на проблеме гигиены в жизни великих князей, Екатерина настаивала на необходимости проветривать их комнаты «зимой по меньшей мере дважды в день, открывая форточки», выпускать детей «на улицу почаще, зимой и летом, если только это не вредит их здоровью» и избегать по возможности, «чтобы они зимой сидели у огня», зная, что «их комнаты не отапливаются выше 13–14 градусов Реомюра». Им следовало «спать на матрацах, а не на перинах, легко укрываясь: летом — просто набивным кретоном вместе с покрывалом, в зимнее время — подбитым ватой. Они будут спать с открытой головой и столько, сколько <Их Высочества> захотят, так как сон полезен для детей. Но поскольку просыпаться рано — это здорово, следовательно, Их Высочеств следует приучить рано ложиться в постель. Говорят, что после семи лет достаточно от восьми до девяти часов сна».

Наконец, надлежало побуждать маленьких Высочеств к играм или занятиям, но «никогда не оставлять их праздными. Если они не играют и не учатся, нужно занять их чем-то сообразно их возрасту и умственному развитию, что должно способствовать росту их знаний».

Таким образом, в первой главе можно обнаружить синтез спартанской модели, — которая развивала выносливость и воздержанность в пище, и которую Екатерина старалась применять на практике с самого рождения Александра, — и более современных педагогических предписаний: отсюда та важность, которую она придавала играм, «поскольку движение развивает детей физически и умственно», и сну.

Главы II и III посвящались поведению детей и моральным качествам, которые следовало поощрять или, напротив, искоренять. Лю-

безность, снисходительность, честность или чувство справедливости, — которые проявлялись во время игр и шуток, — должны были превозноситься, тогда как «гордость, бессовестность, высокомерие, скрытность были неприемлемы» и поэтому подлежали наказанию.

Христианские добродетели и «истинное познание Бога, творца видимого и невидимого. в чьих руках наше благополучие, чьей любви мы обязаны всем хорошим, что в нас есть, который достоин абсолютного поклонения в наших делах и молитвах как наиболее совершенное существо», — были теми необходимыми качествами, которые будет прививать великим князьям «протоиерей Софийского собора Самборский». Однако великим князьям следовало привить также «совершенную покорность по отношению к нам и нашей императорской власти. То, что приказала бабушка, должно выполняться беспрекословно; то, что она запретила, не должно делать никоим образом и должно им казаться столь же невозможным нарушить, сколь изменить погоду по собственному желанию». Цель, таким образом, была ясна: подобно всем прочим подданным Российской империи, юные великие князья обязывались проявлять покорность, преданность и верность.

В своих играх и забавах им запрещалось обманывать и вводить в заблуждение. а также «мучить или убивать таких безобидных животных, как птицы, мотыльки, мушки, собаки, кошки, равно как умышленно ломать что бы то ни было. Напротив, нужно приучить их проявлять заботу о собаках, птичках, белках и всех прочих животных, которые им принадлежат, и даже о цветах в горшках, которые они должны поливать. Как только то, что им принадлежит, перестанет привлекать их внимание, следует у них это забрать, прежде всего остального требуя, чтобы они в своей жизни проявляли заботу». Наконец, надлежало «держат глаза и уши Их Высочеств вдали от плохих и порочных примеров», запретить кому бы то ни было произносить в их присутствии «грязные слова, непристойности и оскорбления» и развивать в детях учтивость по отношению к другим.

Издав тем самым инструкции в высшей степени моральные по своему содержанию, императрица в главе VI, озаглавленной «Инструкции, касающиеся приобретения знаний», перешла к вопросам, в большей степени связанным с собственно педагогикой. Конечная цель занятий и обязанность воспитателей — «преподать своим ученикам правила хорошего тона, правильные представления о вещах, пример правильного поведения в каждом отдельно взятом случае, добродетельные принципы. покорность нашей воле, уважение к своим родителям, любовь к правде, благожелательное отношение к роду

человеческому, снисходительное отношение к близким». Затем Екатерина излагает методы, которые она желает применить на практике.

Занятия никогда не должны были длиться более получаса, «ибо детям сложно проявлять прилежание» и их следовало заканчивать до того, как детям становилось скучно. По отношению к ученикам недопустимо было принуждение, призванное заставить их учиться, во время обучения им нельзя было делать замечания, но следовало расточать похвалы тотчас же, как они достигали хорошего результата. Воспитатели должны были демонстрировать терпение и ровное настроение, так как «страх ничему не учит. Невозможно вложить образование в душу, которую одолевает страх, равно как и нельзя писать на дрожащем листе бумаги». Будучи просвещенным монархом XVIII в., Екатерина II верила в то, что педагогика, а не принуждение является благом.

Кроме того, речь шла о том, чтобы обучать детей иностранным языкам (французскому, немецкому и древнегреческому), однако следовало сделать так, «чтобы прежде всего они совсем не забыли язык их родной страны; поэтому нужно читать и говорить с ними по-русски и позаботиться о том, чтобы они в совершенстве владели родной речью». Очевидно, это очень интересный момент: оставаясь открытой западным веяниям, Екатерина II в не меньшей степени стремилась к тому, чтобы дать своим внукам образование, укорененное в русских национальных традициях. Для этого предпринимались конкретные шаги, первым из которых было изучение географических и геологических карт России, позволявших составить представление о ее территории, полезных ископаемых, водных источниках, населении и тому подобном... Наконец, надлежало развивать в учениках склонность к физическим занятиям: езде верхом, плаванию, гимнастическим упражнениям, фехтованию, стрельбе из лука, борьбе, ручному труду (если они проявят к нему склонность); однако занятия музыкой и поэзией исключались, поскольку императрица считала их бесполезными.

Воспитание обоих юных великих князей по намеченному Екатериной II плану, составленному для генерала Н. И. Салтыкова, было нацелено, таким образом, на то, чтобы сделать из них добродетельных христиан, покорных императорской воле, образованных и открытых для внешнего мира, но при этом очень хорошо представлявших себе российские реалии и безупречных с моральной точки зрения. Эта программа казалась весьма амбициозной и требовала для своей реализации исключительной организованности и выдающихся способностей. В своем письме к Ф. М. Гримму от 28 марта 1784 г., в котором Екатерина II сообщала о том, что составила «хорошее руко-

водство для воспитания господ Александра и Константина, которое я вам отправлю как только переведу его как следует», императрица признавалась, что многого ожидала от этой воспитательной модели, принимая во внимание не по годам развитые способности своего старшего внука:

«Одним из тех, кто будет приставлен к господину Александру, будет Ф. Лагарп. получивший четкое распоряжение говорить с ним по-французски; поручение другого воспитателя состоит в том, чтобы говорить по-немецки; по-английски он уже говорит; наконец мы вносим свою скромную лепту, насколько это у нас получается. Господин Александр во всем — ростом, силой, умом, любезностью, познаниями — намного превосходит своих сверстников. Он станет, по моему мнению, превосходнейшей личностью, если только *помощнички*³⁶ не подпортят его успехи»³⁷.

Что же из этого вышло на деле? Оправдались ли надежды Екатерины? Удалось ли выполнить то, что было намечено в плане?

Воспитание и образование Александра

В 1783–1784 г. Александру и Константину исполнилось соответственно шесть и пять лет. Чтобы лучше следовать своему амбициозному плану, Екатерина II заменила кормилиц и нянек, окружавших мальчиков с рождения, исключительно лицами мужского пола.

В марте 1784 г. граф Н. И. Салтыков, фельдмаршал и военный-министр, был назначен «главным наставником» великих князей: именно ему было поручено руководство всеми теми, кто занимался воспитанием детей. Вторыми по значимости фигурами после Салтыкова были генерал А. Я. Протасов, личный воспитатель Александра, и барон К. И. Остен-Сакен, личный воспитатель Константина. Вместе с указанной троицей к мальчикам был приставлен ряд профессоров — некоторые из них были очень известны — для преподавания им специальных наук. Шарль Франсуа Филибер Массон обучал их математике, Георг-Вольфганг Крафт — физике. М. Н. Муравьеву³⁸ было поручено заниматься с великими князьями русским языком, историей и литературой, а на долю путешественника П. С. Палласа выпали уроки географии и естественные науки. Наконец, детям давали также уроки немецкого языка, с ними велось преподавание на французском — под руководством Ф. Лагарпа — и преподавался курс английского языка, который вел протоиерей А. А. Самборский, который, прослужив четырнадцать лет священником при российском посольстве в Лондоне и женившись на англичанке, был способен научить их языку Шекспира и в то же время познакомить со Священным Писанием.

По свидетельствам некоторых современников, все наставники, которых Екатерина II выбрала для воспитания великих князей, вероятно, не вполне подходили для выполнения возложенной на них задачи. Ш. Массон, входивший в состав группы профессоров, назначенных Екатериной, впоследствии высказывал ироничные и суровые замечания в адрес своих коллег, а значит, и в адрес императрицы, лично ответственной за тот риск, которому подверглось воспитание обоих мальчиков:

«Екатерина составила план воспитания для своих внуков так же, как она ранее составляла “Наказ”, призванный даровать закон своим подданным. Этот план, составленный из идей Локка и Руссо, — подобно тому как “Наказ” основывался на трудах Монтескье, Мабли и Беккариа, — делает честь уму этой правительницы. Если бы этому плану следовали, Александр и Константин Павлович наверняка стали бы царственными отпрысками, получившими лучшее образование в Европе. <...> Однако воспитательный план Екатерины постигла та же участь, что и “Наказ” для Уложенной комиссии. Составление законов, как мы видели, кончилось передачей их комиссии невежд, ханжей и шутов, которая, к счастью, так никогда и не была собрана. Воспитание великих князей было также поручено людям, которые едва ли были в состоянии прочесть план, букве которого они должны были следовать и духом которого они должны были проникнуться. Представляется, что они усвоили единственное правило, да и то, очевидно, потому, что оно имело отрицательный смысл: не обучать юных великих князей ни поэзии, ни музыке, поскольку их освоение требует слишком много времени. Они приложили усилия к тому, чтобы распространить это правило на все науки»³⁹.

Действительно, Н. И. Салтыков вызывал у современников различные суждения, при этом все они были одинаково суровы. Если Массон с некоторым презрением утверждает, что роль этого человека была почти что незаметна («Будучи главным наставником юных великих князей, он занимался в основном тем, что предохранял их от сквозняков и засорения желудка⁴⁰»), графиня Головина⁴¹, напротив, описывает Салтыкова как раболепного царедворца, чье влияние пагубно сказывалось на характере Александра:

«Его наставник граф Салтыков, человек коварный, лукавый и склонный к интригам, постоянно диктовал Александру, как тот должен был себя вести, что непременно должно было искоренить в его характере искренность и заменить ее непрерывной слежкой за собственными словами и действиями. Граф Салтыков, желавший пользоваться расположением как императрицы, так и ее сына, понуждал юного великого князя к постоянной скрытности»⁴².

Что касается князя Адама Чарторыйского, то он подчеркивал лицемерное поведение старого придворного и его роль ходатая между Екатериной и Павлом:

«Главный надзор за воспитанием великих князей был возложен на графа Николая Салтыкова. Во время Семилетней войны он занимал второстепенные должности и после этого не состоял на действительной службе, что не помешало ему достичь высоких чинов в армии. Это был человек маленького роста, с большой головой, гримасник, с расстроеными нервами, со здоровьем, требовавшим постоянного ухода, не носивший подтяжек и потому беспрестанно поддегивавший одну из частей своего костюма. Он считался самым прозорливым из русских придворных вельмож. <...>

Через графа Н. Салтыкова императрица Екатерина передавала свои поручения и делала выговоры не только молодым великим князьям — он являлся передатчиком слов Екатерины и в тех случаях, когда она имела что-нибудь сказать великому князю Павлу. Граф Салтыков пропускать или смягчал особенно неприятные или слишком строгие слова в приказах или выговорах императрицы своему сыну; точно так же поступал он и с теми ответами, которые приносил, замалчивая половину сказанных ему вещей и смягчая остальное таким образом, что обе стороны оставались, насколько возможно, удовлетворенными взаимным объяснением. Хитрый посредник один знал правду и хорошо остерегался, чтобы не проговориться. Быть может, способность к успешному выполнению такой роли и составляла достоинство графа, но все же следует признать, что человек, с его замашками и характером, очень мало подходил к тому, чтобы руководить воспитанием молодого наследника престола и оказывать благотворное воздействие на его характер»⁴³.

Как бы то ни было, невзирая на эти едва ли хвалебные описания, следует подчеркнуть, что несмотря на свои не лучшие моральные качества и неосведомленность в вопросах воспитания, Салтыков сумел окружить детей любовью. Именно этой любви чувствовал себя обязанным Александр, когда во время похорон своего старого воспитателя в 1818 г. пешком шел за его гробом до кладбища.

Будучи строг к Салтыкову, Ш. Массон не лучше относился к А. Я. Протасову, которого считал незначительным и слабохарактерным человеком, со столь же странными, сколь и развязными манерами:

«Протасов⁴⁴, воспитатель старшего великого князя, скорее бы оказался на своем месте, если бы его назначили аптекарем. Каждый день он делал Салтыкову обстоятельный доклад о пошлейших деталях, главным образом сколько раз на дню цесаревич посещал уборную. Ограниченный и малодушный ханжа, он был совсем незлобив, но казался смешным в глазах всякого, за исключением своего ученика, который замечал лишь привязанность к нему Протасова и был ему признателен, тогда как генерал Протасов, по словам злобных царедворцев, не был достоин ничего иного, кроме презрения»⁴⁵.

Зато большая часть профессоров, приставленных к великим князьям, были людьми талантливыми: в своих «Воспоминаниях» Мас-

сон воздавал должное педагогическим качествам Г.-В. Крафта, П. С. Палласа и Ф. Лагарпа. Но также подчеркивал, что свобода действий профессоров была ограничена, и что в вопросах приличий и морали они находились под непосредственным контролем, даже цензурой со стороны Н. И. Салтыкова и П. Я. Протасова, о чем свидетельствует следующий забавный анекдот:

«Знаменитый Паллас решил устроить им урок ботаники в садах, располагавшихся близ Павловского дворца. Знакомство с учением Линнея о наличии у цветов двух полов и о размножении дало молодым людям первые представления о том, как это происходит у людей, и вызвало у них шквал вопросов, очень забавных и наивных. Это особенно встревожило их воспитателей: Палласу посоветовали не упоминать о пестиках и тычинках; урок ботаники даже был сорван»⁴⁶.

Ш. Массон приветствовал также гуманность А. А. Самборского, которого он считал открытым и толерантным. Однако протоиерей, не носивший ни бороды, ни церковного облачения, представлялся оригиналом, который был занят скорее распространением своих познаний в области агрономии, чем наставлял юных великих князей в православной вере⁴⁷. Действительно, Самборский доносил до них лишь поверхностные знания, оставшиеся у него от религиозного образования: в результате, хотя Александру и нравилось присутствовать на православном богослужении и наблюдать за исполнением обрядов, он не читал и не знал Священного Писания и, как он гораздо позднее признавался самому себе, не был искренне верующим:

«Екатерина была исполнена благоразумия и ума, это была великая женщина, и память о ней навеки останется в истории России. Но что касается такого воспитания, которое развивает в сердце настоящую набожность, то при петербургском дворе его получали почти столько же, что и повсюду: много слов, но мало смысла; много внешних действий, но святая сущность христианства ускользала от наших взглядов»⁴⁸.

За все годы обучения Александр — в отличие от Константина, задиры и фрондера, причинявшего много хлопот своим воспитателям, которых он, не раздумывая, бил и кусал, — оказался учеником более усидчивым и имевшим большое желание учиться:

«Крафт, рассказывая однажды о гипотезах некоторых философов о природе света, сказал, что Ньютон полагал, что свет является непрерывным излучением солнца. Александр, которому тогда было двенадцать лет, ответил: “Я так не думаю, потому что, если бы это было так, солнце с каждым днем становилось бы все меньше”. Это возражение, вызванное не только наивностью, но и наличием ума, действительно являлось самым сильным из того, что когда-либо было высказано против утверждения великого Ньютона. Оно доказывало, что юный великий князь был не по годам проныцателен»⁴⁹.

По просьбе Екатерины II дети воспитывались в целомудрии, даже в чрезмерной стыдливости. Императрица делала особенный упор на этот принцип в своих инструкциях Салтыкову, хотя есть сомнения, что он мог хорошо проводиться в жизнь, учитывая легкость нравов самой императрицы и ее придворных. Большое расстояние отделяет принцип от практической реализации, и на этот счет свидетельство Массона столь же ценно, сколь и забавно:

«Следует знать, что Екатерина особенно настаивала на том, чтобы ее внуки пребывали в совершенном неведении о тайнах любви, оставляя за собой право просветить их в этом вопросе и посвятить их в эти тайны, так как она хотела их женить. Но одно приятное событие отчасти сорвало ее планы. Как-то раз принадлежавший великим князьям борзой кобель в их присутствии начал совокупляться с борзой сучкой. Они с любопытством наблюдали за этим действием и потребовали объяснений. Генерал Протасов, совершенно напуганный, тщетно пытался разнять собак (физиологическая особенность, удерживавшая их вместе, известна). Князья, таким образом, имели возможность рассмотреть собак подробнее, и Александр ответил своему воспитателю, заверявшему его, что собаки дерутся: “Нет-нет, вам меня не провести: я вижу, что они женятся”. Это было как гром среди ясного неба для Протасова, оберегавшего невинность великого князя. Он подошел, весь дрожа, поведать графу Салтыкову о том, что секрет раскрыт. Они посоветовались и приняли меры предосторожности к тому, чтобы юные князья не начали рассказывать бабушке, что они видели. Она пришла бы в ярость, если бы увидела, что ее план провалился»⁵⁰.

В свете подобных свидетельств, можно судить о том, сколь сильное влияние на повседневную жизнь великих князей, равно как и на их умственное и физическое развитие, начиная с 1784 г., оказывало постоянное общение с воспитателями и наставниками, приставленными к ним Екатериной. Все они вместе составляли разнородную группу людей, так как в узком кругу общения великих князей сосуществовали закаленные натуры и личности менее храбрые, ученые с солидной репутацией и заведомо невежественные царедворцы. Мотивы, которыми руководствовалась Екатерина при выборе этих людей, остаются по меньшей мере неясными. Однако, начиная со второй половины 1784 г., различия между избранниками императрицы стали не столь важны. Именно тогда Ф. Лагарп был возведен в ранг главного воспитателя Их Императорских Высочеств, что серьезным образом изменило расклад сил.

Ни один человек, должно быть, не имел в жизни Александра столь большого значения, как швейцарец Ф. Лагарп⁵¹. В мае 1797 г., два года спустя после того как Ф. Лагарп был вынужден покинуть Россию, Александр отправил своей теще, Баденской княгине, которая тогда должна была вот-вот встретиться с наставником своего зятя, письмо,

очень наглядно показывающее, сколь большую признательность и привязанность он испытывал по отношению к Ф. Лагарпу:

«Я пишу вам, дорогая и добрая *Maman*, по поводу господина Лагарпа, моего наставника, которого я осмеливаюсь рекомендовать для вашего же блага как своего близкого друга и как человека, которому я обязан всем, кроме жизни. Он находился при мне с семилетнего возраста, это человек честный и порядочный, обладающий редкими ясностью ума и обширностью познаний. Должен вас заверить, дорогая *Maman*, что он единственный, кто мне никогда не льстил и чьи советы не основывались на частном интересе, но действительно отражали привязанность, которую он всегда имел ко мне. Моя признательность по отношению к нему безгранична. Наконец, как я вам уже говорил, дорогая *Maman*, это человек, которому я всем обязан»⁵².

Много лет спустя, когда российский император должен был вот-вот добиться звания освободителя Европы и когда он находился на пике своего могущества, Александр, представляя своего бывшего наставника королю Пруссии и его дочерям в Лангре в 1814 г., отдал ему дань уважения, подтвердив: «Всем, что я знаю, и, возможно, всем, чем я дорожу, я обязан господину Лагарпу»⁵³.

Родившийся в апреле 1754 г. в Ролле⁵⁴, большой деревне в кантоне Во, Ф. Лагарп был сыном бывшего швейцарского военного из числа мелкого дворянства. Он проходил обучение в коллеже в Ролле (в этот период он страстно увлекся античной историей⁵⁵), затем окончил семинарию в Хальденштайне, после чего начал изучать математику и философию в Женеве, а позднее — право в Тюбингене. Получив степень магистра права в возрасте двадцати лет, он несколько позднее стал адвокатом, проживая зимой в Берне, а остальное время года в Ролле. Однако эта чересчур мирная жизнь ему наскучила, а аристократический дух кантона Во, весьма далекий от демократического духа Женевы, поколебал его республиканские убеждения. Вскоре Лагарп оставил адвокатское поприще, собираясь поехать на войну в Северную Америку. Именно в этот период он сблизился с бароном Ф. М. Гриммом, который предложил ему в 1782 г. исполнить роль наставника и сопровождать в пути молодого И. Д. Ланского, младшего брата фаворита Екатерины, и его кузена. Молодой человек тотчас же согласился исполнить поручение, в котором увидел неожиданную возможность «проехать по этой красивой Италии, предмете моих желаний»⁵⁶. Помимо своей привлекательности с интеллектуальной, художественной и финансовой точек зрения, этот эпизод сыграл решающую роль в жизни Ф. Лагарпа: он так хорошо справился со своей задачей — «отменное поведение, благоразумие и светлый ум сира Лагарпа настолько покорили всех присутствующих и отсутствующих»⁵⁷, как писала российская императрица по этому

поводу, – что Екатерина II попросила его проводить молодого Ланского до Санкт-Петербурга и нанести ей визит. В конце 1782 г. оба они прибыли в столицу и чуть больше года спустя, в марте 1784 г., молодой швейцарец был выбран императрицей для преподавания французского языка старшему из ее внуков. Однако очень скоро честолюбивый и предприимчивый Ф. Лагарп обнаружил желание занять более почетное и важное место.

Желая вырваться из безымянного круга прочих наставников великих князей, он составил, всего три месяца спустя после своего назначения учителем французского⁵⁸, записку педагогического содержания, которую при посредничестве графа Н. И. Салтыкова направил Екатерине II. Очень искусно и, можно сказать, очень услужливо в тексте записки были использованы идеи воспитательного плана, разработанного императрицей в марте 1784 г.; это убедило последнюю в том, что расплыться на многие предметы вредно, что следует придать воспитанию будущего императора больше однородности, связности, и что автор записки в состоянии справиться с этой трудной задачей. Попав под очарование логики и честолюбивых замыслов проекта, Екатерина II тотчас же заключила, что «тот, кто составил этот текст, безусловно, как представляется, способен преподавать не только французский язык»⁵⁹, и с середины сентября Ф. Лагарп стал главным воспитателем великих князей.

В течение более десяти лет Ф. Лагарп изо дня в день осуществлял контроль над всеми предметами, которые преподавали различные воспитатели (в том числе Ш. Массон, П. С. Паллас, А. А. Самборский и Г.-В. Крафт), и в то же время проводил свои собственные уроки. Но это, как признает сам Ф. Лагарп в своих автобиографических записках, не всегда было делом легким, причем он прекрасно отдавал себе отчет в том, что был молод и неопытен: «Выросший в одиночестве, совершенно чуждый большому миру, прожив большую часть жизни в обществе книг и фантастических существ, чем людей, я должен был провести двенадцать лет при дворе, не имея начальников и советников»⁶⁰.

Кроме того, он был убежденным республиканцем. Он являлся также сторонником Французской революции и очень надеялся на то, что в будущем нечто подобное произойдет в Швейцарии – в то самое время, когда Екатерина отказалась от ценностей толерантности и открытости, которые превозносились на протяжении первой половины ее царствования, и когда она закрыла масонские ложи – в то время как некоторые писатели, по примеру А. Н. Радищева обличавшие в своих трудах самодержавие и жестокости крепостного права, подверглись аресту и ссылкам. В России Ф. Лагарп не бездействовал.

В 1790–1791 гг. он написал более шестидесяти памфлетов, в которых содержались обращения к его соотечественникам в кантоне Во призывы освободиться от опеки Берна и присоединиться к Гельветической республике. Однако осенью 1791 г. эти тексты, предназначенные для соотечественников Ф. Лагарпа, были перехвачены бернскими властями, которые сообщили о них Екатерине. Императрица потребовала, чтобы он объяснился по поводу этих памфлетов, и в ноябре 1791 г. Ф. Лагарп написал Екатерине письмо, в котором, полностью подтвердив свои демократические чувства швейцарского гражданина, он отчаянно доказывал, что никогда не высказывал подобные идеи в присутствии мальчиков. Убедившись в верности воспитателя, императрица более не придавала значения этому инциденту: «Все, чего она от меня потребовала, так это держаться в стороне от дел Швейцарии, поскольку я находился у нее на службе, — вспоминает в своих “Мемуарах” Ф. Лагарп»⁶¹.

Однако полтора года спустя делу был дан новый импульс, и при дворе сложился заговор. В глазах принца К. Г. Нассау-Зигена, графа Эстерхази, чья жена была родом из Берна, а также ряда французов⁶², которые в результате революционных преследований бежали в Санкт-Петербург, воспитание великих князей, порученное республиканцу, не могло не представлять опасности. Заговор пошатнул положение Ф. Лагарпа, который подвергся притеснениям: как и все недавно приближенные к Александру лица, приставленные к нему офицеры получали повышение в чине и денежное вознаграждение, и лишь Ф. Лагарп не удостоился монаршей милости. Он собрался было уже уехать из России в конце июня 1793 г., когда очередная беседа с Екатериной II убедила его остаться: «Месье, будьте якобинцем, республиканцем, всем, кем вам заблагорассудится: я полагаю, что вы честный человек; этого мне достаточно. Оставайтесь при моих внуках, вложите в них всю мою веру и позаботьтесь о них со свойственным вам рвением»⁶³.

Помимо трудностей, связанных с демократическими убеждениями Ф. Лагарпа, он подвергался каждодневным нападкам со стороны петербургского двора, который все более враждебно относился к событиям, разворачивавшимся во Франции, и у которого бесчинства якобинского террора отбили всякую охоту к философии деятелей эпохи Просвещения. Временами Ф. Лагарпа одолевало уныние. Много лет спустя, в феврале 1810 г., он писал своему другу Стапферу: «Пока я был при своих учениках, редкая неделя обходилась без того, чтобы я не испытывал искушения бросить все как есть, столь крупные препятствия, дразги и чувство отвращения стояли у меня на пути. Мир в моей душе воцарялся лишь тогда, когда я, отстранившись

от окружавшей меня действительности, устремлял взгляд свой в будущее и сосредоточивал внимание на цели, к которой были направлены мои усилия»⁶⁴. Однако страсть преподавания, его растущая привязанность к Александру и события его личной жизни — Ф. Лагарп женился на жительнице Санкт-Петербурга и в результате своего брака органичнее вписался в российское общество — все это убедило его остаться на своем месте и принять брошенный ему вызов: он решил не только дать Александру знания, но и внушить ему принципы и моральные качества, сформировать будущего императора таким образом, чтобы он правил на благо своего народа.

Как объяснял Ф. Лагарп в записке, поданной Екатерине 10 июня 1784 г.⁶⁵, для него речь шла не о том, чтобы сделать из будущего самодержца ученого, специалиста, пользующегося признанием в той или иной области, будь то физика, математика или философия, но в том, чтобы вырастить из него «честного человека» и «просвещенного гражданина», способного критически мыслить и тем самым лучше исполнять свои обязанности императора. С этой точки зрения, Ф. Лагарп шел в русле работ Ф. Фенелона, благодаря которому с XVII в. получила распространение идея о том, что будучи ребенком всякий монарх должен получить воспитание, основанное на принципах и моральных нормах, для того чтобы, оказавшись на троне, стать образцовым правителем. Но в то же время применение воспитателем Александра понятия «просвещенный гражданин» свидетельствовало о его принадлежности к деятелям эпохи Просвещения, страстно преданным идеям демократии и республики, находившимся под сильным влиянием Руссо и его «Рассуждений о начале и основании неравенства между людьми».

8 августа 1785 г. в письме, адресованном своему другу Ж. М. Л. Фавру, Ф. Лагарп высказывался о природе своего преподавания. Упоминая об уроках истории, которые он вел у великих князей, Лагарп подчеркивал, что, заведя разговор о первых людях, «сделал характерный для республиканца упор на их равенство и, показав изображения первых вождей, одетых в тигровую или львиную шкуру, восседавших на камне вместо трона и живших в хижине, покрытой древесными ветвями...» Он писал далее: «...я показал им тех же самых людей, переставших считать себя равными другим, сделавшихся королями, не по божественному повелению, но по милости Божьей, который сотворил людей такими, что самый сильный, умелый, духовно крепкий и наиболее искусный из них посчитал, что имеет право возвыситься над ему подобными и всякий раз пользоваться тем, что их небрежность и терпение позволяют ему делать это без всякого труда. Я изложил своему ученику эту теорию, несколько

трудную для осмысления, и постарался дать ему возможность почувствовать и наглядно убедиться в том, что все люди рождаются равными, и что наследственная власть некоторых из них — результат чисто случайного стечения обстоятельств»⁶⁶. Цель была вполне ясна: если перед лицом Екатерины II Ф. Лагарп отрицал, что внушает своим ученикам «пагубные» мысли демократического и республиканского толка, это не мешало ему сделать так, чтобы подобные идеи так или иначе присутствовали в организованном им воспитательном процессе.

Среди преподаваемых предметов первостепенное место Ф. Лагарп отводил истории, особенно истории римской, которую доносил до своих слушателей в живой и увлекательной форме; из нее он черпал примеры, годящиеся для формирования у будущего монарха нравственного образа мыслей. Во время этих уроков высказывались сильные идеи. Каждый человек, включая правителя, должен уважать законы⁶⁷. Тирания и угнетение одного человека другим осуждались и доказывалось, что «всегда опасно доводить людей до отчаяния». Поведение хорошего правителя должно быть благоразумным и сдержанным; его задача — работать на благо своего народа и никогда не предаваться лени и праздности. Он не должен прибегать к пыткам. В этом месте Ф. Лагарп покинул область античной истории и позволил себе исторический экскурс в дело Каласа*, о котором он долго рассказывал своим ученикам, чтобы лучше объяснить им стремление философов эпохи Просвещения оправдать Каласа. В своих записках он тогда так описывал свои занятия по римской истории:

«Убийство в судебном порядке добродетельного Каласа, совершенное в нашем столетии одним из первых французских трибуналов, наконец-то привлекло всеобщее внимание и вызвало негодование у всех порядочных натур. Бессмертный Монтескье и Вольтер во Франции, Беккариа в Италии, некоторые другие философы и ораторы наконец-то проявили красноречие, подобающее значимости и величю того, о ком они говорили, и их щедрые усилия увенчались успехом во многих странах, в которых в результате были отменены варварские пытки и казни»⁶⁸.

Наконец, — и эта идея, по всей видимости, занимает ведущее положение в воспитательной системе Лагарпа — монархия, прикрывающаяся божественным законом, есть обман, выдуманный людьми для оправдания своей власти. В своих записках он писал об этом следующее:

* Жан Калас — торговец из Тулузы, знаменит тем, что в 1762 г. стал жертвой предвзятого суда и был казнен по ложному обвинению в убийстве своего сына, пожелавшего перейти в католичество. (*Прим. ред.*)

«Действительно, не есть ли в высшей степени абсурдно полагать, что Создатель бесчисленных светил, сияющих над нашими главами, мог передать нескольким отдельно взятым людям, часто более слабым, чем остальные, право распоряжаться по собственной воле всеми прочими его созданиями, и как можно помыслить, что Калигулы, Нероны, Борджи, Филиппы II, Чингизиды, Лун XI — эти монстры, рожденные к стыду и несчастью рода человеческого, — могли быть посланниками и земными представителями Всевышнего»⁶⁹.

Ф. Лагарп призывал своих учеников проводить в жизнь законы и конституцию для всеобщего счастья: «везде, где правитель являлся верховным судьей нации, первым служителем государства и отцом своего народа, он являлся таковым скорее в силу законов и любви своих подданных, чем за счет крепостей и армии»⁷⁰.

Забываясь о качестве своего преподавания, Лагарп много читал и черпал в лучших трудах своего времени источник распространяемого им знания: например, из работы Э. Гиббона под названием «История упадка и разрушения Римской империи»⁷¹.

Чтобы придать преподаванию древней истории глубину и яркость, Лагарп заставлял детей читать великих авторов античности во французском переводе и зачитывал им выдержки из трудов Ж. Жуанвиля и Ж. Виллардуэна. Таким образом, он стремился снабдить своих воспитанников качественными историческими источниками и привить им вкус к деталям и тем самым проявил себя как современный педагог, заботящийся о том, чтобы заинтересовать своих слушателей и сделать так, чтобы они задались более глубокими вопросами о сущности вещей и их значении.

Однако если история и занимала ведущее место в системе преподавания Лагарпа, то не меньшая роль отводилась в ней и литературе. Его план занятий литературой на 1786 г.⁷² свидетельствует о насыщенности и разносторонности преподавания, в котором, согласно господствовавшим тогда новым веяниям, труды древних авторов (Сенеки, Цицерона, Тита Ливия, Саллюстия) чередовались с произведениями более поздних авторов (Мольера, Корнеля, Расина, Брьюера и т. д.), а также с работами современных философов (прежде всего Монтескье и Вольтера). О каждом авторе Лагарп приводил биографическую справку, тематические замечания и тщательный анализ того или иного произведения.

Помимо истории и литературы Лагарп преподавал основы географии, которые призваны были завершить уроки Палласа. Доктор права и в прошлом адвокат, Лагарп преподавал своим юным ученикам право, делая акцент на природе закона и необходимости его соблюдения для правильного управления государством⁷³. Физику и математику, напротив, продолжали преподавать Г.-В. Крафт и Ш. Массон и

делали это более чем хорошо: в 1790 г., в возрасте тринадцати лет, Александр освоил все арифметические операции, включая дроби, он умел извлекать квадратный и кубический корень с обычными и десятичными дробями и решать уравнения первой степени, а также начал учить логарифмы⁷⁴.

При помощи Салтыкова и Протасова Лагарп также следил за моральным и социальным воспитанием детей. По мнению Екатерины II, Александр развивался гармонично. В сентябре 1787 г., когда ребенок готовился отпраздновать свой десятый день рождения, императрица подчеркивала — об этом писали многие современники — красоту, приветливость и привлекательность, которые источал Александр:

«Господин Александр телесно, сердечно и умственно представляет редкий образец красоты, доброты и смышенности. Он жив и основателен, скор и рассудителен, мысль его глубока, и он с необыкновенной ловкостью делает всякое дело, как будто всю жизнь им занимался. Он высокий и силен для своего возраста, и притом гибок и легок. Одним словом, мальчик этот соединяет в себе множество противоположностей и потому чрезвычайно любим окружающими. Ровесники его легко соглашаются с его мнением и охотно следуют за ним. Предвижу для него одну опасность — это женщины, потому что за ним будут гоняться, и нельзя ожидать, чтоб оно было иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает. Впрочем, он не знает, до чего он привлекателен, и до сих пор не придает большого значения своей красоте; вы правильно рассудили, что мы работаем не для того, чтобы сделать из него фата. Кроме того, он очень сведущ для своих лет: он говорит на четырех языках, хорошо знаком с историей всех стран, любит чтение и никогда не бывает празден. Он охотно предается всем удовольствиям своего возраста. Если я с ним заговорю о чем-нибудь дельном, он весь внимание, слушает и отвечает с одинаковым удовольствием; заставляю я его играть в жмурки, он и на это готов. Все им довольны и я также»⁷⁵.

Принимая во внимание учебные записки Лагарпа и отчеты, которые он регулярно представлял Салтыкову и даже самой императрице, можно сказать, что объем знаний, которые Лагарп преподавал в течение всего периода 1784–1795 гг., был очень значителен. Кроме того, согласно инструкциям Екатерины II, Лагарп вел преподавание в спокойной и степенной манере; он редко наказывал обоих великих князей. Если он часто сетовал, что Константин, ветреный и мало интересовавшийся занятиями, несмотря на природную живость ума, ограничивается поверхностными знаниями, то на Александра, к которому относился как к серьезному и внимательному ученику, он жаловался редко. Однако к 12–13 годам будущий император стал больше лениться и менее аккуратно относиться к выполнению заданий. В результате Лагарп стал чаще делать замечания Александру и

заставил его заниматься регулярной самокритикой на страницах дневника, который юный великий князь вел по требованию своего воспитателя. В 1790 г. мальчик написал следующее: «Вместо того чтобы взбодриться и удвоить собственные усилия, чтобы воспользоваться годами учебы, которые мне остались, я с каждым днем становлюсь все более небрежным, нерадивым, бездарным и похожим на мне подобных, которые нелепо полагают, что совершенны только потому, что они принцы. В тринадцать лет я такой же ребенок, как и был в восемь, и чем старше я становлюсь, тем больше приближаюсь к нулю. Чем я стану? Ничем, по всей вероятности». И еще: «Я, нижеподписавшийся, солгал, чтобы скрыть собственную лень и удалиться от дел, притворившись, что не имел ни минуты свободного времени, чтобы выполнить то, что мне было предписано, в течение десяти дней, тогда как мой брат выполнил все то же самое и за тот же отрезок времени. Зато я слонялся без дела, болтал и вел себя с начала недели, как человек, лишенный духа соперничества и нечувствительный к стыду и упрекам»⁷⁶.

Какие выводы можно сделать на основе анализа системы преподавания, ее методики и содержания?

По всей очевидности, Лагарп стремился заниматься со своими учениками на основе современной на тот момент методики, полагаясь скорее на побудительные мотивы, чем на принуждение, используя большей частью оригинальные источники и тексты, чем учебники, включая ссылки на творения греко-римских авторов, французского классицизма XVII в. и современной Лагарпу философской мысли эпохи Просвещения. Все эти ссылки имели целью сформировать у будущего правителя образ добродетельной власти — с точки зрения морали и права и даже конституции, введение которой рассматривалось как дело, нацеленное на установление равенства между людьми. В этом отношении преподавательская деятельность Лагарпа выполняла двойную задачу — образовательную и политическую одновременно. Однако эта образовательная модель имела свои ограничения, даже слабые места, о которых неустанно твердили современники, как это делал, например, баснописец И. А. Крылов в своей басне «Воспитание льва»⁷⁷. В этом произведении орел (образ животного, подобранный для Ф. Лагарпа) берется за воспитание львенка (в данном случае Александра). Если полученное образование дает возможность будущему царю зверей узнать все о потребностях и образе жизни птиц, львеночек в то же время пребывает в полном невежестве о нуждах себе подобных, которых он обещает научить искусству плетения гнезд, как только воссядет на троне. Мораль этой басни очевидна: любое воспитание, полученное на всякой иной, помимо на-

циональной, основе обречено на провал. Это возражение очень важно, так как Лагарп, плохо зная русскую историю и литературу, не считал для себя возможным преподавать ее своим ученикам; таким образом, его система преподавания грешила недостаточным вниманием к российским реалиям. То же самое констатирует и В. О. Ключевский, по мнению которого Александр был воспитан на «политических и моральных догмах», на «калейдоскопе героических образов и политических идеалов», среди которых Россия была всеми забыта⁷⁸. Но в то же время не могла ли открытость иным горизонтам стать козырем в игре для того, кто метил на международную арену?

Впоследствии некоторые авторы⁷⁹ возражали против того, что система воспитания и образования Лагарпа, изобилующая ненужными подробностями и чересчур отвлеченная, была способна лишь посеять путаницу в головах царственных отпрысков, которые были не в состоянии понять смысл предлагаемых им понятий. Это также очень важное возражение. Однако, если придерживаться учебных записей самого воспитателя, можно заметить, что Лагарп, с подозрением относившийся к отвлеченному знанию, использовавший конкретные примеры и ссылки на литературу, считал свои цели четкими и достижимыми.

Тем не менее воспитание Лагарпа не решило намеченных амбициозных задач, оно изначально было ограниченным и осталось неоконченным, можно даже сказать, не достигшим своей цели. Многие важные понятия, которые включало это воспитание, были лишь поверхностно «впитаны» Александром, и впоследствии он оказался не в состоянии применить их на практике. В том, что задача была выполнена лишь наполовину, виноват не столько преданный своему делу воспитатель, сколько Екатерина II. Именно ей, как представляется, следует адресовать обвинения: начиная с 1792–1793 гг. императрица непрестанно обременяла подростка Александра всевозможными придворными обязанностями и определяла занятия и образ жизни уже совершеннолетнего молодого человека, что, вплоть до самого отъезда Лагарпа, отдаляло ученика от учителя.



3 ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, РАЗРЫВАВШИЙСЯ МЕЖДУ БОЛЬШИМ И МАЛЫМ ДВОРАМИ

«Павел не имел никакого авторитета и никакого влияния на воспитание своих сыновей. Он был вынужден просить у Салтыкова разрешения, чтобы увидеться с ними, или подкупать их камердинеров, чтобы узнать, что вокруг них происходит. Летом им разрешалось раз или два в неделю навещать родителей и проводить с ними один-два часа»⁸⁰.

Ш. Массон в этом отрывке из «Секретных мемуаров о России» подтверждал, что Екатерина II взяла воспитание внуков в свои руки. С годами она все больше удаляла их от Павла и его супруги Марии Федоровны. Таким образом, жизнь Александра в детстве весьма неравномерно делилась между миром его бабушки и миром родителей.

Будни Александра: между бабушкой и родителями

Детство будущего императора проходило почти исключительно под крылом бабушки, а моменты, которые Александр проводил в обществе родителей, приходилось вырывать почти что украдкой. Мария Федоровна и ее сыновья, как свидетельствует их переписка, без конца строили хитроумные планы, пытаясь встретиться с глазу на глаз. Тем не менее влияние Павла и Марии Федоровны не стоит недооценивать. У них Александр видел совсем другие лица и слышал иные разговоры, чем при большом дворе, сталкиваясь, таким образом, с двумя различными моделями, во всем противоположными друг другу.

В Зимнем дворце, Царском Селе и Таврическом дворце «господин Александр» в роли привилегированного наблюдателя присутствовал при том, как большой двор, во всей своей роскоши, пышности и великолепии, пел хвалу могуществу и славе Екатерины II. Он общался с раболепными и угодливыми придворными, преданными слугами, великими художниками и писателями: хотя с 1790–1791 гг. былая эпоха Просвещения закончилась, он все же находил здесь определенную свободу слова и мысли. Ему нравились откровенная нежность бабушки, ее уравновешенный характер, ее неустанная забота, общество пылкого и резвого брата Константина, терпеливое

внимание наставников. За этим приятным фасадом, однако, он замечал размах коррупции, поразившей двор и страну. За невинными каламбурами, шутками и любезностями угадывал разврат, которому предавалась Екатерина с любовниками, по возрасту неприлично близкими ее собственным внукам: в 1796 г. Платон Зубов, последний из дюжины официальных, щедро оплачиваемых фаворитов, сменявших друг друга на ложе и в сердце императрицы в течение 34 лет ее царствования, всего на три года был старше Александра...

При большом дворе Александр одевался на французский манер — бархатный камзол, шелковые чулки, туфли с бантами. Он с жаром аплодировал театральным спектаклям, концертам и праздникам в честь его бабушки; любил гулять по дворцовым паркам и набережным Невы в компании молодых дворян. Несколько молодых людей, постарше Александра, стали тогда его близкими друзьями. Это В. П. Кочубей, П. А. Строганов, а с 1795 г. — польский князь Адам Чарторыйский. Родителей Александр при большом дворе видел редко. Павлу лишь дважды в неделю разрешалось присутствовать на докладах министров у своей матери, да по воскресеньям он с ней обедал. Мария Федоровна предпочитала принимать сыновей в Павловске или в Гатчине, где она чувствовала себя свободнее, чем под взглядами придворных.

Время шло, но сближения между великим князем и Екатериной не происходило. Конечно, Павел уже отказался от либерально-конституционных поползновений и в плане внутривластного разделял абсолютистские принципы матери, зато в области дипломатии он оставался убежденным пацифистом и всегда осуждал экспансионистскую политику Екатерины в отношении Польши и Османской империи⁸¹, по его мнению затратную и вредную для внутреннего развития страны. Эти разногласия усиливали недоверие Екатерины к сыну и желание держать его подальше от Александра. Находясь с августа 1783 г. в своего рода ссылке в Гатчине, Павел проводил там летние и осенние месяцы, а остальную часть года жил в Павловске. С течением лет Павлу все труднее было терпеть положение, в которое он был поставлен. Еще в 1784 г. он признавался в письме одному высокопоставленному сановнику:

«Мне тридцать лет, а делать мне нечего... Спокойствие мое, уверяю вас, не зависит от обстоятельств, меня окружающих; оно основано на ясном моем сознании и убеждении, что есть добродетели, не зависящие от власти земной и к ним-то мне и должно стремиться. Это помогает мне утешаться в частые времена тревог <...>; это учит меня терпению, которое многие истолковывают как признак моего угрюмого характера. Что же до моего поведения, вы знаете, что я стараюсь поступать сообразно моим нравственным принципам и не могу сделать ничего противного моей совести»⁸².

Действительно, «ненавидимый и презираемый матерью, унижаемый ее фаворитами, высмеиваемый придворными, живущий в одиночестве и забвении во время блестящего и пышного царствования» Павел «сохранил порядочность и строгость нравов среди продажности и распутства, царивших при дворе его матери»⁸³: в его окружении о распутстве не было и речи. Любя Марию Федоровну, которая нежно о нем заботилась, и питая отвращение к безнравственности матери и ее непристойному поведению, он стремился соблюдать правила морали и приличия. Правда, с 1785–1786 гг. у него был роман с молодой фрейлиной Екатериной Нелидовой, но их отношения оставались платоническими. Семейная жизнь великокняжеской четы заметно выделялась на фоне любовных эскапад и чувственной невоздержанности Екатерины II.

И в Гатчине, и в Павловске Павел с женой вели довольно скромную жизнь, опять-таки контрастирующую с роскошью, которая окружала императрицу. Это объясняется не только неприхотливостью Павла, но и финансовыми причинами: Павел и его супруга должны были содержать семью, два дворца также обходились весьма дорого. Павел даже занимал деньги у родственников жены. Из-за этого росла его досада на Екатерину, которая отказывалась увеличить сумму, отведенную на его содержание, — несомненно, боясь, как бы он не завел себе более многочисленную армию, — а сама осыпала дорогими подарками своих фаворитов. Граф Л.-Ф. Сегюр, в 1789 г. посетивший великого князя, чтобы попрощаться с ним перед возвращением во Францию, записал откровения все сильнее ожесточавшегося Павла:

«Он говорил со мной несколько часов и почти исключительно о своих обидах на императрицу и князя Потемкина и тяготах своего положения; о том, что его боятся, и о печальной участи, которую готовит ему двор, привыкший к правлению женщин и не желающий иного»⁸⁴.

Каким бы горьким ни казалось Павлу будущее, в Гатчине он был абсолютным и деспотичным властелином и старался как можно скорее превратить ее одновременно в укрепленный лагерь и образцовое имение.

В 1783 г. его войска состояли всего из двух бригад по 30 человек; через 13 лет, накануне восшествия на престол, Павел содержал 2399 человек: у него было четыре батальона пехоты, рота егерей, четыре полка кавалерии (жандармы, драгуны, гусары и казаки), пешая и конная артиллерия с 12 пушками; командовали ими 19 штаб- и 109 обер-офицеров⁸⁵. В Гатчине Павел, встававший каждый день в четыре утра, чтобы провести первый смотр войск, мог невозбранно предаться своей страсти к военному делу. Все его люди носили униформу, как будто позаимствованную у прусской армии, — короткие мундиры, перчатки до локтей, высокие сапоги — и под его руковод-

ством проводили бесконечные учения, смотры, парады. Дисциплина в гатчинских войсках была железная: за малейшее упущение жестоко наказывали палками.

Крестьяне в имении, как солдаты, жили по армейскому образцу. В этом созданном им военном мире Павел словно расцвел. Он желал и своим детям, с которыми обращался как с солдатами и как со взрослыми, привить дисциплину, отвагу, стойкость и самообладание — совсем не те свойства, что были в ходу при дворе Екатерины. Суровость Павла компенсировалась чрезвычайным вниманием к нуждам своих людей: за десяток лет он завел больницу, школу и сиротский приют для солдатских детей; отдавая всемерное предпочтение православной вере, устроил церковь, где проводились также католические и лютеранские службы, поощрял создание стекольных, фарфоровых и текстильных мануфактур. Кроме того, в Гатчине придавали мало значения социальной иерархии: представители обедневшего мелкопоместного дворянства, офицеры, выслужившиеся из нижних чинов, даже люди, изгнанные из регулярной армии, проявив храбрость и абсолютную преданность великому князю, могли войти в милость к Павлу, добиться его уважения и продвижения по службе. Так произошло с А. А. Аракчеевым. Мелкий дворянин, настолько бедный, что имел лишь единственную пару замшевых рейтуз, которую он сам тщательно чистил каждый вечер, Аракчеев в 13 лет⁸⁶ поступил в артиллерийский кадетский корпус, где отличался величайшим трудолюбием, дисциплинированностью и блестящими успехами в учебе⁸⁷. В Гатчину он явился в сентябре 1792 г. в чине лейтенанта; через месяц стал капитаном и получил привилегию обедать за столом великого князя⁸⁸. В 1796 г. его произвели в полковники, назначили инспектором и начальником гатчинского пехотного батальона, а затем и всех сухопутных войск Павла⁸⁹.

Александра очень быстро прельстил гатчинский образ жизни. Летом они с братом, обутые в армейские сапоги, затянутые в прусскую форму, раз в неделю принимали участие в учениях⁹⁰. Обоим мальчикам нравились прямая и открытая солдатская манера общения, культ порядка, дух мужского товарищества, физическая активность, которых им недоставало при большом дворе, и они с радостью окунулись в мужской мир отца:

«Их капральские обязанности, физическое утомление, необходимость таиться от бабушки и избегать ее, когда они возвращались с учения, измученные, в своем смешном наряде, от которого надо было поскорее освободиться, все это, кончая причудами отца, которого они страшно боялись, делало для них привлекательной эту карьеру, не имевшую отношения к той, которую намечали для них и петербургское общество и вилы Екатерины»⁹¹.

Постоянно присутствуя в Гатчине на артиллерийских стрельбищах, Александр в итоге оглох на левое ухо. Это несчастье, случившееся весной 1794 г., глубоко опечалило императрицу⁹² и, по словам графа Ф. В. Ростопчина, отразилось на характере Александра:

«Глухота делает великого князя необщительным, в разговоре с ним приходится громко кричать, потому что он ничего не слышит одним ухом»⁹³.

Придворные медики без колебаний применили лечение электричеством, которое не дало Александру совершенно оглохнуть и несколько улучшило его состояние⁹⁴, однако полностью его слух так и не восстановился.

Между Павлом и его сыновьями в то время царило настоящее согласие, это отмечали очевидцы:

«Молодые великие князья считали себя в глубине души, и вполне согласно с действительностью, в гораздо большей степени членами так называемой гатчинской, нежели русской армии. Гатчина была любимым дворцом Павла, его осенней резиденцией, где он, вдали от Петербурга, мог еще более непринужденно отдаваться своим причудам. Великие князья жалели, что не могли переселиться туда, и говоря о том, что делалось в маленькой армии Павла, принимали вид павловских солдат и самодовольно повторяли: «Это по-нашему, по-гатчински»⁹⁵.

С весны 1795 г. Александр и Константин начали бывать в Гатчине или Павловске четыре–пять раз в неделю, принимая участие в летних военных учениях под надзором отца. Их побуждал к этому Лагарп, который, не разделяя ценностей Павла, хотел тем не менее, чтобы подростки выказывали отцу свою сыновнюю любовь и сблизились с ним⁹⁶. На следующий год учения участились, в июне и июле мальчики участвовали в них ежедневно, с шести утра до часу дня. «Нынешним летом могу действительно сказать, что я служил», — не без гордости писал Александр Лагарпу⁹⁷.

И в Гатчине, и в Павловске, когда муштра становилась чересчур суровой, а отец чрезмерно строгим, великие князья могли рассчитывать на доброту и великодушные матери, которая всегда безоговорочно их поддерживала и заступалась за них. Марии Федоровне, которая терпеть не могла ссор и безмятежно жила в окружении дочерей, зачастую приходилось самой сочинять за сыновей извинения и объяснения:

«Константин (я постаралась имитировать ваш стиль):

“Смею уверить вас, как перед Богом, дорогой батюшка, что не пришел вчера вечером после ужина к вам в переднюю, так как, будучи отпущен вами, как и в прошлое воскресенье, думал, что это будет против правил. Выговор, который вы сделали мне вместе с братом, нас обоих глубоко огорчил. Мы его не заслужили и кровью своей готовы доказать, дорогой батюшка, что все воспитание наше основано на сознании наших священных обязанностей перед вами. Дозвольте вашему сыну с глубочайшим почтением припасть к вашим стопам”⁹⁸.

Перепады настроения Павла, его растущая ненависть к Екатерине не могли не сказаться на его отношениях с сыновьями. Великий князь часто колебался между любовью и злобой, даже презрением к Александру и Константину, в которых видел союзников Екатерины. Но Мария Федоровна пыталась сохранять прочные связи с детьми даже в разлуке, на которую их обрекали суровость Екатерины и выходки Павла. Их с Александром переписка⁹⁹ в 1792–1793 гг., когда последний находился в Таврическом дворце, свидетельствует о глубокой привязанности и взаимном согласии. Данный момент, которому в историографии уделено сравнительно мало внимания, мне представляется весьма важным. Александр навсегда сохранил благодарность, любовь и доверие к матери, пустившие прочные корни в его душе в те трудные годы. Их отношения, как мы увидим далее, во многом объясняли ключевую роль и прерогативы Марии Федоровны при дворе после женитьбы Александра и его восшествия на императорский трон.

Таким образом, мир Александра очень рано раздвоился: этот дуализм связей и людей, служивших ему примерами, ценностей и поведенческих моделей, ситуация, изначально дискомфортная, даже дестабилизирующая, несомненно, заставляла ребенка относиться к окружающим если не недоверчиво, то, во всяком случае, сдержанно. Но действительно ли она, как утверждают некоторые историки¹⁰⁰, способствовала развитию в нем двуличия, доведенного до совершенства? Подобный вывод представляется нам чересчур смелым. Разумеется, Александр, разрываясь между двумя мирами, каждый из которых тянул его к себе, с малых лет был вынужден, из осторожности или из страха, приспосабливаться, хитрить, лавировать; однако такая необходимость, продиктованная инстинктом самосохранения, не слишком глубоко затронула характер подростка. В Александре тех лет не заметно ни малейшего намека на цинизм, он кажется молодым человеком, сдержанным в светском общении, но весьма искренним и разговорчивым с теми, кому доверяет: об этом свидетельствуют и его письма к матери или близким друзьям, и беседы с Ф. Лагарпом. Но в 1792–1793 гг. в жизни Александра произошли новые изменения в результате решений, принятых насчет него Екатериной II.

Женитьба Александра

В 1790 г., когда Александру было всего тринадцать лет, Екатерина задумалась о помолвке внука. Она здраво рассуждала о своих планах, советовалась с Ф. М. Гриммом и в ноябре 1790 г. послала Н. П. Румянцева в Карлсруэ посмотреть на двух дочек наследного принца Баденского Карла-Людвига и его жены Амалии-Фредерики Гессен-

Дармштадтской — одиннадцатилетнюю Луизу-Марию-Августу¹⁰¹ и Фредерику-Доротею, двумя годами моложе. Удовлетворенная докладом Румянцева, императрица решает в 1792 г. пригласить двух юных принцесс в Петербург, намереваясь выбрать одну из них в супруги своему внуку. 31 октября 1792 г. она откровенно писала Гримму:

«Сегодня вечером ждем двух Баденских принцесс, одну 13-ти, другую 11-летнюю. Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими свечами и обычаями. Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной; а я поступаю с ним подъявольски, потому что ввожу его во искушение»¹⁰².

Первая встреча Луизы и Александра произошла 2 ноября. Двое подростков, очень робких, не обменялись ни словом. Но в последующие дни между ними возникло настоящее взаимопонимание, что позволило Екатерине ловко завершить дело. 20 декабря 1792 г., уверившись, что Александр все более пленялся девушкой, она отправила к маркграфу Баденскому курьера, прося его согласия на брак Луизы с ее внуком. Согласие было немедленно получено. По случаю праздника Пасхи бабушка разрешила Александру впервые поцеловать невесту. 21 мая 1793 г. Луиза перешла в православие и получила при крещении имя Елизавета Алексеевна. На следующий день состоялось обручение, к которому еще раньше велись многочисленные и пышные приготовления:

«Начали, между прочим, приспособлять часть Зимнего дворца, образующую угол, обращенный с одной стороны к набережной реки Невы, а с другой — к Адмиралтейству. В этих покоях поставили зеркала и повесили драгоценнейшие обои. Опочивальня представляла из себя образец изящества и роскоши. Обои были из лионской белой материи с каймой, вышитой большими розами: колонны алькова, двери и обшивки стен были из розового стекла, оправленного в позолоченную бронзу, и под ними просвечивали белые барельефы из разного камня, простирающиеся как будто бы в пространство за пределы комнаты.<...>

Церемония перехода в православную веру принцессы и помолвка произошли 20 и 21 мая 1793 года¹⁰³. Принцесса, посреди дворцовой церкви, громко произнесла символ веры. Она была хороша собой, как ангел, одета в розовое платье, вышитое большими белыми розами, с белой юбкой, вышитой таким же образом розовыми цветами; ни одного бриллианта в распущенных русых волосах. Это была Психея! Великий князь, которому переделали его детскую прическу, был одет в костюм из серебряной парчи, вышитый серебром.<...> Это было поистине великолепное зрелище, когда великая государыня поднялась на эстраду, в сопровождении прелестной молодой четы, чтобы посвятить ее Богу и народу. Я был тронут до слез»¹⁰⁴.

Через несколько месяцев, 28 сентября 1793 г., Екатерина обвенчала двух подростков в Спасо-Преображенской церкви. Три дня звонили колокола, празднества продолжались две недели, кульминацией их стал грандиозный фейерверк, устроенный 11 октября на Царицыном лугу.

Поспешность Екатерины с помолвкой и женитьбой Александра объяснялась прежде всего психологическими факторами: Александр достиг половой зрелости в двенадцать лет, а когда ему исполнилось четырнадцать, генерал А. Я. Протасов записал, что в нем «замечаются... сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошенькими женщинами»¹⁰⁵. Екатерина поручила одной из придворных дам научить ее внука «тайнам тех восторгов, кои рождаются от сладострастия»¹⁰⁶, и решила поскорее его женить, дабы направить его порывы и желания в нужное русло. Следует присовокупить сюда и политические соображения: начиная с 1793 г., по мере того как росла ее враждебность к Павлу, она все более укреплялась в своем намерении передать трон внуку. Ранний брак его должен был обеспечить прочность династии.

Выбор Екатерины казался удачным, и очевидцы при дворе не скупилась на похвалы красоте, очарованию и скромности Елизаветы Алексеевны. Девушка получила при баденском дворе блестящее образование, она говорила и писала по-французски и по-немецки¹⁰⁷, изучала историю, географию, философию, французскую и немецкую литературу. Благодаря географической близости Баденского герцогства к Франции она была в курсе всех парижских культурных новостей.

Елизабет Виче-Лебрен во время своего пребывания в России несколько раз встречалась в Царском Селе с Елизаветой Алексеевной после замужества. Юная принцесса ее сразу же покорила:

«Ей было не более семнадцати лет, правильные и тонкие черты дополнялись идеальным овалом; приятный цвет кожи своей бледностью безупречно гармонировал с выражением ангельской кротости ее лица, которое обрамлялось потоком пепельных волос. На ней было легкое белое платье, небрежно перепоясанное по тонкой, как у нимфы, талии... я невольно воскликнула: “Вот истинная Психея!”»¹⁰⁸.

Неординарная красота сочеталась в Елизавете Алексеевне с большой живостью ума. Несмотря на юный возраст и неопытность в жизни русского двора, у девушки был характер, принципы и собственное мнение, которые она ясно выражала, в частности, в переписке с матерью и маркграфом Баденским. Именно ей мы обязаны наиболее точным наружным описанием и психологическим портретом Александра-подростка. В 1792 г. она писала: «Очень высок, довольно

хорошо сложен, особенно хороши ноги, хотя стопы немного великоваты; волосы светло-каштановые, глаза голубые, не очень большие, но и не слишком маленькие; прекрасные зубы, очаровательный цвет лица; нос прямой, довольно красивый». Спустя несколько месяцев, в январе 1793 г., в письме Елизаветы Алексеевны появляется несколько более критичное суждение о женихе: «Вы спрашиваете, нравится ли мне великий князь *по-настоящему*. Да, мама, он мне нравится. Одно время нравился безумно, но сейчас, когда я начинаю узнавать его (не то чтобы он проигрывал при более близком знакомстве, совсем напротив), становятся заметны кое-какие мелочи, действительно мелочи, которые мне не по вкусу и не дают любить его столь чрезмерно, как прежде. Я все еще люблю его, но по-другому. Эти мелочи касаются не характера, с этой стороны, я уверена, его не в чем упрекнуть, а, скорее, манер, чего-то внешнего»¹⁰⁹.

Окончательно лишившись общества родных — Фредерика-Доротеея оставалась в Санкт-Петербурге до свадьбы сестры, а затем вернулась домой, — Елизавета Алексеевна не робела. Она взяла на себя инициативу объявить о своих чувствах великому князю¹¹⁰, писала ему то пару слов, еще не совсем уверенно, на русском, то страстные послания на французском, которым владела прекрасно¹¹¹. Вот, например, одно из них, написанное 27 августа в Таврическом дворце:

«Вы сказали мне, что счастье одного человека в моих руках. О, если так, его счастье обеспечено навсегда. Я буду любить его, он будет моим лучшим другом всю мою жизнь, если позволят небеса. Это он научил меня не доверяться чрезмерно самой себе, и он прав, сознаюсь. Он держит счастье моей жизни в своих руках. Он же может сделать меня навсегда несчастной, если когда-нибудь перестанет меня любить. Я *все, все* вынесу, только не это. Но допускать такую мысль — значит плохо думать о нем. Он нежно любит меня. Я тоже его люблю, и в этом мое счастье. Прощайте, мой дорогой. Сохраните эти чувства, это самое большое мое желание. Во мне можете быть уверены, я люблю вас так, что словами выразить невозможно. Прощайте, мой друг. Елизавета»¹¹².

Александр, в свою очередь, тоже отправлял ей записочки, иногда с рисунками, например, тщательно сложенный конвертиком листок бумаги с неумелым карандашным наброском трогательной лошадиной головки¹¹³.

Юная чета как будто нашла свое счастье и наслаждалась зарождающейся идиллией. Однако во все более удушливой атмосфере двора Екатерины не замедлили появиться трудности.

Забываясь о молодых, которые получили роскошные покои и небольшой собственный двор, императрица назначила полковника графа Н. Н. Головина гофмейстером¹¹⁴ великого князя, а графиню

Е. П. Шувалову — гофмейстериней Елизаветы. Эта последняя, не любившая ни Павла, ни Александра, по приказу Екатерины должна была ограничивать контакты и встречи Александра с родителями. Во многих письмах Александра и его матери за 1793–1794 гг. говорилось об уловках, на которые пускались Мария Федоровна и ее сын, чтобы увидеться без ведома грозной графини, контролировавшей визиты молодых супругов. Александр часто сожалел, что не может встречаться с родителями «совершенно свободно». В одном письме, датированном концом 1792 г., он жаловался, что графиня «поднимает такой крик, что мы стараемся как можно меньше бывать у батюшки», и с надеждой писал: «Когда мы будем сегодня у моей сестры Ольги, вы могли бы нанести нам маленький визит, и мы поговорили бы в свое удовольствие»¹¹⁵. Осенью 1793 г. он бранил «проклятую графиню», от которой «нам много вреда, поскольку и она отчасти причина тому, что мы не вхожи в ваши покои и нам всегда указывают на дверь»¹¹⁶. Несколько месяцев спустя он радовался «примирению с графиней <...> которая доставила нам счастье видеться по крайней мере так, как бывало прежде, потому что в последние два раза вы себе представить не можете, как у меня сжималось сердце»¹¹⁷. Осенью 1794 г. в письме матери он сообщал о том, что ему грустно и он устал быть в постоянной разлуке с нею¹¹⁸.

Лишенная общества Павла и Марии Федоровны молодая чета все чаще оказывалась мишенью интриг двора. Платон Зубов, официальный фаворит Екатерины, поставил цель соблазнить целомудренную Елизавету Алексеевну и не слишком это скрывал.

Она оставалась неприступной, но чувствовала себя чрезвычайно неловко перед императрицей, реакции которой опасалась.

В то же время любовный трепет первых месяцев прошел, Александр и Елизавета, неопытные и едва достигшие половой зрелости, упорно трудились над тем, чтобы превратить существовавшую между ними привязанность в настоящие супружеские отношения. В конце 1793 или в самом начале 1794 г.¹¹⁹ Александр стыдливо, обиняками признавался матери в своих затруднениях:

«Вы спрашиваете, дорогая матушка, не беременна ли моя маленькая Лизон. Пока нет, потому что дело еще не кончено. Нужно сознаться, что мы — большие дети, и пренеловкие, прилагаем все мыслимые усилия, чтобы сделать это, но нам не удается»¹²⁰.

Последующие месяцы положение не исправили. Незрелый Александр предпочитал проводить время в компании молодых дворян его возраста или своих лакеев, предаваясь проделкам и шуткам, нередко весьма сомнительного толка. Генерал А. Я. Протасов не раз изливал свое отчаяние по этому поводу в письмах графу А. Р. Воронцову. В мае 1794 г. он признавался:

«Неприятности мои гораздо больше, чем вы думаете. Мой бывший ученик становится вспыльчив, и, если так будет продолжаться, прощай, прежняя кротость. У него есть фавориты, которые ему льстят; он, не умеючи, в величайшей невинности, привыкает пить ликеры, а привычка – дело скверное. Одним словом, он ничего путного не делает, и у меня часто с ним бывают неприятности. <...> Наконец, он испорчен во всех смыслах»¹²¹.

А вот письмо от 8 июня:

«Дорогой ученик изрядно портится. Помимо историй, о которых я упоминал раньше <...> была вчера одна замечательная, на ростральной колонне посреди пруда. Монсеньюру взбрело в голову пройтись кругом по бортику, словно по полу; потом он вскочил на выступ, где находится лесенка, а на увещевания его супруги и мои привел ребяческие доводы, чтобы запрыгнуть туда снова...

Комментировать вышеописанное нет нужды, но, чтобы дать вам представление о его образе жизни, скажу, что на завтра он пригласил меня повеселиться – на случку его английской кобылы с жеребцом Ростопчина. добавив, что этот последний уверил его, будто наблюдать за движениями двух лошадей во время сего акта весьма забавно. Судите сами, мой дорогой граф, обо всем этом и о том, приму ли я приглашение»¹²².

Александр начал часто оставлять жену одну, а она как раз в это время лишилась общества сестры, вернувшейся в Карлсруэ, и тем сильнее чувствовала свое одиночество. Елизавета Алексеевна, жаждавшая найти привязанность и опору, очертя голову пустилась в нежные и по крайней мере двусмысленные отношения с графиней В. Н. Головиной. В течение второй половины 1794 г. красивая 29-летняя супруга гофмейстера стала близкой подругой молодой женщины, они вместе читали, беседовали, гуляли. Хотя эта пылкая взаимная дружба, казалось, поощрялась Александром, во всяком случае, в первое время, было бы, наверное, справедливо предположить, что последний, в силу наивности или равнодушия, не осознал по настоящему степени и природы этого чувства, которое, как обиняками признавалась Елизавета Алексеевна в письмах к В. Н. Головиной, могло вызвать осуждение света и о котором она не говорила Александру всей правды. 12 декабря 1794 г. в особенно экзальтированном послании она пишет:

«Я так люблю вас, и буду любить наперекор целому свету. В конце концов, никто не может *запретить* мне вас любить, и я некоторым образом имею разрешение от *кое-кого*¹²³, кто имеет столько же, если не больше прав приказать мне любить вас. Вы меня понимаете, надеюсь...»¹²⁴

Эти слова как будто подтверждают версию о потворстве со стороны Александра. Однако другое, более загадочное и более скандальное, письмо, написанное Елизаветой графине весной 1795 г.¹²⁵, кажется, очищает его от всяких подозрений в сообщничестве:

«Ах, эти тридцатые числа, мой друг! Как долго они будут памятли! Бог мой, от одного воспоминания о тех сладких мгновениях меня бросает в жар. Великий князь, который прочел ваши письма, потребовал у меня объяснений, я дала ему их только отчасти. И когда я думаю о том счастливом тридцатом мая, все во мне переворачивается. Ах, вы, надеюсь, понимаете, сколь мне должно быть дорого число того дня, когда я вся отдаюсь вам»¹²⁶.

Осенью 1795 г. поток чувственных и пылких писем внезапно прекратился, по каким причинам — теперь установить трудно. В последующие годы отношения двух женщин стали более спокойными; графиня оставалась близкой подругой и доверенным лицом Елизаветы Алексеевны. С разрешения последней В. Н. Головина написала интересные «Воспоминания»¹²⁷.

В то же время придворные обязанности вовлекали Александра и Елизавету Алексеевну в нескончаемый хоровод затей, столь же легковесных, сколь суетных. В письмах к матери молодая женщина не раз повторяет, что все ее время поглощают разного рода празднества, балы, концерты и спектакли. В начале 1794 г. Александр при поддержке бабки увлекся устройством кукольного театра, который через несколько месяцев представил двору балет «Дидона»¹²⁸. В результате юный великий князь все больше манкировал занятиями.

Конечно, в письмах к Марии Федоровне он в этом не признавался, и в его еженедельном расписании, по крайней мере на бумаге, главное место по-прежнему занимали уроки Ф. Лагарпа, к которому он ходил по утрам четыре раза в неделю, остальное время якобы посвящалось другим наукам, в частности фортификации и закону Божьему. В действительности ученик проявлял куда меньше рвения, прикрываясь весьма банальными предложениями, как свидетельствует записочка, посланная им в начале 1794 г.:

«Дорогой господин Лагарп, миллион раз прошу прощения, я вынужден и сегодня вас подвести. Надеюсь, вы меня извините, поскольку дело в том, что моя жена не очень хорошо себя чувствует и должна пить лекарство. Прошу вас: в другой раз! Я тем более рассчитываю на ваше снисхождение, что вы сами человек женатый, следственно знаете, что значит заботиться о жене»¹²⁹.

Это отсутствие прилежания не укрылось от близких великого князя. В письме, написанном графу А. Р. Воронцову из Царского Села 18 мая 1794 г., генерал А. Я. Протасов жалуется на его нерадивость:

«Мы прибыли сюда 13-го. Наши двое молодых людей весьма рады ничего не делать, да и в городе ничего особенного не делали. Праздность, лень, медленность и равнодушие ко всем серьезным вещам дошли у нашего дорогого великого князя до предела»¹³⁰.

Легкомыслие Александра во многом поощряла сама Екатерина II. Начиная с осени 1793 г. императрица приходит к убеждению, что образование внука завершено и присутствие Лагарпа более ни к чему. С этого момента Лагарп был обречен. Ему удалось добиться отсрочки с помощью Салтыкова¹³¹, но его отставка была всего лишь вопросом времени: через год, 23 октября 1794 г., Лагарпа официально выпроводили, дав ему чин полковника, тысячу дукатов на дорогу, жалование соответственно чину и пенсион. Для Александра эта новость стала трагедией. Он написал взволнованное письмо матери, где в полной мере излил свою печаль:

«Я вот-вот потеряю г-на Лагарпа, он скоро получит отставку и уедет. Это причиняет мне горе, которое терзает меня тем сильнее, что, как я вижу (осмелюсь сказать), и ему жаль меня покидать. Я сделал все, что мог, чтобы помочь делу; я говорил с графом Салтыковым, тот сказал мне, что императрица хотела его уволить сразу, как я женился, и только его [Салтыкова. — Прим. пер.] мольбы ее удержали, но теперь, вознаградив, она все же хочет его уволить, и все из-за старых историй по поводу его переписки с родными, которую вскрыли. и Эстергази все не так истолковал и сделал из него якобинца. Не могу передать вам, какую боль это мне причиняет; то был настоящий мой друг, который уж конечно никоим образом мне не вредил и которому я обязан всем, что знаю. Он обещал составить мне план занятий, которые я должен продолжить. Это ужасная потеря для меня: только ваша доброта, милая добрая матушка, может утолить мою печаль. Осмеливаюсь надеяться на нее и постараюсь быть ее достоин. Прощайте, милая добрая матушка, целую нежно ваши руки»¹³².

В апреле 1795 г. Лагарп, терзаемый мыслью об окончательном расставании с учеником, составил для него «Инструкции», которые и вручил Александру перед отъездом. Их текст изобилует прежде всего советами практического и материального свойства: рано вставать и не ложиться поздно, чтобы быть в состоянии заниматься по утрам; просыпаться в установленные часы, не посвящать много времени туалету. Затем Лагарп говорит об окружении Александра при дворе и предупреждает его: «Есть только два лица, с которыми ваше выдающееся положение позволяет вам держаться совершенно непринужденно: супруга, составляющая ваше счастье, и брат, ваш друг с детства. Всеми силами крепите узы, которые соединяют вас с этими двумя лицами и должны обеспечить вам долгое наслаждение семейным счастьем»¹³³.

Наконец, он говорит о том, какие качества будущий император должен показать во время своего правления:

«Я часто говорил вам это прежде и тем же закончу. Единственный друг, который никогда не льстит, это способность сохранять здравость суждений, и только в свете этого факела различите вы в один прекрасный день

свои дела и заслуги. Да станете вы с его помощью неуязвимы, и пусть великодушное и человеческое сердце ваше, руководимое справедливым и просвещенным разумом, сделает вас достойным высочайшего поста, на который вы будете призваны, дабы служить великому народу»¹³⁴.

Этот текст, отражающий дорогие Лагарпу ценности (понятие «справедливого и просвещенного разума», несомненно, являлось ключевым в его одиннадцатилетних занятиях с Александром), свидетельствует также об остром беспокойстве наставника, покидающего подростка, который, по его мнению, был уязвим, одинок и, безусловно, не приобрел еще твердых нравственных принципов и привычек. В ответ на это письмо Александр передал Лагарпу в день его отъезда, 9 мая 1795 г., портреты, свой и Елизаветы Алексеевны, в бриллиантовом обрамлении и короткое прощальное письмо, проникнутое любовью, благодарностью и сожалением¹³⁵. Теряя Лагарпа, Александр терял не только учителя и наперсника, но, самое главное, — человека, чьи моральные правила и строгая совесть служили ему верным компасом. Все более беззащитный перед ловушками двора, неизменно являясь яблоком раздора между бабушкой и отцом, Александр должен был теперь в одиночку противостоять всем сложностям и политическим интригам конца царствования Екатерины II.

Александр в политических планах Екатерины II

Отъезд Лагарпа придал новый импульс переменам, которые были заметны еще с момента женитьбы великого князя. Благоприятный для работы и упорядоченный образ жизни, который Александр вел, находясь вне двора, сменили манеры и поведение, призванные втянуть его в орбиту власти. Таким образом, Екатерина II, сформировав вокруг Александра собственный двор, предоставив в его распоряжение красивые покои и назначив ему щедрое содержание, тем самым, очевидно, стремилась привить внуку собственный вкус к пышности и великолепию самодержавной власти. Но в то же время императрица парадоксальным образом не делегировала Александру какие бы то ни было политические функции, никак не готовила его к той ответственной роли, в которой она тем не менее мечтала видеть именно его, и позволила, чтобы его жизнь протекала среди придворных церемоний и пустых забав:

«С тех пор как уехал Лагарп, с тех пор как ему предоставили собственный двор и удалили от него несколько достойных людей, он оказался в наихудшем окружении и наиболее праздным из всех принцев. Он проводил дни наедине со своей молодой супругой, своими придворными или в обществе своей бабки: он вел более изнеженный и замкнутый образ жизни, чем наследник султана во внутренних покоях сераля»¹³⁶.

По словам Массона, чьи суждения о конце царствования Екатерины II беспощадны, лень, пустая жизнь и праздность — три распространенных при дворе порока, от которых старался уберечь своего ученика преданный Лагарп. — в течение нескольких месяцев, казалось, овладели Александром. Однако подобный взгляд представляется чересчур критичным, поскольку юноша, осознававший, что вокруг него появлялись все новые вещи, отвлекавшие его внимание, изо всех сил старался, хотя и не всегда успешно, сохранять верность той линии поведения, которую для него наметил воспитатель. В февралю 1796 г. он писал:

«Что касается меня, то я изменился, я встаю рано и работаю все утро согласно плану, который вам известен. Дело пошло споро, я стал очень усидчив в занятиях, однако возникло одно препятствие. Хотят, чтобы с десяти до одиннадцати часов утра я совершал утренние прогулки. Поэтому я вынужден прерываться, однако же я делаю все возможное. В настоящее время явилась еще одна помеха — празднования по случаю женитьбы второго сына наследника престола. Но это вскоре закончится, к тому же приближается время поста. Мы поедем в деревню, и я посвящу себя чтению и занятиям более чем когда-либо. Я исправно придерживаюсь режима, чувствую себя превосходно, большую часть времени я весел, несмотря на трудности, и счастлив с женой и ее сестрой»¹³⁷.

Действительно, с этого времени Александр начал вести образ жизни, который не оставлял и в дальнейшем. Он вставал рано, тратил мало времени на утренний туалет и скудно завтракал. Как правило, он был умерен в еде и питье и в то же время ценил хорошую кухню. Однако ему было трудно придерживаться строгой дисциплины, когда все, что его окружало, располагало к забавам и веселью. Поэтому нет уверенности в том, что Александр был в состоянии долго и успешно противиться веяниям придворной жизни, и, вероятно, в письме к Лагарпу он стремился выставить себя в выгодном свете и заблуждался относительно собственных настойчивости и усердия в учебе. Однако тот факт, что в своей повседневной жизни он пытался сохранить видимость организованности и размеренности и силился продолжить обучение самостоятельно, свидетельствует о том, что благотворное влияние Лагарпа на молодого человека и тогда оставалось сильным.

Кроме того, если даже Александр читал и учился меньше, чем прежде — настолько, что он полагался на мнение Елизаветы Алексеевны, которая рекомендовала ему литературу для чтения, — и если образ жизни, навязанный ему Екатериной II, обрекал его на пустое существование при дворе, все равно его кругозор постепенно расширялся, и он начал интересоваться политическими вопросами. Действительно, Александр поддерживал тесные дружеские отноше-

ния с несколькими молодыми людьми — выходцами из старинных знатных фамилий, на протяжении долгого времени приближенными к власти, которые были образованны и открыты, проникнуты духом Просвещения и либеральными идеями.

Внутри этой группы В. П. Кочубей, который родился в 1768 г., имел татарские корни и приходился племянником канцлеру Российской империи и министру иностранных дел А. А. Безбородко, с 1792 г. сблизился с Александром и на этом основании может считаться его самым старинным другом. С 1784 г., в возрасте шестнадцати лет, Кочубей был отправлен в Швецию в качестве атташе русской миссии; он использовал эту возможность для обучения в Стокгольмском университете, где написал работу, посвященную правам человека. В ходе своего пребывания в Европе, которое длилось с 1788 по 1792 г., Кочубей изучал обществознание в Лондоне, затем философию в Париже и сделался приверженцем либерализма. В июле 1792 г. его дядя, опасаясь пагубных последствий, которые могло иметь для карьеры молодого человека длительное пребывание в революционной Франции, отозвал его в Санкт-Петербург. Несколько месяцев спустя, когда ему едва исполнилось двадцать четыре года, Кочубей получил назначение от Екатерины II на почетный пост чрезвычайного посланника в Константинополе.

Граф П. А. Строганов был самым молодым из друзей Александра: родившись в Париже в 1772 г., Павел был единственным сыном самого богатого сановника своего времени — графа Александра Сергеевича Строганова. Меценат и крупный коллекционер¹³⁸, обладавший независимым характером, состоявший в ложе франкмасонов, А. С. Строганов не знал ни размера своего состояния, ни даже точного количества крепостных крестьян, которыми владел. Он вырастил сына в атмосфере почтения к идеям Просвещения и либерализма и побудил того поехать в 1790 г. в Европу. Вместе со своим наставником, математиком и республиканцем Ш. Ж. Роммом, молодой Строганов сначала отправился в Швецию, где встретился с женевским юристом Л. Дюмоном, близким другом И. Бентама, а затем во Францию. Там он часто появлялся под именем Павла Очера (псевдоним, который был образован от названия одного из отцовских имений в Пермской губернии) в Якобинском клубе, библиотекарем которого он стал, завел роман с куртизанкой-революционеркой, Теруан де Мерикур и носил фригийский колпак! Однако скандальные слухи, связанные с его амурными похождениями и убеждениями, дошли до Екатерины II. В 1791 г. П. А. Строганов по требованию императрицы был насильно возвращен в Россию. Разгневанная Екатерина отчитала старого графа Строганова за проявленную им отцовскую безот-

ветственность и отправила Павла в ссылку в подмосковное родовое имение. В 1796 г. запрет на выезд был снят, и П. А. Строганов вскоре оказался в кругу фаворитов Александра.

В том же году Адаму Чарторыйскому исполнилось двадцать шесть лет. Красивый, элегантный, образованный и умный молодой поляк был выходцем из старинного княжеского рода. После восстания Тадеуша Костюшко, жестоко подавленного русскими войсками, родители Чарторыйского, желая получить в качестве награды за лояльность снятие секвестра с необъятного семейного имущества, в 1795 г. прибыли вместе с Адамом и его братом Константином в Санкт-Петербург. Воспитание в духе открытости идеям Просвещения, которое получил Чарторыйский, образованные люди, среди которых он вращался до того, как приехать в Россию, — он поддерживал постоянные отношения с И. Г. Гердером и И. В. Гете, провел некоторое время в Англии, где изучал политический строй этой страны, в Шотландии, где встречался с философом Д. Юомом, в Германии и Франции, — наконец, его храбрые поступки (в 1794 г. он выступил против России под знаменами Костюшко) — все в нем привлекало Александра. Весной 1796 г., как это отмечает сам Чарторыйский в своих «Мемуарах», он стал близким другом великого князя¹³⁹, еще до того как соблазнил Елизавету Алексеевну и стал, вероятно, с конца 1796 г. или с начала 1797 г., ее сердечным другом, а затем любовником.

Наконец, четвертым и самым старшим членом этого кружка являлся кузен П. А. Строганова, который, будучи сыном одной из сестер графа А. С. Строганова, был воспитан дядей. Родившийся в 1761 г. Н. Н. Новосильцев служил в рядах русской армии во время войны со Швецией 1788–1790 гг. и впоследствии занимал различные посты в Коллегии иностранных дел. Он слыл одним из самых образованных людей своего времени, знатоком права, экономики и дипломатии. Он изящно владел пером, а также, в отличие от умеренного в еде и питье Александра, имел склонность к эпикурейству и неумную страсть к алкогольным напиткам.

В ходе встреч и бесед с Новосильцевым юный великий князь обнаружил способность остро и критически мыслить, что контрастировало с наивностью его прежних суждений.

Действительно, начиная с 1793 г. польский вопрос и участие, которое приняла в его решении Екатерина II, вызывали негативные замечания юного великого князя. После сохранения в течение двадцати лет статус-кво, в 1793 г. Польша подверглась второму разделу, позволившему Российской империи присоединить часть Белоруссии — территории вокруг Минска — и Западной Украины¹⁴⁰. Национальное восстание во главе с Костюшко, начавшееся в марте

1794 г. и быстро подавленное русскими и прусскими войсками, привело лишь к новому разделу польских земель: в октябре 1795 г. Российская империя заполучила остальную часть территории Литвы, а также Курляндское герцогство¹⁴¹, спор за которое русские и поляки вели издавна.

Новый раздел Польши вызвал неодобрение Александра, который в письме к матери выражал несогласие с решением Екатерины. Однако, будучи совсем молодым человеком, — ему едва исполнилось семнадцать лет, — он взывал к туманным соображениям морального и религиозного порядка. Политике в его мыслях пока не находилось места:

«Вы спрашиваете у меня, дорогая *Maman*, что я думаю по поводу польских событий. Они меня печалят, но я всегда думал, как вы помните, что все это не может хорошо кончиться. Верховное существо, столь справедливое, не может снести несправедливости, и рано или поздно она понесет наказание, осмеливаюсь говорить это, поскольку уверен, что кроме вас и моей супруги это письмо никто не увидит»¹⁴².

Зато годом позднее Александр высказывался совсем иначе: отныне он способен судить критически о действиях Екатерины, делая это не с позиций морали или религии, а руководствуясь политическими соображениями и ссылаясь на идеал эпохи Просвещения. Излагая одну из своих бесед с великим князем, состоявшуюся весной 1796 г., Чарторыйский писал:

«Он сказал мне тогда, что совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и Двора, что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы; что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивает ее падение; что в его глазах Костюшко был великим человеком по своим доблестным качествам и по тому делу, которое он защищал и которое было также делом человечности и справедливости. Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему»¹⁴³.

Более того, в письме, отправленном в мае 1796 г. Кочубею, который находился тогда в Италии, Александр провел критическую параллель между положением дел внутри страны и экспансионистской политикой Екатерины II. Несмотря на то, что российская императрица совсем незадолго до этого извлекла выгоду из третьего раздела Польши, состоявшегося в конце 1795 г., и что через три года после подписания Ясского мира, изменившего границы Османской империи в пользу России, она основала Одессу, военный и торговый порт,

Александр писал: «Наши дела находятся в невообразимом беспорядке, грабят со всех сторон, все департаменты управляются дурно — порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению»¹⁴⁴.

Таким образом, в 1796 г. и впредь Александр, вовсе неудовлетворенный тем пустым мирком, в рамках которого его стремилась удержать Екатерина, становится восприимчив к общественной проблематике. Наставления Лагарпа, неизменно связанные с благом государства и счастьем народа, казалось, стали приносить первые плоды. Но эти размышления не находили практического применения и не выходили за пределы кружка близких друзей Александра. Молодой человек находился в стороне от реальных дел и даже проектов, касающихся в первую очередь именно его.

С 1791 г. Екатерина начала искать способ сделать Александра своим прямым наследником и тем самым лишить Павла права взойти на престол. 18 октября 1793 г. она вызвала к себе Лагарпа, чтобы сообщить ему о своих намерениях, обсудить «будущее возвышение» Александра и попросить помочь убедить великого князя принять участие в намеченном плане. Однако Лагарп, как легитимист по складу ума и как осторожный человек, сделал вид, что не понял, чего от него ожидают, фактически отказавшись поддержать намерение императрицы:

«Мой разговор¹⁴⁵ с императрицей длился два часа. Говорили о всевозможных вещах, и время от времени императрица позволяла себе несколько слов о будущем России и не упустила ничего, чтобы дать мне понять истинную цель нашего свидания, вместе с тем не говоря об этом открыто. Разгадав ее намерения, я приложил все усилия к тому, чтобы помешать императрице изложить мне свой замысел и чтобы в то же время развеять все подозрения с ее стороны относительно того, что я проник в ее тайну. К счастью, я преуспел и в том, и в другом. Но два часа этой моральной пытки принадлежат к числу самых трудных эпизодов моей жизни, и воспоминания о них отравляли остаток моего пребывания в России. Хотя встреча окончилась очаровательным образом, с тех пор я по возможности избегал придворного общества, ибо боялся повторения этого разговора, а во второй раз мне не удалось бы отделаться столь же легко, как в первый. Екатерина дважды упрекала меня. Наконец, когда она увидела, что я упрямо появлялся при дворе исключительно для занятий с моими учениками, она была вынуждена признать, что я не подходил для той роли, которую она мне отводила»¹⁴⁶.

Таким образом, Лагарп предпочел не быть замешанным в столь опасном проекте: «Если бы тайна раскрылась, вся ответственность легла бы на плечи беззащитного иностранца», — трезво отмечал он в своих «Мемуарах». Год спустя, в 1794 г., едва успел Александр жениться, Екатерина вновь принялась за разработку своего плана — на

сей раз вместе с ближайшими советниками, — настаивая на «некомпетентности» Павла и его неспособности сохранить величие державного государства. Однако она встретила сдержанное отношение к своему плану и даже противодействие — главным образом со стороны А. И. Мусина-Пушкина, который видел в этом нелегитимном проекте источник возможных потрясений и беспорядков. Вопрос о престолонаследии тогда временно оставался открытым — до тех пор, пока Екатерина не отказалась бы от своего замысла. Не найдя поддержки среди наставников Александра и собственных советников, Екатерина обратилась к своей семье. 25 июня 1796 г., когда Мария Федоровна только родила третьего сына, нареченного Николаем¹⁴⁷, и оставалась наедине с Екатериной II в Царскосельском дворце, императрица попыталась убедить свою невестку, — которая, как она знала, находилась в очень близких отношениях с Александром, — в том, чтобы та подвигла Павла отказаться от престола. Свидетельство великой княгини Анны, одной из дочерей Марии Федоровны, впоследствии ставшей королевой Нидерландов, подтверждает факт такого давления со стороны императрицы:

«Впоследствии я узнала со слов собственного мужа, что после кончины моего брата императора Александра, когда мой супруг поспешил разделить горе с моей семьей, моя мать мысленно вернулась к событиям далекого прошлого. В какой-то момент она излила ему душу и рассказала, что, когда она рожала моего брата Николая, императрица Екатерина передала ей документ, в котором ставился вопрос о том, чтобы потребовать от моего отца отречься от своих прав на корону в пользу моего брата Александра, настаивая на том, чтобы моя мать подписала эту бумагу в качестве согласия с действиями императрицы. Моя мать справедливо возмутилась и отказалась ставить свою подпись.

Императрица Екатерина была этим очень раздосадована и ее последующая холодность по отношению к моей матери была следствием того, что та явилась свидетелем крушения ее замысла»¹⁴⁸.

Отказ Марии Федоровны не обескуражил императрицу, которая решила лично открыть внуку свой замысел. 16 сентября 1796 г. Екатерина поведала Александру о своем желании видеть его в качестве наследника престола и сообщила, что в этой связи она изменила текст манифеста, копию которого она вскоре ему отправит. В меньшей степени польщенный проектом, чем обеспокоенный возлагаемой на него ответственностью, Александр не давал определенного ответа и ничего не сказал об уже принятом им решении:

«24 сентября 1796 г.,

Ваше Императорское Величество!

Я никогда не смогу выразить свою признательность за доверие, которое мне оказали Ваше Величество, и за ту милость, которой Вы меня удосто-

или, начертав своей рукой текст, служащий для объяснения всех прочих документов. Надеюсь, что Ваше Величество увидит, по моему рвению быть достойным плодов этой драгоценной доброты, что я сознаю всю ценность вашего дара. Я не смог бы, правда, отплатить даже собственной кровью за все то, чего Вы меня удостаиваете, и за все то, что еще хотите для меня сделать.

Эти бумаги, очевидно, подтверждают те размышления, о которых Ваше Величество мне недавно поведали и которые, да позволено мне будет сказать, более чем верны.

Позвольте еще раз принести к ногам Вашего Императорского Величества чувство моей глубокой признательности за то, что я с глубочайшим уважением и нерушимой преданностью по отношению к Вашему Величеству пользуюсь свободой быть Вашим смиренным и покорным подданным и внуком,

Александр»¹⁴⁹.

Осенью 1796 г. лояльный настрой Александра обозначился довольно явно, и не случайно он обращался к отцу «Ваше Величество»: действительно, по его мнению, после смерти Екатерины должен был править Павел, а сам он не должен был узурпировать императорскую власть.

Два ключевых фактора объясняют позицию Александра в этот период. Прежде всего, следует подчеркнуть характер полученного им воспитания и в очередной раз отметить роль Ф. Лагарпа. Действительно, выросший — хотя бы и формально — в атмосфере безусловного почтения к семейным связям и воспитанный в духе ненависти к тирании, насилию и переворотам, юный Александр не мог, едва достигнув девятнадцатилетнего возраста, и подумать о том, чтобы стать узурпатором, тем более что в 1796 г. он испытывал чувство глубокой сыновней любви. Далее, решающим обстоятельством было то, что хотя, как было показано выше, Александр интересовался общественной проблематикой и был способен критически судить о положении дел в государстве, он тем не менее не чувствовал в себе силы исправить пороки, от которых страдала империя. Находясь в ступоре от того, что в него недостаточно верили, он не был движим какими-либо политическими амбициями. В феврале 1796 г. в письме к Ф. Лагарпу, доставленном через В. П. Кочубея теще Александра маркграфине Баденской¹⁵⁰, которая передала его наставнику великого князя, Александр выражал ясное желание по возможности «отделаться от этой ноши»¹⁵¹. 10 мая 1796 г. в письме к Кочубею он признавался — и это важный момент — в неспособности ответить на вызов, каковым являлось отправление власти, и надеялся провести тихую и мирную жизнь вдали от низменных и испорченных нравов двора, к которым он питал отвращение:

«Да, мой милый друг, повторяю, что я ни в коей мере не удовлетворен своим положением, оно слишком блестяще для моего характера, которому по сердцу лишь спокойствие и мир. Двор не подходящее для меня место. Я испытываю страдания всякий раз, когда обязан присутствовать на церемониях, и расстраиваюсь при виде той подлости, которую творят ежечасно, чтобы добиться отличий, за которые я не дал бы и гроша. Я чувствую себя несчастным, будучи вынужден пребывать в обществе людей, которых я не желал бы иметь и в качестве прислуги, и которые здесь на первых ролях, такие как П. Зубов¹⁵², М. Пасек, П. Барятинский, братья Салтыковы, Мятлев и множество других, которые не заслуживают даже того, чтобы быть названными, которые унижают слабых и пресмыкаются перед теми, кого боятся. Наконец, мой друг, я совершенно не чувствую, что подхожу для того места, которое занимаю в настоящее время, и еще менее для того, которое мне суждено занять в один прекрасный день и от которого я дал себе слово отказаться тем или иным способом. Вот, милый друг, тот большой секрет, который мне не терпится вам сообщить».

Далее, описав бедственное положение, в котором находилась Россия, Александр добавлял:

«Как может статься, чтобы один и тот же человек мог одновременно править и устранять несправедливость? Это совершенно невозможно не только для человека средних способностей, каковым я являюсь, но равно и для гения, и я всегда руководствовался принципом, что лучше вовсе не браться за дело, чем выполнять его плохо. Именно исходя из этого принципа, я принял решение, о котором говорил вам выше.

Мой план состоит в том, чтобы, отрекшись однажды от этого трудного жребия (не могу сказать точно, когда это произойдет), поселиться с женой на берегу Рейна, где я бы вел спокойную и простую жизнь, находя счастье в обществе друзей и изучении природы. Вы смеетесь надо мной, говорите, что это несбыточная затея. Вы мастер по этой части, но дождитесь развязки и после этого я позволю вам судить. Я знаю, вы будете меня осуждать, но я не могу потупить иначе, ибо чистая совесть — мое главное правило, а она никогда не сможет быть чистой, если я возьмусь за непосильное дело»¹⁵³.

В этом письме большое значение отводилось политике: весной 1796 г. Александр был тверд в своем решении и не изменил его, несмотря на давление своей бабки, которая чувствовала скорое приближение смерти. Но ценность этого документа заключается еще и в том, что он характеризует личность Александра. В девятнадцать лет «будущий венценосец», которого готовили к царствованию, ни разу не позволив отправлять власть на практике, действительно относился к себе как к обычному человеку с простыми и скромными вкусами, человеку, не способному соперничать с историческими деятелями, о которых ему рассказывал Лагарп, и поэтому неспособному взять на себя выполнение столь колоссальной задачи как правильное

управление Российской империей. Дважды, в феврале и в мае 1796 г., Александр утверждал, что не чувствует себя готовым к тому высокому положению, которое ему уготовано, и что, будучи убежден в своих недостатках, он принял решение отречься от престола и удалиться на берега Рейна, то есть в германские земли. Возможно, в подобном тропизме следует усматривать сомнения будущего российского императора относительно собственной идентичности: в 1796 г. Александр еще не ощущал себя по-настоящему «русским»¹⁵⁴.

Как бы то ни было, это признание свидетельствует о явном провале воспитательной программы Екатерины II, которая, несмотря на свою любовь и неустанное внимание, не сумела передать Александру свое страстное желание править. Оно также свидетельствует о частичном провале образовательной модели Лагарпа. Разумеется, обучение дало Александру примеры для подражания и моральные императивы, которые выгодным образом отличались от атмосферы порока и лжи, царившей при дворе Екатерины. Оно также познакомило его с рядом политических категорий — таких, как свобода, равенство и справедливость, — которые начиная с 1796 г. служили для него отправной точкой в рассуждениях о России. Но в то же время исторические примеры, на которых был взращен Александр, — одновременно превосходные в силу того, что они воспевали образцовые ценности, и неприменимые в политической практике вследствие их оторванности от жизни и абстрактности, — способствовали появлению у него сомнений и даже комплексов относительно собственных возможностей. Воспитанный для того, чтобы править и навязывать свою волю, Александр в девятнадцать лет был неуверенным человеком, страшившимся власти.

5 ноября 1796 г. Екатерина II, перенеся удар, на двадцать два часа пала в кому. В тот же день Павел, узнав о критическом состоянии матери, покинул Гатчину, чтобы оказаться у ее постели, где он оставался, не смыкая глаз, до самой ее смерти, которая наступила утром 6 ноября. Тогда Павел потребовал у Платона Зубова все личные бумаги его матери и, найдя завещание Екатерины II, в котором она передавала трон Александру, сжег его. Со своей стороны, Александр ничего не сказал о распоряжениях, сделанных в его пользу бабкой. Отныне ничто не мешало началу правления Павла I.

ЦЕСАРЕВИЧ ПРИ ДВОРЕ ПАВЛА I (1796–1801)

В течение десятилетий Павел I не пользовался популярностью: в историографии интерес к его фигуре был невелик¹⁵⁵, а установившийся взгляд отличала чрезмерная строгость. Единодушно описываемый как раздражительный и своенравный деспот, чья паранойя усиливалась день ото дня, он, вероятно, мог связно мыслить исключительно на предмет ненависти по отношению к Екатерине II и желал искоренить память о своей матери и свести на нет ее дела. Павла I, вызывавшего ненависть и страх у современников, которых непрестанно тревожил беспорядочный ход его царствования, выступавшего в роли героя нелепого и причудливого романа¹⁵⁶, в конечном счете постигла трагическая судьба, которую он, возможно, в общем и целом заслужил.

В настоящее время столь односторонний взгляд ставится под сомнение, и предлагается более сложная трактовка. Не отрицая многочисленные бесчинства и противоречивые обстоятельства царствования, современные исследователи¹⁵⁷ стремятся показать, что Павел I не действовал импульсивно и беспорядочно, но преследовал цели, основанные на его политических взглядах. Поскольку эти взгляды вступали в противоречие с интересами определенной части правящего сословия, последние, как считается, были вынуждены подготовить заговор, нацеленный на свержение монарха, и, наверное, участвовали — посредством своих сочинений и свидетельских показаний, относящихся ко времени после царствования Павла I, — в создании неприглядного образа императора с целью оправдать его убийство.

Разумеется, подобное новое прочтение истории представляет большой интерес — прежде всего потому, что гораздо больше внимания уделяется личности Павла I, но также и потому, что оно подспудно подталкивает к тому, чтобы высказать новую гипотезу касательно условий, при которых Александр I мог бы прийти к власти. Цареубийство, больше не рассматриваемое как трагический эпизод, неизбежный вследствие сумасбродства Павла I, объяснялось бы совокупностью прозаических обстоятельств, носящих отпечаток реальной политики. Какую же роль играл Александр в течение месяцев, пред-

шествовавших убийству? Какие соображения могли подтолкнуть великого князя к тому, чтобы выразить свое согласие с заговором? В попытке составить более ясное представление об этих предметах следует обратиться к изучению не только собственно царствования Павла I, но и жизни цесаревича при дворе своего отца и тех движений души, вследствие которых девятнадцатилетний юноша, не уверенный в себе, проникнутый сыновней любовью и не имевший твердого желания царствовать, всего за пять лет превратился в мужчину, полного решимости взойти на трон и, хотя и заботившегося о том, чтобы сохранить отцу жизнь, но вместе с тем уверовавшего в необходимость его отстранения от власти.

Конец «царствования женщин»

Взойдя на трон 6 ноября 1796 г. и будучи коронован 5 апреля 1797 г., Павел I постарался поскорее избавиться от части наследия своей матери — как символического, так и фактического. Уже в ночь на 5 ноября, когда императрица находилась в коме, он поспешил уничтожить личные бумаги Екатерины II и, уверившись в полной легитимности своей власти, тотчас же подтвердил свое стремление к радикальным переменам.

Прошло время «царствования женщин»¹⁵⁸, декадентского пристрастия его матери к безнравственным удовольствиям, фривольной красоте и моде на все французское; настало время культа порядка и мужественности, источником вдохновения являлось наследие Фридриха Великого. Павел I сразу же распорядился закрыть Царскосельский дворец, к которому он питал отвращение, и обосновался в Зимнем дворце, по-прежнему проводя летние и осенние месяцы в Гатчине или Павловске. Едва его успели провозгласить императором, как он самым дотошным образом взялся за составление указов, которые должны были изменить петербургские нравы, на его взгляд, пришедшие в упадок. Дворяне обязывались скромно обедать в час дня, после десяти часов вечера вводился комендантский час, а на главные улицы Санкт-Петербурга, вход на которые в ночное время перекрывался, могли попасть только доктора и акушерки. Офицерам не разрешалось передвигаться иначе, кроме как в открытом экипаже или верхом. Наконец, одежда должна была соответствовать четким правилам, и все предметы одежды, способные вызвать подозрение в наличии французского влияния, были запрещены к ношению:

«<...> было запрещено выходить во фраке, и можно было появляться на улице не иначе, как в мундире, присвоенном по должности, и со всеми орденами, если таковые имелись. Круглые шляпы, панталоны, сапоги с отворотами — все это было строго запрещено, и указ этот подлежал не-

медленному исполнению, так что у многих не хватало времени и материальных средств, чтобы исполнить его. Одни были вынуждены скрываться у себя дома, другие появлялись на улицах, одетые, как кто мог: в маленьких круглых шляпах, переделанных наскоро посредством булавок в треуголки, во фраки, с которых сняли отложные воротники, а потом нашли на них клапаны, в панталоны, подобранные изнутри и прилаженные к коленям, с обрезанными кругом и напудренными волосами и с привязанной сзади косой»¹⁵⁹.

В последующие месяцы и годы эта мелочная регламентация только усилилась. Всегда полагаясь на указы, император стремился переделать все: одежду, нравы и речь, здания и ландшафт. В феврале 1799 г. был запрещен вальс, несколько недель спустя запретили «носить волосы, спадающие на лоб», «дамам носить на плече разноцветные ленты, как это делают мужчины, и всем — носить длинные локоны, ниспадающие слишком низко». Под запретом оказались также жабо и бакенбарды. Повсюду должно было царить спокойствие. Детям больше не разрешалось выходить на улицу без сопровождения. Кучера и форейторы, находясь в пути, больше не могли громко окликать своих лошадей¹⁶⁰!

Эти шаги сопровождалась более основательными мерами, касавшимися цензуры. В феврале 1797 г. отдельным указом запрещалось чтение и распространение большинства произведений на французском языке. Такие слова французского происхождения, как гражданин, клуб, общество и революция — даже если речь шла о вращении [«революции» по-французски. — *Прим. пер.*] небесных тел — отныне попадали под запрет. 17 мая 1798 г. во всех русских портах были учреждены цензурные комитеты, осуществлявшие надзор за поступавшей из-за границы печатной продукцией. 18 апреля 1800 г. новый указ воспрещал привоз из-за рубежа любых партитур и иностранных произведений. Наконец, император запретил молодым аристократам обучаться за границей. Вот те меры, которые, очевидно, вызывали сильное раздражение просвещенной части общества.

В применении крайних средств Павел I не ограничивался нравами и кругом чтения своих подданных. Пребывая в своеобразном упоении и исступлении, тот, кто наконец-то стал императором в возрасте сорока трех лет, был одержим желанием нагнать упущенное время и действовать по всем направлениям, на всех фронтах. Под воздействием этого желания быстро провести преобразования, которые он замыслил для страны, Павел впал в настоящую горячку в том, что касалось законотворчества и регламентации жизни. Об этом свидетельствует небывалое число манифестов, указов, регламентов и прочих законодательных актов, изданных в то время: за 1586 дней, с 7 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г., их общее число составило 2179 —

всего в два раза меньше, чем за тридцатилетний период царствования Екатерины¹⁶¹.

Желая обрести символ собственной власти и обосновать легитимность своего правления, тот, кто являлся незаконнорожденным ребенком, отвергнутым собственной матерью, прежде всего нуждался в том, чтобы добиться общественного признания своего родства и стереть «позор»¹⁶² 1762 г. С этой целью он, избрав несколько мрачный способ, провел эксгумацию тела Петра III, которое покоилось в Александро-Невской лавре, надел на него императорскую корону и повелел установить гроб отца в Зимнем дворце, рядом с гробом Екатерины II, после чего распорядился захоронить останки обоих в Петропавловской крепости. Впоследствии, весной 1797 г., спустя всего несколько недель после собственной коронации, он издал указ о порядке престолонаследия: отныне устанавливалось право первородства наследников мужского пола — по линии великих княгинь престол передавался лишь в том случае, если пресекались все мужские линии наследования.

В первые недели своего царствования Павел I принялся освобождать почти всех, кого его мать заключила в тюрьму по политическим или религиозным мотивам. 7 ноября он выпустил из Шлиссельбургской крепости писателя и издателя Н. И. Новикова, 23 ноября подписал указ об освобождении от каторжных работ А. Н. Радищева, находившегося в Илимске, с назначением ему внутренней ссылки, затем отпустил на волю всех мартинистов¹⁶³, ранее заключенных под стражу. Сохраняя верность своим симпатиям по отношению к полякам, которые он неоднократно выражал в присутствии Екатерины II, Павел I 19 ноября нанес визит генералу Т. Костюшко, освободил его и назначил пенсию в качестве политической и моральной компенсации за страдания, перенесенные польским патриотом. Однако исправить польскую трагедию политическими мерами Павел не пытался.

Проявившись уже в мемуарах, составленных будущим императором в 1774 г., пацифизм Павла I, который порывал с милитаристской политикой Екатерины II, наглядно дал о себе знать во внешнеполитической сфере. Император отозвал армию, отправленную Екатериной для ведения войны против персов на Кавказе, и отказался выслать экспедиционный корпус, который императрица пообещала предоставить англичанам и австрийцам в их борьбе против революционной Франции, — поступив так не из симпатии к последней, ибо питал к ней отвращение, а скорее из ненависти к войне вообще.

Подозрительное отношение к дворянству и желание иметь абсолютную власть над всеми подданными, — в чем Павел признавался шведскому послу («В России велик лишь тот, с кем я говорю, и до

тех пор, пока я с ним говорю»¹⁶⁴), — подталкивали императора к тому, чтобы заставить дворян служить государству и ограничить привилегии, дарованные этому сословию Екатериной II. Не отменяя изданного в 1785 г. «Манифеста о вольности дворянства», Павел I пренебрег некоторыми из заявленных в нем гарантий: время от времени он облагал дворян денежными сборами и позволял себе приговаривать их к ссылке в Сибирь и телесным наказаниям.

Наконец, Павел I старался бороться против взяточничества и служебного нерадения, процветавших на гражданской службе и в армии. Он восстановил авторитет центральной власти, требуя большей покорности от губернаторов, пользовавшихся, по его мнению, излишней свободой, и взялся за крупную военную реформу.

Подготовленные генерал-лейтенантом Ф. В. Ростопчиным новые излишне скрупулезные уставы, содержавшие массу деталей (регламентировались характер равнения, расстояние между солдатами во время смотров и ритм их шага), с ноября 1796 г. вводились в кавалерию и пехоте, а с февраля 1797 г. — на флоте. Эти уставы, источником вдохновения при написании которых стала прусская модель, разработанная Фридрихом Великим, тотчас же заслужили неодобрение значительного числа высокопоставленных офицеров. Блестящий полководец А. В. Суворов, который смело заявил Павлу I: «Русские всегда били пруссаков, так что же тут перенимать?», 17 февраля 1797 г. был уволен со службы за «дерзость»¹⁶⁵. В обмен на значительное увеличение жалования рядовым и офицерам Павел I требовал от всех полков, в том числе и лейб-гвардейских, у которых до этого было меньше должностных обязанностей, посвящать все свое время службе и придерживаться железной дисциплины. Император нашел способ удостовериться в том, что его приказы соблюдаются должным образом, создав корпус инспекторов.

Эти меры, предназначенные для восстановления порядка в армии, могут показаться оправданными: к моменту восшествия на престол Павел I отдавал себе отчет в том, что некоторые полки существовали лишь на бумаге, а дезертирство стало обыденным явлением. Но жестокие методы, к которым прибег император: за три года семь фельдмаршалов, более трехсот генералов и свыше двух тысяч офицеров были уволены со службы¹⁶⁶ в сочетании с чрезвычайной централизацией в принятии решений — в течение почти целого месяца император лично решал вопросы, касавшиеся всех переводов по службе, назначений и отпусков, военная власть была сосредоточена в руках императора и его канцелярии, а все генеральные штабы были ликвидированы¹⁶⁷, — вызывали нездоровые явления и негодование в армии. Более того, навязывая солдатам новое обмундирование, напо-

минавшее обмундирование пруссаков и к тому же неудобное¹⁶⁸, подвергая офицеров дисциплинарным взысканиям¹⁶⁹ и предоставляя возможность быстрого продвижения по службе солдатам украинского и германо-балтского происхождения в составе Гатчинской армии, Павел I неловко задевал патриотические чувства русских офицеров¹⁷⁰, особенно тех, кто несли службу в рядах лейб-гвардии и без того были уязвлены утратой значительной части своих служебных привилегий.

Глубокое и искреннее религиозное чувство императора вызывало у него желание улучшить положение крестьян. К рассмотрению этого вопроса он подходил, как это хорошо показано у российского историка А. Н. Сахарова, скорее с позиций патримониализма¹⁷¹, даже патернализма, нежели руководствуясь экономическими соображениями. В манифесте, провозглашенном во время своей коронации, происходившей в день православной Пасхи, Павел I объявил, что отныне крестьянам запрещено работать по воскресным и праздничным дням и что барщина будет ограничена тремя днями в неделю¹⁷². Впоследствии другим указом запрещалась продажа крестьян без земли, которую они обрабатывали. Но в то же время, и это отнюдь не самое серьезное противоречие, Павел I, обнаруживая печальную преемственность с царствованием Екатерины II, после вступления на престол раздал своим фаворитам около 100 тыс. крепостных крестьян¹⁷³.

Нуждаясь в поддержке при проведении реформ, он приблизил к себе ряд бывших советников Петра III, особенно полагаясь на своих «гатчинских людей», которым он предоставил широкие полномочия. В конце 1796 г. А. А. Аракчеев, получивший чин генерала, был назначен комендантом Санкт-Петербурга.

Неистовая деятельность сопровождалась нескончаемыми поездками, цель которых заключалась в том, чтобы дать Павлу I возможность лучше узнать страну и исцелить подтачивавшие ее болезни.

Весной 1797 г. император с двумя старшими сыновьям и в сопровождении А. А. Аракчеева — получивший баронское достоинство и награжденный орденом Святого Александра Невского, тот более чем когда-либо был приближен к императору и являлся его личным советником — посетил Москву, Смоленск, Могилев, Минск, Вильну, Гродно, Ригу и Нарву. Александр оставил подробный отчет об этом путешествии в почти ежедневных письмах к оставшейся в Гатчине матери, которые представляют большую ценность для историка. Он передавал ей свои впечатления о местах, через которые проходил их маршрут, посещенных городах, пейзажах, оставил забавные замечания по поводу удобств, порой самых элементарных, которые ожидали их на каждом этапе пути, или, напротив, отмечал радушный при-

ем и обильное угощение¹⁷⁴. Впервые в жизни молодой человек по-настоящему ощутил многообразие территорий и населения Российской империи. Год спустя император снова двинулся в путь. Везде сопровождаемый Александром и Константином, на этот раз он направился в Новгород, Тверь, Москву, Владимир и Нижний Новгород. За время двух путешествий Павел I встретился с представителями всех сословий, получил конкретные сведения о жизни своих подданных, критиковал и наказывал тех, чьи ошибки и злоупотребления он обнаруживал. Но делая это, он своей суровостью и жестокостью характера вселял ужас в подданных, привыкших жить вдали от надзора власти¹⁷⁵, а перепадами настроения и насильственными мерами начал вызывать беспокойство Александра.

Действительно, проявляя импульсивность и нетерпение при проведении реформ, Павел I, прибегавший к силе и произволу, постепенно устанавливал все более военизированный образ правления. Питая недоверие к старинным дворянским семействам, благодествовавшим при Екатерине II, он без колебаний избавлялся от них, даже приговаривал к ссылке и конфисковывал имущество, часто под ничтожным или надуманным предлогом:

«Тогда он начал ссылать, но не виновных, ибо никому не приходило в голову провиниться, а наиболее сдержанных, наиболее услужливых и наиболее покорных. Ссылки охлаждающе подействовали на других; от этого произошли новые ссылки, новые охлаждения и настал скоро всеобщий ужас с одной стороны и подозрительность, остервенение — с другой. Дошло до того, что через три года в Петербурге не было ни одного должностного лица и ни одного уцелевшего семейства из всех тех, которых там оставила умирающая Екатерина»¹⁷⁶.

Историк Н. Я. Эйдельман приводит очень интересные цифры о масштабах и характере судебных дел, рассматривавшихся в царствование Павла I¹⁷⁷: за четыре с половиной года состоялся 721 гражданский процесс (тогда как за тридцатипятилетнее царствование Екатерины II таких процессов было 863), из них около половины (44 %) было возбуждено в отношении дворян, большую часть которых посадили в тюрьму или отправили в ссылку¹⁷⁸. От безнаказанности дворянства в царствование Павла I остались лишь воспоминания.

Таким образом, если первые шаги Павла I и предвещали царствование, способное исправить злоупотребления и вопиющие неурядицы, унаследованные от эпохи Екатерины II, то очень скоро произвол, возведенный им в ранг государственного правления, сделал монарха непопулярным. Разумеется, открытым остается вопрос об отношении к его действиям простых людей, особенно крестьян и солдат, чье благосостояние в эти годы улучшилось, но высшие слои общества — прежде всего придворная знать — ненавидели императо-

ра. Вынужденные подчиниться, они смотрели на Павла I как на деспота, тем более опасного, что он был непредсказуем. Александру не более чем прочим придворным удалось не поддаться чувству страха и неуверенности.

Александр при дворе Павла I

С начала царствования Павла I Александр оказался в двойственном положении. С материальной и финансовой точек зрения, оно ощутимо ухудшилось:

«Великий князь наследник <...> с первого же года царствования отца убедился, насколько его положение было хуже в сравнении с тем, коим пользовался его отец при тех же условиях. Ему было назначено содержание в 500,000 руб. в год, а великой княгине, его супруге — 150,000 руб., но, кроме квартиры, он не пользовался ничем другим. Он имел свой собственный придворный штат, свой стол, свою конюшню и за все это должен был сам платить»¹⁷⁹.

Однако в политическом плане, в отличие от Екатерины II, которая так долго держала внука в стороне от власти, Павел I, едва провозглашенный императором, наделил своих двух сыновей, особенно Александра, важными полномочиями. Новое положение, льстившее самолюбию великих князей и укреплявшее их сыновнюю любовь, как представляется, свидетельствовало о желании Павла I искоренить подозрительность и злопамятность, доставшиеся ему в наследство от Екатерины II. С этой точки зрения царствование началось в обстановке успокоения, даже молчаливого примирения. Александр был назначен шефом лейб-гвардии Семеновского полка, членом Сената, инспектором кавалерии и пехоты Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий, а 1 января 1798 г. стал председателем военного департамента Сената. Тем не менее молодой человек с самого начала отдавал себе отчет в том, что эти должности, сколь бы блестящи они ни были, в действительности не обеспечивают ему независимого положения и не дают власти. Находясь по воле своего отца под постоянным наблюдением А. А. Аракчеева, Александр был низведен до уровня мальчишки, лишеной всякой свободы. С первых дней царствования Павла I, великий князь был обязан каждое утро детально отчитываться о своих действиях перед императором, чей произвол и деспотизм он испытывал на себе, подобно остальным подданным. И он боялся своего отца, который, зачастую обращаясь с ним как с бездарным и слабоумным человеком, делал ему выговоры и осыпал унижительными упреками.

«Он был шефом 2-го гвардейского полка, генерал-инспектором, председателем военного и морского департаментов, высшим начальником госу-

дарственной полиции и первоприсутствующим в Сенате; все это составляло как будто вполне определенное премьерство, но никто не обращал внимания ни на его мнимый авторитет, ни на его милость. Он не мог никого ни назначать, ни увольнять, не мог подписывать своего имени без особого разрешения, которое не имел даже права испрашивать. Питомец и жертва гатчинцев, он должен был терпеть от них обращение не как начальник и не как сын императора, а как воспитанник, которого то бранят, то вовсе не замечают»¹⁸⁰.

Часто Александру удавалось избежать гнева отца лишь благодаря заступничеству А. А. Аракчеева, который исполнял роль посредника и помогал ему, без ведома Павла I. Именно этот фаворит — вместо Александра — ежедневно занимался подготовкой личного состава Семеновского полка, и часто именно он составлял рапорты об общем положении гарнизона, перемещениях населения, о прибытии в Санкт-Петербург и выезде из него того или иного иностранного или провинциального путешественника, которые молодой человек должен был направлять отцу дважды в день¹⁸¹. Очевидно, это говорит о большой самоотверженности Аракчеева. Сложившиеся в годину испытаний, когда Александр ощущал себя особенно уязвимым, отношения полного доверия, которые постепенно установились между царевичем и молодым генералом, заронили в душу будущего императора чувство глубокой признательности, которому не суждено было померкнуть.

Испытывая все большую усталость от многочисленных военных обя занностей¹⁸², покоряясь воле отца, который заставлял его, как председателя военного департамента Сената, подписывать документы (в частности приговоры), с содержанием которых он был не согласен, Александр сносил капризы Павла I, постоянно находясь в атмосфере, которая с течением месяцев становилась все более гнетущей. В одном из писем к матери за 1797 г. Елизавета Алексеевна писала следующее:

«Иметь честь не видеть императора — это всегда кое-чего стоит. По правде сказать, *Maman*, этот человек мне widerwärtig¹⁸³, а разговоры о нем и его общество противны мне еще больше, ибо всякий, кто бы он ни был, кто произносит в его присутствии что-либо, что имеет несчастье быть неприятным Его Величеству, может ожидать грубости в свой адрес. Также я уверяю вас в том, что, за исключением нескольких приближенных лиц, в целом большая часть общества питает к нему отвращение; ходят слухи, что даже крестьяне начинают об этом поговаривать. Что и говорить о той несправедливости, о которой я вам подробно писала в прошлом году? К настоящему времени она удвоилась, а жестокости творятся прямо на глазах у императора. Вообразите себе, *Maman*, как-то он повелел высечь офицера, ответственного за снабжение императорской кухни, за то, что поданное к обеду мясо было плохо сварено. Он велел высечь его у себя на

глазах, да еще заставил выбрать для этого палку потолка. Он велел посадить его под арест. Мой муж сказал ему, что этот человек невиновен, что кто-то другой виноват, на что тот ответил: "Все равно, они действовали вместе". О, *Maman!* Это причиняет боль, страшную боль, когда каждый день видишь несправедливость, жестокость, видишь, как причиняют страдания (сколько их на его совести?), и обязан делать вид, что уважаешь, ценишь подобного человека. Скажите, *Maman*, разве это не мука быть придворной подобного человека. Ко мне относятся как к самой уважаемой невестке, но, сказать по правде, без нежности; впрочем, ему все равно, любят его или нет, при условии, что его боятся, о чем он сам говорил. И его желание, как правило, исполняется, его боятся и ненавидят повсеместно, по крайней мере в Санкт-Петербурге. Порой он может быть лобезным и ласковым, когда ему так захочется, но его настроение более переменчиво, чем флюгер»¹⁸⁴.

Эта тяжелая атмосфера, злоупотребления, свидетелем которых являлся Александр, и гнет, жертвой которого он не раз оказывался, укрепили его убежденность в том, что методы управления, взятые на вооружение его отцом, не отвечали интересам государства. Но если в 1796 г. Александр в письмах к В. П. Кочубею не примерял на себя роль монарха, то с конца весны 1797 г. все более резкая критика по отношению к тирании Павла I сочеталась у него с размышлениями о его собственном видении власти и о тех средствах, с помощью которых он будет ее отправлять, «когда настанет его черед». Отныне он намеревался не просто критически наблюдать за растущим числом нарушений в работе государственной машины, но стать исключительным проводником грядущих изменений.

В письме Ф. Лагарпу от 27 сентября 1797 г. — Н. Н. Новосильцев¹⁸⁵, находившийся тогда проездом в Париже, передал его лично в руки бывшему наставнику цесаревича — Александр утверждал следующее:

«Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более. Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь. <...> Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России и су-

дите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком.

Вам уже давно известны мои мысли, клонившиеся к тому, чтобы покинуть свою родину. В настоящее время я не предвижу ни малейшей возможности к приведению их в исполнение, а затем и несчастное положение моего отечества заставляет меня придать своим мыслям иное направление. Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то, вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев»¹⁸⁶.

Столь сильная перемена была в значительной степени вызвана развитием личности Александра. Он объяснял ее также поддержкой, которую получал в своих политических исканиях от близких друзей. В апреле 1797 г. — в то самое время, когда проходили церемонии, связанные с коронацией Павла I, — Александр встретился в Москве с А. Чарторыйским, П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым¹⁸⁷, чтобы поведать им о своем желании провести крупные политические реформы, как только он сам станет императором. Начиная с этого времени четверо молодых людей завели привычку тайно встречаться ежедневно у графа А. С. Строганова, салон которого пользовался репутацией либерального. Вне салона, в секретных беседах, четверка свободно обсуждала ключевые вопросы, как о том свидетельствует продолжение письма, отправленного Александром Ф. Лагарпу:

«Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы проведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей.

Вот в чем моя мысль. Я поделился ею с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом. Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Чарторыйский (мой адъютант, выдающийся молодой человек) и я. <...> Но когда же придет и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им. Вот в чем моя идея, мой милый друг.

Ах, как же я бы был счастлив, если бы мог в настоящее время иметь вас рядом с собою! Какую бы службу вы бы могли мне сослужить! Но это мысль, которой я не смею предаваться. <...> Дай же Бог, чтобы мы смог-

ли достичь цели и сделать Россию свободной, оградить ее от посягательств деспотизма и тирании! Вот мое единственное желание, и я добровольно пожертвую всеми своими силами, своей жизнью, во имя исполнения столь дорогой для меня цели»¹⁸⁸.

Это письмо имеет большое значение. Не только потому, что впервые за 1796 г. Александр, казалось, смирился с перспективой взойти в один прекрасный день на трон, но еще и потому, что масштаб реформ, которые он стремился осуществить и среди которых на первом месте стояло принятие конституции, свидетельствовал о том, что он принял решение сделать из своего царствования инструмент политической революции.

В этом письме Александр не упоминает Кочубея: молодой посланник в Константинополе¹⁸⁹ еще ничего не знал о только что начатых дискуссиях. Однако, будучи отозван в Санкт-Петербург в 1798 г. и назначен вице-канцлером, он сразу же присоединился к кружку и внес свой вклад в общие размышления. Деятельность кружка была бурной — Новосильцев, обобщив их мысли, размножил их в виде записок и очерков, — но не продолжительной: как только подозрения Павла I на их счет усилились, молодые люди разбежались. В сентябре 1797 г. Новосильцев, заподозренный Павлом I в либеральных настроениях, покинул Россию и отправился в Англию. В августе 1799 г. Кочубей уволился с поста вице-канцлера и вскоре после женитьбы, состоявшейся в ноябре, предпринял длительное путешествие в Европу и в начале 1801 г. обосновался в Дрездене (Германия). Что касается Чарторыйского, которого Павел I и без того держал на удалении за его либеральные идеи, то его насильственно заставили покинуть Россию: 18 мая 1799 г. он был назначен российским послом в Сардинском королевстве после того, как ему пригрозили ссылкой в Сибирь. В тот же день Елизавета Алексеевна родила дочь Марию, чье сходство с польским князем вызвало пересуды при дворе и разгневало Павла I. Обладая слабым здоровьем, ребенок умер 27 июля 1800 г., что повергло Елизавету Алексеевну в глубочайшую печаль¹⁹⁰.

Последовавшие один за другим отъезды — лишь П. А. Строганову удалось остаться в окружении Александра — изолировали наследника от престола. Однако цесаревич не оставил раздумий над планом реформ. Выдержка из его личного дневника, озаглавленная «Разновременные мысли о всякого рода предметах, касающихся общественного блага» и появившаяся в период между 12 июня 1798 г. и 1 ноября 1800 г., ясно свидетельствует об активной работе мысли Александра и его желании отменить крепостное право:

«Ничто не может быть более унижительным и бесчеловечным, чем продажа человеческих существ, а стало быть, совершенно необходимо издать указ, запрещающий ее раз и навсегда.

К стыду России, рабство существует здесь до сих пор. Полагаю, было бы излишне объяснять, почему столь желательно, чтобы ему был положен конец. Между тем следует признать, что сделать это очень сложно и опасно, особенно если взяться за дело внезапно. Я часто размышлял над средствами к достижению этой цели и не нашел иных, кроме нижеследующих.

Во-первых, опубликование вышеупомянутого указа.

Во-вторых, опубликование указа, который позволил бы самым разным людям покупать земли, даже с деревнями, но с тем условием, что крестьяне этих деревень обязуются платить оброк лишь с тех земель, на которых они проживают, и что в случае их неудовлетворенности, они свободны уйти туда, где им покажется лучше. <...>

В-третьих, по прошествии некоторого времени, <...> будет возможно опубликовать третий указ, обязывающий всех дворян не покупать земли и деревни кроме как на вышеупомянутых условиях. <...> Что касается власти, то она должна подавать пример, переводя государственных крестьян на положение свободных крестьян. <...>

Стыд, это могущественное орудие, действующее везде, где существует честь, во многом поможет склонить многих к тому, чтобы последовать этому примеру. Так Россия понемногу избавится от лохмотьев рабства, которые она до сих пор носит. <...>

Все это будет иметь двойную пользу: прежде всего, рабы, которыми мы были, станут свободными людьми [так ли? — А. П.], а затем условия жизни постепенно сравняются и исчезнут сословия»¹⁹¹.

Таким образом, хотя Александр и лишился своего ближнего круга и был утомлен военной деятельностью, которой его заставляли заниматься насильно, в 1798–1799 гг. он продолжал критически отзываться о современном ему положении Российской империи. Однако с этого времени он стал рассуждать с позиций лица, принимающего политические решения.

В то же время его личное положение становилось все более критичным по мере того, как ухудшалось состояние здоровья его отца. Конечно, нельзя сказать, что император впал в безумство¹⁹². Но страдая от навязчивых идей, вернее сказать, от усилившейся паранойи, он проявлял все большую подозрительность по отношению как к своим сыновьям, так и к Марии Федоровне, все чаще обвиняя их в попытках организовать заговор. В своих «Мемуарах» Ш. Массон пишет о том, как «однажды, увидев, что его жена разговаривает с князем Куракиным неподалеку от камина, он пришел в ярость: “Вы желаете, Мадам, — сказал он, — завести друзей и готовите себя на роль Екатерины; но знайте, что Вы не найдете во мне Петра III”»¹⁹³. В том

же 1799 г. тринадцатилетний Евгений Вюртембергский, племянник Марии Федоровны, был приглашен Павлом I к российскому двору, чтобы император мог за ним приглядывать и, возможно, воспитывать как своего будущего наследника¹⁹⁴. И так, в то время как Александр, вынашивавший политические планы, все явственнее ощущал, что ему грозит опасность, политические решения Павла I сплывали растущую оппозицию.

Усиление оппозиции

Два ключевых фактора — религиозная политика российского императора и его внешняя политика, — как представляется, играли определяющую роль в сплывании оппозиции.

Действительно, с 1799–1800 гг. Павел I начал вызывать сильное раздражение у иерархов православной церкви.

Оказавшись в пределах Российской империи в 1772 г. (в результате первого раздела Польши и последовавших за ним территориальных приращений), орден иезуитов, упраздненный в 1773 г. указом папы римского Клементя XIV, продолжал действовать в России, получив покровительство Екатерины II, которая видела в нем удобный инструмент для быстрого развития в России системы качественного среднего образования, а также рассчитывала использовать его как козырь в своей польской политике¹⁹⁵. В таких условиях орден развернул свою деятельность, и его миссионеры расселились вдоль течения Волги, на побережье Черного и Каспийского морей, на Кавказе и в Сибири. Однако то, что представляло собой акт веротерпимости, вызванный к жизни хорошо понятными интересами, в царствование Павла I вылилось в демонстрацию очевидной симпатии.

В 1800 г. ордену иезуитов было разрешено открыть колледж в Санкт-Петербурге, а также католическую семинарию в Вильнюсе. Но главным было то, что 7 марта 1801 г. в ответ на просьбу генерального викария иезуитов в России поляка Франциска Каре, которого император поддерживал лично, папа Пий VII издал указ под названием «*Catholicae Fidei*», которым узаконивалось положение ордена иезуитов в России¹⁹⁶. Воспринимаемые православными иерархами и патриотически настроенным дворянством как невыносимое посягательство на авторитет официальной церкви и на «все русское», эти меры вызвали, кроме того, раздражение императорского двора, и без того раздосадованного тем безмерным доверием, которым пользовался у Павла I австриец Габриэль Грубер — инженер, химик, специалист по морской архитектуре, вице-викарий ордена иезуитов в Рос-

сии и единственный человек в окружении императора, имевший право появляться у него без предварительного разрешения.

Что же касается частых духовных бесед, которые Грубер вел с Павлом I, то они вызывали беспокойство у русских, строго державшихся православной веры. Император дошел до того, что поручил ему подготовить текст документа, предусматривавшего объединение Восточной и Западной церквей. Будучи закончен и передан для чтения императору утром 11 марта 1801 г., в день его смерти, этот документ, который мог бы иметь исключительное значение в истории христианства, способствуя восстановлению отношений между Восточной и Западной церквями на новом уровне, остался лежать на письменном столе императора, так и не доведенный до сведения Павла I.

Благосклонно настроенный по отношению к иезуитам, Павел I также благоволил Мальтийским рыцарям. В этом он, казалось, также шел в русле царствования Екатерины II, которая установила связи с этим орденом вскоре после того, как Французская революция изгнала его из Франции. Однако то, что в царствование Екатерины II носило печать заинтересованной терпимости, — речь шла о том, чтобы оказать поддержку гонимому католическому ордену, — в царствование Павла I выглядело как проявление личного отношения императора: его непреодолимое влечение к рыцарским орденам во многом питало его ненависть к безбожной Франции и «республиканской заразе»¹⁹⁷. Это отношение вскоре довело Павла до эффектных жестов, непостижимых и даже оскорбительных в глазах православной церкви и ее иерархов.

30 августа 1798 г., желая усилить поддержку, оказываемую ордену в период, когда французы захватили Мальту и вынудили лиц духовного звания покинуть остров, Павел I принял их в России, провозгласил себя великим магистром ордена и защитником Мальты, не останавливаясь перед тем фактом, что Мальтийские рыцари признавали главой церкви папу римского. В глазах российского императора борьба против революционной Франции предполагала сближение христианских церквей, даже своего рода экуменизм, но эта позиция, кощунственная с точки зрения православной церкви, лишь усилила его непопулярность среди консервативной части элиты. К недовольству, вызванному религиозной политикой Павла I, вскоре добавилось раздражение, связанное с его внешнеполитической ориентацией начиная с 1799 г.

Павел I. с конца 1796 г. по 1798 г. не принимавший участия в международных делах, впоследствии занял более активную позицию во внешнеполитической сфере, во многом схожую с политической ориентацией Екатерины II.

В декабре 1800 г., по завершении переговоров, начатых в 1799 г. с Георгием XII, он подписал манифест об «унии» между Россией и христианским королевством Картли-Кахетия, по которому эта часть Восточной Грузии, находившаяся под угрозой захвата персами, переходила под российский протекторат, причем существовал замысел в скором времени присоединить эти земли. Павел I проявлял также заботу о расширении границ империи в направлении северной части Тихого океана. Если до 1799 г. русская экспансия на Аляске имела спонтанный характер, осуществляясь практически исключительно по инициативе охотников и купцов-авантюристов, то после 1799 г. император решил оказать активную государственную поддержку частной Русско-американской компании, которая получила разрешение на монопольное освоение в течение двадцати лет территорий, лежащих севернее 55-й параллели, с исключительным правом охоты и разработки полезных ископаемых.

Наконец, если поначалу Павел I стремился к сохранению Россией нейтралитета, то после 1797–1798 гг. российский император почувствовал необходимость вмешаться в европейские дела. Здесь он также обнаружил логику и императивы, отстаиваемые в свое время Екатериной II. В политическом и идеологическом плане в успехе сначала революционной, а затем наполеоновской Франции он видел опасную авантюру, способную поставить под угрозу социальный порядок, на котором зиждилось российское самодержавие. В геополитическом плане наполеоновская экспансия, обращенная в сторону Средиземного моря и опиравшаяся на возможный союз с Османской империей, естественным образом, как казалось Павлу I, ставила под сомнение прерогативы России, полученные ею после подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора. В столь беспокойной ситуации он предпринял как демонстративные, так и военные меры.

Прежде всего, он публично и официально поддержал французских монархистов. Возглавив «антиреспубликанский поход», в 1797 г., он предложил принцу Конде с армией перейти под российский протекторат: в результате не менее 5 тыс. солдат, 200 генералов и несколько тысяч бежавших семей были приняты в императорских владениях. Конде, принесший клятву верности российскому императору, был произведен в главкомандующие Мальтийского ордена.

Его армия, заново снаряженная и состоявшая из пяти полков, разместилась в Волыни¹⁹⁸. Кроме того, Павел I предложил будущему королю Людовику XVIII бежать в Россию, предоставив ему в качестве резиденции Митавский дворец, где будущий наследник французского престола поселился в изгнании вместе с двором¹⁹⁹. Однако в своем отрицании политического пути, по которому двинулась Европа, Павел I не удовлетворялся символическими жестами.

По совету канцлера Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко он вскоре перешел к наступательной политике, вступив во вторую коалицию в составе Англии, Австрии, Неаполитанского королевства, Португалии и Османской империи, а также предложив султану покровительство России в его противостоянии с Францией. 22 декабря 1798 г. это предложение было зафиксировано в трактате, в котором две империи выступали в качестве взаимных гарантов своей территориальной целостности. Павел I сразу же доказал делом свою антифранцузскую позицию: в течение зимы 1798–1799 гг. русско-турецкий флот под командованием Ф. Ф. Ушакова начал успешные действия в восточной части Средиземного моря и сумел выбить войска французов с Ионических островов. Несколько месяцев спустя, в 1800 г., на этих островах была провозглашена республика, находившаяся под опекой османов, но фактически занятая русскими. Представляя собой нечто новое, военное присутствие в данном географическом регионе служило для русских серьезным поводом для удовлетворения, о чем не без иронии будет сказано А. А. Безбородко:

«Нужно было появиться таким монстрам, как французы, чтобы состоялся спектакль, который я никогда не чаял увидеть на своем веку: союз с Портой и проход нашего флота через проливы»²⁰⁰.

В то же время русские войска во главе с А. В. Суворовым, который по требованию австрийского эрцгерцога Франца был возвращен императором из вынужденной ссылки, ожесточенно и победоносно сражались против французов в Италии, например, в ходе тяжелой битвы при Нови 15 августа 1799 г. Тем самым Россия впервые в своей истории выступала на международной арене в роли средиземноморской державы.

Между тем внешняя политика Павла I, до этого момента весьма рациональная, начала становиться менее последовательной — вследствие изменения международного положения и растущего влияния на императора партии англофобов. Именно этот резкий поворот, не оцененный придворными англофилами, ускорил организацию заговора.

В апреле 1799 г., после смерти А. А. Безбородко, во главе Коллегии иностранных дел были поставлены два вице-канцлера: камергер граф Ф. В. Ростопчин и Н. П. Панин, племянник бывшего советника Екатерины II. Каждый из них придерживался разных взглядов на внешнюю политику. Как и русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, Н. П. Панин был сторонником англо-русского союза, тогда как Ф. В. Ростопчин поддерживал идею сближения с Францией. С конца 1799 г., разочарованный поведением союзников и уступив влиянию Ростопчина и Суворова, потерпевшего поражение под Цюрихом в сентябре, Павел I, казалось, изменил свои взгляды на участие во второй коалиции.

Действительно, несмотря на то что русские войска не щадили своих сил в итальянских кампаниях, русско-австрийский союз начал расшатываться сразу после того, как были одержаны первые победы. Быстро множились спорные вопросы²⁰¹, что подтолкнуло Павла I в октябре 1799 г. к разрыву союза, начало которому было положено семью годами ранее Екатериной II. В то же время русско-английские отношения заметно ухудшились, поскольку Лондон негативно оценил тот факт, что российский император провозгласил себя протектором Мальты и двинулся в сторону Средиземного моря, в район, в котором, как считала сама Великобритания, она имела исключительные права. Государственный переворот «18 брюмера»²⁰² явился тем новым обстоятельством, которое, по мнению Павла I, требовало особого внимания: так как власть Бонапарта обещала быть долгой, следовало учитывать этот факт. Российский император утверждал следующее:

«Во Франции происходят изменения, нужно терпеливо, не трата сил, подождать оборота, который примет дело... Я полон уважения к первому консулу и его военным талантам. <...> Он действует, и это человек, с которым можно иметь дело»²⁰³.

В результате в начале марта 1800 г. Россия официально вышла из второй коалиции, а 18 марта император объявил английскому послу лорду Ч. Уитворту, что он требует его отзыва в Лондон. Между началом марта и концом мая, т. е. в период, в течение которого посол должен был покинуть пределы России, Ч. Уитворт и вице-канцлер Н. П. Панин предприняли тщетную попытку повернуть российскую дипломатию в старое русло: отъезд посла явился *de facto* следствием приостановки русско-английских отношений. 1 октября 1800 г., сразу после захвата Мальты англичанами, вызвавшего гнев российского императора, Ф. В. Ростопчин представил Павлу I амбициозный дипломатический проект. С одной стороны, союз с Францией должен

был позволить России быстро навязать раздел Османской империи, овладеть Константинополем и проливами, чтобы в конечном счете добиться «слияния престолов Петра I и Константина»²⁰⁴. С другой — проект предусматривал союз с Пруссией и Австрией и проведение политики вооруженного нейтралитета против Англии, которая при определенных обстоятельствах могла вылиться в открытое столкновение. Павел I выразил свое согласие с проектом и тотчас же ввязался в борьбу с Англией. В октябре 1800 г. в отместку за взятие Мальты, английские торговые суда были задержаны в российских портах, а их экипажи (всего 1043 человека) арестованы и отправлены в различные города и губернии.

Эти инциденты, являвшиеся симптомами крупномасштабного кризиса русско-английских отношений, воспринимались в Париже как добрый знак, и реакция первого консула не заставила себя ждать. Несколько недель спустя, Павел I получил от Бонапарта письмо с предложением союза, которое тот с воодушевлением принял 2 января 1801 г. Стремясь сделать жест доброй воли, Павел I тотчас же выпроводил из России всех французских эмигрантов, в числе которых был и будущий король Людовик XVIII, предписал своей канцелярии ускорить приготовления к войне против Англии и приказал атаману земли Войска Донского провести экспедицию против британской армии в Индии.

Именно дипломатические повороты и направленные против англичан решения, принятые в срочном порядке, явились катализатором заговора, к которому подстрекал Н. П. Панин. В представлении вице-канцлера новая профранцузская направленность российской дипломатии была немыслима. Но еще важнее было то, что воинственная политика Павла I и поспешность, с которой он бросил Россию в чрезвычайно опасный военный поход в Индию, свидетельствовали о «безумстве» императора, что полностью оправдывало осуществление заговора, замысел которого вынашивался в течение нескольких месяцев. И ранее не походивший на козни горстки дворян, озабоченных тем, чтобы покончить с невыносимыми причудами деспота, заговор отныне стал восприниматься как действие, нацеленное на спасение отечества и овеянное духом жертвенности.

Александр, — враждебно относившийся к тому направлению, в котором развивалась политическая система России, и заботившийся о том, чтобы исправить ее недостатки, проявивший слабость под влиянием нависшей над ним угрозы и воспитанный под началом Ф. Лагарпа в духе почитания героев-тираноубийц эпохи античного Рима, — не мог не быть чрезвычайно восприимчивым к этим веяниям.

Таким образом, молчаливое согласие цесаревича с заговором следует объяснять сочетанием политической и психологической составляющих. Однако очень скоро жестокое убийство человека, вынужденного в одной рубашке прятаться за портьерой, вместо героических грез стало вызывать в сознании Александра образ суровой действительности, воспоминания о которой, столь же мучительные, сколь и унижительные, тяжелым грузом легли на совесть новоиспеченного императора.

II

ЧТО ОБЕЩАЛО ЦАРСТВОВАНИЕ, ИЛИ ДУХ РЕФОРМ 1801–1807



5

ПОПЫТКА РЕФОРМЫ

Восшествие Александра на престол, состоявшееся на следующий день после смерти Павла I, поначалу вызвало взрыв ликования и оптимизма как в Санкт-Петербурге, так и в Москве. Молодость нового монарха, его обаяние, образованность вызывали благосклонное отношение как придворной элиты, так и просвещенной части общества, а многообещающее царствование не могло не сулить славных дней. Отражая широко распространенные в обществе настроения, Г. Р. Державин возвестил о собственном облегчении в стихах:

«Хриплый ветер Севера унял свой вой,
Сомкнулись грозны очи»¹.

Молодая графиня Р. С. Эдлинг, на тот момент недавно поселившаяся в Санкт-Петербурге вместе с родителями (впоследствии она станет фрейлиной Елизаветы Алексеевны), в свою очередь, свидетельствовала:

«Началось новое столетие и вместе новое царствование. Страшнейшим событием кончилось мрачное и гибельное для России царствование Павла I. Люди честные оплакивали совершившееся преступление, но в то же время сердца их отверзлись для радости и надежды»².

Никто в России не возвысил голос, чтобы изобличить заговор, жертвой которого пал Павел I. Зарубежные наблюдатели отпустили всего лишь несколько саркастичных замечаний. Мадам де Сталь с иронией писала, что «правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой»³, тогда как граф Ф. Головкин сообщал, что в момент коронации Александра 15 сентября 1801 г. в Успенском соборе Кремля «французская полиция в Вене перехватила письмо г-жи де Ноасевиль, эмигрантки, оставшейся в России, к графу О'Доннелл, камергеру австрийского императора. В этом письме между прочим находилась очень смелая фраза, достойная Тацита, которую Тюлерийский кабинет пустил в обращение: "Я видела, как этот молодой государь шел в соборе, предшествуемый убийцами своего деда, окруженный убийцами своего отца и сопровождаемый, по всей вероятности, своими собственными убийцами"»⁴.

Подобная благосклонность по отношению к новому монарху казалась тем более оправданной, что велико было количество нестроений в империи, которые он должен был исправить.

Российская империя в 1801 г.

В начале XIX в., несмотря на утверждение на международной арене⁵ в качестве великой державы и успехи в области промышленности, достигнутые в царствование Петра I, а затем Екатерины II⁶, которые, в частности, позволили России выйти на первое место в мире по производству чугуна, Российская империя представляла собой набор вопиющих архаизмов.

Прежде всего в плане политического устройства: в то время как в Западной Европе пробил час утверждения неотъемлемых прав личности, для Российской империи по-прежнему было характерно всемогущество самодержца, который рассматривался как монарх по божественному праву, правил государством по собственному желанию⁷ и навязывал свою волю всем своим подданным. Император являлся единственным источником права и правосудия и отправлял власть с помощью чрезмерно централизованного административного аппарата⁸ и продажной местной бюрократии, которая оставалась таковой, несмотря на все усилия Петра I и Екатерины II, направленные на борьбу с этим бедствием.

Власть императора распространялась на общество, которое, хотя и переживало демографический рост, но было разделено сословными перегородками.

Несмотря на то что численность населения росла впечатляющим образом: 37,4 млн человек в 1795 г., 40 — в 1801 г., 41,7 — в 1811 г.⁹, что отчасти объяснялось увеличением территории империи, основная его масса в начале XIX в. проживала в сельской местности — горожан насчитывалось всего 4 % — и была разделена на неравные по численности и замкнутые сословия¹⁰: дворянство, духовенство, купечество, государственные и крепостные крестьяне. В России к началу царствования Александра I согласно переписи числилось 225 тыс. дворян (5,6 % от общей численности населения)¹¹, 215 тыс. представителей духовенства, 119 тыс. купцов, к которым следует прибавить 15 тыс. офицеров и старших офицеров и такое же количество чиновников, что в целом составляет 590 тыс. человек, или 14,75 % всего населения страны.

Оставшиеся 85,25 % составляли крестьяне, большей частью неграмотные, всего 34 млн человек. Эта группа распадалась на 13 млн государственных крестьян, работавших на императора на его сельскохозяйственных угодьях или мануфактурах, в частности, на уральских металлургических заводах, и крепостных крестьян, составлявших большинство (более 20 млн человек) и являвшихся собственностью землевладельцев¹². Крепостные крестьяне были обязаны либо отрабатывать барщину на землях помещика, имевшего над ними пол-

ную власть, либо уплачивать денежный оброк — это касалось тех, кто работал на мануфактурах или занимался ремеслом. В сельскохозяйственных регионах с плодородными почвами — таких как Центрально-Черноземный район, Украина, Белоруссия, Поволжье — барщина часто доходила до четырех-пяти и даже семи дней в неделю, несмотря на изданный Павлом в 1797 г. указ¹³, ограничивающий барщину тремя днями в неделю. Это говорит о том, насколько трудны были условия жизни крестьян.

Крестьяне с религиозным фатализмом терпели экономические и финансовые притеснения (с ними обращались как со скотом, количество барщинных дней зависело от милости помещика), но в то же время регулярно поднимали восстания. В 1801 г. 32 из 42 губерний империи были охвачены крестьянскими волнениями¹⁴, которые породили в среде помещиков тревожное предчувствие грядущего бунта, подобного пугачевскому.

Дворянство, в Российской империи представлявшее собой единое сословие, было чрезвычайно неоднородно: в 1797 г. у 83,5 % дворян на каждого из них приходилось менее сотни крепостных, тогда как 1,5 % дворян имели более тысячи крепостных, в совокупности владея более чем одной третью всего крепостного крестьянского населения¹⁵. Кроме того, их положение по отношению к власти не было до конца определено.

Желая обновить экономику страны и повысить ее эффективность, Екатерина II, как было показано выше, искала средства к превращению дворянства в особую движущую силу экономического развития. С этой целью она освободила дворян от обязательной государственной службы, отправив их по именным. Параллельно, заботясь о том, чтобы придать стройности и эффективности государственному аппарату, императрица предоставила выборным от дворянства более широкие полномочия, положив начало местному самоуправлению¹⁶. Подталкиваемые государством к большей свободе действий, верхние слои дворянства на местном уровне стали извлекать для себя выгоду если не в политической, то по крайней мере в административной и социальной сферах, участвуя в благотворительности и создавая многочисленные филантропические общества. Наряду с этим дворянство, пользуясь интеллектуальной свободой, поощряемой Екатериной II по крайней мере до 1790–1791 гг., — в 1783 г. была отменена государственная монополия на печатное дело и появились частные издательства, — содействовало созданию научных обществ¹⁷, салонов и масонских лож. Эти различные учреждения, содействовавшие распространению знаний, за несколько лет способствовали появлению зачатков гражданского общества.

Но в то же время — и это является парадоксом, который в начале XIX в. достался по наследству Александру, — монаршее желание сохранить деление российского общества на отдельные сословия, чьи обязанности и права по отношению к государству фиксировались в текстах, составленных самим монархом, таких как Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г.¹⁸, — напротив, делали российское общество привычным к патерналистской логике, мало благоприятной для частной инициативы и энергичных действий и становившейся все большим анахронизмом. Более того, сея террор и произвол и ослабляя верхи общества, Павел I еще более способствовал усилению данной тенденции. Играя публичную роль, дворяне были вынуждены подчиняться прихотям императора, а то и навлекали на себя его гнев. Поэтому они предпочитали замыкаться в себе тогда, когда вездесущая и строгая цензура создавала препятствия для проявления всякого творческого начала.

Застыв как в своем политическом, так и социальном развитии, Российская империя в конечном счете оказалась изолированной от окружающего мира.

Являясь плодом экспансии, продолжавшейся в течение трехсот лет¹⁹, империя отличалась сильным этническим, религиозным и культурным многообразием. К моменту воцарения Александра Павловича восточные славяне — рассматриваемые тогда как русские в расширительном понимании этого термина, а в наши дни разделяемые на русских, украинцев и белорусов²⁰ — составляли 83 % подданных российского императора, однако на побережье Балтики, в Польше, в среднем течении Волги они являлись меньшинством по отношению к финно-угорскому, балто-, тюрко-, германо- (к которому относились и евреи) и польскоязычному населению. Однако доля каждого из этих народов в общей численности населения не превышала 3 %.

Православие являлось религией подавляющего числа русских (около 80 %), большей части украинцев (меньшая их часть причисляла себя к униатской церкви, придерживавшейся православного обряда, но подчинявшейся власти папы римского), некоторой части белорусов, а также отдельных народов (чувашей²¹, мордвы и мари²²), принимавших крещение начиная с XVII в. Однако в равной степени были представлены и другие конфессии: католицизм, пустивший прочные корни среди чуть более 10 % населения и широко распространенный среди поляков, литовцев, части белорусов и прибалтов; протестантизм, в основном лютеранство (5 % населения), преобладавшее в остзейских губерниях и среди германского населения империи; ислам (4 % населения) — религия волжских и крымских татар и

башкир; и, наконец, иудаизм (2,5 %), представленный в западной части империи²³. Переписи фиксировали также существование более изолированных и малочисленных религиозных групп. С начала XIX в. включение в состав Российской империи небольшой части Армении²⁴ привело к присоединению христиан, принадлежавших к армяно-григорианской монофизитской церкви, тогда как калмыки и буряты с XVII в. исповедовали ламаизм. Кроме того, в начале XIX в. языческие пережитки еще наблюдались как в Сибири, так и в среде русского крестьянства.

Культурное, религиозное и этническое многообразие не способствовало сплоченности имперского пространства, тем более что в первые годы XIX в. транспортная система была еще слабо развита. В этом отношении страна также страдала от явного архаизма: более чем 100 тыс. деревень и сел и около 583 городов, едва связанные друг с другом дорогами, в лучшем случае посредственного качества, и водными путями, пригодными для навигации лишь в течение части года, оставались сильно разобщенными. Первое паровое судно появилось на Неве лишь в 1815 г., а первая железнодорожная линия открылась только в 1837 г. Кроме того, в сфере торговли и товарообмена Россия играла скромную роль: в 1801 г. ее доля в международной торговле не превышала 3,7 %²⁵. Это говорит о том, насколько отсталой в территориальном, социальном и экономическом отношениях оставалась Российская империя.

Дворянские верхи в целом пассивно относились ко всем этим пережиткам, опасаясь, как бы пересмотр установленного порядка не создал угрозу их привилегиям, в особенности крепостничеству, которое давало им средства к существованию и упрочивало их положение. Однако в рядах дворян отдельные личности, верные идеалам эпохи Просвещения или находившиеся под влиянием либеральных идей, ждали реформ. Они желали политической эволюции в направлении парламентаризма, большей независимости дворянства от власти, а также экономических и социальных перемен, включая безотлагательную реформу системы крепостного права, сознавая, что она предосудительна с точки зрения морали и неэффективна в экономическом отношении.

К этому очень тесному кругу элиты принадлежали такие известные и приближенные ко двору аристократы, как вице-канцлер Н. П. Панин, братья Зубовы, граф П. А. Пален и все англофилы, сыгравшие заметную роль в организации заговора против Павла I. Были здесь и писатели, гораздо более скромного происхождения, которые очень рано выступили с критикой окружающей действительности: Н. И. Новиков, игравший ключевую роль в распространении в

России идей просветителей; молодой Н. М. Карамзин, тогда бывший сторонником конституционного устройства; А. Н. Радищев, чье «Путешествие из Петербурга в Москву», написанное в 1790 г., стало первой книгой, избличавшей крепостничество и отсталость крестьянства. Для последнего это, как известно, обернулось тюремным заключением и ссылкой в Сибирь при Екатерине II и внутренней ссылкой при Павле I. Итак, в момент вступления Александра на престол ожидания этой просвещенной части общества возросли, тем более что молодой монарх еще с 1796–1797 гг. придерживался критического взгляда на империю и политическое устройство России и явился, по поведению и первым принятым мерам, воплощением самой идеи реформы.

Новый стиль

С первых недель своего царствования — хотя мысли о трагедии и преследовали его неотступно — Александр I старался быть непохожим на отца во всех отношениях. Насколько Павел I был склонен вселять страх в окружающих, настолько новый император пленял своим обаянием, легкостью в обращении и притягательной силой, как это впоследствии засвидетельствовал посланник Наполеона при дворе в Санкт-Петербурге:

«Он был награжден многим от природы, <...> и было бы трудно найти столь же идеальную и грациозную фигуру. <...> Он говорил на совершенно чистом французском языке, без акцента, и всегда использовал красивые академические выражения. Поскольку в его речи не было и тени притворства, можно было легко заключить, что это являлось следствием хорошего воспитания»²⁶.

Александр I сразу же завел образ жизни, в корне отличный от того, которого придерживался Павел и его предшественники. С момента восшествия на престол 12 марта он велел своей матери покинуть Михайловский замок и переехать к нему в Зимний дворец. Он сразу же наделил ее привилегированным титулом вдовствующей императрицы, дававшим ей невиданные в русской истории prerogatives и авторитет. С этого времени Мария Федоровна стала влиятельной фигурой в новой императорской России, обновленной как в символическом, так и политическом плане. Как было верно отмечено М. Мартеном, автором биографии императрицы, новая ситуация ущемляла положение супруги Александра Елизаветы Алексеевны. В ходе большинства официальных церемоний император подавал руку своей матери, тогда как Елизавета Алексеевна следовала за ними в одиночестве. В последующие годы эта иерархия закрепилась официально.

Согласно плану рассадки, упоминаемому в опубликованном в Санкт-Петербурге церемониальном журнале дворецкого за 1806 г., каждому члену императорской фамилии отводилось свое место за столом:

«В присутствии Александра императрица²⁷ всегда располагалась от него по правую руку, то есть на почетном месте. Восемнадцатилетняя великая княгиня Екатерина Павловна держалась слева от брата, иначе говоря, занимала второе место по протоколу. Елизавета Алексеевна сидела рядом со свекровью. Еще одна деталь: когда в документах того времени речь шла об императрице, без дальнейших уточнений, часто имелась в виду Мария Федоровна, а не Елизавета Алексеевна»²⁸.

В тот же самый период в своем докладе на имя Талейрана, занимавшего тогда пост министра иностранных дел Франции, посол А. Савари подтверждал сведения относительно могущества Марии Федоровны и исключительности ее прав:

«Представительство находится со стороны императрицы-матери. Все внешние знаки уважения и почитания адресуются ей. Во время официальных церемоний Мария Федоровна часто берет императора под руку: императрица Елизавета Алексеевна следует за ней, в одиночестве. Я видел, как войска под ружьем и император верхом на коне ждали мать-императрицу, которая вовсе не появлялась. Он не позволяет себе оказывать покровительство, не производит назначений без того, чтобы не поехать к ней на поклон и не поцеловать ей руку в знак благодарности: однако он ничего не говорит Елизавете Алексеевне, это не принято. Вельможи Санкт-Петербурга боятся и две недели не появляются у императрицы-матери. Елизавета Алексеевна туда практически не заходит, а император обедает три раза в неделю и часто там же ночует»²⁹.

Александр I также выделил матери солидные средства, которые позволили ей, с одной стороны, фактически содержать собственный двор, более блистательный, чем двор самого императора, а с другой стороны, властно управлять обширной сетью благотворительных и учебных заведений, игравших важную роль на протяжении всего царствования Александра I.

Некоторые историки усматривали в небывалом положении Марии Федоровны стремление Александра I «вернуть» матери положение императрицы, которого ее лишила преждевременная смерть Павла I. Хотя это объяснение не следует сбрасывать со счетов, мне тем не менее представляется важным сделать акцент на глубокой, открытой и искренней привязанности сына к матери, на бесконечном доверии, которое молодой человек питал к Марии Федоровне, и на необходимости в безмолвном распределении ролей, которую ощущал Александр I: матери — императорский блеск, ему же самому — простота и приближенность к подданным. А. И. Михайловский-

Данилевский, который впоследствии стал адъютантом императора, а еще позже — историком войны 1812 г., очень быстро уловил в поведении Александра I человечность, вообще не свойственную Российской империи:

«Его предшественники как азиатские правители были, так сказать, заперты в тесных границах своих дворцов; народ видел их лишь в торжественных случаях, в ореоле помпезности и великолепия верховной власти <...> После Петра Великого Александр был первым, кто отверг этикет как архаичную традицию и стал появляться среди народа как частное лицо. Вместе с супругой он неожиданно посещал балы и вечера, организованные знатными вельможами <...>, он ездил в простом экипаже, который отличался от всех прочих лишь необычайной опрятностью; он прогуливался по городу в одиночестве. <...> Впервые его подданные получили возможность узнать и полюбить его как человека»³⁰.

Этой склонности к простоте, к своего рода близости со своими подданными, контрастировавшей как с военной замкнутостью, в которой окончил свои дни Павел I, так и с великолепием образа жизни Екатерины II, Александр I, вероятно, во многом обязан урокам, полученным от Лагарпа. В глазах последнего добродетель в античном ее понимании предполагала если не аскезу, то по крайней мере простоту, трезвость и умеренность. Однако это свойство Александра I объяснялось также его желанием вырваться из придворных оков, к которым он с детства питал презрение. Наконец, свою роль исподволь играли обстоятельства, при которых молодой император вступил на трон, — печальные, если не сказать гнетущие:

«Какой-то оттенок грусти окрасил начало этого царствования, в полную противоположность с блеском пышных коронационных торжеств. <...> Молодая и прекрасная чета, которую собирались короновать, не казалась счастливой... <...> Коронационные торжества были для него [Александра. — *Авт.*] источником сильнейшей грусти. <...> У него бывали минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок. <...> Я старался изо всех сил смягчить горечь упреков, которыми он беспрестанно мучил себя. Я старался примирить его с самим собой, с той великой задачей, которая стояла перед ним. <...> Мои увещания оказывали далеко не полное действие, хотя все же побуждали его владеть собой, чтобы люди не могли слишком ясно читать в его душе. Но грызущий его червь не оставлял его в покое»³¹.

Склонность Александра I к простоте и отсутствию роскоши пленила умы части придворных и людей из близкого окружения императора, которые видели в этом возвращении к простоте нравов эпохи Петра I ощутимый разрыв с представлениями о надменности российской монархии, унаследованными от царствований Екатерины II и Павла I. Однако далеко не у всех Александр I нашел понимание. Некоторые из его приближенных упрекали его. Лагарп, вернувшийся в

Санкт-Петербург в 1801 г., с 30 августа писал ему письма, желая предостеречь императора от чрезмерной простоты. Парадоксально, но тот, кто привил ему неприкрытое отвращение к роскоши и пышности, казалось, стал придерживаться менее односторонних взглядов:

«Мне с самого начала казалось, что самое важное для вас — *играть роль императора*³², независимо от того, показываетесь ли вы на публике или обращаетесь с людьми, которым вы поручили какое-либо дело. Я ни в коей мере не являюсь слепым хвалителем этикета, но когда глава государства появляется на людях, говорит или действует, он должен, следуя выразительному высказыванию Демосфена, облачаться в достоинство своей страны. Вверенное вам государство на протяжении долгого времени следовало этой традиции, даже во внутренних районах империи, оно придает этому важное значение и, я полагаю, оно нуждается в этом. Ваша молодость, Сир, диктует вам, возможно, еще более настоятельно не упускать из виду это обстоятельство»³³.

Мария Федоровна также часто упрекала сына за эту простоту. По ее мнению, ведя строгий и слишком простой образ жизни в глазах подданных, привыкших покоряться самодержцу, чья власть предопределена божественным промыслом, император символически и политически роняет престиж той власти, которой он облечен. В 1806 г. она написала длинное письмо, в котором ставит вопрос о взаимосвязи между поведением императора, символическим смыслом власти и природой его ответственности:

«Двадцати трех лет Вы взошли на престол; этот период жизни вызывает любовь, интерес и нежность, но уважение достигается с годами, в особенности, когда нет обаяния величия, как у Вас, дорогой Александр.

Вы его уничтожили, расходясь в этом отношении всецело во взглядах с Вашей Бабкой, хотевшей вызвать в обществе еще больше уважения к себе, окружая Вас и даже младшую Вашу сестру ореолом величия; Вы же, наоборот, с самого восшествия на престол уничтожили весь блеск, который в глазах простонародья возвышал бы Вас, Вы же во многом снизили до других.

Мало-помалу, дорогой Александр, это отразилось на общественном мнении; привыкли смотреть на Государя, как на обыкновенного смертного, и его положение от этого теряет... <...> Ваши появления в обществе утратили свой блеск... <...> Дни больших праздников похожи на воскресные дни при покойной императрице. В простые Воскресенья двор пуст, сановники его больше не посещают, и народ узнает о том, что Государь с семьей в церкви, только по тому, что сановники прогуливаются по улице. Вид площади без экипажей ему говорит, что общество не посещает двора; является сравнение, невыгодное для Императора, это доказывает меньшее желание общества его видеть и уменьшение веры среди сановников, которые уклоняются от исполнения религиозных обязанностей. Эти рассуждения уменьшают уважение к Государю и сановникам и, может быть, имеют даже пагубное влияние на религиозное чувство народа, который с

них все перенимает. Мы сами не знаем двора; отдельные лица, которые его составляют, появляются не иначе как во время обедни и то не совсем аккуратно: итак, есть лица, которые остаются навсегда нам не известными, тогда как при покойной Императрице, они держались так, что их можно было узнать и составить о них мнение. Вечерние рауты, так любимые обществом, потому что только на этих собраниях, длившихся не более полутора часов, все могли видеть царскую семью, окруженную сановниками, придворными и иностранцами, — теперь же собрания эти или вовсе упразднены или бывают так редко, что забывают об их существовании; наконец, — все это сказочное величие, внушавшее обществу уважение, больше не существует. Прибавьте ко всему этому, что Государь не расточает похвалы ни сановникам ни обществу, орденов Вы сами не раздаете, и к ним относятся с меньшим уважением и придают им меньшую ценность, хотя, может быть, еще их и желают получить; награды и сравнить нельзя с широкой щедростью покойных Императрицы и Императора; таким образом, дорогой Александр, Вы можете лишь силою Вашей добродетели и Ваших возвышенных и прекрасных достоинств приобрести любовь и уважение, которыми пользовались венценосцы, извлекая из своего положения всевозможные выгоды. Как частные лица, мы живем зажиточно и богато, но не так, как надлежит венценосцам, даже министры у Вас редко появляются за столом; публика, дорогой Александр, внимательная ко всему, не сдерживаемая никаким внешним блеском величия, который заставил бы ее молчать, лишенная этой узды, становится строгим судьей и, не видя уже Государя в ореоле славы, критикует вольно, начиная с того, что порицает его за то, что он таким образом сам себя заключил в тюрьму и недостаточно уважал и почитал свое достоинство.

<...>

Вам ставят в вину, дорогой Александр, что Вы недостаточно уважаете и цените Ваше положение Императора, что Вы отбросили все наружное величие»³⁴.

Простота Александра I не ускользнула от внимания и иностранцев, занимавших должности при дворе. Жозеф де Местр, посланник сардинского короля, прибывший в Санкт-Петербург в мае 1803 г., в одной из первых депеш упоминал о том, что «император часто уходит один и без слуг»³⁵, что он не носит ни драгоценностей, ни перстней, ни часов³⁶, часто прогуливается без сопровождения и не требует от подданных, чтобы они почтительно приветствовали его, когда он встречается с ними за пределами дворца: никто не обязан был вставать на колени, ни даже останавливаться, когда он проходит мимо. Но дипломат в равной степени сетовал на то, что хорошие качества Александра I не оценены в России по достоинству и относит это обстоятельство на счет незрелости русского народа:

«Если Государь встречает кого-либо на Набережной³⁷, он не хочет, чтобы выходили из экипажа, и довольствуется поклоном. К несчастью, эта простота в обращении, быть может уместная в странах южных, где умеют цен-

нить безыскусственное величие, по-видимому, не производит такого же впечатления в России. Личное уважение очень ослабело. Не всякий народ способен оценить всякую добродетель. Нужно, однако, преклоняться пред такую любовь к людям и к своему долгу»³⁸.

Если при вступлении на престол новый государь часто испытывал чувство печали, он тем не менее не пребывал в подавленном состоянии и больше не вел жизнь затворника. Молодая императрица Елизавета Алексеевна, в свою очередь, сияла красотой и источала обаяние. Саксонский министр Розенвейг писал о ней с увлечением:

«Трудно передать все обаяние императрицы: черты лица изящные и чрезвычайно правильные, греческий профиль, большие голубые глаза и восхитительные светлые волосы. Весь ее вид дышит элегантною и величественною, а походка ее совершенно воздушна. Короче говоря, это, вероятно, одна из самых красивых женщин в мире»³⁹.

Н. П. Панин использовал схожие выражения в письме к супруге от 22 марта 1801 г.:

«Выйдя от нее⁴⁰, я направился к Большому двору и, встретив там случайно Их Императорские Величества, которые направлялись к обедне, я был представлен юной императрице в тот самый момент, когда я менее всего этого ожидал. Она похорошела и полностью переменила манеры. Неприятный тон, исполненный чувства собственного достоинства, сменил излишнюю застенчивость, которая раньше мешала ей выставить в выгодном свете все свои достоинства»⁴¹.

Однако скромная натура Елизаветы Алексеевны вскоре одержала верх: молодая особа быстро приспособилась к простоте, к которой тяготел Александр I, и тем прерогативам, которые император предоставил своей матери за счет супруги. В то же время, несмотря на личные качества Елизаветы Алексеевны — ее внимание к другим, скромность, образованность и любознательность, — совместные испытания не сблизили молодых людей. Возможно, потому, что присутствие той, кто была рядом с ним в ночь убийства отца, постоянно напоминало Александру о собственной вине? Возможно, также потому, что Елизавета Алексеевна, возлюбленная князя Чарторыйского, не была верна супругу? Как бы то ни было, в 1801 г. их брак являлся одной лишь видимостью.

Разумеется, Елизавета Алексеевна прелестно и умно исполняла свои придворные обязанности. Разумеется, Александр I всегда любезно обходился с ней на публике, демонстрируя гармоничное, казалось бы, супружество. Но на самом деле их отношения стали напряженными с 1796 г. и еще более ухудшились в 1800–1801 гг. Александр I вступал в многочисленные мимолетные связи. Мадам Филис-французскую оперную певицу, сменила соотечественница — актриса мадам Шевалье, и все это было еще до того, как император перепро-

бовал одну за одной нескольких придворных дам, чьи мужья были вынуждены закрывать на это глаза. Параллельно Александр I поддерживал по меньшей мере неясные отношения со своей младшей сестрой Екатериной Павловной. В течение долгих лет он слал ей страстные, довольно двусмысленные, письма. 19 сентября 1805 г. он написал ей характерное послание:

«Если вы сумасшедшая, то по крайней мере самая восхитительная из когда-либо живших на свете. Сразу скажу, что вы меня совершенно покорили и что я от вас без ума. Слышите? Прощайте, Биссиамовна⁴², я вас обожаю»⁴³.

2 октября он зашел еще дальше:

«Чем занят дорогой носик, который я нахожу такое удовольствие сжимать и целовать? Я боюсь, как бы он не очерствел за ту вечность, что мы находимся порознь! О, какое искушение пойти к вам вместо курьера, передать поцелуй и затем вернуться на свой пост!»⁴⁴

И четыре дня спустя пишет следующее:

«Чувствовать себя любимым вами — вот что необходимо мне для счастья, ибо вы одно из красивейших созданий, которые есть в мире. Прощайте, дорогая сумасшедшая моей души, я вас обожаю, лишь бы вы меня не презирали»⁴⁵.

Во время карнаваловых празднований в марте 1801 г. Александр I попал под очарование Марии Нарышкиной, которая привлекла его не столько своим умом, как считалось, вполне заурядным, сколько своей необычайной рафаэлевской красотой, о которой Ф. Ф. Вигель впоследствии говорил, что она казалась невозможной, почти сверхъестественной, своей веселостью и любовью к жизни. Дочь польского князя Антона-Станислава Четвертинского, Мария родилась 2 февраля 1779 г. В 1794 г., в возрасте пятнадцати лет, она была определена во фрейлины к Екатерине II, а в следующем году вышла замуж за князя Д. Л. Нарышкина, одного из знатнейших и богатейших вельмож екатерининской эпохи. Тогда она стала одной из самых видных придворных дам, а ее замужество было воспето в стихотворении Г. Р. Державина под названием «На водворение новобрачных». Именно Марии Нарышкиной Державин впоследствии посвятил свою эпистолу «Аспазии». Однако брак быстро обернулся фиаско, поскольку супруги были плохой парой. Нарышкину, безразличному к красоте своей жены, быстро приелась роль снисходительного супруга. В 1801 г. Мария стала любовницей графа Зубова, а еще два года спустя — возлюбленной императора (о чем будет сказано дальше)...

Хотя, подчеркивая свою склонность к простоте, Александр I отмежевался от образа жизни как Павла I, так и Екатерины II, молодой

монарх не порвал целиком и полностью с ценностями и привычками, привитыми ему в детстве. От своей бабки он унаследовал явную склонность к приятной беседе, времяпрепровождению в салонах и любовь к театру:

«Он очень любил Французский Театр⁴⁶ и даже наших актеров; он относился к ним с благосклонностью, которой они порой злоупотребляли, отвечая ему фамильярностью и бестактностью, которые были бы оскорбительны для менее доброго и менее терпимого государя»⁴⁷.

В особенности Александр любил классические комедии и трагедии «золотого века» Франции, а также русские произведения аналогичного рода. Он был тронут талантом драматурга В. А. Озерова (1769–1816). Избравший военное поприще и дослужившийся до чина генерал-майора (он вышел в отставку в 1808 г.), он являлся автором пяти пьес: «Смерть Олега» (1798), «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донской» (1807) и «Поликсен» (1809), — которые пленили Александра I и пользовались большим успехом среди верхов петербургского общества. Хотя источником вдохновения для этих пьес часто служили исторические сюжеты, на суд зрителя выносились терзания человеческой души — подобно тому, как это было в произведениях Ж. Расина, большим почитателем которых являлся сам В. А. Озеров, — что позволяет рассматривать их автора как основателя русской трагедии⁴⁸. В то же самое время Александр I гораздо менее ценил поэзию, очень популярную в России начала XIX в.

Он также был любителем балов и празднеств, даваемых в его честь знатными придворными. Редко ложась раньше трех часов ночи, он упрекал себя по-французски, вероятно памятуя о предупреждениях Лагарпа, за трату времени на пустые развлечения:

«Ты спишь, несчастный, а тебя ждет куча дел. Ты пренебрегаешь долгом ради сна и удовольствий, а несчастные страдают, пока ты валяешься на матрацах. Как стыдно! У тебя не хватает смелости преодолеть свою лень, которая всегда являлась твоим уделом. Встань, стряхни с себя иго своих немощей, стань вновь человеком и гражданином, полезным своему отечеству»⁴⁹.

От Павла I Александр унаследовал ярко выраженную склонность к военным упражнениям, смотрам и маневрам, к «парадомании», по выражению Чарторыйского, равно как и фанатичное внимание к деталям и порядку, которое с годами вошло в привычку.

Утверждая новый стиль жизни с момента своего вступления на престол, Александр I быстро принял целый комплекс мер, касавшихся как внутренней, так и внешней сторон жизни.

Символические и политические меры

Первый манифест Александра I, изданный в то самое утро, когда он стал императором, был составлен бывшим генерал-прокурором императрицы Д. П. Трощинским в духе преемственности с царствованием Екатерины II:

«Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом Нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабушки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великой, коей память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по Ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим»⁵⁰.

Однако эту верность делу Екатерины II не следует переоценивать: если неоспоримые и многочисленные элементы преемственности действительно были налицо, Александр I, критически оценивавший нравы своей бабушки и конец ее царствования, стремился по отдельным конкретным направлениям дистанцироваться от екатерининского наследия, равно как и от наследия Павла I.

Уже 11 марта новый монарх покинул Михайловский замок и обосновался в Зимнем дворце, как это в свое время сделала Екатерина II.

Стремясь положить конец бесчинствам Павла I, он начал с того, что отменил запреты, относившиеся к одежде. Круглые французские шляпы, фраки, английские жилеты вновь были допущены к ношению, в армию вернули русский мундир, был восстановлен ряд отнятых Павлом I свобод. 22 марта Александр I вернул подданным право свободно путешествовать, в частности, издав указ о свободном въезде и выезде из России⁵¹. 31 марта 1801 г. он разрешил печатать в России произведения иностранных авторов и отменил указ от 18 апреля 1800 г., которым воспрещался ввоз нот и книг из-за границы. Как и во времена Екатерины II, вновь начали работу частные типографии, а цензурный гнет значительно ослаб. Отныне каждый мог свободно подписаться на зарубежные газеты и журналы. Результаты столь открытой политики вскоре дали о себе знать: если в 1800 г. в России была напечатана тысяча произведений, то в 1807 г. — уже в четыре раза больше.

В то же время, твердо вознамерившись покончить с полицейской сущностью павловского правления, Александр I объявил 15 марта амнистию всем тем, кто покинул пределы империи, спасаясь от тирании прежней эпохи. Он вернул из ссылки 12 тыс. гражданских и военных лиц, павших жертвами немилости его отца: например, А. Н. Радищева, который при Павле I был возвращен из Сибири, но вынуж-

ден жить в ссылке в Калужской губернии, и подполковника артиллерии А. П. Ермолова, ранее сосланного в Кострому. Александр I также распорядился об освобождении всех политических заключенных, которые содержались в Петропавловской крепости. Кроме того, вступив на престол, он предоставил свободу всем сектантам, осужденным и заключенным в тюрьму его предшественниками, Флагеллантам, скопцам, духоборам и молоканам отныне было позволено свободно переезжать с места на место, они были избавлены от надзора местных властей. После десятилетий гонений староверы получили право строить собственные храмы и иметь собственные кладбища.

2 апреля Александр I издал манифест, согласно которому уничтожалась Тайная экспедиция (политическая полиция). Император подтвердил свое желание покончить со злоупотреблениями, в которых была повинна власть, и действовать в соответствии с законом. Это заявление имело принципиальное значение: с самого начала царствования задавалась ориентация на принципы, усвоенные Александром от Лагарпа⁵², верховным принципом объявлялся закон и право, что предвещало начало «легалистского», равно как и «реформистского» царствования. Желая сделать так, чтобы данное заявление имело конкретные последствия, и стараясь соблюсти гуманность, что отчасти перекликалось с положениями «Наказа» Екатерины II, а также с уроками Лагарпа (особенно с их беседами по делу Жана Каласа), император 8 апреля запретил публичные повешения, а в сентябре отменил пытки.

2 апреля, несмотря на глубокое недоверие по отношению к дворянству, он в полном объеме восстановил Манифест о вольности дворянства 1785 г., вернув этому сословию привилегии, которые ранее были пересмотрены Павлом I. Отныне дворяне не должны были в обязательном порядке служить; имели право владеть деревнями с крепостными крестьянами; освобождались от личных налогов, имели право свободно путешествовать и нести службу за границей и могли выбирать своих представителей в уездные и губернские учреждения. Наконец, они были избавлены от телесных наказаний⁵³. Кроме того, 22 мая Александр освободил священников и дьяконов от телесных наказаний в случае совершения ими преступлений.

Что касается внутренней политики, то 5 апреля было объявлено о создании Непременного совета из представителей титулованной знати. Внутри совета выделялись четыре отдела, отвечавшие за экономическое развитие, внешнюю политику и торговлю, военное и морское дело, гражданские и религиозные дела. 5 июня Александр провозгласил образование комиссии, которая должна была подготовить

свод законов; в ней заседал бывший ссыльный А. Н. Радищев, что свидетельствовало о приверженности императора государственному строю, основанному на верховенстве закона. В тот же день Александр I поручил членам Сената представить ему доклад о причинах упадка этого учреждения, о его правах и обязанностях.

Наконец, в конце мая Александр I поручил А. Р. Воронцову составить текст, близкий по содержанию французской «Декларации прав человека и гражданина». Озаглавленный «Грамота Российскому народу»⁵⁴, этот документ должен был быть опубликован к торжествам по случаю коронации. Как и во французской Декларации, в «Грамоте», первый вариант которой был готов к середине июня, провозглашалась свобода мысли, слова и совести для всех подданных Российской империи, а дворянству гарантировалась полная свобода передвижений как внутри страны, так и за ее пределами. С точки зрения юстиции в документе на первый план выдвигались права, напоминавшие английский Habeas corpus и «Наказ» Екатерины II: каждый имел право на личную безопасность, признавался невиновным до тех пор, пока его вина не была доказана, заключение его в тюрьму, равно как и конфискации имущества были возможны лишь в случае доказательства его вины в суде. Зато в документе ни слова не было сказано о таком щекотливом вопросе как крепостное право. Однако подобное молчание не помешало императору 28 мая 1801 г. — это было его первым и робким решением по крестьянскому вопросу — установить запрет на объявления о продаже крепостных без земли⁵⁵. В ходе сентябрьских коронационных торжеств вопреки традиции, которую считал позорной, Александр I не подарил ни одного государственного крестьянина.

Итак, за каких-то несколько недель Александр I принял далеко идущие меры, которые отчетливо показывали его желание порвать с произволом и деспотизмом Павла I и установить в России верховенство закона. Таким образом, во внутренней политике быстро вырисовывались важные изменения. Параллельно совершенно новые решения также были приняты в сфере дипломатии.

Выказав желание покончить с воинственной и опасной политикой отца, Александр I начал с того, что распустил корпус, который должен был отправиться для борьбы с англичанами в Индии, и несколько дней спустя отрекся от титула Великого Магистра Мальтийского ордена. 5 июня 1801 г. русское правительство под нажимом англофилов — среди них ключевую роль играли братья Александр и Семен Воронцовы⁵⁶, опытные сановники екатерининской эпохи, — подписало с Англией торговую конвенцию, которая выравнивала межгосударственные отношения, пришедшие в упадок за недолгое

царствование Павла I и предвосхитила заключение двустороннего соглашения. Были восстановлены дипломатические отношения с Австрией, тогда как политика умиротворения привела к власти во Франции первого консула. 8 октября 1801 г. был заключен мирный договор, к которому два дня спустя была приложена секретная конвенция⁵⁷. Таким образом, Россия Александра I во всем выражала свое желание мира — желание, которое разделяли новый монарх и вице-канцлер граф В. П. Кочубей, отныне отвечавший за внешнюю политику. В своих «Мемуарах» А. Чарторыйский писал о позициях, которые отстаивал Кочубей в 1801–1802 гг.:

«Кочубей избрал для русской политики систему, которую считал вполне отвечающей воззрениям и планам императора и которая соответствовала также и его взглядам. Она заключалась в решении держать себя в стороне от дел Европы, возможно меньше вмешиваться в них, быть в дружбе со всеми, для того чтобы иметь возможность посвятить все свое время и внимание внутренним усовершенствованиям. Таковы действительно были взгляды и желания императора и близких ему людей, но граф Кочубей более всех был проникнут сознанием правильности и целесообразности этой системы и готовностью поддерживать и проводить ее с настойчивой решительностью и несокрушимым постоянством. Россия, говорил он, достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; ей нечего бояться с той или другой стороны, лишь бы она оставляла других в покое. Она слишком вмешивалась без всякого повода в дела, которые прямо ее не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участия и не начинала вести дорого стоившие и бесполезные войны. Благодаря своему счастливому положению, император может жить в мире с государствами всего земного шара и отдаться исключительно внутренним реформам, не опасаясь, что кто-либо осмелится помешать ему в его благородной и полезной работе. Именно во внутренней своей жизни Россия может достигнуть громадных успехов в смысле установления порядка, экономического преуспеяния и правосудия во всех частях обширной империи, что вызовет процветание земледелия, торговли и промышленности»⁵⁸.

Невмешательство в европейские дела, таким образом, в значительной мере объясняется желанием Александра I гарантировать стране мир, необходимый ей для проведения реформ.

За несколько недель — как в сфере внутренней, так и внешней политики — был принят целый комплекс честолюбивых и смелых мер, нацеленных на установление в России государственного строя, опиравшегося на верховенства закона. Однако с июля 1801 г. наблюдались определенные метания: «Грамота Российскому народу» не была издана, а недоверие Александра I к сенаторам, которых он тем не ме-

нее призывал поразмыслить над будущим их учреждения, непрестанно росло.

26 июля граф П. В. Завадовский от их имени представил императору проект, в котором предлагалось, с одной стороны, признать превосходство Сената над генерал-прокурором — эта должность была введена Петром I, а исполнявший ее должен был утверждать указы Сената и служить связующим звеном между императором и сенаторами, — что давало этому органу расширенные полномочия. С другой стороны, предлагалось предоставить Сенату право разрабатывать налоги и пошлины, право ходатайствовать и выступать с «замечаниями» в тех случаях, когда императорский указ «вступал в противоречие с ранее опубликованными текстами, малопонятными или вредными»⁵⁹. Но очень скоро император заявил, что всякая конституционная реформа должна исходить исключительно от него⁶⁰. Согласно сентябрьскому указу 1802 г. Сенат превращался в главнейший орган управления и получал право выступать с замечаниями, однако все прочие предложения были отклонены.

По версии историка А. МакКоннелла⁶¹ эти первые либеральные меры были навязаны Александру I терроризировавшим его П. А. Паленом, который находился тогда на вершине своего могущества и являлся убежденным сторонником политической эволюции в направлении конституционного устройства на английский манер. Избавившись от Палена — 17 июня 1801 г. тот был выслан в свое поместье в Курляндии, — Александр отказался от наиболее радикальных мер, заботясь о сохранении своей самодержавной власти во всей ее полноте.

Достоинство этого тезиса в том, что он подчеркивает одно обстоятельство, которое долгое время оставалось без внимания в историографии: речь идет о господствующем положении, которое занимал Пален в кулуарах власти в течение трех месяцев после убийства Павла I. На самом деле этот факт отмечался многими современниками событий. В своих «Мемуарах»⁶² Чарторыйский писал, что под прикрытием того, что он поддерживает молодого императора, Пален фактически определял его линию поведения. В свою очередь, генерал Ж. Дюрок в депеше от 14 мая 1801 г., адресованной Наполеону, отмечал, что «Пален всегда стоит во главе дел и, кажется, имеет большое влияние»⁶³, тогда как С. Р. Воронцов в письме к Н. Н. Новосильцеву от 6 мая выражал обеспокоенность тем, что «государь у них в руках. У него нет ни желания, ни решимости, чтобы противиться воле этой грозной клики»⁶⁴. Описываемый деятель был вездесущ: военный губернатор Санкт-Петербурга — должность, которую он занимал еще до смерти Павла I, — Пален с середины марта стал членом

Государственного совета и Коллегии иностранных дел, начальником остзейских губерний, а с июня — начальником столичной губернии.

Таким образом, его могущество с 12 марта по 17 июня является вполне установленным фактом. При поддержке генерал-прокурора А. А. Беклешова, Марии Федоровны и ее окружения⁶⁵ Александру I потребовалось больше трех месяцев, чтобы отстранить от службы и приговорить к внутренней ссылке⁶⁶ руководителя заговора, которому он не простил смерти отца. В августе та же участь постигла Н. П. Панина — того, кто первым разработал общий план заговора. Наконец, настала очередь исполнителей: генерал-майор В. М. Яшвилль, полковник И. М. Татаринов также были приговорены к внутренней ссылке, тогда как П. А. Зубов в начале 1802 г. был вынужден покинуть пределы империи.

В то же время не следует переоценивать последствия монаршей немилости. Во-первых, хотя и хорошо известно, что Пален благосклонно относился к идее государственной эволюции в направлении конституционного устройства, ни один документ не свидетельствует о том, что он оказывал давление на Александра I в этом направлении. Во-вторых, наблюдалась явная преемственность в чередѣ мер, принятых Александром I до падения Палена и после этого. Редакция «Грамоты Российскому народу», предпринятая в конце мая, была продолжена после 17 июня. С середины августа она стала объектом замечаний приближенных к Александру I лиц, и 9 сентября — то есть за шесть дней до коронации — император лично предложил ее на рассмотрение в Непременном совете, после чего резко изменил взгляды и отказался ее обнародовать. Наконец, в 1801 г. Александр I, согласно мнению его приближенных, был искренне предан идее реформы. Следовательно, хотя с конца июня наметились изменения, которые обрели конкретные очертания в последующие месяцы и годы, представляется, что они были связаны не столько с падением Палена, сколько с приходом к власти иных группировок из императорского окружения.

Император, советники и дело реформ

Еще когда Пален оказывал определяющее влияние на политические дела, Александр I в глубине души желал собрать вокруг себя дабы получить помощь в своей реформаторской деятельности, небольшую группу верных друзей, из которых впоследствии будет образован тайный комитет.

Итак, с марта он начал прилагать усилия к тому, чтобы вернуть в Санкт-Петербург тех, кто вследствие подозрительного характера Павла I были вынуждены держаться на удалении. А. Чарторыйский

прибыл в столицу в середине марта, несколько недель спустя к нему присоединились Н. Н. Новосильцев и В. П. Кочубей. В апреле Кочубей из Дрездена, где он обосновался, по поводу возвращения в Россию отправил С. Р. Воронцову письмо, хорошо показывающее умонастроения друзей Александра I:

«Я возвращаюсь потому, что считаю себя кое-чем обязанным великому князю Александру; я возвращаюсь потому, что полагаю, что все честные люди должны объединиться вокруг него и приложить все усилия к тому, чтобы заживить бесчисленные раны, нанесенные отечеству его отцом»⁶⁷.

Ожидая прибытия друзей в Санкт-Петербург, Александр I пригласил графа П. А. Строганова для разговора с глазу на глаз. 23 апреля он заверил его в своих реформаторских намерениях. Тем не менее конкретный план действий еще не был выработан: именно он являлся главным предметом дискуссий. С точки зрения графа, важно было начать с административной реформы — прежде чем переходить к ключевому вопросу о конституции. Александр же считал, что проведение в первую очередь административной реформы не должно было заставить забыть о принятии конституции, конечная цель которой заключалась в том, чтобы создать государство, основанное на силе закона, и одновременно твердо гарантировать права граждан. Чтобы претворить в жизнь столь честолюбивые замыслы, Строганов предлагал образовать комитет. Несколько недель спустя после возвращения в Санкт-Петербург Чарторыйского, Новосильцева и Кочубея это предложение, одобренное императором⁶⁸, дало импульс учреждению Негласного, или тайного, комитета, который сам Александр I не без иронии называл «мой Комитет общественного спасения».

Этот орган, не получивший официального статуса, функционировал параллельно с государственным аппаратом, держась в тени и пользуясь большой свободой. С 24 июня 1801 г. по 5 мая 1802 г. он собирался регулярно, затем, после полугодового перерыва, возобновил работу и собирался по крайней мере до сентября 1805 г.⁶⁹ Как было сказано выше, с августа 1801 г. Кочубей занимал пост вице-канцлера. Его обязанности главы российской дипломатии позволяли ему участвовать в деятельности комитета лишь на расстоянии и нерегулярно.

В своих «Мемуарах» А. Чарторыйский хорошо описывал неформальную работу комитета, его тайный характер и ту роль, которую он играл в проекте реформ Александра I:

«Он понимал теперь, какие непреодолимые препятствия стоят даже на пути самых элементарных преобразований в России; но ему хотелось доказать своим близким друзьям, что его прежние, некогда высказываемые им стремления нисколько не изменились, несмотря на перемену, происшедшую в его положении; что он не считает возможным обнаруживать

эти стремления и открыто выставлять их перед публикой только потому, что общество слишком мало способно оценить их по достоинству и всего скорее приняло бы их с чувствами изумления и страха»⁷⁰.

Осознавая масштаб реформ, к которым он собирался приступить, и трудности, с которыми он неизбежно должен был столкнуться, император предпочел работать тайно, чтобы чувствовать себя более свободно. В своем «Описании строя, коего надобно придерживаться при преобразовании государственного управления», которое было представлено императору 9 мая 1801 г., П. А. Строганов также настаивал на необходимости действовать втайне, дабы не подвергнуть опасности успех дела:

«Таким образом, возьмем за основу, что изучение настроений общества не может дать точных результатов до тех пор, пока правительственные совещания будут держаться в тайне.

Одна лишь секретность может предотвратить появление недовольства, которое неминуемо возникнет при отсутствии этой меры.

Мы можем затем пойти дальше и взять за основу, что секретность должна стать одним из базовых принципов этого сообщества»⁷¹.

Метод, тайные встречи, работа параллельно с существовавшими государственными учреждениями свидетельствовали о романтической природе данного начинания, о вкусе Александра I ко всему тайному, даже запрещенному:

«Мы пользовались в то время привилегией являться к столу императора без предварительного приглашения. Наши тайные собрания происходили два или три раза в неделю. После кофе и короткого общего разговора император удалялся, и в то время как остальные приглашенные разъезжались, четыре человека отправлялись через коридор в небольшую туалетную комнату, непосредственно сообщавшуюся с внутренними покоями их величеств, куда затем приходил и сам государь. Там обсуждались различные преобразовательные планы; не было вопроса, который бы не затрагивался в этих беседах. Каждый нес туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства»⁷².

Два из трех раз в неделю собрания единомышленников проходили в личных покоях императора, обычно после ужина⁷³. Именно тогда главнейшие вопросы обсуждались без всяких запретов и ограничений. Особенно отчетливо это проявилось в ходе заседания 18 ноября 1801 г., на котором была затронута тема крепостничества. Н. Н. Новосильцеву, опасавшемуся того эффекта, который могло произвести реформа на дворянство, П. А. Строганов ответил фразой по меньшей мере грубой и которая много говорила о радикальности вынашиваемых в комитете предложений:

«Что может вызвать опасное брожение умов? Это группы лиц и отдельные личности, которые вызывают наше недовольство. Кто же они? Это народ и дворянство. Что же такое дворянство, которого, как кажется, боятся эти господа? Из каких элементов оно состоит? Каков его дух? Дворянство в нашем представлении состоит из некоторого числа людей, которые становятся дворянами не иначе как посредством своей службы, которые не получили какого бы то ни было воспитания, и чьи воззрения подталкивают их к тому, чтобы не ставить ничего выше власти императора.

Ни права, ни правосудие — ничто не может породить в них мысль о малейшем неповиновении! Это самое невежественное, самое гнусное и глупое сословие»⁷⁴.

На протяжении всего периода своего существования Негласный комитет давал простор для крайне оживленной дискуссии, а порой даже и для диспутов, о чем, например, свидетельствует письмо, в котором Строганов извинялся перед монархом:

«Я вынужден, Сир, принести вам свои извинения за ту резкость, которую я проявил вчера во время нашей дискуссии. Я знаю, что вы снисходительны и порой даже чересчур, но я знаю, что то, что я совершил, плохо и что мое поведение совершенно не соответствует правилам приличия. Поэтому, если вы окажете любезность и не станете меня осуждать, я должен сделать это сам и дать вам понять, что нахожу свою резкость весьма предосудительной, и что я не должен пользоваться вашей снисходительностью, вследствие которой вы не указываете на непристойность моего поведения»⁷⁵.

Однако Александр I, желавший сохранить полную свободу мысли и выражений внутри кружка, проявил большую снисходительность по отношению к графу:

«Мой милый друг, я полагаю, что вы совсем сошли с ума! Как можно упрекать вас и обвинять вас в том, что является лучшим доказательством вашего интереса ко мне и вашей любви к общественному благу? Поверьте, я никогда от вас не отрекался и, споря с вами, я отдаю должное чувствам, которые вами движут. Помилуйте, все эти объяснения имеют так мало общего с дружбой, которая нас объединяет. То, что не следует высказывать в обществе, может быть очень уместно, когда мы находимся наедине, и самое основательное доказательство вашей дружбы, которое вы можете мне предоставить, — это бранить меня как следует, когда я этого заслуживаю. Прощайте, мой милый друг. Всецело Ваш до конца своих дней. Александр»⁷⁶.

Во время этих рабочих совещаний, материалом для которых служили черновые работы, составленные Строгановым по требованию императора⁷⁷, часто ставились вопросы реформы государственного устройства на основе конституции и реформы управления. Члены кружка оставались приверженцами целей, обозначенных императо-

ром еще в 1797 г., однако со временем их взгляды становились все более взвешенными, что свидетельствовало о сложности намеченного предприятия, тогда как намерения императора не всегда были достаточно ясны⁷⁸.

Хотя различные члены Негласного комитета всегда были согласны в том, что реформы были необходимы и подталкивали императора в этом направлении, они редко были единодушны в том, что касалось конкретных предложений. Строганов стоял на позиции открытого конституционализма. Новосильцев и Кочубей, напротив, выказывали большую сдержанность, даже некоторое малодушие: они выступали скорее не за установление личных свобод и прав, а за создание государства, основанного на силе закона и являвшегося залогом правильного функционирования органов управления. В этом они примыкали к точке зрения Александра I⁷⁹. Так, во время заседания 22 июля 1801 г. Новосильцев высказал неприязненное отношение к принципу презумпции невиновности личности, хотя тот и был провозглашен в первом варианте «Грамоты»⁸⁰. В августе, когда речь зашла о роли и прерогативах, которые предстояло предоставить Сенату, Новосильцев, имевший очень невысокое мнение о политических способностях сенаторов, не одобрил расширения властных полномочий учреждения, способного связать руки императору. Что же касается Чарторыйского, то он разразился яростной тирадой против Сената, «состоящего из людей, большей частью неспособных и безынициативных, выбранных вследствие своей незначительности»⁸¹, тогда как Строганов щегольнул глубоким презрением не только к сенаторам, но и к дворянству в целом, выходцами из которого являлась большая часть тех, кто заседал в Сенате.

Перечисленные точки зрения, которые по разным причинам подталкивали императора к сдержанности, заставляя его осознать, сколь крупные препятствия стояли у него на пути, несколько парадоксальным образом смыкались со взглядами Лагарпа.

9 мая 1801 г., по прошествии двух месяцев с момента вступления на престол, в ответ на письмо, которое ему послал бывший наставник по случаю его воцарения, Александр I обратился к тому, кто тем временем стал членом Директории Гельветической республики, с очень трогательным письмом, которое свидетельствовало о по-прежнему питаемом им чувстве привязанности и глубокой признательности:

«Первым мгновением истинного наслаждения, которое я ощутил с тех пор, как оказался во главе моей несчастной страны, был момент, когда я получил ваше письмо. мой милый и истинный друг. Я не смог бы передать вам все, что я почувствовал, особенно при виде того, что вы сохранили ко мне те самые чувства, которые так дороги моему сердцу и которые ни ваше отсутствие, ни временное прекращение отношений не смогли изменить.

Поверьте, мой милый друг, что ничто на свете также не смогло повредить моей нерушимой привязанности к вам и всей моей признательности за вашу заботу, которой вы меня ранее окружили, за знания, которыми я вам обязан, и более всего за убеждения, которые вы мне внушили, и за истину, в справедливости которой я уже не раз имел возможность убедиться. Не в моей власти выразить свою признательность за все то, что вы для меня сделали, и никогда не смогу я вернуть вам этот священный долг.

Я постараюсь быть достойным звания вашего ученика и буду гордиться этим всю жизнь. Я перестал писать вам, лишь повинуюсь непрекаемым порядкам⁸², однако же не перестал думать о вас и о тех моментах, которые мы провели вместе. Я тешил себя мыслью о том, что они могут вернуться, и я был бы счастлив, если бы это действительно произошло. Далее, я полностью полагаюсь на вас и на обычаи вашей страны, ибо нет никаких иных, которые могли бы быть им противопоставлены. Но милость, о которой я вас прошу, состоит в том, чтобы вы писали мне время от времени и давали мне советы, которые будут для меня просто спасительны, учитывая мое положение, и которыми я бы пользовался лишь для того, чтобы быть полезным для своей страны и уберечь ее в будущем от новых несчастий. Отчего же вы не можете быть рядом, чтобы указывать мне путь своим опытом и уберечь меня от ловушек, к которым меня подталкивает моя молодость и, возможно, невежество, в котором я пребываю вследствие коварства извращенных душ! Так часто судят по себе и из лучших побуждений чрезмерно льстят себя надеждой, что другие вынашивают те же замыслы, пока опыт не докажет обратного. Тогда перестает обманываться, но, возможно, слишком поздно, и вред уже нанесен. Вот почему, мой милый друг, просвещенный и опытный друг — это самое большое сокровище, которое только можно иметь.

Дела мешают мне писать вам дальше. Заканчиваю, говоря вам, что больше всего страданий и забот причиняет мне необходимость примирять интересы, сглаживать взаимную личную неприязнь и заставлять остальных работать вместе во имя одной единственной цели, полезной для всех.

Прощайте, мой милый друг. Ваша дружба послужит мне утешением в моих огорчениях. Передайте от меня тысячу пожеланий вашей супруге и примите приветствия от моей. Если могу быть вам полезным, я в вашем распоряжении, и сообщите мне, что я могу для вас сделать»⁸³.

Получив письмо, которое побуждало его вернуться в Россию, и не дожидаясь, пока император от него этого категорически потребует⁸⁴, Лагарп отправился в путь. Несмотря на трудности, — Панин, ненавидевший Лагарпа и видевший в нем «французского агента», упорно отказывал ему, без ведома Александра I, в получении паспорта, который ему был нужен, чтобы въехать в Россию, — он прибыл в Санкт-Петербург в августе 1801 г., полный решимости поддержать молодого монарха в его реформаторских начинаниях. Но тот, чьи уроки подтолкнули Александра I к изданию указов о прекращении публичных повешений и отмене пыток, тот, кто в глазах придворных консерва-

торов и некоторых либералов являлся, по выражению Панина, «опасным человеком»⁸⁵ ввиду своей приверженности демократическим идеалам и мнимой «бонапартофилии»⁸⁶, — в 1795–1797 гг. более не являлся радикальным республиканцем. Придерживаясь более сдержанного взгляда на блага республиканской формы правления, он также переменял свою точку зрения на будущее России. По его мнению, Российская империя — вследствие своей протяженности и степени политической незрелости — лишь в отдаленном будущем должна стремиться к установлению конституционной монархии наподобие английской, тогда как в среднесрочной перспективе ей следовало черпать вдохновение скорее в прусском варианте просвещенной монархии. С другой стороны, анализ истинных намерений Лагарпа вскрывает ошибочность обвинений его в любви к Бонапарту. С последним Лагарп встречался лишь однажды — при Мальмезоне в 1801 г. Что касается его положительного отношения в 1800–1801 гг. к русско-французскому сближению, то оно объяснялось серьезными геополитическими соображениями и ни в коей мере не симпатией к первому консулу.

Вследствие своих взглядов, которые расценивались как слишком умеренные и одновременно чересчур идеалистичные, своего возраста и, вероятно, также своего статуса — выходец из мелкого дворянства, к тому же иностранец — Лагарп не пользовался расположением приближенных Александра I. Они были склонны обходиться с ним снисходительно, если не с презрением. Бывший наставник ни разу не принял участия в заседаниях Негласного комитета; и, по мнению Чарторыйского, его влияние на императора в тот момент было незначительно:

«Лагарпу было в то время лет сорок с лишним. <...> Он казался нам (я говорю — нам, потому что это было наше общее мнение) значительно ниже своей репутации и того мнения, которое составил о нем император. Лагарп принадлежал к поколению, воспитанному на иллюзиях конца восемнадцатого века, — к тем людям, которые воображали, что их доктрины как новый философский камень, как новое универсальное средство разрешали все вопросы, и что одними сакраментальными формулами можно рассеять все многообразные препятствия, выдвигаемые практической жизнью при осуществлении отвлеченных идеалов. <...>

Император, быть может, сам себе в том не признаваясь, чувствовал, что его прежнее высокое мнение о бывшем воспитателе начинает колебаться. Тем не менее он всегда изыскивал предлоги к тому, чтобы возвысить репутацию Лагарпа в наших глазах. <...>

Но несомненно, что пребывание Лагарпа в Петербурге в начале царствования Александра не имело никакого значения, как равно он не оказал никакого или почти никакого влияния и на последующие реформы этого царствования»⁸⁷.

Однако это суждение кажется преувеличением. Действительно, если Лагарп не работал вместе с членами комитета, он продолжал тем не менее, вплоть до своего отъезда осенью 1802 г., пользоваться доверием императора. Они виделись почти ежедневно либо при дворе, либо более конфиденциальным образом дома у Лагарпа, — бывший наставник тогда проживал у своего тестя на Английской набережной, — которому монарх наносил визит по вечерам, инкогнито, нарушая протокол и правила приличия. Они часто обменивались заметками, краткими письмами и записками, причем Лагарп на протяжении всего времени прилагал все усилия к тому, чтобы снабдить молодого монарха всевозможными советами⁸⁸. Если последнему доводилось порой слегка насмехаться над своим бывшим преподавателем, чье поведение могло показаться ему старомодным, и чьи длинные записки его иногда раздражали, молодой император от того не терял привязанности к гражданским и моральным ценностям, проповедуемым Лагарпом, и прислушивался даже к тем идеям, отстаиваемым швейцарцем, которые касались, например, сферы школьного образования⁸⁹.

В целом Александр I был восприимчив к тому благоразумию, к которому его призывал бывший наставник. В многочисленных письмах, которые он отправлял Александру I еще до приезда в Санкт-Петербург, Лагарп настаивал на необходимости развивать в первую очередь образование, затем приступить к судебной реформе и кодификации законов⁹⁰, но проводить реформу без спешки. «Тише едешь — дальше будешь», — писал Лагарп в письме от 13 апреля 1801 г.⁹¹; «все это требует времени», — добавлял он в октябре 1801 г.⁹² Хотя Лагарп выступал за реформу, он в то же время прекрасно осознавал, что она непременно натолкнется на враждебное отношение определенных социальных слоев и в первую очередь дворянства:

«Таким образом, реформа необходима; но ей будут противиться все те, кто извлекал, извлекает или надеется извлечь пользу из злоупотреблений, и в частности: 1) все сановники, 2) подавляющая масса дворянства за редкими исключениями, 3) большая часть купечества, которое в кругу своей деятельности завело привычку властвовать и которому не хватает образования, 4) почти все взрослые мужчины, чьи привычки, толкающие их в противоположном направлении, трудно менять. <...> За реформу: 1) Александр I, видящий в самодержавной власти, которой он наделен по закону своей страны, лишь верное средство дать русскому народу гражданские свободы; 2) ряд более просвещенных, по сравнению с остальными, дворян, охваченных порывом щедрости и горячностью, которые являются уделом молодых и которых слишком часто лишены зрелые люди; 3) часть купечества, не вполне, однако, сознающая, чего она желает; 4) некоторые маловлиятельные литераторы; 5) возможно, также младшие офицеры и простые солдаты»⁹³.

Его благоразумные советы в данном случае прозвучали в унисон с рядом предостережений со стороны членов Негласного комитета, а также с аналитическими выкладками некоторых членов Сената, враждебно относившихся к пересмотру прерогатив самодержавной власти и к развитию конституционных начал. С. Р. Воронцов, крупный сановник екатерининской эпохи, писал об этом характерным образом:

«Что касается того, что вы мне говорите о желании императора ограничить свою власть, то это значит изменить государственное устройство, дать новые законы 30-миллионному населению. Однако когда речь идет не об изменении устройства одной небольшой республики, такой как Женевская или Луккская, требуются годы для того, чтобы хорошенько обдумать эти изменения, прежде чем применять их на практике, если хотят избежать волнений и больших бед. Но проводить столь существенные изменения в крупнейшей империи в мире, с населением свыше тридцати миллионов человек, в неподготовленном, невежественном и развращенном народе, да еще во времена, когда на европейском континенте наблюдается повсеместное брожение умов, — это значит не просто рисковать, но неминуемо вызвать потрясения, падение престола и развал империи»⁹⁴.

Именно эти призывы к благоразумию, усиливавшие сомнения самого Александра I, в большей степени, чем падение Палена, объясняют то, почему с июня—июля 1801 г. события развивались подобным образом.

Какие же выводы можно сделать применительно к первым месяцам царствования Александра I? Ясно, что с момента восшествия на престол молодой император стремился продемонстрировать — как собственным образом жизни, так и посредством политических шагов — свое намерение покончить с произволом времен Павла I и направить страну по пути реформ. Действительно, уже через несколько недель после начала нового царствования в России наметились контуры новой системы. Тем не менее, несмотря на свои конституционные убеждения, о которых он открыто объявил своим приближенным, император внутренне колебался вследствие пессимизма, царившего внутри комитета, вследствие благоразумных советов Лагарпа. Наконец, вследствие собственной недоверчивости по отношению к дворянству, которое представлялось ему недостаточно созревшим для реформ. С июня—июля напряженность, казалось, усилилась. В том, как развивались события, и в колебаниях Александра I одни историки видели наглядное подтверждение его так называемой двуличности, тогда как другие обвиняли его в слабых характеристиках или приверженности к показному либерализму, которая скрывала его склонность к абсолютной власти. На самом же деле представляется

что летом 1801 г. колебания императора всего лишь отражали его понимание того, сколь масштабна задача создания государства, основанного на силе закона, и страх, совершенно естественный для 23-летнего императора, перед ложившейся на его плечи ответственностью.



6

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА (1801–1805)

Являясь продолжением законотворческой логики весны 1801 г., четыре последующих года ознаменовались активными преобразованиями в политической, экономической и социальной сферах. Некоторые осторожные решения не оправдали ожиданий либеральных англофилов и наиболее радикально настроенных членов Негласного комитета. Однако они не стали от этого менее действенными: благодаря решениям, принятым в 1801–1805 гг., во многих сферах наметились новые административные практики, а процессу складывания гражданского общества был дан реальный, хотя и робкий толчок.

Ограниченные, но заслуживающие внимания политические перемены

После первых заседаний, состоявшихся летом 1801 г., члены Негласного комитета продолжили размышления о реформе, успешно подталкивая императора к действиям в этом направлении. А. Чарторыйский вспоминал:

«И хотя эти собрания долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имевших практических результатов, все же, надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в царствование Александра, которые не зародились бы на этих именно тайных совещаниях»⁹⁵.

Об этом свидетельствует разнообразие затрагиваемых тем. Подъем активности членов кружка продолжался до конца 1802 г., когда напряженность во внешнеполитической сфере заставила Александра I сначала объявить о роспуске комитета, а позднее возобновить его реформаторскую деятельность. В ходе заседаний члены Негласного комитета периодически возвращались к крупным проблемам того времени. Как создавать государство, основанное на силе закона, и одновременно не ослабить опасным образом власть императора? Как можно установить подобное государство в стране, лишенной всякой политической культуры? Как продвинуться в реформировании крепостного права и не поставить под угрозу существующий порядок. ¹

следовательно, не ослабить всю политико-социальную систему? Поиск убедительных ответов на эти ключевые вопросы оказался делом тем более трудным, что Негласный комитет испытывал нехватку легитимности. Небольшая группа лиц, призывавшая к установлению государства, основанного на силе закона, своим появлением была обязана исключительно желанию — капризу, как говорили некоторые, — императора, чем навлекала на себя ожесточенную критику при дворе и в высших правительственных сферах. Кроме того, в то самое время, когда члены комитета размышляли над решением ключевых вопросов или обращали внимание императора на необходимость их систематического и последовательного рассмотрения, Александр I оказывался под влиянием консервативно настроенных государственных деятелей:

«Настоящее правительство — Сенат и министры — продолжало управлять страной и вести дела по своему усмотрению, ибо стоило только императору покинуть кабинет, в котором проходили наши встречи, как он попадал под влияние старых министров и не мог применить на практике ни одно из решений, принятых нами в рамках этого неофициального комитета»⁹⁶.

Вероятно, это влияние объясняет, по крайней мере частично, ограниченный характер проведенных в результате реформ. Можно также сослаться, как это делает российский историк А. Н. Сахаров, на убежденность императора в том, что намечаемые реформы могли нанести удар по прерогативам, которыми он в конечном итоге был вполне удовлетворен. Некоторые, наконец, упоминают о страхе, который, памятуя о судьбе своего отца и деда, якобы испытывал Александр I при мысли, что может вызвать волну враждебности, способную привести к его убийству⁹⁷. Тем не менее, хотя все эти соображения нельзя сбрасывать со счетов, при том что ни один известный документ той эпохи не свидетельствует о существовании у императора страха перед заговором⁹⁸, интереснее подчеркнуть тот факт, что в своих размышлениях члены Негласного комитета и сам Александр I наталкивались на следующий вопрос: как взяться за конкретное преобразование политико-социальной системы при отсутствии проводников реформаторского курса?

Этот важный вопрос неотступно преследовал членов комитета, но ответить на него они были не в состоянии. Политическая реформа могла обрести вероятную поддержку в среде дворянства, а именно среди той части сенаторов, которые приветствовали любые изменения, способные сделать из Сената фундамент государства, основанного на силе закона. Но в то же время эта реформа неизбежно задевала интересы наиболее консервативного слоя русского общества, меньше всего желавшего реформы социального уклада, т. е. отмены

крепостничества. Это обстоятельство создавало большую проблему, если не сказать — заводило в тупик. Попытки преодолеть данное затруднение предпринимал Лагарп. В частных беседах с императором он неоднократно говорил об узости круга возможных проводников реформы: меньшая часть просвещенных дворян, часть нарождавшейся буржуазии, некоторые «маловлиятельные» мыслители — и подчеркивал необходимость постепенного введения преобразований, постановки конкретных и скромных задач до тех пор, пока благодаря распространению образования не появится возможность расширить этот круг.

Вследствие колебаний членов Негласного комитета, советов Лагарпа и осторожной природы императора, который, как на то не раз будет сетовать П. А. Строганов, ни разу не выразил членам комитета ни одной предельно ясной мысли⁹⁹, принятые в 1801–1805 гг. решения представляются скромными и ограниченными. Не сделало их менее символическими и желание Александра I следовать по пути реформ.

Несмотря на то что Строганов выступал за обнародование конституции, введившей четкое разделение властей, по его мнению, являвшееся фундаментом государства, основанного на силе закона, ни один вариант конституции в тот период принят не был: император ограничился реформой центральных органов управления.

Непременный совет, образованный 30 марта 1801 г., за два месяца до падения Палена, насчитывал от 8 до 10 членов, к которым мог присоединиться тот или иной министр, в зависимости от разбираемого вопроса. В его функции входило рассмотрение государственных дел и работа над подготовкой административной реформы. До своего упразднения в 1810 г. совет являлся консультативным органом, пользовавшимся большим влиянием. Он был напрямую связан с восстановлением Жалованной грамоты дворянству и с роспуском Тайной экспедиции. В ряде случаев, когда совет выражал отличное от императорского мнение, ему порой удавалось настоять на своем. Так, 30 января 1801 г. Павел I поспешно ратифицировал союзный договор между Россией и Картли-Кახетинским царством, решив использовать его для присоединения территорий последнего. Александр I, едва вступив на престол, проявил неприязненное отношение к идее присоединения, в отличие от Непременного совета, который был настроен благосклонно. В августе 1801 г. по этому вопросу высказались члены Негласного комитета Новосильцев и Строганов, которые выступили против присоединения. Но 12 сентября 1801 г. Александр I, уступив мнению Непременного совета, издал манифест, подтверждавший присоединение Картли-Кახетинского царства¹⁰⁰.

Именной указ, подготовленный Новосильцевым и изданный 8 сентября 1802 г.¹⁰¹, предусматривал реформу Сената. Высший судебный орган, каковым являлся Сенат, разделялся на отдельные департаменты с целью более эффективного и быстрого вынесения судебных решений. Все дела, не входившие в компетенцию отдельных департаментов Сената, выносились на рассмотрение общего собрания, которое определяло природу и меру наказания, не подлежавшего обжалованию. Однако, хотя прерогативы этого учреждения были достаточно ясны, они ограничивались исключительно судебными делами и не распространялись на политическую сферу. В отличие от чаяний, филигранным образом выраженных в июльском проекте 1801 г.¹⁰², реформированный Сенат не превращался в государственный орган, наделенный подобно английской Палате лордов законодательными полномочиями.

Вслед за июльским проектом 1801 г., разработанным сенаторами по требованию самого императора, незамедлительно появились несколько других документов. Например, проект П. А. Строганова, который, несмотря на все недоверие его автора к дворянству, предусматривал расширение полномочий Сената и превращение его в главное учреждение, ответственное за применение будущего закона о конституции. Или проект графа Н. С. Мордвинова, рассмотренный в Непременном совете в начале мая 1802 г.: в нем предлагалось превратить Сенат в политический орган, часть членов которого (правда, лишь часть) больше не назначалась бы императором, а избиралась из расчета два сенатора от каждой губернии¹⁰³; тем самым делался робкий шаг в направлении представительной монархии. Однако после обсуждения в Негласном комитете эти проекты не получили одобрения.

В мае 1802 г., как и в августе 1801 г.¹⁰⁴, личные советники Александра I выдвигали те же аргументы: учитывая реакционные унастроения и поведение дворянства, на тот момент и речи не могло идти о том, чтобы в лице реформированного Сената предоставить дворянам даже малую часть власти, поскольку они, по существу, не смогли бы правильно ею распорядиться. Год спустя сенатор С. О. Потоцкий потребовал аудиенции у императора, даже и тогда, когда пунктом 9 именного указа 8 сентября 1802 г. Сенату предоставлялось право «представления», то есть право обращать внимание императора на необходимость соответствия всех законов друг другу. Возглавив делегацию сенаторов, Потоцкий сообщил о том, что текст указа, принятого военным министерством 5 декабря 1802 г. и одобренного императором¹⁰⁵, противоречит существующим законам. Ответ Александра I не заставил себя ждать. 31 марта 1803 г., не приняв во внимание

ремарки сенаторов, император «разъяснил» Сенату, что он может делать возражения лишь по ранее изданным законам, а не по настоящим и будущим. Таким образом, два года спустя с момента воцарения молодого монарха пришел конец мечтаньям некоторых либералов об усилении влияния и властных полномочий Сената с последующим его превращением в политический орган, поскольку вся власть сосредоточивалась в руках самодержавного монарха.

Хотя указ 8 сентября 1801 г. слабо затронул структуру Сената, он имел существенное значение для реформы управления, положив начало созданию министерств.

На смену прежним коллегиям, образованным еще при Петре I, пришли восемь новых министерств, основанных на принципах централизации и служебной иерархии: министерство иностранных дел, военных сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, финансов, юстиции, коммерции и народного просвещения. Три из ранее существовавших коллегий — Военная, Адмиралтейств-коллегия и иностранных дел — продолжили существовать, будучи поставлены под контроль новых министерств¹⁰⁶. Во главе каждого министерства стоял министр, который назначался императором, имел помощника и секретаря и был «полновластным хозяином в рамках своей юрисдикции»¹⁰⁷. Министерство включало канцелярию, товарища министра и состояло из нескольких департаментов под начальством директоров. Последние ежедневно докладывали министру о текущих делах и помогали ему принимать решения. Согласно закону все министры являлись членами Непременного совета.

Юридически Сенат располагал полномочиями по контролю над государственными органами исполнительной власти¹⁰⁸, то есть над министерствами, но на практике последние отчитывались непосредственно перед императором, что *de facto* ослабляло имевшиеся у Сената прерогативы. Министры работали в тесном сотрудничестве с императором. Они могли направлять ему законопроекты, поправки к действующим законам. Они обязывались представлять императору ежегодный письменный отчет о своей деятельности. Этот отчет впоследствии передавался в Сенат, который мог потребовать разъяснений или уточнений по поводу проделанной работы. На практике же Сенат был лишен свободы действия, поскольку министры в прошлом часто сами были сенаторами. Это обстоятельство способствовало, по выражению историка Д. Ледонна, появлению настоящего «министерского деспотизма»¹⁰⁹, поощряемого императором.

Но так как все министры каждый день являлись к монарху с отчетом о текущих делах, в работе министерств не было согласованности. В принципе, Комитет министров должен был увенчивать минис

Берское «здание» «и выполнять функцию штаба по отношению к главнокомандующему — монарху»¹¹⁰. Таково было желание Чарто-вского, который на заседании Негласного комитета 10 февраля 1802 г. особо подчеркнул мысль о необходимости совместной работы и отчетности отдельных министерств:

«В выборе министров следовало бы взять за правило назначать людей с одинаковым образом мыслей, чтобы они образовывали идеальное единство, чтобы глупость одного из них заслуживала порицания других, и чтобы все они так или иначе несли ответственность за одну и ту же ошибку; тогда эта администрация, приводимая в движение единой силой и ловко направляемая, в короткий срок приведет Россию к всеобщему процветанию. Тогда как в настоящее время Его Величество сам признает, что отсутствие единства среди министерств было особенно вредно для империи, поскольку одно из них тянуло в одну сторону, другое — в другую, а посередине оказывалось страдавшее от этого государство»¹¹¹.

Конечно, Александр I учредил Комитет министров, который мог собирать министров и их товарищей по конкретной повестке. Но император не прибегал к этому инструменту систематически, ограничившись тем, что вызывал к себе того или иного министра, и оставив за собой право самому решать конфликты между отдельными министерствами. Тем не менее роль Комитета министров не была ничтожной: в отличие от Непременного совета, который быстро пришел в упадок, а с конца 1810 г. был вовсе упразднен, Комитет министров продолжал собираться — если не регулярно, то по крайней мере часто — для обсуждения политических вопросов. С сентября по декабрь 1802 г. Александр I председательствовал на 20 из 23 заседаний Комитета министров. В следующем году император присутствовал на всех 42 заседаниях Комитета, в 1804 г. — на 26 из 31 заседаний¹¹². Наконец, когда в 1805 г. император был вынужден покинуть столицу и присоединиться к действующей армии, именно Комитет министров в его отсутствие заведовал политическими вопросами, принимая срочные решения большинством голосов. Это была исключительная ситуация: Комитет министров никогда не функционировал систематически, нормой были непосредственные отношения между каждым министром и монархом. Этот способ, которому отдавалось предпочтение перед прямыми двусторонними отношениями министерств, вызывал критику членов Негласного комитета, видевших в нем источник неэффективности. П. А. Строганов сетовал:

«Император взял за правило работать дни напролет со всеми своими министрами; каждый из них является в установленный час и отчитывается о соответствующих делах. Император принимает решение, и таким образом идет работа. Этот способ имеет ряд неудобств. <...> Никогда не созывая всех министров с целью подвести итог всей проделанной работы,

не собирая их в единую связку и тем самым не координируя действия отдельных частей, он упускает из виду себя, а министры забывают о том единстве, которое должно существовать между всеми частями. Поэтому каждый из них может работать, думая лишь о своей части и тем самым подчиня ей все остальные»¹¹³.

В одном из писем Лагарпу от 26 октября 1802 г. Александр I, напротив, выражал большое удовлетворение, подчеркивая свою личную роль в новой системе управления:

«Мой милый и истинный друг, я долго медлил, чтобы вам написать. Не держите на меня за это зла; я был так перегружен работой, что редкая минута у меня оставалась свободной. <...>

Мероприятие, о котором мы так часто говорили [то есть о создании министерств. — *Авт.*], идет полным ходом. Министерство образовано и достаточно хорошо работает больше месяца. Дела стали вестись гораздо более прозрачно и методично, и я знаю, кого упрекнуть, если что-то пойдет не так»¹¹⁴.

На самом же деле выбранные Александром I министры не являлись сплоченной командой. До этого было далеко: сюда входили одновременно и молодые реформаторы, приближенные к Негласному комитету или являвшиеся выходцами из него, и знатные консерваторы, мало склонные к реформам и переменам. Чарторыйский, Новосильцев и Строганов были назначены соответственно товарищами министров иностранных дел, юстиции и внутренних дел, тогда как Кочубей получил пост министра внутренних дел, который он занимал вплоть до 1812 г. М. Н. Муравьев, товарищ министра народного просвещения, разделял реформаторские взгляды молодых людей. Что касается главы министерства морских сил, адмирала Н. С. Мордвинова, то он имел репутацию либерала и англофила. Но в то же время Александр I поручил руководство министерством юстиции поэту Г. Р. Державину. Пользуясь репутацией консерватора, последний непрерывно сетовал на «французский и польский конституционный дух», которым «нафаршировано» окружение Александра I.

Кроме того, большую часть директоров департаментов, которыми часто являлись старые сановники екатерининской эпохи, отличали консервативные взгляды и неприязнь к любым переменам. Не прошло и четырех месяцев с момента учреждения министерств, как членов Негласного комитета постигло разочарование. «Нет никакого единства. Министры питают взаимное отвращение и придираются друг к другу, и согласие, столь необходимое в делах управления, не существовало ни минуты», жаловался в январе 1803 г. В. П. Кочубей в одном из писем С. Р. Воронцову, то есть всего несколько месяцев спустя после учреждения министерств¹¹⁵. Тогда же ему вторил Н. Н. Новосильцев:

«Быть может, вам интересно знать, как идут дела в нашем министерстве? Не так хорошо, как того хотелось бы: мало согласия, мало гармонии; одни слишком деятельны, другие недостаточно; одни замыкаются в себе и думают исключительно о своей части, другие вмешиваются во все подряд и косвенно все контролируют»¹¹⁶.

Следовательно, хотя создание министерств добавило эффективности государственному управлению, последнее по-прежнему не представляло собой единого механизма, а Комитет министров играл довольно скромную роль. Таким образом, политические реформы не пошли дальше административных и функциональных новаций. В 1801–1805 гг. не происходило движения в сторону образования по настоящему однородного аппарата управления. Сохраняя самодержавный характер, власть оставалась чрезвычайно централизованной, несмотря на обнаруженный Александром I интерес к идее федерализма и расширению полномочий местных властей.

С момента своего прихода к власти молодой монарх — благодаря путешествиям, которые он совершил ранее вместе с отцом, — прекрасно сознавал обширность территории своей империи, ее национальное, культурное и религиозное многообразие, а также был в курсе реалий местного управления, разлагавшегося от взяточничества и небрежного отношения к службе¹¹⁷. Он часто затрагивал эти проблемы в беседах с Лагарпом. В письме, составленном в июле 1803 г., молодой император поделился с ним своим желанием сблизиться с Т. Джефферсоном¹¹⁸ с тем, чтобы расспросить американского президента о федеральном устройстве молодых американских Соединенных Штатов. В августе 1805 г. Александр I написал президенту Т. Джефферсону. С одной стороны, он выражал ему свое восхищение Соединенными Штатами и их «свободным и мудрым устройством, которое обеспечивало счастье всех и каждого»¹¹⁹. С другой стороны, он подтверждал свой интерес к данной модели, которая сочетала в себе черты федерализма и конституционализма. Год спустя, 18 апреля 1806 г., Т. Джефферсон написал Л. Гаррису, консулу Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге:

«Император обнаружил желание ознакомиться с нашим государственным устройством. Поэтому я выбрал два лучших из имеющихся в нашем распоряжении исследования по этой теме и прошу вас найти для них место в его библиотеке»¹²⁰.

Однако Александр I в очередной раз действовал осмотрительно, пожалуй, даже чрезмерно осторожно, приступая к скромной реформе местного управления. Отныне поставленный во главе губернии генерал-губернатор докладывал по вверенным ему вопросам непосредственно императору, тогда как губернское правление, состоявшее из чиновников местных органов управления (фискальное ведом-

ство, торговый надзор, суды, полиция и т. д.), направляло отчеты в различные министерства. Таким образом, данное устройство было призвано расширить полномочия губернских властей и укомплектовать их более подготовленными кадрами. М. Раефф заметил по этому поводу:

«Тот же самый генерал-губернатор отныне имел возможность осуществлять как управление, так и надзор в своей губернии, опираясь на опытных людей и находясь под контролем специализированных и компетентных министерств. Стала возможна определенная децентрализация управления, местные органы власти получали больше инициативы и большую свободу действий, что было необходимо для того, чтобы смазать шестерни государственной машины и обеспечить ее более плавный ход»¹²¹.

Не отказываясь от принципа административного единообразия губерний, Александр I вскоре ввел гибкую систему управления территориями империи, населенными преимущественно нерусским населением. В соответствии с Ништадтским миром 1721 г. остзейским губерниям предоставлялась административная автономия, и император не ставил под сомнение эту привилегию, равно как и не стремился вмешиваться во внутренние дела указанных губерний. Присоединение к России Каргли-Кахетинского царства, состоявшееся, как было показано выше, после долгих колебаний, положило конец грузинской монархии. Однако права грузинской православной церкви остались нетронутыми¹²², а грузинское дворянство, включенное в Табель о рангах¹²³, приобрело право получать титулы российского дворянства и участвовать в делах местного управления.

Наконец, заботясь о том, чтобы его царствование проходило под знаком религиозной терпимости, — тем более что в то время император придерживался скорее безразличного, если не сказать подозрительного, взгляда на православие, которое он воспринимал как одну из движущих сил обскурантизма, — Александр I обнаружил желание улучшить положение евреев в империи¹²⁴. С этой целью он в ноябре 1802 г. он приступил к созданию специального Комитета по благоустройству евреев, в котором заседали А. Чарторыйский, С. Потопкий, В. А. Зубов и Г. Р. Державин. Приглашенные еврейские представители должны были довести до сведения Комитета свои жалобы. Выслушав их, Комитет в 1804 г. издал Положение об устройстве евреев, которое, не затрагивая весь комплекс дискриминационных мер, от которых страдали евреи, — как было показано выше, со времени царствования Екатерины II территория проживания евреев ограничивалась западными губерниями, они не могли приобретать земли¹²⁵ и находились под более сильным налоговым гнетом, — тем не менее несколько улучшило условия их жизни. Они по-прежнему не могли приобретать земли, им запрещалось торговать вином, но черта осел-

сти распространилась на Астраханскую и Кавказскую губернии и школы, которыми облагалось еврейское население, были уменьшены.

Кроме того, в целях ассимиляции евреев — многие из них были немецкоговорящими, что еще более усиливало их изоляцию, — Положением разрешалось свободно записывать еврейских детей в училища, гимназии и университеты, вместе с тем евреям дозволялось открывать собственные религиозные школы. Перечисленные меры свидетельствовали о том, что в отношении еврейского населения империи стал применяться откровенно более благожелательный и либеральный подход, чем ранее.

Итак, уже в первые годы царствования Александр I искал средства улучшить работу центрального и местного управления, демонстрируя определенную гибкость в приспособлении к территориальным и культурным особенностям Российской империи. Это говорит о том, что рассмотренные политические реформы, хотя и не стали проводником конституционных и федералистских идей Александра I, не утрачивают от этого своего значения. Однако достижения в экономической и социальной сферах были более скромными.

Наброски реформ

С 1796–1797 гг. Александр I начал проявлять свое глубокое отношение к крепостному праву. Вступив на престол, он неоднократно обсуждал эту проблему с членами Негласного комитета и Ф. Лагарпом. В то же время конкретные меры, которые он провел в жизнь в 1801–1805 гг., оказались чрезвычайно ограниченными.

Очень рано, как о том свидетельствуют его личная переписка и дневниковые записи, Александр I убедился в необходимости улучшения положения крестьян, поскольку крепостное право представлялось ему аномальным явлением как с моральной, так и с экономической точек зрения¹²⁶. Но как спланировать отмену крепостного права таким образом, чтобы не подорвать положение дворянства и не вызвать его враждебного отношения, чтобы не поставить под угрозу социальный строй и сами основы установившейся в России формы правления? Разумеется, как отмечалось выше, молодой император не питал ни уважения, ни симпатии к российскому дворянству. В ходе заседания Негласного комитета 27 июля 1801 г. он признался своим близким друзьям, что восстановил Жалованную грамоту дворянству против собственной воли, поскольку дворянские привилегии представлялись ему столь же незаслуженными, сколь и несправедливыми. Неприязнь Александра I к дворянству нашла живой

отклик внутри Негласного комитета. Тем не менее император вынужден был считаться с теми, кого презирал.

Летом 1801 г. П. А. Зубов, который к тому времени еще не был исключен из Негласного комитета, по просьбе Александра I подготовил проект реформирования системы крепостного права. Не выступая за всеобъемлющую реформу, автор тем не менее внес несколько смелых предложений, в частности предоставить дворянам право освобождать — с получением денежной компенсации от государства — тех крепостных крестьян, которые, проживая в городе, могли стать мещанами и числиться по сословным спискам как городские обыватели. Учитывая, что около 8 % городского населения (или 190 тыс. человек¹²⁷) принадлежало к крепостным крестьянам, это было бы немаловажным шагом. Зубов предлагал также запретить всякую продажу крепостных без земли и установить четкие правила для тех из них, кто был достаточно состоятелен, чтобы выкупить свою свободу. Однако после обсуждения в Негласном комитете в августе 1801 г. проект Зубова, предусматривавший освобождение проживавших в городах крепостных крестьян, был отклонен, поскольку обошелся бы казне слишком дорого.

В конце 1801 г. в новой записке, на сей раз составленной адмиралом Н. С. Мордвиновым, предлагалось предоставить купцам, мещанам и удельным крестьянам право приобретать заложенные и не обрабатываемые крепостными земли. По мысли Мордвинова, следовало пересмотреть исключительные привилегии дворянства и обеспечить быстрое развитие нового способа обработки сельскохозяйственных угодий — за счет труда свободных наемных крестьян. Поскольку эти хозяйства приносили бы больший доход, чем угодья, обрабатываемые крепостными крестьянами, помещики должны были бы со временем признать свободу своих крестьян.

В ноябре 1801 г. записка Мордвинова — наряду с проектом Зубова, который по этому случаю был вновь поставлен на обсуждение, — была рассмотрена Негласным комитетом. Возникли разногласия: Новосильцев поддерживал предложение распространить право покупки земель на другие сословия, помимо дворянства, но враждебно воспринял идею запрещения дворянам продавать крепостных без земли, боясь, что это вызовет яростное противодействие с их стороны. Его точку зрения разделял Лагарп, который, в свою очередь, советовал Александру I решать вопрос о крепостном праве «постепенно и, что особенно важно, никоим образом не покушаясь на права землевладельцев»¹²⁸. Кочубей и Чарторыйский поддерживали предложения как Зубова, так и Мордвинова, но подчеркивали, что, поскольку проекты касаются лишь малой части крепостных крестьян,

Проблема крепостного права в целом остается нерешенной. Что касаясь Строганова, наиболее радикально настроенного члена «интимного кружка», то на заседании 18 ноября 1801 г. он в очередной раз заявил, что вовсе не стоит церемониться с дворянством, которое, на его взгляд, было трусливым, невыразительным и не представляло особой опасности для власти. Тогда как, напротив, следовало опасаться гнева крепостных крестьян, страдавших от произвола помещиков:

«Во все времена у нас именно крестьянское сословие участвовало во всевозможных беспорядках, дворянство же ни разу не охватывало волнения, и если правительству и есть, чего бояться и за кем надзирать, то речь может идти лишь о крестьянском и ни о каком ином сословии»¹²⁹.

Однако Строганов не сумел убедить императора, который предпочел принять проект Мордвинова, хотя и в урезанном виде. 12 декабря 1801 г., в день рождения императора, был издан указ¹³⁰, разрешавший различным сословиям покупать земли без крепостных крестьян. Тем самым отменялось монопольное право на землю, которым до этого пользовалось дворянство, однако последнее сохраняло привилегию иметь крепостных крестьян. Ни одно из предложений Зубова Александр I не одобрил.

Год спустя, в ноябре 1802 г., новый проект был представлен графом С. П. Румянцевым. Сын фельдмаршала П. А. Румянцева, он в недавнем прошлом изучал право в Лейденском университете и был известен своими либеральными и филантропическими идеями. Граф предложил дать помещикам право освобождать крепостных по отдельности или целыми деревнями с наделением каждого из них участком земли. В обоих случаях свободу получали в обмен на некоторую сумму денег, размер которой определяли сами помещики.

Захваченный этой идеей — согласно данной схеме, интересы дворян не ущемлялись, а казна не брала на себя расходы по освобождению крепостных крестьян¹³¹, — Александр I 20 февраля 1803 г. издал Указ о вольных хлебопашцах, по которому крепостные становились вольными хлебопашцами, как только оказывались в состоянии заплатить выкуп и получали разрешение от своего помещика. Однако, если указ 1803 г. и давал крепостным крестьянам надежду, его практические результаты были крайне ограниченными: в 1803–1825 гг. в разряд вольных хлебопашцев перешли 47 153 душ мужского пола¹³² (20 747 в 1804–1808 гг., 10 508 в 1809–1813 гг., 4696 в 1814–1818 гг., 10 057 в 1819–1823 гг. и 1145 в 1824–1825 гг.). Около трети от общего числа крестьян (13 371 душ) оказались на свободе по воле одного единственного владельца — князя А. Н. Голицына, который получил в общей сложности 5 424 618 руб., или 406 руб. за одного крестьяни-

на¹³³. В данном случае, учитывая исключительное количество крепостных крестьян, общая сумма крестьянской задолженности была уплачена казной, а крестьяне обязывались вернуть деньги государству. В большинстве из 47 153 случаев крестьяне вносили часть выкупа в момент освобождения, а другую часть уплачивали в рассрочку, согласно заранее оговоренному соглашению.

Александр издал также указ, которым запрещалось публиковать в московских и петербургских журналах объявления о продаже крестьян без земли.

Наконец, положив начало способу действий, который он применит в других обстоятельствах, император одновременно ввел более прогрессивные меры на периферии империи, превратив остзейские губернии — Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую¹³⁴ — в «экспериментальную лабораторию» для опытов по реформированию системы крепостного права. Выразив в феврале 1802 г. в присутствии членов Негласного комитета надежду на то, что «губерния послужит примером для всей империи»¹³⁵, император подтолкнул сеймы Эстляндии и Лифляндии к принятию решений о предоставлении крестьянам юридического статуса. В июле 1802 г. эстляндский сейм наделил крестьян, исправно исполнявших свои феодальные повинности, «правом наследственного и вечного пользования» землями, которые они обрабатывали, и учредил местные суды. Два года спустя лифляндский сейм принял аналогичные и ряд других положений: отныне форма и размер оброка и барщины устанавливались законом¹³⁶.

Таким образом, начатые реформы не соответствовали первоначальным ожиданиям. Тем не менее они стали важным этапом на пути к отмене крепостничества. Прежде всего потому, что впервые с момента оформления крепостного права императорская власть публично заявила о своем желании поставить под вопрос существование института, который она более не считала приемлемым, а также по той причине, что все большее распространение получала идея если не отмены, то реформирования крепостного права, выдвинутая в проектах П. А. Зубова, Н. С. Мордвинова и С. П. Румянцева.

Хотя проблема отмены крепостного права притягивала внимание Александра I и его ближайших советников, прочие сферы в равной мере были открыты для социально-экономических преобразований. По мнению молодого монарха, который в этом отношении обнаруживал сходство с энергичным образом действий Петра I и Екатерины II, именно государство должно было способствовать развитию частной инициативы и предпринимательского духа.

Взойдя на престол, Александр I изъявил желание придать новый импульс колонизации южных земель. С этой целью в 1803–1805 гг. он фискальными мерами привлек на территории Юга России и Украины около 5 тыс. колонистов — в первую очередь немцев и чехов. Город Одесса, основанный в 1795 г. и свободный от таможенных пошлин, с 1803 г. находился под управлением герцога Э. О. Ришелье, французского эмигранта, перешедшего на русскую службу и назначенного на эту должность императором. В 1805 г. он стал генерал-губернатором Новороссии. Выбор оказался верным: всего за несколько лет герцог сумел превратить Одессу в быстро растущий город (в 1805 г. Одесса насчитывала около 15 тыс. жителей и являлась четвертым по численности городом после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы) и порт с исключительно динамичной торговлей, через который шла значительная часть российского экспорта зерна. В конце 1780-х гг., до основания Одессы, вывоз пшеницы через все черноморские порты составлял 2–3 % объема всего экспорта; с 1802 г. пшеница, вывозившаяся через Одессу, давала более 17 % от общего итога.

С 1805–1806 гг. Российское государство, всегда поощрявшее колонизацию южных территорий, призывало к переселению на эти земли уже не иностранных подданных, а скорее собственных удельных крестьян из относительно густонаселенных или малопродуктивных (например, северо-западных) губерний.

Неизменно заботясь о создании условий для свободного перемещения ценностей и товаров и подъема торговли, Александр I большое внимание уделял развитию внутреннего судоходства. Следуя по пути, намеченному Петром I, который соединил каналами Балтийское, Белое, Каспийское и Черное моря, император начал крупномасштабные работы. Начатое в 1711 г. строительство Вышневолоцкого канала, соединившего Волгу с Невой, а Каспийское море с Балтийским, было продолжено с восшествием Александра I на престол и закончено в 1818 г. Намеченный Петром I и проложенный Александром I Тихвинский канал позволил соединить с Волгой реку Тихвинку, впадающую в Ладожское озеро. Мариинский канал, сооружение которого было начато в 1799 г. и закончено в 1808 г., соединил две реки, остававшиеся судоходными на протяжении большей части своего течения, — Ковжу, впадающую в Белоозеро, и Вытегру, впадающую в Онежское озеро. Наконец, Северный канал, начатый в царствование Екатерины II и законченный в 1820 г., обеспечил сообщение между Белым и Каспийским морями¹³⁷.

Император в равной степени благоволил портовой торговле, объявив все порты Черного моря свободными от таможенных пошлин.

Наконец, в 1805 г. последовал указ о строительстве Обводного канала в Санкт-Петербурге. Будучи закончен в 1822 г., он опоясал город с юга и дал возможность торговым судам различной осадки более свободно осуществлять отгрузку и погрузку товаров. И так, вслед за Петром I и Екатериной II молодой император проявлял заботу о расширении транспортной инфраструктуры, сознавая, что она играет ключевую роль в экономике страны. Однако в начале своего царствования Александр I отдавал приоритет развитию образования.

Следуя заветам просветителей и своего наставника — Лагарпа, в образовании император видел средство совершенствования каждой отдельно взятой личности и в конечном итоге всеобщего движения вперед. Он надеялся, что хорошо образованное, открытое и способное критически мыслить русское общество окажется лучше подготовлено к тому, чтобы понять, а значит, и принять идею реформы, которую олицетворял сам Александр I. В его представлении — равно как и Лагарпа — народное просвещение являлось чрезвычайно важной сферой для будущего страны, тем более что император очень сурово отзывался о системе образования, действовавшей в момент его вступления на престол. В январе 1802 г., направляя Лагарпу доклад, в свое время представленный Павлу I императорской Комиссией об учреждении народных училищ, император в резкой манере писал:

«Прилагаю, мой милый, довольно бездарную записку¹³⁸, о которой я вам говорил. Не думаю, что вы сможете извлечь из нее много пользы. По крайней мере, она даст вам представление о нынешней никчемности системы, столь важной для государства»¹³⁹.

Столь радикально оценивая ситуацию, император, едва придя к власти, приступил к крупным преобразованиям в этой сфере.

Проведенная в сентябре 1802 г. реформа привела к образованию министерства народного просвещения, поначалу возглавляемого графом П. В. Завадовским, пожилым и не очень деятельным сановником, который в царствование Екатерины II председательствовал в Комиссии об учреждении народных училищ. Внутри министерства в январе 1803 г. было создано Главное управление училищ, которое стало инстанцией, где принимались ключевые решения министерства. Возглавляемое В. Н. Каразиным (1773–1842), объединявшее приближенных императора (например, А. Чарторыйского), именно это управление в действительности руководило министерством, в чем Александр I открыто признавался Лагарпу в письме, написанном в июле 1803 г.:

«Ваши сожаления по поводу назначения Завадовского на место министра народного просвещения были бы не столь сильны, если бы вы знали о том, как устроено министерство. Он ничто. Всем управляет совет, со-

стоящий из Муравьева, Клингера, Чарторыйского, Новосильцева и др. Нет такого документа, к которому они ни приложили бы руку. Мои частые сношения с последними двумя особенно мешают министру малейшим образом воспрепятствовать тому благу, которое мы пытаемся сотворить. Кроме того, мы его сделали в высшей степени покладистым, истинным теленком. В конце концов он не ничто и остается в министерстве лишь для того, чтобы не жаловался на то, что его оттуда исключили»¹⁴⁰.

В ноябре 1804 г. управление издало новое Положение об устройстве училищ, вдохновением для которого послужили размышления Чарторыйского, изложенные им в 1802 г. в записке по вопросам образования, о модели образования, разработанной М. Кондорсе в 1792 г.¹⁴¹, и записка Ф. Лагарпа, составленная им в марте 1802 г.¹⁴²

Россия была разделена на шесть учебных округов, в каждом из которых должен был располагаться университет. Попечитель каждого учебного округа осуществлял управление и контроль над губернскими гимназиями своего округа. На уровне губернии задача директора гимназии состояла в том, чтобы надзирать над уездными училищами¹⁴³. На уровне каждого уезда инспектор был обязан контролировать приходские училища. В остзейских губерниях образование велось на немецком языке, а в русскоговорящих районах — на русском. Курс обучения в приходском училище составлял один год, в уездном училище — два года, в губернских гимназиях — четыре года.

В приходских училищах первостепенное внимание уделялось чтению, письму, арифметике, Закону Божьему, нравственности, а также основам гигиены и ведения сельского хозяйства. Уездные училища делали акцент на изучении Закона Божьего, права, русского языка, истории, географии, математики, физики, естественных наук, техники, черчения. Дети, собиравшиеся поступать в губернские гимназии, обучались в уездных училищах также основам латыни и немецкого языка. Наконец, в губернских гимназиях преподавали математику, физику, технику, естественные науки, этику, право, политическую экономию, историю, географию, латинский, немецкий и французский языки и черчение. Следует отметить, что в приходских и уездных училищах важное место отводилось преподаванию религии, тогда как на следующей ступени образования этот предмет вовсе отсутствовал. В представлении членов Главного управления училищ, находившихся под влиянием немецкого идеализма, преподавание религии в небольших классах должно было дать детям четкие моральные ориентиры¹⁴⁴.

Как и в проекте М. Кондорсе, двери в образовательные учреждения были открыты как для мальчиков, так и для девочек. Образование должно было быть бесплатным, а дети из бедных семей могли

бесплатно получать книги. Однако в действительности образование в царствование Александра I оставалось привилегией мальчиков. К тому же из-за нехватки денежных средств, квалифицированных преподавателей и учебников на русском языке множество училищ в сельской местности так и не были открыты.

Система университетского образования также была реформирована. Московский университет, основанный в 1755 г., подвергся простой реорганизации и получил новый устав, изданный 5 ноября 1804 г. Университет имел четыре факультета: нравственных и политических, физических и математических, врачебных и медицинских и словесных наук. Хотя данная структура являлась традиционной, воспроизводя модель средневековых университетов, она была нацелена на подготовку не только кадров чиновников для гражданской службы, но также инженеров и других специалистов, которых тогда не хватало в стране. При университете были открыты несколько библиотек, благотворительный пансион для бедных студентов, классический лицей и педагогический институт. Кроме того, располагая отныне собственной типографией, Московский университет мог издавать высококачественные научные труды. Параллельно с этим были открыты новые университеты в Вильнюсе¹⁴⁵ и Тарту в 1803 г., в которых учебный курс был составлен соответственно на польском и немецком языках¹⁴⁶. Год спустя, в 1804 г., были учреждены Харьковский и Казанский университеты. Наконец, в 1803 г. вновь открылся Петербургский педагогический институт (закрытый в 1801 г.): он составил ядро университета, который будет официально учрежден в 1819 г.

Во всех этих университетах, собиравших в своих стенах всего несколько сотен студентов, преподавательский корпус состоял из русских и иностранных профессоров: так, в 1804 г. в Московском университете насчитывалось одиннадцать профессоров, прибывших из Германии. Хотя в университетском образовании много места отводилось традиционным предметам — теологии, изучению Священного Писания, русскому гражданскому и уголовному праву, — серьезное внимание уделялось также точным наукам, а также дисциплинам из арсенала западноевропейских университетов: римскому праву, дипломатии и политической экономии.

Среди первых попечителей российских университетов были видные деятели и близкие друзья Александра I. М. Н. Муравьев, товарищ министра, бывший наставник императора, стал первым попечителем Московского университета. Н. Н. Новосильцев занимал пост попечителя Петербургского педагогического института в 1804–1810 гг., а князь А. Чарторыйский — Вильнюсского университета в

1804–1824 гг. Это говорит о заинтересованности императора в университетском вопросе. Создание данных учреждений порой было сопряжено с трудностями, как о том свидетельствует история открытия Харьковского университета: проект, составленный лично В. Н. Каразиным и одобренный Александром в 1801 г., был реализован лишь в 1805 г. вследствие непредвиденных финансовых и организационных затруднений. Однако вклад Александра I в развитие университетского образования несомненен: ежегодно казна выделяла университетам средства, превосходившие общий объем ассигнований, направленных Екатериной II в сферу среднего и высшего образования за все время своего правления.

В царствование Александра I число студентов в целом было невелико, однако в силу своих дружеских и общественных связей — они часто объединялись в союзы и кружки, — а также посредством журналов и газет, которые они издавали, они способствовали зарождению просвещенного общества.

Параллельно с созданием более густой сети народных училищ император также поощрял открытие «современных лицеев», представлявших собой промежуточное звено между университетом и гимназией, нередко существовавших на частные средства; здесь чаще всего давалось естественно-научное и техническое образование. Первый лицей появился в Ярославле. Устав этого заведения, учрежденный на средства П. Г. Демидова, богатого уральского промышленника, был одобрен Александром I в январе 1805 г., и оно начало работу под названием Демидовского юридического лицея. В том же году в Нежине — благодаря финансовой поддержке князя А. А. Безбородко — был основан Историко-филологический институт. Несколько лет спустя, в 1811 г., открылся третий, самый известный лицей — в Царском Селе. Сюда принимались дети из знатных семей, а в числе первых учеников этого заведения был А. С. Пушкин.

В целом прогресс в системе образования в царствование Александра I был очевиден: в 1801 г., накануне реформы, в Российской империи насчитывалось 334 училища, из которых 241 заведение давало начальное образование и 93 — среднее, а общая численность учеников в них составляла 21 533, или чуть более 5 % от 40-миллионного населения империи. В 1825 г. число начальных учебных заведений возросло до 370, средних учебных заведений и лицеев насчитывалось около 600; всего в них обучалось 69 629 учеников¹⁴⁷, или более 0,13 % от общей численности населения, которая на тот момент оценивалась в 53 млн человек. Плеяда молодых людей, получивших образование в этих высших и средних учебных заведениях, в царствование Александра I сыграла ключевую роль не только на социально-эконо-

мическом поприще — из нее вышли высококлассные чиновники и специалисты, — но также и в культурной сфере: именно эти люди обрели известность в мире литературы и искусства той эпохи, и именно среди них нашли свою аудиторию писатели и художники.

Вместе с тем император желал, чтобы Россия открылась навстречу Европе, шла в ногу с интеллектуальными и культурными переменами своего времени. Именно поэтому в 1804 г. был принят необычайно либеральный цензурный устав, самый либеральный за весь XIX в., и всячески приветствовалось проживание русских студентов за границей, особенно в Германии. Ежегодно двое студентов из каждого российского университета направлялись за счет государства в Западную Европу для продолжения образования. По распоряжению императора на русский язык также переводились литературные, философские и политические труды, которые, как ему казалось, могли сделать Россию более открытой к европейским веяниям. «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита было издано на русском языке в 1804 г. Вместе с тем открытость европейской культуре не должна была идти в ущерб знанию и развитию русского культурного наследия. В 1814 г. в самом центре Санкт-Петербурга, на углу Невского проспекта, открылась Императорская публичная библиотека. К 1838 г. в ее собраниях скопилось 42,7 тыс. книг и более 17 тыс. рукописей¹⁴⁸.

Последствия этой интеллектуальной и культурной открытости не заставили себя ждать. В 1801–1825 гг. появляются многочисленные издательские дома (к 1813 г. их стало 55) и периодические издания. Число журналов, альманахов, газет выросло многократно всего за несколько лет. Век этих изданий порой был недолог. Тем не менее благодаря им идеи, ценности и вкусы распространялись в России невиданным доселе образом. За какие-то несколько лет усилиями Вольного общества любителей словесности, наук и художеств был создан ряд журналов различного профиля: в 1804 г. появился журнал-эпоним, впоследствии — «Северный вестник»; в 1805 г. — журнал «Русская беллетристика». Инициатива отдельных лиц вызвала к жизни новые журналы, такие как «Вестник Европы», учрежденный в Москве в 1802 г. усилиями Н. М. Карамзина, или «Русский вестник», который в 1808 г. стал издавать С. Н. Глинка.

Заботясь о том, чтобы открыть страну навстречу Европе и одновременно способствовать развитию некоей «русскости», император вместе с тем очень рано обнаружил желание привести в порядок и украсить Санкт-Петербург с тем, чтобы превратить его в одну из красивейших европейских столиц. Прежде всего он решил отказаться от модных в эпоху Екатерины II стилей барокко и рококо. Впитав бла-

годаря воспитанию Лагарпа любовь к греко-латинским эталонам, Александр проявил отчетливо выраженную склонность к неоклассицизму. Именно в этом ключе будут работать архитекторы той эпохи, по большей части русские, а не западноевропейские, черпая вдохновение в палладианских мотивах и изобретая стиль «русский ампир», часто рассматриваемый как «романтический классицизм»¹⁴⁹. В 1801–1825 гг. формы совершенствовались, вновь открывались геометрия и симметрия¹⁵⁰; величественность и монументальность сооружений служили также символами политического могущества.

В первые годы своего царствования Александр I развернул масштабные работы в Адмиралтействе. Это здание, являвшееся символом стратегической и военной роли Санкт-Петербурга, начиная с 1805 г. было подвергнуто перепланировке, проходившей под руководством А. Д. Захарова, на тот момент профессора архитектуры Императорской Академии художеств. Однако архитектор умер в 1811 г., и руководство работами взял на себя талантливый архитектор А. Н. Воронихин — бывший крепостной А. С. Строганова¹⁵¹, отпущенный на волю. В 1823 г. работы были полностью закончены, результат превзошел все ожидания императора. Главный фасад здания вытянулся на 415 метров. Центральная башня, декорированная роскошными барельефами, была украшена двадцатью восемью статуями и четырьмя монументальными скульптурами, которые изображали Пирра, Ахилла, Аякса и Александра Великого и выражали символическую преемственность между античной Грецией и Российской империей. Адмиралтейский шпиль, располагавшийся на вершине здания на высоте 72 метров, стал важным ориентиром для петербуржцев.

Но Александр I, как и ранее его отец, не ограничился строительством светских сооружений. В 1801 г. по инициативе Павла I А. Н. Воронихин предпринял реконструкцию Казанского собора. Десять лет спустя Александр I довел работы до конца. Построенный на манер римских базилик Сан-Пьетро и Санта-Мария-Маджоре, собор обращен изящным полукругом на великолепную перспективу Невского проспекта. В первые годы после своего освящения собор стал пантеоном русских святых и героев.

Итак, в 1801–1805 гг. пробил час перемен, и реформаторские устремления нового монарха стали заметны в различных областях. Однако реальные шаги были скромными, если не сказать разочарывающими, и имели мало общего с изначальными чаяниями: конституционалистские и реформистские мечтания Александра I быстро разбились о суровую реальность — отсутствие поддержки и проводников внутри русского общества. Именно это обстоятельство с

1802–1803 гг. заставляло монарха все чаще высказываться в пользу варианта осторожных и постепенных реформ.

Молодой император в поисках себя

В 1802 г. новый император вновь разрешил открытие франкмасонских лож: тогда как в царствование Павла I они находились под запретом. Эта благосклонность в значительной мере объяснялась толерантностью, подобной той, которую он обнаруживал в отношении различных религиозных конфессий. Однако толерантность эта вскоре переросла в симпатию. Хотя источники, позволяющие судить наверняка об отношении Александра I к франкмасонству, отсутствуют, известно, что часть его близких друзей (из числа членов Негласного комитета), министров и советников были франкмасонами, и что сам император, вероятно, был посвящен в члены ложи Р. А. Кошелевым.

Р. А. Кошелев, значительно старше императора (тогда ему было 55 лет), большой знаток немецкой мистической философии и Л. К. де Сен-Мартена, исполнял обязанности камергера императорского двора. В этом качестве он нес ответственность за общую безопасность императора, императорского двора и дворца, что позволяло ему жить в Зимнем дворце, вести философские и духовные беседы с Александром I, наконец, мало-помалу войти в «ближний круг царя»¹⁵². Познакомившись через Кошелева с русским франкмасонством, вдохновлявшимся либеральными и деистическими идеями, — что решительно отличало его от западноевропейского франкмасонства, чаще всего бывшего по своей сути атеистическим и республиканским, — Александр I позже занял место в ложе Преображенского полка. Впоследствии, и к этому мы в дальнейшем вернемся, Александр I вместе с Кошелевым и А. Н. Голицыным стал основателем собственной масонской ложи «Триединство», в которой идеал франкмасонского братства уживался, хотя и с трудом, с мессианской духовностью.

Простой и открытый в отношениях с другими людьми, Александр I, как и его бабка, ценил остроты и беседы в салонах, где он блистал, особенно в присутствии женщин, которых пленял как своей образованностью, так и представительностью. В своих мемуарах графиня Р. С. Эдлинг утверждает, что император был охоч до общества представительниц прекрасного пола, к которым он выражал «рыцарское почтение, исполненное изящества и милости»¹⁵³. Действительно, любезный и галантный Александр I, несмотря на свою частичную глухоту и легкую близорукость, вынуждавшую его пользоваться лорнетом, который он часто терял, нравился многим. В апреле 1801 г. генерал Ж. Дюрок, адъютант Бонапарта, прибывший к петербургскому

двору, свидетельствовал о пленительном влиянии Александра I на свое окружение и двор:

«В императоре красивая и приятная внешность соединяется с большою мягкостью и вежливостью. Он, кажется, обладает хорошими правилами и образованностью. У него есть вкус к военному»¹⁵⁴.

Пленительный Александр I имел многочисленные романтические увлечения. Однако, хотя несколько из них были серьезными, большая часть его мимолетных и часто платонических увлечений, культурного жеманства, унаследованного им от французского XVIII в., не имели каких-либо последствий. До тех пор пока во второй половине 1803 г. М. А. Нарышкина, к которой он с 1801 г. питал безответную любовь, не стала его любовницей. Так началась связь, которой суждено было продлиться десять лет.

«Он любезничал со всеми женщинами, но сердце его любило одну женщину и любило постоянно до тех пор, пока сама она не порвала связи, которую никогда не умела оценить. Нарышкина своею идеальною красотою, какую можно встретить разве на картинах Рафаэля, пленила государя»¹⁵⁵.

Это занятное свидетельство графини Р. С. Эдлинг, фрейлины императрицы, которую едва ли можно заподозрить в снисходительности по отношению к сопернице Елизаветы Алексеевны, представляет исключительную ценность для историка. Действительно, не существует архивных источников, позволяющих описать страстное увлечение, которое переживал Александр I. Все, что можно найти сегодня в архивах, это несколько документов, имеющих отношение к детям прекрасной полячки: записки Я. В. Виллие о болезни юной Софии Нарышкиной¹⁵⁶, писавшиеся им ежедневно с 14 по 30 апреля 1824 г., несколько нескладных записок детей¹⁵⁷. Император всегда держался очень сдержанно, даже стыдливо по отношению к той, кто была его единственной страстью. Он никогда не упоминал о ней в письмах к Марии Федоровне. Правда, это умолчание, удивительное, учитывая близость матери и сына, может вызывать подозрения: известно, что Николай I уничтожил несколько писем своих брата и матери друг к другу.

Зато М. А. Нарышкина с детьми появлялась на страницах частых писем Александра I к сестре Екатерине Павловне. Они упоминались мельком, но всегда нежно и деликатно. Император сообщал новости об их здоровье и при этом ни разу не упоминал о Елизавете Алексеевне. Один отрывок из письма Александра I позволяет увидеть страстное чувство, надолго связавшее его с М. А. Нарышкиной, отсутствие угрызений совести по отношению к Елизавете Алексеевне и безразличие к тем чувствам, которые могла испытывать последняя.

Спустя много лет после разрыва отношений в приватном разговоре с графиней Р. С. Эдлинг он проговорится:

«Я виноват, но не до такой степени, как можно думать. Когда домашнее мое благополучие помутилось от несчастных обстоятельств, я привязался к другой женщине, вообразив себе (разумеется, ошибочно, что теперь сознаю ясно), что так как союз наш заключен в силу внешних соображений, без нашего взаимного участия, то мы соединены лишь в глазах людей, а перед Богом оба свободны. Сан мой заставлял меня уважать эти внешние условия, но я считал себя вправе располагать своим сердцем, которое и было в течение пятнадцати лет отдано Нарышкиной. Упрека в том, что я кого-нибудь соблазнил, я не могу себе сделать. Мне поистине всегда казалось ужасным склонять кого-либо к поступку, несогласному с его совестью. Она находилась в таком же, как и я, положении и, подобно мне, заблуждалась. Мы оба вполне искренне думали, что нам не в чем упрекать себя»¹⁵⁸.

Благодаря своему замужеству и большой удаче М. А. Нарышкина заняла исключительное положение при дворе. Связь с императором его лишь укрепила. Всегда одетая в белое, не носившая ни украшений, ни драгоценностей, она отличалась сдержанными и строгими манерами — по примеру мадам Рекамье, — которые контрастировали с экстравагантным поведением и необычайным величием аристократок ее окружавших. Владея замком во Флоренции, усадьбой во Фьезоле, дворцом в Санкт-Петербурге (на Фонтанке) и летним домом на Крестовском острове (располагавшимся неподалеку от летней резиденции Александра I на Каменном острове), Нарышкины жили на широкую ногу, любили устраивать пышные празднества, веселая атмосфера и хороший вкус которых пленяли современников.

Тем не менее, хотя Мария самозабвенно отдавалась веселью, она в течение всего времени связи с Александром I вела себя деликатно, не стремясь ни интриговать, ни навязывать свои политические взгляды. Тем самым она разочаровала тех, кто надеялся на то, что она в силу своего происхождения заставит императора пересмотреть польский вопрос. Что касается Александра I, он всегда вел себя очень сдержанно, заботясь о том, чтобы не выставлять на общественное обозрение свою вторую семью и детей: двух маленьких Елизавет, которые родились в 1803 и 1804 г. и умерли во младенчестве, а также Зинаиду (родилась в 1810 г.), Софию (1808 г.) и мальчика Эммануила (1814 г.). Таким образом, Александр завел семью и обращался со своими незаконнорожденными детьми как любящий и ласковый отец¹⁵⁹. Он вел жизнь мужа, навещая к М. А. Нарышкиной каждый день, проводил вместе с ней вечера. В архивах Зимнего дворца хранится коротенькая записка на английском языке, которая была старательно написана крупными буквами маленькой Софией, — ребенку тогда бы-

до, должно быть, не более пяти лет, — и свидетельствует о ее нежных чувствах к отцу:

«Мой дорогой папа,

Мне очень жаль, что ты поранился. Надеюсь, ты скоро поправишься, потому что я так хочу тебя видеть.

Я думаю о тебе каждый день. Шлю тебе мою любовь и поцелуй.

Твоя маленькая любящая Софи»¹⁶⁰.

Впоследствии, даже тогда, когда М. А. Нарышкина разочаровала Александра I своим легкомысленным поведением, — к тому же он не был уверен в том, что маленький Эммануил, родившийся 30 июля 1814 г., действительно его сын, — император, несмотря ни на что, проявлял постоянную и щедрую заботу о материальном и финансовом положении своих незаконнорожденных детей. Месяц спустя после рождения Эммануила, 30 августа, Александр I направил Д. Л. Нарышкину вполне недвусмысленный рескрипт:

«Питая искренний интерес к благополучию вашей семьи, я издал, согласен с вашим желанием, следующие распоряжения: 1) Все движимое и недвижимое имущество, которое останется после вашей кончины, будет поделено между Эммануилом и его сестрами Мариной и Софией, согласно закону. 2) Впоследствии будет произведена оценка имущества, полагающегося Эммануилу и Софии, и правительство переведет оставшуюся сумму вашей дочери Марине. На ваши ближайшие нужды вы получите при сем 300 тыс. рублей, в счет упомянутой выше суммы, причитающейся вашей старшей дочери Марине. Если я не смогу при жизни собственноручно исполнить эти распоряжения, я поручу своим наследникам выполнить в полном объеме и с должной аккуратностью это обязательство, столь дорогое моему сердцу»¹⁶¹.

Но хотя Александр I вовсе не испытывал угрызений совести, его радостная и счастливая семейная жизнь оказывалась тем более мучительной для Елизаветы Алексеевны.

Официально приличия были соблюдены, и император на людях обращался с Елизаветой Алексеевной нежно и почтительно. Однако простота придворного образа жизни — император с семьей появлялся в парадном виде лишь по праздникам и воскресеньям, возвращаясь с богослужений, и обедал во внутренних покоях, отдельно от придворных, отсутствие у Александра I интереса к церемониям и придворному блеску способствовали изоляции Елизаветы Алексеевны, которая оказывалась лишенной не только власти и почета, но и самых простых семейных радостей. Вероятно, она сама отчасти была в этом виновата. Воспоминания ее фрейлины рисуют суровый портрет Елизаветы Алексеевны, тем самым снимая с Александра I часть вины за его проступок:

«Воображение у нее было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное к настоящей привязанности. В этих немногих словах вся ее история. Благородство ее чувств, возвышенность ее понятий, доброжелательные склонности, пленительная наружность заставляли толпу обожать ее, но не возвращали ей супруга. Поклонение льстило ее гордость, но не могло доставить ей счастья, и лишь под конец своего поприща эта государыня убедилась, что привязанность, украшающая жизнь, приобретает только привязанностью»¹⁶².

Как бы то ни было, Елизавета Алексеевна, которая более или менее приспособилась к роли второй семьи императора, очень тяжело переносила неоднократные беременности М. А. Нарышкиной: они напоминали ей о ее собственной беременности, а особого трагизма ситуации добавляло то, что 27 июля 1800 г. Елизавета Алексеевна потеряла дочь. В письме к матери от 10 июня 1804 г. императрица упоминает о страданиях, которые вызывало у нее появление на свет двух девочек, рожденных от внебрачной связи Александра I:

«Вы, вероятно, еще не получили наших писем через мадам де Мальтиц, поскольку Амели сообщила мне о том, что она говорила с вами о родах Дамы¹⁶³, которая произвела на свет девочку. Поговаривают, что она считает, что снова беременна; не знаю, правда ли это, но я больше не проявляю слабость и не буду печалиться так, как в первый раз. Я говорила вам, дорогая *Maman*, что в первый раз (мадам имела наглость сообщить мне первой о своей беременности, которая была столь ранней, что я вполне могла бы ее не заметить) это произошло на балу, и обстоятельство это тогда не было еще столь общеизвестным как сейчас; я говорила с ней, как со всякой другой женщиной, осведомилась о ее здоровье, она сказала мне, что чувствует себя не очень хорошо, «так как я полагаю, что я беременна». Не находите ли вы, *Maman*, что это неслыханная дерзость? Она хорошо знала, что мне известно, каким образом она могла забеременеть. Я не знаю, что из этого выйдет и чем это кончится, но я знаю, что я не буду больше портить ни свой нрав, ни здоровье из-за создания, которое этого недостойно, ибо я, к счастью, не стала мизантропом и ипохондриком»¹⁶⁴.

Несколько месяцев спустя, 21 ноября 1804 г., Елизавета Алексеевна сообщила своей матери, что новорожденный ребенок умер, как и его старшая сестра. Это дало императрице повод в завуалированной форме выразить свою ревность к М. А. Нарышкиной, а также пожаловаться на собственную тоску, смягчаемую заботой, которой Елизавету Алексеевну окружила Мария Федоровна:

«Я не знаю, писала ли вам Амели о событии, которое меня сильно поразило и заставило поверить в справедливое Провидение, хотя раньше я в него не верила. Это смерть ребенка, чье существование и рождение причинили мне столько горя. Мне действительно кажется, что Провидение не потерпит незаконнорожденного ребенка в этой семье. Он скончался в августе, и мне до глубины души жаль императора, поскольку он искренне

и глубоко скорбел о нем почти целую неделю, но матери следует поскорее утешиться, потому что в противном случае император не утешился бы так быстро. Кроме того, прошлой зимой она потеряла еще одного ребенка, и три недели спустя она уже танцевала. За дружбу, которую я ему тогда засвидетельствовала без всякого усилия, поскольку это чувство есть и всегда будет для него в моем сердце, и участие, которое я приняла в его горе, я ощутила почти что нежное отношение к себе, но всего лишь на пару недель. К тому же мне очень хорошо, когда мы вместе, но эти моменты редки и длятся недолго. Что касается моей манеры быть к нему почти-тальной, *Maman*, то лучшим тому свидетельством является мнение его матери, которая, несомненно, должна быть более пристрастной, чем кто бы то ни было, и которая мне непрестанно твердит, что я идеально подхожу ее сыну; она поведала мне о своем большом желании видеть, как он полностью сблизится со мной, и я не могу не верить в ее искренность, учитывая по-настоящему дружеские советы, которые она мне дает»¹⁶⁵.

Несмотря на все это, несмотря на неизменно хвалебные отзывы о ней придворных наблюдателей, молодая женщина, которой тогда было двадцать восемь лет, ужасно страдала от того, что не была матерью. Конечно, с 1802 г. Елизавета Алексеевна возобновила отношения с А. Чарторыйским, возвратившимся в Россию по требованию Александра I, но их связь, к большому расстройству Елизаветы Алексеевны, не приносила желанных плодов.

В течение 1803 г. Елизавета Алексеевна встречалась при дворе с А. Я. Охотниковым — красивым капитаном лейб-гвардии, которому тогда было двадцать три года. Она начала проявлять к нему интерес, и сам он попал под очарование императрицы, но их взаимная страсть проявилась лишь в конце 1805 или начале 1806 г.¹⁶⁶ Тогда Елизавета Алексеевна порвала с Чарторыйским и стала любовницей молодого человека, однако эта пламенная любовь закончилась трагичным образом: 4 октября на выходе из одного из театров Санкт-Петербурга Охотников был заколот неизвестным. Повидавшись несколько раз с Елизаветой Алексеевной, появлявшейся у его изголовья инкогнито, он умер от ран 30 января 1807 г. Вероятно, в роли заказчика убийства, без ведома старшего брата, выступил Константин Павлович: в его глазах эта страсть, тем более позорная, что императрица забеременела от капитана, наносила невыносимое оскорбление авторитету Александра I, к которому он питал огромную привязанность.

Пока Охотников умирал в длительных мучениях, Елизавета Алексеевна 3 ноября 1806 г. родила девочку, также нареченную Елизаветой. Это событие было воспринято холодно, поскольку все в императорской семье знали, что ребенок был незаконнорожденным: Александр I несколько раз признавался матери и близким друзьям, что он в течение нескольких лет не имел с Елизаветой Алексеевной супружеских отношений. В то же время приличия по отношению ко

двору были соблюдены, и рождение ребенка было отмечено официальным манифестом. Тяжело переживая утрату Охотникова, Елизавета Алексеевна всю свою нежность обратила на маленькую девочку, которую она окружила страстной любовью. Но 30 апреля 1808 г., через двадцать восемь месяцев после рождения, маленькая Лисинка умерла от зубного абсцесса, оставив мать разбитую горем. Все это говорит о том, как всего за несколько лет жизнь Елизаветы Алексеевны обернулась трагедией — в то самое время, когда Александр I наслаждался безмятежным семейным счастьем.

Как видим, 1801–1805 гг. были очень насыщенным периодом в жизни императора Александра I. Отмеченные в политической и социальной сферах печатью размышлений и преобразовательной деятельности, эти годы ознаменовались скромными, но конкретными реформами, вызванными его желанием перемен. В личном плане этот период характеризовался для императора любовным увлечением, которое повело его по пути радостной и тихой семейной жизни вне брачных уз. Но эти годы были также отмечены процессом активного брожения в дипломатической сфере: международное положение, становившееся все более неясным, вызвало растущее беспокойство.

НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (1801–1805)

В подтверждение своих первых заявлений, сделанных в 1801 г., Александр I до 1804–1805 гг. являлся глашатаем мирной европейской политики. Действительно, российский монарх был занят внутренними преобразованиями и в меньшей степени — расширением территории страны в южном направлении. Однако подобный нейтралитет не мог воспрепятствовать росту амбиций Наполеона: с 1804–1805 гг. Александр I стал противником французского императора во всех сферах — политической, идеологической, дипломатической и военной.

Пацифист в Европе, экспансионист на юге

В 1801–1804 гг. Александр I проявил себя убежденным сторонником выжидательной и пацифистской политики в Европе. В. П. Кочубей, товарищ министра иностранных дел, размышлял в том же ключе. России следовало держаться в стороне от конфликтов, в которых она, судя по прошлому опыту, участвовала слишком неблагоразумно и дорогой для себя ценой. Вместо того чтобы стремиться на международную арену, России необходимо было провести крупные внутренние преобразования. В то же время данное кредо не мешало российскому императору выступать с острой критикой политического курса Франции и подвижек, происходивших в европейской дипломатии.

С момента своего воцарения Александр I питал надежду на создание или воссоздание системы отношений, в которых примирялись бы интересы всех европейских держав, в частности Англии и Франции. Он заявлял, что в случае необходимости готов выступить в качестве посредника между двумя воюющими державами. Однако подобный показной нейтралитет не мешал ему очень рано обозначить свои предпочтения. В инструкциях, которыми Александр I 27 июня 1801 г. снабдил своего нового полномочного министра И. В. Моркова накануне его отъезда в Париж, император подчеркивал: «...общие интересы, равно как и интересы моей империи, склоняют меня к то-

му, чтобы желать прочного союза с венским, лондонским и берлинским дворами»¹⁶⁷. Недвусмысленное намерение.

5 июня¹⁶⁸ российский император подписал с Англией морскую конвенцию, подготовленную под влиянием придворных англофилов — графа Н. П. Панина и посла С. Р. Воронцова. Конвенция — вместе с двумя отдельными и одной секретной статьями — *de facto* являлась мирным договором между двумя странами, заключенным на основе взаимных уступок¹⁶⁹. Россия отказывалась от любых попыток укрепления Второй лиги вооруженного морского нейтралитета, созданной Павлом I в 1800 г. при участии Пруссии, Дании и Швеции. В то же время Англии не удалось привлечь на свою сторону Россию в войне против Франции, несмотря на действия Н. П. Панина в этом направлении в июле 1801 г. По мнению последнего, интересы двух стран действительно совпадали: морская и торговая мощь Англии не представляла опасности для России, тогда как произвол и амбиции Франции таили серьезную угрозу для Европы¹⁷⁰. В одной из записок, переданных императору в июле 1801 г., Панин отмечал: «...политические и торговые отношения между нашим и английским дворами основаны на полной тождественности интересов и невозможности их столкновения, покуда тот и другой будут и в дальнейшем придерживаться разумной политики»¹⁷¹. Но Александр I предпочел не идти дальше, желая развязать себе руки. Он не разделял англофилии Панина: находясь под влиянием идей просветителей и французских эталонов, он не выказывал особенных симпатий к английской модели политического устройства¹⁷². Сближение с Англией в 1801 г. Александру I диктовали государственные интересы, поэтому он должен был сохранять благоразумие.

Параллельно новый монарх стремился установить доверительные отношения с Австрией. В сентябре 1801 г. граф А. К. Разумовский был назначен послом в Вене. Он должен был добиться для России права взаимодействия с Австрией в германском вопросе — речь шла о том, чтобы оградить интересы маленьких германских государств от амбиций сторонних государств, будь то Франция или Австрия, — и в турецких делах, что подразумевало сохранение территориальной целостности Османской империи.

Наконец, хотя Александр I и не желал союза с Францией, к чему стремился Павел I в конце своего царствования, он также искал с ней мира. В апреле 1801 г. российский император провел очень любезные переговоры с Ж. Дюроком, находившимся при петербургском дворе адъютантом первого консула. Тогда он поделился с французом своими взглядами:

«Я всегда желал (прибавил он) видеть Францию и Россию соединенными: это — две великих и могучих нации, которые доказали взаимное уважение и должны сойтись, чтобы прекратить мелкие раздоры на материке <...> я же очень желаю прямо сговориться с 1-м консулом, искренний характер которого мне хорошо известен»¹⁷³.

В ходе переговоров российский император призвал к восстановлению мира в Европе: взяв линию на успокоение, он показал, что с пониманием относится к занятию Египта французскими войсками, но при этом вновь подчеркнул, что в силу договоров, заключенных ранее Россией, и взятых по ним обязательств он является «защитником» сардинского и неаполитанского королей. В инструкциях, данных 27 июня 1801 г. графу И. В. Моркову, отправлявшемуся в Париж для исполнения должности российского посла, Александр I высказывался в пользу мира с Францией, который он рассматривал как залог восстановления мира в Европе¹⁷⁴. Однако, хотя инструкции были на этот счет предельно ясны, российский монарх не ставил задачи обеспечить сближение с Францией любой ценой и тем более не хотел признаваться в собственной слабости. Поэтому он писал с уверенностью и твердостью, поразительными для молодого человека, только что вступившего на престол и малоопытного в дипломатии:

«Если первый консул французской республики по-прежнему будет действовать так, что поддержка и укрепление его власти будут зависеть от распрей и волнений, которые сотрясают Европу, <...> если он позволит революционному потоку увлечь себя, если вверит себя одной судьбе, война может затянуться <...> при таком порядке вещей мои хлопоты по восстановлению всеобщего спокойствия могут получить лишь слабую поддержку, и посредник, представляющий мои интересы во Франции, будет вынужден ограничиться наблюдением за работой правительства и развлечением публики до тех пор, пока более благоприятные обстоятельства не позволят прибегнуть к более действенным средствам»¹⁷⁵.

В такой обстановке 27 сентября 1801 г.¹⁷⁶ между Францией и Россией был подписан мирный договор, дополненный 28 сентября¹⁷⁷ секретной конвенцией¹⁷⁸. Первой статьёй договора восстанавливались «нормальные» дипломатические отношения — по примеру тех, что существовали до 1789 г. Каждая из сторон обязывалась не оказывать какой бы то ни было поддержки, будь то военной или финансовой, внутренним и внешним врагам противоположной стороны. Россия признавала территориальные приобретения Франции, а последняя соглашалась предоставить сардинскому королю компенсацию в обмен на утраченные им владения в Пьемонте. Договор гарантировал независимость Ионических островов, устанавливая запрет на ввод туда иностранных войск. Французская армия должна была удерживать Неаполитанское королевство до того момента, когда будет ре-

шена судьба Египта. Последний придерживался нейтралитета, который признавался и гарантировался обеими державами. Предполагалось, что Россия направит усилия на то, чтобы добиться от Великобритании и Османской империи признания этого нейтралитета. Наконец, обе державы заявляли о своем намерении совместно работать над вопросом о предоставлении территориальных компенсаций германским княжествам, которые лишились владений на левобережье Рейна.

Однако подписание этого договора никак не влияло на расстановку приоритетов российского императора: для Александра I первостепенное значение по-прежнему имел союз с Англией. Конечно, в октябре он отказался от военного союза с Англией, сочтя его преждевременным. Однако русско-английское сближение являлось, как и ранее, целью Александра I, о чем 7 ноября 1801 г. им было ясно сказано в письме к послу С. Р. Воронцову. Александр I распорядился, чтобы тот проинформировал британское правительство о содержании заключенного с Парижем соглашения, а значит, если потребовалось бы, и о «секретных» статьях — что многое говорило о двойной игре российского императора, — и подчеркивал, что не намеревается углублять привилегированные отношения с Францией:

«Оставляю на ваше усмотрение сообщить английскому министру о прилагаемых при сем документах, которые были подписаны в Париже, либо обо всех сразу, либо по отдельности, дабы показать мою искренность и заверить его в том, что секретные условия не будут раскрыты. Полагаю необходимым сообщить вам по этому случаю, что я вовсе не рассчитываю входить с французским правительством ни в какие дальнейшие соглашения и что выражение “дальнейшее согласие”, использованное Талейраном в беседах с графом Морковым, может относиться самое большее, если до этого дойдет дело, к согласию относительно мер, касающихся германских дел»¹⁷⁹.

Итак, в течение всего 1801 г. российский император выказывал недоверие по отношению к Франции первого консула, которое подталкивало его к сближению с легитимистскими европейскими державами — при том, что он оставался верен своим либеральным убеждениям, — и к расширению круга своих партнеров. Именно с этой целью Александр I решил нанести визит прусскому королю Фридриху-Вильгельму III и королеве Луизе, отправившись в путешествие, несмотря на подписание 25 марта 1802 г.¹⁸⁰ Амьенского мира между Францией и Англией.

По инициативе российского императора план визита стал вырисовываться с конца 1801 г.: тогда он был горячо принят королевской четой. Пруссия надеялась извлечь из этого выгоду, заручившись при случае поддержкой Александра I в вопросе о компенсациях герман-

ским княжествам, который тогда обсуждался Россией и Францией. У российского императора были менее определенные цели: он хотел расширить дипломатические связи России и подтвердить свою симпатию, с примесью восхищения, которую он, подобно отцу и деду, испытывал к Пруссии и пруссакам. Этот проект частного визита вызвал активное противодействие Чарторыйского и Кочубей, которые рассматривали его как неразумный с дипломатической точки зрения шаг. 27 ноября 1801 г. в письме Воронцову Кочубей выражал опасение по поводу пруссофильских настроений Александра I и параллельной дипломатии, к которой без колебаний прибегал российский император:

«Я встретился с ним на этот раз, как и много раз до этого, будучи настроен самым благожелательным образом к королю Пруссии и его кабинету. Я обнаружил, что принц ранее писал личные письма императору, о чем кабинет последнего не имел ни малейшего понятия. Эта переписка и, полагаю, в еще большей мере действия наследного принца Мекленбургского, герцога Гольштейна и всех этих посланников семьи, которых мы видели в Павловске, полагаю, оставили глубокий и, вероятно, вредный отпечаток на беспристрастном отношении к происходящему, которое, по моему мнению, единственно нам подходит»¹⁸¹.

План путешествия также был встречен неоднократно предубеждениями Марии Федоровны. Хотя сама она по происхождению была немка, тем не менее опасалась, как бы подобный демарш, смутно напоминавший российскому двору пруссофильские замашки Петра III и Павла I, не вызвал нежелательной реакции в армии и не дал пищу для мыслей о заговоре. Но Александр I не считался с критикой: он замыслил совершить путешествие, дипломатические последствия которого действительно окажутся значимыми, — к неудовольствию Кочубей, о чем свидетельствуют письма последнего. 7 мая, когда император уже собирался отправиться в путь, — он выезжал из Санкт-Петербурга 20 мая 1802 г., — Кочубей доставил Воронцову депешу, в которой его недовольство переплеталось с желанием снять с себя всю ответственность за происходящее:

«Надеюсь, мой достойный друг, что у меня нет нужды заверять вас в том, что я не принимал ни малейшего участия в столь политически неадекватном поступке и что не в моих силах было этому помешать. Оказалось, что император, не обмолвившись ни с кем ни словом, еще в прошлом году обещал прусскому королю повидаться с ним где-то на границе, и произошло это при посредстве наследного принца Мекленбургского, его шурина и первостепенного дурака. Прошло три недели, как император, вызвав меня ко двору, сообщил о своем путешествии и приказал мне составить маршрут. Я был и до сих пор остаюсь этим очень раздосадован. Кто мог вообразить себе, что два монарха будут переезжать с места на место, чтобы провести смотр нескольких полков? А по сути все свелось

именно к этому. Кто мог вообразить себе, что министру иностранных дел ничего не будет известно о столь безрассудном предприятии? А ведь это сущая правда. Как бы то ни было, я сопровождаю императора»¹⁸².

По пути Александр I, сопровождаемый В. П. Кочубеем, Н. Н. Новосильцевым и графом П. А. Толстым, остановился в Нарве, затем в Тарту, где он посетил университет, после чего два дня провел в Риге, где был тепло встречен населением. 29 мая, после девятидневного путешествия, российский император въехал в Мемель¹⁸³.

Торжественно и радушно принятый королевской четой, молодой монарх быстро оказался в круговороте приемов, парадов, празднеств и балов, которые почти в течение недели давались в его честь. При прусском дворе его сочли красивым, предупредительным и любезным. Королева Луиза, которой тогда было двадцать шесть лет, незамедлительно оказалась во власти его очарования, тогда как сам он был покорен красотой, образованностью и умом королевы. Однако взаимная симпатия осталась платонической, несмотря на искушения, которым, по свидетельству А. Чарторыйского, подвергался обаятельный российский император.

«После одного из свиданий с прусским Двором, император, в то время сильно увлекавшийся кем-то другим, рассказывал мне, что серьезно встревожен расположением комнат, смежных с его опочивальной, и что на ночь он запирает дверь на два замка, из боязни, чтобы его не застали врасплох и не подвергли бы слишком опасному искушению, которого он желал избежать. Он даже высказал это обеим принцессам¹⁸⁴, причем был более откровенен, нежели учтив и любезен»¹⁸⁵.

Оставаясь в рамках дозволенного, симпатия, возникшая между Луизой и Александром I, сочеталась с сердечными отношениями, которые быстро установились между российским императором и королем Фридрихом-Вильгельмом III. В течение всего нескольких дней возникшие тесные связи были скреплены соглашением, в силу которого Пруссия оказывалась под «покровительствующим» крылом России.

В своих «Мемуарах» Чарторыйский сурово судит о позиции Александра I, упрекая его в том, что тот во имя рыцарских химер направил российскую дипломатию по пути, который не соответствовал ее интересам. По мнению автора, это было прихотью, не разделяемой ни русскими, ни прусскими дипломатами.

«Отношения с Пруссией держались всецело на близости двух монархов: так как кабинеты не питали друг к другу никакой симпатии. К тому же и русская армия и русское общество также не были расположены к Пруссии. Русские смотрели неодобрительно на ее двусмысленное поведение: угодливое подчинение Франции и приобретения, полученные ценою этого подчинения, и не жалели для нее своих насмешек. Однако император оставался верен своей дружбе с королем и тому высокому мнению, которое у него составилось о прусской армии»¹⁸⁶.

В то же время столь негативное суждение требует уточнения. С 1802 г. прусский элемент становится значимой составляющей внешней политики России, и происходит это как вследствие желания российского императора установить баланс сил между европейскими державами, так и в силу привязанности Александра I к королеве Луизе и его непреодолимого влечения к бывшему величию Пруссии. Кроме того, хотя симпатия Александра I к Пруссии подталкивала его к близкому изучению вопроса о германских компенсациях, он также не забывал об интересах мелких германских государств, с которыми был связан многими семейными узами. Его дед был урожденным герцогом Гольштейн-Готторпским, бабушку Екатерину II звали София Фредерика Августа фон Анхальт-Цербстская, мать — София Доротея фон Вюртембергская, сам он был женат на Луизе фон Баденской, а его брат Константин Павлович — на принцессе фон Сакс-Кобург-Заальфельд. Все это в значительной степени объясняет личную заинтересованность Александра I в вопросе о германских компенсациях и его дипломатическую активность в этом направлении.

С июня 1802 г. российский монарх поручил своему послу в Париже подготовить текст двустороннего соглашения, касавшегося предстоящих территориальных изменений в германских землях. С августа 1802 г. на заседаниях сейма германских монархов в Ратисбонне Александр I отстаивал интересы Пруссии и столь дорогих его сердцу мелких германских государств. В этом он преуспел. 25 февраля 1803 г., в ходе собрания имперской депутации, Франция официально представила России план территориальных компенсаций. Его текст, принятый сеймом месяц спустя, 24 марта, был утвержден императором Францем I 27 апреля 1803 г. Этот документ давал существенные преимущества Пруссии: лишившись в свое время 127 тыс. подданных на левобережье Рейна, она теперь возвращала свыше 500 тыс. человек. Великое герцогство Баденское, потеряв ранее 30 тыс. своего населения, обрело 30 тыс. других подданных, в частности заполучив города Гейдельберг (с его известным и старинным университетом) и Мангейм.

Что касается германского вопроса, то франко-русское сближение позволило добиться конкретных результатов, которые, не затрагивая жизненно важных интересов России, дали ей ряд дипломатических преимуществ. С одной стороны, Александр I сумел отстоять интересы германских княжеств. С другой, он без труда продемонстрировал свою лояльность по отношению к Франции. Однако в конце 1802 г. отказ французов принять во внимание заступничество России за короля Пьемонта и Сардинии создал первую напряженность в отношениях двух держав, что постепенно подталкивало Россию к союзу с Англией. Александр I, все еще сторонник мира, использовал это время для реорганизации внешнеполитического ведомства.

В сентябре 1802 г. учреждение нового министерства иностранных дел совпало с отставкой Кочубея, чья приверженность принципу дипломатического нейтралитета России постепенно вступала в противоречие с точкой зрения Александра I, и назначением на его место англомана графа А. Р. Воронцова (1741–1805). Опытность старого дипломата не вызывала сомнений: Воронцов последовательно был поверенным в делах в Австрии в 1761–1762 гг., полномочным министром в Англии с 1764 по 1768 гг., а затем — в Голландии. Он принимал участие в переговорах и подписании соглашений с Францией в 1786 г., с неаполитанским и португальским королями в 1787 г. и Швецией в 1790 г. Наконец, он вел переговоры и добился заключения Ясского мира с Османской империей в 1791 г., удостоившись за это монаршей благодарности в 1792 г. Товарищем министра иностранных дел был назначен А. Чарторыйский.

В тот же день, 8 сентября 1802 г., вторым указом утверждалось сохранение Военной, Адмиралтейств-коллегии и Коллегии иностранных дел. Кроме того, в первые годы Коллегия иностранных дел сохраняла ряд своих прерогатив, действуя во вред соответствующему министерству — государственному учреждению, которое разрабатывало и проводило внешнюю политику Российской империи. К тому же тот факт, что А. Р. Воронцов набрал в штат Коллегии опытных чиновников, которые были ему нужны для эффективной работы новой министерской канцелярии, еще больше подчеркивал главенство Коллегии над министерством иностранных дел и порождал еще больше путаницы в разделении функций старого и нового учреждений¹⁶⁷. Несмотря на это, власть министра постепенно укреплялась. Его новая канцелярия вскоре была разделена на четыре департамента, или «экспедиции». Первая экспедиция заведовала азиатскими делами, вторая — турецкими делами, русской миссией в Константинополе и вопросами торговли, третья — пребывавшими за границей русскими дипломатами и поверенными в делах, четвертая — отношениями с представителями иностранных государств в России. Распределение различных функций между отдельными структурными подразделениями преследовало цель сообщить министерству более четкое и рациональное устройство.

Получив согласие Александра I, А. Р. Воронцов назначил на дипломатические должности иностранцев или нерусскоязычных подданных Российской империи, которых он считал компетентными: французских эмигрантов, занесенных в Россию революционными потрясениями, и представителей германской знати — выходцев из остзейских губерний (таких как граф Х. А. Ливен, будущий русский посол в Лондоне и граф Г. О. Штакельберг, впоследствии отправленный послом в Вену). Традиция призыва на государственную службу

нерусскоязычного населения, зародившаяся столетием ранее, но мало востребованная в царствование Екатерины II, вызвала незамедлительную критику российского дворянства, которое, с одной стороны, чувствовало, что лишилось части своих прав, а с другой — сомневалось в способности западноевропейцев понять интересы Российской империи и служить им.

С января 1804 г. А. Р. Воронцов из-за болезни покинул внешнеполитическое ведомство, и пост министра иностранных дел перешел к А. Чарторыйскому — к великому несчастью для ряда дипломатов, придворных и родных Александра I (в том числе его матери), обеспокоенных и взбешенных тем, что ответственность за ведение российской дипломатии была возложена на поляка, хотя и подданного Российской империи. Однако Александр I, невзирая ни на что, настоял на своем выборе. Чарторыйский оставался у дел до июня 1806 г., после чего был освобожден от своих обязанностей вследствие противодействия русско-прусскому сближению и вхождению Российской империи в новую коалицию.

Параллельно с реорганизацией внешнеполитического ведомства, Александр I занимался преобразованием структуры и работы армии. Желая провести реформы, он обратился к А. А. Аракчееву.

27 апреля 1803 г., три года спустя с того момента, как он был отправлен в свое имение императором Павлом I, А. А. Аракчеев получил от Александра I послание с приказом возвратиться в Санкт-Петербург. Аракчеев подчинился; 14 мая он прибыл в столицу и был назначен генерал-инспектором артиллерии и командиром лейб-гвардии артиллерийского батальона. Император дал ему карт-бланш на реорганизацию и усиление артиллерии. А. А. Аракчеев тотчас же взялся за дело. Он начал с длившейся несколько месяцев инспекции полков императорской армии, в которых тогда насчитывалось 446 тыс. человек. Из своих наблюдений он пришел к выводу о необходимости отделить артиллерию от пехоты, снабдив артиллерию собственным командным составом и денежными средствами, а также перестать рассматривать этот род войск исключительно как силы поддержки пехоты. Руководствуясь этими соображениями, он тотчас же основал артиллерийские училища для офицеров и солдат и учредил «Артиллерийский журнал», конечная цель которого заключалась в формировании у артиллеристов корпоративного духа. В то же время эта реформа вызвала недовольство части пехотных офицеров и, как показали первые столкновения с Наполеоном (об этом далее), ее результаты проявились не сразу¹⁸⁸.

Реорганизация внешнеполитического ведомства и первые преобразования в армии происходили в тот момент, когда Александр I, неизменно выступавший в роли миротворца в европейских делах, повел гораздо более агрессивную политику в южном направлении.

В самом начале своего царствования Александр I, как было показано выше, выступал против присоединения Картли-Кахетинского царства, начатого при Павле I. Лишь постепенно он согласился с доводами тех членов Непременного совета, которые поддерживали эту идею. Но как только это решение было утверждено, Александр I начал экспансионистскую политику на Кавказе. Он распространил власть российской короны на небольшие, независимые от Запада государства на побережье Черного моря, прибегнув как к установлению политических протекторатов на различные сроки, так и к простым аннексиям. В 1803 г. Мингрельское княжество, год спустя Имеретинское царство, а затем Гурийское княжество последовательно перешли под контроль русской короны.

Предметом притязаний российского императора являлись, конечно, неисчерпаемые природные богатства Кавказа — помимо рудников здесь находились шелк и марена Закавказья, хлопок южной Армении, — что позволяло увеличить объем российского экспорта в Османскую империю и Персию. Однако имело значение также стратегическое положение Кавказа, представлявшего собой «буферную зону» между Россией и Османской империей с Персией.

Очень скоро присутствие русских на Кавказе принесло ощутимые выгоды: если в 1802 г. на азиатские страны приходилось лишь 3,3 % российского экспорта, то в 1827 г. этот показатель увеличился до 30 %, что свидетельствовало о растущей роли данного региона в торговле империи. Однако присоединение этих территорий сразу же создало ряд внутри- и внешнеполитических проблем.

В случае с бывшим Картли-Кахетинским царством аннексия, по мнению Александра I, подразумевала создание российских органов управления, состоявших из российских чиновников, в значительной степени опиравшихся на грузинские законы и обычаи. Но как только эти органы были созданы, участились случаи бестактности и унижений по отношению к грузинскому дворянству, с этого момента лишенного всякой власти. С 1802 г. это вызывало серьезные выступления против русских. В ответ Александр I назначил кавказским главнокомандующим генерала П. Д. Цицианова. Потомок грузинского князя, поступившего на службу к российскому государю, этот человек казался Александру I ниспосланным самим провидением. Назначение генерала на эту должность, очевидно, имело большое значение: отныне следовало покорить Кавказ и как можно скорее включить его в состав Российской империи. В этом смысле Александр I возлагал большие надежды на Цицианова и его знание Грузии. Но тот, презиравший коренное население, быстро сделался поборником авторитарного порядка. По прошествии некоторого времени его методы привели к восстаниям, разразившимся в Грузии в 1804 г. Два года спустя, когда Цицианов вел наступление против Персии, намереваясь завладеть Бакинским ханством, он был жестоко убит.

Итак, продвижение русских в Закавказье оказывалось не слишком уверенным, тем более что оно наталкивалось на препятствия международного порядка: русская экспансия в этом регионе противоречила одновременно интересам персидского шаха, лишившегося по вине русских части своих закавказских владений, и турецкого султана, традиционно тяготевшего к Кавказу. В 1806 г., когда русско-турецкое противостояние достигло апогея, имеретинцы¹⁸⁹, враждебно относившиеся к российскому покровительству, выступили на стороне турок. Таким образом, в начале царствования Александра I завоевательная политика России в Закавказье была сопряжена с рядом трудностей военного и дипломатического характера.

Масштаб этих трудностей, военные издержки и человеческие потери, понесенные в ходе вооруженных столкновений в Закавказье, убедили Александра I в том, что ему следует держаться в стороне от европейского театра военных действий с тем, чтобы избежать войны на несколько фронтов. Действия французов в конечном счете доказали правильность главной линии российского императора.

В течение 1801–1803 гг. Александр I выступал с миротворческими инициативами, что отнюдь не мешало ему все более критично относиться к первому консулу — по мере того как росло количество поводов для разногласий между Францией и Россией.

В письме Лагарпу, отправленном в июле 1803 г., в котором автор много говорит о собственных умонастроениях и силе своих либеральных убеждений, молодой император негодует по поводу «измены» Бонапарта и движении последнего в сторону все более личной и «тиранической» власти:

«Как и вы, дорогой друг, я изменил свои взгляды на первого консула. За время его консулата вуаль спала; с тех пор все идет хуже некуда. Он начал с того, что лишил себя величайшей славы, уготованной человеку, за которой ему оставалось лишь протянуть руку и которая заключалась бы в том, чтобы доказать, что он трудился не ради личной выгоды, а единственно ради счастья и славы отечества, и, проявив верность конституции, которой он сам присягал, после десяти лет сложить с себя власть, которой он располагал. Вместо этого он предпочел притворяться, что делает это, и в то же время нарушал конституцию своей страны. Сейчас это один из самых отвязленных тиранов, которых только знала история»¹⁹⁰.

В тот период Александр I и А. Р. Воронцов все еще стремились выгадать время, избежать столкновения с Бонапартом и в то же время выказывали возросший интерес к европейским делам. 21 июля 1803 г. П. Я. Убри, поверенный в делах России в Париже, выразил Ш. М. Талейрану желание императора: установление мира в Европе и гарантии равенства европейских держав.

«Вовсе не желая вновь разжечь огонь войны на континенте, Его Величество верхом своих пожеланий счел бы возможность положить ей конец повсеместно, но мы также уповаем на то, что французское правительство, заявлявшее, что имеет такое же желание, оставит в покое тех, кто имеет живейшее желание не принимать в этом участия. Единственное желание Его Величества заключается в том, чтобы в Европе вновь установился мир, чтобы никто не присваивал себе главенство и чтобы французское правительство также признало равенство менее сильных, но столь же независимых государств. Не будет лишним повторить, что у России нет никакого желания и интереса воевать. Лишь сила обстоятельств продиктует ей роль, которую ей предстоит сыграть»¹⁹¹.

Стремление российского императора любой ценой сохранить мир во имя интересов своей страны вызвало критическую реакцию, даже раздражение. Так, Ж. де Местр, посол сардинского короля в Санкт-Петербурге, с раздражением писал в мае 1803 г.:

«Россия, приняв положение более угрожающее и повысив голос, легко могла бы до некоторой степени восстановить равновесие в Европе; но попробуйте внести такие мысли в голову, фаршированную Лагарпом. У Русского Императора только два помышления: мир и бережливость»¹⁹².

Переговоры Убри и Талейрана не вызвали какой-либо реакции французской стороны, российский император укрепился в своем негативном мнении о первом консуле, хотя и не стал сторонником агрессивной политики в отношении Франции. Ибо приоритетным для него всегда оставался принцип нейтралитета в европейских делах, позволявший ему свободно вести экспансионистскую политику в южном направлении. Однако подобная установка не могла предотвратить ни обострения балканского вопроса, ни скандала, вызванного в России, как и во всей Европе, похищением и казнью герцога Энгийенского.

Подписание мирного договора между Францией и Османской империей 25 июня 1802 г. вызвало живое беспокойство у русских дипломатов, поскольку Турция с 1799 г. была связана с Россией союзным договором, который гарантировал русским судам свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы. В то же время концентрация в Италии французских войск, готовых к вторжению в балканские провинции Османской империи, а также возросший в целом интерес Франции к этому региону стесняли возможности русской дипломатии, которая в течение нескольких десятилетий рассматривала Османскую империю как зону своего исключительного влияния. Поэтому реакция России последовала незамедлительно.

Хотя статьей 9 подписанной в 1801 г. франко-русской конвенции предусматривалось освобождение Ионических островов от присутствия иностранных войск, в августе 1802 г., при активном участии

Кочубея, который поддерживал план с февраля того же года, 1600 солдат покинули одесский порт, намереваясь превратить Ионические острова в русскую военную базу. Осенью 1804 г. на архипелаге насчитывалось 11 тыс. русских солдат и 16 военных сооружений, а в Корфу, по требованию Александра I¹⁹³, был учрежден военный совет для обороны Ионических островов. Однако в этом эпизоде проявилось все своеобразие российского императора. Столь важные в стратегическом отношении Ионические острова Александр I хотел превратить в символическое место на карте, где русское господство оказывалось бы бесконечно мудрее французского владычества, и в то же время сделать из них лабораторию для конституционных экспериментов.

Именно эта двоякая цель лежала в основании конституции в 1803 г., изначально составленной вице-королем островов графом Дж. Мочениго, а затем доработанной в Санкт-Петербурге германским юристом, выходцем из Ливонии, бароном Р. А. Розенкампом. Конституция предусматривала создание Сената, состоящего из семнадцати членов, вершившего исполнительную власть и обладавшего правом законодательной инициативы, Палаты представителей, принимавшей законы, и Коллегии трех цензоров, следившей за водворением конституционных порядков. Все три учреждения избирались дворянскими собраниями, в которые входила не только наследственная земельная знать, но и крупные деятели торговли, промышленности, наук и искусств. Впоследствии это дало Александру I повод в одной из бесед с Наполеоном сказать, что он способствовал появлению в этом регионе «образованного конституционного дворянства» при сохранении наследственной знати¹⁹⁴.

В то же время действия французов на Балканах вызвали оживленные споры в окружении российского императора¹⁹⁵. А. Р. Воронцов представил свое мнение по этому вопросу в докладе от 24 ноября 1803 г. На его взгляд, продвижение французов в Италию и на Балканы представляло непосредственную угрозу для интересов России, поскольку в конечном итоге было нацелено на расчленение Османской империи в пользу Франции¹⁹⁶. В анализе А. Чарторыйского содержалось больше нюансов: он не столь пылко распространялся о французской угрозе, но вместе с тем предлагал начать сближение с Англией с целью заключения союза¹⁹⁷. Итак, с зимы 1803–1804 гг. в России заговорили о возможной войне с Францией. 25 февраля 1804 г. А. Чарторыйский письменно заверил посла С. Р. Воронцова в том, что Александр I готов вступить в борьбу против Наполеона, как только того потребуют обстоятельства, и в то же время высказывался в пользу обсуждения с Англией балканского вопроса, все еще надеясь избежать войны¹⁹⁸.

В столь напряженной обстановке похищение герцога Энгийенского, произошедшее в марте 1804 г. в Эттенгейме, в Баденском герцогстве — на территории Священной Римской империи, особенно дорогой семье российского императора¹⁹⁹, и поспешная казнь герцога вызвали волнения и негодование при российском дворе. В глазах императора и его близких это было недопустимой провокацией. Подтверждением тому служит депеша, отправленная Ж. де Местром своему монарху 18 апреля²⁰⁰:

«Негодование достигло высших пределов. Добрые императрицы проследзились, великий князь²⁰¹ в бешенстве, а Его Величество огорчен не менее глубоко. Членов французского посольства не принимают, даже не говорят с ними. <...> Император облекся в траур, и повестки о семидневном трауре были разсланы всему дипломатическому корпусу, генералу Годувиль²⁰², как и прочим. Сегодня заупокойная служба в католической церкви. На нее отправляются многие здешние дамы, так же, как и английский посол. Никогда не видал я мнения столь единодушно и резко высказанного»²⁰³.

С точки зрения Александра I, нарушение нейтралитета Баденского герцогства — и попрание тем самым международного права — доказывало, если еще требовались дополнительные доказательства, сколь опасна власть Бонапарта. Он воспринял это как личное оскорбление, убедившее его в необходимости любой ценой помешать амбициям первого консула. 5 апреля 1804 г. на заседании Непременного совета вокруг императора²⁰⁴ собрались все члены совета, граф И. В. Морков, генерал А. Я. Будберг и князь А. Чарторыйский, de facto являвшийся министром иностранных дел с тех пор, как канцлер А. Р. Воронцов был вынужден покинуть свой пост по состоянию здоровья. В семь часов вечера Чарторыйский начал заседание совета, зачитав текст, который он по просьбе императора составил накануне ночью²⁰⁵:

«Его Величество, возмущенный таким вопиющим нарушением самых основных принципов правосудия и международного права, не считает возможным впредь поддерживать сношения с правительством, не знающим удержа, лишенным всякого сознания долга, запятнавшим себя ужасным убийством, и потому, несмотря на свое могущественное положение, не заслуживающим иного названия, как притона разбойников»²⁰⁶.

Взбешенный Александр I хотел разорвать дипломатические отношения с Францией: России отныне следовало сместиться с неудобной позиции арбитра, которую она занимала до сих пор. Она ничего не добилась, поскольку Англия по-прежнему удерживала Мальту. Бонапарт отказывался от возмещения убытков королю Пьемонта и Сардинии, Франция непрестанно наращивала свои мощь и влияние на Балканах, Ближнем Востоке, в Италии и Германии. Большинство принимавших участие в заседании совета, в том числе Кочубей и

Чарторыйский, повторяли одни и те же доводы, побуждая императора вступить в направленный против Франции союз с Англией, Австрией и Пруссией. Министр торговли Н. П. Румянцев и министр народного просвещения П. В. Завадовский, напротив, призывали к большей сдержанности. Они полагали, что России не следует вмешиваться в германские дела, что смерть герцога Энгийенского, сама по себе достойная осуждения, не нарушает интересов России²⁰⁷.

Подобное расхождение во взглядах привело к тому, что Александру I пришлось проявить гибкость: вместо разрыва дипломатических отношений с Францией он под конец заседания совета ограничился публичным выражением своего недовольства. Он сразу же направил в сейм Ратисбонна официальный протест против нарушения границ Баденского герцогства. В то же время обмен посланиями между французским и русским посольствами становился все более активным. Через своего представителя в Париже П. Я. Убри Александр I потребовал гарантий свободы и безопасности для Германии и вновь настойчиво попросил французов вывести войска из Неаполитанского королевства и возместить потери королевству Пьемонт и Сардиния. В то же время Александр I провел переговоры с австрийским императором Францем I: 22 апреля 1804 г. последний заявил, что готов выставить 200-тысячную армию в случае столкновения России с Наполеоном, но Александр I предпочел оборонительный союз. Он все еще надеялся избежать войны, хотя международное положение непрестанно ухудшалось.

Нельзя сказать, что русские требования были благосклонно приняты французскими дипломатами, а резкая нота, направленная 4 мая 1804 г.²⁰⁸ в адрес П. Я. Убри Ш. М. Талейраном, тогдашним министром иностранных дел Франции, лишь подлила масла в огонь. Подчеркнув, что поскольку «Первый Консул сам не вмешивается в партии и мнения, которые могут раздирать Россию, то и Его Императорское Величество не имеет никакого права вмешиваться в партии и мнения, которые могут раздирать Францию», Талейран издевательски заметил: «...жалоба, с которой выступает сегодня Россия, заставляет задаться следующим вопросом: если бы в то время, когда Англия замышляла убиение Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся на расстоянии одной мили от границы, неужели не постарались бы схватить их?»²⁰⁹ Эта провокационная острота должна была надолго озлобить российского императора против Талейрана и Наполеона. Убри получил приказ покинуть Париж со всеми членами русской миссии, а генерал Гедувиль, ставший персоной нон грата при российском дворе, по требованию Наполеона возвратился в Париж. Для решения текущих дел в Санкт-Петербурге остался лишь простой поверенный в делах Райневаль.

До своего отъезда из Парижа Убри еще раз попытался избежать войны. С этой целью 9 июля²¹⁰ он направил ультиматум Талейрану. Однако пока Талейран, по приказу Наполеона, тянул с ответом, Франция уже заканчивала военные приготовления. Французский министр иностранных дел передал Убри свой отрицательный ответ лишь 16 августа²¹¹. О его глубоком презрении к русским дипломатам, которое он питал в тот момент, свидетельствует нота, направленная им 2 августа 1804 г.²¹² представителям Франции за границей:

«Кажется, нет двора более бедного людьми, чем русский. Там граф Морков — орел. Воронцовы, как хорошо известно, Англичане... Воронцовы более не Русские, и уже давно эта британская клика старалась продавать Лондонскому кабинету национальные интересы России»²¹³.

П. Я. Убри покинул свой пост в августе 1804 г., но Россия ввязалась в войну с Францией не сразу. Александр I отныне был убежден, что, поскольку Россия больше не могла держаться в стороне от европейских дел, она должна противостоять амбициям Наполеона. По его мнению, было крайне важно заключить военное соглашение против французского императора, но самое главное — придать этому союзу идеологическое измерение, представить Европе амбициозный проект. Именно здесь лежали истоки дипломатической миссии, которая была возложена Александром I на Н. Н. Новосильцева в сентябре 1804 г., когда Райневаль, в свою очередь, покинул Санкт-Петербург.

Антифранцузская коалиция

В 1803 г. А. Чарторыйский, который тогда был всего лишь личным советником Александра I по дипломатическим делам, по требованию императора составил при помощи своего итальянского секретаря, бывшего аббата Пиатоли²¹⁴, пространную «Записку о политической системе, которой должно будет следовать России», в 1804 г. дополненную «Запиской об устройстве европейских дел в случае удачного окончания войны»²¹⁵.

Призывая Россию вести «благородную и сильную» политику ради «всеобщего блага народов», Чарторыйский предлагал прежде всего покончить с захватнической политикой Наполеона, которую он считал недопустимой, и с этой целью заключить союз между Россией и Англией. А после того, как враг будет повержен, не останавливаться на этом, а укрепить союз и установить в Европе новую систему.

Приоритетной целью новой системы под руководством России и Англии должен стать мир в Европе, международные отношения должны регулироваться на основе доводов рассудка и отрицания естественного состояния²¹⁶, которое господствовало в этих отношениях до сих пор. По мнению Чарторыйского, речь шла о том, чтобы

перенести на международную арену воспетые просветителями ценности рассудительности, открытости и терпимости.

Эта новая система должна — и это вторая очень важная мысль, изложенная в записке, — вписаться в европейское пространство, которое Чарторыйский предполагал реорганизовать согласно двум ключевым принципам: либерализма и нового на тот момент принципа уважения народностей. Несомненно, большую роль в приверженности автора записки последнему принципу, который он считал краеугольным камнем проектируемой системы, сыграли патриотические чувства польского князя, глубоко тронутого прискорбным исчезновением собственной страны в ходе трех разделов ее территории, последовавших один за другим в конце XVIII в. Однако здесь также следует отметить влияние некоторых философов, в частности И. Г. Гердера. Как и последний, Чарторыйский действительно рассматривал народности как органические части «со свойственной им манерой видеть и чувствовать»²¹⁷, которые ни в коем случае не должны подвергаться иностранному засилью, «противному равновесию всего сущего»²¹⁸.

Наличие этих двух принципов позволяло дать определение новой системе отношений в Европе как общности либеральных государств — с республиканской или конституционно-монархической формой правления, — уважающих права народностей. Согласно рассматриваемым документам, эти страны могли бы стать национальными государствами — это касалось прежде всего Франции, но также и Швейцарии²¹⁹ и, в идеале, Польши — или государствами с федеративным устройством. Чарторыйский также предвидел образование федераций в Италии (с центром вокруг одного из северных государств) и Германии. Наконец, он затрагивал проблему Османской империи: если бы она в скором времени развалилась, следовало бы содействовать созданию отдельных государств, но объединенных в рамках федерации, в которой «Россия может обеспечить себе решительное и законное влияние <...>, если Его Императорскому Величеству будет предоставлен титул императора или протектора славянских и восточных народов»²²⁰.

Рассмотренные документы — и лежавшая в основе их идея создания русско-английского союза — очень быстро привлекли внимание Александра I. Кроме того, когда после отставки в августе 1804 г. Г. Аддингтона премьер-министром Великобритании был назначен У. Питт Младший и создалась благоприятная ситуация для англо-русского сближения, Александр I принял решение отправить в Лондон секретного посланника — своего личного друга Новосильцева. Без ведома русского посла Воронцова, который, как полагал Александр I, питал чрезмерные в сложившихся обстоятельствах симпатии

к англичанам, император поручил Новосильцеву провести секретные переговоры с британским премьер-министром на предмет сближения или даже союза, который отнюдь не должен был ограничиваться соображениями тактического характера, направленными против Наполеона, но предусматривал бы разработку амбициозного плана по переустройству Европы. Для разъяснения своих целей Александр 11 сентября 1804 г., накануне отъезда Новосильцева, передал ему «Секретную инструкцию»²²¹.

С самого начала, и это важно отметить, российский император вписывал свой план в контекст крупной идеологической кампании против Наполеона. По его мнению, наполеоновской пропаганде, действительно, удалось умело использовать в собственных целях принципы и идеи, которые теперь следовало отвоевать обратно. Александр I писал следующее:

«Самое могучее оружие французов, и до сих пор еще составляющее в их руках угрозу для всех стран, заключается в убеждении, которое они сумели внушить всему миру, что они действуют во имя свободы и блага народов. Было бы постыдно для человечества, если бы столь прекрасная задача была признана делом правительства, недостойного, ни в каком отношении, выступать ее поборником.

Для всех государств было бы опасно оставлять за французами и на будущее время важное преимущество обладания подобной репутацией. Благо человечества, действительные интересы законных правителей и удачное выполнение этого плана, который будет намечен обеими державами²²², — требуют, чтобы это грозное оружие было вырвано из рук французов и обращено против них самих»²²³.

Как только цель была поставлена, император стал высказываться в пользу русско-британского союза, который преследовал бы «действительно полезную и благодетельную цель»²²⁴, и изложил свой замысел в «Секретной инструкции».

В политическом плане молодой монарх начал с упоминания о положении стран, находившихся под покровительством Франции. Он поддерживал идею возвращения на престол сардинского короля — при условии, что Россия и Англия, при обоюдном согласии, призвут короля «дать своим подданным свободную и разумную конституцию». Александр I намеревался добиться гарантий существования и сохранения политического устройства Швейцарии и Голландии, подчеркивая, что это должно быть сделано из уважения к желанию наций²²⁵.

Подробным образом российский император останавливался и на положении Франции. Прежде всего, он указывал на то, что немислимо было бы пытаться возродить в стране абсолютную монархию:

«Не желая регресса человечества, я хотел бы, чтобы оба правительства согласились между собой не только не восстанавливать в стране, требующей освобождения ее от ига Бонапарта, старый образец правления со всеми его злоупотреблениями, к которому умы, узнавшие свободную форму правления, не будут уже более в состоянии применяться, но, напротив, постарались бы укрепить у них свободу на ее истинных основах»²²⁶.

Этот отрывок свидетельствует о политической искушенности Александра I: по его мнению, нельзя было затушевывать ни память о Французской революции, ни опыт наполеоновского правления. Однако подобные воззрения, по меньшей мере удивительные для того, кому четырем годами ранее досталось по наследству самодержавие, основанное на божественном праве, не являлись простым выражением оппортунизма Александра I. С точки зрения последователя Лагарпа — хотя, принимая во внимание наследие Французской революции, необходимо было сразиться с Наполеоном на его собственном идеологическом поле, — гораздо важнее было осуществить глубокие преобразования на европейском континенте в соответствии с теми принципами, которых придерживался российский император.

Подчеркивая, что коалиционные державы желают «одного лишь — освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет, и предоставить ей полную свободу в выборе правительства»²²⁷, Александр I высказывался в пользу установления во Франции конституционной монархии, если таково будет желание французов²²⁸. Он адресовал свое предложение и другим европейским державам, горячо защищая правительства, оказывающие почтение «священным правам человечества»:

«Здесь не время и не место намечать будущие формы правления для названных выше стран.

Предоставляю вам полную свободу в обсуждении этого важного вопроса с английским министром. Конечно, вы должны всегда руководствоваться одними и теми же принципами, и это главное, о чем вам с ним следует условиться прежде всего. Эти принципы повсюду должны основываться на священных правах человечества и вести к установлению того строя, который необходимо вытекает из их сущности; повсюду учреждения должны быть проникнуты и руководимы одним и тем же духом мудрости и благожелательства. Но так как способ практического осуществления одних и тех же принципов может меняться, в зависимости от местных особенностей, то, чтобы прийти к соглашению на этот счет, обе державы должны постараться добыть на местах точные, беспристрастные и подлинные данные, на которые можно было бы положиться»²²⁹.

Этот содержательный отрывок отражает сильную приверженность Александра I идеям просветителей. Он также демонстрирует желание отмежеваться от методов, практиковавшихся Наполеоном:

предлагая объединять народы по воле их правительств, российский император отвергает свойственную Наполеону манеру посредством оружия и прибегает к силе навязывать собственную модель европейским государствам. Можно было бы, естественно, возразить, что в то самое время, когда Александр I выступал в роли глашатая конституционных и либеральных идей, он оставался самодержавным правителем империи, отказавшимся пожаловать «Грамоту российскому народу». Но в его глазах это очевидное противоречие таковым не являлось: в отличие от Франции или Ионических островов, которым он даровал конституцию, Россия тогда еще не созрела для представительного и либерального образа правления.

В геополитическом плане «Секретная инструкция» являлась еще более новаторским документом, поскольку в ней выдвигалась идея европейской федерации²³⁰. Последняя, по мысли Александра I, должна была основываться на соблюдении прав людей и ряда принципов, оформленных в виде «трактата, который сделался бы основой международных отношений европейских держав». Так, он несколько восторженно писал:

«Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире²³¹, но все же можно было бы во многом приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, при определении условий общей войны, удалось установить на ясных и точных принципах требования международного права. Почему бы не включить в такой договор положительного определения прав национальностей, не обеспечить преимуществ нейтралитета и не установить обязательства никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, предоставляемых третейским посредничеством, что даст возможность выяснять взаимные недоразумения и стараться устранять их? На таких именно условиях можно было бы приступить к осуществлению этого плана всеобщего умиротворения и создать союз, постановления которого образовали бы, так сказать, новый кодекс международного права. Получив санкцию большинства европейских держав, он мог бы легко сделаться обязательным для всех правительств, тем более, если нарушение его будет сопряжено с риском вызвать вооруженный протест союза»²³².

Этот отрывок кажется мне особенно важным. Прежде всего, он дает представление о моральном измерении битвы, в которую вступил российский император. С точки зрения Александра I, речь все-таки шла о том, чтобы предложить всей Европе геополитическую систему, которая взяла бы верх над наполеоновской системой именно потому, что первая отличалась бы уважением как к правам народов, так и к правам отдельных людей. Итак, это обстоятельство свидетельствует о радикальном изменении угла зрения, если не сказать о ментальной и политической революции. До конца XVIII в. российские правители не переставали силились показать свою «европей-

скость», склоняясь к «западной модели» и оказываясь в ее власти. С 1804 г. Александр I не только больше не ставил задачу подчеркнуть европейскую сущность своей империи — настолько этот факт казался ему очевидным, — но, более того, с этого времени российский император нашел возможность предложить Европе глобальный политический проект. Исходя из этого, можно судить, сколь большой путь проделала российская власть за какие-то несколько лет.

В равной степени поражает новаторский характер европейского проекта Александра I²³³, его идея миротворческой лиги европейских государств, систематически прибегающей к посредническим действиям и переговорам и считающейся с определенным набором общих политических ценностей. Наконец, что следует из дальнейшего содержания документа, упомянем намек, хотя и робкий, на формирование вооруженной силы, которая объединила бы воинские контингенты различных государств, входивших в состав лиги. Все перечисленное свидетельствует о дальновидности рассмотренного подхода, предвосхитившего попытки, которые найдут свое воплощение в XX в.

Геополитические соображения, основанные на моральных представлениях, дополняли более конкретные идеи. Александр I прежде всего настаивал на необходимости возвращения новых государств к естественным границам²³⁴, следя за тем, чтобы они во что бы то ни стало состояли из «однородных народов». Здесь просматриваются не только идеи Чарторыйского, изложенные им в записках на имя императора, но также влияние творчества Ж. де Местра, который во второй половине 1804 г. в своей «Политической записке об Италии, австрийском и савойском дворах» настаивал на необходимости вынудить Францию вернуться в свои прежние национальные границы, но при этом не уничтожать ее полностью, что было бы противно европейскому (и, по его мнению, «христианскому») порядку. Этот документ вскоре стал известен приближенным императора, а затем и самому Александру I. Действительно, с конца 1804 г. де Местр регулярно встречался с Кочубеем и Чарторыйским. В январе 1805 г. дипломат отметил в своей записной книжке, что его записка «во время официального приема дружеской рукой» была передана императору²³⁵.

Между сложившимися на тот момент европейскими государствами предлагалось искать способ установить «естественное равновесие» и с этой целью вместе с крупными державами благоприятствовать созданию «государств второго порядка», призванных служить противовесом. Понятия равновесия и «теневого власти» занимали важное место в анализе Александра I: именно этим объясняется тот факт, что российский император был за создание независимой от Австрии и Пруссии федерации германских княжеств:

«Ясно также, что существование слишком мелких государств не может согласоваться с имеющейся у нас в виду целью, ибо, благодаря своему бессилию, они будут служить только приманкой, предметом честолюбивых притязаний, не принося никакой пользы общему благу. Единственным выходом из такого затруднения является присоединение их к более сильным державам, или сформирование их в федеративные союзы. Необходимо связать руки Франции и образовать противовес для Австрии и Пруссии требует приложения этих начал к Италии и в особенности к Германии»²³⁶.

Итак, как в политическом, так и геополитическом отношениях российский император в переданной Новосильцеву «Секретной инструкции» выдвигал амбициозный проект европейского переустройства. В Лондоне проект был встречен со смешанными чувствами.

Прибыв в Лондон в начале ноября 1804 г., тайный посланник российского императора пробыл там до февраля 1805 г. В течение этих трех месяцев Новосильцев пытался убедить британские власти в целесообразности и уместности проекта Александра I. В своих «Мемуарах» Чарторыйский дает очень суровую оценку этой миссии, возлагая на Новосильцева значительную долю вины за ее провал:

«Новосильцев нашел Питта очень мало подготовленным к принятию наших предложений и всецело поглощенным своей собственной точкой зрения на дела Европы. Граф Семен, преклонявшийся перед узкой системой английского кабинета, всегда был готов бороться против тех перемен, которые мы хотели ввести. В силу ли затруднений, вытекавших из такого положения вещей, по другим ли причинам, но Новосильцев не справился достойным образом со своей важной миссией. Она требовала большой осторожности, сдержанности и твердости в следовании данным ему инструкциям. Он же едва упомянул о тех условиях, которым мы придавали наиболее важное значение, даже не произнес названия Польши и совершенно не коснулся вопроса о настоящем положении Европы, ставящем ее в зависимость от случайности, — положении, в какое она попала благодаря проявлениям беззакония, которое было необходимо искоренить»²³⁷.

Что же произошло на самом деле? В начале своей миссии Новосильцев проявлял признаки оптимизма, уверенный, что через какое-то время достигнет успеха. Три недели спустя после приезда он писал в своем рапорте на имя императора от 22 ноября, что, по его мнению, «весьма легко будет согласить министерство английское на все начала, которыми Вы, Всемилостивейший Государь, намерены руководствоваться в сем новом союзе»²³⁸. В то же время в Санкт-Петербурге император по-прежнему придавал важное значение этой миссии, как это следует из письма, отправленного Чарторыйским посланнику 27 ноября 1804 г.:

«<...> нам нужно получить от вас хорошие известия. Эта надежда — единственная вещь, о которой Государь всегда вспоминает с одинаковым инт

тересом. Он постоянно повторяет: «Посмотрим, что Новосильцев нам скажет; надо ждать от него известий». Словом сказать, от вас зависит подъем нашего духа. Если Англичане не чужды, я не скажу, чувств великодушия и восторга, но только обладают здравым смыслом, то должны силою обстоятельств согласиться на все и принять нашу точку зрения, ибо иначе ничего не выйдет, и Государь сделает только то, к чему он принужден будет необходимостью и против желания»²³⁹.

Однако Новосильцев натолкнулся на недоверие со стороны британского премьер-министра. Последний, подозревая Россию в притязаниях на территории Османской империи, отказался рассматривать план раздела турецких территорий или установления над ними протектората, в случае реализации которого в выигрыше оказывалась бы Российская империя. Более того, Новосильцев столкнулся со скептическим отношением У. Питта Младшего к российскому проекту европейского устройства.

Разумеется, Питт разделял ряд геополитических соображений. В ходе переговоров, которые он провел 30 декабря 1804 г. с русским послом Воронцовым, Питт соглашался с необходимостью «окружить Францию, возвращенную в старые границы, большими и могущественными государствами». Как и Александр I, он надеялся на создание с этой целью федерации итальянских государств²⁴⁰.

К тому же, считая, что Наполеон «уничтожил международное право», английский премьер-министр высказывался в пользу того, что гарантией этого права должен служить «союз» государств, который находился бы под покровительством России и Англии. Тем не менее Питт не был готов к заключению мирного соглашения, предписывавшего государствам-участникам определенные правила поведения. 13 декабря 1804 г. в беседе с Новосильцевым он выразил сомнения по поводу проекта лиги, подчеркнув, что «тот, кто почувствует себя обиженным и в то же время достаточно сильным, всегда будет мало расположен согласиться с решением третьей державы»²⁴¹. Таким образом, он неявным образом соглашался с идеей об определении «предписаний международного права точным и положительным образом в виде нового кодекса международного права»²⁴², но ничего не говорил о содержании этого кодекса. Подобное недоверие в значительной мере подрывало ту часть проекта Александра I, которая была посвящена «европейской безопасности», и не позволяло пойти дальше образования относительно классического военного союза.

Первый вариант конвенции был разработан к концу января 1805 г., тогда же между Россией и Швецией была достигнута договоренность о военном союзе. Текст русско-английской конвенции, исправленный Новосильцевым с учетом позиции Питта, был подписан 30 марта 1805 г.²⁴³ в Санкт-Петербурге британским послом, находив-

шимся при русском дворе. Но, несмотря на уверенность Новосильцева в собственном успехе, содержание документа не оправдало чаяний, изложенных в первоначальном проекте. Разумеется, в обмен на 115 тыс. солдат, выставляемых Россией для борьбы против Наполеона, Англия обещала профинансировать кампанию из расчета 1250 тыс. ф. ст. за каждые сто тысяч русских или австрийских солдат, принимающих участие в боевых действиях, и задействовать в войне собственные военные и сухопутные силы. Кроме того, в соответствии с пожеланиями русских, к плану геополитической реконструкции Европы были добавлены несколько секретных статей, предусматривавших возврат Франции к своим прежним границам, восстановление независимости занятых Наполеоном государств и территориальные компенсации Пруссии и Австрии. Но все прочие составляющие проекта Александра I были старательно обойдены молчанием и отложены на будущее: с точки зрения британского министра, настал час реальной политики, а не утопий.

В то же время в марте 1805 г. Наполеон был провозглашен королем Италии, а Генуя и Лукка были аннексированы Францией. Австрийский император, ощущавший все большее беспокойство, примкнул к русско-английскому союзу и тем самым помог Александру I сдержать обещание увеличить численность выставляемых войск: теперь российский император был готов бросить против Наполеона не 115, а 180 тыс. человек²⁴⁴. 4 июня 1805 г. в Вене три державы приняли новый план действий: устанавливалась численность австрийских и русских войск (250 и 180 тыс. солдат соответственно), к которым должны были присоединиться 100 тыс. пруссаков, 16 тыс. шведов, 16 тыс. датчан, 35 тыс. немцев из разных княжеств и мест, 20 тыс. неаполитанцев и 5 тыс. англичан, что в целом составляло порядка 622 тыс. человек. 28 июля 1805 г.²⁴⁵ союзный договор подписал австрийский посол в Санкт-Петербурге И. Ф. Стадион. Однако Пруссия в августе приняла решение воздержаться от намечавшегося союза и заявила о своем нейтралитете в предстоящей войне: прусский король не желал чрезмерного усиления России и остерегался притязаний последней на прусскую часть Польши. Эти колебания не помешали возникновению дипломатических и военных связей. 10 сентября 1805 г. последовало заключение союза между Россией и Королевством Обеих Сицилий, а 3 октября англо-шведское сближение было скреплено договором. Осенью 1805 г. была создана Третья антифранцузская коалиция, и война началась. Александр I навсегда распрощался со своими миролюбивыми намерениями.

III

НАПОЛЕОНОВСКИЕ
ВОЙНЫ
1805–1815



Включение России времен Александра I в борьбу против Наполеона, по мнению многих, стало поворотным моментом царствования. По своей напряженности, продолжительности (почти десять лет), количеству людских потерь и своей символической значимости эта война действительно оказала глубокое воздействие на Россию как в политико-экономическом, так и в социально-культурном плане. Она также положила начало заметному развитию личности самого Александра I.

Достигнув к началу наполеоновских войн двадцатисемилетнего возраста, все еще плохо разбираясь в дипломатических и военных реалиях, Александр I спустя десять лет стал зрелым человеком. Отбив морально тяжелое вторжение Великой Армии, имевшей репутацию непобедимой, и пройдя через особенно жестокие испытания, среди которых наиболее болезненным был московский пожар, российский император вышел победителем из войны, его превозносили по всей Европе, он заработал себе авторитет. Однако за эти годы Александр I изменился. Утверждая, что встретил Бога в годину тяжелых испытаний, он превратился в экзальтированного мистика. С 1814–1815 гг., в последний период своего царствования, Александр I приступил к духовным исканиям — столь же искренним, сколь и далеким в своем окончательном виде от православия. Поэтому крайне важным представляется подробно остановиться на периоде 1805–1815 гг. и постараться как можно лучше уяснить сущность произошедших за это время перемен.



8

ОТ ПЕРВЫХ ВОЕННЫХ ПОРАЖЕНИЙ ДО ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА (1805–1807)

1805–1807 гг. были для Европы особенно напряженным периодом. Но хотя Александр I не щадил сил ни на военном, ни на дипломатическом поприще, успеха он не достиг: менее чем через два года после начала войны один из главных участников третьей коалиции был вынужден подписать «унизительный» Тильзитский мир, вызвавший среди его окружения непонимание, неодобрение и негодование в конце особенно трудного для молодого монарха жизненного этапа.

От складывания третьей коалиции до разгрома при Аустерлице

10 августа 1805 г.¹, после торжественного смотра полков лейб-гвардии накануне их отбытия на театр военных действий, Александр I объявил о своем желании присоединиться к армии. По его мнению, монарх был обязан быть как можно ближе к своим войскам. 9 сентября² после долгих молитв в стенах Казанского собора в Санкт-Петербурге император покинул столицу в сопровождении графов Ф. И. Толстого, Х. А. Ливена и Д. М. Волконского — два последних были генералами и адъютантами императора, — а также верных советников Александра I — А. Чарторыйского, П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцева.

После восьмидневного пути в сторону западной границы империи, Александр I на две недели остановился в Пулавах — родовом владении Чарторыйских, располагавшемся на Висле в австрийской части Польши. В то самое время на запад шли две русские армии. Одна из них, численностью 50 тыс. человек, руководство которой впоследствии было поручено М. И. Кутузову, получила задание собраться на юго-западной границе для соединения с австрийскими войсками. Другая армия, имевшая в своем составе 90 тыс. человек, под командованием генерала И. И. Михельсона должна была расположиться на границе с прусской Померанией и быть готовой в случае необходимости вторгнуться в Пруссию.

Петербургский двор разделился. Некоторые приближенные императора, англофилы, были настроены патриотично и воинственно. Это касалось определенного числа чиновников из центральных органов управления и дипломатов, несших службу в различных европейских государствах, — С. Р. Воронцова (Лондон), А. К. Разумовского (Вена), Д. П. Татищева (Неаполь), А. Я. Италинского (Константинополь). Сама невозмутимая Елизавета Алексеевна в письме к матери позволила себе засвидетельствовать свою глубокую любовь к России:

«Сейчас я признаюсь вам, *Maman*, что глубоко прониклась Россией, что, несмотря на радость, которую мне бы доставило посещение Германии и которую доставляют одни мысли об этом, я была бы глубоко опечалена, если бы мне пришлось покинуть Россию навсегда, и что, хотя в силу некоторых вообразимых обстоятельств, я пребываю в одиночестве и вольна выбирать, где мне жить, я бы хотела обосноваться в России»³.

Зато другие придворные враждебно относились к перспективе участия России в войне. При этом руководствовались они либо симпатиями по отношению к Франции — как это было в случае с Ф. В. Ростопчиным, — либо желанием сохранить дипломатическую и военную независимость России: этот аргумент приводили некоторые министры, в том числе торговли (Н. П. Румянцев), народного просвещения (П. В. Завадовский) и юстиции (П. В. Лопухин). Их точку зрения разделял член Непременного совета А. Б. Куракин. По мнению князя, поскольку жизненно важным интересам империи ничто не угрожало, России следовало держаться в стороне от назревавшей войны. В любом случае, согласно всеобщему мнению, будущая война казалась чем-то абстрактным и далеким и не ущемляла культурного влияния и авторитета Франции. 3 декабря 1805 г. молодой московский чиновник С. П. Жихарев, подчеркивая этот удивительный парадокс, сделал в своем дневнике следующую запись:

«А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньи и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию “*Les Conjectures ou le Faiseur de Nouvelles*”»⁴.

В Пулавах участились празднования, балы и приемы, распространились слухи, питаемые любезным поведением российского императора. Польская знать полагала, что Александр I проникся мыслью, столь дорогой его другу Чарторыйскому, в том, что как только будет одержана победа над Наполеоном, Россия сможет провозгласить независимость Польши и, взяв последнюю под свое покровительство, выступить в качестве гаранта этой независимости. Однако же в дей-

ствительности Александр I, сохраняя определенную двусмысленность, не давал никаких заверений, поскольку имел возможность пойти различными путями.

В то время в Германии завязывался международный кризис. В начале октября 1805 г. 20 тыс. французских солдат выдвинулись из Ганновера, тогда занятого Наполеоном⁵, в направлении Дуная, своим проходом через Анспах нарушив нейтралитет Пруссии, и после 4 октября российский император объявил о своем намерении оставить Пулавы и, не останавливаясь в Варшаве, отправиться в Берлин. Для польских патриотов это заявление прозвучало как похоронный звон — оно знаменовало конец их надежд: разве мог Александр I, направлявшийся в Берлин с целью заключения союза, добиваться воссоздания государства, которого не желала Пруссия? Каждый в Пулавах горько сожалел об этом если и не предательстве, то по крайней мере жестоком повороте событий.

Действительно, Александр I, не известив Чарторыйского, отправил в Берлин своего адъютанта П. П. Долгорукова для проведения секретных переговоров с прусским королем. Последний поначалу колебался, предпочитая держаться на расстоянии как от Франции, так и от России с Великобританией, поэтому депеши, отправленные Долгоруковым российскому императору, были полны пессимизма. Однако вторжение в Анспах в корне изменило ситуацию: 4 октября 1805 г. Фридрих Вильгельм III, — взбешенный тем, что нейтралитет Пруссии был предан поруганию, при том что внешне прусско-французские отношения оставались прекрасными, — разрешил русским войскам пройти по прусской территории и заявил о своем намерении примкнуть к коалиции. Именно это решение объясняет реакцию Александра I: по мнению российского императора, Пруссия занимала ключевое место в расположении коалиционных войск, и поэтому новые настроения следовало поддержать.

Александр I прибыл в Берлин 1 октября⁶ и был тепло встречен. Однако очень скоро настал час первых военных неудач. 2 октября⁷ были разбиты австрийские войска, атакованные на Дунае при Эльхингене. 7 октября⁸ генерал К. Мак, окруженный при Ульме, капитулировал вместе с 32-тысячным отрядом, что позволило Великой Армии ступить на германские земли. В столь угрожающем положении сближение России и Пруссии становилось задачей первостепенной важности. 22 октября⁹ в Потсдаме дипломаты К. А. Гарденберг и Х. А. Гаугвиц со стороны Пруссии и А. Чарторыйский, Д. М. Алопеус и П. П. Долгоруков со стороны России составили конвенцию¹⁰.

Согласно этому документу по прошествии месяца с момента предъявления Наполеону ультиматума, который тот должен был считать абсолютно неприемлемым (предполагалось, что Пруссия вы-

ступит в роли посредника между участниками третьей коалиции и Францией и потребует у последней отказаться от части завоеванных германских территорий), Пруссия должна была вступить в войну со своей 180-тысячной армией. В обмен на поддержку Пруссии Александр I был готов, согласно секретной статье, признать право Пруссии на присоединение Ганновера. Этой статьей нарушались условия русско-английской конвенции, подписанной в Санкт-Петербурге 30 марта 1805 г.¹¹, и предусматривалось, помимо прочего, восстановление независимости Ганновера. Но для Александра это была плата за поддержку Пруссии. И дабы упрочить столь исключительную связь, установившуюся между российским императором и Гогенцоллернами, в ночь с 22 на 23 октября¹² по инициативе прусской королевы Луизы и в ее присутствии король Фридрих Вильгельм III и император Александр I скрепили свою дружбу клятвой, произнесенной при свете факелов перед могилой великого Фридриха II.

Внезапная капитуляция К. Мака, на момент которой М. И. Кутузов находился в 270 км от Ульма, перевернула первоначальные планы участников коалиции и скомпрометировала саму идею соединения армий. Кутузов, объявленный генералиссимусом коалиционных сил, тотчас же столкнулся с дилеммой. Как верховный главнокомандующий антинаполеоновскими армиями, он должен был защищать Вену, которая при наступлении Великой Армии оказывалась под угрозой, но, как русский генерал, был обязан максимально сберечь свою армию¹³. 13 октября¹⁴, заподозрив австрийцев, начавших с боями отходить к Вене, в том, что они предприняли этот демарш с целью заключить перемирие, Кутузов — под прикрытием арьергарда П. И. Багратиона — отступил к Энну, а затем к Дюренштейну¹⁵, где 29–30 октября¹⁶ безуспешно атаковал войска генерала А. Мортье.

Несколько позднее он дошел до Ольмюца, где застал, помимо еще нетронутого австрийского отряда численностью около 15 тыс. человек, императора Александра I, прибывшего в город неделей раньше. Атмосфера царила более чем мрачная. А. Ф. Ланжерон, французский генерал, перешедший на русскую службу, свидетельствовал: «Как и остальные генералы, я был поражен холодностью и угрюмым молчанием, с которыми наши войска встретили императора»¹⁷. Плохо экипированные, плохо обутые и плохо снабжавшиеся продовольствием войска столкнулись с крупными материальными трудностями. Нуждаясь во всем необходимом, русская армия страдала от плохой дисциплины. Отношения же между русскими и австрийскими солдатами сложились отвратительные, а взаимное согласие между союзниками казалось очень хрупким.

Тогда же начались дипломатические маневры: Наполеон выступил в роли инициатора в переговорах с Александром I, а Пруссия — в переговорах с французским императором.

С точки зрения Наполеона, — о чем он открыто говорил в письме к австрийскому императору от 8 ноября 1805 г.¹⁸, — Александр I был ослеплен проанглийскими настроениями своих советников, и поэтому его следовало убедить в миролюбивых намерениях Франции. С этой целью Наполеон отправил в Ольмюц своего адъютанта А. Савари с тем, чтобы тот встретился с императором и одновременно разузнал о местоположении и численности коалиционных сил. 15 ноября¹⁹ Савари передал Александру I письмо Наполеона, в котором французский император расточал учтивые и любезные выражения. Однако в главной квартире русской армии посланник был встречен холодно.

Ожидая ответа российского императора, Савари столь же любезно, сколь и умело беседовал с легковверными, если не сказать безответственными, офицерами. В связи с этим эпизодом составители 30-го бюллетеня Великой Армии от 3 декабря 1805 г.²⁰ не упустили случая поглумиться над наивностью и некомпетентностью окружения Александра I:

«Ему²¹ было легко понять, в ходе бесед, которые он в течение трех дней имел с тремя дюжинами заморышей различного звания из окружения императора, что самодовольство, неблагоразумие и неосмотрительность царили в военном управлении, равно как царили они и в управлении политическом»²².

С 15 ноября²³ французский посланник покинул главную квартиру с письмом, начертанным рукой Александра I. Адресованное «главе французского правительства», сформулированное таким образом, что подспудно отказывало Наполеону в императорском титуле, это сдержанное письмо свидетельствовало о том, что его автор вовсе не был расположен к сближению:

«С большой признательностью получил я письмо, переданное с генералом Савари, и спешу выразить вам свою благодарность. Я не имею иного желанья кроме как видеть, как в Европе восстанавливается мир, основанный на лояльности и равных началах. В то же время я желаю иметь возможность быть вам приятен лично. Примите мое уверение в более чем высочайшем моем к вам почтении»²⁴.

В тот же день Александр I, возглавивший армию, фактически отстранив Кутузова от верховного командования²⁵, отдал приказ добиваться сражения с французами. На следующий день при Вишау первое сражение между французскими и австро-русскими войсками, имевшими численное превосходство, завершилось в пользу участни-

ков коалиции. В глазах молодого императора, который запальчиво и храбро вывел свои войска на поле боя, успех не мог быть ничем иным, кроме как предзнаменованием грядущих побед.

Параллельно с франко-русскими дипломатическими маневрами начались переговоры между Пруссией и Францией. 16 ноября²⁶ в Брюнне прусский посланник Х. А. Гаугвиц, бывший министр иностранных дел, встретился с Наполеоном и передал ему письмо прусского короля, написанное им в Потсдаме в конце октября. Однако об ультиматуме речь прямо не шла. Х. А. Гаугвиц, менее воинственно настроенный, чем К. А. Гарденберг, действительно стремился сблизиться с Францией, чтобы избежать войны: в то время Пруссия являлась слабым звеном коалиции.

На следующий день, 17 ноября²⁷, А. Савари вновь прибыл в Ольмюц, чтобы убедить Александра I встретиться с Наполеоном. Однако российский император, быть может, опьяненный первым военным успехом, ограничился тем, что отправил в лагерь французов П. П. Долгорукова. Давний англофил и сторонник продолжения войны, молодой князь обращался к Наполеону высокомерно, и тот впоследствии в письме к курфюрсту Вюртемберга выразил свое негодование поведением русского посланника:

«Я имел с этим заморышем беседу, по ходу которой он говорил со мной так, как он мог бы говорить с боярином, которого собирались сослать в Сибирь <...>. К тому же это молодой человек в высшей степени высокомерный; он, должно быть, счел мою крайнюю сдержанность за проявление большого страха»²⁸.

Тем не менее французский император искал способ выгадать время, удивляясь воинственному настрою Александра I. Однако разговор принял неприятный оборот, а раздражение Наполеона достигло высшей точки, когда Долгоруков, — подчеркнув, что Россия, не рассчитывая на какие-либо территориальные завоевания в обмен на свое участие в боевых действиях, вмешивалась исключительно с целью оградить независимость европейских государств от посягательств французов — в очевидно провокационной манере добавил, что мир невозможен до тех пор, пока Наполеон не откажется от Итальянского королевства, левобережья Рейна, бельгийских владений и не покинет Вену. Нет нужды говорить, что подобные требования встретили категорический отказ. Тогда Наполеон убедился в том, что война с Россией неизбежна. 30 ноября 1805 г.²⁹, незадолго до Аустерлица, он поведал Ш. М. Талейрану, что по-прежнему питает к молодому российскому императору симпатию, смешанную, правда, с несколько снисходительным отношением:

«Возможно, завтра нам предстоит очень серьезное сражение с русскими; я многое сделал для того, чтобы этого избежать, ибо в противном случае будет лишь зря пролита кровь. Я состоял в переписке с российским императором: из нее я вынес лишь убежденность в том, что это храбрый и достойный человек, идущий на поводу у своего окружения, которое продано англичанам, до такой степени, что они хотят заставить меня отдать Геную и Сардинское королевство и отказаться от Белгии!»³⁰

В письме к вюртембергскому курфюрсту от 5 декабря³¹ Бонапарт высказывался в том же духе, утверждая, что император, обладавший прекрасным характером и исполненный крупных добродетелей, «окружен двумя дюжинами плутов, которые сбивают его с верного пути»³².

Что же касается князя Петра Долгорукова, то, едва завершив свою миссию, он направил Александру I оптимистический по содержанию рапорт. По его мнению, французы опасались военного столкновения, поскольку превосходство коалиционных сил — 90 тыс. австрийцев и русских против 70 тыс. французских солдат — было подавляющим. «Наш успех несомненен, — писал он в своем докладе, — достаточно пойти в наступление, и наши враги отступят, как отступили они при Вишау»³³. К несчастью для Александра I, быть худшим ясновидцем было невозможно.

В течение нескольких недель накануне Аустерлица³⁴ в главной квартире русской армии царила странная атмосфера возбуждения, жажды славы и легкомыслия. Окруженный молодыми людьми, хвастливыми по своей природе, не имевшими никакого опыта, в своих мечтах одерживавшими победу над Наполеоном, Александр I, страстно желавший перейти в рукопашную, презирал старых генералов. Особенно недвусмысленно на этот счет суровое суждение А. Ф. Ланжерона:

«Он уделял им мало внимания, редко принимал их, мало беседовал с ними и осыпал милостями пять–шесть своих молодых фаворитов — своих адъютантов Ливенов, Волконских, Гагариных, Долгоруковых. Он обращался с ними с фамильярностью, унижительной в глазах старых генералов, которые к тому же видели, как их внешность и манеры высмеивались этими детьми, чье влияние было безгранично»³⁵.

И далее о М. И. Кутузове:

«Молодые люди из окружения императора насмеялись над Кутузовым и дали ему прозвище генерал Копуша; он не имел власти и не пользовался уважением»³⁶.

С их точки зрения, равно как и по мнению Александра I, старый генерал Кутузов, известный своей страстью к красивым женщинам и вину, одноглазый, тучный и медленно взбирающийся на лошадь, свое отжил. Его исключительная осторожность — он отказывался вести

наступательные действия против Наполеона — расценивалась как малодушие. Среди окружения Александра I лишь А. Чарторыйский не поддерживал воинственного настроения молодых офицеров, а тот факт, что российский император возглавил коалиционные войска, представлялся ему опасным. Однако влияние польского князя, чьи отношения с Александром I ухудшились после того, как император отправился в Берлин, ослабло. Вот почему Александр I не внял ни твердым настояниям Чарторыйского, советовавшего уступить командование военному, ни предостережениям Кутузова, в ожидании подкреплений надеявшегося оттянуть момент столкновения с французами. В оправдание Александра I следует отметить, что Кутузов высказывал свои предостережения слишком робко. Старый придворный, безгранично преданный молодому императору, шел на поводу у любых желаний последнего.

В ночь с 1 на 2 декабря³⁷ австрийский генерал Ф. Вейротер созвал военный совет, на котором он представил свою диспозицию предстоящего сражения. Его доклад, зачитанный по-немецки, был переведен русским офицерам, которые запутались в произношении названий деревень³⁸. Кутузов сделал вид, что дремлет. Один лишь Ланжерон осмелился обсудить план, который он счел трудновыполнимым и рисковым. Убеденный в том, что силы Наполеона ослаблены, Вейротер предполагал атаковать войска французского императора со стороны Праценских высот. Он планировал спуститься на равнину, где располагались основные силы французской армии, обойти их справа и окружить их в Брюнне. Однако Наполеон, ожидавший этого маневра, воспользовался планом противника для того, чтобы навязать решающее сражение, которого он желал. Он намеренно оголил свой правый фланг и укрылся в деревне позади замерзших болот.

В 7.30 основная масса коалиционных войск начала спускаться с Праценских высот таким образом, чтобы атаковать правый фланг французов и обойти всю армию сбоку. Осуществляя этот маневр, союзники оставляли открытым собственный фланг. Именно в этот момент в 8.30 центр французов под командованием Н. Ж. Сульта атаковал в направлении Праценских высот, где и без того уже царил неразбериха, вызванная началом движения. Когда туман рассеялся и солнце раскрыло положение французских войск, М. И. Кутузов осознал исходившую от них угрозу. К 9 часам, желая исправить ситуацию, сложившуюся в связи с оставлением Праценских высот, он приказал армии, в том числе лейб-гвардии, вновь овладеть плато, однако Александр I, прибывший на место вместе с австрийским императором Францем, генералами и адъютантами П. К. Сухтелен³⁹.

А. А. Аракчеевым, Х. А. Ливеном и Ф. Ф. Винцингероде, а также советниками А. Чарторыйским, П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым, раскритиковал этот выбор и потребовал, чтобы войска выдвигались для атаки французов: «Михаил Илларионович, отчего вы не наступаете? Мы не на Царицынском плацу, где не начинают парад до прибытия всех полков». Кутузов отпирился, но затем подчинился: «Сир, если я не начинаю, то именно потому, что мы не на Царицынском плацу. Но если вы приказываете»³⁹.

Приказ этот имел катастрофические последствия: чаша весов сразу же склонилась не в пользу русских войск. Они были смяты натиском французов, которые вскоре захватили Праценские высоты. Французы разместили здесь свою артиллерию и использовали ее для обстрела неприятеля, чьи ряды, находившиеся ниже уровнем, пришли в расстройство. В 11 часов был дан приказ к отступлению, но исполнен он был лишь два часа спустя, вследствие чего поражение обернулось беспорядочным бегством. Многие солдаты погибли, замерзнув в Сачанском пруду и воронках, образовавшихся после обстрела французской артиллерии:

«Вода, проникавшая через расщелины, вскоре переполнила льдины, и мы увидели тысячи русских⁴⁰, а также много лошадей, пушек и повозок, медленно погружавшихся в пучину! Ужасное и величественное зрелище, которое я никогда не забуду! В какой-то момент поверхность пруда была покрыта теми, кто умел и был в состоянии плыть; люди и лошади барахтались среди льдин и воды»⁴¹.

М. И. Кутузов был легко ранен. Российский император, оттесненный собственными бегущими солдатами, впавший в отчаяние при виде масштаба поражения и сотрясаемый лихорадкой, в слезах рухнул к подножию дерева. Своим спасением он был обязан лишь бдительности своего шталмейстера Ене и гонца Прохницкого, а также вмешательству лейб-медика Я. В. Виллие, который осмелился подмешать императору в вино несколько капель опиума, чтобы дать ему возможность заснуть и на несколько часов забыться от кошмара Аустерлица. Но пробудившись, российский император должен был противостоять — как внутри страны, так и за ее пределами — катастрофическим последствиям поражения.

От последствий Аустерлица к поражению под Фридландом

Поражение при Аустерлице, к которому российский император имел непосредственное отношение, взяв на себя руководство военными действиями, имело крайне тяжелые последствия.

Прежде всего, с точки зрения людских потерь: войска коалиции потеряли около 35 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести (25–28 тыс. русских и 6 тыс. австрийских солдат⁴²). Великая Армия — 9 тыс. человек. Затем с точки зрения дипломатии: 4 декабря⁴³ австрийский император Франц I заключил перемирие с Наполеоном, согласно одному из условий которого русские войска должны были как можно скорее оставить австрийские владения, а 26 декабря он подписал Пресбургский мирный договор, ознаменовавший конец третьей коалиции. Несмотря на советы Ш. М. Талейрана, который безуспешно пытался смягчить «разрушительные прожекты Наполеона»⁴⁴, французский император, вероятно, опьяненный собственными военными успехами, навязал Австрии очень жесткие условия. Она была вытеснена из Северной Италии, вынуждена отдать Венецианскую область, Истрию и Далмацию и согласиться на образование княжеств Лукка и Пьомбино, финансово зависимых от членов семьи Наполеона. В германских землях Австрия обязывалась уступить свои владения в Баварии, великом княжестве Баденском и в Вюртемберге.

Таким образом, Австрия была сильно ослаблена войной. В демографическом отношении она лишилась 4 из 25 млн подданных, населявших империю в 1805 г. Что касалось финансов, то она облагалась тяжелой военной контрибуцией в размере 50 млн флоринов, а в плане символики Франц I должен был отказаться от титула императора Священной Римской империи, что предвосхитило исчезновение последней а августе следующего года. Согласно первоначальному предчувствию Ш. М. Талейрана, эти чересчур суровые условия, порождавшие в Австрии желание реванша за навязанный диктат, не могли надолго гарантировать мир. Однако в ближайшей перспективе Австрия выходила из войны раздавленной.

23 ноября⁴⁵, Александр I встретился с бывшим союзником в Голице, после чего направился в Санкт-Петербург, предварительно отправив прусскому королю послание, в котором выражал готовность всеми силами поддержать Пруссию. Однако Фридрих Вильгельм III слабо веривший как обещаниям Александра I, так и в возможность их практического воплощения, предпочел вести переговоры с Наполеоном. 15 декабря Х. А. Гаугвиц от имени прусского короля подписал в Шенбрунне наступательный и оборонительный союзный договор с Францией, по которому Ганновер отходил к Пруссии, а прусские анклавы Ансбах, Клеве и Невшатель — к Франции⁴⁶. Хотя на тот момент текст договора еще не был ратифицирован прусским королем, третья коалиция уже фактически распалась.

В 4 часа утра 26 ноября⁴⁷ Александр I прибыл в Санкт-Петербург. Он тотчас же направился в Казанский собор, а чуть позже тем же утром провел смотр войск на площади Зимнего дворца. Радость народа и придворных достигла высшей точки: император возвратился с войны живым, и каждый радовался его возвращению, будучи убежден в том, что вина за поражение лежала на австрийцах, которых подозревали в предательстве. Вечером Александр I устроил во дворце большое празднование, в ходе которого наградил М. И. Кутузова орденом Св. Владимира 1-й степени. Кутузов получил почетный, удаленный от столицы пост военного губернатора Киева, что должно было убрать с глаз Александра I старого генерала, само присутствие которого служило для императора живым упреком. Истинная причина этого назначения скоро стала известна, как о том свидетельствует письмо Новосильцева к Строганову от 6 января 1806 г.:

«Вы знаете, что, разделяя нас, вы приводите нас в замешательство относительно того, как мы будем выглядеть в Петербурге. Кажется, что беспокойность и чувство стыда растут по мере того, как мы приближаемся к столице <...> Судите сами о нашем удивлении, когда мы узнали, что император был встречен с неописуемым восторгом и что он въехал в город под невиданные приветственные возгласы; что все благородное общество Петербурга было на седьмом небе от радости, вызванной тем, как наша армия проявила себя в последнем бою; что она состояла из одних героев <...> что наша армия сразу после сражения требовала лишь новой схватки, но что австрийцы этого не хотели и, чтобы помешать нам, без нашего ведома заключили перемирие; что, наконец, эти австрийцы были настоящими предателями, продавшимися Франции, и что мы не проиграли бы битву, если бы только они не передали план сражения французам, и что вся их армия сразу же перешла на сторону французов. Требовались также жертвы и виновные. Это были граф Разумовский [посол в Вене. — *Авт.*], который недостаточно изучил настроения общества, подталкивая венский двор к объявлению войны французам; по меньшей мере он заслуживал того, чтобы быть с позором отозванным обратно <...> Можете легко себе представить, что в подобного рода басни нельзя долго верить; из армии постоянно поступали сведения, корректировавшие представления общества. Вскоре стало известно, как обстояли дела на самом деле, какова была истинная причина нашего поражения и как мы вели себя впоследствии. Итак, вскоре после нашего прибытия император столкнулся с по-настоящему тревожным отношением общества; более не говорили о предательстве, но приписывали все несчастья одному ему»⁴⁸.

Действительно, как только правда открылась, Александр I подвергся суровой критике со стороны своих советников, министров и членов императорской фамилии. Особенно неистовствовал князь Чарторыйский, упрекавший Александра I в том, что тот своим бесполезным присутствием на поле боя приблизил катастрофу:

«Вместо того чтобы употреблять свое время на осмотр передовых позиций или подвергать опасности свою жизнь, как Вы это делали потом, выходя вперед колонн, где присутствие Вашего Величества, да будет мне позволено говорить правду, не только не приносило пользы, но лишь смущало и сбивало с толку генералов, — без сомнения, было бы лучше Вам, Государь, находиться дальше от армии, предоставляя ей свободно идти вперед, и не сопровождать ее во всех ее передвижениях, а вместо этого направить, как Вас и уговаривали, все Ваши заботы, каждую минуту Вашего времени, все Ваши силы и способности на то, чтобы неотложно добиваться всеми средствами успешного хода дел, в их общей сложности, не задерживать работ ни по одной отрасли управления Вашей империи — и настойчиво продолжать добиваться реорганизации Австрии.

Но могли ли Вы, Государь, заниматься столь важными и трудными вопросами, когда все Ваши дни были поглощены другими мало полезными делами, одинаково отнимавшими у Вас время и силы! <...>

Но приучая солдат видеть Вас постоянно, и без всякой необходимости, Вы ослабили очарование, производимое Вашим появлением. Ваше присутствие во время Аустерлицкого сражения не принесло никакой пользы даже в той именно части, где Вы находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы.

Этому Вы ни в коем случае не должны были подвергать себя. В Голице Ваш отъезд, Государь, явившийся неизбежным следствием Вашего, смею так выразиться, не вызванного обстоятельствами приезда, только увеличил беспорядок и дух уныния, царивший в армии»⁴⁹.

Далее Чарторыйский крайне критически высказывался по поводу политической ориентации Александра I. Российский император действительно всегда был сторонником союза с Пруссией. 10 марта 1806 г.⁵⁰ он писал Фридриху Вильгельму III, что союз между Пруссией и Россией представляется ему более чем необходимым — и это в то самое время, когда Пруссия, затеяв двойную игру и пытаясь вести секретные переговоры то с Наполеоном, то с Англией по поводу признания ее прав на Ганновер, 15 февраля 1806 г. заключила мирный договор с Францией⁵¹.

В том же письме Чарторыйский выразил свое глубокое несогласие с этим курсом, призывая Александра I не ставить интересы Пруссии выше интересов России. Желая сделать свои доводы более вескими, он передал императору «Записку об отношениях России и Пруссии»⁵², составленную 17 января 1806 г. Князь надеялся на основательный пересмотр дипломатической ориентации России. В апреле 1806 г. в другой записке он вновь взялся отстаивать амбициозные проекты в отношении Польши, конечной целью которых было восстановление Царства Польского под эгидой российского императора. Но Александр I, по-прежнему отдававший предпочтение союзу с Пруссией как по причине личной симпатии к монархам, так и в силу

своих убеждений, — он рассматривал Пруссию как краеугольный камень антинаполеоновской стратегии, — не мог требовать присоединения прусской части Польши. Через гонца он отправил Чарторыйскому категорический отказ:

«Вы жаждете спора; я готов к нему, но я не могу удержаться от того, чтобы сказать вам, что я полагаю, что он ни к чему не приведет, взгляды, которых мы придерживаемся, диаметрально противоположны»⁵³.

Это говорит о том, что быломu согласию двух друзей по интеллектуальным и политическим вопросам настал конец.

Тогда же Александр I получил строгий выговор от своей матери. Мария Федоровна, длительное время хранившая молчание, вышла из себя весной 1806 г. В пространном письме, составленном 18 апреля, она представила предельно критический разбор международного положения России, упрекая сына в том, что он поступил неблагодарно, ввязавшись в войну против Наполеона, не позаботившись о том, чтобы окружить себя сведущим и опытным командным составом, в конце концов, опасным образом ослабив позиции страны. Несомненно, многие придворные разделяли упреки, высказанные Марией Федоровной в откровенной, даже грубой форме, равно как и ее пессимистический взгляд на дипломатическое и политическое положение Российской империи:

«Подведя итог этих обстоятельств, у меня только одна мысль, дорогой Александр, раскрыть Вам их влияние на общественное состояние, и так вот, в чем оно состоит. Говорят, политическое состояние России в опасности, она утратила свое влияние и уважение, которым пользовалась. Она не в счете на весах Европы: она потеряла своих союзников. Австрия заключила, так сказать, самый позорный мир в виду нашей армии; Неаполь был оставлен нашими войсками и подчинился Франции; в конце концов, наши войска всюду должны были отступить; словом, мы были обольщены и обмануты Пруссией и преданы Австрией. Слава наших войск потерпела самое ужасное поражение; ореол непобедимости, приобретенный в царствование покойной Императрицы, поддерживаемый в царствование покойного Императора Суворовым, разрушен, и никогда проигранное сражение не имело более ужасных последствий.

Наш солдат уже не тот: он потерял веру в своих офицеров и генералов. Дух военный изменился. Словом, армия расстроена. И вот, в таком положении вещей, России угрожает новая война. <...> И против такой-то крайней опасности что мы сделали? Какие действительные меры мы принимаем?

Наши войска на границе; прекрасно, но кто намечает план действий?

Военная молодежь, окружающая Императора, ему предана и к нему привязана; но есть ли у нее знания и необходимый опыт, чтобы справиться с работой, требующей людей посевших и испытанных, рисковавших своей жизнью и пользующихся доверием наций? Итак, где же таковые? Нет

среди окружающих Императора ни одного, который пользовался бы общим доверием.

Аустерлицкое сражение показало, что одной памяти недостаточно; необходим разумный план действий, обдуманый со всем хладнокровием опыта, принимающего в расчет столько же возможность успеха, как и несудачи, чтобы не терять головы в случае несчастья. Еще одно проигранное сражение, и Империя окажется в опасности.

Император выказал большую доблесть, но военное искусство требует изучения в великой школе опыта, а потому ему необходимо советоваться с людьми, прошедшими эту школу. Почему же он себя не окружает ветеранами, одни имена которых прекратили бы ропот, раз стало бы известно, что он с ними советуется, чтобы установить план действий, настойчиво вызываемый обстоятельствами и требующий от них всей силы их предусмотрительности, чтобы предохранить Государство от бедствий, скажем прямо, от позора? Те же опасения занимают наши умы касательно нашей политики. Известно, что Пруссия нам изменила и от нас отстранилась и что мы имеем союзниками лишь Англию и Швецию. Положение Англии делает дружбу с ней полезной только на море; но если начнется война, мы одни будем вести ее на континенте»⁵⁴.

Наконец, в обществе — хотя громко об этом не говорили — распространялась молва, что поражение при Аустерлице не было обусловлено ни гением Наполеона, ни плохой организацией коалиционных сил, но явилось Божьей карой, обрушившейся на голову отцеубийцы...

Несмотря на все эти упреки, намеки и свою изоляцию, Александр I упорствовал в своих дипломатических предпочтениях и ориентации на Пруссию, сторонником которой был лишь он сам. Российский император, единственный проводник своей внешней политики, в 1805–1806 гг. вовсе не походил на слабовольного человека, каковым его изображали некоторые историки, напротив, он твердо стоял на своем и, казалось, был этим даже несколько одурманен, что дает основания согласиться с суждением Наполеона, который впоследствии назвал его ослиной головой! Александр вновь начал переговоры с Пруссией, хотя теперь она являлась союзницей Франции.

15 февраля 1806 г.⁵⁵ Пруссия действительно подписала в Париже соглашение, которым закреплялись договоренности, достигнутые в декабре, — получение Ганновера в обмен на Ансбах, Клеве и Невшатель оставалось в силе, — и вводились три новых пункта в отношении Пруссии: укрепленный город Везель переходил под контроль французов, Пруссия закрывала свои порты для английских судов и объявляла войну Великобритании⁵⁶. 5 марта⁵⁷ король Пруссии официально ратифицировал соглашение и объяснился по этому поводу с Александром I. В письме к российскому императору он признавался

что был вынужден прибегнуть к этой «крайней мере, чтобы не лишиться всего»⁵⁸. Однако подписание данного соглашения способствовало ухудшению отношений Пруссии с Англией и Швецией, а поверженная Австрия больше не входила в состав коалиции. Это свидетельствовало об успехах наполеоновской дипломатии в феврале 1806 г., которой все-таки удалось изолировать Англию и Россию, враждебно настроенных по отношению к Франции.

Тем не менее Александр I не отказался от своих взглядов и 7 марта 1806 г.⁵⁹ направил герцогу Брунсвику, главнокомандующему прусской армией, меморандум, в котором предлагал Пруссии заключить военный союз, призванный в будущем лечь в основу антинаполеоновской коалиции. Однако Пруссия повела себя двурушнически: конечно, герцог Брунсвик принимал идею союза с Россией, но в то же время, 27 марта, прусский министр иностранных дел подтвердил свое намерение занять Ганновер и закрыть прусские порты для английских торговых судов. Что и было сделано на следующий день. В качестве ответной меры Великобритания 5 апреля закрыла свои порты для прусских кораблей, а 11 мая объявила Пруссии войну. На следующий день Швеция заявила о своем присоединении к блокаде в отношении Пруссии.

Несмотря на сложную ситуацию — участники прежней коалиции на сей раз открыто выступили друг против друга — российский император принимал участие во всех международных событиях. После 13 мая он предлагал посреднические услуги России в урегулировании англо-прусского и шведско-прусского конфликтов, одновременно ведя секретные переговоры с Пруссией по вопросу о военном оборонительном союзе. Александру I было действительно важно попытаться сблизить новоиспеченных противников, как из дипломатических — Пруссия по-прежнему являлась основой его антинаполеоновской стратегии, — так и из экономических соображений: в начале мая 1806 г. в своем тревожном докладе министр торговли Н. П. Румянцев подчеркивал необходимость положить конец морской войне между Англией и Пруссией, особенно вредной для балтийской торговли России⁶⁰.

Образование 30 июня 1806 г.⁶¹ — под французским протекторатом — Рейнской конфедерации позволило Франции иметь решающий вес в германских делах, что заставило берлинский кабинет скрежетать зубами. В окружении прусского короля росло раздражение против Наполеона и увеличивалось число сторонников сближения с Россией. Франция, которая при создании конфедерации не посоветовалась с прусскими властями и намеревалась также лишить их Ганновера, уступив его на сей раз Англии, попыталась задобрить

прусского короля, предложив ему создать Конфедерацию северогерманских государств, движущей силой которой являлась бы Пруссия. Однако в Берлине это предложение сочли нереалистичным, и вопрос о союзнике был решен: 19 июня⁶² Фридрих Вильгельм III согласился подписать секретную декларацию, которую 12 июля⁶³ обменяли на декларацию, подписанную Александром I⁶⁴. Союзный договор 1806 г. был возобновлен: Пруссия брала на себя обязательства не выступать на стороне Франции в случае франко-русской войны за австрийские или турецкие владения, добиваться мира с Англией и участвовать в приготовлениях к образованию новой коалиции, направленной против Франции. Взамен Россия гарантировала независимость и территориальную целостность Пруссии. За какие-то несколько недель российский император, твердо стоявший на своем, даже проявивший упрямство, сумел положить конец дипломатической изоляции России, конкретными шагами укрепив начавшееся русско-прусское сближение.

А. Чарторыйский, который продолжал выражать несогласие с данной внешнеполитической ориентацией, 8 июля 1806 г. был смещен императором, который вместо него поставил во главе министерства иностранных дел А. Я. Будберга. У этого генерала от инфантерии, выходца из балтийских немцев, определенно имелся дипломатический опыт. В 1796–1801 гг. он был послом в Стокгольме, являлся убежденным сторонником войны против Наполеона и по этой причине был назначен на пост, на котором удержался лишь до 30 августа 1807 г., когда был уволен, официально — по состоянию здоровья.

Вынужденная отставка А. Чарторыйского задела П. А. Строганова и Н. Н. Новосильцева. Как англофилы, они сожалели о прусской ориентации Александра I, но оба друга были не в силах повлиять на императора. В то же время последний провел ряд перестановок внутри дипломатического корпуса: так, например, в Вене послом был назначен М. М. Алопеус, один из доверенных людей российского императора, способный, на его взгляд, обеспечить сближение с Австрией.

В то же время во франко-русских отношениях наступил по меньшей мере комичный период. Весной 1806 г., поскольку французский консул в Санкт-Петербурге заверил Александра I в том, что Наполеон расположен к переговорам с Россией, российский император направил в Париж П. Я. Убри с титулом «уполномоченного по делам военнопленных», поручив ему обсудить вопрос об обмене солдатами, попавшими в плен при Аустерлице. Посланник прибыл в Париж 26 июня⁶⁵, задержался там, постепенно попал под влияние Наполеона и Ш. М. Талейрана и 8 июля 1806 г.⁶⁶, не имея каких бы то ни было

официальных полномочий, неблагоразумно подписал с Францией «договор о мире и дружбе»⁶⁷.

Этот документ вынуждал российского императора отказаться от всяких военных планов в отношении Франции, тогда как сама она не шла на достаточные уступки в вопросе о российских интересах в Османской империи и германских землях. По возвращении в Санкт-Петербург П. Я. Убри заслужил неодобрение императора и был отправлен в свое имение. Ратификация договора была отменена, военные приготовления в Санкт-Петербурге усилились. Действительно, 29 июня 1806 г.⁶⁸ Александр I создал военный совет, который приступил к разработке мер по укреплению обороноспособности страны. Именно тогда император убедился в неминувости военного столкновения.

Однако искра, от которой зажглось пламя войны, вспыхнула в Пруссии, а не в России. 18 сентября 1806 г.⁶⁹ Фридрих-Вильгельм III направил Наполеону ультиматум с заведомо невыполнимым требованием о роспуске Рейнской конфедерации и отводе французских войск за Рейн. Ответ не заставил себя ждать: шесть дней спустя Великая Армия вторглась на территорию Пруссии и 2 октября⁷⁰ в двух сражениях — при Йене, которое вел сам Наполеон и во время которого умер старый герцог Брунсвик, и при Ауэрштедте, под началом Л. Н. Даву, — прусская армия была разбита. Столкнувшись с наступлением французских войск, которые, завладев всеми крепостями в королевстве, с 15 октября⁷¹ оккупировали столицу, Фридрих-Вильгельм III, вынужденный оставить Берлин, бежал вместе с супругой Луизой на восток — сначала в Грауден на Висле, затем в Кенигсберг, после чего в Мемель.

Столь скорое поражение Пруссии застало российского императора врасплох и вызвало в Санкт-Петербурге глубокую озабоченность. В то самое время, когда Фридрих-Вильгельм III призывал своего российского союзника на помощь, многие, и в первую очередь Мария Федоровна, советовали Александру I не вмешиваться. Воспоминания об Аустерлице были еще слишком свежи, прусская армия чрезмерно ослаблена (ее численность сократилась тогда до 14 тыс. человек), а русская армия, часть которой была задействована в войне против Османской империи, не была готова к новому столкновению с непобедимой Великой Армией. Однако Александр I пропустил эти предостережения мимо ушей и 26 октября 1806 г. в торжественном манифесте объявил о начале новой войны против Франции.

В целях успешной борьбы против Наполеона российский император, на которого опыт Аустерлица навсегда наложил свой отпечаток,

решил сделать главнокомандующим русской армией не М. И. Кутузова, а Л. Л. Беннигсена. Выходец из Ганновера, перешедший на русскую службу при Екатерине II, Беннигсен, как было сказано выше, входил в число заговорщиков, ставших причиной смерти Павла I, но он также был очень талантливым и опытным военным. Этого Александру I было достаточно. Месяц спустя, 16 ноября, император приказал православной церкви предать Наполеона анафеме: он хотел, чтобы страна, и особенно верхи общества, предупрежденные о деспотизме, воплощенном в образе французского императора, смогли противиться тому обольстительному влиянию, которое Наполеон в силу своей славы талантливого полководца все еще имел в России.

Для достижения своих целей Александр I решил пустить в ход все средства, в том числе лживые и отвратительные доводы. В послании Священного Синода, в течение всего 1806 г. читавшегося во всех русских церквях по воскресеньям и в дни религиозных праздников, Наполеон, названный «зверем Апокалипсиса», обвинялся в том, что из-за своих еврейских симпатий желал положить конец православной церкви. Впервые с момента начала борьбы против Наполеона российский император использовал антисемитские аргументы⁷² с тем, чтобы вызвать в народе чувство национального и религиозного единения. Впервые в русской истории антисемитизм стал политическим орудием.

В прессе в большом количестве стали появляться карикатуры и памфлеты, призванные побудить верхи общества поддержать императора, а бывшие франкофилы отныне пополнили ряды наиболее ярких худителей французов. Среди них был и Ф. В. Ростопчин. Весной 1807 г. он написал комедию на французском языке⁷³ под названием «Живой мертвец», в которой «возмущенные защитники французских мод» клеймились позором, что вызывало патриотический подъем у московской публики. В марте 1807 г. Ростопчин под псевдонимом Богатырев издал на русском языке особенно язвительный памфлет:

«Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! все истребили, пожгли и разорили. Ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! Отца! Головы рубили, как капусту; все повелевали – то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать, и суд был хуже Шемякина. Господи, помилуй! да что за народ эти французы! копейки не стоит! Да вот то беда, что наша молодежь читает Фоблаза, а не историю, а то бы увидела, что во французской всякой голове ветряная мельница, гошпиталь и сумасшедший дом!⁷⁴»

Мобилизация также имела экономическое и финансовое измерение. К богатым частным лицам, городским властям и монастырям

обращались с призывом выделить средства на отечественную войну. В этом смысле 1806 г. явился генеральной репетицией 1812 г.

Решив внимательно следить за военными операциям на месте событий, российский император отправился в путь, чтобы присоединиться к армии. Сначала он остановился в Елгаве⁷⁵, в Курляндии, где в марте встретился с графом де Лилль⁷⁶. Александр I пообещал будущему королю Людовику XVIII помочь взойти на французский престол, в то же время выразив — и это являлось принципиальный моментом — неприязненное отношение к идее реставрации прежнего французского монархического порядка. С точки зрения Александра I, о чем говорилось еще в инструкциях Н. Н. Новосильцеву, изданных в 1804 г., завоевания французской революции и империи не должны были быть перечеркнуты одним росчерком пера нового короля⁷⁷. Затем он отправился в Палангу⁷⁸, приграничный город на побережье Балтийского моря, где снова встретился с прусским королем, прежде чем отправиться вместе с ним в Мемель, где их ожидала королева Луиза.

Однако отмеченная торжествами русско-прусская дружба, вновь нашедшая продолжение в союзной конвенции, подписанной между российским императором и прусским королем 14 апреля 1807 г.⁷⁹ в Бартенштайне, главной ставке Л. Л. Беннигсена, была неоднозначно воспринята в рядах русской армии. Более того, несмотря на мобилизацию и задействованные Россией силы — 120 тыс. солдат и 486 пушек против 14 тыс. человек и 92 пушки пруссаков, — новое столкновение с Наполеоном быстро обернулось катастрофой.

Военные действия начались 11 декабря 1806 г.⁸⁰ на территории русской части Польши и восточной части Пруссии. У войск коалиции вскоре обнаружилась нехватка продовольствия, фуража и боеприпасов. После атаки неприятеля, заставившей Беннигсена отступить у Пултуска 14 декабря 1806 г.⁸¹, после не имевшего определенного исхода сражения при Эйлау (26–27 января 1807 г.⁸²), прошедшего в условиях снежной бури⁸³ и, по определению самого Наполеона, бывшего настоящей резней (потери составили около 26 тыс. русских и 20 тыс. французских солдат), разгром под Фридландом 2 июня 1807 г.⁸⁴, в день годовщины битвы при Маренго, положил конец надеждам русских на успешное завершение кампании. Потеряв 12 тыс. солдат убитыми и ранеными и около 10 тыс. пленными, тогда как потери французов не превысили 1645 человек убитыми и 8 тыс. ранеными, русская армия пережила настоящую военную катастрофу. Это обстоятельство заставило российского императора, который тогда находился в Олите на российской границе, куда прибыл для инспектирования резервных войск, начать мирные пере-

говоры, явившиеся предпосылкой подлинной революции в дипломатической и стратегической сферах.

От Тильзитского свидания до союза с Наполеоном

С 1805 г., терпя неудачу за неудачей, Александр I сталкивался с военным превосходством Наполеона. Несмотря на глубокую убежденность в том, что французский император представляет для Европы опасность, которой должна противостоять Россия, поражения 1807 г. вынудили императора прибегнуть к болезненной дипломатической переориентации, на которую он решился вопреки собственной воле и, можно сказать, к своему стыду. Впервые после 1804 г. он не информировал своего прусского союзника о своих взаимоотношениях с французами. Впоследствии Александр I признавался А. Б. Куракину, одному из дипломатов, сопровождавших российского императора в Тильзите, насколько мучительна для него была эта смена курса, продиктованная обстоятельствами.

Конечно, с сугубо военной точки зрения, российский император, как тогда предлагал Беннигсен, мог продолжать войну, отведя свою армию за Неман, вплоть до Двины, чтобы перегруппировать силы. Кроме того, территории и богатства империи еще ничто не угрожало, хотя война и ложилась тяжким бременем на государственный бюджет. Но при дворе поражения в войне, уже успевшей стать непопулярной, — вспомним о предостережениях Марии Федоровны, — встречали непонимание и гнев: здесь все более настойчиво звучали призывы к миру, в частности со стороны великого князя Константина Павловича, непосредственного очевидца разгрома русской армии под Фридландом.

В то же время России пришлось начать действия на втором фронте. В августе 1806 г. Османская империя при поддержке Франции⁸⁵ спровоцировала российского императора, устранив от власти правителей княжеств Молдавии и Валахии и закрыв проливы для прохода российских военных кораблей, невзирая на заключенные в царствование Екатерины II договоры — Кючук-Кайнарджийский (1774 г.) и Ясский (1792 г.). Указанные нарушения вызвали быструю реакцию русской армии, в ноябре 1806 г. вторгшейся на территорию княжеств. В ответ Османская империя 16 декабря объявила России войну, вынудив ее оставить часть армии на Кавказе — при том что Россия и так испытывала трудности в Центральной Европе.

3 июня, в отсутствие императора, великий князь Константин Павлович созвал в Санкт-Петербурге экстренное совещание, в котором приняли участие А. Б. Куракин, А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев, А. Я. Будберг и ряд других сановников. Собравшиеся практиче-

ски единогласно высказались в пользу начала мирных переговоров⁸⁶ с Францией. Лишь Будберг высказался за продолжение войны. Поражение Пруссии, нейтралитет Австрии, оставлявший Россию один на один с Францией, слабая готовность Англии поддержать Россию и наличие второго фронта против Османской империи также являлись факторами, располагавшими к заключению мира. Получив известие об итогах этого совещания, российский император решил просить у Франции перемирия. 4 июня⁸⁷, через два дня после разгрома под Фридландом, он велел Беннигсену начать мирные переговоры и объявил о своем намерении назначить ему в помощники Д. И. Лобанова-Ростовского.

Д. И. Лобанов-Ростовский, потомок по прямой линии князя Рюрика, основателя древнерусского государства, принадлежал к одной из старейших знатных фамилий империи и служил при Екатерине II. Сразу после своего назначения он отправился в Тильзит, где находился Наполеон, — в компании с А. Б. Куракиным, бывшим послом в Вене. Приближенный Марии Федоровны, которую он без ведома Александра I регулярно будет информировать о ходе переговоров⁸⁸, Куракин также был опытным вельможей, служившим при Екатерине II. По мнению Александра I, время молодых дипломатов — как Долгоруков или Убри — прошло, настал черед старой гвардии, что свидетельствовало о перемене взглядов императора... Лобанов-Ростовский должен был начать переговоры, «чтобы положить конец кровопролитию» и заключить перемирие, не вступая при этом в переговоры о мире. На тот момент Александр I действительно опасался, что мир может стоить ему крупных территориальных потерь. Однако в Тильзите французский император тепло принял Д. И. Лобанова-Ростовского — к великому удивлению последнего. Вовсе не желая отнимать у России ни малейшей части ее территорий, Наполеон, напротив, призвал ее к миру, даже к союзу. На его взгляд, главным врагом Франции более чем когда бы то ни было являлась Англия. 5 июня⁸⁹ Наполеон, желая запустить переговорный процесс, направил к Беннигсену генерала Ж. Дюрока.

Испытавший облегчение, уверившийся в намерениях Наполеона и поэтому даже хотевший поскорее приступить к переговорам, российский император быстро откликнулся на это предложение. В инструкциях, которыми он снабдил Лобанова-Ростовского 12 июня⁹⁰, он настаивал на необходимости скорейшего начала прямых переговоров между двумя монархами:

«Вы выскажете императору Наполеону, насколько я ценю все то, что мне пришлось произнести вашим голосом, и насколько я желаю, чтобы тесный союз между нашими государствами послужил к исправлению всех прошлых зол. Вы скажите ему, что этот союз между Францией и Россией

постоянно являлся предметом моих чаяний и что я придерживаюсь убеждения, что лишь он может обеспечить счастье и спокойствие в мире. Совершенно новая система должна прийти на смену той, что существовала по сей день, и я льщу себя надеждой на то, что мы с императором Наполеоном легко услышим друг друга, при условии, что будем беседовать без посредников. Через несколько дней между нами может быть заключен прочный мир»⁹¹.

В ответ Наполеон через преданного ему Л. И. Бертье повторил, что надеется не только на подписание мирного договора, но и на заключение подлинного союза с Россией. Через два дня после подписания перемирия в ночь с 11 на 12 июня⁹² состоялся обмен ратификационными письмами, а на 13 июня было назначено свидание императоров.

«На плоту
Я увидел двух хозяев земли.
На плоту
Я увидел мир, я увидел войну
И судьбу всей Европы
Увидал на плоту.
Бьюсь об заклад, что Англию
Страшил тот плот не менее,
Чем целый флот»⁹³.

О Тильзитском свидании написано много, в том числе народные песни и стихи — как те, что представлены выше. Это событие сделалось предметом толкований столь многочисленных, сколь и различных по своему воздействию на франко-русские отношения и на будущее европейского континента. По мнению одних авторов, передел Европы, произведенный в ущерб интересам Англии и Пруссии, наглядно свидетельствовал о существовании сговора между двумя монархами, каждый из которых был амбициозен и аморален. На взгляд других, Александр I, покоренный Наполеоном, якобы попал под влияние победителя, который, мол, навязал ему свои условия⁹⁴. Наконец, согласно третьим авторам Тильзит был не более чем комедией, сыгранной двумя выдающимися актерами. Ф. Р. Шатобриан отпустил на этот счет столь же блестящую, сколь и убийственную остроуму: «Заявления о дружбе, рукопожатия, объятия, невероятные планы совместных завоеваний — все это лишь отсрочило ненависть»⁹⁵.

Трудности, с которыми сталкивается историк, желающий понять, что именно произошло в Тильзите, объясняются также тем обстоятельством, что, несмотря на декорации и театральность этого талантливо поставленного представления, истинная суть встречи ускользнула от взглядов наблюдателей и не была понята ее комментаторами. Генерал Полен, в тот момент находившийся в отряде Наполеона, пи-

стал в своих «Воспоминаниях»: «С берегов реки было видно, как оба государя сошли на плот, с разных концов вошли в павильон, обнялись... и это было все. Остальное было скрыто от глаз»⁹⁶.

Хотя Тильзитскому свиданию нашлось место лишь в немногих источниках той эпохи, это событие очень рано стало предметом многочисленных замечаний с той и с другой стороны. В 1812 г., с приближением новой войны, русские и французы занялись воссозданием картины произошедшего, стремясь оправдать собственное поведение. Впоследствии сам Наполеон в «Мемориале Святой Елены» представил собственную версию событий. Таким образом, Тильзит как исторический факт первостепенной важности быстро перешел в разряд мифов, что усложняет задачу историка. Однако важно попытаться увидеть это событие ясно, и в этой связи русские архивные материалы, в частности личная переписка Александра I, предоставляют ценные сведения, которые могут быть использованы как для восстановления последовательности событий, так и для раскрытия мотиваций, намерений и целей российского императора.

Итак, 13 июня⁹⁷ между двумя императорами состоялась первая двухчасовая беседа с глазу на глаз, проходившая на плоту, располагавшемся посреди Немана. По этому случаю Наполеон надел егерский мундир своей гвардии и опоясался орденой лентой Почетного легиона. Прибыв на плот первым, он пошел навстречу только что высадившемуся российскому императору и расцеловал его. Затем оба скрылись внутри павильона, украшенного их гербами. Какими же предложениями они обменялись в ходе этой тайной беседы?

По словам Наполеона — о чем он позднее напоминал Александру I в письме от 19 июня 1812 г.⁹⁸, — Александр I с самого начала был решительно настроен против Англии, заявив, что он, как и французы, питает отвращение к англичанам, и что он будет его «помощником против Англии». Приведя тем самым своего собеседника в наилучшее расположение духа⁹⁹, Александр I, говоривший, что «желает защитить несчастного союзника»¹⁰⁰, добился того, что Фридрих-Вильгельм III, по воле французов отстраненный от участия в первой встрече, получил разрешение присутствовать при второй, которая должна была состояться на том же плоту на следующий день, 14 июня¹⁰¹. Однако эта уступка являлась чисто формальной. Фридриху-Вильгельму III, открыто презираемому Наполеоном, пришлось довольствоваться лишь присутствием при второй беседе — он не имел возможности сыграть при этом ни малейшей роли. С точки зрения французского императора, поверженной Пруссии не следовало вмешиваться во франко-русский диалог.

В ходе своей первой беседы монархи следили за собой, каждый пытался провести другого, словно в поединке на рапирах с тупыми наконечниками. Россия желала добиться почетного мира, Франция — заключить надежный союз. Наполеон ждал от Александра I, что тот признает его титулы и завоевания в Западной и Центральной Европе, согласится на раздел Пруссии и активно поддержит Францию в борьбе против Англии. Что касается Александра I, то он надеялся подписать мир без территориальных потерь, спасти прусскую монархию и развязать себе руки в отношениях с Турцией, при этом не вступая раньше времени в союз с Францией¹⁰². В течение почти двух недель Наполеон и Александр I вели частые беседы, тогда как их дипломатические советники не покладая рук работали над подготовкой текста. Разговоры монархов касались стратегических и геополитических, но также и политических сюжетов. Александр I, достойный ученик Лагарпа, высказывал либеральные взгляды, которые вызывали удивление у французского императора. На о. Святой Елены Наполеон признавался Э. О. Лас-Казу:

«И все-таки разве он¹⁰³ не без определенного мировоззрения, реального или воображаемого: впрочем, должно быть, это в конечном счете лишь отблеск его образования и влияния его воспитателя. Никогда не поверят в то, — говорил император, — что мне было о чем с ним спорить: он утверждал, что наследственность является злом верховной власти, и мне потребовалось потратить больше часа и использовать все мое красноречие и логику, чтобы доказать ему, что эта наследственность есть отрада и счастье народов»¹⁰⁴.

Что касается Александра I, то публично он всегда высказывался о Тильзитском свидании исключительно дипломатично. Тем не менее несколько лет спустя, в 1813 г., в ходе долгого разговора с графиней Р. С. Эдлинг российский император вернулся к своей встрече с Наполеоном:

«Государь много и горячо говорил о загадочном характере Наполеона и передавал мне, как он изучал его во время тильзитских совещаний. Беседа наша происходила с полным принуждением, и тут я увидела, как ошибочно думали, будто Наполеон обольстил Александра. Он признавал превосходство его гения и добровольно согласился на предложения великого человека, но не был ослеплен им и не возымел к нему вредного для себя доверия. <...> Говоря про Наполеона, государь не мог воздержаться от некоторого раздражения, но не прибегал, однако, к выражениям резким: воздержанность редкая для того времени, когда Наполеоновы имя не произносилось иначе как в сопровождении едких слов, вроде проклятия. Государь говорил между прочим: «Нынешнее время напоминает мне все, что я слышал от этого необыкновенного человека в Тильзите при случайности войны. Тогда мы подолгу беседовали, так как он любил высказывать мне свое превосходство, говорил с любезностью и расточа-

передо мною блески своего воображения. Война, — утверждал он, — вовсе не такое трудное искусство, как воображают, и поистине неизвестно иной раз, почему именно выиграно то или другое сражение. Побеждаешь потому, что позднее неприятеля устрашаешься, и в этом вся тайна. Нет полководца, который бы не страшился за исход сражения; надо только припрятывать в себе этот страх как можно дольше. Лишь этим приемом пугаешь противника, и успех становится несомненным. Я выслушивал, — продолжал государь, — с глубоким вниманием все, что ему приятно было сообщать мне об этом предмете, и питал в себе твердое намерение воспользоваться тем при случае»¹⁰⁵.

В течение двух недель монархи состязались в любезности, расточали взаимные комплименты и, казалось, очаровали друг друга. В знаменитом письме к Жозефине Наполеон признавался супруге:

«Друг мой, я только что виделся с императором Александром: я им очень доволен; это очень красивый, добрый и молодой император; он умнее, чем о нем обыкновенно думают»¹⁰⁶.

Ниже он прямо писал: «...если бы Александр был женщиной, я бы сделал его своей любовницей»¹⁰⁷. Что же касается российского императора, то он признавался себе в том, что был впечатлен «гением» и обаянием Наполеона и слушал, казалось, с восхищением, как тот блистал во время их бесед. Однако, хотя Александр и делал вид, что ценит ум французского императора, и рукоплескал отдельным его фразам, льстил ему, он вместе с тем сохранял ясность ума, сознавая, сколь много поставлено на карту, и отдавал себе отчет в непрочности своего положения. Переговоры, навязанные силой обстоятельств, не меняли дипломатических приоритетов российского императора. Во все не обольщаясь на счет заключенного союза, он по-прежнему питал глубокую неприязнь к тому, кого в частной переписке продолжал называть «Бонапартом» и «Корсиканцем». 26 мая 1807 г.¹⁰⁸, еще находясь в Веймаре накануне поездки в Тильзит, Александр I недвусмысленным образом описал своей сестре Екатерине собственное душевное состояние:

«Бонапарт думает, что я не более чем идиот. "Хорошо смеется тот, кто смеется последним!" Всем сердцем я уповаю на Господа»¹⁰⁹.

В глазах Александра узурпатор, предавший идеалы Французской Революции и эпохи Просвещения, по личным мотивам бросивший Европу в вихрь военных потрясений, являлся тираном, которого следовало свергнуть, как только это позволят обстоятельства. Но в то же время он не был склонен недооценивать ни военный гений, ни политические способности Наполеона. Через четыре дня после первой беседы с французским императором Александр отправил Екатерине записку, в которой эмоционально, но вместе с тем трезво описывал

достигнутые результаты, необычайное событие, которое он только что пережил:

«Господь нас сохранил: вместо жертв мы выходим из борьбы со своего рода блеском. Но что скажете вы обо всех минувших событиях?! Лично я провел несколько дней с Бонапартом, целыми часами находился с ним с глазу на глаз! Спрашиваю у вас, разве все это не похоже на сон! Прощая минуту, как он вышел от меня. Ах, как я хотел бы, чтобы вы были невидимым свидетелем всего того, что происходит. Прощайте, дорогой друг, я пишу вам редко, но, честно говоря, у меня нет свободной минуты, чтобы вздохнуть!»¹¹⁰

Несколько недель спустя в одном из писем, которое он отправил матери в период своего пребывания в Тильзите, о восхищении Наполеоном более не было ни слова, напротив, Александр продемонстрировал пронизательность, даже некоторый цинизм, акцентируя внимание на тщеславии французского императора и своей возможности сыграть на этом.

Князь Куракин в письме к императрице Марии Федоровне, вторя мыслям российского императора, в свою очередь выражал облегчение по поводу того, что, учитывая масштаб военного поражения русских, явилось неожиданным поворотом событий.

«Среди тревог, связанных с нашим политическим положением, после последних неудач нашей армии, из пучины жесточайших волнений мы наконец-то вынесены волной величайшей радости! Господь позаботился о России, об особе и славе императора — Вашего сына! Кровь больше не прольется, бедствия, постигшие человечество и всю Европу, скоро прекратятся. Россия будет сожалеть лишь о храбрых войсках, которые она потеряла, но их храбрость принесла ей новую славу и, восстанавливая спокойствие, она сохраняет свое могущество и границы. <...> Ваше Величество соблаговолит признать, что большего счастья с нами случиться не могло. Небеса нас благословили, и эта милость оказана нам в самое критическое время, какое только знала Россия! Брошенные или вовсе не поддержанные нашими союзниками, мы вынуждены были в одиночку нести все тяготы войны, которую мы могли вести лишь при действительной помощи Англии и Австрии; нам не хватало денег, провизии, оружия; наши войска после понесенных потерь могли быть пополнены лишь за счет нашего населения, и все же новые рекруты не могли сразу заменить старых солдат; у наших границ стоял победоносный враг, который имел при себе в три раза больше войск, и которому нужно было сделать всего лишь шаг, чтобы войти в наши польские губернии и разжечь огонь восстания там, где только этого и ждали, чтобы взбунтоваться. Что мы могли ему противопоставить? Останки великой армии, павшей духом после всего того, что ее заставили вынести генералы; совершенный беспорядок в средствах и ресурсах; отсутствие надежды на успех и полную бесполезность жертв, которые мы еще могли упрямо принести! Этой совершенно точной картины, написанной беспристрастно и без преувеличений, до»

статочно, чтобы дать нам почувствовать, как мы счастливы, наконец-то, удачно выйти из столь тяжелой и опасной борьбы, в которую мы были втянуты. Не смею сомневаться, что Ваше Величество разделяет мою убежденность»¹¹¹.

В чем же заключался этот удачный выход России из борьбы?

25 июня 1807 г.¹¹² между Францией и Россией был подписан Тильзитский мирный договор¹¹³. Два дня спустя, 27 июня¹¹⁴, между Францией и Пруссией был заключен второй договор. Составленный при участии князей Лобанова-Ростовского и Куракина — с российской стороны и министра внутренних дел Талейрана, князя Беневентского — с французской, франко-русский договор в действительности включал в себя два различных документа: договор о мире и дружбе, включавший 30 общих и 7 секретных статей, и трактат об оборонительном и наступательном союзе, состоявший из 9 статей (все они были секретными).

Хотя, к великому облегчению русских участников переговоров, Россия не уступала ни пяди своей территории, Александр I должен был освободить Которскую бухту у побережья Далмации и Ионические острова, до тех пор занятые русскими войсками¹¹⁵, а также княжества Молдавию и Валахию, которые он только что отвоевал у Османской империи. Кроме того, российский император не сумел отстоять интересы Пруссии, которой новое франко-русское соглашение обошлось довольно дорого. Пруссия лишалась большей части своих прежних польских владений — они отходили саксонскому королю — и всех земель, лежавших к востоку от Эльбы и присоединенных к Вестфальскому королевству, которое Наполеон создал для своего брата Жерома. На польских землях, после разделов Польши принадлежавших Пруссии, было создано Великое герцогство Варшавское. Поскольку Александр I отказался аннексировать польские земли, простиравшиеся до Немана и Вислы, они перешли под управление саксонского короля, покорного вассала французского императора¹¹⁶. В итоге Пруссия лишилась половины населения (5 из 10 млн человек) и третьей части территории королевства — это говорит о том, насколько искалеченной страна оказалась после Тильзитского свидания. Кроме того, ей предстояло пережить французскую оккупацию — до момента выплаты военной контрибуции, наложенной победителем.

Тем не менее усилия Александра I, направленные на облегчение участи своего союзника, были не совсем напрасны. Как указывалось в статье 4 договора, Наполеон «из уважения к Е. В-ву императору всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы»¹¹⁷ согласился вернуть Фридриху-Вильгельму III королевство в границах

января 1722 г., герцогства Померанию, Силезию и часть герцогства Бранденбург. Данциг, объявленный по примеру Гамбурга свободным городом, согласно статье 6, переходил под протекторат Пруссии и Саксонии. Территория Белостока, отнятого у Пруссии, была передана русским. Наконец, часть прусских земель, лежавших к востоку от Эльбы и отнятых по статье 20 Тильзитского договора, была присоединена к Вестфальскому королевству. Хотя помощь России оказалась не столь эффективна, как ожидалось, она не была ничтожной. 18 июня Фридрих-Вильгельм III в письме к К. Финкенштейну, своему послу в Вене, писал о своей признательности:

«Император Александр, искренне разделяя всю тягость моего положения, взял на себя труд защищать мое дело. Я должен воздать ему должное за то, что по этому случаю он явил самые трогательные доказательства его личной дружбы и участия в судьбе моего государства»¹¹⁸.

Вынужденный согласиться на крупномасштабные территориальные изменения, Александр I должен был принять ряд политических условий. От него требовалось признать существование Рейнской конфедерации (статья 16) и вновь образованного Вестфальского королевства (статья 19), признать Жозефа, старшего брата Наполеона, королем Неаполитанским (тогда как до этого Россия состояла в союзе с королем Фердинандом IV Бурбоном, королем Неаполитанским и Обеих Сицилий), согласиться на посредничество Франции в войне России против Османской империи и, наконец, заключить оборонительный и наступательный союз против Англии. Секретная конвенция действительно предусматривала совместные действия союзников против неприятеля, будь то на суше или на море: в частности, Россия обязывалась действовать сообща с Францией против Англии в том случае, если бы последняя отказала России в роли посредника. Наконец, Российская империя брала на себя обязательство принять активное участие в континентальной блокаде, что означало закрытие всех российских портов для английских судов и прибывающих из Англии товаров.

В ходе переговоров были затронуты два других сюжета: польский вопрос, на какое-то время решенный в результате принятия конституции Великого герцогства Варшавского, и более сложный турецкий вопрос, служивший источником разногласий между Францией и Россией. Наполеон энергично подтвердил свое нежелание уступать Константинополь России, восклицая: «Константинополь — это мировое господство!»¹¹⁹ Но в то же время под нажимом Александра I он дал понять, хотя и не на бумаге, что он не против того, чтобы Османская империя в конечном счете стала сферой интересов обеих держав, что Александр незамедлительно интерпретировал в свою пользу.

Таким образом, последствия заключения Тильзитского договора для России были неоднозначны. Конечно, Александр I сохранил мир, не уступив ни пяди своей территории, — и то, и другое имело в его глазах решающее значение. Он выручил из беды своего прусского союзника и сумел избежать худшего — расчленения территории королевства Пруссии. Очевидно, что, приняв продиктованный Наполеоном принцип сфер влияния, Александр I повысил геополитический статус Российской империи. Но он был вынужден признать французскую гегемонию в Центральной Европе, согласиться на вывод русских войск из балканских княжеств — при том, что законность притязаний России на территории Османской империи признавалась Наполеоном лишь на словах, — и пойти на союз, делавший Англию новым врагом Российской империи и тем самым нарушавший многолетнюю взаимную привязанность.

27 июня¹²⁰ монархи расстались, пообещав направить друг другу новых представителей, чтобы обеспечить продолжение диалога, после чего Александр I возвратился в свою столицу.

Однако, хотя российский император, казалось, испытал облегчение после завершения трудных переговоров, окончившихся победой, он столкнулся с неприкрытой фрондой. Его самые близкие друзья и советники (в одном из писем к С. Р. Воронцову А. Чарторыйский упоминал о «гибельных»¹²¹ Тильзитских соглашениях), двор и знать, бывшие вне себя от поражений, упрекали российского императора в любезничании с Наполеоном и аморальности союза, только что заключенного со «зверем Апокалипсиса». На их взгляд, самодержец сделал не что иное, как склонился перед французским императором. Сделанные им многочисленные уступки доказывали его неспособность отстаивать интересы России и предвещали лишь усиление зависимости от Франции. Двор полнился слухами о заговоре, и впервые с момента восшествия Александра I на престол в марте 1801 г. эта угроза обрела реальные очертания.



9

ЭПОХА РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА (1807–1812)

Хотя в народном воображении образ Александра I на плоту вскоре стал вызывать положительные ассоциации, — распространился слух, что добрый император Александр использовал встречу на Немане для того, чтобы крестить Антихриста, — в верхах общества, равно как и в армии, Тильзитский мир вызвал такой вал критики, что императорская власть, казалось, находилась под угрозой. Невзирая на волнения, самодержавный правитель, непреклонный, глухой к любым упрекам, оставался верен своей линии: он навязал стране союз с Францией, так же как в 1805 г. навязал ей союз с Пруссией.

Однако несмотря на то, что союз не получил признания придворных англофилов, этот дипломатический ход Александра I не являлся отречением от собственных убеждений. Да, в течение всего периода 1807–1812 гг. он выказывал добрую волю по отношению к Наполеону и демонстрировал желание уважать дух и букву союза. Но уже тогда он был убежден в том, что союз, навязанный силой обстоятельств, долго не продержится. Рано или поздно борьба против Наполеона должна была возобновиться, и причиной тому были экспансионистские замыслы французов. Таким образом, Тильзитский мир представлял собой не более чем перерыв в военном противостоянии, передышку, из которой следовало извлечь дипломатические и геополитические преимущества. Вовсе не производя впечатление слабовольного или нерешительного человека, Александр I, напротив, продемонстрировал свою зрелость, если не сказать — политический цинизм. Он сохранял приверженность концепции европейского равновесия, осуждавшей гегемонистские устремления Франции, по-прежнему упорно заявлял о своей верности Пруссии. По возвращении в Россию в манифесте, изданном 9 августа 1807 г.¹²², император публично подтвердил свое несогласие с предложениями, которые были внесены Наполеоном в Тильзите и предусматривали территориальный рост России за счет «нашего союзника»¹²³. Это говорит о том, что Александр I, вступив в союз, начал движение в обратном направлении. Однако он соблюдал его условия, несмотря на непонимание и раздражение, которые вызывали его решения среди его ближайшего окружения и при дворе.

Тильзитский мир и его последствия

По возвращении в Санкт-Петербург российский император оказался под градом упреков. В столице царила атмосфера фронды; это очевидное изменение настроений вызывало беспокойство даже у иностранных дипломатов, находившихся в Санкт-Петербурге. Посол Швеции К. Стединг писал своему королю 10 октября 1807 г.:

«Недовольство императором усиливается, и со всех сторон слышатся ужасные разговоры. Хорошие слуги, друзья императора горячо сожалеют об этом, но среди них нет никого, кто бы знал, как это исправить, и кто имел бы мужество заставить императора признать чрезвычайно опасное положение, в котором он находится. Они говорят, что не видят способа это исправить, что император упрямо стоит на своем, что он, хотя и не отрицает наличия пересуд, приписывает их проделкам иностранцев, тем миллионам, которыми разбрасываются англичане в надежде сколотить свою партию (совершенно ложное заявление, принадлежащее А. Савари), и что, ожидая от своих подданных лишь добра, он не имеет оснований в них сомневаться. Правда заключается в том, что не только частным образом, но и публично часто говорят о смене монарха, и что забвение долга доводит до заявлений о необходимости отстранения от власти всех представителей мужской ветви царствующей фамилии»¹²⁴.

Что же касается Ж. де Местра, то в переписке с Сардинским королем он выразился еще более открыто: «Выйти из столь опасного положения, по мнению многих, можно исключительно азиатским способом»¹²⁵. Речь, конечно же, шла об убийстве императора и возведении вместо него на престол Марии Федоровны или Екатерины Павловны. Действительно, находясь на позиции глубокого неприятия союза с Францией, мать и дочь непрестанно интриговали — настолько активно, что вызывали негодование Елизаветы Алексеевны, оскорбленной подобным неуважением к императору. В конце августа 1807 г. она так писала своей матери о Марии Федоровне, которая, находясь в своем Павловском дворце, встала во главе всех недовольных:

«<...> Императрица, которая как мать должна поддерживать, отстаивать интересы своего сына, непоследовательно и в силу своего эгоизма (и, конечно, не по какой иной причине, ибо она не способна на дурные замыслы) с успехом стала походить на лидера фронды: все недовольные, которых немало, собираются вокруг нее, превознося ее до небес, а двор ее никогда не был столь многочислен, никогда она не привлекала столь значительную часть света в Павловск, как в этом году. Не могу вам передать, как сильно меня это возмущает. И именно сейчас, когда она не может не знать, сколь сильно общество озлоблено на императора, именно сейчас ей нужно привлекать и отличать тех и льстить тем, кто кричит громче всех! Я не знаю, но я не нахожу такое поведение похвальным, осо-

бенно со стороны матери... Говорят, что великий князь Константин, когда его брат повернулся к нему спиной, подобно другим возмутился по поводу того, что произошло и что еще происходит <...> Наконец, уверяю вас, бывают моменты, когда этот добрый император, лучший среди всех членов императорской фамилии, кажется мне verrathen und verkauf¹²⁶ своей собственной семьей»¹²⁷.

Решения Наполеона также не помогали российскому императору, оказавшемуся в изоляции в результате своего настойчивого желания отстоять союз с Францией и держаться избранной линии. На следующий день после Тильзитского свидания французский император в качестве временной меры решил отправить к русскому двору своего верного Савари — не как посла, но как «высшего офицера, представленного к особе императора»¹²⁸. Худшего выбора нельзя было и представить: в Санкт-Петербурге всякому было известно, что тот возглавлял жандармерию французского императора в 1804 г., сыграл ключевую роль в похищении герцога Энгиенского, а значит, и в его убийстве... Стараясь сохранить хорошую мину при плохой игре, Александр I любезно встретил вновь прибывшего, однако двор, увидев в этом выборе провокацию исполненного презрения французского императора, единодушно его отверг. Едва прибыв на место, А. Савари стал изгоем. Приветственная речь Марии Федоровны в адрес нового французского посла длилась пятьдесят секунд!

Разумеется, при дворе было и несколько франкофилов, таких как граф Н. П. Румянцев, который в конце 1807 г. за свои взгляды был назначен министром иностранных дел вместо А. Я. Будберга¹²⁹. Опытный дипломат, прошедший школу Екатерины II, Румянцев, до этого отвечавший за внешнюю торговлю, теперь совмещал две должности¹³⁰. Однако перед франкофилами стояла трудная задача, поскольку двор перешел в решительную оппозицию, будучи раздражен присутствием А. Савари, которое он считал оскорбительным. Сама Елизавета Алексеевна казалась «смущенной» (это эвфемизм) пребыванием в Санкт-Петербурге герцога Ровиго¹³¹. В письме к Румянцеву, написанном в самом начале октября 1807 г., императрица не скрывала своего чувства неловкости:

«Я только что получила письмо от императора от 1 [13] октября, в котором он сообщает, что я должна пригласить генерала Савари на ужин, по меньшей мере дважды в течение десяти дней; проявив по собственному невежеству невнимательность к его желанию, я должна спешно исправить это упущение сегодня же. Сделайте мне одолжение, месье граф, и, если это возможно, приходите ко мне сегодня, поскольку, признаюсь, я несколько смущена обязательством, которое на меня возложил император»¹³².

Едва обосновавшись в Санкт-Петербурге, Савари также заметил фрондерские настроения при дворе и поведал об этом императору, обеспокоенный «последствиями, которые могли иметь подобные вольности в стране, где дворцовые перевороты были обыденным явлением»¹³³. Но сам Александр I вовсе не игнорировал опасность ситуации. С середины января 1807 г., желая лучше понять настроение двора и верхов общества, а также, насколько это было возможно, предотвратить возможные осложнения, император учредил Комитет охранения общей безопасности, чьи доклады, становившиеся все более и более тревожными, также свидетельствовали о масштабах недовольства. Столкнувшись со всем этим, Александр I принял важный вид и заявил французскому посланнику: «О, мой Бог, я это знаю, я это вижу, но что вы хотите, чтобы я сделал вопреки судьбе, которая ведет меня по этому пути»¹³⁴.

В то же время он обратился за поддержкой к графу А. А. Аракчееву, предоставив ему исключительные полномочия. 14 декабря 1807 г. императорским указом все приказы, изданные Аракчеевым, приравнивались к указам, лично подписанным императором¹³⁵. Несколько недель спустя граф был назначен военным министром. «Словно сторожевому псу, чьей тупой жестокостью и безоговорочной верностью он обладал»¹³⁶, Аракчееву, которому Александр всецело доверял, также было поручено негласно заботиться о сыне — подобно тому как ранее он заботился об отце...¹³⁷

Решение о союзе с Францией, принятое российским императором, несмотря на критику и риск, также отдалило от него друзей-англофилов из Негласного комитета. От Новосильцева и Чарторыйского, повинных, наряду с английским послом при петербургском дворе, в распространении инспирированного англичанам памфлета под названием «Размышления о Тильзитском мире»¹³⁸, потребовали покинуть Россию, тогда как Кочубей был вынужден уйти с поста министра внутренних дел. Всех троих освободили от их прежних полномочий. Монарх считал, что новую политику должны были проводить новые люди, в меньшей степени известные своими проанглийскими взглядами. Таким образом, применительно к Александру I цена, уплаченная за союз с Францией, была высока как с политической, так и с психологической и эмоциональной точек зрения.

В ноябре 1807 г., возможно, потому, что личность Савари и его прошлое совершенно не подходили для петербургского двора, Наполеон заменил его А. Коленкурром, тогда как Александр I отправил в Париж графа П. А. Толстого. Вначале своим представителем во французской столице российский император хотел сделать князя А. Б. Куракина — одного из двух дипломатов, бывших в Тильзите, однако

тот, сославшись на возраст, отклонил предложение. На самом деле отказ Куракина в значительной мере объяснялся его дружбой с Марией Федоровной, «ярой ненавистницей Наполеона».

Прибыв в Санкт-Петербург 5 декабря 1807 г.¹³⁹, Коленкур принялся расточать любезности, но не сумел расположить двор в свою пользу. Последний еще более укрепился в своем враждебном отношении к французскому императору и его представителю, поскольку Коленкур в равной степени был замешан в истории с герцогом Энгинским¹⁴⁰. Двор осыпал его насмешками. В депеше Сардинскому королю Ж. де Местр, вторя придворным, сообщал с едкой иронией:

«Меня забавляет думать о Коленкуре. Он знатного рода и кичится этим; он является представителем правителя, который навел ужас на целый свет; его ежегодный доход составляет от 600 до 700 тыс. ливров; он первый во всем... Но за этим фасадом скрывается вполне заурядная личность; он негибает, словно у него в суставах латунные вставки. По общему мнению, он выглядел как Нинетта при дворе»¹⁴¹.

Однако 8 декабря Александр I принял Коленкура как «старого друга», предоставив в его распоряжение роскошный Волконский дворец на набережной Невы, «чье великолепие легко затмевало элегантность и комфортабельность отеля “Телюсон”, который Наполеон незадолго до этого выкупил у Мюрата и сделал его местом проживания российского представителя в Париже. Это был самый красивый отель Санкт-Петербурга и, бесспорно, самое красивое здание после дворца великого князя Константина»¹⁴². В тот же вечер французский посол присутствовал на спектакле в Зимнем дворце, несмотря на неприязнь со стороны придворных. И мало-помалу благодаря тому блеску, ради создания которого он даже влезал в долги, благодаря устраиваемым им великолепным приемам и богатому столу¹⁴³, но в еще большей мере благодаря его настойчивому желанию нравиться и умению убедить окружающих в своем искреннем интересе к России. Коленкур за несколько месяцев сумел сплотить вокруг себя значительную часть двора, за исключением Марии Федоровны и ее приближенных — непоколебимых франкофобов.

В Париже задача П. А. Толстого, казалось, была проще. Однако хотя тот решил работать на благо союза с Францией, верой и правдой служа своему императору, Александр I, назначая графа на эту должность, довольно открыто ему заявил: «Помните хорошенько одно, что мне вовсе не нужен дипломат, а храбрый и честный воин, и эти качества принадлежат вам»¹⁴⁴. Следовательно, симпатии Толстого по отношению к Пруссии и недоверие к Наполеону быстро взяли верх. С первой же встречи с императором Франции Толстой обрушился с критикой на того, кого он по-прежнему называл Бонапартом, справедливо указывая на ключевую проблему:

«Взгляды Бонапарта, по нашему мнению, очевидны. Он хочет сделать из нас азиатскую державу, отбросить нас в наши прежние границы... Что касается Константинополя, то он стремится удалить оттуда наши войска, чтобы оказаться в благоприятных условиях и предложить нам бросить часть этих войск против Швеции, а другую часть задействовать в дальних походах в Персию и Индию»¹⁴⁵.

Столь пронизательный и критический взгляд на французского императора впоследствии подтолкнул Александра I к решению, принятому во время свидания с Наполеоном в октябре 1808 г.¹⁴⁶, о замене Толстого¹⁴⁷ Куракиным, а ргіогі имевшим больше оснований быть его представителем...

В то же время русско-французские отношения на поверку оказывались сложнее и более напряженными, чем предвещала проявленная в Тильзите взаимная любезность: вскоре возник ряд спорных моментов. Разумеется, Россия засвидетельствовала свою приверженность союзу и 25 октября¹⁴⁸, когда попытка выступить в роли посредника между Францией и Англией провалилась, российское правительство, в соответствии с Тильзитскими соглашениями, разорвало отношения с Англией. Однако союзников разделяли глубокие разногласия по турецкому и польскому вопросам.

Полагаясь на устные гарантии, данные Наполеоном в Тильзите, Александр I поручил Толстому потребовать в Париже подписания дипломатического документа, подтверждавшего присоединение к Российской империи провинций Молдавии и Валахии, которые Россия заняла в ходе боевых действий против Османской империи. Но в ответ, в качестве платы за свою «благосклонность» в этом вопросе, Франция потребовала территориальной компенсации, а именно дальнейшего расширения владений Великого герцогства Варшавского. Такое расширение, усиливавшее государство, уже находившееся в орбите французского влияния, представлялось русским серьезной угрозой для безопасности своей страны. В результате последовал категорический отказ со стороны российской дипломатии, и переговоры зашли в тупик.

В феврале 1808 г. Наполеон попытался придать динамичности союзу, предложив начать «поход за жемчужиной британской короны», т. е. в Индию. Подразумевалось, что в обмен на участие русских в этой кампании, французский император проявит уступчивость в турецком вопросе. Для Наполеона речь шла о том, чтобы любой ценой заручиться поддержкой России в борьбе против Англии, и экспедиция в Индию должна была естественным образом скрепить этот шаг. С этой целью Наполеон предлагал Александру I провести новую двустороннюю встречу, в ходе которой обсудить детали возможной будущей совместной кампании.

Александр I, поначалу относившийся к плану скептически, в конце концов решил к нему присоединиться. 1 марта 1808 г.¹⁴⁹ в письме к Наполеону¹⁵⁰ он согласился как на участие России в индийской кампании, так и на новую встречу — при условии, что Франция учтет ряд требований российской стороны. В тот же день, принимая А. Коленкура, российский император вновь ясно обозначил свои приоритеты. В случае раздела Османской империи между союзниками Константинополь и три европейские провинции — Бессарабия, Молдавия, Валахия — должны были быть присоединены к России, а проливы — перейти под ее контроль. Несколько недель спустя, в ходе новой встречи, Александр I очень недвусмысленно высказался по поводу Константинополя:

«География диктует, что я должен им обладать, поскольку если бы он принадлежал другому, я больше не был бы хозяином у себя дома, хотя другим может быть неудобно, как признавал император, что у меня имеется ключ от двери собственного дома»¹⁵¹.

Однако заявления эти не возымели действия: обсуждение, развернувшееся между А. Коленкуром и Н. П. Румянцевым, не привело к конкретным результатам. Французская дипломатия вовсе не собиралась давать России карт-бланш в турецком вопросе. Вот почему Наполеон предлагал иную схему. В письме к российскому императору от 2 февраля 1808 г. он выдвинул идею о наступлении русской армии к Балтийскому морю, в направлении Финляндии, тогда принадлежавшей Швеции, союзнице Англии. Французский император намеревался предоставить России территориальную компенсацию, которая никоим образом не затрагивала бы его собственных интересов, и более основательно увязать интересы России с французским лагерем.

Заручившись поддержкой, Александр I через несколько дней устремился на завоевание Финляндии, формально даже не объявив войну Швеции. В бой были брошены 50 тыс. солдат. Падение Хельсинки 2 марта положило конец осаде Свеаборга. Скованная льдами крепость, которая не могла получать помощь по морю, 3 мая 1808 г. была вынуждена капитулировать, что сразу же положило конец военным действиям.

В то же время еще одним камнем преткновения между союзниками по Тильзитскому миру являлся польский вопрос. По мнению Наполеона, польское государство должно было быть в конечном итоге восстановлено, а реставрация Польши — произойти под эгидой и контролем Франции. С точки же зрения российского императора, возрожденная и превращенная в оплот французских интересов Польша будет представлять собой лишь неприемлемую для России угрозу.

как в плане безопасности страны, так и ее территориальной целостности, поскольку новая Польша могла обнаружить стремление к возрождению Речи Посполитой в ущерб Российской империи.

Итак, в сентябре 1808 г., когда Александр I готовился к поездке в Эрфурт, ни один повод для разногласий между союзниками не был устранен. В России встреча, на которую Александр I якобы неблагодарно согласился, многим представлялась ошибкой, так как из Санкт-Петербурга сам союз виделся сплошным обманом. Кроме того, к тому времени Наполеон уже не считал для себя нужным соблюдать какие-либо политические и моральные нормы: он сместил папу римского, низложил испанского монарха, заманив того в западню в Байонне; поэтому в России опасались за личную безопасность императора. 13 августа¹⁵² Мария Федоровна взялась за перо, чтобы разубедить Александра I ехать в Эрфурт. Она очень беспокоилась за его жизнь и вновь выказывала неприязнь по отношению к очередной демонстрации франко-русской «дружбы», которая сулила России и императору одни расходы.

«В целом свете лишь вы полагаете, что этим демаршем сможете отвратить беды и возродить счастье и мир: мой Александр, это не так, вы преступным образом обманываете самого себя. То, что вы делаете, чтобы избежать несчастий, лишь навлечет еще большие беды на наши головы. Бонапарт в Тильзите сумел добиться от вас обещаний порвать отношения с Англией, начать войну со Швецией, и само это злосчастное свидание, хотя прошлое и задает контуры будущего, это свидание подтолкнет вас к новому кровопролитию и резне, она приведет к гибели вашу страну и в конечном счете вас самого. Вы согласитесь воевать против Австрии, против всех врагов Бонапарта, вы войдете в его положение, будете действовать ему на пользу, тем самым уничтожая самого себя, ибо разве не очевидно, что, ослабляя государства, противящиеся Бонапарту, вы изнурите себя и предоставите в его распоряжение могущественные силы, которые он однажды обратит против нас»¹⁵³.

Однако, несмотря на все увещания и критику, Александр I в очередной раз держался молодцом. На его взгляд, необходимо было продолжать симулировать веру в союз, чтобы выиграть время. Вовсе не простак, не жертва и не игрушка Наполеона, российский император оказался, напротив, полон глубокой решимости и в ответе матери, написанном в тот же день, представил обоснованный анализ геополитической ситуации:

«Выбранный для этой встречи момент таков, что накладывает на меня обязанность в ней участвовать. В последнее время наши интересы вынудили нас войти в тесный союз с Францией; мы все делаем для того, чтобы доказать ей нашу искренность, благородство нашего образа действий... Нужно, чтобы Франция поверила в то, что ее политический интерес может совпадать с политическим интересом России; пока у нее не будет

этой веры, она будет видеть в России лишь врага, которого она будет стремиться уничтожить в собственных интересах... Разве не в интересах России поддерживать добрые отношения со столь грозным колоссом, с единственным действительно опасным врагом, какой может быть у России? Мы спокойно будем взирать на его падение, если такова воля Провидения, и более чем вероятно, что европейские государства, избавившись от бедствий, которые они так долго терпели, даже не помыслят о том, чтобы из чувства мести начать борьбу против России, исключительно потому, что она была союзницей Наполеона во времена, когда каждая из них стремилась к тому же самому... Хотя Провидению угодно падение столь колоссального государства, я сомневаюсь, что оно произойдет в одночасье, но даже в этом случае было бы разумнее дождаться этого падения и лишь тогда принять меры. Таково мое мнение... Каким еще образом Россия может сохранить союз с Францией, как только не разделив ее взгляды и не доказав ей, что та может, оставив подозрительность, следовать собственным намерениям и планам?

В своей политике я могу следовать лишь велениям своей совести, своим принципиальным убеждениям, своему стремлению, которое меня никогда не покидает, быть полезным своему отечеству. Это все, матушка, что я счел своим долгом ответить на ваше письмо. Признаюсь, мне тяжело видеть, что, хотя я всегда имел в виду интересы России, чувства, составляющие истинную движущую силу моих поступков, могут быть непонятыми»¹⁵⁴.

2 сентября 1808 г.¹⁵⁵ Александр I в сопровождении немногочисленной свиты выехал в Эрфурт. Помимо брата Константина Павловича российский император взял с собой двух признанных франкофилов (стагс-секретаря М. М. Сперанского и министра иностранных дел Н. П. Румянцева), П. А. Толстого, А. Н. Голицына и своих адъютантов В. С. Трубецкого, П. М. Волконского и П. Г. Гагарина. По пути Александр I, неизменно преданный своим прусским друзьям, сделал остановку в Кенигсберге, чтобы встретиться там с королевской четой, которая вместе с прусским премьер-министром Г. Ф. К. Штейном в один голос уговаривала его возглавить новую антифранцузскую коалицию. Однако, по мнению Александра I, час военного столкновения еще не пробил: русская армия, в которой к тому же шли преобразования, сражалась на турецком фронте. Поэтому российскому императору следовало разыграть в Эрфурте комедию дружбы и выйти сухим из воды, выжидая более удобный момент.

Как и в Тильзите, блеск, пышность и излишние дружественные чувства были с обеих сторон. Александр I прибыл в город вечером 13 сентября¹⁵⁶, но официальная встреча двух кортежей состоялась лишь 15 сентября¹⁵⁷ после полудня, на некотором удалении от Эрфурта. Наполеон верхом на коне ехал навстречу российскому императору. Александру I, едва вышедшему из экипажа, предложили ве-

диколепную серую лошадь по кличке Эклипс, покрытую попоной из шкуры белого медведя. Обнявшись «по-братски», двое монархов — Александр I в зеленом генеральском мундире, Наполеон в мундире гвардейских егерей — въехали верхом в Эрфурт, небольшой тихий город, в котором ничто не предвещало, что он станет местом встречи столь высоких особ:

«Мирный город буржуа и чиновников, Эрфурт не имел величественных построек, к тому же его планировка не соответствовала новому высокому положению. Его извилистые улочки, плохо вымощенные и почти не освещавшиеся по вечерам, неправильной формы площади, казалось, были плохо приспособлены для следования кортежей и передвижения войск. Его тесные домишки с острыми крышами, живописными фасадами, на которых искусство шестнадцатого века оставило изящные орнаменты и которые в недавнем прошлом годились на роль уютного пристанища состоятельной буржуазии, не удовлетворяли взыскательным потребностям двора»¹⁵⁸.

Город украсили наилучшим образом, чтобы показать, что он достоин оказанной ему чести. Помимо двух императоров и их свиты, в Эрфурт съехались некоторые германские монархи и принцы (короли Баварии, Саксонии, Вюртемберга, принц Вильгельм Прусский и др.), писатели (в том числе И. В. Гете), актеры, в числе которых был знаменитый Ф.-Ж. Тальма, прекрасно и с триумфом сыгравший 6 октября в Веймаре роль Брута в трагедии Ф.-М. Вольтера «Смерть Цезаря». Встреча продлилась до 2 октября¹⁵⁹ и, как и в Тильзите, приемы и рабочие заседания перемежались с публичными мероприятиями. Проводили смотры полков, танцевали, пировали, охотились (24 сентября¹⁶⁰ крупная охота на оленей прошла в Эттерсбергском лесу, недалеко от Веймара) и вспоминали былые победы. 2 октября¹⁶¹, в день празднования победы под Йеной, Наполеон заставил союзника посетить поле битвы, на котором была разбита прусская армия. Нетрудно представить, чего стоило Александру сохранить самообладание, несмотря на провокацию... Наконец, ежедневно в семь часов вечера приглашенный Наполеоном Французский театр перед «партером королей»¹⁶², принцев и германской знати выступал с постановками пьес П. Корнея, Ж. Б. Расина и Ф.-М. Вольтера¹⁶³.

Таким образом, операция по оболъщению, которую проводил французский император, перешла в завершающую стадию. Наполеону было важно пышно отпраздновать свое могущество и франко-русский союз, в котором он так нуждался. Действительно, ставки для него были высоки: увязнув в испанских и португальских делах, французский император желал получить от своего союзника реальную поддержку в борьбе против Австрии и Англии. Он прямо говорил об этом в инструкциях Ш. М. Талейрану, который на тот момент уже

больше года не являлся министром иностранных дел (по возвращении из Тильзита он был отправлен в отставку), но тем не менее его направили в Эрфурт для участия в переговорах.

«Мы едем в Эрфурт. Я хочу возвратиться оттуда, имея необходимую свободу, чтобы сделать в Испании то, чего мне бы хотелось; я хочу быть уверенным в том, что Австрия будет испытывать беспокойство и скованность, и не хочу связывать себя конкретными обязательствами с Россией по восточному вопросу. Подготовьте для меня конвенцию, которая удовлетворила бы императора Александра, была бы главным образом направлена против Австрии и по которой я бы чувствовал себя непринужденно касательно всего остального. <...> Отдайте распоряжения о вашем отбытии; нужно, чтобы вы оказались в Эрфурте на день или два раньше меня. Вы найдете повод часто видеться с императором Александром. Вы его хорошо знаете, вы будете говорить с ним на языке, который ему подобает. Вы ему скажете, что для выгоды, которую наш союз может иметь для людей, мы признаем великую цель providения... Я вам помогу! В моем авторитете недостатка не будет»¹⁶⁴.

Однако план Наполеона, цинично делавшего ставку на наивность Александра I, незамедлительно столкнулся с более сложной реальностью. Ибо, несмотря на шумные дружественные заявления, обмен мнениями в политической сфере шел напряженно. Наполеон вскоре осознал, что его русский «союзник» стал определенно менее податливым, чем тогда, когда он пребывал в роли побежденного в Тильзите. Он с горечью писал по этому поводу А. Коленкуру: «Ваш император Александр упрям, как мул. Он притворяется глухим, когда речь идет о вещах, о которых он не хочет слышать. Дорого же мне обходятся эти проклятые испанские дела!»¹⁶⁵ Наполеон даже стал участником комичной сцены¹⁶⁶: в раздражении он бросил свою шляпу на землю и стал топтать ее ногами, в то время как российский император отвечал ему со спокойной улыбкой: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Со мною ничего нельзя поделывать при помощи гнева. Будем говорить и рассуждать или же я ухожу».

Причиной того, что Наполеон в ходе переговоров потерял или, казалось, потерял хладнокровие и выплеснул свое раздражение, стал Александр I, отказавшийся уступить большей части требований своего оппонента. Так, российский император признал законность французских завоеваний в Италии и Испании, — прекрасно зная о том, что положение французов в Испании было по меньшей мере шатким, — и подтвердил свое участие в континентальной блокаде, несмотря на то, что в экономическом и финансовом отношениях она дорого обходилась России¹⁶⁷. Однако он отказался поддержать требование французского императора о разоружении Австрии, ограничившись обещанием в случае начала Австрией военных действий за-

действовать против нее 150-тысячную русскую армию. На самом же деле Александр вовсе не собирался участвовать в уничтожении Австрии: не считая того, что этот шаг был несовместим с разделяемой им концепцией равновесия сил, он мог привести к отпадению польских земель в составе Австрии, присоединению их к герцогству Варшавскому и образованию еще более могущественной и грозной Польши, которая находилась бы под французским влиянием.

В то же время Наполеон рассчитывал, в обмен на признание со стороны Франции законности присоединения Финляндии, на активное участие российского императора в войне против Англии, однако Александр I по этому поводу высказывался туманно. Желая добиться согласия, Наполеон заявил, что готов признать территории, отвоеванные русскими у Швеции. Но Александр I не хотел расширять свои владения в направлении Северного моря. За неимением разменной монеты возможности российского императора были ограничены. С одной стороны, он соглашался на совместный дипломатический демарш в форме отправки английскому королю письма с предложением начать мирные переговоры на базе принципа *uti possidetis**. ¹⁶⁸ С другой стороны, 30 сентября ¹⁶⁹ он подписал союзную конвенцию ¹⁷⁰, теоретически секретную, сроком на десять лет, которая подтверждала условия Тильзитского мира (статья 1) и предусматривала, что конкретный порядок военных действий против Англии должен был быть оговорен в ходе предстоявшей встречи двух монархов (статья 12). Эта последняя встреча, которая должна была пройти в течение года, так и не состоялась, а конвенция так и не применялась на практике...

Вместе с тем требование Александра I вывести французские войска из Пруссии также было встречено в штыки, и российский император был вынужден довольствоваться двумя второстепенными уступками: уменьшением размера причитавшейся с Пруссии военной контрибуции со 140 до 120 млн франков и увеличением срока ее выплаты с полутора до трех лет. Несмотря на эту неудачу, осложнившую его отношения с прусской королевской четой, Александр I в Эрфурте, помимо признания факта завоевания Финляндии, добился признания законности присоединения к России княжеств Молдавии и Валахии, что имело решающее значение в отношениях российского императора со своим двором и знатью. Действительно, в статье 5 го-

* Поскольку владеете (*uti possidetis, лат.*) — принцип сохранения существующего положения вещей, сложившийся в международной практике, означающий, что стороны могут владеть тем, что захватили, и в том же объеме. (*Прим. ред.*)

ворилось, что «высокие договаривающиеся стороны обязываются считать неперменным условием мира с Англией требование, чтобы она признала Финляндию, Валахию и Молдавию входящими в состав Российской империи»¹⁷¹. С апреля 1809 г., получив указанные заверения французской стороны, Александр возобновил военные действия против Османской империи, желая обеспечить себе прочную власть в дунайских княжествах.

В течение всех восемнадцати дней, которые длилось Эрфуртское свидание, российский император демонстрировал боевой настрой. В целом он сумел добиться успеха и выпутаться из щекотливой ситуации, подстроенной Наполеоном. Чтобы понять, как это произошло, следует внимательно рассмотреть влияние характера Александра, проявленное им желание дать отпор «Бонапарту» и любой ценой извлечь из этого нового свидания ценные гарантии, способные успокоить русские умы, а также его трезвый взгляд на того, кто перестал его пленять. Однако здесь также прослеживается вмешательство внешней силы, а именно поддержки, которую украдкой оказал Александру I Ш. М. Талейран. Последний действительно находился в Эрфурте с 12 сентября¹⁷², и именно он раньше Наполеона принял Александра — на следующий день после прибытия российского императора в город. Талейран проживал неподалеку от резиденции Александра, и с указанной даты они практически каждый вечер виделись в доме сестры прусской королевы Луизы, принцессы Турн-и-Таксис. Итак, Талейран вел с российским императором уединенные беседы, по меньшей мере удивительные с точки зрения того, кто в принципе был призван отстаивать интересы Франции:

«Сир, что вы здесь делаете? — спросил его Талейран. — От вас зависит спасение Европы и вы не преуспеете в этом, если не окажете Наполеону сопротивления. Французский народ цивилизованный, его государь — нет; российский государь цивилизованный, его народ — нет. Поэтому российский государь должен стать союзником французского народа»¹⁷³.

Обосновывая свою позицию, он уточнял:

«Рейн, Альпы, Пиренеи — завоевания Франции; остальное — завоевания Наполеона, а не Франции»¹⁷⁴.

Вскоре Талейран зашел еще дальше. Он заверил российского императора в том, что «план войны в Индии и раздел Османской империи не более чем химеры, выдвинутые на передний план с целью занять внимание России до разрешения испанского вопроса»¹⁷⁵, и в то же время призывал Александра I сделать все возможное для того, чтобы Австрия поверила в мирные намерения России. С этого момента французский посланник играл двойную игру: будучи напуган мегаломанией Наполеона и оказавшись не в состоянии остановить

его на его безумном пути, Талейран решил предать французского императора, дабы сохранить верность тому, что в его представлении являлось интересами Франции. Доверие, установившееся между российским императором и французским дипломатом, было таково, что Александр I без колебаний показал Талейрану окончательный вариант секретной конвенции. Посланник «воспользовался этим, чтобы убедить императора смягчить и ослабить статьи, касавшиеся Австрии, сведя их значение к минимуму»¹⁷⁶. Биограф Талейрана справедливо подчеркивал своеобразный характер Эрфуртских переговоров: «История этого договора — уникальная страница в анналах дипломатии. Талейран, так сказать, сыграл за обе стороны, французскую и русскую, хотя формально даже не был министром»¹⁷⁷.

Более того, 12 октября — когда Наполеон только что сообщил Талейрану о своем намерении развестись с Жозефиной (которая так и не родила ему ребенка) и попросить руки одной из сестер российского императора, дабы еще сильнее скрепить франко-русский союз и произвести на свет наследника своей империи — французский дипломат, неприязненно отнесшийся к этой идее («признаюсь, я боялся еще одного союза между Россией и Францией для Европы»¹⁷⁸, писал он в своих мемуарах), немедленно поведал о ней Александру I. Последний разделил сдержанное отношение Талейрана к этому намерению и по секрету, в знак сообщничества, связавшего его с французским посланцем, доверил тому провести смотрины, к которым было решено прибегнуть с целью сорвать сватовство:

«Все мастерство, которое я полагал применить в разговоре с императором Александром, оказалось ненужным. Он понял меня с первого слова и понял именно так, как я того желал. “Если бы речь шла только обо мне, — сказал он мне, — я бы охотно дал свое согласие; но одного его недостаточно; моя мать сохранила над своими дочерьми власть, которую я не должен оспаривать. Я мог бы попытаться направить ее в нужном направлении: возможно, она меня послушает; но я не берусь за это отвечать. Все это, вдохновляемое искренней дружбой, должно удовлетворить Наполеона”»¹⁷⁹.

Отстаиваемые Талейраном политические позиции скоро сплелись с его личными, хорошо понятными интересами. В Эрфурте князь Беневентский¹⁸⁰ добился от Александра I для своего племянника Эдмона де Перигора руки богатейшей герцогини Доротей Курляндской, шестнадцати лет от роду, хотя та должна была вот-вот обручиться с А. Чарторыйским. Позднее, уже после Эрфурта, российский император за оказанные услуги оплатил Талейрану звонкой монетой...¹⁸¹

По возвращении из Эрфурта Александр I, опасаясь, что Наполеон потребует отдать за него замуж сестру императора Екатерину Пав-

ловну, принял решение помешать этому союзу. Не будучи красивой, молодая женщина, которой тогда шел двадцать второй год, своенравная и чувственная, отличалась сообразительностью и живостью ума. Любовница генерала Багратиона, она пленяла окружающих, в том числе и своего брата. Стремясь избежать дипломатических затруднений, пока французский император официально не выразил свое требование, Александр I, с согласия самой Екатерины Павловны и Марии Федоровны, в апреле 1809 г. поспешно выдал «Катю» замуж за князя Георга Ольденбургского, младшего сына Петра Ольденбургского и Фридерики Вюртембергской. Молодой человек был выходцем из княжеской фамилии, но не имел крупного состояния. Поэтому, чтобы обеспечить супружеской чете доход, достаточный для ведения роскошного образа жизни, привычного для его возлюбленной сестры, император поставил своего зятя во главе богатой Тверской губернии. С точки зрения Александра I, союз с Францией, скрепленный в Тильзите, а затем в Эрфурте, не следовало усиливать за счет семейных связей, которые впоследствии могли бы помешать России вести независимую политику в Европе.

Постепенное ухудшение двусторонних отношений

В Санкт-Петербурге Александр I вовсе не ограничился ролью покорного союзника и по всем направлениям вел активную политику, которая вскоре стала вызывать сильное раздражение французской стороны.

В январе 1809 г. российский император устроил горячий прием прусской королевской чете, прибывшей в Россию 7 января¹⁸². В течение 24 дней, без оглядки на своего французского союзника, он подчеркнуто выражал преданность делу Гогенцоллернов. Он оказывал любезности королю и преподнес королеве Луизе роскошные подарки — выполненный из золота туалетный сервиз, персидские и турецкие шали очень красивой выделки и кружевные платья. Взбешенный этими демонстрациями, плохо соответствовавшими духу Эрфурта, А. Коленкур лишился свойственной ему вежливости и дошел до грубости, о чем Ж. де Местр сообщал в письме министру, шевалье де Росси:

«Мое перо едва ли в состоянии передать вам разговор, который французский посол имел с княгиней Долгорукой, но вам совершенно необходимо знать эти слова. Посол бесцеремонно сказал следующее: “В этом визите нет никакой загадки; королева Пруссии приехала переспать с императором Александром”. Вот что он сказал: моего знания французского языка недостаточно, чтобы дать этой мерзости имя, которое она заслуживает»¹⁸³.

Однако эти обвинения оказались столь же малоосновательными, сколь и вульгарными, поскольку связь между Александром I и Луизой оставалась платонической. В дружественных жестах по отношению к прусской королевской чете следует усматривать лишь отражение реального сострадания Александра I, порожденного чувством своей вины. После Тильзита российский император действительно воспринимал как тяжкий крест собственное участие в разделе Пруссии. Что же касается короля и королевы Пруссии, то, несмотря на горячий прием, положение побежденных им было в тягость, и 31 января, накануне отъезда из Санкт-Петербурга, Луиза, словно предчувствуя свою скорую смерть¹⁸⁴, сделала следующую запись в личном дневнике:

«Я не вынесла из этих блестящих празднеств ничего кроме усталости и огорчения... Я уезжаю с тем же, с чем и приехала... Впредь ничто более не произведет на меня впечатления; отныне мое королевство не в этом мире»¹⁸⁵.

Через некоторое время после пребывания Гогенцоллернов в России настала очередь австрийского князя К. Ф. Шварценберга отправиться в Санкт-Петербург. Получив задание сообщить Александру I о том, что Австрия была готова (в составе будущей коалиции) возобновить военные действия против Франции, посланец венского двора должен был добиться от России нейтралитета в предстоявшей войне. Не имея большого желания ввязываться в войну, которую он считал преждевременной, российский император в течение нескольких недель колебался, после чего согласился на компромиссный вариант. 18 апреля¹⁸⁶ во время аудиенции Шварценберга он взял на себя обязательство — согласно секретному документу — обеспечить de facto нейтралитет России, вместе с тем подчеркнув, что, в соответствии с Эрфуртскими соглашениями, Россия все-таки объявит войну Австрии.

Тем не менее, хотя зимой и весной 1809 г. австрийский вопрос во многом занимал российского императора, его мысли в основном были о русско-шведской войне. Боевые действия возобновились зимой 1808 г., и успех сопутствовал 35-тысячному войску под началом П. И. Багратиона, которому противостояли 20 тыс. шведских и финляндских солдат. После штурма Стокгольма в начале 1809 г., который ознаменовался капитуляцией Швеции, российский император отправился в Финляндию для участия в открытии 15 марта¹⁸⁷ национального финляндского сейма в Порвоо, после чего несколько месяцев спустя, в сентябре, был заключен Фридрихсгамский мир. По его условиям России отходили Аландские острова, а Финляндия стано-

вилась великим герцогством в составе Российской империи. Александр I был в восторге:

«Этот мир совершенен и именно таков, как я хотел. У меня нет достаточных слов благодарности для Верховного Существа. Получение всей Финляндии вплоть до Торнео вместе с Аландскими островами, присоединение к континентальной блокаде и закрытие портов для Англии, наконец, мир с Союзниками России — все это было достигнуто без посредников. Есть от чего петь “Хвалим тебя, Господи”; завтрашняя служба в Исаакии, со всей военной pompой, будет далеко не невзрачной!»¹⁸⁸

Поскольку стратегическое продвижение в северо-западном направлении укрепило господство Российской империи на Балтийском море, оно завершило дело Петра I и позволило России обосноваться в Северной Европе. Тем не менее это завоевание, вызвавшее глубокое недовольство Лагарпа, который увидел в нем экспансионистский маневр, предосудительный и дорогостоящий, способный отвлечь Александра I от внутренних реформ¹⁸⁹, не произвело на российского императора чрезмерного впечатления. Конечно, герб России вновь засиял золотом победы, которая хоть и не принесла славы русским войскам, но придала им блеску, однако Александр I не был опьянен этим успехом, тем более что через несколько недель после его пребывания в Финляндии на европейском театре вновь начались военные действия.

В середине апреля, в разгар австро-французской войны, Наполеон через Коленкура потребовал от России военной поддержки, обещанной ему в Эрфурте. Но получить ее французам было не суждено. Хотя Александр I собрал у австрийской границы, в районе Галиции, 70-тысячное войско под командованием А. Н. Голицына, он сознательно затянул их выдвижение. Приказ о наступлении, назначенный, как было обещано Наполеону, на 15 апреля¹⁹⁰, отдали лишь 6 мая¹⁹¹, а русские войска с самого начала продвигались к границе чрезвычайно медленно (пересекли ее лишь 22 мая¹⁹²), благоразумно избегая встречи с неприятелем. Тем временем Великая Армия действовала столь успешно, что 1 мая¹⁹³ заняла Вену, а 24 июня¹⁹⁴ нанесла Францу I серьезное поражение у Ваграма, вынудившее австрийцев подписать мир. В этот день, несмотря на свои победы, которые в конечном итоге делали излишним выступление русских на стороне Франции, Наполеон, сердитый на Александра I, утратил веру в жизнеспособность союза. 2 июня 1809 г.¹⁹⁵ Ж.-Б. Н. Шампаньи, министр иностранных дел Франции, писал А. Коленкуру:

«Господин Посол, император не хочет, чтобы я скрывал от вас, что недавние обстоятельства во многом заставили его утратить веру, которую в него вселял союз с Россией, и что эти обстоятельства служат для него при знаком неискренности российского кабинета. Никогда еще не настаиваю.¹¹

на том, чтобы оставить у себя посла страны, которой объявляли войну... Шесть недель истекли, русская армия не сделала и шагу, а австрийская армия оккупировала великое герцогство, словно одну из своих провинций. <...> Император задет за живое; он не пишет по этому поводу императору Александру; он не может выразить ему доверие, которого больше не испытывает. Он ничего не говорит; не сетует; он держит неудовольствие в себе, но больше не ценит союз с Россией... 40 тыс. человек, которые Россия должна была ввести на территорию великого герцогства, сослужили бы хорошую службу и по крайней мере сохранили бы некую призрачную иллюзию союза».

В заключение Шампаньи предписывал Коленкуру действовать так, как будто ничего не произошло:

«Российский двор всегда был доволен вами, так же как и вы, казалось, были довольны им; поскольку сам император больше не верит в союз с Россией, ему тем более важно, чтобы эта вера, которой он лишился, разделялась бы повсеместно в Европе»¹⁹⁶.

Отныне недоверие стало взаимным, а последующие месяцы представляли собой лишь череду размолвок, разногласий и оскорблений, что делало сползание к войне все более неумолимым.

По условиям Венского мирного договора, подписанного 2 октября 1809 г.¹⁹⁷, Австрия лишалась обширных владений в Галиции, в районе Зальцбурга и в иллирийских провинциях. В качестве компенсации за свое якобы участие в войне — Наполеон старался сделать вид, будто ничего не произошло, — Россия получала Тарнопольский округ в Галиции. Но она все же поплатилась за свою пассивность: Александр был вынужден смириться с присоединением отторгнутых от Австрии галицийских территорий к герцогству Варшавскому. Таким образом, площадь герцогства значительно увеличилась, к великому несчастью для российского императора, обеспокоенного образованием у российской границы «независимой» Польши, находившейся под покровительством Франции, а также брожением патриотически настроенных умов, раздосадованных тем, что в польском вопросе почва уходила у России из-под ног. Затрагивая тему эмоциональной реакции придворной аристократии сразу после подписания договора, обеспокоенный Коленкур писал французскому министру иностранных дел, что «ему еще не доводилось видеть столь сильного и всеобщего брожения». Затем он повторил резкие и полные презрения разговоры, которые велись в столичных салонах:

«Говорят, что император хороший, но глупый, а Румянцев — дурак, они никогда не смогут решиться; что касается войны, то им ничего не оставалось, кроме как начать ее, захватив Галицию, поляки не стали бы нам в этом перечить. Императора следует постричь в монахи, он будет поддерживать мир в монастыре; монахиня Нарышкина¹⁹⁸ будет прислуживать

монаху и садовнику, особенно если они поляки... Что до Румянцева, то его следует сделать продавцом кваса»¹⁹⁹.

Это говорит о том, сколь значительной части просвещенного общества европейская политика российского императора представлялась невразумительной...

Вот при каких обстоятельствах 23 декабря 1809 г.²⁰⁰ Н. П. Румянцев и А. Коленкур встретились в Санкт-Петербурге, чтобы разработать проект двусторонней конвенции по польскому вопросу. В статье 1 этого документа утверждалось, что «польское королевство никогда не будет восстановлено», а в статье 5 устанавливался запрет на дальнейшее территориальное расширение герцогства Варшавского. Пять дней спустя, 28 декабря²⁰¹, Коленкур сообщил российскому императору о намерении Наполеона развестись и о его желании жениться на великой княжне Анне Павловне. В обмен на просьбу о женитьбе, которая была действительна в течение 48 часов, он предлагал Александру I выработать взаимное согласие по польскому вопросу. Александр I ответил, что для него это честь, но тем не менее попросил десятидневной отсрочки для принятия решения. Согласно завещанию Павла I, подчеркивал российский император, право решать вопрос о замужестве своих дочерей предоставлялось Марии Федоровне, поэтому российскому императору следовало с ней посоветоваться.

К великому беспокойству А. Коленкура по истечении срока отсрочки никакого ответа не поступило. Лишь 21 января²⁰² российский император, «присоединяясь к мнению», высказанному Марией Федоровной, — в действительности оба они с самого начала придерживались одного и того же мнения, — объявил дипломату, что Анна, которой тогда было 14 лет, может стать супругой французского императора не ранее, чем через два года. Этот «дипломатичный» ответ в действительности скрывал глубокое неприятие этого брака со стороны Романовых: юная Анна не могла сочетаться браком с нелегитимным «Бонапартом» и тем самым обречь себя на неопределенное и опасное будущее, оставшись в стороне от ведущих европейских дворов. В то самое время Наполеон, начавший, без ведома некоторых своих дипломатов и в частности Коленкура, переговоры с австрийским императором Францем I, заполучил руку эрцгерцогини Марии Луизы. Отправленная 26 января²⁰³ и полученная в Санкт-Петербурге 11 февраля²⁰⁴ депеша, сообщавшая о женитьбе французского императора, явилась для Александра I подлинным оскорблением.

В то же время Наполеон, в глазах которого промедление и последующий отказ русских свидетельствовали, если в том вообще была нужда, о слабости союза, вернулся к своим обещаниям по поводу ильяков и к польскому проекту, составленному в конце декабря. 25 янв

варя²⁰⁵ он писал Шампаньи, дезавуируя своего министра и посла в Санкт-Петербурге:

«Я не могу сказать, что польское королевство никогда не возродится, ибо это означало бы сказать, что, если однажды литовцы или кто-либо еще собрались бы его возродить, я был бы вынужден достать войска, чтобы этому воспрепятствовать. Это противно моему достоинству. <...> Моя цель заключается в том, чтобы успокоить Россию, и для ее достижения достаточно статьи, составленной в следующих выражениях: император Наполеон обязуется впредь не оказывать ни материальной, ни военной помощи какой-либо державе или внутренним мятежникам, стремящимся к восстановлению польского королевства»²⁰⁶.

Это интересное заявление, свидетельствующее о замыслах Наполеона в отношении Польши, которые не могли не вызывать беспокойства у русских, поскольку они опирались не только на лингвистические, но и исторические реалии.

Таким образом, 29 января²⁰⁷ был составлен новый текст. Но он не был ратифицирован Наполеоном. В течение 1810 г., хотя дипломаты все еще пытались спасти мир, военные уже начали приготовления, происходившие на фоне накапливавшихся взаимных претензий.

Александр I отправил в Париж на два месяца чрезвычайного посла князя Алексея Куракина, брата А. Б. Куракина, предприняв очередную попытку продвинуться в решении польского вопроса. Куракин, однако, встретил категоричный отказ, и когда 7 августа 1810 г.²⁰⁸ отъезжавший на родину посол попрощался с французским императором, идея войны уже присутствовала в умонастроениях и решениях Наполеона...

Впоследствии поводов для разногласий стало больше. Со временем континентальная блокада становилась все более серьезным препятствием для развития российской внешней торговли и ослабляла экономику империи²⁰⁹, но Наполеон не выказывал внимания к нуждам своего союзника. Его справедливо упрекали в нежелании идти навстречу и в дальнейшем ужесточении требований. Действительно, в 1810 г. французский император издал новый тариф, запрещающий ввозить во Францию колониальные товары, и потребовал от союзника сделать то же самое. Но 18 декабря 1810 г.²¹⁰ Александр I отказался подчиниться, посчитав, что эта мера наносит дополнительный ущерб, неприемлемый для российской экономики. Сделав акцент на падении курса рубля, он запретил сухопутный ввоз в Россию товаров из Франции, в частности шелковых тканей, и открыл российские порты для иностранных судов, тем самым пробив существенную брешь в континентальной блокаде.

Через месяц появился новый повод для трений, на этот раз касавшийся шведского вопроса. Хотя географически и геополитически

Россия рассматривала Швецию как зону своего приоритетного интереса, Александр I был оставлен своим французским союзником в стороне от манипуляций, в результате которых на шведский престол взошел Ж. Б. Бернадот. Наконец, и это станет не последним предметом для споров, Наполеон тогда же решил присоединить к своей империи ганзейские города и герцогство Ольденбург. С точки зрения французского императора, герцогство стало «складом для торговли английской контрабандой»; его следовало аннексировать, чтобы обеспечить эффективность экономической блокады. Этот шаг тотчас же вызвал негодование императора и российского двора, по причине существования родственных связей между императорской фамилией и герцогами Ольденбургскими. В попытке смягчить гнев Александра I Наполеон предложил герцогу Ольденбургскому — в качестве компенсации — город Эрфурт. Этот торг, который и герцог, и Александр I сочли отвратительным, был отвергнут. 1 марта 1811 г.²¹¹ Александр сдержанно, но ясно дал Наполеону понять, что он ничего не забыл и не собирается уступать своему «союзнику»:

«Мои чувства и политика остались неизменны, и я желаю лишь поддерживать и укрепить наш союз. Позвольте скорее предположить, что это Ваше Величество изменили свое отношение ко мне? <...> Ваше Величество обвиняют меня в том, что я выступал с протестом по вопросу об Ольденбурге, но мог ли я этого не сделать? Маленький клочок земли, находящийся во владении уникального человека, который принадлежит к моей семье, который прошел через все формальности, какие от него потребовали, член союза [Рейнского]. — *Прим. пер.*], который по этой причине находится под покровительством Вашего Величества и целостность владений которого гарантирована одной из статей Тильзитского мира, оказывается лишенным своих владений, а Ваше Величество предварительно не сказали мне об этом ни слова!

Какую значимость этот клочок земли может иметь для Франции, и является ли этот поступок в глазах Европы доказательством дружбы Вашего Величества ко мне? Кроме того, письма, полученные отовсюду в это время, свидетельствуют о наличии у Вашего Величества желания нас оскорбить. <...> Ваше Величество полагают, что мой указ касательно тарифа направлен против Франции. Я вынужден опровергнуть это мнение как безосновательное и несправедливое. Этот тариф был настоятельно продиктован крайним стеснением морской торговли, громадным сухопутным привозом дорогостоящих товаров, чрезмерными пошлинами, которыми в государствах Вашего Величества облагались русские товары. И ужасающим падением нашего вексельного курса. Имеются в виду две цели. Первая состоит в том, чтобы, запрещая самыми строгими мерами торговлю с Англией, предоставить благоприятные условия для американской торговли, открывающей единственный морской путь, которым Россия может воспользоваться для экспорта товаров, слишком громоздких для перевозки по суше. Вторая цель — насколько возможно ограничить

сухопутный привоз, как наименее выгодный для нашего торгового баланса. <...> Полагаю, что могу с полным основанием заявить, что Россия соблюдала условия Тильзитского договора более скрупулезно, чем Франция. <...> Эрфуртский договор гарантировал мне владение Молдавией и Валахией, следовательно, я нахожу, что все в полном порядке. Что касается завоевания Финляндии, то оно не входило в мои политические планы, и Ваше Величество должны помнить, что я начал войну против Швеции исключительно из-за континентальной блокады. Успех моих войск обеспечил мне контроль над Финляндией. <...> Но если Ваше Величество называют преимущества, которые Россия извлекла из союза с Францией, разве не могу я в свою очередь назвать преимущества, извлеченные Францией, и многочисленные союзы, которые она в одностороннем порядке заключила с Италией, северогерманскими государствами, Голландией и т. д.? <...> Таково действительное положение вещей. Ваше Величество, если вы желаете быть справедливыми, признайте, что я не мог более тщательно, чем это делал, поддерживать систему, к которой присоединился. <...> Кроме того, я не покушаюсь на владения соседей, люблю Францию, — так с какой стати мне желать войны? Россия не испытывает нужды в завоеваниях и, возможно, владеет слишком обширными землями. Столь превосходный военный гений, который я признаю за Вашим Величеством, не оставляет мне иллюзий относительно тягот борьбы, которая могла бы между нами возникнуть. <...> К тому же мое самолюбие привязано к системе союза с Францией. Возведя эту систему в ранг политического принципа России, будучи вынужден довольно долго бороться с прежними взглядами, которые были против этого, неразумно допускать у меня желание разрушить собственное дело и начать войну против Вашего Величества, и если Вы желаете этого столь же мало, сколь и я, этого не случится. <...> [Но если войне суждено разразиться] Тогда я буду драться и дорого отдам свою жизнь»²¹².

Таким образом, в марте 1811 г. напряженность в отношениях достигла высшей точки, механизм сползания к войне был запущен, хотя российский император пока еще избегал столкновения. Однако, по мнению ряда историков, ни польский вопрос, ни вопрос, связанный с герцогством Ольденбургским, по сути своей не могли стать причиной русско-французской войны, поскольку жизненно важные интересы России не подвергались угрозе. Действительно, масштаб предстоявшей отечественной войны, а также ее цена, с точки зрения человеческих, экономических и социальных потерь, делают обоснованным вопрос о том, благоразумно ли поступил Александр I, ввязавшись в войну, которой он мог избежать. Но в свете архивных источников и опубликованных материалов не создается впечатления, что российский император проявил легкомыслие или неблагоразумие. Конечно, нет сомнений в том, что реакция Александра I на события, связанные с герцогством Ольденбургским, была столь же эмоциональной, сколь и продуманной политически. Однако этот

эпизод стал лишь последней каплей в длинной череде разногласий и нерешенных споров. И хотя часто говорят о том, что Александр I заключил союз в Тильзите вопреки мнению своих приближенных, очевидно, что в 1810–1811 гг. российский император испытал почти что облегчение, положив конец комедии, которую он разыгрывал на протяжении долгих месяцев. Настал час схлестнуться с «тираном», узурпатором, который, презрев все обычаи, непрестанно прибегал к силе или устрашению, чтобы по собственной воле перекроить карту Европы, тем самым являясь угрозой для безопасности других стран, и прежде всего Российской империи. В глазах Александра I затеянная французами игра на Балканах и расширение границ герцогства Варшавского, которое Наполеон осуществил, не посоветовавшись с союзником, также представляли недопустимую опасность для интересов и безопасности России.

Тем не менее, хотя с 1810 г. российский император пытался провести форсированные преобразования в армии и создал в Париже хорошую разведывательную службу, которая снабжала его бесценными сведениями о состоянии и структуре французской армии²¹³, все его конфидененты, которым он мог довериться в то время, свидетельствовали о том, что он страшился грядущих военных потрясений, прекрасно осознавая, сколь тяжелым испытанием они должны стать.

В конце 1810 и начале 1811 г. российский император вынашивал план наступательной войны в германских и польских землях (что позволило бы уберечь российские губернии от разграбления) — при поддержке польских патриотов, которым он был готов пообещать восстановление до начала военных действий против Франции Царства Польского под властью Российской империи. В двух письмах от 25 декабря 1810 г.²¹⁴ и от 31 января 1811 г.²¹⁵, адресованных А. Чарторыйскому, который тогда находился в своем имении в Пулавах, Александр I высказывался в пользу «объединения всех бывших частей Польши, включая и области, отошедшие к России, кроме Белоруссии». Он предлагал следующее: воссозданное «Царство Польское навсегда присоединится к России», а «Русский Император с этих пор будет называться Императором Российским и Царем Польским». Наконец, он велел Чарторыйскому незаметно разузнать намерения польских народа и армии, уточнив, что он «решил не начинать войны с Францией, пока я не буду уверен в содействии поляков». И далее Александр утверждал:

«Если поляки мне помогут, то тогда в успехе нельзя сомневаться; мы добьемся его с Божьей помощью, ибо он основан не на надежде сравняться в талантах с Наполеоном, но исключительно на том недостатке в силах, который он будет испытывать, в связи с царящим против него раздражением умов во всей Германии»²¹⁶.

Но ему совершенно необходимо было знать, каковы намерения и настроения обитателей герцогства Варшавского. Отсюда следовали вопросы: какую позицию они заняли бы в случае русско-французской войны? Готовы ли они последовать за российским императором, если бы он пообещал им конституцию и политические права? Для придания своему плану большего веса Александр I в первом письме привел точное количество людей, подлежащих мобилизации: 100 тыс. русских, 50 тыс. поляков (если бы поляки выступили на стороне русских), 50 тыс. пруссаков, 30 тыс. датчан — всего 230 тыс. человек, которые в короткий срок могли быть усилены дополнительным 100-тысячным контингентом русских. По словам Александра, этим силам противостояли всего 60 тыс. французов, расквартированных в Германии, Голландии и на востоке Франции, 30 тыс. саксонцев, 30 тыс. баварцев, 20 тыс. вюртембержцев, 15 тыс. вестфальцев — всего 155 тыс. человек. Но, по мысли российского императора, эта цифра должна была уменьшиться. Он рассчитывал, что в случае присоединения поляков к русским германские войска последуют их примеру, в результате чего численность Великой Армии сократилась бы до размера ее французского контингента²¹⁷.

6 января А. Чарторыйский ответил, что присоединение поляков к России может состояться лишь в случае соблюдения российским императором ряда условий: конституция 3 мая 1791 г. должна быть восстановлена, все польские земли — собраны воедино, а новое польское государство — получить выход к морю. Однако князь выражал сомнения в выполнимости данного плана. Чарторыйский подчеркивал, что поляки, как и ранее, доверяют Наполеону, а также выражал сомнения по поводу настроений германских войск. В своем ответном письме Александр I заявлял о своем благосклонном отношении к воссозданию суверенной Польши с национальной армией, но при этом не соглашался передать вновь образованному государству Белоруссию и территории, лежавшие к востоку от Днепра и Двины. В целом он вполне сознавал масштаб трудностей и высоту ставок:

«Нет сомнения, что Наполеон старается вызвать Россию на разрыв с ним в надежде, что я сделаю ошибку и открою наступление. При существующих обстоятельствах это действительно была бы ошибка, и я решил ее не делать. Но все положение вещей изменится, если поляки захотят соединиться со мной. Подкрепленный тогда 50 тыс. польского войска, 50 тыс. пруссаков, которые в этом случае также могут присоединиться без всякого риска, и, кроме того, еще и тем моральным переворотом, который, безусловно, будет вызван в Европе этим событием, я могу тогда дойти до самого Одера без всякого кровопролития. <...> Я решил не начинать войны с Францией, пока не буду уверен в содействии поляков»²¹⁸.

Но Александр все еще оставался верен своему плану. Поэтому он сблизился с прусским королем и 24, 27 и 29 октября 1811 г. приказал командному составу русских войск, находившихся у западной границы, готовиться к началу кампании. Как гласил рескрипт Александра I, Россия могла начать наступление со дня на день²¹⁹. В конечном счете колебания короля Пруссии и сдержанность Чарторыйского урезонили воинственный настрой Александра. 1 апреля 1812 г.²²⁰ он писал своему польскому другу:

«Ваши предыдущие письма дали мне слишком малую надежду на возможность успеха, чтобы я имел право действовать. Я мог бы решиться на это только лишь при условии какой-либо надежды на успех. Итак, поэтому я должен был покориться и ждать дальнейших событий и не вызывать борьбы, всю важность и опасность которой я сознаю, хотя и не думаю, что этим избегну ее»²²¹.

В тот самый день российский император отказался от своего плана наступательной войны. Но хотя он долго колебался, с весны 1811 г. Российская империя взяла курс на подготовку к оборонительной войне, первые признаки которой — сооружение крепостей, размещение полков — проявились в русской части Польши и вызвали негодование Наполеона по отношению к Коленкуру, который был отозван в Париж. Обвиненный в том, что поддался пропаганде русских («Александр хочет воевать со мною! <...> Александр и русские оставили вас в дураках <...> Вы говорите как русский! <...> Вы стали русским!»²²², — распекал его Наполеон по возвращении во Францию) и не проявил должного внимания к приготовлениям российской армии в Польше, Коленкур в мае 1811 г. был заменен генералом Ж. А. Л. Лористоном, который, как выяснилось впоследствии, совершенно не имел пространства для маневра. Оставаясь неутомимым сторонником союза, Коленкур, как проницательный наблюдатель, 19 сентября 1810 г. в письме к французскому министру иностранных дел набросал соответствующий портрет Александра:

«Что до князя, мне кажется, что его не считают тем, кем он является на самом деле. Полагают, что он слаб; это ошибка. Несомненно, он может вынести многие неприятности и скрыть свое недовольство, но это потому, что он нацелен на всеобщий мир и надеется достичь его без жестоких потрясений. Но эта покладистость имеет свои пределы: он не пойдет за пределы крута, который очертил; последний сделан из железа и не растянется, ибо в глубине этого характера, доброжелательного, искреннего и лояльного, но в то же время исполненного возвышенных чувств и принципов, имеется свойственная государям скрытность, свидетельствующая об упорстве, которое ничто не сможет сломить. Талант кабинета и того человека, которому предстоит вести с ним переговоры, заключается поэтому в том, чтобы разгадать те границы, за которые император не выйдет»²²³.

В день отъезда Коленкура Александр I в знак уважения вручил ему, помимо ордена св. Андрея Первозванного, великолепную лакированную шкатулку, на крышке которой был изображен миниатюрный портрет российского императора.

Наполеон, к несчастью для себя и своей империи, не внял предупреждениям своего посла. 5 июня 1811 г. в своем замке Сен-Клу французский император принял Коленкура всего несколько часов спустя после его прибытия в Париж и около семи часов беседовал с ним наедине. В ходе разговора Наполеон несколько раз сетовал на то, что союз с русскими нисколько не помог его антианглийской стратегии, что Россия подрывала континентальную блокаду и что, учитывая возникшие спорные вопросы, война становилась неизбежной. Коленкур старался выгадать время, убедить Наполеона в необходимости придерживаться союза, но тому было все равно. 15 августа 1811 г., желая смутить российского императора своим вызывающим и высокомерным поведением, Наполеон во время дипломатической встречи публично выступил с оскорбительной критикой в адрес российского посла А. Б. Куракина, много сказав об ухудшении отношений между двумя так называемыми союзниками:

«Вы только что потерпели поражение у Рушуга, так как вам не хватает войск, а не хватает вам их потому, что вы отрядили пять дивизий вашей Дунайской армии для отправки их в Польшу. <...> Я не настолько глуп, чтобы верить в то, что вас занимает Ольденбург. <...> Ольденбург не стоит того, чтобы за него драться. <...> Я ясно вижу, что речь идет о Польше; я начинаю верить, что вы намереваетесь ею завладеть. Ну что ж! Вы не получите ни одной деревни, ни одной мельницы великого герцогства. Если бы даже ваши войска заняли Монмартрские высоты, я бы не отдал вам и клочка территории герцогства Варшавского! <...> Я не знаю, побью ли вас, но мы будем драться... У меня 800 тыс. человек, и каждый год прибавляется еще 250 тыс. <...> Вы рассчитываете на союзников. Где же они? Австрия, которую вы лишили 200-тысячного населения Галиции? Пруссия, у которой вы отняли район Белостока? Швеция, которую вы искалечили, отняв у нее Финляндию? Все эти претензии не забудутся; вы направили против себя всю Европу! <...> Вы похожи на зайца, которому пуля попала в голову и который кружит на месте, не зная, в каком направлении бежать»²²⁴.

Не позволив себя запугать, Александр I продолжал свою линию. С февраля 1811 г., невзирая на оскорбление, нанесенное ему женитьбой на Марии-Луизе, российский император возобновил отношения с Австрией. 16 февраля, тайно встретившись у П. А. Толстого с генералом Сен-Жюльеном, чрезвычайным послом австрийского кабинета, Александр, заверив его в том, что всячески стремится избежать предстоящей войны, вместе с тем твердо заявил:

«Ваш монарх не забывает, что в течение моего мира с Францией я особенно стараюсь избегать всего, что может дать повод для нового столкновения. Тем не менее недавние события вполне могли бы привести к войне. Я буду избегать ее, покуда возможно, но, если того потребует достоинство моей империи, если меня вынудят, я обнажу саблю... В моем распоряжении имеется 200 тыс. человек, собранные вблизи тех границ моей империи, которым может грозить опасность, и помимо них еще 130 тыс. человек. <...> Я хочу, чтобы ваш монарх был осведомлен о том, что я мог бы противопоставить неприятелю. Я далек от того, чтобы вступать с вашим двором в какие-либо соглашения, прекрасно зная о положении Австрии»²²⁵.

20 февраля Александр I направил австрийскому императору секретное послание с просьбой придерживаться нейтралитета в случае будущей русско-французской войны. В качестве платы за нейтралитет он предлагал помочь Австрии вернуть ее прежние владения в Италии и на Балканах. Не отказываясь вовсе от переговоров, Франц I ответил уклончиво²²⁶.

В тот день российский император все еще надеялся заручиться поддержкой австрийцев. Конец его надеждам положил Парижский договор, который, будучи подписан австрийским кабинетом 2 марта 1812 г.²²⁷, стал отправной точкой франко-австрийского союза и предусматривал участие в случае войны 30-тысячного австрийского войска, что шло вразрез с чаяниями Александра I. Тем не менее он не отказывался от задуманного. Вслед за состоявшимися 26 марта переговорами²²⁸ между российским императором и Сен-Жюльеном²²⁹, Александр I добился от К. Меттерниха устного и тайного согласия, гарантировавшего пассивное и формальное участие Австрии в будущей войне²³⁰, в нарушение только что заключенного франко-австрийского соглашения. Именно тогда Александр сблизился с Ж. Б. Бернадотом. Последний, взбешенный тем, что Наполеон в январе 1812 г. в целях усиления блокады оккупировал шведскую Померанию, согласился подписать 28 марта²³¹ союзный договор, гарантировавший нейтралитет Швеции в обмен на предоставление ей 35-тысячного русского корпуса, который должен был помочь ей завоевать Норвегию. Желая максимально развязать себе руки, Александр также постарался как можно скорее заключить мир с Османской империей, что было сделано 16 мая 1812 г.²³² Наконец, тайно были возобновлены русско-английские дипломатические отношения.

Это говорит о том, что дипломатические страсти накалились до предела, когда 12 июня 1812 г.²³³ Великая Армия, состоявшая из представителей двадцати стран, говорившая на дюжине языков и насчитывавшая около 450 тыс. человек, мощным ударом вторглась на территорию Российской империи.

МЕЖДУ ВНУТРЕННИМИ РЕФОРМАМИ И ВОЕННЫМИ ПРИГОТОВЛЕНИЯМИ (1807–1812)

В сфере внутренней политики 1807–1812 гг. являлись важным периодом. Вернувшись к миру, Александр I мог вновь посвятить себя реформам, которые были начаты в 1801 г., а с 1805 г. резко свернуты — сначала вследствие военных потрясений, затем по причине приготовлений к войне. Однако хрупкий и двусмысленный Тильзитский мир стал для российского императора всего лишь короткой передышкой: с одной стороны, потому что вскоре сказалось его негативное воздействие на экономическую и прочие стороны русской жизни, а с другой стороны, потому что с 1810–1811 гг. возобновились тайные встречи и военные приготовления, мало-помалу отвлекавшие императора от внутренних дел.

Час реформы

Как только мир был восстановлен, Александр I, следуя в русле собственных размышлений 1801–1804 гг., обнаружил желание реформировать систему управления империей, дабы сделать ее более эффективной и справедливой. Именно на решение этой проблемы он направлял всю свою энергию в 1807–1811 гг., несмотря на личную драму: 22 июня 1810 г. он потерял свою маленькую Зинаиду, родившуюся от связи с М. А. Нарышкиной, «ребенка и вместе с ним часть того счастья, которым я наслаждался в этом мире»²³⁴.

Нуждаясь в помощниках при проведении реформ, российский император предпочел положиться не на своих прежних друзей по Негласному комитету, которые после Тильзита попали в немилость, а на М. М. Сперанского, «нового человека».

В 1801–1805 гг. император направлял усилия на упорядочение центральных органов управления, учредив 8 сентября 1802 г. министерства и официально закрепив полномочия министерств и их департаментов. Однако, хотя реформа и добавила эффективности центральному управлению, она способствовала появлению барьеров между отдельными министерствами и не способствовала взаимодей-

ствию между ними. Кроме того, некоторые ключевые сферы оказались вне компетенции вновь созданных органов центрального управления. В 1808 г. министр внутренних дел, который помимо вопросов поддержания порядка и безопасности занимался вопросами здравоохранения, сумел остановить эпидемию чумы, прибегнув к draconianским карантинным мерам. Однако в том же году он оказался не в состоянии обеспечить продовольствием районы, наиболее сильно пострадавшие от неурожая. К тому же ни одно из министерских учреждений не могло исправить это упущение, поскольку специального сельскохозяйственного ведомства тогда не существовало²³⁵.

В 1807–1808 гг., когда в Российской империи установился мир, еще многое предстояло сделать — как в сфере распределения полномочий и функций министерств, так и в том, что касалось их взаимоотношений с губернской и уездной администрацией. Наконец, несмотря на то, что Александр I, едва взойдя на престол, изъявил желание преобразовать основы существовавшего строя, ориентируя его в сторону конституционной монархии, в 1807 г. никаких конкретных шагов сделано не было.

1803–1807 гг. явились периодом раздумий и созревания идей. В 1803 г., как отмечалось выше²³⁶, Ионическим островам была дарована конституция. Этот документ, подготовленный Г. А. Розенкампом, должен был, по мысли Александра, дать России опыт и, возможно, даже послужить для нее моделью реформ. В 1804 г. российский император, принимая Розенкампа, сообщил ему, что было бы желательно даровать его подданным гражданские права, равно как и право участия в политических делах²³⁷. Однако общие размышления юриста вылились в публикацию одной лишь краткой брошюры на немецком языке, которая представляла собой «неупорядоченные обрывки конституции с лакунами, например, по аграрному вопросу»²³⁸. В результате в 1807 г. вопрос оставался нерешенным. Вот при каких обстоятельствах в конце 1808 г. Александр I поручил Сперанскому разработать реформу, способную коренным образом изменить политическое устройство империи.

Родившийся в 1772 г. в селе Черкутино Владимирской губернии в семье священника, М. М. Сперанский учился сначала во Владимирской, затем в Александрово-Невской семинарии в Санкт-Петербурге, которую закончил в 1791 г. и с 1792 г. преподавал здесь теологию, а в 1795 г. был назначен директором этого заведения. В 1797 г. он поступил на государственную службу. Этот человек разительно отличался от старых друзей Александра I — членов Негласного комитета. Будучи исключительно скромного звания, Сперанский своей головокружительной карьерой обязан лишь своему выдающемуся уму, государственному чутью и страстному увлечению работой.

Бегло говоривший по-французски, по-английски и по-русски, читавший по-гречески и по-латински, погруженный в классику и в то же время открытый современным веяниям, М. М. Сперанский — при поддержке князя А. Б. Куракина — в 1801 г. вошел в состав императорской канцелярии в качестве главного помощника государственного секретаря Д. П. Трошинского, а затем, в сентябре 1802 г., перешел в новое министерство внутренних дел. В качестве статс-секретаря он вскоре стал здесь правой рукой В. П. Кочубея и написал для него ряд речей, с которыми тот выступал в Негласном комитете. Оба они прониклись уважением и дружественными чувствами по отношению друг к другу. Впоследствии дочь Сперанского вышла замуж за племянника²³⁹ Кочубея, тем самым став членом одной из наиболее богатых и блестящих аристократических семей императорской России²⁴⁰.

Работая в тени Кочубея, Сперанский сблизился с членами Негласного комитета и незамедлительно был замечен императором. В 1803 г. он был повышен до директора единственного департамента министерства внутренних дел, то есть фактически стал товарищем министра, а через год, когда в составе министерства создали три новые «экспедиции»²⁴¹, Сперанский был поставлен во главе второй из них, отвечавшей за государственное устройство. В этой должности он стал размышлять над реформированием государства и составил сводные записки, предназначавшиеся для императора, такие как «Размышления о государственном устройстве империи», «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и небольшая работа «О духе правительства».

В течение 1808 г., сразу после Тильзитского мира, Сперанский оказался в еще большем фаворе. В то время как Новосильцев покинул Россию, а Кочубей терял влияние, Сперанский был назначен «докладчиком по делам особенной важности» на имя Александра I, с тех пор став его главным помощником. Император взял его с собой в Эрфурт и представил Наполеону и Талейрану. Сперанский имел частые беседы с французским министром, которому он понравился своим незаурядным умом. Наполеон, высоко оценивший Сперанского, подарил ему усыпанную бриллиантами золотую табакерку со своим изображением²⁴². По возвращении в Санкт-Петербург 16 декабря 1808 г. Александр назначил Сперанского товарищем министра юстиции — вместо Новосильцева — и поручил ему подготовить свод законов, который должен был ввести в России новую политическую практику.

Сперанский незамедлительно взялся за эту работу, четко следуя соображениям и целям Александра. Как подчеркивал Сперанский в

одном из своих писем, отправленных императору из пермской ссылки, проект 1809 г. своим появлением был обязан их тесному сотрудничеству, явился плодом совместных размышлений, чтений материалов и бесед²⁴³.

С точки зрения как Александра I, так и Сперанского, сочетавшего административные навыки с несравненными аналитическими способностями²⁴⁴, Россия являлась европейской страной, не отличающейся некоей самобытностью, которая могла бы объяснить присущую ей политическую отсталость. Ей следовало как можно скорее провести структурные реформы, призванные приблизить страну к европейской модели²⁴⁵. Образованный человек, тонкий знаток произведений Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа, идей И. Бентама, с которым он состоял в переписке, и Э. Дюмона, с которым он впоследствии встретился²⁴⁶, Сперанский желал создать основанную на либеральных идеях систему с включением этических и духовных элементов. По его мнению, необходимо было гарантировать индивиду ряд определенных свобод, сделать так, чтобы закон оградил его от злоупотреблений и слабостей чиновников, и в конечном итоге построить справедливый и нравственный политический уклад. Однако речь не шла о введении в России конституционной формы правления наподобие американской или французской (по образцу Конституции VIII года республики), способной лишить монарха его исключительных прав. Последний должен был оставаться вдохновителем и верховным руководителем грядущих реформ. В конечном счете намеченные реформы все-таки должны были облегчить становление монархической формы правления, «умеренной» и в то же время упроченной законом.

Имея в голове подобный план, Сперанский принялся за работу. В конце октября 1809 г. он представил императору плоды своего труда в виде трех документов: пространного доклада под названием «Введение к уложению государственных законов», «Краткое начертание государственного образования» и «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам». В промежутках между работой Сперанский также не бездействовал. С декабря 1808 г. он подготовил текст двух указов, которые вскоре были приняты Александром I. Первым из них, изданным 3 апреля 1809 г. и известным как указ о придворных званиях²⁴⁷, придворные российского императора обязывались состоять на военной или гражданской службе для продвижения по карьерной лестнице. Изданным 6 августа вторым указом — о гражданских чинах — вводилась система экзаменов для поступления на гражданскую службу и запрещалось производить в коллежские асессоры (8-й чин Табели о рангах²⁴⁸) чиновников. Не

Имевших на руках свидетельства об окончании университета. Последняя мера, нацеленная на борьбу с некомпетентностью и неэффективностью чиновничества и поощрявшая продвижение по службе людей недворянского звания, была негативно воспринята дворянством, которое увидело в нем покушение на свои привилегии.

Проект М. М. Сперанского, в частности его пространный вводный доклад, посвященный кодификации государственных законов, был весьма амбициозен. По мнению товарища министра, «общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе»²⁴⁹. Отныне верховную власть предполагалось ограничить народным представительством, которое опиралось на право частной собственности (распространявшееся только на дворян) и находило применение в законодательстве, судебном делопроизводстве и административном управлении. С точки зрения Сперанского, чрезвычайно важно было не только претворить в жизнь идею народного представительства, но и включить в число народных представителей имущие классы (буржуазию, свободных зажиточных крестьян), более многочисленные, чем дворянское сословие, чьего политического и социального консерватизма Сперанский, как и Александр I, опасался.

С другой стороны, в соответствии с либеральными идеями, унаследованными от французских просветителей, в проекте Сперанского предусматривалось разделение властей. Законодательную власть предполагалось вернуть Государственной думе, независимая судебная власть передавалась Сенату, исполнительная власть, подотчетная власти законодательной, должна была отправляться министерствами. Государственная дума являлась ключевым звеном этой системы, учреждением, ограничивавшим власть императора. Ни один закон не мог быть принят без ее согласия, она пользовалась правом контроля над органами исполнительной власти в лице министерств: министры были обязаны перед ней отчитываться, и она обладала правом выступать с замечаниями.

В новой политической системе император сохранял важные функции: он осуществлял контроль над исполнительной властью, назначая министров, губернских и уездных начальников, принимал единоличные решения, касавшиеся войны и мира, мог издавать указы (что обеспечивало ему частичную законодательную инициативу). Однако — и это очень важный момент — он больше не имел судебной власти. Для участия в ней он должен был опираться на Государственный совет, который являлся связующим звеном между тремя новыми учреждениями (думой, Сенатом и министерствами) и императором. Члены совета, назначенные монархом, были призваны рас-

считать наиболее важные государственные дела. Текст ни одного закона не мог быть принят без одновременного согласия Государственного совета и думы, что означало отделение законодательной власти.

Сразу после введения описанной трехчастной структуры в центральных органах управления предполагалось воспроизвести ее на местах. Губернии делились на округа, в свою очередь, состоявшие из волостей. На всех уровнях власти — от губернской до общинной — создавались исполнительные органы, думы и суды. Однако подобное единообразие не исключало наличия региональной специфики. В местах проживания инородцев — таких как Сибирь, Кавказ или земли донских казаков — выделялись области, пользовавшиеся дополнительной автономией. Это обстоятельство следует подчеркнуть особо: признавая различия в положении многочисленных народов империи, Сперанский учитывал многонациональный характер империи.

Основные права должны были распространяться на все население страны, которое отныне делилось на три категории: дворянство, небогатые имущие слои (торговцы, купцы и т. д.) и рабочий люд, не имевший собственности (крепостные и государственные крестьяне, рабочие). Каждый пользовался гражданскими правами²⁵⁰, ни один приговор не мог быть вынесен без суда, но лишь две первых категории могли участвовать в политической жизни, имея право голоса как собственники.

В проекте Сперанского не только намечались конкретные меры, но и устанавливались точные сроки их осуществления. На 1 января 1810 г. назначили первое заседание Государственного совета. В течение января должны были быть образованы новое министерство финансов и Казначейство, в феврале — новое министерство полиции. 1 мая императорским манифестом предполагалось созвать собрание, которому предстояло официально принять новое уложение законов и 15 августа преобразоваться в Государственную думу, чтобы начать заседания 1 сентября 1810 г. Из рассмотренного проекта ясно, что Сперанский намеревался провести последовательные, логичные и быстрые преобразования.

Параллельно со столь трудным делом Сперанский принялся за реформу семинарий, что свидетельствовало о широте его интересов, хотя он и занимался этим в основном по касательной. Он увеличил количество общеобразовательных предметов — в том числе были добавлены история и древние языки — и отменил телесные наказания. Его замысел заключался в том, чтобы превратить семинарии в питомники для мелких и средних провинциальных чиновников.

Наконец, император поручил Сперанскому поразмыслить над сущностью будущего административного устройства Финляндии. Этот вопрос представлялся срочным, поскольку 20 марта 1808 г. был провозглашен манифест о присоединении Финляндии, которое фактически состоялось годом позже, после подписания Фридрихсгамского мира 5 сентября 1809 г.

Присоединение Финляндии к Российской империи разрешило ситуацию, существовавшую в течение шестисот лет. Со времен средневековья Финляндия являлась составной частью шведского королевства, а ее элита говорила по-шведски. Однако вследствие договоренностей, достигнутых между Наполеоном и Александром I в Тильзите, а затем в Эрфурте, Финляндия в 1808–1809 гг. подверглась внезапному вторжению русских войск с последующей аннексией, которая вызвала глубокую обеспокоенность финляндской элиты по поводу будущего административного устройства и политических целей российского императора.

Чтобы лучше разобраться в положении дел, Александр I и М. М. Сперанский выехали на место, причем последний тайно проделал гигантскую работу, сыграв ключевую роль в реализации пожеланий императора. 20 января 1809 г. Александр I созвал на сейм в Порвоо представителей финляндских сословий — дворянства, духовенства и крестьянства (последнее было свободным, в Финляндии не было крепостного права).

«Я обещал охранять вашу конституцию, ваши основные законы; ваше собрание здесь является гарантией моего обещания. Это собрание откроет новую эпоху в вашей политической жизни»²⁵¹.

Он добавил, приведя финляндцев в восторг, что отныне «Финляндия займет свое место в ряду государств»²⁵².

Историки задавались вопросом, каков был смысл благосклонной политики российского монарха по отношению к Финляндии. Некоторые исследователи подчеркивали военные факторы, другие выдвигали на первый план политические соображения. Не вызывает сомнений прагматизм Александра I в подходе к вопросам, связанным с Финляндией: опереться на местную элиту и правда было проще, чем устанавливать здесь императорскую власть и создавать российские органы управления новой территорией²⁵³. Но при этом император, будучи достойным учеником Лагарпа, стремился использовать Финляндию — подобно тому как он ранее поступил с Ионическими островами и позднее — со «своей» Польшей — в качестве экспериментальной лаборатории по внедрению в Российской империи идей просветителей и конституционных проектов, к которым он сохранял привязанность. В 1811 г., когда Александр I готовился присоединить

к автономной Финляндии не только территории, полученные Россией по Абоскому миру 1743 г., но также земли вокруг Выборга, завоеванные еще Петром I, — что было сделано в декабре, — российский император, упомянув о политических правах, дарованных им Финляндии, заявил Г. М. Армфельту следующее:

«Клянусь вам, что это устройство нравится мне гораздо больше, чем положение вольного властелина, которое всецело определяется моей волей и признает за монархом право на совершенство, которого человек, увы, лишен. Здесь, если я ошибаюсь, это потому, что я сильно этого хочу; в моем распоряжении целый свет; там меня окружают лишь неопределенность и почти всегда привычки, которые заменяют законы. Вы увидите, что я об этом думаю, здесь, где есть возможность практически непрерывно осуществлять перемены в положении сословий, я собираюсь преобразовать прежнюю Финляндию по вашему образу и подобию и даровать ей ту же конституцию и те же самые свободы»²⁵⁴.

Действительно, схема управления Финляндией, разработанная Александром I и Сперанским в Санкт-Петербурге в 1809 г., напоминала компромисс между администрацией, доставшейся по наследству от шведов, и нововведениями, отмеченным печатью эпохи Просвещения.

Новая политико-административная структура предусматривала сохранение сословных привилегий в том виде, в каком они существовали в XVIII в.²⁵⁵ Император не коснулся сферы компетенции местной администрации и органов управления в сельской местности, не пересматривал право городов на самоуправление, которое те получили ранее. Он сохранил права лютеранской церкви, освободил Финляндию от обязанности поставлять рекрутов в армию и разрешил ей держать на вооружении небольшую армию²⁵⁶. Наконец, Финляндия сохранила собственные таможенные пошлины, банк и валюту. Ее привилегии в сфере экономических отношений со Швецией гарантировались Фридрихсгамским миром²⁵⁷.

Итак, вовсе не стремясь искоренять реалии и практики, унаследованные от шведского правления, император, напротив, заботился о том, чтобы в ходе установления российского господства сохранить историческую преемственность, проявляя уважение к приобретенным социально-экономическим правам. Наряду с этим важно отметить, что, хотя Александр I и не проявил себя в качестве конституционного монарха, он взял на себя обязательство править Финляндией, соблюдая действующие законы, и не повышать налоги без предварительного согласия сейма. Таким образом, фактически речь шла о введении в Финляндии основ народного представительства и конституционализма, что для России являлось небывалым новшеством. Тем не менее не следует переоценивать масштаб предоставленных усту-

док: хотя законы действительно соблюдались, сейму суждено было играть символическую роль, тем более что до 1863 г. он вообще не созывался.

Управление Финляндией Александр I доверил местным административным учреждениям, укомплектованным финляндцами. Тем самым российский император отмежевался от шведского наследия. Задача русификации новой администрации и тем более русификации финляндского общества не ставилась. Во главе этой администрации²⁵⁸ находился Императорский управленческий Совет, заседавший в Турку и состоявший из двенадцати сословных представителей. В 1816 г. он был переименован в Императорский финляндский сенат, в 1819 г. перемещен в Хельсинки, ставшие столицей великого княжества. Председательствовать в управленческом Совете было поручено российскому подданному, который получал титул генерал-губернатора и главнокомандующего русской армией.

Для этой должности Александр I в апреле 1809 г. избрал М. Б. Баркляя де Толли. Выбор был сделан не случайно. Сорока семи лет от роду, верный солдат императора, шотландского происхождения и лютеранской веры — его семья в XVII в. обосновалась в Лифляндии — Барклай де Толли, который, как считал Александр, придерживался либеральных взглядов²⁵⁹, как никто другой был способен создать атмосферу открытости и терпимости, необходимую для отправления возложенных на него обязанностей²⁶⁰. Двенадцать членов Совета, распределявшиеся между двумя департаментами, хозяйственным и судебным, назначались российским императором на определенный срок, и их назначение происходило независимо от сословий. В то же время последние были представлены в Совете. Поскольку половина мест отводилась дворянам, а другая половина — простолюдинам, эта система позволяла всем финляндцам принимать участие в делах управления, а народное представительство распространялось на все социальные группы. В этом просматривался принцип, милый сердцу Сперанского. Наконец, в Санкт-Петербурге Александр I назначил финляндского чиновника на пост статс-секретаря финляндских дел для участия в решении вопросов, касавшихся великого княжества. В обязанности последнего входили адаптация распоряжений российских министров к финляндским законам и перенесение на финляндскую почву пожеланий российского императора в области законодательства.

Рассмотренные распоряжения — благожелательные по отношению к местному населению, сочетавшие элементы, унаследованные от эпохи шведского владычества, с рядом нововведений, — сразу же обеспечили императору прочный политический и социальный мир.

Поэтому можно говорить об успехе финляндской политики Александра I и Сперанского. Зато гораздо менее убедительными были результаты реализации общего плана реформы 1809 г.

Прочитав текст, подготовленный Сперанским, Александр воспринял его положительно, оценив его как полезный и вполне удовлетворительный. Вечером 31 декабря 1809 г., следуя составленному Сперанским календарю, Александр предложил 35 сенаторам собраться на следующий день в полдевятого утра в одном из залов Шепелевского дворца. 1 января 1810 г. в девять часов утра он произнес перед собравшимися речь в честь торжественного открытия Государственного совета и публично подтвердил свое намерение даровать стране гражданское уложение²⁶¹. Однако учреждение этого совета, идея которого до 1 января держалась в тайне, равно как и программа Сперанского, натолкнулись на мощную оппозицию.

Прежде всего это касалось семейного окружения Александра I. В российских архивах хранится документ, до настоящего времени мало использованный историками. Речь идет о комментариях Марии Федоровны, составленных 27 декабря 1809 г. в Санкт-Петербурге по поводу текста, который Александр I дал ей прочесть, попросив высказать свое мнение. Этот документ интересен вдвойне. Во-первых, по той причине, что свидетельствует, если в этом вообще была необходимость, об огромном доверии, которое по-прежнему связывало мать и сына, несмотря на частые размолвки. В то время как брак Александра I разрушился, а его отношения с М. А. Нарышкиной переживали взлеты и падения — с 1809 г. они стали обманывать друг друга, а Александр I все чаще предавался мимолетным увлечениям, среди которых была, например, связь с фрейлиной великой княгини Екатерины Павловны, — мать являлась для Александра I главной опорой и ориентиром. Во-вторых, потому что во многом очень верная критика Марии Федоровны замалчивает тот факт, что реформатор, в силу специфических особенностей Российской империи, не мог все изменить одним мановением руки.

«Принцип, на котором основывается проект предоставления особому учреждению права обсуждения всякого нового закона и права предлагать его на рассмотрение, это достойный, справедливый и хорошо развитый принцип. Но в монархическом государстве, каковым является Россия и в котором по сей день не знали иного источника новых законов и распоряжений, помимо воли Самодержца, справедливо указывая на то, что принцип этот способен если и не лишить Самодержца власти, то по крайней мере ограничить ее, представляется существенным, дабы не ущемлять и не изменять общей идеи, которую [слово неразборчиво. — Авт.] создаст на основе власти Самодержца, который представляется столь необходимым в столь обширном Государстве, в котором цивилизация еще не имее-

ет повсеместного распространения, представляется существенным, говоря я, чтобы народ сохранял уверенность в том, что император не лишает себя права устанавливать закон, когда того требуют обстоятельства. Отстаивая это мнение, я готова утверждать перед Богом, что такой порядок вещей, если поддерживать его неусыпно и твердо, приведет только к хорошему»²⁶².

С точки зрения Марии Федоровны, равно как и по мнению некоторых членов Негласного комитета в 1802–1803 гг., император, учитывая политическую незрелость тогдашней России, не имел права отказываться от своего законодательного полномочия.

В то же время идеи, изложенные в рассматриваемом тексте, столкнулись с более безотчетным и менее аргументированным противодействием со стороны министерских служащих и прежде всего А. А. Аракчеева. Действительно, 24 декабря, когда Александр I только что произнес свою вступительную речь, Аракчеев, уязвленный тем, что его оставили в стороне от проекта, с которым он мог лишь не согласиться, так как в нем под вопрос ставилась самодержавная форма правления, тотчас же сложил с себя полномочия военного министра и генерал-инспектора пехоты и артиллерии. Из своего имения Грузино, в которое он удалился, он написал своему монарху двусмысленное письмо:

«Ваше Императорское Величество!

В течение пятнадцати лет я пользуюсь вашими милостями и бумаги, которые я сегодня получил, лишнее тому свидетельство. <...> Я прочитал их все до своего отъезда и никогда не осмелился бы поступить иначе, кроме как применив собственные знания и силы к реализации столь мудрых распоряжений.

Ваше Величество! Вам известны пределы образования, полученного мною в молодости; к моему несчастью, оно ограничилось учебниками, имевшимися в моем распоряжении, и вот почему в своем нынешнем возрасте я чувствую себя не более чем хорошим офицером, который может лишь следить за тщательным исполнением нашего военного дела. <...>

Сегодня для исполнения ваших мудрых распоряжений требуется человек, который имел бы законченное образование по общим предметам. Лишь такой человек был бы полезен в столь важной корпорации, каковым является военное сословие, первое в империи.

Я не в состоянии выполнить эту задачу, Ваше Величество. <...>

Ваше Величество! Не гневайтесь на человека, который прожил пятьдесят лет без лести, но освободите его от этого бремени по своему усмотрению»²⁶³.

В этом письме не обсуждалась ни намечавшаяся политическая реформа, ни учреждение Государственного совета, но Александр I не попался на эту удочку, о чем свидетельствует его решительный и раздраженный ответ военному министру:

«Не скрою. Алексей Андреевич, что при чтении вашего письма мое удивление было велико.

На счет чего мне следует отнести ваше намерение покинуть пост, который вы занимаете? Говорить обиняками здесь было бы неуместно. Я не могу принять соображения, которые вы мне предлагаете, за истинные причины. Если вы были полезны до сего дня в своей должности, почему эта польза должна уменьшиться при новой организации совета? Никто бы этого не понял.

Все, кто читал положение о новом совете, нашли его полезным для блага империи. Но вы, на чью поддержку я более всего надеялся, вы, который так часто мне повторял, что помимо вашей любви к отечеству единственной движущей силой для вас была ваша личная привязанность ко мне, лишь вы, несмотря на эти чувства, забыли о благе империи, вы спешите покинуть отечество, которое вам было поручено тогда, когда ваша совесть не позволяла вам не считаться с тем, насколько вы необходимы и незаменимы. <...>

Но позвольте мне оставить в стороне титул, который я ношу, и говорить с вами как с человеком, к которому я лично привязан и которому я выказывал эту привязанность при всяком удобном случае. Какой эффект произведет ваш отъезд на общество в момент, когда реформа, столь полезная и милая сердцу каждого, будет утверждаться в правительстве? Конечно же, для вас это будет не лучший эффект. <...>

В пору, когда я чувствую себя вправе ожидать горячей и усердной помощи со стороны всех честных людей, которым дорого их отечество, вы единственный, кто меня покидает, и, отдавая предпочтение личному тщеславию, будто бы задетого тем, что для империи является благом, вы вредите, на сей раз действительно, своей репутации.

<...> Во время нашей предстоящей встречи вы мне решительно объявите: могу ли я по-прежнему видеть в вас того самого графа Аракчеева, на привязанность которого я смел бы твердо рассчитывать, или же мне потребуются подыскать нового военного министра»²⁶⁴.

Но Аракчеев упорствовал, и император, не желая лишаться соратника, чью преданность он справедливо ценил, в конце концов назначил Аракчеева, с его согласия, председателем нового Департамента военных дел в составе Государственного совета, сделав своим новым военным министром М. Б. Барклая де Толли, до этого занимавшего пост финляндского генерал-губернатора. И в знак примирения Александр I подарил Аракчееву на Новый год великолепные сани, запряженные парой дорогих скакунов²⁶⁵.

Наконец разумеется, нашлись и такие, кто в самой реформе, способной поставить под вопрос самодержавие, усматривали угрозу престолу. Таков был взгляд Ж. де Местра и писателя Н. М. Карамзина. В начале 1811 г. по просьбе сестры Александра I Екатерины Павловны, чье тверское поместье представляло собой оплот консервативной оппозиции, Н. М. Карамзин изложил в форме «Записки о древней и

новой России»²⁶⁶ свои философские и исторические размышления о судьбе России, а также свою критику текущих реформ, в которых видел противозаконное покушение на самодержавие.

Однако и столкнувшись со столь сильной критикой, император не отступил. Государственный совет все-таки был учрежден — председательствовать в нем было поручено Н. П. Румянцеву — и в последующие месяцы усилил свою реформаторскую деятельность, при этом доверие к М. М. Сперанскому вовсе не было подорвано. В феврале 1810 г. Сперанский взялся за разработку императорского манифеста, которым инициировалась реформа, направленная на оздоровление государственных финансов. В этот период Государственное казначейство действительно испытывало затруднения. Еще до начала войн 1805–1807 гг. России не удавалось достичь бюджетного равновесия, так как в 1804 г. доходы казны не превышали 95,5 млн руб., тогда как расходы приблизились к отметке 109 млн. Война существенно ухудшила положение: в 1807 г. налоговые поступления составили 121 млн руб., а расходы — 170 млн. Через два года ситуация стала просто тревожной: доходы едва достигли 127 млн руб., тогда как расходы превысили 278 млн²⁶⁷.

Перед лицом этого кризиса, вызванного увеличением военных расходов и сокращением доходов, связанным с упадком внешней торговли, Сперанский принял решительные меры. Был прекращен выпуск бумажных ассигнаций, причем они по-прежнему использовались для уплаты государственного долга. Для усиления платежеспособности Государственного казначейства в продажу пустили земельные владения государства. Было проведено общее повышение налогов и временно введен налог на доходы дворянства — на основе оценки этих доходов самими дворянами. Эти меры были нацелены на увеличение государственных финансов, достижение бюджетного равновесия²⁶⁸, и действительно, в 1812 г. доходы приблизились к 300 млн руб.²⁶⁹ Но эти меры также вызвали растущее недовольство дворян и способствовали увеличению числа недоброжелателей Сперанского. Несколько месяцев спустя манифестом 25 июля 1810 г., дополненным манифестом 25 июня 1811 г., были изменены полномочия министерств, утверждалась власть министра над вверенным ему учреждением и определялся характер взаимоотношений между министерствами и высшими государственными учреждениями, включая Сенат, Совет министров и Государственный совет.

Статс-секретарь, товарищ министра юстиции, председатель комиссии составления законов и комиссии по делам Финляндии, ответственный за подготовку финансовой реформы, ректор университета в Турку Сперанский получал все новые звания, должности и

полномочия. Неутомимый труженик, полный честолюбивых замыслов и стремившийся реформировать империю путем водворения в ней большей эффективности и справедливости, Сперанский вызывал по отношению к себе неприязнь, о чем ему было хорошо известно. В феврале 1811 г. он открылся императору, не без юмора жалуюсь: «...в течение одного года я попеременно был мартинистом²⁷⁰, поборником масонства²⁷¹, защитником вольности, гонителем рабства и сделался наконец записным иллюминатом»²⁷². Хотя его порядочность не вызывала сомнений, вскоре в его адрес зазвучали обвинения от носителя того, что через Коленкура он подкуплен французами.

В течение 1810–1811 гг. Александр I оставался глух ко всем нападкам, которые обрушивались на его министра. В то же время, плененный амбициозным и сложным проектом Сперанского, император не решался тем не менее претворить его в жизнь. Некоторые историки усматривали в этих колебаниях если не резкую перемену взглядов, то по крайней мере проявление будто бы слабохарактерности императора, даже двуличность и глубокую привязанность к самодержавной форме правления, унаследованную от эпох Екатерины II и Павла I. Другие приписывали такое поведение боязни императора вызвать недовольство дворянства²⁷³. Обе точки зрения представляются мне необоснованными. Разумеется, Александр I всегда отличался нерешительным характером, был «слишком слабым, чтобы править и слишком сильным, чтобы им правили», как неосторожно выразился однажды Сперанский. Конечно, находясь у кормила реальной власти с 1801 г., он и в 1810 г. обнаруживал не меньший идеализм, чем в начале своего пути. Но император по-прежнему желал провести либерализацию политического устройства России, о чем свидетельствовало доверие, которое он оказывал Сперанскому.

В то же время он постоянно сталкивался с проблемой реализации реформы. Как можно было согласиться на отказ от части своих привилегий тогда, когда даже так называемое просвещенное сословие, казалось, в большинстве своем застыло в собственном консерватизме и было не в состоянии осмыслить суть реформы? На какие силы и фигуры следовало опереться, чтобы довести реформу до конца и распространить ее на провинцию? Оставаясь без ответа, эти принципиальные вопросы становились тормозом на пути реформаторских устремлений Александра I, и без того пребывавшего не в лучшем расположении духа вследствие инертности и даже противодействия части сановников. В подобных условиях план 1809 г. привел в целом к совсем скромным результатам.

Результатом реформы стало ясное и четкое определение полномочий и сферы деятельности министерств. Однако наперекор желанию реформатора министры, ответственные перед императором, бы-

ли неподотчетны Государственному совету. Государственная дума так и не была создана, проект кодификации законов был отложен на неопределенный срок²⁷⁴. Реально функционировал лишь Государственный совет, да и то не так, как планировал Сперанский. Если изначально он задумывался как орган, «ответственный за контроль над деятельностью министерств и разработку всех крупных законопроектов в масштабах империи»²⁷⁵, в действительности он стал ключевым звеном правительственного аппарата и проводил в жизнь пожелания императора, не имея вместе с тем законодательной инициативы.

Состоявший из четырех департаментов (законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел и военных дел) и одного общего собрания, Государственный совет в течение всего царствования Александра I комплектовался членами, пожизненно назначаемыми императором, большая часть которых²⁷⁶ были выходцами из рядов крупнопоместного дворянства, а около трети — носили титулы князей и графов. Все они принадлежали к первым трем классам Табели о рангах, около двух третей из них состояли на военной, а не гражданской службе и придерживались православия. Наконец, средний возраст членов Государственного совета составлял пятьдесят шесть лет и три месяца. Все эти характеристики²⁷⁷ свидетельствуют об однородности данной группы и ее слабой открытости реформаторским настроениям, и именно этим, по всей видимости, объясняется вся двусмысленность мер, предпринятых Александром I. Сетую на консерватизм земельной знати, император в работе Государственного совета сделал ставку именно на нее, положив конец надеждам Сперанского распространить сферу ответственности на более широкие социальные слои. Учитывая это, имел ли российский монарх в 1810–1825 гг. реальную возможность опереться на иные слои населения? Есть все основания в этом сомневаться.

Реализация проекта 1809 г., затянувшаяся вследствие колебаний российского императора, в не меньшей степени пострадала от ухудшения русско-французских отношений и от усиления франкофобских настроений внутри российской элиты. В 1811–1812 гг., по мере того как на международной арене непрерывно сгущались тучи, а континентальная блокада оказывала все более негативное влияние на российскую экономику, настало время военных приготовлений, а вопрос о реформах постепенно отошел на второй план.

Российская империя на военном положении

С 1808–1809 гг. и тем более с 1811 г. Александр I, испытывавший все большее беспокойство, убеждался в неизбежности войны. 10 ноя-

бря 1811 г. в письме к сестре Екатерине Павловне он сетовал на то, каким образом развивались события:

«Сейчас я говорю вам, что вы лучшее создание на земле, снисходительно относившееся кое к кому, кто счел бы себя сегодня счастливым, если бы у него был хоть один час на дню, чтобы подышать свежим воздухом. Никогда ранее не вел я подобную собачью жизнь. Очень часто в течение недели я заставляю себя вылезти из кровати, усаживаюсь за стол и покидаю его лишь для того, чтобы съесть что-нибудь в полном одиночестве и возвратиться за стол, за которым я нахожусь вплоть до отхода ко сну. Таков мой день <...> Вы заставляете меня сказать, что я ленив, поскольку не приехал с вами повидаться: ах, если бы я только мог, я бы не заставил просить себя дважды. Не только потому, что это было бы истинным наслаждением для меня, но могу сказать, что это стало бы отдыхом. Мы постоянно настроже: мне следует выждать более благоприятный момент, иначе война не позволит мне этого сделать вовсе»²⁷⁸.

По прошествии некоторого времени, в январе 1812 г., он писал сестре, что находится «как никогда на посту, ибо горизонт меркнет все более и более»²⁷⁹. В столь тревожной обстановке следовало позаботиться о том, чтобы наилучшим образом организовать оборону империи.

В первое время император, как было показано выше, вынашивал замысел ведения наступательной войны, используя в качестве плацдарма польские земли. Но поскольку план столкнулся с проволочками со стороны прусского короля и серьезными сомнениями, высказывавшимися князем Чарторыйским, Александр I сделал выбор в пользу решительно оборонительной войны. Хотя он мог испытывать колебания, размышляя о возможном ходе военных операций, как бы то ни было с 1808 г. он обнаружил желание обеспечить империю более эффективной и лучше организованной армией.

Еще в 1801 г. молодой император осуществил реформу армии, последовав предложениям военной комиссии, отвечавшей за изучение положения войск и за их реорганизацию. Принятые меры предусматривали значительное наращивание численности вооруженных сил в мирное время: если в 1801 г. российская армия насчитывала 446 тыс. человек, к 1805 г. ее численность была доведена до 475 тыс. человек. Основу армии по-прежнему составляла пехота, однако возросла роль кавалерии и особенно артиллерии, оснащенной более современным вооружением. С выделением в составе российской армии инженерного корпуса ее мастерство и технические умения возросли. Однако первой волны реформ, проведенных в мирное время, хватило лишь на то, чтобы конкретизировать военные угрозы.

13 января 1808 г. Александр назначил Аракчеева на пост военного министра и генерал-инспектора пехоты и артиллерии. Представляя

шийся многим придворным ограниченным и невежественным человеком, — среди них не последним был Ж. де Местр, — Аракчеев старался за несколько месяцев восстановить в армии строгую дисциплину, безжалостными мерами ведя борьбу против развращенности и безответственности офицеров и работая над улучшением снабжения армии продовольствием, снаряжением и боеприпасами.

В то же время, являясь таким же поборником порядка и опрятности, что и Александр, Аракчеев превратил собственное имение Грузино в «крестьянско-солдатское» поселение, которое тем больше понравилось императору, что напоминало ему о безупречном порядке Гатчины. Тотчас после визита, который он нанес своему военному министру в 1809 г., Александр I в письме к сестре Екатерине Павловне сообщал о своем восхищении тем, как было поставлено управление в Грузино, и о том, что он начал подумывать об армии, которая состояла бы из крестьян-солдат, опрятных, хорошо питавшихся, дисциплинированных и всецело преданных отечеству. Однако назначение 1 января 1810 г. М. Б. Барклая де Толли на пост военного министра изменило расклад сил. Вопрос о крестьянско-солдатской утопии в ближайшее время не поднимался. Новый министр, поддерживаемый П. М. Волконским, управляющим Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части²⁸⁰, намеревался провести неотложные и практические меры.

В феврале–марте 1810 г. министр разработал план укрепления западной границы и предложил сделать линию Двина–Днепр главным оборонительным рубежом. С другой стороны, намереваясь защитить Финляндию от потенциальной атаки Швеции, Барклай де Толли выступил с предложением разместить на ее территории две дивизии и возвести две крепости — одну в северной части Финляндии, другую на Аландских островах²⁸¹. Несколько месяцев спустя, в августе 1810 г., Барклай де Толли рекомендовал императору и министру иностранных дел Н. П. Румянцеву поскорее заключить мир с Османской империей с тем, чтобы перебросить войска с юга к западной границе, которая простиралась от Балтийского моря до Украины на 1100 верст. Александр I, вняв этим доводам, 16 мая 1812 г.²⁸² заключил в Бухаресте мир.

Одновременно с этим, в продолжение деятельности Аракчеева и при его поддержке, военный министр работал над улучшением качественных и количественных характеристик российской армии. В октябре 1811 г. Аракчеев предложил на рассмотрение Государственного совета записку под названием «По вопросу военного набора». Несмотря на чрезвычайно длительный срок военной службы — на момент подписания Бухарестского мира он составлял двад-

цать пять лет, — Аракчеев в своем докладе выражал обеспокоенность, указывая на нехватку резервов для регулярной армии, на высокий налог, взимаемый с не пригодных к военной службе (по его расчетам 10 % молодых людей не были способны адаптироваться к военному распорядку и ритму жизни), и на необходимость скорейшего исправления этих недостатков. М. Б. Барклай де Толли, опираясь на этот доклад, который лишь подтверждал его собственные выкладки, приступил к увеличению численности вооруженных сил.

В период между сентябрем 1810 г. и мартом 1812 г. в результате трех рекрутских наборов пропорция рекрутов в общей массе населения стала больше. Если по императорскому указу 16 сентября 1810 г. в рекруты набирали одного из семисот крестьян, то по указу 1811 г. — одного из пятисот, а по указу 29 марта 1812 г. — два из пятисот крестьян шли в солдаты²⁸³. Барклай де Толли также обязал полки чаще проводить учения, повысил уровень грамотности и ее распространенность среди солдат, распорядился о строительстве складов для хранения боеприпасов и зерна и занялся укреплением западной границы. Понимая, что Россия, выступавшая против Наполеона в одиночку, может рассчитывать исключительно на собственные ресурсы — эта мысль являлась лейтмотивом нескольких докладов военного министра на имя императора, — Барклай де Толли заботился об укреплении мощи армии.

Насколько принятые меры оказались эффективными — с точки зрения численности личного состава, его экипировки и подготовленности — стало ясно довольно скоро. В 1811 г. в распоряжении Александра I имелось 225 тыс. вооруженных и экипированных солдат, разбитых на небольшие группы между Двиной и Днепром. Уже через год, накануне войны, российская армия, не считая казачьих войск, состояла из трех армий, имевших в своем составе двенадцать пехотных корпусов и пять кавалерийских корпусов, причем корпуса представляли собой «огромные независимые боевые единицы на манер французских»²⁸⁴, или всего 380 тыс. пехотинцев, 62 тыс. кавалеристов, 43,5 тыс. артиллеристов и 4,5 тыс. саперов. Однако укрепление границы заняло больше времени, и когда Великая Армия вторглась в пределы Российской империи в июне 1812 г., эта задача не была выполнена, что свело на нет усилия Барклая де Толли.

Проведя реорганизацию российской армии ценой некоторого напряжения сил — Барклай де Толли столкнулся с противодействием некоторых генералов, неохотно подчинявшихся немецкоязычному командиру и к тому же лютеранину, — военный министр при полном согласии Александра I также развернул активную разведывательную и шпионскую деятельность.

В декабре 1810 г., еще до подписания секретной военной конвенции октября 1811 г., дружеские связи, поддерживаемые прусским королем и российским императором, проявились в секретном сотрудничестве между военными министрами двух стран. Х. А. Ливен, российский посланник в Берлине, тайно передал М. Б. Барклаю де Толли карты Германии, Голландии и Центральной Европы, весьма детальные в топографическом отношении: «это квинтэссенция коллекции секретных карт, которыми располагает прусское хранилище»²⁸⁵, как позднее писал отправитель. Тогда же Барклай де Толли воспользовался услугами казачьего полковника в Париже А. И. Чернышева. Адъютант императора, которому он служил в качестве курьера между Санкт-Петербургом и Парижем, тридцатилетний А. И. Чернышев, искусный танцор, был обольстителем. В своих воспоминаниях Лаура д'Арбант с юмором описывает успех, которым он пользовался на балу в Тюильрийском дворце у придворных дам:

«Все они начинали походить на диких кошек, когда среди них появлялся Северный Ловелас. <...> Все в нем, вплоть до костюма, по тогдашней моде плотно облежавшего фигуру, его шляпа, плюмаж, волосы, спадающие крупными прядями, и сверх того его татарская физиономия, раскосые глаза... все это вместе <...> было оригинально и вызывало любопытство»²⁸⁶.

В 1806 г. российский поверенный в делах П. Я. Убри познакомился с уже упоминавшимся Мишелем, французским чиновником, служившим в управлении военного транспорта французского Военного министерства. За вознаграждение последний передавал копии докладов, которые он составлял для своего министерства. В дальнейшем, по мере ухудшения франко-русских отношений, предоставляемые Мишелем сведения обретали все большую ценность. Беспokoясь о своей участи, Мишель попытался пойти на попятную. Но было уже слишком поздно. Шантажируемый русскими, он был вынужден сотрудничать с Чернышевым, которого он снабжал полными и детальными сведениями касательно французской армии. До февраля 1812 г., когда Мишель вместе с тремя сообщниками был арестован, предан суду, приговорен к смерти за «государственную измену» и гильотинирован в апреле²⁸⁷, он аккуратно и регулярно информировал штаб российской армии, посредством «докладов о положении» (то есть двухнедельных докладов, которые передавал посол А. Б. Куракин²⁸⁸, ничего не зная об их содержании), о материальном довольствии, личном составе и расположении полков Великой Армии.

Военный шпионаж дополнялся шпионажем политическим. В 1808 г. Александр I поручил Сперанскому создать в Париже разведывательный аппарат, который работал бы без ведома дипломатиче-

ского корпуса, в том числе министра иностранных дел Н. П. Румянцева и посла А. Б. Куракина. В центре этой системы находился К. В. Нессельроде²⁸⁹, собиравший все сведения и тайно переправлявший их в Россию Сперанскому, и, конечно же, Талейран, скупавший и передававший Нессельроде секретные документы о положении Франции. В ходе переписки обе стороны пользовались кодовыми именами: в зависимости от обстоятельств Талейрана называли «мой кузен Анри» или «прекрасный Леандр»; Ж. Фуше имел прозвища «Наташа» или «президент»; что касается российского императора, то он проходил под именем «Луиза».

Эти письма, в настоящее время хранящиеся в архиве К. В. Нессельроде, не представляли никакого интереса с военной точки зрения или с точки зрения работы тыла, но позволяли Александру I узнать о царивших в стране настроениях и лучше понять баланс сил. Эти письма Талейран упорно стремился превратить в деньги. Уже получив щедрое вознаграждение в виде «разрешений на торговлю с Англией», он без колебаний демонстрировал свои аппетиты, чем вызывал раздражение императора. 15 сентября 1810 г. он писал Александру I, что «нуждается в пятнадцати тысячах франков»:

«Мне было бы желательно получить их в ноябре. Каким бы это ни было простым делом, я должен быть очень осторожен в выборе способа их получения. Если Ваше Величество находит, что, пользуясь доверием обращаться к нему, я всего лишь засвидетельствовал почтение щедрым качествам, которыми оно наделено, <...> я прошу его распорядиться о том, чтобы г-же Бентам написали, что она выдаст г-ну Лабински, своему генеральному консулу в Париже, кредит на пятнадцать тысяч франков во Франкфурте»²⁹⁰.

Однако он получил от российского императора твердый отказ.

Создание указанных двух шпионских сетей свидетельствует, насколько в 1808 г., и в еще большей мере с 1810 г., Александр I был одержим желанием знать о Наполеоне как можно больше — он хотел обложить его со всех сторон, понять его, чтобы лучше оценивать его ресурсы, способности и возможные слабые места. Российский император уже давно не был очарован французским императором, однако тот по-прежнему производил на него сильное впечатление. Поведение Александра I выдавало его желание составить точное представление о своем потенциальном противнике. В то же время, хотя российский император придерживался оборонительного дискурса во всеуслышание заявляя, что не станет поджигателем войны и никогда не начнет войну первым, он начал подготавливать к ней общественное мнение, подчеркивая свои патриотические чувства и раздавая обещания представителям франкофобской консервативной знати.

С 1804 г. Александр I выражал убежденность в том, что предстоящая война против Наполеона будет в равной мере войной идей и людей, и что по этой причине решающее значение будет иметь народная поддержка в ходе столкновения, жестокости и масштабности которого он страшился. Эта его убежденность более или менее сознательно проявилась в 1805 г., когда Александр I решил представить Наполеона в образе Антихриста, с которым следовало бороться. Но в 1812 г., после союза, скрепленного тильзитским и эрфуртским свиданиями и нарушившего прежние ориентиры, что породило фрондерские настроения в среде франкофобской знати, Александру I больше чем когда-либо требовалось заручиться поддержкой общественного мнения и постараться положить конец сомнениям и злобной критике, объектом которой он являлся. Поскольку атмосфера при дворе оставалась напряженной, вновь поползли слухи о заговоре. В своей депеше стокгольмскому двору шведский посол в Санкт-Петербурге К. А. Левенгельм сообщал 5 апреля 1812 г.:

«Даже сейчас Ваше Величество лишь с большим трудом может представить себе, до чего доходит свобода слова в столь деспотической стране, как эта. Чем ближе становится надвигающаяся гроза, тем больше сомневаются в способностях того, кто держит бразды правления... Император, которому обо всем известно, не может не знать, в какой мере он утратил доверие своего народа. Должно быть, даже существует партия в поддержку великой княгини Екатерины, супруги принца Ольденбургского, во главе которой, поговаривают, стоит граф Ростопчин. <...> Принимая во внимание легкость, с какой этот народ пускается в революции, его склонность к правлению женщин, было бы неудивительно, если бы нынешним кризисом воспользовались и начали перемены»²⁹¹.

Действительно, российский император подвергался все более открытой критике. Ему ставили в упрек союз с Францией, несвоевременные меры, которые якобы свидетельствовали о его неспособности «держать бразды правления», тяжесть континентальной блокады, введенной Наполеоном для душения Англии и день за днем разорявшей Российскую империю.

Накануне установления континентальной блокады Россия именно в Англию вывозила большую часть своего сырья, в том числе железо, пеньку, лес, лен, зерно, поташ и воск, и на долю одной Англии приходилось более половины внешней торговли России²⁹². Кроме того, до введения блокады большая часть российского экспорта (особенно зерна) доставлялась в Западную Европу судами, шедшими преимущественно под британским флагом. В 1804 г. из Санкт-Петербургского порта, через который шло 49 % морского экспорта и 43 % импорта, английские суда вывезли 63 % товаров, а российские — всего 35 %²⁹³. Таким образом, блокада, введенная указом Алексан-

дра 19 ноября 1807 г., через два года после разрыва русско-английских отношений, но в действительности заработавшая с весны 1808 г., перекрыла этот поток, а российские торговцы и промышленники не могли найти других судовладельцев. В 1808 г. объем экспорта российских товаров через балтийские порты сократился в три раза по сравнению с 1806 г.²⁹⁴

Это обстоятельство вызвало экономический и финансовый кризис. За несколько месяцев бумажный рубль потерял около 50 % своей стоимости, продажа сельскохозяйственных продуктов по бросовым ценам спровоцировала невиданную стагнацию, а Государственное казначейство столкнулось с растущим дефицитом: 126 млн руб. в 1808 г., 157 млн — годом позже²⁹⁵. Энергичные меры по упорядочиванию финансов, предпринятые Сперанским, несколько выправили положение. В 1810 г. дефицит составил всего 77 млн руб.²⁹⁶, однако ситуация оставалась тревожной, а недовольство общества, сильно задетого экономическим и финансовым кризисом, достигло высшей точки. Поэтому пришло время Александру I проявить решимость в отстаивании интересов России и подать обществу знак, которого оно ожидало. В декабре 1810 г., как уже упоминалось, императорским указом блокада частично снималась и вводились таможенные пошлины на ввозившиеся из Франции предметы роскоши. Весной 1812 г. император предпринял политические шаги, нацеленные на подготовку населения к войне, масштаба которой Александр I страшился. 1 апреля 1812 г. он написал А. Чарторыйскому следующее:

«Разрыв с Францией, по-видимому, неизбежен. Цель Наполеона — уничтожить или по крайней мере унижить последнюю стоящую еще на ногах державу в Европе, и чтобы достичь этого, он выдвигает требования совершенно неприемлемые и несовместимые с честью России:

1. Он требует закрыть доступ в Россию нейтральным судам. Это значит лишить себя единственных оставшихся у нас путей для сбыта произведений своей страны.

2. В то же время он желает, чтобы мы, лишенные всякой возможности вывоза наших собственных продуктов, не ставили никаких препятствий к ввозу в Россию французских предметов роскоши, к чему нами были приняты запретительные меры, так как мы не так богаты, чтобы оплачивать их.

Так как я ни в каком случае не соглашусь на подобного рода предложения, то, вероятно, в результате явится война, несмотря на все старания России избежать ее. Еще прольются потоки крови, и бедное человечество еще раз будет принесено в жертву ненасытному честолюбию человека созданного, по-видимому, на его несчастье»²⁹⁷.

В марте 1812 г., желая снискать симпатии франкофилов, Александр I назначил Ф. В. Ростопчина московским генерал-губернатором. Как было показано выше, последний, приближенный к Екатерине

Ивановне, приобрел известность благодаря своим язвительным памфлетам. Поэтому его назначение казалось в высшей степени символическим. Несколько дней спустя император решился принести в жертву патриотизму Сперанского.

Вечером 17 марта 1812 г. последний был вызван к императору, и после двухчасового разговора с глазу на глаз, который его глубоко потряс, обвиненный в предательстве в пользу наполеоновской Франции, Сперанский был арестован. Обвинения, от начала и до конца сфабрикованные министром полиции А. Д. Балашовым, очевидно, не имели под собой оснований, однако Сперанский, которого придворные консерваторы ненавидели за его любовь к Франции и восхищение Наполеоном, проявил неосторожность. В своих письмах, перехваченных ведомством Балашова, он несколько раз уничижительно высказывался об императоре, в ироничной и непочтительной манере коря его за мягкость, нерешительность и в конечном счете за неспособность править. И уж совсем опрометчиво было оставлять у себя зашифрованные послания от К. В. Нессельроде, втайне от императора, которому они предназначались.

Глубоко потрясенный подобным если и не политическим, то, во всяком случае, моральным предательством, Александр I принял решение пожертвовать Сперанским. Лишенный всякого имущества, Сперанский в тот же вечер без промедления и под надежной охраной был отправлен в ссылку в Нижний Новгород. Его главного соратника М. Л. Магницкого постигла та же участь. Официально оба они должны были предстать перед судом по обвинению в государственной измене. Падение Сперанского было тотчас же воспринято придворной знатью как победа над французами и вызвало всеобщую радость. Однако Александру I было не по себе, поскольку, хотя он и сердился на Сперанского, который его морально предал, он очень хорошо знал, что столь цельный человек не мог быть повинен в сговоре с Францией. На следующий день он заявил А. Н. Голицыну:

«Если бы тебе отрезали руку, ты бы кричал и, вероятно, стонал бы от боли: прошлой ночью я лишился Сперанского, а он был моей правой рукой. <...>Ты изучишь <...> бумаги Михаила Михайловича; но ты там ничего не найдешь: он не предатель»²⁹⁸.

Пытаясь оправдаться перед Новосильцевым, он говорил:

«В действительности во всем виноват я один, виноват в том, что оплатил за доверие и дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью»²⁹⁹.

В этой ситуации Александр I прибег к полумерам. Сперанского отправили в ссылку. Это наказание было одновременно и легким, учитывая серьезность предъявленных ему обвинений, и тяжелым,

если принять во внимание его действительные «прегрешения». Но официально приговор так и не был вынесен. Сперанского не лишили ни полученных за время службы орденов, ни графского титула, а судебное разбирательство так и не было начато. Более того, в знак признанности и уважения, которые Александр I к нему испытывал, Сперанский, «помилованный» императором после четырех лет ссылки, был назначен пензенским губернатором, а в 1819 г. — сибирским генерал-губернатором...

Принеся подобную жертву, Александр не оставил усилий по воодушевлению общества, одновременно испытывая беспокойство от растущего могущества Наполеона и сознавая собственные преимущества. В письме Чарторыйскому от 1 апреля 1812 г. он настаивал на том, что русские были настроены воинственно и самоуверенно и были полны решимости принять участие в грядущей войне:

«Я удовольствуюсь лишь напоминанием, что русская армия имеет за собой бесконечное пространство для отступления с тем, чтобы не дать себя разбить. Для Наполеона же затруднения будут возрастать, по мере его удаления от источников своих средств и сил. Если война начнется, здесь решено не складывать более оружия. Собранные военные силы очень велики; общественное настроение прекрасно и совершенно не походит на то, какое Вы наблюдали первые два раза. Нет более того чванства, порождавшего презрение к врагу. Напротив, все хорошо сознают всю силу врага, считают весьма возможным всякие для нас несчастья, но несмотря на это все твердо настроены до последней возможности поддерживать честь империи»³⁰⁰.

Несколько дней спустя, 14 апреля 1812 г., Александр I в окружении солдат прибыл в Вильну. По мере того как угроза становилась неотвратимой, наставало время Священного союза, сформировавшегося за спиной российского монарха.

1812 г.: ДУЭЛЬ ИМПЕРАТОРОВ

От количества литературы, посвященной наполеоновским войнам, и в частности войне 1812 г., кружится голова: не менее 5 тыс. монографий и около 10 тыс. статей были опубликованы на русском языке в 1812–1912 гг.³⁰¹ и почти столько же трудов было написано на европейских языках! Так как в течение XX в. советские историки, казалось, топтались на месте, несколько отдалившись от этой проблематики³⁰², эстафета перешла к западным исследовательским центрам и обществам, изучавшим эпоху Наполеона. Это свидетельствовало об интересе, который вызывала данная тема. Поэтому наша задача состоит не в том, чтобы подробно изложить историю кампании, — для этого не хватило бы и целого тома, к тому же другие историки уже сделали это талантливо³⁰³, — а скорее в том, чтобы рассмотреть ее основные фазы прежде чем приступить к анализу умонастроений и поведения Александра I в час бедствий, потрясших Российскую империю.

Кампания 1812 г.

В смертельной дуэли³⁰⁴, которую Наполеон и Александр I начали в 1812 г., риторика, идеология, цели, средства и стратегия — все было призвано противопоставить их друг другу. Именно поэтому, наряду с ужасным столкновением 600 тыс. человек с обеих сторон, в этой войне схлестнулись также две воли, два сознания, два представления о власти и два отношения к окружающему миру. Французская историография, зачастую озабоченная тем, чтобы не испортить образ Наполеона как гениального стратега, была склонна объяснять поражение французов влиянием холода, суровостью климата и исключительным мужеством русских войск, а не ошибками Наполеона³⁰⁵. Однако, хотя «генерал Мороз» создал нападавшим определенные трудности, причины поражения следует искать прежде всего в ошибках французского императора: в отсутствии чувства меры, в его уверенности в скорой победе, которая заставляла пренебрегать климатическими особенностями и расстояниями, в его неспособности понять образ действий противника и вникнуть в его психологию.

Во главе Великой Армии Наполеон решил вторгнуться в пределы Российской империи, которая по его подозрениям, основанным на количестве русских войск, развернутых вдоль западной границы, должна была вот-вот перейти в наступление. Французский император делал ставку на быструю войну, которую он рассчитывал выиграть благодаря решающему сражению. После Аустерлица и Фридланда он надеялся пополнить список своих достижений очередной блистательной победой, которая заставила бы Александра I капитулировать, решительно оттеснила бы его к востоку, что позволило бы Франции развязать себе руки в Европе.

Однако в течение нескольких месяцев накануне начала военных действий приближенные французского императора неустанно предостерегали его от столь безрассудного шага. Ж.-Ж.-Р. Камбасерес, Ж. Фуше, Ж. Бонапарт, А. Коленкур и Л.-Ф. Сегюр — все они старались отговорить Наполеона от участия в кампании, которая казалась им рискованной (поскольку предполагала растянутость линий коммуникаций) и необоснованной. Но Наполеону до этого не было дела. Он хотел во что бы то ни стало провести эту кампанию, чтобы покончить с сопротивлением русских и окончательно оттеснить на второй план Англию.

Александр I, напротив, в начале кампании не определился с тем, какой стратегической линии следует придерживаться, но, по всей видимости, был полон решимости воспротивиться планам захватчика, которого он не был склонен недооценивать. 16 марта 1812 г., принимая в Зимнем дворце Б. Паррот, Александр I откровенно поведал ему о своем страхе в связи с надвигавшейся войной, равно как и о своей решимости ни в чем не уступать Наполеону:

«Страшная борьба, которая скоро начнется, решит судьбу моей империи, и я не надеюсь восторжествовать над гением и силами моего врага. Но я верно не заключу позорного мира; скорее я погибну под обломками своей империи. Если так будет угодно небу, расскажите обо мне потомкам; вы знаете мое сердце»³⁰⁶.

Тогда же, принимая американского посланника Д. К. Адамса, бывшего с визитом в Санкт-Петербург, он с грустью признался ему в собственном разочаровании: «Итак, будет война, которой я всеми силами старался избежать»³⁰⁷. Однако, хотя война предвещала быть трудной, император был полон решимости одолеть захватчика, полагаясь на свой народ, а также на протяженность территорий и особенности климата России. С 1811 г. он заявлял А. Коленкуру следующее (о чем тот впоследствии рассказал в частной беседе с Наполеоном):

«Вполне воздавая должное вашим военным талантам, он часто говорил мне, что его страна велика; ваш гений может дать вам много преимуществ

над его генералами, но <...> у них имеется достаточно территории, чтобы уступить вам пространство, а удалить вас от Франции и от ваших баз — значит уже с успехом сражаться против вас. Ваше Величество будете вынуждены возвратиться во Францию, и тогда все преимущества будут на стороне русских; к этому присоединяется зима, жестокий климат и — самое главное — решимость императора Александра, громогласно возведенная им воля продолжать борьбу и не поддаваться, подобно другим государям, слабости, выражающейся в подписании мира в своей столице»³⁰⁸.

Коленкур настаивал на предложениях, выдвинутых в тот момент российским императором:

«Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это не даст ему мира. Испанцы неоднократно были биты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов <...> Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним <...> Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима. Чудеса с вами могут произойти лишь там, где окажется император, но он не может быть повсюду и годами находится вдали от Парижа»³⁰⁹.

Данное заявление представляет большой интерес. Оно свидетельствует о том, что почти за год до вторжения французов Александр I понимал, что любое прямое столкновение с противником сулит ему гибель, что спасение империи может принести лишь отказ от сражения и что климат, враждебное окружение играют на руку русским. Предчувствие, которое оказалось весьма обоснованным. Это заявление также многое говорило об отношении императора к Наполеону: отдавая себе отчет в харизме последнего и его умении множить «чудеса», Александр в то же время с поразительной проницательностью отмечал хрупкость власти, которая в отличие от его собственной, освященной веками российской истории, зиждилась исключительно на личности императора.

Пока Александр I и члены его главной квартиры находились в Вильне, М. Б. Барклай де Толли и К. Л. Фуль, прусский офицер, пользовавшийся доверием императора, высказывали схожие мысли; их доводы имели сильное влияние на Александра, у которого остались болезненные воспоминания от «решающих сражений» при Аустерлице и Фридланде. Фуль намеревался позволить Великой Армии дойти до укрепленного лагеря — его выбор пал на Дрисский лагерь, располагавшийся на Двине, — где 1-я русская армия должна

была атаковать неприятеля с фронта, при поддержке 2-й армии, наносившей удар с фланга³¹⁰. Барклай де Толли поддержал этот план: по его мнению, следовало избегать любых непосредственных столкновений с противником и непрестанно отступать, препятствуя наступлению неприятеля и тем самым ослабляя его.

Однако некоторые генералы из окружения Александра I — пылкий П. И. Багратион, молодой А. П. Ермолов, будущий покоритель Кавказа, — не разделяли этой точки зрения. Несмотря на блестящий послужной список Барклая, не дававший оснований обвинять его в трусости, план военного министра, состоявший в том, чтобы бежать от неприятеля, представлялся им морально неприемлемым. Таким образом, хотя накануне вторжения французов стратегия русских не предусматривала решающего сражения, решение это не было окончательным и одобрялось не всеми.

Вечером 11 июня³¹¹ Александр I присутствовал на балу в его честь, который давался в великолепной усадьбе Л. Л. Беннигсена в окрестностях Вильны, в Закрете, совсем недалеко от имения, недавно приобретенного самим императором. Здесь же толпились приглашенные, покоренные внешним видом императора, который по такому случаю надел мундир Семеновского полка с отворотами голубого цвета. В тридцать пять лет Александр I по-прежнему был очень красив: несмотря на глухоту и наметившуюся плешь, он был чрезвычайно обаятелен — со своими голубыми глазами, светло-русыми, всегда аккуратно причесанными волосами, свежим цветом лица и легким ароматом лавандовых духов, которые он наносил на лицо и руки.

«Если он обращался к лицам высокого положения, тон его был полон достоинства и в то же время приветлив. К лицам своей свиты он обращался с почти фамильярной добротой; к пожилым дамам — с почтением; к молодым особам — с безграничной грацией, с тонким, чарующим взглядом, полным выражения»³¹².

Во время ужина в саду генерал А. Д. Балашов неожиданно приблизился к Александру и шепотом сообщил ему, что Великая Армия численностью 448 тыс. человек³¹³ только что переправилась через Неман. В противоположность утверждениям некоторых дореволюционных российских, а затем и советских историков, Наполеон отправил письменное объявление войны российскому правительству, равно как и правительствам прочих европейских стран³¹⁴, но российскому императору на тот момент об этом было не известно. Поэтому новость стала полной неожиданностью. Не дав хода собственным чувствам, Александр I тотчас же покинул собравшихся, чтобы присоединиться к главной квартире.

В свою очередь, Наполеон за несколько часов до начала вторжения отдал распоряжение зачитать в присутствии войск текст, который многое говорит о его мотивах и целях:

«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридрихсланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией; ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол.

Россия увлечена роком. Судьба ее должна свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы»³¹⁵.

С точки зрения Наполеона, война, которая должна была вот-вот начаться, имела целью вытеснение России из Европы, что дало бы исключительные выгоды Франции. Он отдавал честь славе французских войск, а не тех двадцати народов, из которых состояла Великая Армия, и не сказал ни слова о возможном возрождении польского государства. В час намечавшихся гигантских потрясений Наполеон, таким образом, демонстрировал крайне франкоцентричную позицию, что могло лишь разочаровать его союзников. Столкнувшись сначала с трудностями, а затем и с неудачами, эта многонациональная армия испытала острую нехватку ориентиров, дрогнув перед лицом российской армии, чье национальное сознание, напротив, непрестанно крепло под воздействием все новых испытаний...

Оказавшись перед фактом небывалого по своему масштабу вторжения — всем солдатам Великой Армии потребовалось четыре ночи и четыре дня, чтобы переправиться через Неман, — и пережив первое потрясение, Александр I быстро вернул себе присутствие духа. По совету Н. П. Румянцева он предпринял последнюю попытку решить дело мирным путем. Он поручил А. Д. Балашову передать Наполеону письмо, предписывающее ему сложить оружие. Но ответом на письмо, полученное 1 июля, был отказ. В то же время Александр I — при участии своего нового статс-секретаря адмирала А. С. Шишкова — издал приказ, несший на себе отпечаток торжественности по отношению к войскам и обществу. Взывая к помощи «всемогущего Творца небес», император подтверждал свою решимость не складыв-

вать оружие до тех пор, «доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем», и в заключение вывел краткую, но убедительную формулу: «Я с вами. На начинающего Бог». В дуэли двух императоров язык и слова играли, как будет показано ниже, огромную роль.

В первой линии у русских было три армии, сосредоточенные вдоль западной границы. 1-я Западная армия под командованием М. Б. Барклая де Толли, первоначально расквартированная в Вильне, насчитывала 120 210 человек, которые были растянуты в виде кордона вдоль Немана — от устья реки до излучины в районе Гродно. 2-я армия под началом П. И. Багратиона, стоявшая гарнизоном в Белостоке, объединяла в своих рядах 49 23 человек, располагавшихся южнее, между Неманом и Бугом. Наконец, в рядах 3-й армии, так называемой Обсервационной, под командованием А. П. Тормасова было 44 180 человек, находившихся в Дубно в Волыни³¹⁶. Позади них, во второй линии, располагались еще два резервных корпуса общей численностью около 100 тыс. человек, к которым необходимо прибавить Финляндский корпус (57 526 тыс. человек), Дунайскую армию и войска, откомандированные во внутренние районы империи, — всего около 108 тыс. человек. Наконец, если прибавить к этой цифре кавказские и крымские войска, казачьи отряды и военную администрацию, мы получим, что численность сухопутных войск русских доходила до 716 тыс. человек³¹⁷.

Однако эта армия страдала от ряда проблем организационного характера. Прежде всего, командованию не хватало единства. Хотя Барклай как военный министр с точки зрения воинской иерархии стоял выше Багратиона и Тормасова, в действительности все было иначе. Авторитет Багратиона, его опытность, круг военных обязанностей и связи с императорской семьей — он был любовником великой княгини Екатерины Павловны — были таковы, что он позволял себе оспаривать некоторые из полученных приказов и действовать по собственному усмотрению, на беду военному министру: «Сир, — тотчас же напишет Барклай Александру I, — крайне неприятно, что князь Багратион вместо того, чтобы немедля исполнять приказы Вашего Величества, теряет время в бесполезных спорах и привлекает к участию в них Платова, сбивая с толку сего несчастного генерала, который и без того не слишком умен, и сверх того совершенно не образован»³¹⁸. К тому же Барклай де Толли был вынужден считаться с военными советниками из окружения Александра I. Каждый из них стремился выразить свое мнение, рискуя еще больше усилить смятение, что дало Наполеону основание высказать ироничное замечание в разговоре с Балашовым: «Пока Фуль предлагает, Армфельт возра-

лет, Беннигсен изучает, Барклай, от которого зависит исполнение, знает, на что решиться»³¹⁹.

Наконец, российская армия была основана на системе рекрутского набора, в соответствии с которой в армию сроком на двадцать пять лет набирались юноши, которых отрывали от семей и сельских общин и передавали под власть офицеров, часто обращавшихся с ними презрительно и жестоко и подчинявших их железной дисциплине. Такая армия, являвшаяся составным элементом системы феодального принуждения³²⁰, априори была чужда идее жертвенности. Тем не менее, несмотря на трудности и испытания, сплоченность российской армии была велика, а немногочисленные случаи дезертирства не шли ни в какое сравнение с положением дел в Великой Армии. Итак, именно в архаичности российской армии, лежавшей в основе многих ее слабостей, следует искать главное объяснение этой сплоченности. Крестьянину, отданному в солдаты на двадцать пять лет, полк год за годом все сильнее заменял семью, становился отдельно взятой общностью, коллективным эталоном, с которым он себя соотносил и без которого не мог представить собственную жизнь³²¹. Отсюда проистекало его рвение защищать полк от всех ударов судьбы.

В ночь с 11 на 12 июня³²² Наполеон переправился через Неман и со своим авангардом направился к Вильне, откуда он мог представлять угрозу одновременно и для Москвы, и для Санкт-Петербурга. 100 км, отделявшие Каунас от Вильны, были преодолены за три дня. 16 июня³²³ Наполеон готовился войти в город. Но в это время Барклай приказал части своих войск — после подрыва мостов и складов — покинуть город и отправиться в укрепленный лагерь в Дриссе, а армии П. И. Багратиона было приказано отходить к Минску. 15 июня³²⁴ в три часа ночи Александр I и члены главной квартиры покинули Вильну, оставив город Великой Армии, вошедшей в него 16 июня. Большая часть польского населения восторженно встретила эту армию, которую она рассматривала как армию освободителей³²⁵. Действительно, за время своего пребывания в городе, в котором он находился около восемнадцати дней, Наполеон постарался оставить свой след. Он учредил Комиссию временного правительства Литвы, разделил территорию на департаменты и создал военную администрацию, которая просуществовала до декабря 1812 г.³²⁶ Но, по словам крупного кавалерийского военачальника Наполеона Коленкура, французский император не испытывал никакого удовлетворения:

«Он был удивлен тем, что они сдали Вильну³²⁷ без боя и успели вовремя принять решение и ускользнуть от него. Потерять надежду на большое сражение перед Вильной было для него все равно, что нож в сердце. В отместку он громко жаловался на трусость своего противника, который, го-

ворил он, играл свою партию, обесчестив себя в глазах бравых поляков, чью страну и имущество он сдал, не оказав им чести сразиться за них»³²⁸.

Кроме того, это первое «завоевание» Наполеона досталось ему дорогой ценой. В ночь с 15 на 16 июня³²⁹, когда французские войска расположились биваком совсем недалеко от города, на них обрушилась буря с мокрым снегом и градом, продолжавшаяся в течение нескольких часов и приведшая к гибели нескольких сотен человек и 8 тыс. лошадей. Хлеба не хватало, участились случаи дизентерии, а численность мародеров, по некоторым оценкам, составила порядка 30 тыс. человек³³⁰.

В то же время с русской стороны сдача Вильны вызвала гнев ряда генералов, в том числе Багратиона, который хотел, чтобы русские дали сражение и помешали Наполеону занять город. Однако несогласие не изменило решимости Барклая избегать лобового столкновения с противником. В последующие недели логика действий была той же самой. Барклай во главе 1-й армии взял курс на Дриссу, куда он прибыл 10 июля³³¹. Но, по мнению некоторых экспертов, в том числе прусского полковника К. фон Клаузевица³³² и полковника А. Ф. Мишо де Борегура*, равно как и Барклая и Беннигсена, лагерь был недостаточно укреплен. Л. Л. Беннигсен впоследствии вспоминает:

«Более 2 тыс. человек в течение шести месяцев трудились над этим оборонительным сооружением, и о нем говорили как о втором Гибралтаре. Можете представить себе мое удивление, когда я обнаружил наихудшую, наименее выгодную позицию из тех, что когда-либо выбирались для проведения сражения, которое должно было решить судьбу кампании, а возможно, и самого государства»³³³.

Барклай решил оставить Дриссу и направился к Витебску, где он надеялся соединиться с войсками Багратиона.

В то же время, последовав предложению, сформулированному сообщами Аракчеевым, Балашовым и Шишковым, и настойчивым советам своей сестры Екатерины Павловны, Александр I решил покинуть театр военных действий. По мнению его приближенных, императорская власть по природе своей являлась священной, не должен был подвергать себя риску, участвуя в сражениях. Сохранив за собой титул главнокомандующего русской армией, Александр передал руководство своими войсками Барклаю. Уезжая, император обратился к нему с серьезной просьбой: «Прощайте, генерал, еще раз прощайте: надеюсь, до свидания. Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у

* Уроженец Ниццы, из майоров Сардинского королевства, в 1805 г. принят капитаном на российскую службу. (Прим. ред.)

меня второй нет, — эта мысль не должна покидать вас»³³⁴. Затем он отправился в Москву, чтобы набрать там новых рекрутов. Через неделю в армии оказалось не менее 80 тыс. человек, призванных таким образом.

Наполеон, который распознал маневр русских, хотел помешать соединению войск противника. Поэтому он постарался обогнать Барклая на пути в Витебск, чтобы обойти его с фланга, а затем ударить в тыл. 13–14 июля³³⁵ он настиг арьберггард русских у Островно, совсем недалеко от Витебска, где рассчитывал дать долгожданное решающее сражение. Но Барклай де Толли, еще не успевший соединиться с армией Багратиона, решил отступить в направлении Смоленска с тем, чтобы соединение армий произошло восточнее. 16 июля³³⁶ Великая Армия вошла в оставленный русскими Витебск, не добившись столь желанной решающей победы.

22 июля³³⁷ армии Барклая и Багратиона наконец соединились у стен Смоленска, было принято решение перейти в наступление. Через четыре дня Барклай предпринял первую кавалерийскую атаку, в ходе которой войска П. А. Толстого напали на солдат И. Мюрата. Сражение завершилось в пользу русских, но было решено, что обе русские армии отойдут к Смоленску, за Днепр. Это явилось причиной появления язвительного письма Багратиона Аракчееву, которое он написал во время отступления:

«Милостивый государь, граф Алексей Андреевич, я ни в чем не виноват! Растянули меня, как кишку, сперва по кордонному. Неприятель ворвался к нам без выстрела, мы начали отходить, не ведаю за что. Никого не уверишь ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы; я один всю Россию защищать не могу. 1-я армия тотчас должна отойти и наступать к Вильне непременно, чего боюсь. Я весь окружен и куда проберусь, заранее сказать не могу, что Бог даст, и дремать не стану, разве здоровье мое мне изменит, уже несколько дней очень чувствую. Я вас прошу непременно наступать на неприятеля, а то худо будет и от неприятеля, и может быть, и дома, шутить не должно, и русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали. Я найду себе пункт продаться, конечно, и с потерю. Но вам стыдно, имевши взад укрепленный лагерь, фланги свободны, а против вас слабые корпуса, — надо атаковать. Мой хвост всякий день теперь в драке, и на Минск, и на Вилейку мне можно пройти от лесов, болот и мерзких дорог. Я не имею покоя и не живу для себя, Бог свидетель, рад все делать»³³⁸.

Через две недели, 4 и 5 августа³³⁹, когда Великая Армия подходила к Смоленску, в предместьях города произошло сражение. Неистовое и ожесточенное, где русские потеряли убитыми и ранеными 12 тыс. солдат, а нападавшие — 10 тыс. человек, оно окончилось по приказу Барклая де Толли об отступлении. Посчитав, что расклад сил не в его пользу (80 тыс. русских солдат против 120 тыс. францу-

зов), Барклай отдал приказ после того, как распорядился сжечь склады, а также мосты через Днепр. Однако новое отступление вызвало открытое негодование других генералов. Багратион, охваченный приступом ярости, написал Ермолову:

«Мне стыдно носить мундир. Право же, я погибаю... Что за дурак... Министр Барклай бежит... Признаюсь, что мне это настолько противно, что я схожу с ума»³⁴⁰.

В письме Ф. В. Ростопчину Багратион позволил себе высказать раздражение в неприличных выражениях, нападая на «этого подлеца, эту каналью, этого труса Барклая»³⁴¹.

Отступление русских позволило Наполеону войти в оставленный Смоленск, который был просто опустошен: из 2250 домов в городе осталось не больше 350. Но взятие города не являлось решительной победой. Кроме того, Великая Армия сталкивалась со все большими трудностями. Из-за плохого питания люди ослабли, сильная жара способствовала распространению эпидемии, что вело к высокой смертности. В тот момент Наполеон колебался между выбором одной из двух стратегических линий³⁴²: взять передышку, которая позволила бы Великой Армии собраться с силами, или продолжить наступление на Москву, до которой оставалось 448 км, и добиваться у ее стен решающего сражения. Он тогда и представить себе не мог, что российская армия может оставить свою древнюю столицу без боя. Кроме того, поскольку Москва, экономическая столица государства, представляла собой крупный речной узел, и реки являлись единственными транспортными путями в России, Наполеону казалось важным овладеть Москвой, чтобы держать Александра I в своей власти. Лишившись поставок сырья, Санкт-Петербург, хорошо укрепленный в военном отношении, постепенно начал бы задыхаться, и Александр был бы вынужден пойти на переговоры.

С точки зрения историка А. Ратчинского, выбор Москвы также объяснялся соображениями символического порядка. Завоевывая мир, Наполеон замыслил придать своему делу сакральный характер, пройдя коронацию в Кремле и покорив Москву, «третий Рим». Это интересный тезис, касающийся идеологического и символического измерений наполеоновского проекта, подчеркивающий, что война 1812 г. в равной мере являлась войной идей и людей. Однако Ратчинский ссылается на источники, содержащие лишь намеки и разрозненные сведения, что оставляет место для сомнений. Верна данная гипотеза или нет, трудно судить, тем не менее, дав своей армии недельный отдых, Наполеон двинулся в сторону священного города.

Тогда же острый кризис переживала русская армия. Прокламации, распространявшиеся французами в Витебской, а затем в Смо^р

енской губерниях и содержавшие обещания освободить крестьян, вызвали ожесточенные восстания. Дворян убивали, их имущество подвергалось разграблению, что породило в правительственных кругах страх перед новой пугачевщиной³⁴³ как признаком социальной нестабильности³⁴⁴. Кроме того, стратегия Барклая де Толли все чаще оспаривалась с сугубо военной точки зрения. В среде офицеров, служивших в главной квартире, ширились слухи об «иноземцах», повинных в измене, моральный дух войск неизменно падал из-за бесконечного отступления, в ходе которого неприятель уже овладел частью территории страны.

В этой ситуации, подвергаясь все более жестоким нападениям, заставившим Александра сомневаться в правильности своего выбора, — он не мог отрицать того, что, несмотря на свои человеческие и солдатские качества, Барклай де Толли не сумел сплотить вокруг себя российскую армию, — император созвал Чрезвычайный комитет, в состав которого вошли председатель Государственного совета Н. И. Салтыков, П. В. Лопухин, В. П. Кочубей, а также генералы С. К. Вязьмитинов, А. А. Аракчеев и А. Д. Балашов. Задача комитета состояла в том, чтобы освободить М. Б. Барклая от обязанностей главнокомандующего и подыскать ему преемника. В письме к Екатерине Павловне, написанном в Санкт-Петербурге 8 августа 1812 г., Александр I объяснял, почему выбор комитета пал на М. И. Кутузова:

«Здесь я обнаружил не столь добрые настроения, как в Москве и провинции. Сильное раздражение военным министром, которое, должен это признать, во многом вызвано его нерешительным поведением и беспорядком в делах. Противоречия между ним и Багратионом только усилились и расцвели пышным цветом, дошло до того, что я был вынужден, обсудив все это в небольшом комитете, который я образовал для этой цели, назначить главнокомандующего всеми армиями. После тщательных размышлений выбор был сделан в пользу Кутузова как самого старшего из всех и как человека, под началом которого находил возможным служить Беннигсен, поскольку помимо всего прочего их связывала дружба. Вообще Кутузов пользуется большим расположением общества, здесь и в Москве»³⁴⁵.

Принять подобное решение было нелегко. Александр I ценил личные качества М. Б. Барклая, его храбрость, простоту и прямолинейность. Кроме того, он питал отвращение к М. И. Кутузову. Помимо того, что сам вид старого генерала непрестанно напоминал ему о поражении при Аустерлице, он испытывал одно лишь презрение к характеру и нравам Кутузова. В возрасте шестидесяти семи лет, одноглазый, тучный и почти что немощный Кутузов был известен своей ленью, придворным раболепием, вкусом к роскоши — даже во время

кампаний при приеме пищи он пользовался серебряной посудой — и любовным утехам. Ходили слухи, что в течение всей кампании его сопровождали две молоденькие девушки, переодетые в казаков... Далекий от героического и мифического образа, созданного Л. Н. Толстым, М. И. Кутузов у ряда современников вызывал неодобрение, даже отторжение. Весьма суровое описание Кутузова оставил Ланжерон:

«Невозможно было быть умнее Кутузова, невозможно было быть более слабохарактерным, более ловким и хитрым, более безнравственным и иметь меньше истинных талантов, чем он. Феноменальная память, хорошее образование, редкая любезность, умение быть приятным и интересным собеседником, добродушие (сказать по правде, несколько искусственное, но приятное для тех, кто желал быть им обманутым) — вот привлекательные черты Кутузова. Вспыльчивость, крестьянская грубость в случаях, когда он выходил из себя или когда не боялся человека, к которому обращался; пресмыкательство, принимавшее самые унижительные формы, перед теми, чьим фаворитом, как он полагал, он являлся; непреодолимая лень, апатичное отношение ко всему и вся, отвратительный эгоизм, гнусная и мерзкая распушенность, неразборчивость в способах добывания денег — таковы отрицательные черты того же самого человека»³⁴⁶.

Но старый солдат, только что единогласно избранный начальником санкт-петербургского и московского ополчений, напротив, пользовался большой популярностью в армии и обществе, причиной чему были его прежние боевые заслуги. Харизматический, опытный и храбрый Кутузов был в состоянии сплотить армию лучше, чем сумел это сделать несчастный Барклай. К тому же, поскольку Кутузов был русским, он лучше подходил на роль лидера отечественной войны, которая отныне разворачивалась не в Литовской губернии, а в Центральной России. Тем не менее, и это не самая парадоксальная ситуация: назначение Кутузова начальником главной квартиры привело лишь к незначительной корректировке стратегии, которая по существу осталась без изменений.

Кутузов был назначен главнокомандующим для того, чтобы русская армия перешла в наступление и нанесла противнику поражение, которое затруднило бы ему отступление и подняло бы боевой дух воинов и гражданского населения. Сражение началось 26 августа³⁴⁷, когда русские войска уже два дня находились неподалеку от деревни Бородино, в 120 км от Москвы. В этом особенно кровопролитном сражении — русские потеряли убитыми и ранеными 40–42 тыс. из 112 тыс. солдат (в том числе П. И. Багратиона), потери Великой Армии составили 25–28 тыс. из 125 тыс. бойцов — поле битвы осталось за наполеоновскими войсками под командованием М. Нея, Л. Н. Да-

ву, Э. Груши и Ю. Понятовского. Однако эта малоубедительная победа не изменила баланса сил, и продолжая наступление, Наполеон стремился дать наконец-то решающее сражение у Москвы. 1 сентября 1812 г.³⁴⁸ в деревне Фили состоялся военный совет русской армии, на котором Кутузов принял решение оставить Москву без боя. Ночью войска покинули город в сопровождении сотен тысяч охваченных паникой горожан, спасавшихся бегством в колясках, каретах, упряжках или пешком. К моменту появления в стенах Москвы французов, в городе оставались лишь 6200 гражданских лиц, или 2,3 % из почти 300 тыс. городских жителей³⁴⁹, и 20 тыс. раненных солдат, брошенных на произвол судьбы. 2 сентября³⁵⁰ Наполеон вошел в мертвый город, что вызвало недоверие и ужас среди офицеров Великой Армии при виде столь странного, сколь и непостижимого зрелища:

«Стройными рядами, не проронив ни слова, мы шли по длинным пустым улицам, мимо стен опустевших домов, слышались глухие отзвуки барабанной дробы. Напрасно пытались мы изобразить на своих лицах безмятежность, которая была далека от того, что творилось в душе: нам казалось, что должно было произойти нечто необычайное. Москва предстала перед нами огромным трупом; это было царство тишины. Феерический город, чьи сооружения, дома возникли как по волшебству для нас одних! Вот, подумал я, какое впечатление производили на задумчивого путника руины Помпеи и Геркуланума; здесь же впечатление было тем более похоронным»³⁵¹.

Вскоре, когда порядка 130 тыс. вошедших в Москву французов — остальные войска, на тот момент уже изрядно потрепанные, находились в нескольких сотнях километров — были объаты единственным желанием найти себе кров и пропитание, 3 и 4 сентября в разных частях города вспыхнул пожар³⁵². Поскольку большая часть домов, церквей и складов были деревянными, а водяные насосы — по приказу генерал-губернатора Москвы Ф. В. Ростопчина — вывезли из города, пожар быстро распространился и не утихал в течение трех дней. Ростопчин в своих мемуарах всегда отрицал факт своей причастности к пожару. Однако 1 сентября³⁵³ он заявил Евгению Вюртембергскому:

«Если бы спросили моего мнения, я бы без колебаний сказал: “Лучше сжечь столицу, чем отдать ее врагу!” Таково было мнение графа Ростопчина. Что же до губернатора города, который получил задание позаботиться о его спасении, то он не мог дать такой совет»³⁵⁴.

Это заявление оставляет мало сомнений в том, что ответственность за пожар несет именно он. Кроме того, в своих опубликованных впоследствии мемуарах Н. Ф. Ростопчина, дочь графа и сестра графини де Сегюр, писала о том, что в ночь с 1 на 2 сентября³⁵⁵ в ходе тайного собрания, проходившего в доме ее отца при участии шефа

полицей А. Д. Балашова и нескольких его подчиненных, последние получили от генерал-губернатора точные инструкции относительно того, какие здания следовало разрушить...

Потеря священного города и последующий пожар, который российская пропаганда тотчас отнесла на счет «варварских захватчиков», повсеместно вызвали смутнение и негодование, тем более что падение Москвы, как и ранее Смоленска, сопровождалось кощунственными деяниями — солдаты Великой Армии использовали православные храмы как конюшни — и насилием в отношении мирного населения. Для многих русских оставление Москвы было постыдным поступком — в глазах некоторых это даже являлось грехом, ответ за который императору предстояло держать перед Богом; но, хотя критика звучала из уст представителей знати, трагедия незамедлительно сплотила русских, придав войне характер народной, основанной на русском патриотизме. Падение Москвы способствовало возникновению подлинного политического и социального единства, и, по мнению ряда проникательных очевидцев событий, стало поворотным пунктом в войне. 13 сентября П. А. Строганов писал жене:

«Несомненно, занятие Москвы врагом ужасно, тем не менее, если по возможности оставить в стороне жалкое зрелище нашей древней столицы, обесчещенной отбросами чудовища, которое в ней пребывает, и рассмотреть это бедствие с чисто военной точки зрения, можно извлечь утешительные выводы. Я полагаю, что этот успех, вовсе не пошедший ему на пользу, создал ему трудности, которых он ранее не ведал. Продвижение вглубь страны стоило ему больших усилий, и вот как я это объясняю: этот человек твердо уверовал и убедил всю свою армию, благодаря этой иллюзии, в том, что всем тяготам, которые они несли до сего дня, настает конец, что Москва была конечной целью, что именно в Москве их ждет мир и изобилие, что отсюда они уйдут с еще большими силами и отправятся покорять те части Европы, которые ему еще противились. Он преуспел в этом, но обнаружил лишь горы пепла и руины пожарищ; все было сожжено нашими собственными руками. Никто не говорил с ним о мире и, так же как отец, который скорее убил бы свою дочь, чем увидел ее обесчещенной, мы уничтожаем Москву тогда, когда более не можем ее защищать. Он вовсе не привык к подобным приемам в других европейских столицах; даже в Испании ему был оказан более радушный прием, а здесь он и вовсе ужасно разочарован»³⁵⁶.

Действительно, Великая Армия была истощена. Нехватка продовольствия не позволяла исправно кормить солдат, ослабленных к тому же бесконечными маршами и обескураженных «взятием» покинутых деревень, где им было нечем поживиться. В армии появились признаки утраты дисциплины. Сгоревшая Москва вскоре стала жертвой грабителей и мародеров. Общее настроение склонялось к идее роспуска армии. Упадок французской армии побудил Наполеона до

бываться мира. Но тщетно, ибо Александр I отказался вести какие-либо переговоры. В ночь на 6 октября³⁵⁷ казаки, сея панику среди сонных французских солдат, перешли в наступление против 25-тысячного отряда И. Мюрата, который располагался биваком близ деревни Винково. Французы понесли тяжелые потери. Утром 7 октября³⁵⁸ Наполеон все еще вынашивал план перехода в наступление за счет движения на юг и захвата складов в Калуге. Но пять дней спустя, 12 октября³⁵⁹, ожесточенному сражению под Малоярославцем (городишко восемь дней переходил из рук в руки, французы потеряли здесь 6 тыс. убитыми и ранеными, русские — 7 тыс.) суждено было решить исход войны.

Если Великая Армия, насчитывавшая около 130 тыс. солдат, являлась лишь тенью того, чем она была ранее, русская армия испытала подъем после прибытия в Вошь Дунайской армии под командованием П. В. Чичагова и Финляндского корпуса под началом П. Х. Витгенштейна общей численностью 144 тыс. солдат, которым удалось остановить продвижение французов на юг. Наполеон был вынужден скомандовать отступление и вернуться на Смоленскую дорогу, «маршрут, на протяжении которого реквизиции и грабежи опустошили склады и разожгли жажду мести среди местного населения»³⁶⁰.

С конца октября из-за обильных снегопадов, а также из-за свирепствовавших с середины ноября³⁶¹ морозов отступление армии, шедшей форсированным маршем, стало настоящим мучением. Тем более что на пути своего следования Великая Армия подвергалась беспрестанным налетам регулярных полков и казачьих отрядов, а также вооруженных крестьян, откомандированных для погони за безбожными захватчиками. В ходе этого отступления переправа через Березину — небольшую реку, протекавшую у города Борисова, в 60 км к северо-востоку от Минска, — которая продолжалась с 14 по 16 ноября³⁶², явилась одновременно героическим и печальным эпизодом. Единственный мост через реку был подожжен русскими войсками, и переправиться через реку, по поверхности которой плыли льдины, оказалось невозможно. В течение двух долгих часов 400 понтонеров генерала Ж.-Б. Эбле, большая часть которых погибла от холода и истощения, работая в ледяной воде, сумели соорудить два моста. Мосты были готовы во второй половине дня 14 ноября³⁶³, и в ходе переправы, продолжавшейся до ночи 16 ноября, около 60 тыс. французских солдат сумели бежать.

Однако, несмотря на весь героизм, которым был проникнут этот эпизод, он вместе с тем был исполнен горечи. Утром 17 ноября, отдав приказ о сожжении мостов с тем, чтобы неприятель не мог устре-

миться вслед за Великой Армией, Ж.-Б. Эбле обрек на плен 20 тыс. французских солдат. На 1 декабря³⁶⁴, когда остатки Великой Армии переправились обратно через Неман, пришлось окончание русской кампании Наполеона. Для русских и их императора эта дата стала днем освобождения.

Однако итог этой войны был ужасающим: материальные потери, выразившиеся в количестве сожженных и разграбленных городов, сел и деревень, дополнялись колоссальными человеческими потерями. Из 600 тыс. солдат Великой Армии (к 448 тыс. человек, переправившихся через Неман в июне 1812 г., за время кампании присоединились 150 тыс. бойцов) вернулись чуть более 10 %. Сражавшиеся подверглись ужасным страданиям. В письме брату Жозефу, написанном 9 декабря³⁶⁵ в Вильне, К. К. де Местр с ужасом вспоминал сцены, участником которых он становился:

«Я не в состоянии описать тебе ту дорогу, которой я проехал. Трупы французов загораживают путь, и весь тракт на протяжении от Москвы до границы (около восьмисот верст) похож на непрерывное поле сражения. Когда подъезжаешь к деревням, большую часть сожженным, зрелище еще ужаснее. Скученные груды тел в домах, многие совсем обгоревшие, так как сии несчастные уже не имели сил выйти наружу. Я видел дома с 50 и более трупами, среди коих трое—четверо еще живых, раздетых до рубашки, и это при одиннадцати градусах мороза. Один из них сказал мне: “Сударь, вызволите меня отсюда или убейте. Меня зовут Норман де Флажеак, я такой же офицер, как и вы”. Однако не было никакой возможности помочь этому человеку. Ему дали одежду, но пришлось оставить его в сем ужасном месте. <...> По всем дорогам и со всех сторон встречаешь сих несчастных, которые еще тащатся, погибая от голода и холода. Из-за большого числа их не всегда удается собирать вовремя, и чаще всего они умирают, едва достигнув сборного места. Всякий раз, будучи свидетелем такового зрелища, я вспоминал того человека-дьявола, которой довел их до сего крайнего состояния»³⁶⁶.

В свою очередь, Ж. де Местр в письме к сардинскому королю писал:

«Положение французов неопишимо; о нем рассказывают вещи, которые напоминают осаду Иерусалима. Они повсеместно перешли к поеданию человеческого мяса. Уверяют, что видели, как они жарят человека; по крайней мере все реляции, как письменные, так и устные, сходятся на том, что видели, как французы, лежавшие на падшей лошади, рвали ее мясо зубами. Верно и следующее: в плен был взят французский ветеран, который носил на рукаве потрепанные шевроны, полученные им за прошлые боевые заслуги, и являлся участником всех наполеоновских войн, включая египетскую; в течение нескольких дней он питался исключительно мертвечиной, а за последние два-три дня вообще ничего не ел»³⁶⁷.

Что касается русской армии, то ее потери близились к 400 тыс. человек. Это свидетельствует о масштабе бедствия, которое привело Александра I к глубокому моральному и духовному кризису, сменяющемуся «возрождением».

Александр I во время Отечественной войны

С 1809–1810 гг. мысль о войне непрестанно посещала Александра, который прекрасно сознавал преимущества своего противника. С 1802–1803 гг. он больше не «обольщался» насчет первого консула — достаточно вспомнить, в сколь резком тоне он говорил с Наполеоном накануне Тильзита. «Бонапарт думает, что я не более чем идиот. Хорошо смеется тот, кто смеется последним!» Но в то же время Александр признавал исключительную харизму своего противника, его притягательную силу и ум, что очень рано привело его к мысли о том, что для победы над столь выдающимся врагом ему понадобятся мужество и необычайная стойкость. Естественно, все это нашло отражение в ежеминутной борьбе, развернувшейся в июне 1812 г.

В первые часы после начала вторжения, когда Александр I еще находился в Вильне, он издал скрепленный подписью М. Б. Баркляя де Толли рескрипт, где он, уповая на Господа и вместе с тем, руководствуясь сугубым прагматизмом, увеличивал численность регулярных войск за счет егерских полков из западных губерний³⁶⁸. Через несколько дней, 6 июля 1812 г.³⁶⁹, присоединившись к войскам 1-й армии, он оказался в укрепленном лагере в Дриссе, где издал манифест. В тексте, в котором религиозные чаяния были перемешаны с патристическими призывами, император апеллировал к мифологизированным историческим образам:

«Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему в преграду войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики, и что отважность его требует неуспянного против нее бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе Наше воинство, полагаем Мы за необходимо-нужное: собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему, Москве; а ныне зываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского³⁷⁰, в каждом духовном Палицына³⁷¹, в каждом гражданине Минина³⁷². Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и Духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русский! храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»³⁷³.

В то же время он призывал к созданию народных ополчений, предназначенных для поддержки регулярной армии. Однако энергия, которую Александр расточал сверх всякой меры, сочеталась у него с экзистенциальным страхом, порождаемым ясным сознанием того, сколь огромная ответственность на него возлагалась. В 1814 г. он признавался графине С. Шуазель-Гуфье:

«Надо побывать на моем месте, чтобы составить себе понятие об ответственности государя и о том, что я испытываю при мысли, что когда-нибудь мне придется дать отчет перед Богом в жизни каждого из моих солдат»³⁷⁴.

Выше было показано, как в июле 1812 г., уступив наказаниям членов императорской фамилии и своих советников, Александр I решил покинуть театр военных действий, но лишь для того, чтобы отправиться в Москву, где он собирался подбодрить горожан и сплотить народ вокруг императора, веры и отечества, которому грозила опасность. Ибо Александр I опасался, как бы Наполеон, духовный сын Французской революции, не принес в Россию, как принес ранее в Пруссию и великое герцогство Варшавское, множество «соблазнов» — именно это слово он использовал в своем манифесте от 6 июля — и не дестабилизировал империю, пообещав крестьянам отмену крепостного права.

Действительно, прокламации, распространяемые в Витебской и Смоленской губерниях, вызвали там сильные волнения, что тем не менее не позволяет историку с легкостью определить, в какой степени эти волнения стали следствием французского влияния, а в какой — проявлением глубоко укорененной в России традиции крестьянских восстаний. Чтобы остановить этот процесс, требовалось противиться неприятелю не только делом, но и словом, умело сочетать религиозные и патриотические мотивы и убедить население в

том, что наполеоновское вторжение являлось вовсе не следствием совершенных императором ошибок, но результатом неумной жажды власти тирана, который не мог ничего сделать для счастья народа.

По пути из Москвы Александр I сделал остановку в Смоленске, где дворянство города собрало и экипировало 20 тыс. ополченцев. В этом небольшом провинциальном городе Александр I испытал доселе неведомое ему головокружение. Отныне он являлся воплощением патриотического порыва, а зарождавшееся общественное мнение, которое до этого много раз выражало ему свое неудовольствие и редко его понимало, наконец-то встало за его спиной единым фронтом.

Александр I прибыл в Москву вечером 11 июля, что сразу же вызвало патриотический подъем. Утром 12 июля на территории Кремля император присутствовал на молебне в Успенском соборе. Через три дня он встретился с дворянскими выборными представителями и московским купечеством, которые были охвачены патриотическим чувством и предложили ему 3 и 10 млн руб. соответственно, что укрепило веру императора в народ и в его решимость сражаться.

Возвратившись в Санкт-Петербург после недельного пребывания в Москве, он продолжил активную пропагандистскую деятельность, неизменно нацеленную на убеждение и оправдание его позиции. 4 августа императорским манифестом объявлялся новый рекрутский набор, а 13 августа в очередном манифесте он провозгласил необходимость беспощадно бороться с врагом.

Императорские манифесты, распространявшиеся через газеты и брошюры, дополнялись листовками Ф. В. Ростопчина. Составленные в более грубом, даже оскорбительном для французов тоне, эти листовки вывешивались на улицах Москвы и предназначались для сплочения населения вокруг императора посредством разжигания ненависти к захватчику. Вся эта патриотическая пропаганда к тому же находила отражение в прессе — журнал «Сын отечества» в течение всей войны играл важную роль в консолидации правящего сословия — и изобразительном искусстве. Полотна О. А. Кипренского, изображавшие таких героических бойцов как Петр Оленин, также способствовали укреплению патриотических чувств.

В равной степени заботясь о том, чтобы дать отпор французской пропаганде, распространяемой через бюллетени Великой Армии и листовки, адресованные жителям оккупированных городов, Александр I создал на театре военных действий передвижную типографию, предназначенную для распространения среди нефранкоговорящих солдат Великой Армии прокламаций с призывом отказаться от борьбы.

Тем не менее — вопреки опасениям Александра I — Наполеон не стал подталкивать крестьян к мятежу. На территориях, занятых Великой Армией, не произошло отмены крепостного права³⁷⁵. Этот факт вызывал и по-прежнему вызывает вопросы у историков. Объяснялся ли он желанием Наполеона пощадить противника и не расшатывать его империю с тем, чтобы продолжить с ним переговоры? Или же он заботился о сохранении собственных продовольственных запасов? Или причиной тому было, как утверждал русский историк В. Сироткин, презрение с оттенком страха по отношению к мужикам, которые воспринимались как непредсказуемые и опасные дикари? Точного ответа по-прежнему нет. Как бы то ни было, полагаясь на лояльность крестьян, Александр I согласился на создание отрядов крестьянского ополчения. Им суждено было сыграть ключевую роль во время отступления Великой Армии, которую они своими постоянными нападениями привели в совершенное расстройство.

Одновременно с наступлением на внутреннем фронте, Александр I вел активную дипломатическую работу. 6 августа он объявил о восстановлении мира с Англией и подтвердил, что ограничения отныне не коснутся свободного плавания судов и внешней торговли. В середине августа он встретился с Ж. Б. Бернадотом в Турку и, добившись от Швеции гарантий неприкосновенности Финляндии, добился значительного успеха, получив возможность свободно перебросить Финляндский корпус на западный театр военных действий.

Таким образом, борьба, в которую ввязался Александр I, была всеобъемлюща и беспощадна, но он был не один: вся императорская семья оказалась задействована в этом деле.

Великий князь Константин Павлович, деятельно участвовавший в работе главной квартиры, был причастен ко всем военным решениям. Что касается Елизаветы Алексеевны, то она с самого начала проявила решимость и патриотизм, ни в чем не уступая Александру I. В письме от 26 августа 1812 г. она писала матери с пронизательностью, которая делала ей честь:

«Уверена, что вы в Германии плохо себе представляете, что у нас происходит. Возможно, вас уже уверили в том, что мы бежали в Сибирь, тогда как мы не покинули Петербурга. По правде сказать, мы ко всему готовы, кроме переговоров. Чем далее будет наступать Наполеон, тем менее ему следует верить в возможность мира. Это единодушное чувство императора и всего народа, включая все сословия, и, слава Богу, на этот счет существует совершенное согласие. На это Наполеон не рассчитывал; в этом, как и во многих других вещах, он ошибся. Каждый шаг, который он делает внутри этой необъятной России, приближает его к пропасти. Посмотрим, как он перенесет здесь зиму!»³⁷⁶

Через два дня, 28 августа, в еще одном письме, на сей раз адресованном маркграфине Баденской, императрица приветствовала патриотический порыв, охвативший страну, и высмеивала так называемую французскую «цивилизацию», сравнивая ее с русским «варварством», и подтверждала, что Александр I не вступит в сделку с неприятелем:

«Нужно, как мы, каждый день видеть и слышать примеры патриотизма, преданности и героической храбрости среди всех военных и гражданских лиц, чтобы не поверить в то, что они преувеличены. Ах, этот бравый народ хорошо показывает, чем он является; те, кто его понимает, уже давно это знают, несмотря на то, что упорно обходятся с ним как с варварами. Варвары с севера и ханжи с юга Европы являются в то же время теми, кто ставит превыше других истинно *цивилизированные народы*, и они далеки от того, чтобы быть уничтоженными.

С того самого момента, когда Наполеон перешел наши границы, по всей России словно вспыхнули электрические искры, и, если бы необъятность ее просторов позволила сделать так, чтобы об этом стало известно во всех уголках страны, раздался бы столь громкий возглас негодования, что, полагаю, он был бы слышен на краю света. Поскольку Наполеон будет и дальше наступать, это чувство станет еще сильнее. Старики, лишившиеся всего или почти всего имущества, говорят: “Мы найдем способ выжить! Все лучше постыдного мира”. Женщины, чьи мужчины находятся в армии, видят лишь второстепенную опасность в том, что они бегут, и ничего не страшатся, кроме мира. Этот мир, который стал бы для России смертным приговором, к счастью, не может быть заключен: император не допускает и мысли об этом и, если бы даже он этого захотел, он бы не смог этого сделать. Таково героическое великолепие нашей позиции!»³⁷⁷

Однако единодушие, которым был окружен Александр I, подверглось испытанию после московского пожара. 3 сентября, глубоко подавленная ужасной вестью, Екатерина Павловна написала брату письмо, в котором выражала свое смятение, предлагала помощь и настаивала на продолжении борьбы:

«Москва взята. Есть вещи необъяснимые. Не забывайте о своей решимости: никакого мира, у вас есть еще надежда вернуть себе честь. Если вы попадете в беду, не забывайте о ваших друзьях, готовых броситься к вам и быть безмерно счастливыми, если им удастся вам чем-то помочь; они в вашем распоряжении.

Мой дорогой друг, никакого мира, и даже если бы пришлось бежать в Казань — никакого мира!»³⁷⁸

Однако эта беда никак не повлияла на решимость Александра I, как о том свидетельствует краткая записка, составленная им 7 сентября в ответ на письмо Екатерины Павловны:

«Вчера утром, дорогой друг, я получил ваше грустное письмо от 3-го числа. Конечно, существуют вещи, которые невозможно помыслить. Но будьте уверены, что моя решимость бороться непоколебима как никогда; я бы скорее предпочел перестать быть тем, кем я явлюсь, чем заключить полюбовное соглашение с монстром, который является несчастьем для всего света»³⁷⁹.

Тем не менее в последующие дни Екатерина Павловна под влиянием начавшейся критики стала более строга. 6 сентября она обратилась к брату с письмом, в котором были слышны отзвуки тех жестоких упреков, которые оставление Москвы породило при дворе, отличавшимся своим непостоянством:

«Взятие Москвы довело сильное раздражение до апогея; недовольство достигло высшей точки, и вас не щадят. <...> Вас открыто обвиняют в несчастьях вашей империи, в общих и частных провалах, наконец, в потере чести страны и вашей чести лично. Не одно лишь сословие, но все в один голос хулят вас. <...> одно из главных обвинений в ваш адрес заключается в том, что вы не сдержали своего слова в отношении Москвы, которая с нетерпением ждала вас до последнего, оставили ее в запустении; было похоже на то, что вы ее предали. <...> предоставляю вам судить о положении страны, главу которой презирают; нет ничего такого, что бы он ни сделал, чтобы вернуть себе честь, но, желая всем пожертвовать во имя отечества, он задается вопросом: "К чему это приведет, когда все испорчено и разрушено по глупости того, кто стоит во главе государства?" К счастью, не все помышляют о мире: скорее наоборот, ибо чувство стыда, вызванное потерей Москвы, породило жажду мщения. Вами выражают неудовольствие и открыто <...> спасите вашу честь, которая подвергается нападкам. Ваше присутствие может привести умы в прежнее состояние; не пренебрегайте никакими средствами»³⁸⁰.

Сурово критикуемый за то, что оставил священный город без боя, Александр I, с другой стороны, подвергался нападкам Константина Павловича, Марии Федоровны и С. П. Румянцева, которые заклинали его согласиться на мирные переговоры с Наполеоном. И снова в решающий момент на стороне российского монарха была лишь его супруга. Но он остался непоколебим. В очень красивом и длинном письме, отправленном Екатерине Павловне 7 сентября, он доказывал правильность своего выбора:

«После того, как я пожертвовал во имя общего блага личным самолюбием, покинув армию, ибо утверждали, что мое пребывание в ней вредно, что я снимаю всю ответственность с генералов, что я не вселяю в войска уверенность, что, наконец, неудачи, в которых меня обвиняли, вызывали большую досаду, чем неудачи моих генералов, судите сами, мой милый друг, как больно мне было слышать, что моя честь подвергается нападкам, тогда как, покинув армию, я сделал именно то, чего от меня хотели. В то время как я не имел иного желания, кроме как остаться в строю, и твердо решил возвратиться туда до назначения Кутузова. Отказался же я

от этой мысли лишь после этого назначения, отчасти из-за воспоминаний о том, что этот человек, придворный по характеру, сделал при Аустерлице, а отчасти следуя вашим же советам и советам тех, кто придерживался того же мнения, что и вы <...>.

Теперь поговорим немного о том, мог ли я приехать в Москву. Приняв во внимание, что мое личное присутствие в армии принесло больше вреда, чем добра, а армия приближалась к Москве после отступления от Смоленска, мог ли я, рассуждая здраво, находиться в Москве? Хотя я никогда не допускал и мысли о том, что Москва может быть оставлена столь недостойным образом, в то же время я должен был признаться себе в том, что после одного или двух проигранных сражений это могло произойти. Тогда какую роль я бы здесь сыграл, и стоило ли мне приезжать в Москву, чтобы затем вместе с остальными убраться восвояси?»

Затем он писал о том, что его задевает недостаток доверия со стороны собственной семьи в столь трудный для него момент. Александр признавал, со сколь масштабной проблемой он столкнулся в лице захватчика, наделенного многими талантами, и еще раз подчеркнул свое намерение стоять на своем:

«Что до меня, дорогой друг, то все то, что я ответил, проистекает из моего сердца, из моих замыслов и моего радения о всем том, что может пойти на благо и пользу моему отечеству, из моих лучших побуждений. Что до таланта, то мне, быть может, его недостает, но он не дается сам по себе: это подарок природы и никто не может разжиться им самостоятельно. Получая столь скудную помощь, испытывая повсеместную нехватку средств, управляя столь громадной машиной, в условиях ужасного кризиса и борьбы против дьявольского противника, обладающего исключительным коварством, самым выдающимся талантом и поставившим себе на служение силы всей Европы и массу талантливых людей, сформировавшихся за двадцать лет войн и революций, придется признать, если мы хотим быть справедливыми, неувидительным то, что меня постигли неудачи. <...> Припомните, как часто, беседуя друг с другом, мы предвидели нечто подобное; мы полагали возможной даже потерю обеих столиц, и лишь упорство расценивалось нами как лекарство от болезней нашего жестокого времени. Вовсе не пав духом, несмотря на все неприятности, которые на меня обрушились, я больше чем когда-либо полон решимости упорно бороться, и все мои заботы направлены к достижению этой цели. Откровенно признаюсь, что быть непонятым обществом или группой лиц, которые меня мало знают или не знают вовсе, — для меня менее чувствительный удар, чем непонимание со стороны тех немногих, которым я посвятил всю свою любовь и которые, я надеюсь, знают меня глубоко. Но даже если этой печали суждено присоединиться к тем, что я уже испытываю, заверяю вас перед лицом Господа, что я не стал бы их винить и увидел бы в этом лишь обычный удел несчастных и покинутых созданий»³⁸¹.

События октября–ноября 1812 г. показали, что упорство императора было обоснованным. Разгром Наполеона заставил критиков за-

молчать и окружил Александра I ореолом несравненной славы. Но сильные сомнения, одолевавшие его в эти решающие месяцы, одиночество, в котором он оказался, и перенесенная критика мало-помалу приблизили его к Богу и открыли в нем источник пламенной и искренней веры.

В течение многих лет Александр I оставался равнодушным по отношению к вере и религиозным вопросам. Конечно, как мы помним, он был воспитан в почтении к заповедям и обрядам православия, но в действительности его вера оказывалась неким расплывчатым деизмом, унаследованным от эпохи Просвещения. В беседах с епископом Л. Эйлером в 1818 г. император признавался в поверхностном характере своих религиозных верований и возлагал ответственность за это на воспитание, полученное им от Екатерины II:

«Екатерина была исполнена благоразумия и ума, это была великая женщина, и память о ней навсегда останется в истории России. Но что касается той части воспитания, которая развивает искреннюю набожность, то при петербургском дворе ее было не больше, чем повсюду: много слов, мало смысла; много внешних действий, но священная сущность христианства ускользала от нашего взгляда. Я чувствовал пустоту в душе, и меня преследовало смутное предчувствие. Я уходил, приходил, придумывал себе развлечения»³⁸².

В своей личной переписке Александр I, как человек эпохи Просвещения, часто упоминал о «верховном существе». С другой стороны, участие во франкмасонских ритуалах³⁸³ еще больше отдалило его от православия. Но с 1812 г., когда угроза войны стала насущной, Александр I постепенно стал открывать для себя религиозные обряды и тексты. В тот момент его «возвращение в лоно церкви» явилось скорее политическим, чем собственно религиозным шагом. Перед лицом иностранных завоевателей, по большей части католиков, требовалось заявить о своей приверженности слитым воедино православию и всему русскому. Зато с июня 1812 г. потрясения, вызванные вторжением неприятеля, сомнения и страхи выстлали тот крестный путь, которым Александр I двинулся к Богу. Ибо эта борьба, которая велась неравными силами против врага, чье интеллектуальное превосходство в числе первых признавал российский император, в глазах последнего являлась битвой против Зла, в которой он не мог победить в одиночку. Хотя он и сумел сокрушить Наполеона, произошло это только потому, что он был избран для этого Богом, который поддерживал его на этом пути. В беседах с аббатом Эйлером Александр впоследствии заявлял следующее:

«В конце концов московский пожар озарил мою душу, и суд Божий на обледенелых полях сражений наполнил мое сердце огнем веры, которого я не ощущал ранее. С тех пор я научился познавать Бога так, как об этом

сказано в Священном Писании; отныне я научился пониманию, и теперь я понимал его волю и его закон, во мне зародилась и окрепла решимость посвятить себя лишь ему, его славе, самому себя и мое царствование. С того времени я стал другим человеком: избавлению Европы от разрушения я был обязан собственным спасением и избавлением. Только тогда, когда христианство стало для меня превыше всех вещей, когда вера в Спасителя обнаружилась во мне со всей силой, мир — и я благодарю за это Бога — установился в моей душе... Ах, я пришел к этому не сразу; поверьте мне, путь, приведший меня сюда, лежал через долгую борьбу и многие сомнения»³⁸⁴.

Московский пожар стал поворотным пунктом в его жизни. Некоторые свидетельства — графини Р. С. Эдлинг, А. Н. Голицына — и слова самого Александра I говорят о силе этого духовного переворота. Накануне вторжения Наполеона Александр I вновь открыл для себя Новый Завет, но до взятия Москвы его интерес к религиозным текстам еще не стал первостепенным. Напротив, после пожара в священном городе его сознание, все больше проникавшееся мыслью о возможном конце света, толкало его к прочтению Апокалипсиса³⁸⁵ — книги, которой он восхищался, в чем признавался А. Н. Голицыну: «Здесь, мой дорогой брат, нет ничего кроме ран и шишек»³⁸⁶.

С этого времени он стал читать духовную литературу и Библию, ставшую его любимым произведением, молился и предавался духовному созерцанию над этими книгами, черпая в них спокойствие и мир, в которых ему отказывало политическое положение. В конце 1812 г., когда Наполеон покинул пределы России, из пепла и развалин, оставленных Великой Армией, вышел новый, глубоко преображенный Александр I. Именно живость его искренней, хотя пока еще смутной, веры впоследствии довела русские полки до Парижа, тогда как сам он намеревался превратить европейский континент в такое место, где царили бы мир и братство.



12

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦАРЬ (1813–1815)

Развал и отступление Великой Армии в конце 1812 г. означали конец французской оккупации. Россия одолела захватчика — и повсюду в стране было восславлено политическое мужество того, кто, упрямо продолжая схватку, отказывался идти на какой-либо компромисс с Наполеоном, того, благодаря кому империя, преодолев тяжкое испытание, стала безусловной победительницей. В этот момент Александр I был более чем когда-либо царем всея Руси, царем, слившимся со своим народом воедино, как в политическом, так и в моральном и религиозном плане — и не случайно Сенат предложил ему титул «Благословенного». Проникшись глубокой верой, заставлявшей увидеть в русской победе Божий промысел (своему другу А. Н. Голицыну он написал: «Господь шел впереди нас. Он побеждал врагов, а не мы!»³⁸⁷), император беспрестанно благодарил Провидение за оказанную им решающую помощь. На памятной медали, отчеканенной в честь победы, он приказал выгравировать формулу «*Не нам, не нам, но имени Твоему*» из псалма 113. Император попытался накрепко связать имперский патриотизм с религиозностью. В 1811 г., когда стало ясно, что война неизбежна, Казанский собор в Петербурге принял чудотворную икону, которая, по народному поверью, помогла Ивану Грозному в завоевании Казани, а затем, в 1612 г., вызволила страну от польских захватчиков. Когда все было позади, Александр I решил восславить подвиги героев Отечественной войны именно в этом храме: в 1813 г. он повелел выставить в нем более ста знамен и имперских орлов, захваченных у наполеоновских солдат³⁸⁸, и перенести сюда прах маршала М. И. Кутузова, символа национального сопротивления захватчику, внезапно умершего в апреле. Однако провозглашая во всеуслышание свою благодарность Господу, веру в русский народ и преданность империи, Александр I в конце 1812 г. считал, что его борьба с Наполеоном еще не закончена.

Войти в Париж!

Уже в конце 1812 г. Александр I был убежден в необходимости продолжения военных действий, этого же требовали и интересы Европы.

В это время мадам де Сталь находилась в России и встретила с императором. В ходе беседы, состоявшейся незадолго до отъезда императора в Калиш³⁸⁹, Александр был с ней откровенен, и это позволяет историкам лучше понять его психологию и те цели, которые он перед собой в тот момент ставил.

«Я наконец увидела этого монарха, которого закон и нравы сделали абсолютным, а собственные склонности — столь умеренным. <...> Меня сразу же поразило в нем выражение такой доброты и такого достоинства, что эти два качества в нем кажутся неразделимыми. А еще я была весьма тронута той благородной простотой, с которой он перешел к важнейшим европейским интересам с первых же слов, что он произнес. Я всегда считала признаком посредственности этот страх перед серьезными вопросами, внушенный большинству европейских монархов: они боятся произносить слова, которые на самом деле что-то значат. А вот император Александр говорил со мной так, как английские государственные деятели, сила которых — в них самих, а не в барьерах, которыми они могут себя окружить. Император Александр, которого Наполеон старался очернить, — человек замечательного ума и познаний. Я не думаю, что в его державе мог бы найтись министр, более способный, чем он, к суждению по поводу дел и к руководству ими. <...> Если Александр доверяет кому-либо или отказывает кому-либо в своей доверии, это всегда в высшей степени обдуманно. Его молодость и внешняя привлекательность сами по себе в начале его правления заставляли заподозрить его в легкомыслии; но он серьезен настолько, насколько может быть серьезен лишь человек, хорошо знающий горе. Александр выразил мне свою печаль, что он не является великим полководцем; на эту благородную скромность я ответила, что настоящие монархи встречаются реже настоящих полководцев, а поддержать дух своей нации собственным примером — это главная из побед и самая первая, какую надо было одержать. Император с энтузиазмом говорил мне о своем народе и о том, каким он может стать в будущем. Он выразил мне желание, которое все за ним знают, — улучшить жизнь крестьян, все еще находящихся в рабстве. “Сир”, — сказала я ему, — “Ваш характер — уже конституция Вашей империи, а Ваша совесть — ее гарантия”. Он ответил мне: “Даже если бы в самом деле так было, я был бы только счастливой случайностью”. Прекраснейшие слова, которых доселе, мне кажется, не произносил еще ни один абсолютный монарх»³⁹⁰.

Портрет, нарисованный мадам де Сталь, интересен по многим причинам: он снова подтверждает очарование Александра I, его скромность, носящую отпечаток религиозного смирения, его меланхолию — «я был бы лишь счастливой случайностью», — говорит он о себе, — но вместе с тем и его решительность, когда речь идет о европейских делах и о его собственных политических проектах. А в конце 1812 г. император был убежден, что Наполеон по-прежнему представляет опасность. Император французов не был уничтожен —

Александр был сильно зол на М. И. Кутузова за то, что тот, вследствие медлительности или желания сберечь русские жизни, не захватил в плен Наполеона во время переправы через Березину, — а значит, считал Александр I, он не остановлен. Рано или поздно его армия будет воссоздана, и он пожелает вновь перейти в наступление; кроме того, на международной арене Россию могло поджидать много неожиданностей, в первую очередь в польском вопросе. Стало быть, нужно было одним ударом убить двух зайцев: отгнать французские войска за Рейн, чтобы гарантировать безопасность Российской империи³⁹¹; окончательно освободить Европу от французского тирана и вновь учредить ее — на основе новых ценностей. Уже 11 ноября 1812 г. Александр I направил графу Ф. В. Ростопчину рескрипт, в котором подчеркивал, что жертвы, на которые пошли жители Москвы, позволили одержать победу над врагом, и утверждал, что «Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы»³⁹². Кроме того, 12 декабря³⁹³ 1812 г., прибыв в Вильну, чтобы воссоединиться со своей армией и вновь встать в ее главе, император заявил своим войскам: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу!»³⁹⁴, тем самым придавая войне 1812 г. куда более глобальное значение, чем если бы речь шла только о защите русской земли.

Таким образом, геополитика и идеология слились воедино, подталкивая Александра I перейти в наступление. Но этот замысел встретил серьезные возражения со стороны его сестры Екатерины Павловны и матери, согласных в данном вопросе с Н. М. Карамзиным, а также со стороны штаба, особенно Кутузова, и правительства — А. К. Разумовского и А. С. Шишкова. Их доводы были в первую очередь политическими: в результате новой кампании опять прольется русская кровь — и теперь, когда страна больше не находится под прямой угрозой, это решение не найдет понимания у подданных и будет угрожать единству императора и его народа, выкованному в горниле испытаний. Но выдвигались и геополитические аргументы: во-первых, «полное поражение Наполеона усилит Англию, которой достанутся все барыши»³⁹⁵; во-вторых, истинные интересы России находятся не в Европе, а в Османской империи и Азии, а значит, именно этими направлениями и должна была заниматься имперская дипломатия: наконец, если все же было бы принято решение наступать, то все равно пришлось бы повременить — нельзя надеяться на успех, пока в распоряжении нет резервных войска. Но ни один из этих аргументов не убедил монарха, и 1 января 1813 г.³⁹⁶ русские войска под командованием Александра I и Кутузова форсировали Неман, вступив на территорию Пруссии.

На тот момент Пруссия все еще являлась союзницей Франции, по крайней мере формально, но этот союз доживал последние дни: 30 декабря генерал И. Йорк, командующий прусским вспомогательным корпусом, расположенным в Таурогене, самовольно заключил с русским генералом И. И. Дибичем соглашение о нейтралитете, которое позволило русским войскам вступить на территорию Пруссии без боя. В этот же день Александр I написал Фридриху-Вильгельму III, предложив ему помощь в восстановлении статуса и границ Пруссии; 10 февраля³⁹⁷ он обратился к немцам и другим народам, сражавшимся под знаменами Наполеона, с прокламацией, великодушной по отношению к тем, кто поверил в наполеоновский мираж: «Мы пользуемся своей победой, чтобы протянуть руку помощи угнетенным народам»³⁹⁸.

Фридрих-Вильгельм не заставил Александра I долго ждать ответа. После того как Франция отказалась признать нейтралитет Силезии и выплатить Пруссии компенсацию в 94 млн франков за припасы, поставленные Великой Армии в 1812 г., он решил пойти на военный альянс с Россией. Союз двух держав, заключенный 16 февраля³⁹⁹ 1813 г. в Калише, где Александр I находился вместе со своей главной квартирой, и подкрепленный Бреславльской конвенцией, подписанной 7 марта, предусматривал мобилизацию против Франции 150 тыс. русских и 80 тыс. пруссаков и запрещал заключение сепаратного мира.

Сразу же по подписании конвенции Пруссия объявила войну Франции, а в апреле новый союз получил финансовую поддержку Великобритании в размере 2 млн фунтов стерлингов. Но в военном плане первые шаги коалиции не были убедительны. Хотя часть Великой Армии оставалась скованной в Испании, — а чтобы компенсировать гигантские потери, понесенные в ходе российской кампании, Наполеону пришлось мобилизовать ветеранов и наспех набирать молодых солдат, — император французов одержал две победы подряд: 20 апреля⁴⁰⁰ под Лютценом, а 8 мая⁴⁰¹ под Баутценом. Большую роль в русско-прусских неудачах сыграла смерть Кутузова 16 апреля⁴⁰² и его замена П. Х. Витгенштейном, который отличился в битве при Березине, но на сей раз оказался неспособен воодушевить свои войска. Оглушенный этими двумя поражениями, Витгенштейн обратился с просьбой освободить его от поста главнокомандующего. Тогда Александр I решил вновь обратиться к М. Б. Барклаю-де-Толли. Теперь, в 1813 г., когда нужно было руководить многонациональной армией, сражавшейся на иностранной территории, ливонское происхождение М. Б. Барклая было уже не помехой, а преимуществом.

В конце мая при посредничестве Австрии — союзницы Франции с того самого момента, как Мария-Луиза вышла замуж за Наполеона, — русские и пруссаки обратились с просьбой о перемирии, на которую Наполеон сразу же ответил согласием: обе стороны стремились выиграть немного времени, чтобы реорганизовать свои войска. После трудных переговоров, которые со стороны русских вел молодой граф К. В. Нессельроде, пруссаков — Ф. Клейст, а со стороны французов — А. Коленкур, 23 мая 1813 г.⁴⁰³ в замке Плейшвиц к западу от Бреславля было заключено перемирие сроком на шесть недель. Этот перерыв в боях, продленный до 29 июля⁴⁰⁴, сыграл ключевую роль для коалиции: долго колебавшаяся Австрия решила присоединиться к России и Пруссии. К. Меттерних, опасавшийся русских амбиций в Польше и на Балканах, вначале считал нужным сохранить сильную Францию в качестве противовеса России и потому стремился решить конфликт дипломатическим путем, позволив наполеоновской династии удержаться у власти. Как изящно и язвительно заявил Ж. де Местр, «Австрия, отдавшая свою принцессу, желала теперь, когда, как говорится, чаша стыда полностью испита, хотя бы сохранить эту смешанную кровь на французском престоле, обладание которым может со многим примирить»⁴⁰⁵.

Но Наполеон отказывался принять посредничество Австрии и заключить приемлемый для всех мир; А. У. Веллингтон одержал победу над французским войском у Витории в Испании; наконец, великая княгиня Екатерина Павловна, находясь в Чехии, по просьбе брата пыталась повлиять на Меттерниха, чтобы склонить его к общему делу⁴⁰⁶. Под воздействием всех этих факторов канцлер решил вступить в зарождающуюся новую коалицию. 15 июня⁴⁰⁷ 1813 г. в Райхенбахе, на главной квартире Александра I, представители Австрии, Пруссии и России подписали союзный договор, целью которого провозглашалось возвращение Пруссии и Австрии их владений, возвращение германским государствам независимости и ликвидация герцогства Варшавского. 31 июля⁴⁰⁸, опираясь на этот договор, Австрия объявила Франции войну. Впрочем, несмотря на то, что теперь коалиция насчитывала 484 тыс. солдат в противовес наполеоновским 280 тыс., ее первые шаги снова оказались неудачными: 14 и 15 августа⁴⁰⁹ союзники потерпели новое поражение и потеряли 30 тыс. солдат, тщетно пытаясь отбить у наполеоновской армии Дрезден⁴¹⁰.

В рядах союзников началось серьезное брожение, грозящее расколоть едва возникшую коалицию: Фридрих-Вильгельм III и император Франц I, в смятении от масштаба поражений, начали подумывать о прекращении войны; лишь Александр I, хотя и был обескуражен бесконечными неудачами, держался стойко. Фортуна

знаградила его упорство: 18 августа⁴¹¹ в битве при Кульме 54 тыс. союзников под началом Баркляя де Толли одержали победу над 39 тыс. наполеоновских солдат под командованием маршала Д. Вандама, причем сам он был взят в плен.

Воодушевленные этим успехом, три союзные державы подписали 28 августа⁴¹² Теплицкий договор. Для ведения войны каждая из них обязывалась предоставить по 150 тыс. солдат и отказаться от заключения сепаратного мира. Их политическая программа включала восстановление независимости германских государств, роспуск Рейнской конфедерации и переговоры о будущем герцогства Варшавского. В скором времени к коалиции присоединилась Швеция Ж. Б. Бернадота, опасавшегося за свой трон, что обеспечило союзу численное превосходство: теперь 440 тыс. солдат, которых смог собрать Наполеон, противостояли 490-тысячной войску коалиции⁴¹³.

Каждая из сторон стремилась к решающей битве — и она развернулась под Лейпцигом с 4 по 7 октября 1813 г.⁴¹⁴ В начале сражения 220-тысячной армии коалиции противостояли 175 тыс. наполеоновских солдат, но первый же день ознаменовался страшными потерями: коалиция потеряла убитыми и ранеными 40 тыс. человек, Великая Армия — 30 тыс. В ночь на 5 октября⁴¹⁵ прибыли подкрепления, призванные компенсировать эти тяжелые потери: 15 тыс. присоединились к французской армии и 110 тыс. — к войскам коалиции. Цифры говорят сами за себя: с этого момента баланс сил изменился в пользу союзников. «Битва народов», которую со стороны коалиции вел К. Ф. Шварценберг, стоила жизни 65 тыс. солдат Великой Армии⁴¹⁶ и 54 тыс. — союзников⁴¹⁷ и покончила с французским присутствием на территории Германии. Она стала двойным успехом российского императора: начав оттеснять французские войска за Рейн, он осуществил свою главную цель, обезопасив границы империи; кроме того, приняв активное участие в сражении — он сам командовал атакой казаков на французских кирасиров — Александр избавился от тягостных воспоминаний о своем фиаско при Аустерлице. Впрочем, он был далек от того, чтобы приписывать успех дела себе, считая, что ему вновь помогло Провидение. Об этом он пишет в письме Голицыну от 21 октября:

«Господь Всемогущий даровал нам блистательную победу над этим прославленным Наполеоном, в баталии, длившейся четыре дня, под стенами Лейпцига. Высшее Существо⁴¹⁸ доказало, что перед Ним никто не может быть сильным и великим, если Оно само не возвеличит его. Результатом этих памятных дней стали двадцать семь генералов, около 300 пушек и 37 тысяч пленных! И мы в двух переходах от Франкфурта-на-Майне!»⁴¹⁹

Парадоксально, но на следующий день после этой решающей победы в коалиции наметились глубокие разногласия: ни австрийцы,

ни пруссаки не предполагали переносить военные действия на территорию Франции, в то время как российский император, считая необходимым покончить с Наполеоном, не мог отказаться от продолжения борьбы. Упорство Александра I в конечном счете победило колебания его союзников — ни австрийцы, ни пруссаки не могли позволить русской армии одной войти во Францию и воспользоваться плодами последнего этапа борьбы с Наполеоном. Кроме того, коалицию всячески поддерживала Великобритания, в феврале 1814 г. пригласившая в лагерь к союзникам своего министра иностранных дел лорда Р. С. Каслри, чтобы вновь оказать им финансовую помощь и воодушевить на продолжение войны с Наполеоном.

Перед началом похода на Францию российский император обратился к своим солдатам с торжественной прокламацией. Несмотря на все беды, выпавшие на долю русской армии и русского народа, Александр I, заботясь о собственной репутации и следуя своим убеждениям, призвал к умеренности и христианскому милосердию в отношении французского врага. Перед нами ключ к его будущей французской политике. Александр I желал показать европейским правящим кругам и общественному мнению «культурную» российскую нацию, цивилизованную, совершенно непохожую на тех варваров, которых на протяжении всего периода противостояния изображала наполеоновская пропаганда:

«Воины! Доблесть ваша привела вас с берегов Оки к берегам Рейна... Проникнув вглубь нашей империи, неприятель, с которым мы теперь боремся, причинил великие бедствия. Но страшная кара пала на его голову... Гнев Божий разразился над нашими врагами... Не будем подражать им: забудем дела их. Обратимся к Франции не со злобой и местью — протянем ей руку в залог мира. Для русского слава в том, чтобы победить нападающего на него неприятеля и относиться по-братски к обезоруженному врагу. Исповедуемая нами вера устами самого Бога учит нас любить наших врагов и делать добро тем, кто нас ненавидит. Воины! Я убежден, что благодаря вашему сдержанному поведению в неприятельской земле, в которую мы вступаем, вы сумеете победить столько же благодаря величию души, как и силе телесной, и, соединив доблесть воина с человеколюбием христианина, вы завершите ваши великие деяния, сохранив ту славу храброго и цивилизованного народа, которую деяния эти упрочили за вами. Я также убежден, что начальствующие над вами приложат все старания, чтобы сохранить незапятнанной честь наших войск»⁴²⁰.

С 9 по 20 декабря 1813 г.⁴²¹ союзные войска (250 тыс. солдат, к которым вскоре присоединятся еще 175 тыс.) форсировали Рейн между Кобленцем и Базелем. Но кампания началась с новых побед французов: в первые несколько недель наполеоновские войска, хотя и сильно сократившиеся численно, победили в двенадцати сражениях¹³

четырнадцать. Французские войска сопротивлялись врагу в высшей степени храбро и отчаянно. Неожиданный размах этого сопротивления сразу же вызвал сомнения, вновь расшатавшие непрочную коалицию: Фридрих-Вильгельм III и Франц I, боясь, что война может привести к возрождению во Франции революционного и воинственного духа Вальми (тем более что 31 января 1814 г.⁴²² Наполеон призвал французский народ к всеобщей мобилизации), заявили, что готовы вести переговоры с императором французов. И лишь упрямый отказ Александра I идти на компромиссы с врагом, а также вмешательство лорда Каслри заставили их изменить свое мнение.

29 января 1814 г.⁴²³ союзники — по настоянию британского министра — подписали Лангрский протокол, предусматривавший возвращение Франции в границы 1792 г., а 9 марта⁴²⁴ в Шомоне был подписан обновленный договор, укрепивший коалицию: ее участники заключили новый оборонительный союз сроком на двадцать лет и подтвердили, что не может быть и речи о сепаратных переговорах и тем более о сепаратном мире с Наполеоном. Для борьбы с ним каждая страна — член коалиции обязывалась предоставить по крайней мере 150 тыс. человек. Серия побед, одержанных союзниками в конце марта, решила судьбу Наполеона: 7 марта⁴²⁵ провалились последние переговоры; 18 марта⁴²⁶ капитулировал Париж; 25 марта⁴²⁷ император французов отрекся от престола, а 30 марта⁴²⁸ он подписал мирный договор в Фонтенбло, по условиям которого был сослан на остров Эльба. Конвенция о перемирии была подписана 11 апреля⁴²⁹.

Александр I проявил великодушие по отношению к поверженному императору и его близким: хотя союзники требовали суровых мер, он добился довольно мягких условий. Наполеон получил остров Эльба, став его сюзереном, а также ежегодную пенсию в два миллиона франков и право сохранить гвардию из 500 человек. Жозефина могла оставить за собой титул императрицы, получила существенную финансовую поддержку — ежегодную пенсию в один миллион франков, а также сохранила все свое имущество, движимое и недвижимое. Гортензия, разведясь с Луи Бонапартом, получила 400 тыс. франков на себя и своих детей, в числе которых был будущий Наполеон III. Это великодушие по отношению к поверженному врагу впечатляет, особенно если учитывать продолжительность и степень жесточенности схватки двух императоров. Чтобы понять его причины, нужно учитывать тогдашний политико-дипломатический кодекс, а в еще большей степени — психологическую и религиозную эволюцию Александра.

На протяжении всего 1813 г. Александр I, находясь в походе, укреплялся в своей вере, общаясь как с близкими друзьями, которым он доверялся, так и с простыми солдатами. В своем письме к Р. А. Кожшелеву, написанном в Полоцке 25 января 1813 г., Александр обнаруживает свою веру и доверие к Господу.

«Молитесь Высшему Существо, нашему Спасителю и исходящему от них Святому Духу, чтобы они направили меня, укрепили меня в том единственном пути, что ведет к спасению, и дали мне способности, необходимые для завершения моих общественных обязанностей, чтобы я мог сделать свою страну счастливой, но не в вульгарном смысле: вся моя слава будет в том, чтобы приблизить истинное царство Иисуса Христа. Всецело Ваш»⁴³⁰.

15 февраля 1813 г. в своем письме из Калиша А. Н. Голицыну, главноуправляющему иностранными исповеданиями и обер-прокурору Священного Синода Александр сообщает, что «с удовольствием соглашается стать одним из членов Библейского общества»⁴³¹, чтобы улучшить свои познания в Священном Писании. Но помимо этого, он проявляет все большую чувствительность к духовности простых людей, в которой видит выражение самой истинной веры и отражение русской идентичности. 26 февраля, двигаясь на запад во главе своей армии, император пишет Голицыну:

«Вы должны уже знать о том, что мы вошли в Берлин. Слава Господу Всемогущему! Я посещаю все службы, и многие солдаты посещают их со мной. Мы вместе слушаем молебны. Наши богослужения просто чудесны. Я добился успеха в том, чего желал, и наши полковые певцы поют так, что не уступят и придворным певчим. Эта масса людей, пылко и смиренно молящаяся вместе, в высшей степени назидательна, и сердце мое наслаждается в полной мере»⁴³².

Через несколько дней, 1 марта, он проникнут еще большим энтузиазмом:

«Я только что был на богослужении. Никогда я не испытывал тех чувств, что испытал в этот раз»⁴³³.

17 апреля российский император, вступив в Дрезден, где впоследствии отпраздновал православную Пасху в окружении своей армии, был охвачен духовным волнением — в тот самый миг, когда его ждало новое военное испытание:

«Мой милый друг, я благодарен Вам тысячу раз за Ваше письмо на Пасху. Из глубины сердца моего я отвечаю Вам: Воистину воскрес! И да будет угодно Господу, чтобы эта фраза не была напрасной!

В субботу, 12-го числа, после богослужения, а значит, и после «Воскресни, Боже», мы вступили в Дрезден, и в полночь мы пели на берегах Эльбы «Христос воскрес». Мне трудно передать Вам то волнение, которым я проникся, вспоминая все то, что произошло за последний год, и понимая».

куда привело нас Провидение Господне. Однако мы не только испытываем радость и благодарность к нашему Спасителю, мы вместе с тем смиренно готовимся к тяжелому испытанию»⁴³⁴.

Столь восторженная вера ни в коей мере не ограничивалась личной жизнью императора, стремительно вторгаясь и в его дипломатические проекты. В манифесте, который Александр I провозгласил 28 февраля 1813 г. в Калише, он выразил надежду на то, что придет новая эпоха, когда международные договоры будут соблюдаться «с религиозной истовостью и быть священной нерушимыми, поскольку этого требуют осмотрительность, сила и сама сохранность держав»⁴³⁵. Это напоминает о его высказывании в декабре 1812 г. во время беседы с графиней С. Шуазель-Гуфье:

«Почему бы, — говорил он, — все государям и европейским народам не сговориться между собой, чтобы любить друг друга и жить в братстве, взаимно помогая нуждающимся в помощи? Торговля стала бы общим благом в этом обширном обществе, некоторые из членов которого, несомненно, различались бы между собой по религии; но дух терпимости объединил бы все исповедания. Для Всевышнего, я думаю, не имеет значения, будут ли к нему обращаться по-гречески или по-латыни, лишь бы исполнять свой долг относительно Его и долг честного человека. Длинные молитвы не всегда бывают угодны Богу»⁴³⁶.

Таким образом, уже в конце 1812 г. начинает созревать проект Священного союза, и именно с этим настроением император въехал в Париж.

Ночью с 30 на 31 марта 1814 г. префект Сены и мэры Парижа прибыли в Бонди, где располагался генеральный штаб союзных армий, чтобы договориться о капитуляции города. В своей первой декларации, обращенной к представителям французских властей, российский император, проявив себя ловким политиком, подчеркивает, что во всем виноват Наполеон, а не французский народ:

«Превратности войны привели меня сюда; ваш император, бывший моим союзником, трижды обманывал меня. Он явился в самое сердце моего государства, чтобы принести туда зло, следы которого изгладятся нескоро. Справедливая оборона привела сюда, но я далек от желания воздать Франции злом за то зло, что претерпел. Я справедлив и я знаю, что в нем нет вины французов. Французы — мои друзья, и я хочу доказать им, что пришел воздать добром за зло. Наполеон — мой единственный враг»⁴³⁷.

Александр I обязался взять город под свою защиту, расположить в нем только элитные армейские подразделения, сохранить парижскую национальную гвардию, на тот момент насчитывавшую 40 тыс. человек. Он призвал французов обзавестись таким правительством, «которое подарило бы покой вам и подарило бы его Европе»⁴³⁸. Таким образом, уже в момент вступления во французскую столицу

Александр проявил исключительную умеренность — хотя Российская империя с ее 55 млн жителей и самой большой армией в Европе находилась тогда в зените своего могущества.

Следующим утром, в 10 часов, под негостеприимным небом, Александр I въехал в Париж через заставу Пантен во главе союзной армии. Он скакал на своем сером коне по кличке Эклипс, которого Наполеон подарил российскому императору в Эрфурте. Слева от российского императора ехал прусский король, справа — К. Ф. Шварценберг, представлявший австрийского императора. Союзные войска шли чередой перед глазами обитателей столицы в течение примерно пяти часов. Особенно сильное впечатление произвели казачьи полки, одетые в бараньи шубы и вооруженные копьями, и башкирские солдаты, вооруженные луками и стрелами. Своей молодостью, очарованием и благожелательностью Александр I сразу же покорила радостную толпу, сгрудившуюся у него на пути, чтобы полюбоваться на победителя:

«Несмотря на правильность и изящество черт, его блеск, свежесть лица, красота его меньше впечатляла, чем доброжелательный взгляд, который покорила все сердца и с первым его движением внушал доверие. Его благородный стан, высокий и величественный, часто изящно склоненный как у античных статуй, в то время, казалось, угрожал расползнуться, но был до совершенства красив. Его очи, живые, наполненные умом, были цвета безоблачного неба; он был слегка близорук, но очи его улыбались, если можно назвать так благосклонное и мягкое выражение его взгляда. Его нос был прямым, хорошей формы, рот — маленьким и очень приятного вида; его лицо и профиль округлостью форм очень напоминали его прекрасную августейшую мать»⁴³⁹.

Доброжелательность Александра ставила в тупик тех, кто, подобно Шатобриану, ожидали жестокого и заслуженного наказания от того, чей народ перенес столько страданий и чьи земли были разграблены:

«Император России и король Пруссии возглавляли свои войска. Я увидел, как они проходили торжественным маршем по бульварам. Пораженный и морально уничтоженный, как если бы у меня вырвали самое имя француза, чтобы заменить его номером, под которым меня отныне будут знать на рудниках Сибири, я вместе с тем чувствовал, как ожесточается мое сердце против человека, чья слава привела нас к этому позору. Но это первое вторжение союзников осталось беспримечным в мировых анналах: повсюду царил порядок, мир и умеренность; вновь открылись магазины; русские гвардейцы шестифутового роста следовали по улицам за французскими мальчишками, насмехавшимися над ними, подобно марионеткам и маскам на карнавале. Победенных можно было принять за триумфаторов, а истинные триумфаторы, казалось, дрожали и просили прощения за свою победу»⁴⁴⁰.

Александр I немедленно назначил Ф. В. Остен-Сакена губернатором Парижа, а тремя начальниками гарнизонов при нем стали А.-Ф.-Ф. фон дер Гольц, П.-М.-О. Пико де Пеккадюк фон Герцогенберг и Л.-В.-Л. де Рошешуар, французский эмигрант, перешедший на российскую службу. В тот же день, к трем часам пополудни, когда парад войск закончился, он опубликовал от лица трех союзных держав весьма недвусмысленную декларацию:

«Войска союзных держав заняли столицу Франции. Союзные монархи прислушиваются к желаниям французской нации. Они провозглашают: что, хотя условия мира должны быть жесткими, чтобы гарантировать обуздание амбиций Буонапарте, они должны быть мягче, когда сама Франция вернется к мудрому правительству, которое обеспечит спокойствие.

Как следствие, союзные монархи заявляют:

что они не будут вести переговоров ни с Наполеоном Буонапарте, ни с кем-либо из его семьи.

Что они уважают целостность старой Франции, такой, какой она была при законных королях; они способны даже прирастить ее территорию, поскольку они продолжают придерживаться того принципа, что для счастья Европы Франция должна быть большой и сильной.

Что они признают ту конституцию, что примет французская нация, и станут ее гарантами. Поэтому они предлагают Сенату назначить временное правительство, которое сможет взять на себя административные вопросы и подготовить такую конституцию, которая подошла бы французскому народу.

Высказанные мною намерения разделяют все союзные державы»⁴⁴¹.

Это первое публичное заявление Александра I в Париже заслуживает интереса по многим причинам: оно продемонстрировало его непримиримое отношение к Наполеону, стремление к умиротворению французского народа и уверенность в том, что лишь монархическая власть является законной. Но российский император вместе с тем желал, чтобы Франция осталась сильной и могла быть противовесом Великобритании и Австрии — он не забывал о геополитических доводах, приведенных в свое время Кутузовым. Кроме того, сознавая, что опыт Французской революции и память о ней не могут быть полностью стерты, он торжественно выступил за введение во Франции конституционного правления. В этом случае Александр I также считал необходимым придерживаться принципа равновесия.

Вопрос об образе правления во Франции, к которому мы еще вернемся, имеет чрезвычайную важность. Здесь мы не согласны с советской историографией⁴⁴², с точки зрения которой смысл заграничного похода для Александра I якобы заключался в том, чтобы восстановить во Франции консервативную монархию. Подобное толкование политики российского монарха в 1813–1814 гг. исходит из эволюции

российской дипломатии после 1818 г., а потому анахронично и не может объяснить мотивов Александра I во время заграничного похода. В 1814 г. для него важнее всего было установить во Франции такой политический режим, который отвечал бы чаяниям французов, учитывал бы их историю и коллективную память, и который своей стабильностью и умеренностью гарантировал бы мир Европе. В глазах Александра — и он будет вновь и вновь ясно и назидательно объяснять это своим собеседникам — судьба Франции была связана с судьбой Европы, поэтому в обращении с Францией следовало сохранять равновесие и умеренность. Таким образом, точка зрения российского императора на поверку оказывалась абсолютно рациональной. На эту ясность ума обращал внимание и канцлер К. Меттерних. «Я обнаружил, что император России настроен весьма рассудительно, — пишет он императору Францу по прибытии в Париж, — он гораздо меньше сходит с ума, чем я ожидал»⁴⁴³.

В любом случае, заявление императора на какое-то время, похоже, успокоило парижан, вынужденных сносить иностранную оккупацию. Это первое впечатление в дальнейшем подтвердилось. За время своего пребывания во французской столице российский монарх рекомендовал себя как человек великодушный и способный всех очаровывать.

«Царь-освободитель» и «благодетель» Европы

О пребывании Александра I в Париже нам известно по многочисленным французским источникам. Все писатели, столпившиеся в столичных салонах, чтобы приветствовать победителя, — мадам де Сталь, Б. Констан, Ф. Р. Шатобриан, графиня А. де Буань — оставили повествования о своей встрече с российским монархом, обрисовав его самыми яркими красками. Но особенно ценны два источника, которые дают возможность непосредственно почувствовать атмосферу вокруг Александра I и то, как разворачивались события. Первый — дневник адъютанта российского императора генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского. Отважный воин (он был серьезно ранен в Бородинском сражении), умный и просвещенный человек, получивший образование в Геттингенском университете, он говорил на французском и немецком так же хорошо, как и по-русски, знал латынь. Став впоследствии доверенным лицом Александра I, он получил от него поручение написать официальную историю российской кампании; так он стал первым историком войны 1812 г., собрав множество документальных источников⁴⁴⁴. С 1808 по 1839 г. он вел на русском языке дневник⁴⁴⁵, в котором очень точно и подробно описывал действия и поступки российского императора в период его

пребывания во Франции. Кроме того, в декабре 1814 г. Михайловский-Данилевский отложил в сторону свой дневник, чтобы написать на французском языке небольшую книгу воспоминаний под названием «Размышления о 1812, 1813 и 1814 г., в той степени, в которой они имеют ко мне отношение» (книга будет опубликована после его смерти). Эта книга и дневник представляют особенный интерес для историков. Второй источник — брошюра, анонимно опубликованная в Париже в 1815 г. под названием «Александрана или остроумные слова и замечательные высказывания Александра I»⁴⁴⁶. Составленная штабным офицером, русским или французом, перешедшим на русскую службу, брошюра прославляет императора; вместе с тем в ней приводятся анекдоты и интересные подробности его пребывания в Париже.

По прибытии в Париж Александр I, не желавший жить в императорском дворце Тюильри, предполагал поселиться в Елисейском дворце, но Ш. М. Талейран убедил его, что это небезопасно: здание будет прослушиваться, возможен риск покушения, поэтому лучше всего поселиться у него в гостях, на улице Сен-Флорантен. Князь был столь настойчив, что Александр согласился. Поэтому именно в гостях у Талейрана прошло первое важное политическое совещание, в котором приняли участие, кроме российского и прусского монархов, князь К. Ф. Шварценберг, Ш. М. Талейран, великий герцог К. Т. фон Дальберг, аббат Д. де Прадт и два дипломата Александра I — граф К. В. Нессельроде и К. О. Поццо ди Борго. В ходе этой встречи, посвященной политическому будущему Франции, было принято решение о возвращении Бурбонов на французский трон. 1 апреля 1814 г.⁴⁴⁷ 64 сенатора выбрали временное правительство, которое возглавил Талейран. В тот же день Александр I даровал свободу 1500 солдатам, захваченным в плен в ходе французской кампании, а вечером — по приглашению Талейрана, игравшего роль церемониймейстера, — присутствовал в Опере на грандиозном празднике в его честь. Певцы и актеры наперебой прославляли нового героя «скверными куплетами»⁴⁴⁸, которые пелись в честь российского императора на мотив песни «Да здравствует Генрих IV» («Vive Henri IV»):

«Славься, Александр,
Король всех королей!
Нас покоряет
Он скромностью своей.
Славен тройне он,
Прекрасен его трон.
Героем справедливым
Нам возвращен Бурбон!»⁴⁴⁹

Хотя «король королей» и был тронут этой лестью, несмотря на всю ее неуклюжесть, он не был опьянен своим успехом. Его великодушие и снисходительность, абсолютно искренние и соответствующие его убеждениям, были призваны убедить французскую элиту и французское общественное мнение в том, что Россия, несмотря на всю враждебную пропаганду, которую на нее обрушили бюллетени Великой Армии, по праву находится в Европе, в самом сердце европейской цивилизации, нуждающейся в возрождении после наполеоновской тирании.

Понимая, что армии союзников, сильно пострадавших от французских вторжений, могут захотеть отыграться на мирном населении, — и в самом деле, в апреле–мае во время русского наступления во Франции грабежи имели место⁴⁵⁰ — Александр I потребовал от своих офицеров и солдат безупречного поведения. Он предусмотрел суровые наказания для нарушителей, вплоть до смертной казни. Кроме того, он запретил им присутствовать на спектаклях во время страстной недели: православные должны были продемонстрировать уважение к религии. Эти требования быстро увенчались успехом: если накануне вторжения союзных войск достаточно было произнести слово «казак», означающее высшую степень варварства, чтобы вызвать ужас населения, в большой степени затронутого наполеоновской пропагандой, то теперь столкновение с реальностью открыло французам глаза. Конечно, для многих парижан лагерь казаков на Елисейских полях — офицеры могли расположиться в домах жителей, но не рядовые — представлял собой экзотическое зрелище:

«Удивительным зрелищем для глаз и для умов были эти донские жители, мирно жившие согласно своим привычкам и обычаям посреди Парижа. У них не было ни палаток, ни какого-либо иного убежища; к каждому дереву было привязано по три-четыре лошади, а их наездники сидели рядом на земле, и разговаривали друг с другом мягкими голосами на мелодичном языке. Большинство из них занималось шитьем: они штопали свои поношенные одежды, кроили и шили новые, чинили свою обувь, упряжь своих лошадей или занимались отделкой для своих нужд того, что было награблено в прошлые дни. Впрочем, это были регулярные гвардейские казаки, и поскольку они редко использовались в качестве разведчиков, им меньше везло в мародерстве, чем их собратьям, казакам иррегулярным. Их униформа была очень красивой: широкие синие штаны, туника из плотной шерстяной ткани, также синяя, с простеганной грудью и туго перехваченная широким поясом из блестящей черной кожи, со сверкающими медными пряжками и украшениями. За пояс было заткнуто их оружие. Этот полувосточный костюм и их странная посадка на лошади (они почти стояли, поскольку высота их седла позволяла им не сгибать колени) сделали казаков предметом любопытства всех ротозеев Парижа. Они не возражали, чтобы люди к ним подходили. В особен-

ности это касалось женщин и детей, которые стали буквально ездить на них»⁴⁵¹.

Вместе с тем в своем ценном исследовании, посвященном оккупации Франции в 1814 г., Жак Антрэй констатирует:

«Во время вторжения жители еще не пострадавших регионов испытывали опасения из-за дурной репутации казаков. Полицейский рапорт января 1814 г. приводил высказывания парижских буржуа, что они “злые только в газетах”»⁴⁵².

Точно так же будет думать и Виктор Гюго, которому в этот момент было двенадцать лет и который спустя многие годы напишет, что «страшилища казаки оказались кроткими как агнцы»⁴⁵³. И Жак Антрэй заключает:

«В 1815 г. не было серьезных инцидентов, которые бы вменялись в вину войскам Александра I, в отличие от прусской армии. 10 октября 1815 г. военный министр писал: “Все доклады, полученные мною из мест, где были расквартированы русские войска, указывают, что их поведение соответствует дружеским отношениям короля с его величеством императором Александром”»⁴⁵⁴.

Таким образом, с самых первых месяцев оккупации Франции союзными войсками неизбежные контакты между военными и мирным населением способствуют тому, что имидж России заметно меняется: подобно своему императору, русские войска олицетворяют достоинство, снисходительность, одним словом, ту самую цивилизацию, к которой и русские, и французы испытывали одинаковую привязанность. Получается, что Александр I добился полного успеха в создании желанного имиджа всего за несколько недель.

28 марта 1814 г.⁴⁵⁵, в день Пасхи⁴⁵⁶, демонстрируя стремление к вселенскому миру, Александр I устроил на площади Согласия торжественное богослужение, которое осуществляли семь православных церковнослужителей при участии певчих из императорской капеллы. То самое место, где был гильотинирован Людовик XVI, огласилось песнопением «Тебе Бога хвалим». Для российского императора этот момент был исполнен глубокого духовного смысла:

«Для моего сердца этот миг был торжественным, трогательным и грозным. Вот, говорил я себе, следуя непостижимой воле Провидения, я привел с собой своих православных воинов из глубины их холодной северной родины, и мы вместе возносим Господу молитвы в столице этих иностранцев, что еще недавно нападали на Россию, в том самом месте, где царственная особа пала жертвой народной ярости... Можно сказать, что дети Севера справили панихиду по королю Франции. Русский монарх молился со своим народом, следуя православному обряду, очищая, таким образом, обгавленную кровью площадь... Наш духовный триумф в полной мере достиг цели. Меня даже позабавило зрелище того, как спешили и

толкались французские маршалы и генералы, чтобы поцеловать русский крест!»⁴⁵⁷

Стоит обратить внимание на эту последнюю ремарку. Она очевидным образом демонстрирует неизменную ясность сознания Александра I: несмотря на силу религиозного чувства, даже на самом пике своей славы император по-прежнему был способен на иронию и самоиронию.

Публично демонстрируя свою искреннюю религиозность, Александр I, однако, ни в коей мере не вел в Париже жизнь затворника. Он приглашал на ужин прусского короля и австрийского императора, угощая их роскошными яствами. Он показывался в столичных салонах, проявляя себя культурным, остроумным и скромным человеком. Он посещал памятники французской культуры и истории. 29 апреля⁴⁵⁸ он побывал в Версале, где в сопровождении своих братьев Николая Павловича и Михаила Павловича и прусского короля с сыновьями посетил замок. На Вандомской площади, увидев статую Наполеона в виде Цезаря, отлитую из бронзы пушек, захваченных у русских и австрийцев при Аустерлице, Александр I заметил: «Если бы я был поставлен столь высоко, я бы боялся, что у меня закружится голова»⁴⁵⁹, вместе с тем защитив статую от гнева роялистов. По его требованию, статую императора демонтировали и унесли в безопасное место, временно заменив ее белым флагом. Когда французские роялисты предложили российскому императору переименовать Аустерлицкий мост, он изысканно ответил: «Достаточно, если будут знать, что император Александр перешел через этот мост со своими войсками»⁴⁶⁰. Посетив дворец Тюильри, он остановился в салоне Мира, весело спросив у своих проводников, «зачем была нужна Буонапарте эта комната?»⁴⁶¹

За время своего пребывания в Париже император встретился с множеством французских интеллектуалов и, в частности, как из сыновних чувств, так и по причине личной симпатии принял аббата Сикара и пригласил его к своему столу. Этот аббат, директор Института глухонемых Франции, был хорошо известен Марии Федоровне, которая, восхищаясь трудами аббата, пригласила в Петербург одного из его учеников, чтобы организовать в России такой же преподавательский курс. В знак уважения к своим трудам аббат Сикар еще при наполеоновской власти получил от российского монарха в награду крест ордена св. Владимира, но Наполеон запретил носить его⁴⁶². Таким образом, пребывание Александра I в Париже позволило ему наконец завязать прямой контакт с гуманистом. Наконец, что особенно удивительно, император часто бывал в Мальмезоне у императрицы Жозефины и в отеле Черутти у ее дочери Гортензии. Но эти удивит-

льные встречи закончились трагически: 17 мая⁴⁶³ Жозефина умерла, простудившись во время прогулки с Александром I.

Престиж и популярность российского императора были столь велики, что на улице Сен-Флорантен к нему постоянно обращались просители, добивавшиеся его протекции, чтобы получить ту или иную должность. Один генерал наполеоновской армии дошел до того, что стал упрашивать российского монарха поддержать его прошение к будущему королю, у которого он просил ордена за свои подвиги... в войне против России! Этот случай показывает, до какой степени спутало все ориентиры пребывание Александра в Париже...

Император, взволнованный обретением в Париже Лагарпа, вначале сделал его своим личным секретарем и поручил ему отвечать от его имени на многочисленные обращения. Но доброй воли Лагарпа оказалось недостаточно. В скором времени Александр был вынужден опубликовать через К. В. Нессельроде сообщение, в котором уточнялось: «Его Императорское Величество, явившись во Францию, чтобы содействовать возвращению мира и счастья, взял на себя обязательство не оказывать никакого влияния на исполнение законов и управление государством. Следовательно, мы просим всех лиц, имеющих ходатайства, обращаться к уполномоченным органам временного правительства»⁴⁶⁴. Очень любезный отказ...

Александр I, будучи в высшей степени занят делами светскими, вместе с тем продолжал быть активным в делах политических и твердым в своих убеждениях относительно будущего Франции. Уже 19 марта⁴⁶⁵ в своем первом публичном заявлении он сделал упор на то, что Франция должна быть сильной, умеренной и конституционной. Два дня спустя, выступая перед членами Сената, император вновь публично подчеркнул свою приверженность либерализму:

«Я друг французского народа; <...> он справедлив, будет мудрым создать во Франции либеральные учреждения, соответствующие нынешнему уровню просвещения; мои союзники, как и я, явились во Францию, лишь чтобы защитить Вашу свободу принимать решения»⁴⁶⁶.

В последовавшие за этим недели он потребовал от графа Прованского — будущего Людовика XVIII, еще не вернувшегося во Францию, — чтобы тот даровал французам конституцию. Король был раздражен подобным вмешательством во французские дела.

Александр и Людовик переписывались с 1813 г., но не чувствовали друг к другу ни малейшего доверия. Российский монарх презирал Бурбонов, считая их недостойными вновь занять французский престол, а будущий король злился на подобное к нему отношение и на уступки, в его глазах неоправданные, которых Александр I от него требовал. Неприкрытое презрение со стороны Александра бросается

в глаза, если читать его переписку с Людовиком. Наследник трона Франции обращается к нему «господин мой брат и кузен», а он вновь и вновь величает его «господин граф»! И лишь в письме от 5 апреля 1814 г.⁴⁶⁷ император наконец решил использовать ожидаемую формулу «господин мой брат». В этом письме он сообщил адресату, что отправляет к нему своего министра К. О. Поццо ди Борго, напоминая о той легитимности, которую сам обрел, сражаясь против Наполеона (что не могло не раздражать Людовика XVIII), и вновь выступил в пользу установления либерального режима:

«Впрочем, если мои действия в этой священной и упорной войне были до некоторой степени полезны интересам Вашего Величества, если я таким образом приобрел право на Вашу дружбу и доверие, то Вы прислушаетесь к словам генерала Поццо. <...> Не подлежит никакому сомнению, что французское королевство ожидает своего счастья и возрождения от Вашего Величества, но равным образом справедливо и то, что существует национальная воля. Вы покорите все сердца, если обнаружите либеральные идеи, направленные на поддержание и укрепление естественных учреждений Франции»⁴⁶⁸.

При первой аудиенции у короля Франции К. О. Поццо ди Борго, в свою очередь, подчеркнул, что Франции необходимо даровать конституцию, поскольку «только в таком случае он в состоянии будет обеспечить за своим правительством тот авторитет и ту силу, которые ему нужны для успокоения умов во Франции и обеспечения внутреннего мира»⁴⁶⁹. В непосредственном окружении Людовика некоторые очень хорошо поняли эту мысль российского монарха. Например, Шатобриан в своих «Замогильных записках» подчеркивал, что «глава двух высших властей, обладатель абсолютной военной и религиозной власти, оказался единственным из всех европейских монархов, кто смог понять, что Франция, достигнув цивилизованного состояния, может управляться лишь посредством свободной конституции»⁴⁷⁰. Людовик XVIII в конечном счете согласился с мнением российского императора, понял необходимость предоставить стране политические права и даровал Конституционную Хартию. Но отношения Александра I с Бурбонами от этого не стали лучше. Его до крайности раздражала приверженность Бурбонов белой кокарде. В то время как, с точки зрения Александра, французская армия должна была сохранить трехцветную⁴⁷¹, их желание придерживаться старинного этикета и негибкое упрямство.

Графиня А. де Буань рассказывала удивительную историю. Российский император относился с глубоким уважением к А. Коленкуру, герцогу Виченцы, но Людовик XVIII отказывался иметь с ним дело: Бурбоны считали, что Коленкур был замешан в убийстве герцога Энгиенского. Александр I попытался исправить положение.

пригласив графа д'Артуа⁴⁷² и герцога Виченцы на один и тот же ужин — но попытка примирения обернулась полным фиаско, вызвав у Александра I чувство глубочайшей горечи по отношению к Бурбонам:

«Ужин был холодным и торжественным; Месье⁴⁷³ чувствовал себя оскорбленным. Встав из-за стола, он недовольно удалился. Император был в гневе; он ходил по зале в окружении близких и произносил яростные речи в адрес неблагодарных людей, которым он вернул королевство ценой собственной крови, потому что свою они берегли, и которые теперь не могут уступить ему в вопросе этикета. Когда он поуспокоился, ему сказали, что Месье, возможно, более щепетилен именно потому, что находится под гнетом слишком больших обязательств, и что речь идет не об этикете, а о чувстве, потому что Месье считает герцога Виченцы виновным в Эттенгеймском деле.

“Я же ему сказал, что это не так”.

Безусловно, мнение императора должно иметь большой вес для Месье, но общество еще не просвещено на этот счет, и можно отнестись с пониманием к отвращению, которое испытывает Месье, если вспомнить, что герцог Энгиенский был его близким родственником.

Император зашагал быстрее:

“Его родственник... его родственник... его отвращение...”

Затем, внезапно остановившись и посмотрев на своих собеседников, добавил:

“А я каждый вечер ужинаю с Уваровым!”

Если бы в помещении взорвалась бомба, это не произвело бы большего впечатления. Император зашагал снова. На какой-то момент все оцепенели, а затем он заговорил о другом. <...>

Считалось, что генерал Уваров задушил императора Павла⁴⁷⁴ своими руками — они у него в самом деле были громадными — и Александра задело, что наши принцы отказывались пожертвовать своей щепетильностью в пользу политической целесообразности, тогда как ему пришлось пойти на куда более значимую жертву⁴⁷⁵.

Затем дела пошли еще хуже. Прибыв 17 апреля 1814 г.⁴⁷⁶ в Компьен, Людовик XVIII принял у себя Александра I, обратившегося к нему с просьбой сохранить трехцветную французскую кокарду и посоветовавшего ему «пощадить воспоминания о двадцати пяти годах славы»⁴⁷⁷, но отнесся к российскому монарху с холодностью и высокомерием. Усевшись в просторное кресло, он предложил ему всего лишь простой стул, приведя императора в ярость... А ведь в том, что по условиям первого Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г.⁴⁷⁸, Франция сравнительно легко отделалась, влияние Александра I сыграло не меньшую роль, чем стоящая на страже европейского равновесия британская дипломатия или таланты Талейрана.

В самом деле, Франция сохранила свои границы на 1 января 1792 г. Таким образом, она удержала Авиньон и графство Венессен, Монбельяр, большую часть Савойи и Мюлуз, но была вынуждена покинуть левый берег Рейна и территории, аннексированные Наполеоном в Италии, Нидерландах и Швейцарии. Она не должна была выплачивать никаких репараций; более того, Англии пришлось вернуть Франции все ее колонии, за вычетом Антильских островов Тобаго и Сент-Люсии, острова Иль-де-Франс в Индийском океане и Мальты. Для урегулирования всех еще нерешенных европейских вопросов был предусмотрен всеобщий конгресс в Вене. Вместе с тем в Парижском мирном договоре содержались секретные статьи, по которым Венеция доставалась Австрии, а Генуя — Сардинскому королевству. Одним словом, в июне 1814 г., в первую очередь благодаря вмешательству Александра I, Франция потеряла меньше, чем могла бы.

На следующий день после подписания договора, примерно через два месяца после прибытия во французскую столицу император покинул Париж, обуреваемый смешанными чувствами. Да, он, безусловно, преуспел в своей задаче очаровать правящие круги и общественное мнение, содействовал принятию Конституционной Хартии и, во имя принципа равновесия, который он уважал в такой же степени, как и британцы, позволил потерпевшей поражение Франции сравнительно легко отделаться. Но это не мешало ему испытывать горечь в отношении неблагодарных Бурбонов. А вскоре его подобным же образом разочаровала и британская монархия.

В конце мая 1814 г. российский император отправился в Лондон в сопровождении своих министров К. В. Нессельроде и И. А. Каподистрии, чтобы укрепить политические связи, завязавшиеся за время анти-наполеоновской эпопеи. Его прибытие, которого ждали «со страстным нетерпением и энтузиазмом»⁴⁷⁹, вызвало в Лондоне такой же ажиотаж, как и в Париже, если не больший:

«Воздействие его присутствия было очень примечательно: он сам по себе очень сильно впечатлял людей, а если мы добавим к этому естественному дару окружавший его в то время ореол славы, легко понять необычайный энтузиазм, который он вызвал в Англии. Им бурно и неистово восторгались городские улицы, Сити, театры. Я несколько не преувеличу, сказав, что в те две недели, что он оставался в Лондоне, в парке и на улице, где он остановился, никогда не было меньше 10 тысяч людей. В некоторые часы дня движение полностью прекращалось, и даже ему самому всего лишь раз удалось спокойно совершить пешую прогулку, причем для этого пришлось тайно выбираться через внутренний двор»⁴⁸⁰.

Как и в Париже, в Англии Александру I воздавали почести. Оксфордский университет сделал его доктором гражданского права.

Как и в Париже, ему посвящались многочисленные поэмы и песни, но голову он от этого не потерял. Его духовные поиски, продолжившиеся в Лондоне, привели к тому, что он открыто и в экуменическом духе вел многочисленные беседы и обсуждал религиозные темы. В Лондоне Александр I встретил членов Библейского общества и поучаствовал во встрече квакеров. Заинтересованный их подходом к религиозным вопросам, он пригласил троих из них — Уильяма Аллена, Стивена Греллета и Джона Уилкинсона — посетить его на следующий день в доме, в котором он остановился, чтобы продолжить беседы на духовные темы. Аллен оставил рассказ об этой встрече, очень ценный для понимания религиозных взглядов Александра I:

«Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Друзей по поводу молитвы — она должна быть внутренней и духовной. Он сказал, что молится каждый день. <...> Он заметил, что молитва Богу заключается не во внешних церемониях и не в повторении слов, легкодоступном злодеям и лицемерам, но в смирении духа перед Господом»⁴⁸¹.

В то же самое время, по-прежнему стремясь к более точному чтению и пониманию Библии, он завязал переписку с госпожой В. Ю. фон Крюденер, пиегисткой ливонского происхождения, чья слава мистической писательницы в тот момент распространилась в Европе.

Но британские правящие круги не разделяли энтузиазма обитателей Лондона, и министр иностранных дел лорд Каслри был обеспокоен популярностью российского императора, казавшейся ему политически опасной. В своем письме премьер-министру графу Ливерпулю лорд Каслри сообщал, что на публичных празднествах, устроенных по случаю пребывания императора в Лондоне, он постарается, чтобы Александра I «сопровождали другие победители, а именно прусский король и прусский генерал фон Блюхер», чтобы «он не был единственным предметом восхищения»!⁴⁸² Двор не особо тратился на российского монарха: супруга посла Александра I в Лондоне графиня Ливен отмечала в своих «Мемуарах», что за более чем две недели, что длился визит императора, регент устроил в честь Александра I лишь два «больших ужина и два вечера». Вот насколько сдержанно к нему отнеслись в столице.

Это в высшей степени британское недоверие к тем чувствам, которые мог вызвать российский монарх, стало еще сильнее из-за поведения великой княгини Екатерины Павловны. Вдова недавно умершего Георга Ольденбургского, она обосновалась в Лондоне, чтобы быть поближе к брату, но ее непрерывные интриги и неуместная надменность быстро нажили ей врага в лице принца-регента, косвенно дискредитировав и самого императора. Наконец, сам Александр I

весьма недипломатично на протяжении всего своего пребывания в Лондоне удостаивал своим вниманием лишь оппозиционную партию вигов, чем вызвал раздражение правящей партии тори, не приобретая при этом симпатий либералов... Он оказался совершенно непонятым. Лорд Грей скажет о нем: «Это пустой и глупый человек»⁴⁸³. Суждение неверное и, по меньшей мере, необоснованное.

Конгресс 1815 г. и Священный Союз

После своего пребывания в Западной Европе Александр I на несколько недель оказался в более родных ему землях: 10 июня⁴⁸⁴ он покинул Лондон, направляясь в Портсмут, спустя четыре дня сел на корабль, а прибыв в Кале, быстро пересек Голландию и присоединился к Елизавете Алексеевне, гостившей у своей семьи в Бадене. Он провел там несколько дней в обществе своих близких, в том числе Ф. Лагарпа, также совершившего это путешествие. Там он встретился с делегацией из четырех российских сановников, отправившейся ему навстречу, чтобы попросить его принять от Сената, Священного Синода и Государственного совета титул «Благословенного» и согласиться на возведение монумента в свою честь. Александр I отверг оба предложения: поскольку его победу обеспечил не он сам, а вмешательство Господа, единственный способ ее праздновать — молитва, обращенная к Богу. Спустя короткое время он написал губернатору Санкт-Петербурга, приказав ему отменить все празднества, предусмотренные в честь его скорого возвращения: не стоило радоваться пролитию русской крови в тяжелых испытаниях. 13 июля, вернувшись в Петербург, он немедленно направился в Казанский собор, чтобы воздать хвалу Господу, причем очень скромно, без фанфар или внушительного кортежа.

Месячное пребывание в русской столице должно было вернуть Александру I мир и спокойствие, но оказалось очень болезненным. За время его отсутствия М. А. Нарышкина, уже много месяцев влюбленная в князя Г. И. Гагарина, решила порвать с императором, о чем резко сообщила ему сразу по прибытии. Не упоминая о главной причине разрыва, она привела моральные и политические соображения, которые, возможно, тоже сыграли свою роль⁴⁸⁵ и, по всей видимости, убедили Александра I. Летом 1814 г.⁴⁸⁶ в своем письме к сестре Екатерине Павловне — мы говорим о черновике, написанном карандашом, некоторые слова которого, к сожалению, уже неразборчивы, — Александр I, излагая доводы Нарышкиной, сдержанно и трогательно рассказывает о своем разрыве с ней:

«Вы думаете, что я счастлив в браке⁴⁸⁷, любим и соединен⁴⁸⁸ с той, с которой я надеялся провести остаток своей жизни. Увы, мы в самом деле уви-

делись с ней, но лишь для того, чтобы испытать еще более глубокое страдание, расставаясь навек. Я застал ее в болезни, но физические страдания были лишь продолжением душевных.

После всех великих событий, которые произошли, ее желание меня увидеть [неразборчиво] столь усилилось, что ее положение стало нестерпимым — ведь ее считают препятствием моему сближению с женой: душа ее слишком чувствительна и слишком возвышенна, поэтому не может терпеть этого. <...> Она твердо решилась расстаться со мной и уехать. Дав волю моему страданию, я понял, что слишком люблю ее, чтобы заставлять ее действовать наперекор своим убеждениям. Она сказала, что не желает, чтобы мой народ мог меня упрекнуть в грехе, а счастье союза, длившегося четырнадцать лет⁴⁸⁹, нужно принести в жертву нашему долгу. <...> Я пишу Вам накануне отъезда в Вену, а значит, и накануне расставания, которое, даже если не будет вечным, все же навсегда разрушит те узы, в которых я видел счастье всей моей жизни»⁴⁹⁰.

Как мы видим, печаль Александра I была огромна, он тяжело переносил этот удар. Связь, начавшаяся еще в 1803 г., очень много значила для него, подарив ему тот семейный очаг, который он не смог создать с Елизаветой Алексеевной. Спустя столько лет его страсть, даже если она горела не в полную силу, оставалась весьма пылкой, и разрыв тяжело повлиял на императора. Но спустя три года в письме своему другу Р. А. Кошелеву Александр высказывался о своей бывшей любовнице куда менее любезно — возможно, к этому времени он больше узнал о мотивах, приведших к их разрыву.

«Тем временем не могу Вам не сказать несколько слов о прибытии госпожи Нарышкиной в Петербург. Надеюсь, Вы достаточно хорошо знаете мое нынешнее состояние души, чтобы не испытывать ни малейшего беспокойства обо мне в связи с этим. Впрочем, если бы я еще был светским человеком, я мог бы без труда остаться чужим этой особе, после всего того, что она сделала»⁴⁹¹.

Как бы то ни было, пребывание Александра I на русской земле длилось недолго: спустя два месяца, 31 августа⁴⁹², император отправился в Австрию, чтобы участвовать в Венском конгрессе. В ходе своего путешествия он остановился в Пулавах, семейном имении Чарторыйских, где 10 и 11 сентября⁴⁹³ он долго обсуждал с А. Чарторыйским и Н. Н. Новосильцевым будущее Польши. Он прибыл в Вену 13 сентября⁴⁹⁴ 1814 г.

Решения Венского конгресса легли в основу всей дипломатии XIX в. и стали темой бесчисленных исторических трудов. Все, что с ним связано, отдает чрезмерностью: продолжительность конгресса (он заседал с ноября 1814 по март 1815 г.); головокругительное количество участников (были представлены 216 государств, лично присутствовали два императора, пять королей и представители

209 княжеств, т. е. около 20 тыс. человек, если считать дипломатов и их близких, а также слуг, шпионов и дам полусвета⁴⁹⁵); важность его решений (он полностью перекроил карту Европы); наконец, неожиданная развязка — ведь именно во время Венского конгресса начались Сто дней (1 марта — 18 июня). Официальные заседания, тайные встречи в салонах, скрытые от чужих ушей договоренности, празднества, чередующиеся с политическими дискуссиями, — с Венского конгресса началась эра профессиональной дипломатии. Не удивительно, что многие современные дипломаты испытывают громадный интерес к этому событию и посвятили ему значительное число трудов и статей⁴⁹⁶. Наконец, конгресс, собравший множество принцев, принцесс и аристократов самого разного ранга, ознаменовавшийся яркими празднествами и концертами (когда исполнялась Седьмая симфония Бетховена, дирижировал сам автор), дал повод для увеселений, интеллектуальных бесед и любовных интриг.

Именно в Вене великая княгиня Екатерина Павловна покорила князя Вильгельма Вюртембергского, которому было суждено стать ее вторым мужем. И именно во время конгресса Елизавета Алексеевна, порвавшая с Чарторыйским по причине своего увлечения Охотниковым, вновь увидит князя, по-прежнему в нее влюбленного. Их встреча была нежной: сорокапятилетний князь простил ей неверность, а Елизавета Алексеевна ответила на его чувства. В архивах ГА РФ есть черновик трогательного письма Елизаветы Алексеевны, датированный 1 февраля 1815 г.⁴⁹⁷, адресованный польскому князю⁴⁹⁸ и проливающий свет на чувства, которые испытывала к нему императрица. Она сетовала на судьбу, принудившую ее «принести в жертву законному порядку истинное счастье ее жизни, разлучив ее с человеком <...> которого она привыкла за четырнадцать лучших лет своей жизни воспринимать, как свое второе я». 24 февраля⁴⁹⁹, в день, когда Елизавета Алексеевна должна была покинуть Вену, Чарторыйский стал молить ее о том, чтобы она развелась с Александром и вышла за него замуж. Сохраняя доляльность по отношению к Александру I, он сообщил ему о своем предложении.

Но император сразу же выступил против подобного плана, не столько из привязанности к Елизавете Алексеевне, сколько по государственным соображениям: в тот самый момент, когда в Вене начались трудные переговоры о будущем Польши, развод российской императрицы и ее брак с польским князем, известным сторонником восстановления польского государства, не могли быть приняты российским общественным мнением и угрожали помешать начавшемуся русско-польскому сближению. В конечном итоге эти аргументы убедили благоразумную Елизавету Алексеевну отказаться от собствен-

юго счастья: в ноябре 1815 г. она окончательно вернулась в Санкт-Петербург и, пережив острый кризис (императрица размышляла, удалиться ли ей в монастырь или покончить с собой), в 1815 — начале 1816 г. Елизавета Алексеевна приняла решение остаться в России, «страдать молча» и «полностью подчиниться велениям Провидения»⁵⁰⁰.

Александр же, работая без передышки, вместе с тем порхал от одной дамы к другой. Он завоевал герцогиню де Саган (которая незадолго до этого была любовницей Меттерниха!), княгиню Багратион и завязал платоническую дружбу с княгиней Ауэршперг, графиней Сечени, графиней Сааран. Подобное поведение, не особо соответствовавшее мистическим порывам императора, объясняется глубочайшим кризисом, который он переживал в личной жизни. После разрыва с Нарышкиной он бросился соблазнять женщин направо и налево, пытаясь забыть о прекрасной польке.

Венский конгресс стал важнейшим дипломатическим событием, целью которого было переkreпить карту Европы на основе пересмотра большинства изменений, привнесенных Французской революцией и империей, во имя иных принципов, а именно безопасности и равновесия европейского континента. Он опирался на работу Статистической комиссии, «которая невозмутимо переводила в количество душ те указания, которые ей давали по обмену территориями, и обменивала человека на человека, квадратную милю на квадратную милю, обращая внимание лишь на количественные показатели и не задумываясь о национальных чувствах»⁵⁰¹. В этом победители, в целом, сумели сохранить доброе согласие. Венский конгресс подтвердил условия первого Парижского мирного договора 30 мая 1814 г., заключенного после нелегких дискуссий между Талейраном и Александром I, и на свет появился новый Германский союз, состоящий из 39 германских государств с сеймом во Франкфурте. Но между союзниками сразу же возникли разногласия: Австрия и Пруссия начали спорить из-за гегемонии в Германии, Пруссия и Англия из-за Саксонии, а Австрия и Англия выступили против российских притязаний на Польшу.

Александр I был единственным монархом, который участвовал в работе конгресса. Приняв во внимание важность дела, он выбрал себе в качестве помощников князя Разумовского (бывшего посла России в Вене), графа Нессельроде (фактически министра иностранных дел — пост, который он официально займет в 1816 г.), барона Анштетта и двух дипломатических советников — корсиканца Поццо ди Борго, свирепого и громогласного ненавистника Наполеона, и Каподистрию, бывшего министра иностранных дел Ионических островов,

перешедшего на службу к России в 1807 г., когда Франция получила контроль над архипелагом. Поццо ди Борго, Нессельроде и Каподистрия были иностранцами или имели иностранное происхождение, как и почти весь «русский» дипломатический корпус, едва ли являвшийся русским. А. И. Михайловский-Данилевский писал в своем дневнике:

«Россия представляет собой исключительный пример страны, чей дипломатический корпус в большой степени состоит из иностранцев. Некоторые из них даже не знают нашего языка, некоторые в России видели только Петербург. Ознакомившись с календарем, я убедился, что из 37 чиновников, служащих России в различных посольствах, лишь 16 носят русские имена. Остальных зовут Пфюль, Капо, Поццо, Тейль или еще как-нибудь в этом роде. И этот исключительный факт, не свидетельствует ли он об истинном величии страны? Россия столь уверена в своих силах, что ей безразлично, кто представляет ее за границей»⁵⁰².

Но не все при дворе разделяли его оптимизм. Эта ситуация (как мы увидим позднее) начинала вызывать беспокойство русской знати, которая считала, что ее лишают законных прав, и сомневалась в способности западноевропейцев понять интересы Российской империи и служить им...

Находясь в Вене, Александр I чередовал обеды с близкими (сестрами Екатериной и Марией, Лагарпом) и грандиозные ужины, на которые он звал коронованных особ, участвовавших в конгрессе, заботливо потчuya своих гостей изысканными блюдами. Пригласив императора Франца I на обед, он отдал своим французским поварам указание приготовить традиционные австрийские блюда. При этом сам он пил лишь некое бургундское вино, которое ему привозили из петербургских погребов три раза в неделю⁵⁰³. Параллельно с этим, он очень часто виделся со своими секретарями по иностранным делам, а также обсуждал польский вопрос с Лагарпом и Чарторыйским.

В 1814 г., казалось, не было ничего такого, что могло бы обязать российского монарха проявить малейшую снисходительность по польскому вопросу — или хотя бы склонить к ней. Недоверие, с которым польская знать встретила руку дружбы, протянутую Александром I в 1811 г., активное участие 100 тыс. польских солдат в наполеоновском походе, зверства, которые, согласно русским мемуаристам, они совершили в 1812 г.⁵⁰⁴, — все это усилило противоречия между русскими и поляками. Все же, наперекор части общественного мнения Александр I подошел к этому вопросу сдержанно: уже в январе 1813 г. он успокаивал Чарторыйского, уверяя, что мстительность — незнакомое ему чувство⁵⁰⁵, и не преминул доказать это на деле. В феврале 1813 г., находясь в Вильне, император опубликовал манифест, в котором просал полякам их службу Наполеону и прика

звал освободить всех польских военнопленных⁵⁰⁶. В мае 1814 г. в торжественном письме Тадеушу Костюшко — вспомним, что Екатерина II, ее сын и ее внук придерживались об этом человеке разных мнений — он поделился своим замыслом возродить польскую государственность и попросил старого героя помочь ему в этом деле.

В то же время князь Чарторыйский, пользуясь поддержкой Кочубея, вновь оказавшегося в фаворе и в марте 1812 г. назначенного председателем Департамента государственной экономии Государственного совета, а также Новосильцева, не переставал просить императора решить польский вопрос. С его точки зрения, сохранение Польши и ее будущее более чем когда-либо зависело от российско-польского соглашения, которое обеспечило бы существование независимой, но династически связанной с Россией Польши, территориально целостной и управляемой конституционным монархом.

Александр I отчасти согласился с этим проектом. 21 сентября 1814 г. в своем разговоре с Чарторыйским и Новосильцевым император, как им показалось, даже дал согласие на включение западных провинций империи в новое польское государство, которое предстояло построить⁵⁰⁷. На самом деле, к несчастью для Чарторыйского, этот вопрос, чрезвычайно чувствительный для российского общества, продолжал вызывать сомнения у российского монарха.

Сразу после открытия конгресса Александр I потребовал, чтобы великое герцогство Варшавское, увеличенное за счет территорий, приобретенных Пруссией и Австрией во время последнего раздела Польши, стало государством под его скипетром, своего рода буферным государством, которое гарантировало бы безопасность России. Чтобы доказать великим державам обоснованность своих требований, император подчеркивал, сколь велики жертвы, на которые ему пришлось пойти во время войны, требовал «справедливого» возмещения и указывал на необходимость обезопасить западные границы России при помощи этого нового государства. Он даже прибегнул к угрозам: «Я завоевал герцогство — провозгласил Александр во время конгресса — и у меня есть 480 тыс. солдат, чтобы его защитить»⁵⁰⁸. В обмен на уступки со стороны Австрии и Пруссии император предложил передать Австрии Ломбардию, Венецию, Тироль, Зальцбург и Далмацию, а Пруссии — часть Саксонии, остаток которой будет разделен между княжествами Веймар и Кобург.

Но эти предложения были восприняты как стремление к гегемонии. Британская дипломатия, которой до середины февраля 1815 г. руководил лорд Р. С. Каслри, а затем А. У. Веллингтон, не верила в независимое польское государство⁵⁰⁹ и видела в этих требованиях лишь средство увеличения мощи России. Другие государства, в том

числе Австрия, присоединиться к британской позиции, предлагая либо создание полностью независимой Польши, либо новый раздел. Переговоры, проходившие в сентябре и октябре, были напряженными и ожесточенными. Желая вновь захватить дипломатическую инициативу, Александр I предложил австрийским, английским и прусским представителям новую версию договора, подготовленную 18 декабря⁵¹⁰ К. В. Нессельроде. Согласно этому документу Пруссия получала Познань, Австрия — Тернополь, а Торунь и Краков становились вольными городами. Все остальное герцогство Варшавское должно было отойти к России, оставлявшей за собой право ввести там конституцию. Во всех польских землях надлежало установить свободу торговли, а польские подданные Австрии и Пруссии должны были получить национально-представительские учреждения.

Но и это предложение вызвало недовольство недавних союзников, в особенности австрийцев, которые всем нутром возражали против создания польских национально-представительских учреждений на территориях, подвластных империи Габсбургов. Талейран увидел в этом новом противостоянии благоприятную возможность вернуть Франции вес в международных делах и сумел с умом и цинизмом воспользоваться этим шансом. 3 января 1815 г. был подписан тайный оборонительный союз Франции, Австрии и Англии, направленный против России и Пруссии. Докладывая о проделанной работе Людовику XVIII, Талейран написал ему не без гордости: «Коалиция разрушена, причем навсегда»⁵¹¹. Но 1 марта 1815 г. Наполеон высадился в бухте Жуан, одним махом изменив расстановку сил. Александр I отреагировал на известие о высадке Наполеона этим письмом к матери, прагматическим и вместе с тем вдохновенным:

«Дорогая мама, случилось неожиданное событие, которым Вы будете поражены не меньше нашего, и которое полностью меняет все наши планы. Наполеон вновь оказался в Изере. <...> Не только Бурбоны не смогли принять необходимые меры, чтобы воспрепятствовать ему покинуть свой остров, но даже англичане, претендующие повелевать морями и имевшие при Наполеоне полковника по имени Кэмпбелл, не смогли ни выбрать на это место подходящего человека, ни обеспечить его необходимыми для надзора кораблями. В общем, 26 февраля Наполеон покинул свой остров Эльбу, причем не один! Он взял с собой всех своих людей — два батальона и 200 всадников с несколькими полевыми артиллерийскими орудиями, в общей сложности 1200 человек!!! Он погрузился на шесть местных фелук и два каперных корабля, которые находились на острове, чтобы защищать его от берберийских пиратов. И его стражи оказались столь беззаботными, столь беспотковыми, что заметили его бегство лишь на следующий день. Он еще оставался ввиду острова и, насколько можно было видеть, направлялся к южному берегу Франции. Штиль помешал английским и французским судам преследовать его. Большинство [из при

сутствующих на конгрессе] предположило, что он желал ввести всех в заблуждение, а на самом деле направлялся в Неаполь. Я был не согласен, считая, что он направлялся к южному берегу Франции, где, вероятно, располагал агентурой. Наконец, нам сообщили из Генуи, что он в самом деле 1 марта высадился в Каннах, близ Антиба. Он попытался неожиданно завладеть Антибским замком, но не сумел, поскольку комендант захлопнул перед ним ворота. Тогда 2 марта он направился со своими войсками к Грассу, находящемуся в нескольких лье оттуда, и целью его движения может быть Гренобль, где французское правительство собирало войска, чтобы воевать в Неаполитанском королевстве против Мюрата.

На первый взгляд, если бы ненавистный субъект, бич рода человеческого, появился с отрядом в 1200 человек посреди страны, освободившейся из его рабства, где большинство населения настроено против него, а у власти находятся его смертельные враги, это означало бы, что у него нет особых шансов, и все шло бы к гибели его и его приспешников. Но если мы задумаемся о той неуклюжести, с которой часто действовало новое правительство, когда нужно было покорить умы, зажечь их новыми надеждами, приручить армию, если мы осознаем, как много сторонников Наполеона в этой армии осталось, станет ясно, что это неожиданное явление должно побудить нас к самым серьезным раздумьям. Все зависит от того, как с самого начала пойдут дела. Если правительство сможет отправить против Наполеона хотя бы три полка, командиры которых выполнят свой долг и смогут заставить своих солдат повиноваться, этот человек, по всей вероятности, будет уничтожен. Но если Наполеон сумеет завладеть несколькими замками, в которых у него есть агентура, и если ему удастся довести численность своего войска хотя бы до 20 или даже 10 тысяч солдат, то он, несомненно, поведет его на Париж. Сомневаюсь, что в этом случае влияние Бурбонов будет достаточно сильным, чтобы собрать войско, способное ему противостоять, а значит, бороться с Наполеоном они не смогут и, очень вероятно, Наполеон проникнет в Париж и вновь возьмет в свои руки бразды правления. С этого момента он вновь, как и раньше, станет императором французов, а нам, если мы не пожелаем вновь один за другим оказаться у него в подчинении, придется снова начать борьбу против него, с большей энергией, чем когда-либо, чтобы помешать ему одержать верх; <...> Признаю, дорогая мама, что эта перспектива ввергает меня в уныние.

Узрев Наполеона во всей его славе, подивившись его блеску и его сокрушительному падению, теперь мы можем увидеть, как тот, кто был ничем, снова воссядет на французский трон. И как тут не придти к выводу, что то, что кажется людской мудростью, — лишь безумие, а великим и прочным может быть лишь то, что строит сам Господь? Впрочем, я убежден, что этот гений зла в конечном итоге будет повержен и уничтожен; мое убеждение не слабеет, будучи основано на словах нашей Святой Религии, — однако и нам придется исполнить свой долг и стоять до конца. Поэтому, дорогая мама, я предложил самые энергичные меры. В Италии будет создана австрийская армия в 150 тыс. человек, у Келя и Страсбурга сформируется баварско-вюртембергско-баденская армия в 100 тыс. чело-

век, ее усилит вторая австрийская армия в 150 тыс. человек. И так 250 тыс. солдат. 60-тысячное прусское войско с 10-тысячным австрийским корпусом, находящееся в Майнце, будет усилено гессенцами, кассельцами и дармштадтцами и развернется между Майнцем и Люксембургом. Справа от него, в Нидерландах, будет находиться англо-батавская армия. В сумме получится более 150 тыс. человек, которых усилит большое прусское войско численностью в 100 тыс. человек. Итого 250 тыс. солдат. Наконец, прусская армия, готовая к походу, которая в случае необходимости соберется вокруг Нюрнберга, численностью в 200 тыс. человек. Вот масса из 850 тыс. человек, которая будет готова сражаться с гением зла и уничтожить его, если даже он на недолгое время восстановит свою злую власть. Однако, вся эта внушительная мощь, вместе с тем успокаивающая, насколько это только возможно, не мешает мне думать о Вас, мама, и обо всем том горе, что Вы испытаете от одной только мысли о возобновлении борьбы. Будем же безропотно уповать на Всевышнего и постараемся исполнить Его Высшую Волю, насколько это у нас получится. Это единственная цель, которую мы должны иметь в виду. Я не перестаю распоряжаться моей [неразборчивое слово], которая произойдет завтра, чтобы иметь возможность отказаться от взятых на себя обязательств. Благодаря тому, что конгресс слишком затянулся, что мы все были вместе, когда к нам пришла эта удивительная весть, и поэтому мы смогли принять все меры совместно. Вот положительное следствие этого события — конгресс закончится быстрее <...>

Вот весьма длинное письмо, дорогая мама. Заканчивая его, от всей души убеждаю Вас полностью довериться единому Господу, ведь наш главный долг — выполнить его священную волю»⁵¹².

Это письмо, написанное сразу же после получения известий о бегстве Наполеона с Эльбы, показывает, с какой проницательностью он судил о сложившемся положении дел. Для него было очевидно, что правительство Бурбонов, не сумевшее объединить вокруг себя французское общество, не сможет оказать сопротивление императору, у которого во Франции еще имелось немало сторонников. Поэтому нужно было действовать как можно быстрее, вновь организовав военную силу, которая сразится с деспотом, рассчитывая при этом на Божью помощь.

В самом деле, высадившись на французской земле 1 марта 1815 г. Наполеон уже 20 марта, после бегства Людовика XVIII, вновь встал во главе государства. Узнав о тайном договоре, заключенном Францией, Австрией и Великобританией против Пруссии и России, он прислал его копию российскому императору, чтобы указать на предательство его союзников. Но это откровение, вызвав у Александра I гнев, горечь и досаду, ни в коей мере не изменило намеченного им курса: Наполеон по-прежнему оставался врагом, которого нужно было сокрушить, а коалицию необходимо было восстановить, вместе с тем ускорив составление Заключительного акта Венского конгресса.

который был подписан 28 мая 1815 г.⁵¹³ Полет орла длился недолго: сто дней закончились 18 июня катастрофической битвой при Ватерлоо, в которой Россия не участвовала. Четырьмя днями позже Наполеон I во второй раз отрекся от трона. С наполеоновской авантюрой было покончено.

В конце июня Александр I вновь оказался в Париже для переговоров, в результате которых 8 ноября 1815 г.⁵¹⁴ был заключен второй Парижский мирный договор. На сей раз он остановился в Елисейском дворце как личный гость короля Людовика XVIII, где играл роль великодушного организатора праздников. Он написал письмо великому повару Антонену Карему, находившемуся в тот момент на службе у Талейрана, «реквизируя его, чтобы он стал распорядителем банкета, который будет проходить 10 сентября⁵¹⁵ 1815 г. на равнине Вертю⁵¹⁶» после парада войск. Речь шла о трех банкетах, на каждом из которых было по триста приглашенных. Кухонный гений, стоявший во главе 35 поваров, организовал блестящий пир, однако сделал это скрепя сердце. «Мне ничто никогда не удавалось лучше, гнев сделал меня гением»⁵¹⁷, — напишет об этом событии Карем, известный своей преданностью Наполеону.

Сами переговоры на сей раз были гораздо более жесткими, чем за год до этого. Британские и в первую очередь прусские эмиссары, самым озлобленным из которых был Г. Л. Блюхер, стремились навязать Франции беспощадные условия. 11 сентября 1815 г.⁵¹⁸, очень встревоженный этой ожесточенностью, Людовик XVIII обратился к Александру I с просьбой вступить за Францию. В знак своей доброй воли он назначил министром иностранных дел герцога Э. О. де Ришелье, который, прослужив двенадцать лет градоначальником Одессы, пользовался доверием и уважением российского императора. Александру I действительно удалось свести к минимуму французские территориальные потери: он настоял на том, чтобы Франция сохранила Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте и Бургундию, на которые имела виды Пруссия. Опять же, благодаря его вмешательству режим иностранной оккупации Франции был смягчен. Вмешательство Александра I, по-прежнему объяснявшееся его желанием сохранить Францию как противовес Великобритании, Пруссии и Австрии, по достоинству оценили сами французы. Граф де Моле, видный деятель эпохи Реставрации, написал об этом в своих «Мемуарах»:

«В 1815 г. Россия защищала от всех не интересы, а само существование нашей злосчастной родины. Если Франция по-прежнему остается Францией, она обязана этим трем людям, чьи имена нельзя никогда забывать: Александру и двум его министрам, Каподистрии и Поццо ди Борго. Англия, Пруссия и Австрия стремились лишь к тому, чтобы ослабить нас.

Россия, напротив, была заинтересована в том, чтобы мы остались великой державой»⁵¹⁹.

Таким образом, российский монарх продолжал оказывать Людовику XVIII неизменную поддержку, и на сей раз король был ему признателен. Франко-русские отношения улучшились, но, покидая Париж, Александр I был исполнен горечи по отношению к союзникам. 1 октября 1815 г. он писал Екатерине Павловне:

«Дорогая и близкая моя подруга, наконец-то я покинул этот проклятый Париж! В самом деле, я видел вокруг себя лишь желание разжиреть за счет Франции и предаться мстительности, которую я в высшей степени презираю»⁵²⁰.

Несмотря на российскую поддержку, второй Парижский мирный договор был очень тяжелым для Франции. Она оказалась в границах 1790 г.: ей позволили сохранить Авиньон и графство Венессен, Монбельяр и Мюлуз, но она потеряла герцогство Бульонское, крепости Филиппвиль и Мариенбург, переданные Нидерландам, Саарлуис и Саарбрюккен, возвращенные Пруссии, Ландау, отошедшую к Баварии, район Же, присоединенный к Швейцарии, и значительную часть Савойи, переданную королю Пьемонта. Потеря колониальных владений (Сент-Люсия, Тобаго, острова Иль-де-Франс и Мальта) была закреплена. Кроме территориальных санкций, Франция подверглась и финансовым: государство обязывалось выплатить 700 млн франков репараций (союзники требовали 800 млн, но согласились уменьшить сумму, уступив настояниям Александра), из которых 137 млн предназначались на возведение крепостей вдоль французской границы. Кроме того, в северных и восточных приграничных территориях Франции на пять лет (а не на семь, как изначально требовали союзники, и тут уступившие требованиям Александра) устанавливалась военная оккупация силами 150 тыс. солдат, которых Франции предстояло полностью финансировать. Сто дней, несмотря на все усилия Талейрана, Ришелье и Людовика XVIII, обошлись стране дорого в территориальном, политическом и финансовом плане. В тот же день 8 ноября⁵²¹ 1815 г., четыре союзницы — Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия — торжественно возобновили пакт, заключенный в Шомоне: Франция вновь стала изгоем на международной арене.

В то же время было, наконец, найдено компромиссное решение польского вопроса. Договор о дружбе и сотрудничестве, заключенный 21 апреля⁵²² 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией, а шестью днями позже ратифицированный Александром I, решил судьбу Польши. Большинство решений этого договора были включены в Заключительный акт Венского конгресса. Российский монарх согласился пойти на уступки относительно своих первоначальных требо-

ваний. Он сохранил за собой большую часть великого герцогства Варшавского, а также контроль над Варшавой и средним течением Вислы, получил право использовать титул короля Польского, но был вынужден уступить Пруссии северо-западную часть герцогства (в том числе Познань и Калиш, приблизительно 810 тыс. жителей), а Австрии — Западную Галицию (район Тернополя, примерно 400 тыс. жителей)⁵²³. Договором признавалось, что несмотря на новые границы польская нация составляет единое историческое целое, не включающее, однако, ее восточного пограничья. В главе V провозглашалось право поляков иметь свои национальные представительные учреждения (ключевая идея, которая будет присутствовать и в первой статье Заключительного акта Венского конгресса), а также свобода обмена и торговли между различными польскими регионами. Таким образом, международное сообщество уступило настояниям Александра I и согласилось официально признать в дипломатическом тексте право поляков на режим народного представительства.

Как в случае с границами Франции, так и в польском вопросе позиция Александра I указывает на двойную заботу: защищать геополитические интересы и безопасность России и в то же время служить либеральным и конституционным идеям, которым он был предан. Именно он подтолкнул Бурбонов к принятию Конституционной Хартии и добился того, что в мирный договор было вписано право поляков на представительные учреждения. Из уважения к Ф. Лагарпу он также поучаствовал в создании независимой и нейтральной Швейцарской конфедерации, увеличившейся благодаря присоединению новых кантонов — Женевской республики, княжества Невшатель и Вале.

Чтобы гарантировать выполнение второго Парижского мирного договора, державы коалиции решили сохранить созданный в Шомоне Четверной союз и с этой целью проводить регулярные встречи между представителями держав. Но для Александра I этого было мало. Он считал, что надо пользоваться обстоятельствами, а именно падением Наполеона и присутствием на конгрессе представителей всех союзных держав, чтобы выработать новую систему международных отношений, основанную на духовном и моральном фундаменте.

Уже в январе 1814 г. в записке для министра Каподистрии Александр I изложил свой великий дипломатический замысел: создать, с помощью Провидения, всеобщий союз, который мог бы обеспечить прочный мир в Европе. Таким образом, император возвращался к двум главным целям, которые он уже сформулировал в 1804 г. в присутствии У. Питта. С одной стороны, добиться справедливого урегулирования, уважительного по отношению к каждому из народов, с

другой — создать в Европе многосторонний союз, который гарантировал бы сохранение мира. Но теперь в этой программе появилась сильная религиозная составляющая, о чем свидетельствуют ссылки на Бога и на Провидение, уже появившиеся в разговоре Александра I с графиней С. Шуазэль-Гуфье в декабре 1812 г.

В записке от декабря 1814 г., адресованной находившимся в Вене полномочным представителям Австрии, Великобритании и Пруссии, Александр I предлагал переучредить Четверной союз на новой основе «незыблемых принципов христианской религии»⁵²⁴. Это предложение чрезвычайно важно: оно показывает, что в 1815 г. либерализм, конституционализм и приверженность христианству были для Александра I вполне совместимы. Но его слова оставались очень общими, и партнеры российского монарха, считая, что перед ними всего лишь декларация намерений, никак на них не реагировали. Александр I снова вернулся к этому вопросу в последующие месяцы. Он предложил австрийскому императору Францу I и прусскому королю Фридриху-Вильгельму III подписать «Священный Союз». Исходя из того, что католическое, протестантское и православное государства принадлежат к одной и той же семье, к «христианской нации», он подчеркивал необходимость укреплять братские отношения между ними в согласии с принципом христианской любви к ближнему. Мирное сообщество, которое Александр I представлял себе уже в 1804 г., наполнялось религиозным содержанием и меняло свою природу: моральные и духовные принципы, имевшие для него значение еще в 1804 г., постепенно оказывались во главе угла.

Предложение императора сильно всех удивило. Англичане отнеслись к нему скептически, видя в нем «произведение, состоящее из возвышенного мистицизма и нонсенса»⁵²⁵, Меттерних встретил его с иронией, изобличая «филантропические устремления, спрятанные под плащом религии»⁵²⁶, а папа, не склонный поддерживать экуменические устремления,отреагировал враждебно. Но доминирующее положение России на европейской арене вынудило Австрию и Пруссию пойти на уступки. 14 сентября⁵²⁷ Франц I Австрийский и Фридрих-Вильгельм III Прусский согласились, «во имя Пресвятыя и Нераздельныя Троицы» подписать «Священный Союз», добившись, с подачи австрийского императора, нескольких поправок. Преамбула текста договора вписывает его в христианскую парадигму, которая отныне должна была служить основой любых дипломатических актов:

«Их Величества Император Австрийский, король Прусский и Император Российский вследствие великих происшествий, ознаменовавших в Европе течение трех последних лет, наипаче же вследствие благодетельных, которые Божию Провидению было угодно излиять на государства, ког

их правительства возложили свою надежду и упование на единого Бога, восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо предлагающим Державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя:

Объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть пред лицом Вселенной их непоколебимую решимость, как в управлении вверенными им Государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей Святой Веры, заповедями любви, правды и мира»⁵²⁸.

Наметив подобные рамки, статья I гласила, что «соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями», три монарха должны будут считать себя «единоземцами» (согражданами), помогать друг другу при любых обстоятельствах, быть «отцами семейств» по отношению к своим подданным и своим солдатам, охранять «веру, мир и правду». В статье II вновь поднимались эти вопросы — с упором на то, что три страны должны «почитать всем себя как бы членами единого Народа Христианского», «поставленными от Провидения, для управления тремя единого семейства отраслями», «исповедуя таким образом, что Самодержец народа Христианского, коего они и их подданные составляют часть, не иной подлинно есть, как Тот, кому собственно принадлежит держава, поелику в Нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечной, то есть Бог, наш Божественный Спаситель Иисус Христос, Глагол Всевышнего, Слово жизни». Наконец, в третьей и последней статье союзного договора говорилось, что «все державы, желающие торжественно признать изложенные в сем акте священные правила», могут вступить в Союз.

Духовная тональность текста и стиль, проникнутый мистическими излияниями, многих убедили в том, что решающую роль в его составлении сыграла баронесса В. Ю. фон Крюденер. В самом деле, в этот момент она была в фаворе у российского монарха, в своих духовных поисках он попал под влияние ее проповедей. С 1814 г. Александр вел с ней переписку, обсуждая дела духовные, в мае 1815 г., находясь в немецком городе Хайльбронн, нанес ей визит, а когда он во второй раз оказался в столице Франции, она тоже там находилась. За три дня до встречи с госпожой фон Крюденер он пылко писал Екатерине Павловне, которая сама готовилась к встрече с пиетисткой:

«Скажите ей, что мое чувство к ней неизменно, что, невзирая ни на какой этикет, оно столь чисто, и является столь глубокой данью восхищения ее душой со стороны моей души, что его невозможно исказить. Виржини знает, что я никогда ничего у нее не требовал: почему бы ей быть недо-

вольной моим чувством? Пусть она позволит мне поклоняться ей; это ни к чему ее не обязывает, а для меня это поклонение — смысл моего существования»⁵²⁹.

Это высказывание дает понять, сколь чрезмерным и нехристианским было поклонение, которым российский монарх окружил исключительную мистическую особу...

Другие источники подтверждают это влияние. Графиня А. де Буань, общавшаяся с ней во время своего пребывания в Париже, описывала баронессу фон Крюденер. На тот момент ей было около пятидесяти лет, она была худой, бледной, с впалыми глазами, седыми волосами «без какой-либо завивки и расчесанными на прямой пробор», одевалась в черное, жила в хорошей квартире в особняке на улице Фобур-Сент-Оноре, обставленной крайне скромно:

«Зеркала, убранство, вообще все украшения, а также мебель были покрыты серым полотном; даже настенные часы были убраны в чехлы, позволяющие видеть лишь циферблат. Сад простирался до Елисейских Полей; именно через сад император Александр, живший в Елисейском дворце, являлся к госпоже фон Крюденер в любые часы дня и ночи»⁵³⁰.

Она ловко сумела снискать огромное доверие императора:

«Графиня⁵³¹ фон Крюденер не рассказала мне, каким образом так сблизилась с императором, но ей это удалось. Она изобрела для него новый вид лести. Его пресытили те, кто изображал его величайшим властелином в мире, Агамемноном, королем и т. д., поэтому она не произносила ни слова о его земном могуществе, но лишь о мистической силе его молитв. Чистота его души сообщала ему силу, недоступную ни одному смертному, кроме него — ведь никто больше не мог избежать стольких соблазнов. Преодолев их, он являл себя самым добродетельным из людей, а значит, и самым могущественным после Господа Бога. При помощи этой искусной лести она добивалась от него того, чего желала. Она заставляла его молиться за нее, за себя самого, за Россию, за Францию. Она вынуждала его поститься, раздавать милостыню, предавать себя воздержанию, отказываться от всего, что ему было по вкусу. Она получала от него все, даря ему надежду, что это ему зачтется на небесах»⁵³².

Графиня А. де Буань намекает, что множество уступок, полученных Францией благодаря настойчивости Александра I, были продиктованы В. фон Крюденер, находившейся под влиянием Талейрана. Если это так, то Талейран, не имея возможности действовать прямо — поскольку Александр I относился к нему отрицательно с тех пор, как узнал от Наполеона о секретном союзе, направленном против России, — воспользовался услугами посредницы... Хотя это утверждение нельзя подкрепить надежными источниками, его вполне достаточно, чтобы понять, до какой степени Александр I поддавался влиянию немецкого шпетизма и мистических порывов баро

нессы фон Крюденер. Все же именно он был единственным редактором текста договора о создании Священного Союза. А. С. Стурдза, бывший в тот момент личным секретарем императора, впоследствии сообщал, что он «первым копировал и исправлял текст Акта Священного Союза, написанный карандашом рукой императора»⁵³³.

Создание Священного Союза выглядело как дипломатический успех: между 1815 и 1817 г. к нему примкнули Австрия, Пруссия, Франция, Испания, Пьемонт, королевство Обеих Сицилий, Нидерланды, Дания, Саксония, Бавария, Вюртемберг и Португалия, а также Швейцария и мелкие немецкие государства. Отказались подписывать договор лишь британское правительство (все же объявив, что соглашается с принципами союза) и папа римский, до крайности враждебно воспринявший текст, в котором он небезосновательно увидел утверждение экуменического христианства в противовес католическому всемогуществу, а также покушение на его светскую власть: ведь папе не было предложено возглавить Священный Союз. Османская империя осудила договор, удобный для нового крестового похода. Однако следует принять во внимание две важные оговорки. Во-первых, в версии текста, подписанной 26 сентября⁵³⁴, канцлером К. Меттернихом, было вычищено все то, что могло считаться подрывным в проекте российского императора. Так произошло с слишком либеральным, с его точки зрения, намеком на «братство подданных» трех государств. Статья I в версии Александра I, гласила:

«Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, подданные трех договаривающихся монархов пребудут соединены узами действительного братства».

Принятый в итоге текст сформулирован так:

«Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, три договаривающиеся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства»⁵³⁵.

Эта поправка, навязанная российскому монарху, открывала путь для консервативного толкования текста.

Кроме того, с точки зрения многих подписавшихся под договором, присоединение к идеализму Александра I во внешней политике было лишь оппортунистическим и показным, не изменившим ничего в повседневной практике. А вот искренность самого Александра I, составившего этот документ, не может вызывать сомнений. Впоследствии он часто упоминал о нем в своей переписке, считая, что этот текст увенчал собою Венский конгресс, и издал указ, чтобы его первоначальный вариант, не исправленный К. Меттернихом, каждый

год в годовщину его подписания зачитывался вслух во всех церквях Российской империи. Он в самом деле стремился к тому, чтобы сделать из Священного Союза основу своей внешней политики. Но этот великодушный замысел в скором времени столкнулся с реальностью международных отношений, все менее и менее благоприятной.

IV

К ПРАВЛЕНИЮ ВСЕ БОЛЕЕ
КОНСЕРВАТИВНОМУ
1815–1825



Укрепив свои позиции дипломатическими успехами, Александр I вернулся в свою империю в конце 1815 г. героем, вызывавшим всеобщее обожание. Он был твердо намерен заняться не только восстановлением страны, но и реформой политических и социальных учреждений, к которой он по-прежнему стремился всей душой. Однако, с точки зрения многих биографов царя, 1815 год стал поворотным. С этого момента началась консервативная фаза его правления, как на внутренней, так и на внешней арене. И действительно, именно на протяжении этого десятилетия появилось некоторое число репрессивных учреждений, вернулась цензура, а в дипломатии, как в речах, так и в практических действиях, появился оттенок циничного реализма.

Но хотя в 1815–1825 гг. империя и в самом деле понемногу скатывалась к консерватизму, реформистские устремления не исчезли: по-прежнему появлялись на свет амбициозные проекты реформ, по инициативе императора принимались документы, которые должны были им способствовать. Парадокс Александра I проявился в большей степени, чем когда-либо.



13

МИСТИЧЕСКАЯ ЭКЗАЛЬТАЦИЯ, СТРЕМЛЕНИЕ К РЕФОРМАМ И КОНСЕРВАТИЗМ НА ПРАКТИКЕ (1815–1820)

После четырех лет, посвященных в первую очередь решению военных и дипломатических задач, Александр I вновь поставил во главу угла внутренние дела своей страны. Еще в конце 1812 г. император делился со многими своими собеседниками, в том числе с мадам де Сталь, желанием улучшить положение крестьян¹ и наконец, после стольких лет колебаний, сделать счастливым свой «дорогой русский народ». Затем, в 1814 г., он заявил графине Р. С. Эдлинг: «Да, я люблю моих подданных, хотя до сих пор мало еще сделал для них. В особенности люблю я добрый простой народ, не обнаруживая предпочтения, которое я к нему имею. Любовь угадывается, и я убежден, что он рассчитывает на мою любовь к нему. Мне предстоит решить великую задачу, то есть даровать свободу народу, который столько заслуживает ее. Знаю, с какими затруднениями связано это великое дело; но поверьте, что буду умирать в тревоге, если мне не удастся совершить его»².

В самом деле, ожидания народа были велики: страну, в которой и так не хватало самой элементарной инфраструктуры (не было мощной дороги, которая соединяла бы Москву с Санкт-Петербургом), разоренную войной, нужно было восстанавливать, а то и строить заново. Многие видели в этой стройке возможность создать более справедливую, более братскую Россию — братскую, как Священный союз, — и более современную. Бедняки, в особенности крестьяне, дорого заплатившие за победу, смутно надеялись на лучшее завтра, которое должно было им принести освобождение. Многие из офицеров, вместе с царем добравшихся до Парижа, по мере своего продвижения по Западной Европе сознавали политическую, экономическую и материальную отсталость Российской империи. Они возвратились в родные края, настроенные работать ради общего блага. Но способен ли был монарх уловить эти ожидания, почти что хилястические, — после страданий и победы над Антихристом пришло время для надежды, — и способен ли он был их удовлетворить?

Царь, преображенный пережитыми испытаниями

Александр I вернулся в Россию в ореоле триумфатора; общество готовилось публично праздновать его победу над Наполеоном. Но его возвращение было скромным и аскетическим: император, известный своей любовью к парадам и безупречно выполненным военным маневрам, отметил свою победу над «гидрой» молитвами и восхвалением Бога. Он не стал устраивать большого общенационального празднества, которое позволило бы всем объединиться в воспоминании о пережитых невзгодах. В тот самый момент, когда надежды, порожденные войной, были безграничны, царь, слишком долго отсутствовавший (он отправился в поход в 1813 г., а потом задержался в Париже и Вене), повел себя непонятно, что удивило и даже обеспокоило его подданных.

Вернувшегося в родной край Александра I единодушно приветствовали как спасителя России. Титул Благословенного, которым решил его почитать Сенат, свидетельствовал о пылкости, с которой почитали монарха. Но хотя среди народа любовь к царю не ослабевала — в августе 1816 г. его с восторгом встретит строящаяся Москва, — в среде знати быстро нарастало критическое отношение к Александру I, и священное единство, существовавшее в 1812 г., начало распадаться. В том, что события приняли именно такой оборот, в немалой степени был виноват сам Александр. Восприняв борьбу с Наполеоном как свое, полностью личное дело, он не смог, добившись победы, превратить Отечественную войну в предмет национальной гордости, в устойчивую память, которая накрепко спаяла бы нацию с ее царем.

Да, 30 августа 1814 г. он опубликовал манифест, в котором воздавал должное стойкости и храбрости русского народа, провозглашал будущие реформы и выражал желание улучшить жизненные условия тех социальных групп, которые приняли активное участие в войне. Да, он проявил желание вписать свою победу в городское пространство. В 1817 г. на Воробьевых горах в Москве была заложена церковь в память о погибших в войне 1812 г. В ходе перепланировки площади Зимнего дворца в Петербурге, осуществлявшейся архитекторами К. И. Росси и В. П. Стасовым в 1819–1829 гг., была установлена триумфальная арка, прославлявшая победу над Наполеоном. Но напоминания о военных подвигах были очень немногочисленны: в честь заграничного похода, унесшего много русских жизней, на территории России не было воздвигнуто ни единой статуи, ни единого памятника, а вот годовщина заключения Священного Союза по приказу Александра I отмечалась в русских церквях каждый год.

Поведение Александра I, одержавшего как личную, так и национальную победу, было не вполне понятным. Подвергалась критике и его внешняя политика.

Многие придворные считали, что разорительность войны и жертвы, принесенные в ходе нее российским императором, служили оправданием для более агрессивной дипломатии, менее великодушной в отношении Франции и тем более Польши, которую значительная часть российского общества винила в том, что та поддержала Наполеона. 14 декабря³, на следующий день после подписания второго Парижского мирного договора, граф С. Р. Воронцов не без горечи писал своему сыну Михаилу:

«Кажется, мы больше стремимся к выгодам для других, чем к благополучию нашей собственной страны. Если бы мы в компенсацию всех наших жертв получили от Пруссии (которая очень увеличилась) хотя бы город Мемель, чтобы Неман стал нашей естественной границей! Но мы заняты лишь Польшей, которая никак не связана с Россией, кроме как личностью Александра. Против его наследников она будет вести войну всякий раз, когда нас и так будет сковывать какая-нибудь другая война. Все это очень печально»⁴.

Дипломатическая ориентация Александра I встречала непонимание, а многочисленные дипломаты иностранного происхождения на российской службе оказывались под подозрением. В лучшем случае их обвиняли в некомпетентности, а в худшем — в сознательном противодействии интересам России. Александр I защищал их от этого двойного обвинения, подчеркивая преданность иностранных дипломатов и недостаточную компетентность самих русских. Еще в 1806 г. он писал:

«Если я не буду прибегать к помощи иноземцев, которые мне хорошо известны и чьи таланты доказаны на деле, число способных людей, [на которых я могу рассчитывать], и так уже весьма ограниченное, сократится еще. <...> Что смог бы сделать Петр, не прибегая к иностранцам? В то же время я чувствую, что это плохо <...> но как остановить ход событий до тех пор, пока наши соотечественники поднимутся до тех же вершин?»⁵

Однако эти обвинения, звучавшие в адрес не только иностранцев, но и подданных Российской империи, не являвшихся великороссами, вкуче с долгим отсутствием императора и его личным участием в работе Венского конгресса склонили общество к мысли, что Александра I больше волнуют дела европейские, нежели будущее собственной страны, и что, будучи всецело озабочен судьбой Европы, он отвернулся от России. Это чувство обострилось в 1814–1815 гг., когда император отбыл в Вену и его место занял грозный А. А. Аракчеев. С каждым месяцем он становился все более могущественным: в 1812 г. он возглавил Собственную Его Императорского Величества

канцелярию, в 1814 г. стал докладчиком о работе Комитета министров при императоре⁶, а в декабре 1815 г. Александр I поручил Аракчееву «надзор за ходом дел» в Комитете министров. Он тщательно и преданно выполнял поручения императора и никогда не выходил за рамки своих полномочий, оставаясь лишь ревностным исполнителем императорской воли. Но он был страшен: его упрямство, жестокость, узость кругозора, политический консерватизм, привычка к насилию уже были хорошо известны. Для многих русских придворных и для иностранных наблюдателей Аракчеев являлся воплощением крайнего деспотизма, не особо сочетавшегося с либеральными настроениями, которые демонстрировал сам Александр I.

Но монарха обвиняли несправедливо. Даже находясь вдали от своей империи, он продолжал управлять ею, принимая важнейшие решения.

Война еще продолжалась, когда Александр I занялся вопросом расчистки Москвы, решив восстановить ее как можно скорее, под государственным наблюдением, следуя точно выверенным правилам градостроительства и эстетики. Уже в конце 1812 г. он приказал предоставить срочную финансовую помощь самым обездоленным москвичам. 5 мая 1813 г. он учредил Комиссию для строений, возложив на нее три важнейших задачи: восстановить разрушенные жилища и лавки, разработать план развития «нового» города и украсить Москву архитектурой неоклассицизма⁷, прославляющей императорскую власть⁸. Активно участвуя в проекте восстановления города, Александр I считал необходимым построить в Москве новые памятники, которые стали бы символом ее возрождения после катастрофы. Красная площадь подверглась полной перепланировке: ее оживили новые неоклассические здания, в которых расположились магазины, а в феврале 1818 г. здесь был установлен памятник с фигурами Минина и Пожарского⁹, увековечивающий русское сопротивление польскому нашествию 1612 г. На Театральной площади, превосходившей своими размерами площадь Согласия и площадь Святого Петра в Риме¹⁰, расположился новый Большой театр¹¹. Спустя всего лишь несколько лет после потрясений 1812 г., словно в насмешку над Наполеоном, Москва стала одним из самых красивых городов Европы и единственной столицей, выстроенной в стиле ампира.

Но хотя священное единство, выкованное в испытаниях 1812 г., казалось, предвещало новую близость государя и его народа, отношения их были куда более неоднозначными. Александр I не отдавал себе в этом отчета, поглощенный верой в Бога и чудом явившегося ему откровения.

1812 год потряс царя и привел его к Богу; но, как он сам признался в 1818 г. епископу Л. Эйлеру, этот путь не обошелся без внутренней борьбы и сомнений. По возвращении в Россию, вплоть до 1820 г., император продолжал свои духовные поиски, читая, предаваясь духовным упражнениям и встречаясь с мистиками. По крайней мере до 1816 г. он находился под воздействием просвещенного пиетизма баронессы В. Ю. фон Крюденер. Но можно обнаружить и другие влияния: прежде всего А. Н. Голицына, назначенного в 1803 г. «вопреки его сознанию и идеям»¹² обер-прокурором Священного Синода. Деист, весьма антиклерикально настроенный и к тому же редкостный распутник, он понемногу пришел к чтению Библии, и в 1812 г. именно он приобщил царя к размышлениям о Священном Писании. Проникнутый немецкой мистикой, увлекавшийся каббалой и гностиками, адепт идей Сен-Мартена, призвавшего каждого верующего создать в себе самом «внутреннюю церковь»¹³, Голицын отстаивал индивидуальную веру, слабо связанную с ритуалами и догмами православной церкви. Не будучи официально духовником царя, фактически именно он стал его духовным наставником. В июле 1820 г. или 1821 г.¹⁴, он писал ему:

«Сир, продолжайте следовать пути Иисуса Христа. Он привлекает Вас, отдайтесь же ему и он передаст Вам свои дары и Себя Самого. Таковы мои пожелания, таковы мои молитвы относительно Вашего духовного пути»¹⁵.

Стоит также упомянуть о влиянии Р. А. Кошелева, который, как мы помним, приобщил Александра к масонству. Кошелев и Голицын познакомили императора не только с идеями Сен-Мартена, но и других духовных мыслителей эпохи: И. К. Лафатера, Э. Сведенборга, К. Эккартсгаузена, И. Г. Юнга-Штиллинга, а также квакеров, моравских братьев, пиетистов (весьма многочисленных в балтийских провинциях и проповедовавших духовное равенство христиан и чтение Библии на национальных языках)¹⁶. С пиетистами Кошелев состоял в переписке¹⁷. В конце 1810-х гг. или, самое позднее, весной 1821 г.¹⁸, трое мужчин составили ложу под названием «Триединство» под руководством А. Н. Голицына. В ней они часто предавались духовным упражнениям и комментировали Священное Писание. В ГА РФ хранится множество коротких записок, которые император писал в 1821 г. Голицыну, когда нужно было подтвердить встречу для чтения священных текстов или отменить ее. Они обычно подписаны формулой «Всецело Ваш в нашем Господе Боге»¹⁹. Кроме Голицына и Кошелева было еще несколько человек, игравших некоторую роль в религиозной практике императора. Отвернувшись от баронессы фон Крюденер, поселившейся в Петербурге в 1818 г. и в конечном итоге

высланной из империи в 1821 г. — слишком уж утомили императора ее проповеди, ее бесконечные требования денег и призывы поддерживать греческую войну за независимость, — в 1817–1818 гг. Александр I оказался под влиянием русской пророчицы Екатерины Татауровой, в кружке которой духовные и светские лица комментировали Священное Писание и предавались молитвам, медитации и даже гипнозу.

В то же время он много читал. Его внимание привлекали Библия, религиозные книги, произведения великих христианских писателей. Разнообразие этих книг тем более удивительно для «православного» царя, что среди них большое место занимали католические мыслители. В его переписке с великой княгиней Екатериной Павловной фигурирует интересная записка «О мистической литературе»²⁰, написанная в 1812 г. В этом тексте, перечисляя различные богословские доктрины своего времени, Александр I начал с того, что напомнил о разнице между внешней церковью, необходимой с политической точки зрения, и церковью внутренней:

«Политика государей превратила это таинственное учение²¹ в общую религию наций. Но, сделав обряды всеобщими, политика не могла открыть таинства. Поэтому даже в настоящее время, как и всегда, существует Церковь внешняя и Церковь внутренняя. Основа учения в двух Церквях одна и та же — Библия. Но в первой Церкви известна лишь ее буква, а во второй учишься ее мудрости.

Бесчисленное множество текстов было написано для внешней Церкви. Их систематическое изложение именуется богословием.

Существует также немалое, хотя и не столь великое, количество писаний, созданных для внутренней Церкви. Их совокупность именуется таинственным или мистическим богословием. Под этим названием нужно понимать не какую-либо единую систему (поскольку в богословии такого рода нет точного и систематического изложения), но в целом все книги, что принадлежат этому жанру. Они могут быть известны под разными названиями: *Духовные, Теософические, Аскетические книги* и др.»

Затем Александр I стал комментировать книги, которые он прочел и обдумал, располагая их в определенной иерархии. Сначала он говорил о книгах, находящихся внизу этой иерархии, — о произведениях Я. Бёме, переведенных Сен-Мартеном, Э. Сведенборга, Л. К. Сен-Мартена и И. Г. Юнга-Штиллинга. Затем он перешел к более значительным, с его точки зрения, произведениям — «Исповеди» А. Августина, трактату Н. Мальбранша «Исследование об истине»²², работам К. Эккартсгаузена и духовным произведениям Ф. Фенелона. Всем прочим он предпочитает творения святого Франциска Сальского (de Sales) и святой Терезы Авильской, а также труд «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, которые он считает «чистым

беспримесным золотом». Он заканчивает свою записку, подчеркивая незаменимость чтения самой Библии и в первую очередь четырех Евангелий.

Эти различные влияния и сама личность Александра I привели его, как можно видеть, к искреннему благочестию, основывавшемуся на чтении Библии и молитве, но, к сожалению православной Церкви, царь практически не придавал значения ритуалам. Он был способен молиться с одинаковым пылом в православном храме, протестантской церкви или католической часовне. В 1819 г., принимая в Санкт-Петербурге квакеров Уильяма Аллена и Стивена Греллета, он причастился и помолился вместе с ними, и был при этом охвачен глубоким волнением. Стивен Греллет свидетельствует, что к концу молитвы лицо царя «было в слезах»²³, а Уильям Аллен цитирует фразу Александра:

«Когда я с вами и подобен вам, любящим Спасителя, я могу дышать по настоящему»²⁴.

Эта эклектическая, а то и либеральная концепция религии соответствовала политическим принципам, близким сердцу царя. Для него вера была индивидуальна и основана на активном стремлении к познанию; а значит, каждому надлежало строить свою веру, отталкиваясь от собственных размышлений по поводу Библии. В 1818 г., в своей беседе с епископом Эйлером, он выступил за чтение Библии «на языке каждого народа», настаивая на том, что Священное Писание нужно распространять таким, какое оно есть, не комментируя его:

«Следует распространять священные книги такими, какими они были вручены нам. Комментарии имеют тот недостаток, что мнение интерпретатора, следующего своей системе, в большей или меньшей степени замещает сам текст. А эта система не всеми будет принята... Пусть же делом каждого христианина, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал, будет позволить Священному кодексу воздействовать на него в полную силу; подобное воздействие, несомненно, будет благотворным и побуждать [к духовному развитию] — чего еще ждать от божественной книги, от книги всех книг? Ее влияние на каждого будет различным, но именно это делает ее столь великой и исключительной; она делает из каждого человека то, что позволяет сделать его собственная природа»²⁵.

Затем он объяснил связь, которую он видел между верой и политикой:

«Единство в многообразии, не к этой ли великой цели должно прийти, чтобы Церкви и государства процветали? Мы встречаем принцип единства в многообразии повсюду в природе, а также в истории наций. Но не надо избирать мерой времени столь короткий промежуток, как наша жизнь. Если мы желаем понять результат великой борьбы между проти-

воположными и враждебными друг другу силами, нужно мыслить веками и тысячелетиями. Время побеждает противоречия, ложь, суетные толки; оно избавляется от них, испаряя их как грязную пену. Истина остается. Правда, истина действует медленно: чтобы люди ее приняли, часто нужны столетия. И все же она пробивается наружу, и ее нельзя герметично запереть, как некоторые люди желали бы сделать со Священным Писанием. Разве лучи солнца не пронизывают все насквозь? Те, кто живет в их свете, все ясно видят»²⁶.

Таким образом, угодный Богу принцип «единства в многообразии» должен был руководить как религиозной практикой, так и политикой. Это позволило бы лучше понять проект Священного Союза, который в долгосрочном плане был нацелен именно на то, чтобы вдохнуть единство в геополитическое многообразие. Александр I часто будет возвращаться к этой двойственности, не дававшей ему покоя. Об этом свидетельствует его беседа с Ж. де Местром, о которой последний рассказал французскому королю в депеше от 12 февраля 1816 г.²⁷ Поскольку концепция Священного Союза многим казалась загадочной, а то и путаной, де Местр спрашивал царя, не имел ли Священный Союз целью «слияние всех церквей, так, чтобы ни один монарх больше не мог защищать свою собственную». Александр I категорически возражал:

«Ни в коем случае! Ни в коем случае! Напротив, каждый государь остается неизменно связан со своей религией. Как Вы видите, три государя, подписавшие Акт о Священном Союзе, принадлежат к разным религиям: австрийский император — католик, прусский король — протестант, а я придерживаюсь греческой веры. Французский король, католик, прислал мне подписанную копию конвенции, которую он даже собственноручно записал. <...> Нападем же вместе на неверие; этим великим злом нам следует заняться. Будем жить согласно Евангелию, это важно. Я убежден, что однажды все веры объединятся, я не сомневаюсь в этом; но момент для этого еще не настал»²⁸.

Духовность стала для императора столь важна, что это не могло не повлиять на его религиозную политику. По приглашению А. Н. Голицына, участвовавшего в феврале 1813 г. в создании Библейского общества, Александр I стал его рядовым членом (возглавить общество он отказался) и выделил на его работу 25 тыс. рублей и ежегодную субсидию в 10 тыс. рублей. Главная цель общества — в соответствии с тем, что происходило в то же время в Западной Европе, — заключалась в переводе Библии на народный язык, что позволяло бы людям иметь прямой доступ к Священному Писанию. Именно этим стремлением Александр I делился с епископом Эйлером. Кропотливая работа была поручена группе основательных и усердных переводчиков. Но эта инициатива вскоре встретила критику со стороны

консерваторов. Объединившись вокруг адмирала А. С. Шишкова, они выступили в защиту церковнославянского языка, заявив, что читать и проповедовать Священное Писание на народном языке — святотатство. Правда, в 1818 г., вопреки всему, Санкт-Петербургская Духовная академия под руководством архимандрита Филарета закончила перевод Нового Завета на современный русский язык: в конце года Общество опубликовало 371 тыс. экземпляров в 79 изданиях на 25 языках и диалектах, использовавшихся на территории империи.

Но вмешательство Александра I в дела религиозные на этом не закончилось. Несмотря на его убеждение, что внешняя и внутренняя церковь не могут иметь ничего общего, он, будучи монархом, принял полурелигиозные, полуполитические меры, означавшие постепенное сползание к консерватизму и нетерпимости.

Одна из первых мер затронула иезуитов. В течение долгого времени, как мы знаем, благодаря роли, которую они играли в среднем образовании, они пользовались покровительством Екатерины II, Павла I и самого Александра I. Но 20 декабря 1815 г. император внезапно опубликовал указ, изгонявший иезуитов из Петербурга, запрещавший им въезд в Москву и вынудивший их отправиться в Полоцк, в польские земли, в то время как их ученики были возвращены в свои семьи. Современники задавались вопросом, чем было вызвано подобное решение. С точки зрения некоторых католиков — Ж. де Местра, многих духовных лиц²⁹, — причиной стал отказ иезуитов дать М. А. Нарышкиной отпущение грехов после ее разрыва с императором. Но, хотя в декабре 1815 г., чуть более года после разрыва с Нарышкиной, Александр I все еще был очень привязан к своей бывшей возлюбленной, это объяснение недостаточно убедительно, тем более что нет прямых источников, которые бы его подтверждали.

Нам кажется, что эта опала была скорее результатом стечения разных обстоятельств, которые становились все более неблагоприятными для иезуитов. В то время в верхах российского общества прокатилась волна обращений в католицизм. В особенности это касалось женщин, но в католическую веру обратился даже А. М. Голицын, племянник и тезка обер-прокурора Священного Синода, что привело к ожесточению его дяди против иезуитов. Наконец, еще более важную роль могли сыграть такие факторы как отказ главы ордена иезуитов в России войти в состав Библейского общества³⁰, а также осуждение папой римским Священного Союза. В 1820 г. иезуиты вновь оказались под ударом и были вынуждены покинуть территорию империи. Официально оформленное указом от 13 марта 1820 г. изгнание иезуитов из России прошло без столкновений:

«Их проезд по территории России был оплачен. Их было 750 человек. Они без трудностей въехали в Австрию, и многие смогли остановиться уже в Галиции, в Тернопольском коллеже, который венское правительство предоставило им в дар. Другие направились в Италию, поскольку орден понемногу возвращал себе благосклонность Святого Престола. Остальные поехали в другие страны — вплоть до Китая»³¹.

Однако католики при петербургском дворе были взбудоражены. Ж. де Местр, к примеру, решил покинуть Россию. Будучи расстроен решением, противоречившим его религиозным убеждениям, дипломат в скором времени добился от своего короля разрешения вернуться в Сардинию.

В конце 1816 г., воспользовавшись уходом в отставку министра народного просвещения А. К. Разумовского, Александр I реорганизовал министерство, включив в его компетенцию вопросы религии — Священный Синод был упразднен. Под руководством нового министра А. Н. Голицына министерство, с целью объединения под своей властью всех религий, было разделено на четыре отдела. Первый занимался русскими (православными и староверами), второй — католиками (римскими и униатами), третий — протестантами и сектантами, четвертый — нехристианами. Эта структура, просуществовавшая вплоть до ликвидации министерства в 1824 г., интересна тем, что красноречиво свидетельствовала о религиозном неконформизме Александра I. Создание четырех отделов означало явное признание многообразия религий империи, а объединение в одном отделе православных и раскольников свидетельствовало о стремлении ослабить прерогативы православной церкви и поставить под вопрос ее официальный статус. Но благосклонность Александра I по отношению к староверам, отношение к которым стало толерантным во времена Екатерины II, долго не продлилось: в 1825 г. за ними установил слежку Секретный комитет под председательством митрополита Новгородского и епископа Тверского, ставивший задачу проверять, в достаточной ли степени они уважают закон и местные учреждения. С 1825 г. последовало новое ужесточение политики в отношении раскольников.

Создание разделенного на две части министерства, установившего структурную связь между религией и образованием, а также тот факт, что заведовать школьным образованием поставили активных религиозных деятелей (главой соответствующего отдела Александр I сделал В. Попова, одного из секретарей Библейского общества), скоро привели к изменениям в педагогике.

Отныне образование должно было вдохновляться Священным Писанием. Опираясь на этот принцип, министерство во главе с

Л. Магницким решительно взялось за российские университеты. Магницкий, выходец из небогатой дворянской семьи, масон, был правой рукой М. М. Сперанского. В 1812 г. он дорого заплатил за свою верность министру, будучи отправлен в ссылку вместе с ним. В 1816 г. он был помилован и назначен вице-губернатором Воронежской губернии, а на следующий год стал губернатором Симбирска. Его взгляды становились все более консервативными, приближая его к А. Н. Голицыну и А. А. Аракчееву. Именно он призвал к порядку университеты. Магницкий желал покончить с европейскими, а в особенности немецкими, идеями, развратившими Россию, и сделать образование вновь национальным, прославляющим Бога и русскость.

Приняв эту программу, в 1819 г. Магницкий прибыл на шесть дней с инспекторским визитом в Казанский университет. Царящие там свобода и атеизм в такой степени шокировали его, что он потребовал у Александра I немедленно закрыть это учреждение. Император отказался от принятия столь радикальных мер, но сразу же назначил Магницкого инспектором Казанского учебного округа, предоставив ему полную свободу действий, чтобы поставить университет на место. Были уволены двенадцать профессоров, т. е. более половины преподавательского состава, библиотека была очищена от «вредных» книг Н. Макиавелли, Ф.-М. А. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. Такие предметы как геология, признанные несовместимыми с Библией, были запрещены, а другие, такие как математика и философия, помещены под строгое наблюдение.

Из Казани новое веяние быстро распространилось на другие университеты. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунич, близкий к М. Л. Магницкому, обвинил профессоров Санкт-Петербургского университета в том, что они высказывают идеи, противоречащие Евангелиям, и четверых из них уволил. Студенты, встретившие эти меры непониманием, а затем и гневом, начали покидать новоиспеченные центры клерикальной пропаганды. Спустя всего несколько месяцев их осталось около сорока в Санкт-Петербургском и около пятидесяти в Казанском университете — примерно треть от первоначального количества. Одновременно с этим были пересмотрены и программы средних школ. Потенциально пагубные предметы — философия, а также такие прикладные науки, как политэкономия и технология, — стали преподаваться в меньшем объеме, а то и вовсе исключаться из программы, а преподавание истории, древних языков и географии было расширено. На уровне уездных школ уроки естественной истории и технологии были заменены ежедневным чтением Нового Завета.

Кроме того, благодаря влиянию А. А. Аракчеева и А. Н. Голицына, поставивших целью бороться с пагубным влиянием либеральных и атеистических идей среди молодежи, ужесточилась цензура, жертвами которой стали молодые писатели, в первую очередь А. С. Пушкин.

А. С. Пушкин родился в 1799 г. Его отец был исключительно образованным представителем старой знати, а мать происходила от африканца Абрама Ганнибала, крестника и соратника Петра I. От родителей он получил французское воспитание. Поступив в возрасте двенадцати лет в Императорский Царскосельский лицей, он начал писать стихи и декламировать их перед своими соучениками. В январе 1815 г. прочитал свое стихотворение, вызвавшее восторженную похвалу поэта В. А. Жуковского и распахнувшее для Пушкина двери литературного общества «Арзамас», где он смог встретиться с самыми великими писателями своего времени.

Окончив лицей в 1817 г., он поселился у родителей в Санкт-Петербурге, на Фонтанке, стал участвовать в литературных салонах и обществах, в том числе в либеральной «Зеленой лампе», основанной в 1819 г., а в 1820 г. стал активным участником этого общества. В том же году Пушкин закончил свою первую великую поэму «Руслан и Людмила», переложение средневекового романа языком русского фольклора. Поэма вписывалась в романтическое движение, вдохновлявшееся историческими сюжетами и передававшее всю тяжесть индивидуальных судеб, но ритмика и стихосложение оставались классическими. Молодой человек не скрывал своих либеральных убеждений и стал неумолимым певцом политической свободы. В своей «Оде вольности», созданной в 1819 г., он выступил за конституционную монархию, а в «Деревне», написанной в том же году, выразил надежду, что однажды народ будет «не угнетенный», а в России будет править «свобода просвещенная». Эти тексты, а в особенности яростная эпиграмма на А. А. Аракчеева, написанная в 1817 г., в конечном итоге вызвали гнев Александра I. 6 мая 1820 г. в возрасте двадцати лет Пушкин был отправлен в изгнание — сначала в Екатеринослав, а затем в Кишинев, в Бессарабию, недавно включенную в состав Российской империи³². Таким образом, консервативная политика ставила в более трудное положение интеллектуалов и художников, чрезмерно любивших свободу.

Александр I, исполненный своей новообретенной веры в Бога, желавший во всем покоряться «велениям Провидения»³³ и стремившийся осчастливить свой народ, в то же время мучился вопросом власти и идеей отречения от престола.

Действительно, налицо явное совпадение между его верой, воз-
раставшей по мере преодоления испытаний, и его сомнениями отно-
сительно выпавшего ему жребия быть императором. Конечно, как
мы знаем, он высказал идею отречения от престола еще в 1796 г. в
письме к В. П. Кочубею, но после своего воцарения в 1801 г. он к это-
му вопросу больше не возвращался. Но в конце 1812 г., когда Алек-
сандр I обрел веру, это искушение вернулось. Находясь в Вильне и
беседуя с графиней С. Шуазель-Гуфье, этот бесспорный триумфатор
признавался ей:

«Нет, престол — не мое призвание, и если бы я мог с честью изменить
условия моей жизни, я бы охотно это сделал»³⁴.

Пять лет спустя, 8 сентября 1817 г., исповедовавшись старцу (мо-
наху) Вассиану в Киево-Печерской лавре, он признался своему адъ-
ютанту А. И. Михайловскому-Данилевскому, что государь «должен
остаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические си-
лы будут ему позволять это... Что касается меня, то в настоящее вре-
мя я прекрасно чувствую себя, но через десять или пятнадцать лет,
когда мне будет пятьдесят, тогда...»³⁵

В 1819 г. Александр I дважды делился с членами семьи этой мыс-
лью, по-прежнему не дававшей ему покоя. Летом в своей резиденции
Красное Село, на ужине, на котором присутствовали великий князь
Николай Павлович с супругой Александрой Федоровной, царь от-
крыто сообщил о своем желании отказаться от власти:

«Тогда же император Александр, отобедав однажды у нас, сел между на-
ми обоими и, беседуя дружески, переменил вдруг тон и, сделавшись весь-
ма серьезным, стал в следующих приблизительно выражениях говорить
нам, что он “остался доволен поутру командованием над войсками Нико-
лая и вдвойне радуется, что Николай хорошо исполняет свои обязанно-
сти, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как император
смотрит на него, как на своего наследника, и это произойдет гораздо ско-
рее, нежели можно ожидать, так как Николай заступит его место еще при
жизни”.

Мы сидели словно статуи, с широко раскрытыми глазами, и не были в со-
стоянии произнести ни слова. Император продолжал: “Кажется, вы удив-
лены, так знайте же, что брат Константин, который никогда не хлопотал
о престоле, порешил ныне, тверже, чем когда-либо, формально отказаться
от него, передав свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что
же касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей
и удалиться от мира. Европа теперь более чем когда-либо нуждается в го-
сударях молодых, вполне обладающих энергией и силой, а я уже не тот,
каким был прежде, и считаю долгом удалиться вовремя. Я думаю, то же
самое сделает и король прусский, передав свою власть Фрицу”.

Видя, что мы готовы разрыдаться, он постарался утешить нас, и в успокоенные сказал нам, что это случится не тотчас, и, пожалуй, пройдет еще несколько лет, прежде нежели будет приведен в исполнение этот план; затем он оставил нас одних. Можно себе представить, в каком мы были состоянии. Никогда ничего подобного не приходило мне в голову, даже во сне. Нас точно громом поразило; будущее показалось нам мрачным и недоступным для счастья. Это была минута, памятная в нашей жизни!»³⁶

Несколько недель спустя, в Варшаве, Александр I сообщил своему брату Николаю Павловичу, в присутствии Константина Павловича:

«Я должен сказать тебе, брат, что я хочу отречься; я устал и не в силах сносить тягость правительства, я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в этом случае... Когда придет пора отречься, то я тебе дам знать и ты мысли мои напиши к матушке»³⁷.

Почему именно в 1819 г. император дважды сообщил своим братьям о желании отречься от престола? Хотя по причине таинственности его характера мы не сможем найти однозначный ответ на этот вопрос, стоит обратить внимание на два фактора. Во-первых, император все более глубоко проникался религией. Она увлекала его на поиски «внутренней церкви» и, казалось, была все менее совместима с абсолютной властью над обширной территорией Российской империи. Во-вторых, в январе 1819 г. случилась трагедия, от которой Александр I так и не оправился: его сестра Екатерина Павловна в возрасте всего лишь тридцати лет умерла от рожистого воспаления лица³⁸. Эта внезапная смерть привела его в угнетенное состояние и усилила нежелание предпринимать какие-либо действия.

Как бы то ни было, вопрос об отречении ставил перед Александром I двойную дилемму. Во-первых, дилемму религиозную: поскольку царь получил власть от Бога, он не мог разрушить то, что было намечено Провидением. Впрочем, все было иначе, если монарх властвовал не в силу божественного права, а согласно конституции. Как весьма убедительно показал С. В. Мироненко, Александр I сообщил своей семье о желании отречься от престола в тот самый момент, когда всерьез размышлял, пока еще втайне, о возможном проведении конституционной реформы³⁹.

Вторая дилемма — политическая: в 1819 г. требовалось понять, кто будет в состоянии наследовать Александру I. После того как в 1814 г. умерли две дочери, родившиеся от брака императора с Елизаветой Алексеевной, он уже не надеялся иметь прямого наследника. Согласно Манифесту о престолонаследии, изданному Павлом I в 1797 г. и подтвержденному Александром I при взождении, наследником престола являлся Константин Павлович. Но Константин, в 1801 г. расставшийся со своей супругой Юлианой Сакс-Кобургской.

бездетный, живший с польской графиней-католичкой Жаннеттой Грудзинской, не мог занять престол, да и не стремился к этому. А вот Николай Павлович, безупречный супруг Александры Федоровны, урожденной Шарлотты Прусской⁴⁰, и отец маленького Александра, родившегося в 1818 г., предоставлял все необходимые моральные и религиозные гарантии. Поэтому в сентябре 1819 г. император нанес визит Константину Павловичу, молча согласившись на его развод и мorganатический брак с Жаннеттой Грудзинской в обмен на отказ от трона в пользу Николая Павловича. 20 марта 1820 г. манифест вновь подтвердил ряд необходимых условий, в том числе обязанность каждого российского монарха выбирать в жены девушку королевской или княжеской крови, принявшую православие. Несколько дней спустя, 1 апреля 1820 г., Константин развелся, а 12 апреля женился на Жаннетте Грудзинской⁴¹.

Одним словом, в 1815 г. в империю вернулся глубоко изменившийся царь. Все более занятый религией, испытывавший искушение отречься от престола, что позволило бы ему посвятить всего себя поиску Бога, Александр I вместе с тем продолжал стремиться к проведению масштабных реформ.

Начатые и намеченные реформы

Вернувшись в Россию, Александр I начал упорно работать над тем, чтобы предоставить «своей» Польше статус и конституцию. Для императора Польша имела особое значение. Поскольку Наполеон, чтобы одолеть российского императора, сделал ставку на национализм польской знати и осыпал поляков лживыми обещаниями, Александр I, добившийся на Венском конгрессе права воссоздать польское королевство, представлял себя его монархом, милосердным, либеральным и конституционным. Там он мог осуществить свое стремление к реформам, дать волю своему либерализму и интересу к конституционным идеям. В этой воссозданной Польше, преобразованной в политическую лабораторию, он мог начать эксперимент с представительной формой правления.

31 октября 1815 г. Александр I вступил в Польшу, облаченный не в российский, а в польский мундир. 15 ноября⁴², две недели спустя, он подписал Хартию, сделавшую его конституционным монархом. Текст Хартии был плодом раздумий, длившихся долгие месяцы при участии не только Чарторыйского, но и Новосильцева, Кочубея и дипломатических советников царя — в первую очередь Каподистрии и Гроццо ди Борго. Нельзя сказать, чтобы все прошло легко: проект царь подарить «своей» Польше конституцию очень быстро подвергся критике.

8 октября⁴³ 1814 г., в самый разгар Венского конгресса, Поццо ди Борго, несмотря на свои либеральные убеждения, представил вниманию российского императора довольно пространную записку⁴⁴, в которой изложил, насколько опасным будет, с его точки зрения, сделать Польшу «отдельным государственным телом». Первая опасность — дипломатическая. Как только польские подданные Российской империи обрели бы свои права, польские подданные прусского и австрийского монархов потребовали бы присоединения к России. «Как только начнут свое существование польский сейм, польское представительство, польская армия, они превратятся в знамя, призывающее всех поляков к единству», — писал он, а это вызвало бы трения, а то и конфликты с Пруссией и Австрией. Вторая опасность — политическая. «Титул короля Польского никогда не сможет сойтись с титулом самодержавного императора всея Руси. Эти два определения ни в коей мере не смогут сочетаться». Кроме того, Поццо ди Борго, по его словам, совершенно отрицательно относился к идее присоединения нынешних польских провинций Российской империи к новому государству. Он видел в этом ущемление прав подданных империи, которое могло вызвать серьезное недовольство. В этом случае «польские» земли, составлявшие часть империи на протяжении уже многих десятилетий, стали бы управляться при помощи конституции, а остальная империя⁴⁵ осталась бы под самодержавной властью. Кроме того, в «бывших» польских провинциях, которые не были бы присоединены к этой новой Польше, реформы также не прошли бы, что стало бы новым источником напряжения. Наконец, Поццо ди Борго подчеркивал опасность суверенной Польши для развития Российской империи и вступления ее в ряды цивилизованных держав:

«Если между Россией и остальной цивилизованной Европой будет находиться девятимиллионная масса, соединенная в национальное тело, взаимовлияние и взаимные связи, протекающие от непосредственного контакта, мало-помалу будут сокращаться. <...> Подобная преграда может привести к бесконечному замедлению в развитии их⁴⁶ моральных способностей, образования, в распространении просвещения, искусств и либеральных идей. Наполеон, имея целью погрузить Россию в варварство и сделать ее чисто азиатской державой, решил восстановить Польшу, а предшественники Вашего Величества⁴⁷, ставившие целью обеспечить русским выдающееся положение среди самых цивилизованных частей Европы, предприняли завоевания, которые должны были сплотить Польшу и Россию воедино⁴⁸».

Этот пассаж принципиально важен. Помимо дипломатических и геополитических аспектов, смысл польского вопроса, по мнению Поццо ди Борго, заключался в отношении России к Европе, в принципиально важном вопросе ее принадлежности к «цивилизованной»

Европе. Дипломат считал, что Польша, включенная в состав империи, могла послужить средством укрепления связей с Европой, тогда как независимая Польша, заявлявшая о своем культурном превосходстве над Россией, напротив, при первой же возможности отвернулась бы от России, оставив ее наедине с ее отсталостью и азиатским варварством, поскольку «привычная ненависть»⁴⁹ поляков к русским быстро взяла бы верх над их благодарностью.

Но российский император пренебрег предостережениями Поццо ди Борго, которые на тот момент он не был способен услышать. Для Александра суверенитет Польши и ее территориальное расширение были императивом и моральным (еще в 1796 г. он, подобно своему отцу Павлу I, осуждал незаконные разделы, жертвой которых пала Польша), и политическим: поскольку Наполеон потерпел неудачу в своей попытке восстановить Польшу, Александр I считал, что этот проект предстоит осуществить ему, оберегая при этом безопасность России. Он сказал это А. Чарторыйскому в 1813 г. и повторил Т. Костюшко в 1814 г. Разделяя мнение К. О. Поццо ди Борго о том, что Польша как страна, соприкасающаяся с Западной Европой, необходима для развития и модернизации России, он все же старался быть большим оптимистом, чем его дипломат. Он считал, что с ролью «культурной посредницы», которую ей отводили император и его советник, лучше справилась бы не присоединенная Польша, а Польша независимая, связанная с Российской империей лишь династическими узами. Ведь в таком случае в ней нашлось бы место либерализму, благоприятному для торговли и проявления инициативы.

9 мая⁵⁰ 1815 г., через несколько недель после подписания договора, решившего судьбу Польши, Александр I обратился с манифестом к своему народу, в котором объяснял сделанный им выбор. В манифесте он утверждал, что независимое польское государство, с собственными учреждениями, связанное с Российской империей, станет лучшей гарантией безопасности России. 13 мая⁵¹ он объявил полякам о восстановлении Польского Королевства (Царства) в форме конституционного государства с собственной армией и в тот же день подписал документ под названием «Основы конституции Царства Польского». В этом документе, являвшемся плодом сотрудничества многих знатных поляков во главе с Чарторыйским, излагались основные черты будущей конституции⁵², которую предстояло составить специальной комиссии. Хартия гарантировала личные свободы: запрещались произвольные аресты, католическая церковь получала особый статус, но все христианские церкви встречали терпимое отношение и не притеснялись. Все официальные должности занимали подданные Царства Польского, а общественные дискуссии велись на

польском языке. Сейм отвечал за бюджет и финансы. Государственный совет под председательством наместника должен был подготовить новое законодательство для Польши. Судьи, назначаемые монархом пожизненно, обеспечивали независимый суд. Армия становилась национальной, а если в Польше располагались бы российские войска, то они должны были содержаться за счет российской казны. Образование объявлялось национальным и бесплатным. В городах вводилось самоуправление, крестьяне сохраняли свою личную свободу и право приобретать землю. Наконец, положение евреев должно было улучшиться.

Этот рабочий документ, написанный щедро и с размахом, проникнутый либеральным духом и верный идеям Просвещения, лег в основу Конституционной Хартии, принятой Александром 15 ноября⁵³ 1815 г. Его вклад в создание Хартии был огромен: он участвовал в редактировании ее многочисленных промежуточных версий⁵⁴ и лично одобрил все 165 статей ее окончательной редакции.

Царство Польское присоединялось к Российской империи «навсегда» (статья I Хартии), следовательно, оно было несамостоятельно в своей внешней политике и не могло иметь полномочных послов за границей⁵⁵. Его учреждения отныне основывались на Конституционной Хартии⁵⁶, гарантировавшей всем жителям Польши личную свободу и равенство перед законом; признавалась свобода печати и частной собственности, использование польского языка на всех уровнях управления и в судах. Учреждался Сейм, состоявший из императора и двух палат. Членов верхней палаты, Сената, император назначал пожизненно, их число должно было составлять не более половины от числа представителей нижней палаты. Нижняя, Посольская палата, состояла из 128 избираемых представителей народа. Право голоса предоставлялось всем дворянам-землевладельцам не моложе двадцати одного года, домовладельцам, платившим налог на недвижимость, и заслуженным людям (профессорам, людям искусств), т. е. выделявшимся благодаря своим талантам, что в конечном счете давало избирательный корпус примерно в 100 тыс. взрослых мужчин⁵⁷. Во Франции на тот момент избирательные права были не более чем у 80 тыс. мужчин, и в это число не входили заслуженные люди, несмотря на непрерывные требования либералов. Российский император, став польским королем, сохранял за собой исполнительную власть. Лишь он мог объявлять войну и заключать мир, он назначал всех чиновников и командовал армией. Он также располагал широкими законодательными прерогативами. Лишь он имел право законодательной инициативы, а выдвигавшиеся Сеймом законопроекты должны получить его одобрение. Однако

Сейм тоже имел право наложить вето на законопроекты, предложенные императором.

Таким образом, Хартия была текстом принципиальной важности, предоставившим свободу, уникальную для польских земель (ни Австрия, ни Пруссия впоследствии не выполнили обязательства, взятые на себя в Вене) и вообще для любой территории Российской империи. Поляки получили больше прав, чем обитатели Финляндии. Хартия продемонстрировала верность Александра I идеям Просвещения и его желание сделать Польшу экспериментальной лабораторией реформ, которые он желал провести и в остальной империи. Вместе с тем этот дух открытости не помешал Александру I как следует обеспечить российские интересы: своего брата Константина Павловича он сделал главнокомандующим новой 35-тысячной польской армией, а наместником Польши назначил не А. Чарторыйского, хотя тот страстно желал занять эту должность, принадлежавшую ему по праву, а покладистого генерала Юзефа Зайончека — личность Чарторыйского и известность его семьи могли бы сделать пост вице-короля чрезмерно значимым. Наконец, Александр I назначил своего друга Новосильцева, русского, личным представителем императора при польском правительстве, который должен был присутствовать на его заседаниях. Таким образом, Польша, получив признание своих неотъемлемых прав и свобод, оказалась тем не менее накрепко привязанной к Российской империи и императорской фамилии. С точки зрения Александра I, эта связь должна была быть тем более крепкой, что польский конституционный опыт должен был послужить образцом для остальной империи, явить собой «первый шаг на пути к конституции русской»⁵⁸.

Александр I и в самом деле стремился приложить польский конституционный опыт ко всей своей империи. Даже его близкие были убеждены в этом. В письме, которое молодая великая княгиня Анна Павловна, ставшая принцессой Оранской, написала своему брату Константину Павловичу 21 мая 1818 г.⁵⁹, она писала, что была «вне себя от восхищения», когда прочла речь, произнесенную Александром I на закрытии Сейма, и подчеркивала, что, живя в конституционном государстве, она в состоянии ее оценить⁶⁰.

В ноябре 1815 г., разговаривая с Михаилом Огинским, поляком, беспрестанно обращавшимся к российскому императору с просьбой присоединить к Царству Польскому западные области империи, Александр I сообщал, что это присоединение, которого он не желал, поскольку для него важно сохранить крепкие связи со «своими» польскими землями, в тот момент не имело значения с политической точки зрения, потому что в будущем конституционная модель, соз-

данная в Царстве Польском, будет принята на всей территории империи⁶¹. Эта декларация, являясь очень важной, все же была высказана в частном порядке, а значит, не имела последствий. А вот публичная и торжественная речь, которую Александр I произнес 15 марта 1818 г. на открытии польского Сейма, прозвучала куда ярче.

Александр I сам составил ее на французском языке, и если он и прибегал к советам Каподистрии, то не слишком к ним прислушивался, предпочтя различным версиям, которые подготовил благоразумный дипломат, свою собственную, заметно более ангажированную в политическом плане и, несомненно, написанную после напряженных дискуссий с Новосильцевым⁶². Какое значение придавал Александр этой речи, произнесенной на французском языке⁶³, видно из того, что он опубликовал ее в переводе во многих русских журналах, выходявших в обеих столицах⁶⁴.

«Представители Царства Польского! Надежды ваши и мои желания совершаются. Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченным созревшими уже и временем освященными установлениями. Одно забвение прошедшего могло произвести ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства к приведению оною в исполнение.

Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И, действительно, Россия после бедственной войны, воздав по правилам христианской нравственности добро за зло, простерла к вам братские объятия и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь восстановить храбрый и достойный народ. Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейшим моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести постепенно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законосвободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежавшей зрелости.

Поляки! Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикия бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению. Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположи-

тельной хартией. Ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы: благо драгоценное, которого она долгое время вотще искала среди самых жесточайших испытаний. <...>

Законоположительное управление постепенно применяется ко всем частям правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданского и уголовного законодательства будут вам предложены. Я утешаюсь уверенным, что вы, рассмотрев их со всевозможным вниманием, предусеете постановить законы, которые будут служить к ограждению драгоценнейших благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений. <...>

Невзирая на усилия мои, быть может, что следы бедствий, угнетавших вас, не все еще заглажены. Таков закон природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человеческой.

Представители Царства Польского <...>,

Докажите вашим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов. <...>

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне; покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.

Вознесем благодарение к Тому, Который Единый просвещает царей, связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира.

Призовем Его: да благословит Он и да усовершенствует начинание наше»⁶⁵.

В своем выступлении Александр I публично подтвердил свою преданность либеральным принципам, извращенным Наполеоном, и свою веру в них; впервые он официально объявил о своем намерении распространить на всю империю то, что он даровал Царству Польскому. Эта речь, произведя сильное впечатление на польское общественное мнение, вызвала более неоднозначную реакцию у русских. Некоторые, настроенные скептически, считали, что декларация о намерениях еще ничего не значит, и стоит подождать, что из этого на самом деле выйдет⁶⁶. Другие, энтузиасты (среди которых были будущие декабристы), решили, что эта речь знаменует собой самую настоящую политическую и социальную революцию. Еще одна группа, в которую входил Н. М. Карамзин, сочла речь опасной: скрытые в ней намеки на отмену крепостного права грозили пошатнуть существовавший в России политический и социальный порядок... Но

Александр I не обращал внимания на столь различные оценки, поскольку главным для него было *цивилизовать* Российскую империю, как он сообщил прусскому генералу К. Г. Л. Борштелю в 1818 г., несколько месяцев спустя:

«Польша мне необходима, чтобы цивилизовать мою империю, слишком обширную, чтобы я желал ее дальнейшего увеличения. Я дал Польше конституцию, я надеюсь, что она проявит себя достойной этого знака доверия. *это опыт, за результатами которого я буду следить*⁶⁷. Я стремлюсь обеспечить всеобщий мир и цивилизовать Россию, таковы мои чаяния, такова цель моей политики и да разразит меня гром, если я когда-либо изменю этим священным принципам!»⁶⁸

Это желание распространить польский опыт в цивилизаторских целях проглядывает и в уставе, который Александр I 29 апреля 1818 г. издал в отношении Бессарабии, отторгнутой у Османской империи по мирному договору мая 1812 г. Бессарабия получила широкую автономию. Законодательная и исполнительная власть были вручены Верховному совету из пяти человек, назначаемых российским императором, и шести депутатов, выбранных провинциальным дворянством⁶⁹.

Параллельно с этим, в глубочайшей тайне, не уведомив даже цесаревича Константина Павловича, в начале июня 1818 г.⁷⁰ Александр I поручил Новосильцеву, императорскому посланнику в Варшаве, подготовить текст конституции.

Канцелярия Н. Н. Новосильцева сразу же засела за работу. Поэт П. А. Вяземский, поступивший на государственную службу годом ранее, принял важнейшее участие в составлении этого текста, переводя на русский язык и применяя к российским реалиям политические концепции, заимствованные из французского языка. Ему в этом помогал французский юрист П. И. Пешар-Дешан, секретарь Новосильцева с 1799 г. В октябре 1819 г., когда Александр I находился в Варшаве, Новосильцев представил ему первый вариант текста конституции. Царь остался недоволен и дал ему еще два месяца, чтобы создать новую версию⁷¹. Но поскольку он потребовал весьма значительных изменений, а времени дал очень мало, текст был просто написан заново. Представленный два месяца спустя Александру I документ был более кратким, составлен на французском языке и носил название «Проект Государственной уставной грамоты Российской империи». Полный же текст, законченный осенью 1820 г., был вручен императору во время его следующего пребывания в Варшаве, в двух экземплярах — на французском и русском языках⁷². Документ, состоявший из 191 статьи, разделенный на шесть разделов, в немалой степени вдохновлялся польской Конституционной Хартией, но в

то же время и Конституцией США — в вопросе федеративного устройства империи.

В вводных статьях Уставной грамоты акцент сделан на административном устройстве империи, которая отныне делилась на обширные округа — наместничества, в свою очередь разделенные на губернии, уезды, округа, города, села и деревни. Безраздельная верховная власть воплощалась в личности монарха (статья 11), власть которого передавалась по наследству (статья 9). Полномочия монарха определялись в главе 12: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных. Он управляет исполнительной частью во всем ее пространстве. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное им одним постановляется». Впрочем, статья 13 предусматривала, что «законодательной власти государя содействует государственный сейм», таким образом, власть его не являлась абсолютной. Монарх располагал исключительно широкими полномочиями, во многом схожими с теми, что были предусмотрены польской Конституционной Хартией. Он являлся главой всего административного устройства империи, заботился о внутренней и внешней безопасности государства, единственный обладал правом объявлять войну и заключать мирные договоры и конвенции, руководил дипломатией и назначал всех послов, возглавлял православную церковь и назначал всех ее иерархов, наконец, лишь он один обладал правом помилования.

Монарх мог принимать указы, имел право распустить Посольскую палату (статья 157), но разделял законодательные функции с сеймом (статья 31). Ему помогал Государственный совет (статья 35), который состоял из министров, советников и государственных секретарей и в чьи задачи входило составление и редактирование всех законопроектов, касавшихся общего управления империей (статья 42). В каждом наместничестве монарха представлял наместник, которому помогал совет (статья 49). Православие провозглашалось «господствующею верою империи, императора и всего императорского дома», но «без утеснения, однако ж, свободы всех прочих исповеданий». «Закон, без всякого различия, покровительствует равно всем гражданам⁷³» (статья 80), и никто не мог быть подвергнут наказанию, прежде чем ему сообщат о преступлении, в котором его обвиняли, подвергнут его допросу в течение трех дней после ареста и вынесут судебный приговор (статья 81). Гарантировалась свобода печати (статья 89). Каждый российский подданный имел право переселиться за границу и перевезти туда свое имущество (статья 90). Частная собственность объявлялась священной и неприкосновенной (статья 97). Что касается вопросов политического устрой-

ства, то статья 91 гласила: «Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство» в виде сейма. Сейм состоял из монарха и двух палат: Верхней палаты, или Сената, и Нижней, или Посольской палаты. Эта статья имела принципиальную важность, поскольку она обеспечивала законность представительного устройства империи.

Общий сейм созывался императором (статья 126) каждые пять лет, сеймы наместничеств — каждые три года. Таким образом, сеймы не представляли собой постоянного органа власти — таково было первое ограничение этого конституционного режима. Но общий сейм располагал широкими законодательными прерогативами, в том числе правом накладывать вето на законопроекты, предложенные императором. Сенат состоял из великих князей императорской фамилии старше 18 лет и из сенаторов, назначаемых императором пожизненно (статья 136) из числа людей, соответствующих ряду условий. Сенаторы должны были быть старше 35 лет, пройти экзамены нижних чинов, иметь доход от недвижимого имущества не менее 1 тыс. руб. серебром в год. Общее число сенаторов не должно было превышать четверти от числа представителей Посольской палаты. Эта палата, в свою очередь, состояла из представителей, выбранных императором среди избранных сеймами наместничеств. Для избрания членом Посольской палаты нужно было быть старше тридцати лет, обладать гражданскими правами и заплатить определенный налог на недвижимость, сумма которого устанавливалась каждым наместничеством, исходя из местных условий.

На местном уровне каждый год собирались ассамблеи, объединявшие всех домовладельцев, чтобы сообщить правительству «о своих нуждах и пользах». Евреи⁷⁴ не имели права заседать ни в одной из палат и не могли пользоваться какими-либо политическими правами (статья 166). Наконец, суды состояли из судей, часть которых назначалась государем, а другая часть — избиралась (статья 176).

Какие выводы можно сделать на основании этого документа? Им предоставлялись новые права и важнейшие свободы, но нигде даже не поднимался вопрос о крепостном праве, который в тексте был обойден молчанием. Монарх наделялся широчайшими полномочиями, превращавшими его в исключительного распорядителя верховной власти. Хотя в тексте фигурировало принятие «нации», идея национального суверенитета отсутствовала. Но несмотря на эти ограничения, этот документ представлял собой невиданную в России попытку пересмотра самодержавной власти императора путем создания избираемого сейма, имеющего законодательные полномочия. Он неопровержимо свидетельствовал о желании Александра I даровать

Российской империи конституционное устройство. Однако этот документ — хотя и был составлен по указке Александра I, следившего за его духом и буквой, являлся плодом усердного труда Новосильцева и его канцелярии и составлял предмет чаяний всех тех, кто в 1818 г. услышал в речи царя, прозвучавшей в Варшавском сейме, предвестие мирной политической революции, — так и не стал известен при жизни императора. Почти случайно, в силу событий, происходивших в Польше в 1831 г., этот документ был обнаружен среди бумаг Новосильцева в Варшаве.

Почему было принято такое решение? Как объяснить то, что представляется резкой переменной курса? Александр I никогда не высказывался по этому поводу. Он бы и не стал высказываться по поводу тайного решения, каковым являлся приказ подготовить документ в Варшаве, вдали от Петербурга, — чтобы избежать лишних разговоров. Следовательно, историку остается только формулировать гипотезы, которые можно обосновать, исходя из хронологии внешних и внутренних по отношению к России событий.

В 1818 г. император еще верил в либеральные идеи и конституционализм. Речь, которую он произнес перед сеймом в Варшаве, показала его искреннее желание двигаться по этому пути. Но два года спустя, когда документ был наконец готов, его настроения изменились. Причиной тому было тройное воздействие со стороны консерваторов (Н. М. Карамзина, автора «Записки о древней и новой России», представленной царю в 1811 г., Ф. В. Ростопчина и др.), двора и правительственного аппарата, не желавшего эволюции в направлении конституционного устройства, способного пошатнуть социально-политический порядок и ослабить империю.

С 1803 г. Карамзин начал работу над монументальной «Историей государства Российского». Несмотря на превратности судьбы — в 1812 г. во время московского пожара погибла его личная библиотека, — благодаря своему труду он стал одним из самых знаменитых историков XIX в. Первое издание «Истории государства Российского», восьмитомное, вышедшее в 1816 г., было распродано тиражом 3000 экземпляров всего за несколько месяцев, что в тогдешней России означало огромный издательский успех. Восемь лет спустя, в 1824 г., было опубликовано окончательное, двенадцатитомное издание этого труда. Широтой своих философских и политических размышлений, тонким анализом российских нравов, богатством познаний, нашедших свое отражение в труде, остротой и яркостью нарисованных им психологических портретов — например, Ивана Грозного или Бориса Годунова — Карамзин возвел историю в ранг искусства, познакомил российскую знать с их собственным прошлым, предоставив им возможность гордиться им.

Но этот труд вместе с тем являлся и страстной речью в защиту самодержавного централизованного государства, которое представлялось автору единственной формой правления, возможной в столь обширной стране, как Россия. В этом смысле труд Карамзина сыграл важную роль в постепенном повороте Александра I к консерватизму. Кроме того, как мы уже увидели, в 1815–1820 гг. усилилось влияние А. Н. Голицына и мистиков из окружения царя. Они считали, что идеи Просвещения несут в себе зародыш атеизма и поэтому с ними нужно решительным образом бороться. Наконец, на Александра повлияло изменение международной ситуации. Начавшийся в 1818–1819 гг. всплеск революционных движений в Европе⁷⁵ и признаки политической и геополитической нестабильности (убийство герцога Беррийского во Франции в 1820 г., убийство писателя и русского шпиона А. Коцебу студентом в немецком городе Мангейме в 1819 г.), привели к ужесточению режимов в Португалии, Испании, Неаполе и Пьемонте, отчасти повлияв и на российского императора.

Показательно, что речь, произнесенная Александром I перед польским сеймом 1 сентября⁷⁶ 1820 г., весьма отличалась от той, что прозвучала двумя годами ранее. Слова «либеральный» и «либерализм» уже не употреблялись. И хотя Александр I не отрекался от своего конституционализма, он настаивал на необходимости бороться с духом зла повсюду, где бы он ни появился, и заявлял, что в этом вопросе будет непоколебим:

«Я испытываю истинное удовольствие во второй раз находиться среди вас; и я радостно повторяю, что, объединяя вас в этом здании и призывая вас к сотрудничеству с целью поддержания и развития ваших национальных учреждений, я следую зову своего сердца и осуществляю одно из заветнейших моих желаний.

Эти учреждения, возникшие благодаря моему доверию к вам, укрепляются доверием, которое вы испытываете ко мне.

Вручая их вам, я ставил своей целью объединить верховную власть с властью промежуточной, с законными правами и интересами общества.

Я почитаю эти связи необходимыми, но для упрочения их требуется постоянная поддержка, без которой все терпит неудачу и вырождается.

Не будем же забывать, что учреждения — лишь творение рук человеческих. Им, как и самим людям, нужна поддержка в слабости, сознание, предохраняющее от ошибок, а эту поддержку и это сознание можно обрести лишь в христианской морали и в ее Божественных заповедях.

<...>

Представители Царства Польского! Покажите своей родине, что, опираясь на свой опыт, принципы, чувства, вы сможете сохранить под эгидой своих законов спокойную независимость и чистую свободу; покажите своим современникам, что эта свобода — подруга порядка и его благодетель; и что вы получаете от нее преимущества, потому что вы смогли и

всегда сможете противиться злым советам и опасным примерам. В других странах пользование свободой влечет за собой злоупотребление ею; в других странах, возбуждая ложную потребность в рабском подражании, дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество; он уже парит над частью Европы, уже накапливает злодеяния и пагубные события.

Посреди этих бед мое управление вами останется неизменным. Я почерпнул его принципы в глубоком сознании своего долга, каковой я всегда буду добросовестно выполнять. Тем не менее это выполнение долга будет недостаточно добросовестным, если я буду неправильно судить о великих истинах, которым учит опыты.

Вне всяких сомнений, век, в который мы живем, требует, чтобы общественный порядок покоился на законах, охраняющих его, и был ими гарантирован. Но наш век также обязывает правительства сохранять эти законы от фатального влияния страстей, извечно беспокойных и слепых. Поэтому как на вас, так и на мне лежит тяжелая ответственность. Она велит вам верно следовать тому пути, что укажут вам ваша мудрость и ваша верность. Она велит мне откровенно предостеречь вас от невзгод, угрожающих вам, и защитить от них ваши учреждения; она велит мне судить о тех мерах, по поводу которых я должен буду высказаться, не по хвалебным или клеймящим предвзятым описаниям, а лишь по их истинным последствиям; наконец, она велит мне, дабы избежать рождения зла и использования радикальных мер, искоренять ростки дезорганизации, как только они станут заметными»⁷⁷.

Эти разные, но совпадавшие по направленности влияния воздействовали на Александра I тем больше, что начиная с 1819–1820 гг. у него появились основания полагать, что недовольство и волнения добрались и до его империи. В ночь с 16 на 17 октября 1820 г., в отсутствие императора, находившегося в то время на Троппауском конгрессе⁷⁸, Семеновский полк, любимый полк Александра I, поддержавший его, как мы знаем, при восшествии на престол, взбунтовался против полковника Г. Е. Шварца, грубого, ограниченного и вспыльчивого человека. В этом взрыве негодования, а то и отчаяния, не было никаких подрывных политических стремлений: причиной его стало дурное и несправедливое обращение Шварца с семеновцами. Но царь, уже поколебленный в своих либеральных убеждениях, сразу уверился в том, что полк затронут революционной пропагандой. Хотя доклад, составленный Кочубеем⁷⁹, подтверждал спонтанный характер бунта, вызванного жестокостью Шварца, и не имел политических или идеологических аспектов, Александр I упорствовал, будучи убежден, что за солдатским бунтом стоит нечто иное, чем простое недовольство своим офицером.

В Троппау Александр I заявил К. Меттерниху, что революционеры хотели в его отсутствие дестабилизировать армию, чтобы ослабить его власть и подорвать основы империи. Меттерних усомнился

в этом, но отметил, до какой степени всего за несколько месяцев изменился российский император:

«Царь считает, что есть причина, по которой три тысячи солдат повели себя настолько вразрез со своим национальным характером. Он даже воображает, что удар нанесли радикалы, чтобы напугать его и заставить вернуться в Санкт-Петербург. Я не разделяю его мнения. Весьма маловероятно, чтобы российские радикалы могли уже располагать целыми полками. Но это доказывает, до какой степени изменился император»⁸⁰.

В отношении «пагубного» происшествия Александр I был беспощаден. Он приказал прогнать каждого из мятежников сквозь строй, а тех, кто после 6 тыс. ударов выживет, приговорить к принудительным работам. Полк был полностью распущен.

В Польше после великих надежд, рожденных 1815 г., политическая практика тоже ужесточилась. Конечно, конституционный режим отменен не был, но полномочия, которыми теоретически наделялся Сейм, так и не были реализованы. Постепенно он все больше работал как совещательный, а не законодательный орган. В 1815–1830 гг. он так и не получил разрешения обсуждать государственный бюджет. За этим ужесточением с горечью наблюдал Чарторыйский, отстраненный императором от какой-либо реальной власти, — он стал всего лишь куратором Виленского университета.

Так всего за пять лет развеялись политические надежды, родившиеся в 1815 г. Уже не возникало вопроса о том, чтобы сделать империю конституционной монархией. Намеченная реформа, таким образом, не состоялась. И все-таки этот период не был совершенно бесплодным: применительно к окраинам империи были намечены аграрные реформы. Но их возможные дивиденды не могли уравновесить пагубных итогов утопической идеи военных поселений.

С самого своего вступления на престол Александр I намеревался покончить с крепостным правом — системой не только возмутительной с моральной, религиозной и социальной точек зрения, но и экономически неэффективной. Этот замысел лишь окреп после войны 1812 г. Огромные человеческие и материальные потери сельской России в ходе Отечественной войны и отага, выказанная крестьянами в военную годину, нуждались в ответном жесте, который стал бы воздаянием за перенесенные тяготы. В частных беседах император делился своим намерением со многими. Но если политические вопросы стали предметом публичных заявлений, то этот сверхчувствительный вопрос требовал большей скрытности. Хотя в 1816–1817 гг. император предоставил свободу крестьянам балтийских провинций, вопрос об отмене крепостного права и способы осуществления этого проекта он рассматривал в тайне, параллельно с тем приступив к созданию первых военных поселений.

Крестьянская реформа в балтийских провинциях была проведена в 1816–1819 гг. 23 мая 1816 г. императорский указ предоставил личную свободу эстляндским крестьянам. Император пошел навстречу местному дворянству, впечатленному примером Пруссии, принявшей аналогичный закон в 1807 г., и убежденному, что крепостное право — экономический нонсенс, а обработка земли пойдет лучше, если ею займутся свободные крестьяне. Но им не была предоставлена земля — и эта личная свобода, столь важная с социальной и политической точки зрения (она приведет к глубинным социальным изменениям, которые проявятся спустя десятилетия и приведут к появлению среди крестьян национального чувства)⁸¹, не улучшила экономического положения крестьян.

Год спустя Александр I попытался провести ту же реформу на Украине и в балтийских провинциях. На Украине у него ничего не получилось — в этой плодородной земле, нуждающейся в рабочих руках, помещики не согласились ни на какие изменения. Но дворяне Курляндии и Лифляндии приняли предложение царя, и соответственно в 1817 г. и 1819 г. крепостное право в этих областях было отменено к великому удовлетворению Александра I, который заявил об этом публично:

«Я счастлив, что лифляндское дворянство⁸² оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали согласно духу времени, поняв, что лишь на либеральных принципах может быть основано счастье народов»⁸³.

Параллельно с этим еще в 1816 г. Александр I приказал В. П. Кочубею заняться общей реформой крепостного права. Но заключение, которое тот предоставил в конце 1817 г., сильно разочаровало императора⁸⁴: в нем подробно описывалось положение крестьян, но не предусматривалось никакого пути выхода из сложившейся ситуации. Тем не менее Александр I не отказался от своего замысла. Через несколько месяцев, в 1817–1818 гг. он приказал двенадцати сановникам заняться вопросом освобождения крепостных крестьян в России. В их числе были министр финансов граф Д. А. Гурьев, член Государственного совета адмирал А. С. Мордвинов, ректор Санкт-Петербургского университета юрист М. А. Балугьянский и — удивительным образом — А. А. Аракчеев.

Большинство проектов строилось на принципе постепенного освобождения крепостных, с выплатой их владельцам компенсации. В феврале 1818 г. Аракчеев предложил создать комиссию, которая, получая ежегодную дотацию в пять миллионов рублей, выкупала бы полностью или частично имущество и крепостных крестьян у тех помещиков, которые согласятся их продать. Таким образом, освобож-

ление основывалось бы на воле помещиков, что соответствовало излюбленной идее Александра I о добровольности реформ. Проектом М. А. Балутьянского предполагалось позволить крестьянам стать — при государственной поддержке — собственниками лишь части земель, принадлежавших дворянству.

Таким образом, 1816–1819 гг. стали временем бурного и решительного обсуждения вопроса об отмене крепостного права в самых верхах государственной власти. Но многочисленные проекты не привели к каким-либо конкретным мерам. Для Александра I оставалось принципиально важным не навязывать реформу помещикам, а обсудить ее с ними и осуществить ее с их согласия. Но подавляющее большинство дворян, обедневших из-за разрушений, вызванных войной 1812 г., не могли на это согласиться. Теперь они были еще в большей степени сторонниками существовавшего социально-экономического строя, чем в 1801 г., и как только распространились первые слухи о реформах, дали это понять. Эта горькая истина заставила Александра I отказаться от попыток проверить проекты освобождения на деле, и он отдал приоритет созданию военных поселений.

В результате войны русская армия значительно сократилась, а сильно обедневшего государственного бюджета, казалось, уже не хватало для ее обеспечения всем необходимым. В то же время император, отдавший солдатам должное в августовском манифесте 1814 г., считал своим долгом сократить срок их службы, составлявший в то время двадцать пять лет, предоставив солдатам, таким образом, возможность вернуться к нормальной жизни. Но как осуществить такую цель, если средств на нее не хватало?

Проект военных поселений, как мы видели, возник уже в 1809–1810 гг., но война прервала его практическую реализацию, и в 1812 г. на пространстве между Смоленском и Минском существовало всего одно военное поселение. К проекту вернулись в 1816 г. в связи с нехваткой солдат в русской армии, и он стал предметом всяческого внимания, если не одержимости, со стороны императора. Это увлечение Александра I было вызвано многими причинами. Во-первых, со знавал он или нет, перед глазами был пример украинских казаков, которые вошли в состав империи в XVII в. и являлись крестьянами-солдатами. Свою роль сыграло чтение трудов французского генерала Ж.-М. Сервана, в особенности произведения под названием «Солдат-гражданин или патриотический взгляд на самый надежный способ обеспечить оборону королевства»⁸⁵. В этой книге развивалась концепция «солдата-земледельца». Чтобы обеспечить снабжение войск в мирное время, нужно сделать из солдат земледельцев и сблизить

обработку земли с военной подготовкой. Земледелие позволит солдатам стать самодостаточными, а значит, они уже не будут обременять государственный бюджет. Когда же годы их службы закончатся, пожилые солдаты получают от государства участки земли и, став таким образом полноценными землевладельцами, будут обязаны передать свои навыки следующему поколению.

В этой утопии было все необходимое, чтобы очаровать царя: она давала возможность быстро снизить стоимость содержания армии, а в долгосрочном плане имела благородную цель: позволить старым солдатам самим себя обеспечивать. В российских условиях этот последний пункт обретал особое звучание: наделяя солдат-земледельцев участками земли, государство неизбежно превращало бы крепостных, насильственно забираемых в армию, в свободных крестьян-землевладельцев. Эта реформа заинтересовала Александра I тем больше, что в перспективе она вела к освобождению крепостных.

Кроме теоретических изысканий, свою роль сыграл практический пример, осуществленный прусским генералом Г. Шарнхорстом. Чтобы обойти ограничения на прусскую армию, навязанные Тильзитским мирным договором, он создал ландвер, замаскированную резервную армию. Каждый солдат был обязан отслужить три года в действующей армии. По окончании этого периода он становился земледельцем, но оставался при этом военнообязанным, причем в течение пяти лет его обязательства были довольно серьезными, а в течение семи последующих — более легкими. Наконец, четвертым источником вдохновения для царя стали австрийские военные поселения, которые он посетил в 1814 г. в ходе своего путешествия в Вену. Александр I был в восторге и решил перенести эту идею на российскую почву.

1 января 1815 г. он приказал Аракчееву заняться проектом устройства военных поселений. В первое время тот отнесся к идее скептически. С его точки зрения, крестьяне, с недоверием относящиеся к любым переменам, были бы враждебны новой системе. Кроме того, Аракчеев сразу же отметил необходимость предоставить военным поселенцам гарантии — полное право собственности на землю и на дом, освобождение от налогов, бесплатное образование их детей, обеспеченное государством⁸⁶. М. Б. Барклай-де-Толли в своей записке от 1817 г. разъяснял неэффективность подобной системы. С его точки зрения, крестьянин, чтобы добиться наилучших результатов, должен был быть волен сам организовывать свое рабочее время, что в военных поселениях было невозможно. Соприкоснувшись с крестьянами, солдаты, будучи не в состоянии предложить им полноценную помощь, быстро стали бы паразитами⁸⁷.

Однако император, в отличие от своего военного министра, не колебался. 5 августа 1816 г. тысяча гренадер одного из полков Аракчеева были переведены в Высоцкую волость Новгородской губернии, где и составили первое военное поселение. В реквизированных деревнях крестьянам пришлось разделить свое время на работу в поле, необходимую для прокорма семей, и военные упражнения, которыми они занимались с расположенными в деревне солдатами три дня в неделю зимой и два летом. Под личным руководством Аракчеева, создавшего отдельный свод правил для военных поселений, все было систематизировано вплоть до мельчайших деталей, вплоть до геометрического расположения магазинов, складов, лесопилок, мельниц и домов поселенцев, вплоть до внутренней планировки и обстановки больниц, детских яслей и школ, вплоть до распорядка дня каждого, почти час за часом. В этом утопическом мире все стало предметом дотошных предписаний: все определялось государством. Повсюду вводились чистота и гигиена, крестьянам предписывалось вставать каждое утро в четыре часа, когда прогремит побудка, чтобы обрабатывать землю, а потом предаваться военным упражнениям. С июня 1817 г. даже обрабатывать землю надлежало в мундире...

В последовавшие за первым опытом месяцы система военных поселений распространилась на Могилевскую, Херсонскую, Екатеринбургскую губернии; в скором времени она охватила 400 тыс. человек — треть численности русской армии. Повсюду воспроизводилась одна и та же схема: расположение полка в той или иной волости превращало всех крестьян волости в солдат, разделенных на роты, батальоны и эскадроны. Из них составлялись резервные войска, обязанные работать в полях и заниматься военными упражнениями. С финансовой точки зрения, военные поселения были весьма успешны: в 1824 г., под хорошим управлением и руководством, они скопили 26 млн рублей, что позволяло им даже давать займы собственным офицерам под небольшие проценты⁸⁸. Это процветание составляло решительный контраст с армейским дефицитом 1815 г. Но в плане человеческого результат был полностью противоположным. Дотошное регулирование сделало невыносимой жизнь крестьян, лишив их какой-либо частной жизни. Браки навязывались. Сыновья крестьян в возрасте семи лет зачислялись в батальоны дорожных рабочих, где они оставались до двенадцати лет, после чего вплоть до восемнадцати лет должны были обрабатывать землю; становясь же взрослыми, они в свою очередь вступали в полк своего уезда, где должны были служить двадцать пять лет... Современное и прогрессивное учреждение, о котором мечтал Александр I, желавший облегчить положение крестьян, на деле обернулось жесточайшим принуждением, которое

народ ненавидел. С 1817 г. стали множиться дезертирства и жалобы. Шарлотта, юная супруга великого князя Николая Павловича, впоследствии писала в своих «Мемуарах»:

«В то время много говорили о военных поселениях, основанных всего какой-нибудь год назад по мысли самого государя; осуществление этой затеи было возложено на Аракчеева и производилось далеко не с кропотливостью, а напротив того — грубым и жестоким образом, что вызывало неудовольствие в бедных крестьянах. По пути нам попадались там и сям жители некоторых деревень, коленапреклоненные и умолявшие о том, чтобы не изменяли их положения»⁸⁹.

Два года спустя, в 1820 г., в докладе на имя французского министра иностранных дел посол Франции в Санкт-Петербурге граф О. де ла Ферроне весьма сурово охарактеризовал систему военных поселений, жестко критикуя Аракчеева, которого он ошибочно считал автором идеи, тогда как в этом деле Аракчеев был всего лишь до крайности ревностным исполнителем воли Александра I.

«Полный надменности и высокомерия по отношению ко всем, мошенник, желчный тип, по характеру своему деспот, жесткий и фальшивый, совершенно не принимающий в расчет своих подчиненных, он ненавидим всеми, и это всеобщее чувство сдерживается лишь страхом, который он внушает; вот портрет автора идеи военных поселений. Сам этот проект несет на себе отпечаток деспотического характера, замыслившего его»⁹⁰.

Сильно непопулярные как среди крестьян, так и среди солдат, военные поселения в скором времени вызвали волнения и восстания — в Слободской губернии на Украине в 1818 г., в Чугуевском уезде на Юге России годом позже. Но как Александр I, так и Аракчеев остались глухи к этому отчаянию. Восстания были подавлены с неслыханной жестокостью. 24 августа 1819 г., вскоре после июньского Чугуевского восстания, когда с требованиями отмены поселений выступило около 28 тыс. крестьян, начался военный трибунал. В ходе расследования были арестованы 2003 человека, а 363 человека получили различные приговоры, причем 275 из них приговорили к смертной казни⁹¹. Аракчеев по своей «снисходительности» заменил каждую из этих 275 казней на 12 тыс. палок — что привело к ужасным страданиям и смерти 160 приговоренных. Александр I не возражал — настолько важным ему казалось добиться успеха предприятия, скольких бы человеческих жизней оно ни стоило. Страшная Чугуевская расправа 1819 г. означала конец надеждам людей на императора и вере в него. Теперь он уже не был «благословенным» императором, чье возвращение в 1815 г. волновало и радовало народ. Подобно Павлу I, он стал для своих подданных жестоким и упрямым тираном.



РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В «ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЕ» (1815–1825)

В 1815 г. Александр I, победитель Наполеона, стремился к обновлению международных отношений. Он желал создать систему, зависящую от воли Провидения, в которой нашлось бы место для всеобщего братства, а значит, европейскому континенту было бы обеспечено гармоничное и мирное развитие. Царь-идеалист был сторонником философии истории, согласно которой различные государства и народы Европы являлись детьми одной и той же христианской семьи — и он добивался, чтобы во имя Божественных заповедей среди них воцарились мир и взаимовыручка. Помимо религиозных смыслов, речь шла о кардинально новой дипломатической практике, опиравшейся на право и мораль — именно к этому российский император в 1815 г. призывал европейских монархов. Впрочем, всего через несколько лет стало ясно, что эти попытки потерпели крах, а первоначальные надежды не оправдались. Европейский театр перестал быть единственной точкой приложения русской дипломатии, поскольку появились и другие интересные направления, а первоначальная цель Александра I — возвести христианское братство в государственный принцип — натолкнулась на скептицизм других членов европейской системы. Священный Союз понемногу видоизменился, превратившись в репрессивный инструмент.

Расширение сферы российской дипломатии

Если в 1814–1815 гг. европейские дела имели первостепенное значение для русской дипломатии, что продемонстрировало личное присутствие Александра I на Венском конгрессе, то в последующее десятилетие их важность начала понемногу уменьшаться. Конечно, она не ставилась под вопрос: Европа оставалась главным объектом внимания русской дипломатии; но появились и другие интересы, о чем свидетельствовали изменения в организации дипломатического аппарата.

Карьера канцлера и министра иностранных дел Н. П. Румянцева окончилась после заграничного похода, к которому он, подобно Ф. В. Ростопчину и М. И. Кутузову, отнесся отрицательно. Он считал, что перенесение войны за пределы империи не в интересах России, и вместо этого страна должна вернуться к своим внутренним заботам, а во внешних сношениях уделять особое внимание непосредственным соседям — Османской империи, Персии, Китаю. Но в 1813–1814 гг. российский император, поглощенный своими мечтами о европейском обновлении, не мог внять этим словам, а потому 1 августа⁹² 1814 г. Румянцев был освобожден от своих обязанностей по собственному желанию. На смену ему пришел граф К. В. Нессельроде, который уже работал статс-секретарем в министерстве иностранных дел и которого император сначала назначил докладчиком по делам иностранного ведомства, а затем, 9 августа⁹³ 1816 г., официально сделал министром иностранных дел. Его помощником стал И. А. Каподистрия, 30 августа⁹⁴ назначенный статс-секретарем по иностранным делам. Их обязанности были разделены: Нессельроде взял на себя общее руководство русской дипломатией и европейские вопросы, а Каподистрия — отношения с Турцией и интеграцию Бессарабии в Российскую империю. У каждого из статс-секретарей была своя канцелярия. Два раза в неделю они были обязаны представлять императору совместный доклад. Но в 1822 г., как мы увидим, Каподистрия оставит свою должность, и Нессельроде останется единственным главой министерства.

19 апреля⁹⁵ 1819 г. в министерстве иностранных дел был создан Азиатский департамент, заменивший созданную Павлом I коллегия. Департамент, во главе которого вплоть до 1837 г. стоял дипломат и специалист по Азии Константин Родофиникин, состоял из двух секций. Первая занималась османскими, персидскими и грузинскими делами, а также отношениями с горскими народами Северного Кавказа, а вторая — отношениями с Хивинским, Кокандским и Бухарским ханствами. Наличие отдельного департамента, пусть и небольшого — в нем работало не более десяти человек — свидетельствовало тем не менее о желании императора лучше ознакомиться с Востоком и усилить там присутствие России. С этой же целью в январе 1820 г. был создан Азиатский комитет, объединивший министров иностранных дел, финансов, внутренних дел (В. П. Кочубея), главу генерального штаба и с 1821 г. — нового генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского, вновь ставшего пользоваться монаршей милостью. Задачей этого комитета было установить, какими средствами можно развить политические и торговые отношения Российской империи с Хивой, Бухарой и странами Дальнего Востока, в пер-

вую очередь с Китаем. 29 мая⁹⁶ 1823 г. при Азиатском департаменте была создана секция изучения восточных языков, задачей которой было образование будущих дипломатов, направлявшихся в Османскую империю и в Персию. Чтобы организовать эту школу, российский император обратился к Франсуа Деманжу и Франсуа Шармуа, двум знаменитым французским востоковедам, которые начиная с 1823 г. преподавали шести будущим дипломатам турецкий, арабский и персидский языки.

Институциональные перемены отражали растущий интерес России к Кавказу и Средней Азии — территориям, недавно присоединенным к Российской империи или непосредственно граничившим с ней.

В самом деле, благодаря завоеваниям, осуществленным в 1801–1804 гг.⁹⁷, и войнам с Турцией и Персией, Российская империя упрочила свое военно-дипломатическое положение на Кавказе.

Бухарестский мирный договор, подписанный с Османской империей 16 мая 1812 г., закрепил присоединение Грузии к России. Он также позволил последней заполучить Бессарабию, территорию площадью примерно в 50 тыс. кв. км, примерно совпадающую с границами нынешней Молдавии и преимущественно населенную румыноязычными православными, среди которых меньшинство составляли гагаузы — православные турки. Наконец, Бухарестский мир подтвердил особые права России в дунайских княжествах Молдавии и Валахии, полученные по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Этот пункт принципиально важен: предоставив России особую связь с христианскими народами Османской империи, договор дарил Российской империи привилегии, которых не имела ни одна европейская великая держава. Император считал, что проведение последовательной внешней политики в отношении Турции требовало большей стабильности дипломатического корпуса, поэтому послы в Константинополе сменялись гораздо реже, чем в других столицах. За двадцать четыре года посольство возглавляли лишь два человека. Первым из них был А. Я. Италинский, занимавший эту должность с 1802 по 1816 г. Получив в 1774 г. степень доктора медицины в Лондонском университете и случайно вступив на дипломатическое поприще в 1781 г., он стал тонким знатоком внешних и внутренних дел Османской империи. В 1816 г. его сменил Г. А. Строганов, троюродный брат П. А. Строганова. Дипломат по образованию, блестящий и яркий человек, в 1805–1810 гг. он был послом в Испании, а в 1812–1816 — в Швеции, играя важную роль посредника между Александром I и Ж. Б. Бернадотом. В 1816 г. его таланты и опыт сделали его естественным преемником Италинского.

Гюлистанский мирный договор, заключенный 12 октября 1813 г. с Персией, возвестил дальнейшее продвижение русских на Кавказе. Персидское государство, в свою очередь, признало присоединение Грузии и русское владычество над Дагестаном и северной частью персидской провинции Азербайджан⁹⁸, включая города Дербент, Баку и Гянджа. Таким образом, договор зафиксировал решительное ослабление персидского влияния и существенные военные успехи России в регионе. Генерал А. П. Ермолов, ставший в 1816 г. главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, а позднее губернатором и главой администрации Кавказа и Грузии, во главе хорошо вооруженного 50-тысячного войска начал карательные экспедиции против северокавказских народов, которые оказались со всех сторон окружены российскими владениями, но не желали подчиняться. Он создал множество укрепленных баз, самой главной из которых была крепость Грозная, основанная в 1818 г., и присоединил в августе 1820 г. Ширван⁹⁹, а в 1822 г. — Карабах. Ермолов был облечен и дипломатическими полномочиями: в 1817 г. он стал чрезвычайным послом при дворе шаха с задачей получить разрешение Фетх-Али-шаха на открытие русских консульств в приграничных городах и вовлечь его в союз, направленный против Османской империи. Но обе миссии потерпели неудачу.

Кроме того, в последнее десятилетие правления Александра I заметно расширились связи Российской империи с ханствами Средней Азии: именно оттуда Россия ввозила большую часть необходимых ей шелка и хлопка, продавая в обмен ткани, сахар, табак и продукцию металлургической отрасли. Параллельно с этим были приложены усилия к тому, чтобы придать стабильности политическим контактам, страдавшим от недостатка постоянных дипломатических представительств. Но из-за недоверия со стороны ханов сношения оставались нерегулярными. Военно-политические исследовательские экспедиции, организованные при поддержке императора, были не всегда одинаково успешны. Например, в 1819–1820 гг. адмирал Н. С. Мордвинов поручил капитану Муравьеву возглавить экспедицию, целью которой было подготовить создание русской крепости на восточном берегу Каспийского моря и развить торговлю с Хивой¹⁰⁰. Но контакты с хивинским ханом не привели ни к каким конкретным результатам. Спустя три года Александр I направил из Оренбурга в Бухару новую дипломатическую миссию под руководством Негри: в задачи дипломата входило получить гарантии безопасности для русских торговых караванов, следовавших через Бухару, и заключить соглашение, которое позволило бы открыть консульство. Но и на этот раз все усилия ушли в песок. Одновременно с этим, возобновив

предпринятые Екатериной II попытки, российская дипломатия обратилась к Китаю. В данном случае речь шла о том, чтобы установить добрососедские отношения, которые позволили бы русским купцам занять благоприятное положение на китайском рынке и получить доступ к ресурсам и сырью Срединной державы. Процесс сближения оказался очень непростым. В октябре 1805 г. посольство сенатора Ф. Г. Головкина прибыло к китайской границе в Монголии, но было внезапно остановлено. Головкину было приказано отказаться от части своего эскорта, если он желал продолжить свой путь, на что тот и согласился. В январе 1806 г. он прибыл в Ургу¹⁰¹. Там, на банкете по случаю его прибытия, местные представители власти потребовали от Головкина, чтобы он принял участие в религиозной церемонии в честь Сына Неба. Отказавшись от десяти коленопреклонений, которые он счел унижительными для своего императора, Головкин был вынужден повернуть обратно и явился в Санкт-Петербург несолоно хлебавши¹⁰². Александр I одобрил поведение посла, но извлек урок из этого случая: отношения с Китаем, по природе своей сложные из-за столкновения двух весьма различных мировоззрений, требовали большего профессионализма и лучшего взаимного знакомства с культурой противоположной стороны. Это было одной из причин учреждения Азиатского департамента. Но результаты этой инициативы начали сказываться в русско-китайских отношениях лишь с 1830–1840-х гг. Наконец, в последнее десятилетие правления Александра I русская дипломатия заинтересовалась и Тихоокеанским регионом, где в скором времени столкнулась с американцами.

В период союза с Францией Российская империя, ведя политику стратегической экспансии в Тихом океане, ступила на калифорнийский берег. В 1812 г. А. Баранов, губернатор Кадьякского архипелага¹⁰³, организовал экспедицию, результатом которой стало возведение небольшой крепости в 150 км к северу от Сан-Франциско¹⁰⁴. Русские стремились нейтрализовать испанское влияние в регионе, который они считали стратегически важным и который мог стать источником овощей и мяса для стоянок русских на Тихом океане, в первую очередь на Аляске. С конца 1810-х гг. три сотни русских, алеутов и калифорнийских индейцев начали развивать земледелие и охотиться на тюленей и морских котиков, отправляя свои продукты в русский форпост на острове Ситка, к югу от Аляски. Однако динамичное присутствие русских в этой местности вызвало враждебную реакцию Испании и США. Издание в сентябре 1821 г. императорского указа, распространявшего суверенитет России на юг до 51-й параллели и запрещавшего в этих местах торговлю каким-либо судам, кроме российских¹⁰⁵, привело к кризису в дипломатических отноше-

ниях с США. Записка министра иностранных дел Д. К. Адамса от 25 февраля 1822 г.¹⁰⁶ гласила:

«Мы отказываем России в праве владеть какими-либо территориями на нашем континенте и подтверждаем тот принцип, что американские континенты отныне закрыты для новых европейских колоний»¹⁰⁷.

Эта записка представляла собой первую редакцию документа, который был принят 2 декабря 1823 г. президентом Джеймсом Монро и стал известен под названием «доктрины Монро». Отныне, с точки зрения США, европейские державы не имели права создавать колонии на американском континенте. В ответ США не собирались вмешиваться в европейские дела. Русско-американское противостояние в конечном итоге завершилось компромиссом: договор, заключенный в апреле 1824 г., позволил американцам ограничить российскую экспансию 54° 40' северной широты в обмен на сохранение исключительных прав, которыми пользовались русские суда. Мексика, желавшая нейтрализовать проникновение русских, развернула активную политику религиозного прозелитизма, основав множество католических миссий, в том числе в 1823 г. миссию в Сономе.

Таким образом, как свидетельствуют эти разнонаправленные внешнеполитические действия, к концу наполеоновских войн сфера российского присутствия и российского влияния заметно расширилась. Российская империя подтвердила свою двуединую евроазиатскую сущность и свой интерес к Америке. Но, несмотря на это расширение, не следует забывать о том, что преобладающее значение для нее имели европейские дела.

Начало «венской системы»

После подписания Заключительного акта Венского конгресса русские дипломаты, вынужденные согласиться на поправки, которых требовал К. Меттерних, все еще хотели верить, что Священный Союз — это всеобщая организация, способная помочь установить долгосрочный мир в Европе. Но им приходилось считаться с взглядами как других государств, подписавших пакт, так и Великобритании, которая, поддержав Священный Союз, все же отказалась его подписать. В результате российская дипломатия в 1815–1818 гг. непрерывно колебалась между идеализмом и прагматизмом.

После Венского конгресса ее развитие достигло высшей точки, причем не только благодаря личному престижу Александра I: сама дипломатическая служба также динамично развивалась. Российская империя располагала полномочными и чрезвычайными послами в Париже и Лондоне, полномочными послами в Вене, Берлине, Сток-

гольме, Копенгагене, Дрездене, Мюнхене, Карлсруэ, Франкфурте, Риме, Мадриде, Филадельфии и Константинополе, послами-резидентами в Гамбурге и Кракове, поверенными в делах в Гааге, Штуттгарте, Флоренции, Берне, Лиссабоне и Тегеране. Можно убедиться, какой прочной была сеть дипломатических представительств в Европе и во всем известном мире.

Но эта широта дипломатического представительства в сочетании с могуществом Российской империи, проявившемся в европейских переговорах 1814–1815 гг., быстро вызвала недоверие других европейских правительств, приведя к русско-британским трениям, которые стали очевидны уже осенью 1815 г. Параллельно с выработкой второго Парижского мирного договора лорд Р. С. Каслри в сентябре–октябре предложил создать новый Четверной союз, предусматривавший совместные военные действия в случае, если Бонапарт или кто-либо из членов его семьи вернется на французский трон, или Франция решит пересмотреть границы, установленные в Вене и Париже. Этим проектом предусматривались частые встречи между монархами или их представителями с тем, чтобы Четверной союз действовал постоянно. Таким образом, Каслри можно считать провозвестником встреч на высшем уровне, в которых он видел удобное средство для поддержания мира и коллективной безопасности¹⁰⁸. Вместе с тем Четверной союз, каким его представлял себе Каслри, не должен был слишком связывать Великобританию — после окончания войны многие британцы желали возвращения к традиционному изоляционизму — или наносить вред ее интересам. Поэтому в переговорах, проходивших в октябре–ноябре, британские дипломаты настаивали на том, что главная функция Четверного союза — держать Францию на периферии мировой политики, тогда как Священный Союз, создававшийся в то же время, был задуман как объединение христианских монархов и имел целью привлечь Францию в свои ряды. Кроме того, в ходе переговоров Александр I выступил с более широким видением Четверного союза, которое не ограничивалось антифранцузской политикой. Он предложил, чтобы четыре союзные державы гарантировали друг другу территориальную целостность, совместно договорились наблюдать за состоянием внутренних дел стран-членов союза, получили бы право коллективного вмешательства в случае, если бы революционное движение угрожало пошатнуть обретенное на Венском конгрессе равновесие, и регулярно созывали бы международные конференции для согласования своих дипломатических позиций. Однако Каслри не желал такой системы. Соглашаясь с необходимостью поддержания международной безопасности и равновесия сил великих держав¹⁰⁹, он в то же время абсолютно враждебно отно-

сился к идее любого вмешательства с целью укрепления авторитарных монархических режимов и к идее общего договора, гарантировавшего государственные границы держав-союзниц. Он хорошо знал, что подобный договор был бы отвергнут британским парламентом. Как следствие, проект Александра I был отклонен, и 20 ноября 1815 г.¹¹⁰ состоялось подписание Четверного союза, имевшего орган управления — постоянную Парижскую конференцию послов. Она представляла собой дипломатический и военный инструмент, направленный против Франции. Четыре державы, подписавшие договор, провозглашали создание «постоянного союза», который обеспечил бы соблюдение второго Парижского договора. Они вновь подтверждали, что Наполеон и члены его семьи навечно лишены прав на французский престол, заключали соглашение, что, если «революционные принципы» вновь начнут «раздирать Францию» и угрожать «спокойствию других государств», державы-союзницы должны будут «договориться друг с другом и с его величеством христианнейшим королем»¹¹¹, чтобы «принять те меры, которые они сочтут необходимыми для безопасности своих государств и общего спокойствия Европы»¹¹². Единственная уступка, сделанная проекту Александра I, — но она фигурировала уже и в проекте Каслри, — состояла в идее проведения встреч на высшем уровне, которые могли бы создать «европейский концерт», основанный на логике коллективных, а не сугубо двусторонних отношений, как это было прежде. С точки зрения Санкт-Петербурга, эта уступка была весьма незначительной. Содержание договора, заключенного 20 ноября 1815 г., сильно разочаровало российского императора.

Кроме того, в то же самое время проявились более или менее явные противоречия между союзниками. Русские были недовольны ролью Австрии в немецких и балканских делах, а Бухарестский мирный договор и склонность Александра I выступать защитником интересов христианских народов Османской империи вызывали крайнее раздражение у Сент-Джеймского кабинета. Соперничество не ограничивалось Европой: англичане и русские в равной степени интересовались Средней Азией и Афганистаном, на которые они имели одинаковые виды.

В месяцы, последовавшие за заключением второго Парижского мирного договора, союзники так и не пришли к согласию. Продолжали различаться взгляды на важнейший вопрос: какой линии придерживаться в отношениях с Францией? Александр I, как в 1814 г., так и в 1816 г., считал, что абсолютно необходимо налаживать хорошие отношения с Парижем, который один может послужить эффективным противовесом Вене и Лондону, и продолжал всячески поддерживать

Францию в ее стремлении вновь стать великой европейской державой. В 1816 г. в декларации, адресованной графу де Ноаю, французскому послу в Санкт-Петербурге, Александр I настаивал на необходимости прочного согласия между Россией и Францией, для «обеспечения мира в Европе»¹¹³. Напротив, Лондон и Вена — первый по принципиальным соображениям, вторая из желания иметь свободу рук в Италии — стремились держать французское государство под контролем...

Различным было и отношение союзников к политической эволюции Франции. Канцлер К. Меттерних поддерживал ультрароялистов, поборников возвращения к абсолютной монархии, а Александр I и его дипломаты поддерживали герцога де Ришелье, желавшего уберечь Конституционную Хартию и как можно быстрее освободить страну от иностранной оккупации.

Наконец, желая продолжить перестройку европейской системы, в особенности европейской безопасности, на новых началах, российский император в своем письме к Каслри от 21 марта¹¹⁴ 1816 г. предложил Великобритании, а через нее и другим членам Четверного союза, которые, как он был убежден, последовали бы за ней, «сократить численность военных сил всех родов, поддержание коих в боевой готовности уменьшает доверие к существующим мирным договорам и является безусловно тягостным для всех народов»¹¹⁵. В этой мере он видел залог коллективной безопасности и подчеркивал ее важность следующим образом:

«Но сие доказательство взаимного доверия¹¹⁶ и полного единства политических взглядов будет еще весьма недостаточным, если за ним не последует более действенная и более общая мера, которая обеспечит неизменность нового порядка вещей и позволит всем мирным народам избавиться от страха и ощутить себя в полной безопасности. Эта убедительная и решительная мера может заключаться в одновременном сокращении всех видов вооруженных сил, потребовавшихся великим державам, чтобы спасти свои народы и обеспечить их независимость.

Если я до сих пор не предлагал это разоружение, если я не осуществил его в своем государстве, то потому, что те же мотивы, которые, кажется, требуют этого разоружения, вместе с тем заставляют государей зрело взвешивать все обстоятельства и последствия подобной меры, чтобы осуществление ее было поистине благотворным»¹¹⁷.

Итак, впервые в европейской истории шла речь о начале многостороннего разоружения, которое снизило бы расходы на оборону, ненужные после подписания мирных договоров 1815 г. Этим неслышанным предложением царь соединил идеализм с прагматизмом (разоренная войной Россия стремилась сократить численность своих войск), но идея от этого не стала менее сильной и оригинальной.

Впрочем, она наткнулась на вежливый отказ со стороны английской дипломатии.

Итак, на конец 1817 — начало 1818 гг. достижения русской дипломатии были весьма скромными, но император оставался верен двум важнейшим идеям. Во-первых, как можно быстрее решить судьбу Франции, освободив ее от оккупационных войск, вернув ей статус великой державы и включив ее в союз пяти держав, который пришел бы на смену Четверному и дал бы России более надежные гарантии равновесия. Во-вторых, создать систему европейской безопасности, основанную на принципах Священного Союза, который он стремился продвигать «не ради меня, не ради России, но в интересах всего мира»¹¹⁸.

24 июня¹¹⁹ 1818 г., накануне Аахенского конгресса, И. А. Каподистрия по заданию Александра I составил доклад об Аахенской встрече¹²⁰. В этом аналитическом документе дипломат прежде всего напоминал, что Англия и Австрия стремились изолировать Россию в Четверном союзе и что следовало найти других союзников. Затем, следуя плану, намеченному Александром I, он развивал идею панъевропейской лиги с участием Франции, лиги, которая уважала бы принципы Священного Союза и целью которой было бы принятие конкретных мер для поддержания гарантированного мира в Европе. Лига защищала бы малые европейские государства, в том числе немецкие, от посягательств со стороны крупных и обеспечивала бы сохранение границ и политических режимов, которые должны были бы, насколько возможно, опираться на конституции, гарантами которых выступали бы монархи. Важно обратить внимание на последний пункт: в 1818 г. как Каподистрия, так и российский император видели в Священном Союзе средство сохранения безопасности и равновесия в Европе, а не оружие против либеральных идей.

Однако в Лондоне и Вене эти меры были сочтены неприемлемыми. В августе 1818 г., когда начинался Аахенский конгресс, взбешенный К. Меттерних жаловался императору Францу I на «моральный и политический прозелитизм ужасного императора Александра»¹²¹, а во время конгресса проявил себя беспощадным противником большинства идей, выдвинутых Александром I. Что касается лорда Каслри, то в своем меморандуме от 19 октября 1818 г. он заявил, что принципы Священного Союза не могли быть задействованы в «обыкновенных дипломатических обязательствах, связывающих два государства»¹²², и резко выступил против царского проекта, утверждая, что «поддержка порядка наследования, правления, владения в других государствах, и защиты его от любого нападения»¹²³ означает устремление к наднациональному управлению, для него неприемлемому.

Аахенский конгресс, проходивший с 29 сентября по 21 ноября 1818 г.¹²⁴, объединил представителей стран — членов Четверного союза и Францию. На нем присутствовали три монарха — Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III¹²⁵, а также К. Меттерних, Р. С. Каслри, К. В. Нессельроде, И. А. Каподистрия, председатель совета министров Франции А. Э. Ришелье и главнокомандующий союзными оккупационными войсками герцог А. У. Веллингтон. Конгресс провел сорок семь пленарных заседаний, чередуя рабочие встречи со светскими приемами, проходившими в атмосфере, которая отнюдь не всегда была безмятежной из-за личных конфликтов и столкновений интересов участников. К. Меттерних в своем письме к графине Ш. К. Ливен¹²⁶ так писал о своих отношениях с Александром:

«Во всем мире не существует двух людей, которые в большей степени отличались бы друг от друга, чем мы с ним. А ведь мы знакомы уже тринадцать лет и, возможно, никогда в истории два человека, занимающих наше положение, не находились в прямых и косвенных отношениях столько, сколько находимся мы. Само собой, в наших отношениях хватало всякого»¹²⁷.

Конгресс много работал, часто в напряженной атмосфере, и пришел к компромиссам как по вопросу политики в отношении Франции, так и по предложениям Александра I. 9 октября¹²⁸ Франция и представители стран Четверного союза подписали конвенцию, по которой вывод всех оккупационных войск назначался на 30 ноября¹²⁹ и выплачивалась контрибуция в размере 260 млн франков. По настоянию России Франция 18 ноября¹³⁰ окончательно вернулась в европейский концерт, что фактически превратило Четверной союз в союз пяти держав. Но российский проект панъевропейского союза был решительно отвергнут Р. С. Каслри и К. Меттернихом. С точки зрения Меттерника, Австрия ни в коем случае не должна была письменно соглашаться на какую-либо конституционную эволюцию Европы, а Каслри не желал, чтобы Великобритания оказалась вынуждена принимать участие во вмешательстве какой-либо лиги во внутренние дела европейского государства или одобрять подобное вмешательство¹³¹.

Поэтому 19 октября 1818 г.¹³² Россия, Австрия, Англия и Пруссия подписали компромиссный документ. Все четыре страны вновь взяли на себя те же обязательства, что и по ноябрьскому договору 1815 г. о создании Четверного союза. Все эти обязательства могли применяться только в случае войны против Франции, а значит, не могли лечь в основу продолжительных мирных отношений, которые должны были быть установлены со страной, считающейся «членом европейской системы». Этот последний пункт был важен, поскольку, вы

рванный Россией у Англии и Австрии, он освобождал Францию от статуса страны-изгоя. К великому удовлетворению Александра I, он открывал путь к нормализации отношений между Францией и ее бывшими врагами. Наконец, заключительная часть документа гласила, что пять государств, подписавших его, «не желают и не могут решать вопросы, затрагивающие интересы других государств, без обращения от этих государств»¹³³, что молчаливо гарантировало Франции безопасность от каких-либо совместных враждебных действий, о которых могли бы договориться ее враги.

Хотя по французскому вопросу Александр I в целом добился успеха, его проект панъевропейского союза так и не осуществился. Российский император считал необходимым в точности определить те обязательства, которые возьмут на себя союзники с целью гарантировать порядок в Европе (он заявил, что «нужно установить и четко прописать принцип общей коалиции»¹³⁴), но другие участники встречи с ним не согласились. Утешительной компенсацией для императора стал текст протокола заключительной декларации, принятой на Аахенском конгрессе. В нем говорилось: «Монархи торжественно признают, что их обязанности перед Богом и народами, которыми они управляют, предписывают им, сколь возможно, дать миру пример справедливости, гармонии и умеренности», после чего текст всячески подчеркивал приверженность монархов миру и внутреннему процветанию их государств и прочие понятия, позаимствованные из текста, в свое время положенного в основу Священного Союза. Александра I не обмануло это чисто символическое упоминание. Он был до крайности разочарован холодностью, с которой другие державы встретили его проект панъевропейского союза.

Второй проблемой, которая рассматривалась на Аахенском конгрессе начиная с 23 октября, стал вопрос о возможном европейском посредничестве в разрешении конфликта между Испанией и ее латиноамериканскими колониями. С точки зрения Великобритании, убежденной, что российские предложения являются лишь прикрытием амбиций, угрожающих ее морским и торговым интересам¹³⁵, не могло быть и речи о том, чтобы оказывать какое-либо давление на восставших, а значит, предлагать посредничество. Россия же, а также солидарная с испанскими Бурбонами Франция считали, что конфликт ставил под угрозу само существование Испании, а значит, необходимо было ставить вопрос о посредничестве. 17 ноября А. Э. Рيشелье и И. А. Каподистрия выступили с совместным предложением о том, чтобы в Мадриде прошли переговоры между испанскими властями и представителями восставших колоний под общим руководством герцога Веллингтона и с участием представителей США. На

случай провала переговоров предлагалось применить против колоний торговые санкции. Но французско-русский проект был отклонен, поскольку Великобритания, Австрия и Пруссия отказались его поддержать. В конечном итоге был выработан компромисс: державы заявили, что оказывают Испании моральную поддержку, а проект посредничества под руководством А. У. Веллингтона был отложен. Тем не менее стоит обратить внимание на предложение российской стороны, хотя оно и не было реализовано. Оно свидетельствовало о переменах в политических взглядах Александра I: в конфликте между консервативным режимом и его колониями, стремившимися к свободе и либерализму, он официально встал на сторону консервативного государства.

Наконец, на Аахенском конгрессе был рассмотрен вопрос о работоторговле. В данном случае позиции России и Великобритании совпали: обе страны считали нужным запретить работоторговлю. Но другие участники конгресса энтузиазма не проявили, и никакого конкретного решения принято не было.

Удалось ли в конце концов русской дипломатии достичь поставленных задач?

Записка, которую в конце декабря 1818 г.¹³⁶ представил императору Каподистрия, содержит интересный анализ произошедшего. Само собой, Каподистрия был рад тому, что все участники конгресса декларировали горячее желание сохранить мир в Европе. Но в то же время он подчеркивал, что каждая делегация сосредоточилась на защите своих собственных интересов и что не удалось выработать никакого общего взгляда на то, как именно сохранять мир. В его глазах, сильнейшим и самым решительным противником Российской империи являлась Англия, жаждавшая играть ключевую роль в Европе, сохраняя при этом свою гегемонию на море. Он также сетовал на стремление Австрийской империи присвоить первенство в немецких делах и считал, что Россия должна была для противовеса сблизиться с Францией и Испанией¹³⁷... Очевидно, что в декабре 1818 г. уже не было и намека на гармонию и согласие бывших союзников: недоверие, пустившее корни еще в 1813–1814 гг., рано дало всходы. Все же, несмотря на все эти разочарования, Александр I желал предпринять волевое усилие и сохранить дух Священного Союза. В ноябре 1818 г., находясь еще в Аахене, он писал Х. А. Ливену, своему послу в Лондоне, о только что закончившемся конгрессе, что «его результаты характеризуют второй период великой политической эры, начавшейся с того момента, когда монархи стали братьями, едиными в борьбе за дело религии и порядка, справедливости и гуманности»¹³⁸. В разговоре с британским квакером Томасом Кларксоном он говорил о своем

оптимизме, заявляя, что он «уверен, что дух христианства — абсолютно мирный». Два года спустя, в 1820 г., он явился на конгресс в Троппау настроенным столь же пацифистски и проевропейски. Но за этот промежуток времени и международное положение, и сам император глубоко изменились. Всего за несколько месяцев Священный Союз стал излюбленным орудием консервативной европейской дипломатии.

Священный Союз — орудие все более консервативной дипломатии

Новые конгрессы, следовавшие за Венским и Аахенским и прошедшие в Троппау в декабре 1820 г., в Лайбахе в январе 1821 г. и в Вероне летом 1822 г., безусловно, способствовали укреплению возникшего в 1815 г. европейского концерта и возникновению в верхах общества чувства общеевропейской принадлежности. Но в условиях, когда по всей Европе, провоцируя международную напряженность, распространялись националистические и либеральные движения, мечта Александра I о братстве оказалась быстро поставлена на службу существовавшего порядка. Уже в 1819–1820 гг. российский император, обеспокоенный тем, что зараза может добраться до «его» Польши, убедил себя, дойдя в этом убеждении почти до одержимости, что либеральная идея — лишь орудие политической дестабилизации, а революции, прогремевшие в разных точках Европы, — плод глобального заговора тайных обществ, тесно связанных между собой.

В феврале 1821 г. Александр написал длинное письмо А. Н. Голицыну (начав писать его 8 февраля, он закончил 15-го)¹³⁹, из которого видно, что беспокойство его было одновременно и духовным, и политическим. Ему казалось, что Европе грозило революционное антихристианское бедствие, с которым надлежало бороться любой ценой. Стилль письма, в котором геополитические соображения удивительным образом переплетались с отзвуками мистицизма, немало говорил о политических и психологических взглядах Александра I, о произошедших в нем переменах. Он начал с того, что набросился на «дезорганизирующие принципы, которые менее чем за шесть лет взбунтовали три страны и угрожают распространиться и воспламенить всю Европу», которые, «будучи врагами монархов, еще в большей степени направлены против христианской религии», подчеркивая, что «это ее они в первую очередь преследуют, что можно доказать тысячью и тысячью достоверных документов. Одним словом, все это — лишь осуществление на практике доктрин, которые пропове-

довали Вольтер, Мирабо, Кондорсе и все эти так называемые философы, известные как энциклопедисты». Император повторял эту мысль снова и снова:

«Я сказал бы, что нынешнее зло в некотором роде еще более опасно, чем опустошительный деспотизм Наполеона, поскольку нынешние доктрины куда более соблазнительны для толпы, чем то военное иго, под которым он ее держал»¹⁴⁰.

Опасность представлялась ему тем более огромной, что он видел в националистических и революционных движениях всеобщий заговор против Бога:

«Не питайте иллюзий по этому поводу: существует всеобщий заговор всех этих обществ; они все ладят друг с другом и поддерживают связи; у меня на руках есть тому надежные доказательства. <...> Все эти секты, антихристианские и основанные на принципах так называемой философии Вольтера и ему подобных, дали клятву ожесточенно мстить всем правительствам. Мы видели попытки этого во Франции, Англии, Пруссии, в то время, как в Испании, в Неаполе и в Португалии они уже сумели свергнуть правительства. Но они не столько преследуют правительства, сколько религию Спасителя. Их девиз — раздавить га — я даже не осмеливаюсь выговорить это кошмарное святотатство, впрочем, слинком хорошо известное благодаря творчеству Вольтера, Мирабо, Кондорсе и стольких им подобных»¹⁴¹.

Российская дипломатия, под руководством человека со столь обостренным, а то и склонным к параноиче восприятием, с этого момента занимала все более консервативные позиции, в которых мистицизм соперничал с *realpolitik**.

В Троппау и на последующих конгрессах было уже не до празднований: российский император оказывался все более одинок в отправлении своей власти. В декабре 1820 г. он написал А. Н. Голицыну письмо, характеризовавшее его образ жизни:

«Я живу в полном уединении. Единственное, что развлекает меня — моя сестра, в те часы, когда мы вместе обедаем или имеем возможность вместе погулять и подышать воздухом»¹⁴².

В самом деле, находясь в маленьком городе Троппау, расположенном в Чехии¹⁴³, Александр I проводил свободные минутки со своей молодой сестрой Марией Павловной и с братом Николаем Павловичем, который впервые вместе с ним участвовал в международной конференции. Теперь речь шла не о либеральных мечтаниях, а напротив — о защите существовавшего порядка и его ценностей. Но хотя российский монарх начал понемногу склоняться к точке зрения канцлера Меттерниха, считавшего, что европейское единство должно, прежде всего, обеспечивать сохранение существовавшего поряд

* Реальная политика (*англ.*) (*Прим. ред.*)

ка, он все же сохранял чувство меры, все еще находясь под воздействием Каподистрии. В октябре 1820 г. тот вновь заявил о необходимости следования моральным принципам, выдвинутым Священным Союзом, и выступил в пользу дипломатического, а не военного решения испанского и неаполитанского вопросов. По его мнению, если бы союзные державы сумели найти дипломатический выход из этих кризисов, можно было бы позволить даже некоторую долю конституционализма.

Дело в том, что в ноябре 1820 г. в Троппау всеобщее внимание было сосредоточено на восстаниях. Первое началось в Испании. Здесь недовольство разгорелось отчасти из-за реакционной политики, которую Фердинанд VII начал, едва вернувшись на престол, отчасти из-за его намерения послать армию против восставших американских колоний. 1 января 1820 г. войска, находившиеся в Кадисе и готовые к отправке для боевых действий против колоний, взбунтовались. Всего за несколько дней восстание достигло Мадрида, вынудив короля вернуть либеральную конституцию 1812 г. В июле 1820 г. похожее движение началось уже в Неаполе, вдохновленное испанским примером (благодаря давнему испанскому присутствию в Неаполе) и возглавленное офицерами, служившими Мюрату. Неаполитанскому королю также пришлось принять конституцию. Наконец, в августе 1820 г. прогремело еще одно военное выступление, на сей раз в Португалии: в октябре португальский король также был вынужден согласиться с конституционными принципами. Итак, во многих точках континента либеральные и революционные идеи стали угрожать монархическому строю, восстановленному Венским конгрессом 1815 г.

В сложившихся обстоятельствах, с самого начала Троппауского конгресса, между Меттернихом и Каподистрией разгорелась ожесточенная борьба за то, кому удастся повлиять на решения Александра I. Российский император, которому предстояло оставаться на австрийской территории в течение более восьми месяцев, очень часто виделся с Меттернихом: между сессиями конгресса эти двое нередко встречались наедине, без вельфов Нессельроде и Каподистрии...

На открытии встречи И. А. Каподистрия представил от лица Российской империи два проекта. Первый, более общий, требовал, чтобы пять держав, чьи представители присутствовали на конференции, высказались за право вмешательства во внутренние дела друг друга. Но, с точки зрения Р. С. Каслри, это предложение, нацеленное на превращение существующего союза в «общевропейское правительство»¹⁴⁴, ведущее борьбу против всех революционных брожений, было неприемлемо. В самом деле, он не мог принять такое решение единолично, а британский парламент и британское общественное мнение хорошо относились к либеральным идеям и не были склонны к со-

лидарности с другими европейскими державами. Хотя К. Меттерних поддержал предложение России, оно было решительно отвергнуто британскими дипломатами, которые, как и в Аахене, отказались становиться на такой путь.

Второй проект предлагал дать малым европейским государствам право свободно проводить внутренние реформы, если на них согласятся пять союзных держав. Но в этом вопросе решительно воспротивился уже Меттерних: австрийский князь считал неприемлемым, чтобы великие европейские державы позволяли и тем более одобряли какую-либо либерализацию Европы. Он потребовал от присутствующих на конгрессе представителей уже не права политического и морального вмешательства в неаполитанский кризис, а разрешения на военную интервенцию против Неаполя. И хотя вплоть до этого момента Александр I выступал против разрешения кризисов военной силой, восстание Семеновского полка¹⁴⁵, ловко использованное Меттернихом, вызвало, вопреки усилиям Каподистрии, резкую перемену в настроениях российского императора. Он присоединился к предложению Австрии и даже предложил прислать на помощь армию численностью 100 тыс. русских солдат¹⁴⁶.

Напуганный столь радикальной позицией императора, Каподистрия попытался добиться страховочных мер. В тексте, предложенном им конгрессу 2 ноября, он подчеркнул, что на военную интервенцию нужно соглашаться лишь в случае, если все «дружественные попытки» потерпят неудачу; он настаивал, что в неаполитанском вопросе союзные державы должны действовать совместно. Эти предложения не преминули вызвать раздражение Меттерниха, который хотел любой ценой получить от конгресса карт-бланш на военное вторжение в Италию. Но напряжение быстро спало: спустя несколько дней Александр I отказался поддержать Каподистрию и согласился с Меттернихом, будучи предварительно заверен, что взамен на поддержку в этом чувствительном вопросе Австрия отнесется спокойно к его действиям на Балканах. Хотя позиция Александра I была во многом обусловлена восстанием Семеновского полка, монарх все же не упустил из виду геополитические интересы империи.

Итак, 7 ноября 1820 г.¹⁴⁷ Россия, Австрия и Пруссия подписали предварительный протокол, составленный И. А. Каподистрией и исправленный К. Меттернихом; 8 декабря он был опубликован тремя державами в форме циркулярного письма. В этом документе утверждалась принципиальная возможность вооруженных действий против неаполитанской революции и в целом право на вооруженное вмешательство стран-союзниц во внутренние дела государств, в которых начнутся революционные движения или восстания. С точки зрения

Ф. Лагарпа, посвятившего этому протоколу длинный комментарий в своей «Переписке», на этом и закончилась новаторская роль России в создании либерального европейского порядка. Всего пять лет миновало с тех пор, как Александр I мечтал о создании Европы, опирающейся на ценности мира, братства и терпимости, уважающей национальные принципы, — и теперь он выступал в поддержку консервативной монархической Европы, сражающейся против национальных движений. Англичане сочли протокол неприемлемым. Лондонское общественное мнение и парламент обрушились на этот документ, превративший европейский концерт в репрессивное орудие. 19 января 1821 г. Р. С. Каслри направил странам, подписавшим протокол, циркулярную депешу, в которой Великобритания выразила свое недвусмысленное осуждение.

Конгресс, приостановленный в конце 1820 г., возобновился несколько недель спустя, на сей раз в Лайбахе¹⁴⁸, по-прежнему на австрийской территории. Но в то время как британские дипломаты еще надеялись добиться отмены протокола, принятого в Троппау, Австрия почувствовала себя вправе подавить неаполитанское восстание — и в апреле 1821 г. австрийские войска свергли либеральное неаполитанское правительство.

Тем временем Александр I все в большей степени стремился к сохранению существовавших режимов, в том числе и Османской империи.

С точки зрения многих русских, а также европейских дипломатов и христианских подданных Османской империи, подписание Священного Союза в 1815 г. предвещало союз христианских держав, который мог в определенный момент повернуться против Блистательной Порты. В одной из депеш своему императору¹⁴⁹, отправленной вскоре после заключения союза, секретарь К. Меттерниха Ф. Генц даже писал, что, с точки зрения многих наблюдателей, тайное намерение Александра I состояло в том, чтобы связать христианские державы торжественной клятвой и предложить им новый крестовый поход, подобный тому, о котором мечтали еще Екатерина II и Г. А. Потемкин со своим «греческим проектом». Кроме того, в окружении императора некоторые тоже разделяли этот подход или же относились к нему благосклонно — в частности, баронесса В. Ю. фон Крюденер или секретарь царя А. С. Стурдза, желавшие видеть в Александре I благодетеля греческого дела. Очень активной была и греческая диаспора Одессы. Здесь в 1814 г. была создана Филики Этерия («Общество друзей»), стремившаяся восстановить древнюю православную Византийскую империю со столицей в Константинополе.

Но, хотя Александр I, подобно своей бабушке, стремился защищать права православных в османских землях, уже внесенные в Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г.¹⁵⁰, хотя по Бухарестскому мирному договору 1812 г. он получил новые права на регионы, населенные православными христианами (Валахия, большая часть¹⁵¹ Молдавии и Сербия стали автономными княжествами под покровительством России). — он предпочел занять выжидательную позицию и отнестся сдержанно к желанию христианских народов освободиться из-под османской власти. Не было никакой уверенности, что эти стремления позволят реализовать честолюбивые замыслы Екатерины II — захват дунайских княжеств и Константинополя. Уже в марте 1816 г. император приказал своему послу в Лондоне дать понять англичанам, что Священный Союз не подразумевает «никаких враждебных намерений в отношении народов, недостаточно счастливых, чтобы быть христианами»¹⁵².

22 февраля 1821 г. грек А. К. Ипсиланти, генерал русской армии, считавший, что это звание дает ему право на поддержку императора, форсировал Прут, чтобы поднять в Молдавии антиосманское восстание. Он без труда взял Яссы и, находясь там, 8 марта призвал к всеобщему восстанию против османского владычества. Но население Балканского полуострова не откликнулось на его призыв, и спустя девять месяцев Ипсиланти, потерпев поражение, был вынужден вновь пересечь границу и укрыться в Австрии, где был арестован и взят под стражу. В это же самое время поднялось антиосманское восстание на Пелопоннесе. Столкнувшись с войсками султана повстанцы рассчитывали, что во имя православной солидарности Россия вмешается в войну на их стороне. Они быстро разочаровались в своих надеждах: уже в конце марта Александр I осудил восстание. Хотя его окружение, в частности, А. Н. Голицын (во имя защиты православия) и И. А. Каподистрия (во имя защиты либеральных принципов) пытались убедить царя вмешаться, он, успевший символически¹⁵³ освободить А. К. Ипсиланти от русских воинских званий, отказался.

В глазах Александра греческое восстание было актом неповиновения и, будучи организовано международным заговором, могло лишь дестабилизировать Европу. Как мы помним, в своем письме к А. Н. Голицыну от 15 февраля из Лайбаха, где император принимал участие в конгрессе, он пытался убедить своего адресата в существовании организации, объединявшей «всех либеральных революционеров, уравниателей, радикалов и карбонариев со всех концов света»¹⁵⁴, и активным участником этой группы в его глазах, видимо, являлись греческие повстанцы. Княгине Мещерской, страстной православной, которая убеждала его вступить в войну на стороне

восставших, он отвечал, что монархи, встретившись в Лайбахе, размышляют о способах, необходимых, чтобы бороться против «империи дьявола»¹⁵⁵. Десять дней спустя он вновь оправдывал свою позицию в новом письме к А. Н. Голицыну, в котором слышались отзвуки паранойи:

«Нет никаких сомнений, что к этому восстанию призвал тот же ведущий центральный комитет, расположенный в Париже, и это маневр с целью отвлечь наше внимание от Неаполя и помешать нам разрушить одну из синагог Сатаны, созданных с единственной целью проповедовать и распространять антихристианское учение дьявола. Ипсиланти сам мне написал в письме, что принадлежит к тайному обществу, целью которого является освобождение и возрождение Греции. Но все эти тайные общества подчиняются центральному комитету, расположенному в Париже. Цель революций в Пьемонте такая же — создать еще один центр, проповедующий то же самое учение и парализовать влияние христианских властей, следующих принципам Священного Союза»¹⁵⁶.

Таким образом, пойдя наперекор российскому общественному мнению, поддерживавшему борьбу греков за независимость, Александр I позволил султану подавить восстание. Отныне главной целью его дипломатии стала поддержка существовавших государственных структур и борьба против всяческого либерализма, в котором российский монарх видел элемент мирового заговора, разрушительного по своей сути. И тем не менее летом 1821 г. его позиция слегка отклонилась от этой линии, причем в тот самый момент, когда Англия и Австрия встали на сторону султана, опасаясь, что Россия получила слишком много преимуществ от неустойчивого положения Османской империи и могла начать экспансионистскую политику. Казнь греческого патриарха Григория V, повешенного 10 апреля 1821 г., в день Пасхи, перед воротами его собственной церкви, а также давление российской элиты и некоторых людей из окружения российского императора, например баронессы фон Крюденер, заставили Александра I пересмотреть свою греческую политику.

18 июля его посол предъявил Османской империи подготовленный И. А. Каподистрией ультиматум с требованием возмещения за смерть патриарха, разрушение православных церквей и «постоянные нарушения» турками договора 1812 г.¹⁵⁷ Он также воспользовался посредничеством посла О. де ла Ферроне, чтобы прощупать французское правительство на предмет возможности франко-русского вторжения в Османскую империю «во имя Европы»¹⁵⁸. Российский император, заботясь о функционировании европейской системы и желая избежать каких-либо кризисов, не собирался в одиночку нападать на Турцию, хотя его на это толкал Каподистрия, страстный защитник греческого дела. Но отсутствие ответа из Парижа, растущий страх Александра I перед либеральными движениями и предо-

стережения, высказанные Каслри на случай новой русско-турецкой войны, заставили его отказаться от своих мыслей о вторжении.

В конце 1821 г. баронесса фон Крюденер, попав в опалу, была вынуждена покинуть Санкт-Петербург. В июле 1822 г., в тот самый момент, когда К. Меттерних предложил провести международный конгресс, похожий на Лайбахский и посвященный греческому вопросу, разочарованный и мрачный И. А. Каподистрия решил уйти с российской дипломатической службы и покинуть Россию, к великому удивлению австрийца. Но скромный конгресс, проходивший в августе 1822 г. в Вене, продлился лишь несколько недель. Меттерних при поддержке британского посла лорда П. Стрэнгфорда (он сменил Р. С. Каслри, покончившего с собой 18 августа¹⁵⁹) ловко сумел убедить Александра I отказаться от военных действий и удовольствоваться совместным с другими державами дипломатическим демаршем — потребовать от Турции более гуманно относиться к грекам и вывести войска из дунайских княжеств.

Несколько месяцев спустя, в ходе международного конгресса, проходившего в Вероне с сентября по декабрь 1822 г., греческий вопрос был снова рассмотрен — в российский император вместе с другими монархами осудил греческое восстание, назвав его «преступным предприятием»¹⁶⁰. Веронский конгресс принял решение и по испанскому вопросу. Король, один из Бурбонов, оказавшийся перед угрозой гражданской войны, обратился к Франции с просьбой о военной помощи. Несмотря на сопротивление Великобритании, которую теперь представлял лорд Дж. Каннинг, державы приняли решение о вооруженной интервенции и доверили ее провести французским Бурбонам. С апреля 1823 г. власть Фердинанда VII вновь упрочилась. Но, несмотря на настояния Александра I, конгресс отказался помочь испанскому королю в его борьбе за возвращение американских колоний.

В момент Веронского конгресса, который окончательно и в полной мере вернул Францию в европейскую систему, доверив ей право на военную интервенцию в Испанию, франко-русские отношения были лучше, чем когда-либо. Между Александром I и Ф. Р. Шатобрианом, французским министром иностранных дел, царило полное политическое и интеллектуальное согласие. В беседах с Шатобрианом царь подробно объяснил свою позицию по греческому вопросу, в очередной раз подчеркнув необходимость сохранить существовавший политический порядок перед лицом революционной угрозы:

«Считали ли Вы, как говорят наши враги, что союз — лишь слово, скрывающее за собой амбиции? Может быть, так было при старинном положении дел; но в наше время речь идет о мелких личных выгодах, в то время как цивилизованный мир находится в опасности.

Более не может быть английской, французской, русской, прусской, австрийской политики; теперь есть всеобщая политика, которая должна, ради всеобщего блага, совместно осуществляться народами и монархами. Я должен первым доказать свою приверженность принципам, на которых я основал союз. Для этого представился случай: греческое восстание. Ничто, казалось бы, не соответствует в большей степени моим интересам и интересам моих народов, чем религиозная война против Турции (так считает общественное мнение моей страны) — но в пелопонесских беспорядках я усмотрел знак революции. Поэтому я предпочел остаться в стороне. Что только не было предпринято, чтобы разрушить союз! Меня пытались предупреждать, ранить мое самолюбие, меня открыто оскорбляли. Люди столь плохо знали меня, что думали, что мои принципы основаны лишь на честолюбии и могут отступить, если меня разозлить. Но нет, я никогда не отделился от монархов, с которыми я соединился. Королям должно быть позволено состоять в открытом союзе, защищающем от тайных обществ. Что могло бы стать для меня искушением? Разве мне нужно расширять пределы моей империи? Провидение дало мне 800 тысяч солдат не чтобы удовлетворять мои амбиции, а чтобы защищать религию, мораль и справедливость, и чтобы воцарился принцип порядка, на который опирается человеческое общество»¹⁶¹.

Спустя несколько месяцев после закрытия Веронского конгресса греческий вопрос вновь выдвинулся на авансцену международной политики, поскольку восстание вспыхнуло с новой силой. В этой ситуации Александр I предложил созвать в 1824 г. конференцию министров иностранных дел в Санкт-Петербурге. В циркулярном письме своим европейским адресатам он предложил задуматься о создании трех греческих княжеств — под протекторатом Османской империи. Этот проект, получивший освещение во французской прессе, сразу же вызвал протест британских дипломатов, отказавшихся принять участие в конференции, на которую не были бы приглашены представители Турции. Придя в ярость от такого ответа, российский император настоял на своем и весной 1825 г. созвал конференцию без участия британской делегации.

Ее результаты были весьма неутешительны как для русских дипломатов, так и для греческих либералов. К. Меттерних, опасаясь, что греки могут попасть в российскую сферу влияния, выступил против создания трех автономных греческих княжеств и предложил вместо этого создать независимое греческое государство. Но это предложение, в свою очередь, натолкнулось на несогласие российской стороны: для Александра I не могло быть и речи о нарушении территориального суверенитета Османской империи, это противоречило его дипломатическому кредо, о котором мы уже говорили. Таким образом, летом 1825 г. конференция завершилась, так и не принеся никаких осязаемых результатов. Эта неудача серьезно повлияла

на русскую дипломатию: она **убедила императора**, а вскоре и его наследника, **что сложный восточный вопрос не может быть решен усилиями европейских держав**, а значит, **Россия имеет право вернуть себе в этом вопросе полную и абсолютную свободу маневра**.

Спустя десять лет после торжественного создания Священного Союза и накануне смерти Александра I успехи русской дипломатии представлялись умеренными. Конечно, Александру I удалось отстаивать интересы России в отношениях с Османской империей, вернуть Францию в концерт европейских держав и тем самым, уравновесив влияние Великобритании и Австрии, улучшить геополитическое положение России. Но, несмотря на всю его настойчивость, ему так и не удалось добиться создания лиги европейских наций и разоружения стран Европы. Более того, вопреки устремлениям некоторых его ближайших дипломатических советников и в первую очередь И. А. Каподистрии, Священный Союз превратился в вооруженную силу на службе консервативных монархий. Утопические цели Александра I провалились как на дипломатическом поле, так и внутри самой России.



15
ЗАКАТ
(1820–1825)

1820 г. стал последним поворотным пунктом правления Александра I, как во внешней политике (с подписанием Россией Троппаусской конвенции), так и во внутренней — именно в этот год Александр I окончательно решил отказаться от Конституционной Хартии. С этого момента и вплоть до смерти императора в ноябре 1825 г. власть становилась все более консервативной и репрессивной, а империя, казалось, была предоставлена тираническому правлению А. А. Аракчеева. Конечно, император продолжал править самодержавно, подчеркивая свою личную власть своей новой непреклонностью, своим присутствием, своими путешествиями вглубь империи, все более частыми и продолжительными. Как писал в 1847 г. Ж.-А. Шницлер, «если верить подсчетам праздного человека, Александр за свою жизнь проделал не менее 200 тыс. верст¹⁶² пути, и эти дальние странствия были тем более частыми, что все было предусмотрено заранее — отъезд, прибытие, проживание»¹⁶³.

Но эти припадки авторитаризма, свидетельствовавшие о его твердой приверженности власти, чередовались с периодами глубокого уныния, не располагавшего к каким-либо действиям. Усталый, раздраженный недовольством, постепенно завладевшим страной, горько переживавший политические и дипломатические неудачи, а также удары, которые наносил его близким рок и в которых он с почти болезненной тревогой видел Божью кару, Александр I все более дистанцировался от своей империи. Еще полный жизни, император становился все более и более безразличным к окружающему его миру. Он уже покинул его.

«Я почти не выхожу»

Характер и поведение Александра I за эти пять лет начали ставить в тупик даже его близкое окружение. Император становился все более скрытным, недоверчивым, иногда склонным к паранойе. В своих «Мемуарах» Александра Федоровна убедительно описала изменения, произошедшие с ним за эти годы. Если в 1817 г. императорское семейство еще вело веселый образ жизни (упомянув поездку в Крон-

штадт, она рассказывала о приятных прогулках и лодочных экскурсиях), то год спустя, и в особенности с 1820 г., атмосфера, по словам Александры Федоровны, стала совершенно иной, куда более тяжелой и натянутой, и виной тому была усиливавшаяся глухота императора:

«Не будучи положительно глухим, император с трудом мог расслушать своего визави за столом и охотнее разговаривал с глазу на глаз с соседом. Ему казались такие вещи, о которых никто и не думал, будто над ним смеются, будто его слушают затем только, чтобы посмеяться над ним, и будто мы делаем друг другу знаки украдкой от него. Короче, такие глупости, что больно было видеть подобные слабости в человеке столь выдающегося сердца и ума. Я так расплакалась, когда он высказал мне свои замечания и упреки, что чуть не задохнулась от слез. Но затем между нами не пробежало уже ни малейшего облачка; он поверил моему чистосердечию и моей дружбе к нему, граничившей с восторженным обожанием, и уж точно не с насмешкою»¹⁶⁴.

Александр I стал жить затворником, вдали от людей. Если в первые годы своего правления он ценил театр и музыку, то в 1820–1825 гг. его интересы сузились¹⁶⁵. В Эрмитаже прекратились драматические и музыкальные спектакли. Император читал теперь только богословские произведения и религиозную литературу, а переписка его ограничилась узким кругом корреспондентов, никто из которых не находился за границей: он обменивался идеями лишь с Н. М. Карамзиным, а духовными размышлениями — с А. Н. Голицыным, Р. А. Кошелевым и несколькими проповедниками. Он, в прошлом так ценивший бурные и беспорядочные салонные дискуссии, теперь лишь время от времени навещал частных лиц. Впрочем, в личной переписке он сам признавал, что становится все более замкнутым. В своем письме, написанном в апреле 1825 г. и адресованном графине Нессельроде, супруге канцлера, которая печалилась, что он больше не является к ним в дом с визитом, Александр I недвусмысленно отвечал:

«В свое оправдание, сударыня, я скажу Вам, что вот уже несколько лет я почти не бываю на людях, поскольку не имею более свободного времени — количество моих дел к нынешнему моменту не сокращается, а увеличивается. Если я и повинен в этом, то перед многими людьми, которых навещал прежде, пусть и очень редко, а теперь не навещаю никогда»¹⁶⁶.

Его распорядок дня становился все более строгим, организованным с неизменной дотошностью и порядком. Летом, находясь в Царском Селе, он вставал в пять часов утра, работал до восьми, затем гулял в парке, прежде чем вернуться в замок, где его ожидал скудный обед. В полдень, без эскорта, в сопровождении лишь одного–двух слуг, он отправлялся в коляске в Павловск, где навещал других чле-

нов семьи. По возвращении он ужинал в одиночестве или в обществе Елизаветы Алексеевны, а затем исчезал в своих апартаментах, работая, давая аудиенции или предаваясь благочестивому чтению. Графиня С. Шуазэль-Гуфье, проведя летом 1824 г. несколько дней вместе с царской семьей, дала весьма подробно описание ее быта:

«Император Александр вел в Царском Селе деревенский образ жизни; двора не было, и в отсутствие обер-гофмаршала император сам проверял отчеты в расходах по домашнему хозяйству. Он принимал лишь министров в определенные дни недели. Александр вставал обыкновенно в пять часов, совершал свой туалет, писал, затем отправлялся в парк; при этом он посещал свою ферму, новые постройки и давал аудиенции лицам, имевшим представить ему докладные записки. Лица эти преследовали его иногда по всему парку, который всегда был открыт и днем, и ночью. Император гулял в парке один, без всяких предосторожностей; часовые были только у замка и у Александровского дворца. Принужденный, вследствие состояния своего здоровья, вести строгий образ жизни, Александр ужинал у себя один и ложился обыкновенно очень рано. Вечером, перед уходом, гвардейцы играли под его окнами, исполняя почти всегда печальные мотивы, которые я слышала из своих комнат.

Императрица Елизавета, со своей стороны, жила в полном уединении; при ней находилась одна только фрейлина, и она никого не принимала в Царском Селе»¹⁶⁷.

В холодное время года император жил в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце, но и здесь распорядок дня отличался не сильно. Он вставал в шесть часов и посвящал начало утра делам. Затем, ровно в девять часов отправлялся на Дворцовую площадь, чтобы присутствовать на гвардейском параде. К полудню Александр покидал дворец в коляске или в санях, запряженных лишь одной лошадей, и ехал навещать членов семьи. Вернувшись в два часа, он обедал и удалялся к себе, где работал, принимал министров или предавался благочестивым размышлениям. Он мало показывался при дворе. За исключением особых аудиенций, которые могли состояться по требованию самого императора или по просьбе посла; дипломатический корпус видел его лишь три–четыре раза в год, в присутственные дни.

Его одержимость порядком, доходившая до мании, продолжала расти. На его рабочем столе всегда царил безупречный порядок: ничто не должно было нарушать симметричного расположения предметов, и царь даже требовал, чтобы бумаги, которые ему приносят на подпись, были все одного формата¹⁶⁸. Француз Дюпре де Сен-Мор, находившийся при петербургском дворе с 1824 по 1829 г., описывал эту одержимость мелочами и стремление к совершенству так:

«Его любовь к порядку и крайней аккуратности проявляется в каждой мелочи. Все столы, на которых он пишет, удивительно вычищены; он не потерпел бы на них ни малейшего беспорядка, ни единой пылинки, ни

единого листка бумаги, не имеющего отношения к его работе; он сам чистит и кладет на место каждый предмет, которым пользуется. На каждом из его письменных столов лежит сложенный батистовый платочек и десять свежечиненных перьев; перо заменяется новым, даже если оно использовалось лишь для одной подписи. На ежедневное обновление перьев дается подряд; точильщик перьев получает 3000 рублей в год. Можно ли поверить этому? Каждый раз, когда я оказываюсь в одной из комнат императора, я ничему так не завидую из его могущества, как этим десяти перьям, красивым и свежим, которые так и зовут к письму и ни когда не заставляют хозяина брать в руки перочинный нож»¹⁶⁹.

С возрастом Александр I стал все более походить на своего отца, что не может не впечатлить историка. У него появились отцовское недоверие, одержимость порядком вплоть до мелочей, припадки гнева и иногда безразличия, свидетельством чему являлось его неумолимое отношение к страданиям крестьян, восставшим против военных поселений.

Он любил ходить пешком по своей столице, но много и путешествовал. Летом 1819 г., глубоко подавленный внезапной смертью сестры Екатерины Павловны, Александр отправился в долгое странствие по своим северным владениям. Покинув Санкт-Петербург 23 июля, он прибыл в Архангельск спустя пять дней, а затем направился в Финляндию, где задержался до конца августа. В начале сентября он снова отправился в путь, чтобы проинспектировать военные поселения Новгородской губернии, а затем поехал в Варшаву, откуда вернулся 13 сентября. В следующем году, весной 1820 г., император снова отправился в путь. Он заехал в Грузино к Аракчееву, откуда отправился инспектировать южные военные поселения, а потом поехал в Варшаву. Прибыв туда 15 августа для участия в сессии сейма, он оставался там два месяца, а в октябре добрался до Троппау.

Весной 1821 г. император вновь приехал в Грузино, провел там неделю, вернулся в Санкт-Петербург, а в сентябре отправился в Витебск. В следующем году он посетил Вильну, Грузино и снова Варшаву, где жил с августа 1822 по январь 1823 г. В 1823 г. император дважды останавливался в Грузино, в марте и в июне, прежде чем вновь отправиться в путь на два с половиной месяца: 16 августа он выехал из Царского Села в направлении Москвы, а затем посетил Ярославль, Ростов-Великий, где остановился в монастыре, посетил военные поселения Могилевской губернии, а затем Вошь и Подолье. В городке Черновцы на австрийской границе он повстречался с австрийским императором, а затем отправился в Бессарабию, где остановился надолго, инспектируя свои войска, и вернулся в Санкт-Петербург в самом начале ноября.

В следующем году он провел месяц в Грузино, в июне–июле, а с августа по октябрь предпринял новую поездку по своему государству, на сей раз в юго-восточном направлении с остановками в Рязани, Тамбове, Пензе, Симбирске, Оренбурге, Екатеринбурге¹⁷⁰. Эти беспрерывные поездки, это движение, которое совсем не сочеталось с устремлением императора к размышлениям и уединению, вызывали самые разные оценки у историков. С точки зрения одних, эти путешествия объяснялись не столько вниманием императора к своему государству, сколько желанием бежать от воспоминания об отцеубийстве, а значит, и бежать от себя самого. Другие считают, что Александр I, никогда никому не доверяя, стремился при помощи своих неистовых тысячеверстных бросков убедиться в послушании и надежности своих представителей на местах или в успехе военных поселений. Наконец, по мнению третьих, — и в их пользу свидетельствуют частые остановки в монастырях — эти путешествия по территории империи были продолжением его поиска Бога. Как бы то ни было, эта ненасытная тяга к путешествиям впечатляет. Это еще одна черта, сближавшая сына с отцом...

Когда Александр I не был в пути, где он мог остановиться в монастыре или посетить отшельника, он все равно продолжал углубляться в свою веру. Поглощенный духовной жизнью, он предпочитал политическим действиям религиозные размышления. В письме к А. Н. Голицыну от февраля 1821 г. он так говорил о своей связи с Богом:

«Я полностью отдаюсь на волю Его руководства, Его намерений, Он приводит и располагает, а я лишь следую за ним, полный самоотречения, убежденный в глубине моего сердца, что Он может вести лишь к цели, которая назначена Его Промыслом ради всеобщего блага»¹⁷¹.

Он молился истово, в течение долгих часов, о чем свидетельствовал его врач Д. К. Тарасов:

«Император был очень религиозным, искренним христианином. Утром и вечером он молился на коленях, причем так долго, что на его ногах образовались большие пролежни, уцелевшие вплоть до его смерти»¹⁷².

Таким образом, к концу своего правления российский император начал отстраняться от мира материального. Еще сильнее это стало заметно в 1824 г., после удара, который ему нанесли две страшные трагедии. 6 июня умерла Софья, его последняя остававшаяся в живых дочь: ей было всего 18 лет, когда чахотка свела ее в могилу. Для Александра I это был сокрушительный удар. Графиня С. Шуазель-Гуфье, находившаяся проездом в Царском Селе, оставила трогательный рассказ об этой жестокости судьбы:

«Он только что потерял свою дочь — дочь, не признанную им, которая носила имя своей матери... Эту привлекательную молодую особу семнадцати лет со слабой грудью¹⁷³ привезли в чахотке из Парижа в Петербург, — наперекор мнению докторов и по совету нескольких шарлатанов-магнетизеров, предсказавших ей долгую жизнь, здоровье и замужество. Уже умирающая, она была обручена с графом С., который магнетизировал ее согласно указаниям парижских ясновидящих. Когда прибыло заказанное в Париже великолепное приданое (оно обошлось в 400 тыс. франков), юной невесты уже не было в живых.

Похоронные принадлежности, надгробный венок заменили блестящие туалеты и венец, предназначенный для брачного торжества... Государь узнал об этом печальном событии во время парада. Он сразу страшно побледнел; однако он имел мужество не прерывать занятий и только обмолвился замечательной фразой: «Я наказан за все мои прегрешения». <...> Государь часто один отправлялся на могилу дочери. Он воздвиг ей памятник в церкви св. Сергия в Петербурге»¹⁷⁴.

Если Елизавета Алексеевна, сильно любившая девушку, постаралась по мере сил поддержать Александра I в страшном испытании, выпавшем на его долю, другие предписывали ему покориться воле Божьей, тем самым довольно жестоко напоминая ему о его собственной виновности. В своем письме от 19 июня 1824 г. А. Н. Голицын, чье влияние на императора было огромно, писал ему с поразительной жестокостью с точки зрения психологии и морали:

«Господь Вас чудесным образом вырвал из греха, когда Вы отделились на его волю, и не знали, как по-человечески решиться разорвать столь прочную связь, которая составляла счастье (хотя и незаконное) Вашего существования. Господь верен Вам — он забирает Себе плод той связи, который, так сказать, не должен был появиться на свет согласно Святой Божественной воле. Призвав ее, Он исправляет Вашу греховную ошибку. В каком же виде Он забирает к Себе это милое дитя? В чистейшей невинности и набожности; она теперь ангел и, вместо того чтобы грешить в этом низменном мире, делая Вас за это ответственным перед Богом, она будет молиться за Ваши грехи и за грехи своей матери. Вот новый знак того, что Вы должны отдать Ему все Ваше сердце. Ту кровоточащую часть сердца Вашего, из коей вырвана Софья, Вам следует вручить Спасителю, чтобы он завладел ею и наполнил ее своим Божественным духом»¹⁷⁵.

Спустя несколько месяцев на царя обрушилась новая катастрофа. Могучий паводок на Неве привел к наводнению в Санкт-Петербурге. В течение четырех дней, начиная с 9 часов утра 7 ноября, повсюду царили отчаяние и паника. Паводки, часто случавшиеся осенью, непрерывно беспокоили жителей Санкт-Петербурга с самого основания города. Чтобы попытаться обезопасить от них столицу, Александр I приказал прорыть Обводной канал, но от слишком сильного половодья он спасти не мог. Ноябрьское наводнение 1824 г. было особенно разрушительным, потому что затронуло почти весь город.^а

в центре столицы вода поднялась на три метра. Конечно, быстро была организована помощь пострадавшим, а император проявил большую активность в дни испытания: он посетил жителей Васильевского острова, пострадавших больше всего, приказал раздавать деньги на церковных папертях, открыть приюты, где пострадавшие могли бы найти жилье и пищу, и призвал Москву оказать помощь столице, что та и сделала — священный город направил Санкт-Петербургу пятнадцать троек, груженных одеждой и съестными припасами. Но около пятисот человек погибло, более трехсот домов было разрушено. Суеверный император не мог не увидеть в этой напасти новое наказание, которому его подверг Господь Бог.

Все меньше желая управлять империей, Александр I все больше рассчитывал на А. А. Аракчеева. Наличие фактически вице-императора, часто служившего посредником между министрами и императором, способствовало еще большей изоляции Александра. 30 марта 1820 г.¹⁷⁶ в депеше на имя министра иностранных дел Э. Д. Паскье посол О. де ла Ферроне мрачными красками описал отстраненность императора, политическую систему, обусловленную этой отстраненностью, и пагубные последствия подобной системы для империи:

«Тишина, царящая вокруг его трона, к подножию которого ни одно ходатайство, ни одна жалоба не могут дойти иначе, чем через министра, часто заинтересованного в том, чтобы обманывать своего хозяина, и всегда льстящего ему, приводят к тому, что император не знает, какой ценой осуществляется его воля. Когда он стремительно пересекает свою обширную империю, он повсюду обнаруживает, что его приказы выполнены. Он видит лишь командиров своих военных подразделений и, как следствие, получает лишь льстивые и утешительные доклады. Он считает, что результат достигнут мудростью и хорошим управлением, тогда как на самом деле речь идет о силе и о насилии. Ему кажется, что он строит, но он вносит беспорядок, поскольку нигде уже не действуют учреждения»¹⁷⁷.

В 1822–1823 гг., находясь на вершине власти, Аракчеев начал назначать министров и самых высокопоставленных чиновников страны. Вернейших слуг императора сменили новые деятели: министром внутренних дел стал Б. Б. Кампенгаузен, военное ведомство возглавил А. И. Татищев, финансами стал заведовать Е. Ф. Канкрин — не всегда компетентные¹⁷⁸, но всецело преданные Аракчееву, которому были обязаны своим назначением. В то же самое время некоторые близкие к императору люди сами с горечью покидали государственную службу, иногда проявляя низкопоклонство по отношению к всемогущему министру. В мае 1823 г. В. П. Кочубей, по собственной воле отказываясь от портфеля министра внутренних дел, просил денежного вознаграждения для служащих своего учреждения. Для

достижения этой цели он просил А. А. Аракчеева похлопотать за него перед Александром I:

«Сколько ни уклонялся я всегда беспокоить кого бы то ни было просьбами моими, но, в надежде на снисхождение вашего сиятельства ко мне, решаюсь ныне обратиться к вам с таковою. В продолжение почти четырехлетнего управления моего министерством внутренних дел, чиновники оно не получали наград. Сие ставит меня в неприятное положение. На меня жалуются, и жалуются справедливо, ибо делают сравнение. <...> Представления мои, Комитету министров в 1821 году сделанные, рассмотрены, и ваше сиятельство лично величайшее одолжение окажете, если изволите ускорить испрошением высочайшего разрешения. В горестной участи, Всевышним Промыслом мне предопределенной, мне нужны некоторые утешения, и я найду особенное удовольствие и в сем отношении быть вашему сиятельству обязанным»¹⁷⁹.

Мы видим, что даже такой близкий друг Александра, как Кочубей, теперь был вынужден обращаться к графу Аракчееву — и с какой угодливостью! — чтобы получить доступ к императору. Уже одно это отчетливо показывает, что произошло с государственной властью в 1822–1823 гг. Некоторые не могли этого терпеть — например, П. М. Волконский, который в апреле 1823 г. отказался от своего поста главы генерального штаба и был немедленно заменен генералом И. И. Дибичем. В октябре 1823 г. П. М. Волконский, очень давний друг и верный соратник Александра I, написал своему другу А. А. Закревскому, генерал-губернатору Финляндии, письмо, в котором весьма откровенно изложил причины, побудившие его уйти в отставку:

«Прощайте, любезный друг, пишите ко мне почаще, через Булгакова, или по оказии, ибо, наверное, наши письма распечатывают на почте. <...> Сожалею только о том, что со временем, конечно, Государь узнает все неистовства злодея, коих честному человеку переносить нельзя, открыть же их — нет возможности по непонятному ослеплению его к нему; между тем растеряет много честных людей, и восстановятся прежние лихоимство и беспорядок в ходе дела»¹⁸⁰.

Спустя год, в мае 1824 г., в результате интриги, в которой Аракчеев сыграл ключевую роль, от должности был отстранен и А. Н. Голицын. Могущественное и активное Библейское общество за годы своей деятельности сыграло роль в уменьшении престижа и сокращении прерогатив иерархов православной церкви, чем вызвало их недовольство. Аракчеев, сторонник православия, в котором он видел краеугольный камень самодержавия, решил воспользоваться этим противостоянием, чтобы покончить с «шиетистской ересью» и избавиться от Голицына. С этой целью он обратился за поддержкой к новому митрополиту Санкт-Петербургскому Серафиму и к архимандриту Фотию, бывшему иеромонаху из Новгорода.

Фотий, возрастом чуть старше тридцати лет, имел репутацию сурового, если не фанатичного аскета: питался лишь хлебом и водой, носил власяницу и вериги. В мае 1822 г. А. Н. Голицын пожелал с ним встретиться и, восхищенный аскетом, через месяц представил его императору. 5 июня 1822 г. состоялся первый разговор императора с Фотием, во время которого Фотий, «поглощенный» Богом, даже не приветствовал своего собеседника. Разговор длился два часа, в течение которых аскет, молясь, медитируя и пребывая в трансе, упрекал императора в том, что тот покинул святое православие и впал в заблуждения протестантизма и учения иллюминатов. Впечатленный силой благочестия аскета, Александр I в скором времени посвятил его в монахи, а 26 августа того же года назначил архимандритом монастыря святого Георгия. До поры до времени встреча императора с Фотием не оказывала прямого влияния на статус и признание Библейского общества. Александр I продолжал внимательно следить за его работами, сохранял крепкие связи с различными проповедниками, к которым церковь относилась с той или иной степенью терпимости, и оставался другом Голицыну. Таким образом, первая попытка дестабилизации потерпела крах. Но Аракчеев, Серафим и Фотий твердо намеревались перейти в новое наступление против пиетизма. Случай сделать это представился им с «делом Гросснера».

В начале 1824 г. немецкий проповедник Иоганн Гросснер, бывший в моде по всей Европе, опубликовал толкование Нового Завета, «Der Geist des Lebens» («Дух жизни»). Российское Библейское общество перевело его на русский язык, а А. Н. Голицын получил от императора сумму в размере 18 тыс. рублей, чтобы купить здание для проповедей Гросснера. Но едва лишь книга была опубликована, она вызвала гнев Фотия. В двух посланиях к императору он решительно осудил книгу, разоблачив эту новую религию, которая «есть отступление от веры Божией, апостольской, отеческой, православной. Эта новая религия есть вера в грядущего антихриста, двигающая революцию, жаждущая кровопролития, исполненная духа сатанина. Ложные пророки ее и апостолы — Юнг-Штиллинг, Эккартсгаузен, Гийон, Беме, Лабзин, Гросснер, Феслер, методисты, гернгутеры»¹⁸¹. В тот же момент митрополит Серафим тоже начал активно критиковать книгу, и исполненный сомнений Александр I поручил 17 апреля 1824 г. Комитету министров изучить дело. Объединившись вокруг Аракчеева — и не без оснований! — Комитет в последующие дни призвал изгнать Гросснера, уничтожить его труд и привлечь к суду цензоров, разрешивших публикацию книги. Он не выступил напрямую против Голицына, что было ловким маневром.

А. Н. Голицына добил Фотий: оказавшись 20 апреля наедине с императором, он энергично разоблачил связи, которые, по его мнению, существовали между Библейским обществом и революционными европейскими движениями. Он убедил императора, чье психологическое, моральное и нервное равновесие все более расшатывалось, в том, что ответственность за все несет Голицын. Три недели спустя император подверг его наказанию: министерство духовных дел и народного просвещения было ликвидировано, а А. Н. Голицын назначен главноначальствующим над почтовым департаментом. Митрополит Серафим стал председателем Библейского общества. Фотий, требовавший роспуска Библейского общества, не добился победы в этом вопросе. Но теперь было полностью покончено с благочестивым чтением и духовными упражнениями, которым император предавался вплоть до этого дня с Голицыным и Кошелевым.

Итак, в 1824 г. Аракчеев властвовал как над империей, так и над разумом монарха. Однако все же очень важно не переоценивать роль Аракчеева в последние годы правления Александра I. Конечно, вице-император и председатель Комитета министров держал в руках практически всю власть и навязывал свою тираническую волю военным поселениям. Но в вопросах общего развития империи он, не имея целостного представления о глобальной политике, в основном оставался лишь исполнителем. Малообразованный, с узким кругозором, не говоривший по-французски, чувствовавший себя неловко, когда дело доходило до политических тонкостей, которыми он не владел, не способный на какую-либо абстрактную мысль, но всецело преданный своему императору, Аракчеев, будучи не в состоянии заменить собой монарха, да и не желая этого, довольствовался тем, что при отсутствии директив со стороны Александра I управлял империей железной рукой, в самом консервативном стиле.

Возвращение на авансцену М. М. Сперанского — в 1819 г. он был назначен генерал-губернатором Сибири, а в 1821 г. получил позволение вернуться в Санкт-Петербург в качестве члена комиссии законов Государственного совета — на время дало надежду, что внутренняя политика слегка поменяет направленность, но этого не случилось. По-прежнему великолепный организатор и человек образцовой честности, Сперанский сумел реорганизовать управление территорией, немало пострадавшей от лихоимства и произвола его предшественника — И. Б. Пестеля¹⁶². Спустя год, в 1822 г., Сибирь по предложению нового губернатора получила новые органы управления и особый статус. Но несмотря на этот успех, звезда М. М. Сперанского окончательно померкла. В 1821–1822 гг. он не имел ни особого доступа к императору, ни его доверия, в то время как всеобщие ожидания, а также протестные настроения среди верхушки общества продолжали расти.

Все более спорная политика

В то время как в правящих кругах зрело недовольство, ни Александр I, упрямо опиравшийся на консерватизм и одержимый идеей революционного заговора, ни Аракчеев, уповавший на военную дисциплину, оказались неспособны ни понять пробудившиеся в стране ожидания, ни тем более дать на них достойный ответ.

Крестьяне все более открыто жаловались на то, что их загоняют в военные поселения, но император, убежденный в том, что его система, предметом забот которой являлись гигиена и бытовые условия поселенцев, а также образование их детей, привносила бесспорный общественный прогресс, желал еще более увеличить число военных поселений на территории империи. В 1822–1823 гг. в них проживал уже миллион человек, но Александр I требовал создания все новых военных поселений в Ярославской губернии, что вызывало сомнения даже у Аракчеева, который был против спешки в этом вопросе¹⁸³.

Вернувшись из Троппау, император, при поддержке А. А. Аракчеева и А. Д. Балашова, которого он поставил во главе государственной полиции, и все еще потрясенный восстанием Семеновского полка, приказал начать облаву против тайных обществ, которым он приписывал дестабилизирующую и подрывную деятельность. В то время действительно стали множиться тайные интеллектуальные общества, часть которых выступала против консерватизма императора. Их появление объяснялось несколькими причинами. Во-первых, следует вспомнить роль, которую сыграла Отечественная война, позволившая молодым офицерам-дворянам сблизиться с народом и в полной мере ощутить его страдания, и заграничный поход, непосредственно познакомивший их с жизнью Западной Европы и позволивший им вдруг осознать степень политической, экономической и социальной отсталости России.

Масонские ложи, разрешенные в Российской империи вплоть до 1822 г., также сыграли принципиально важную роль. Некоторые из них (например, Великая ложа Астрея, основанная в 1815 г.) призывали уважать существовавший политический порядок, стремясь лишь к моральному усовершенствованию его деятелей. Но большинство лож, находясь под сильнейшим влиянием либеральных европейских идей, выступали за отмену крепостного права и установление либерального политического порядка. В этих ложах зрели протестные настроения, их члены отрицали принцип самодержавия. С 1820 г. либеральные идеалы обрели еще большую популярность среди российских правящих кругов благодаря восстаниям испанцев, итальянцев, португальцев и греков. А ведь именно в это время на всей территории империи произошло восстановление дотошной и

придирчивой цензуры (оно началось в 1815 г. и стало систематическим с 1820 г.), что мешало свободному распространению либеральных идей среди представителей гражданского общества. Небольшие тайные общества, чья структура и функционирование отчасти напоминали масонские ложи, появились и в армии. Между этими тайными обществами и повстанческими группами Испании и Португалии было немало общего: армия являла собой острое либерального копья, становилась выразителем настроений общества, которому заткнули рот.

Первое тайное общество, «Союз спасения», было создано в Санкт-Петербурге в феврале 1816 г. по инициативе Н. М. Муравьева, князя С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина и братьев М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов. Все они были членами древних и известных аристократических родов, офицерами гвардии, все получили хорошее образование, познакомившее их с западноевропейской культурой. Большинство из них сражались во французской кампании 1814 г. и некоторые были в составе оккупационных войск, размещенных во Франции после войны. Впоследствии учредители тайного общества завербовали других сторонников, в том числе генерала М. Ф. Орлова, М. А. Фонвизина и П. И. Пестеля — сына генерал-губернатора Сибири, доблестного солдата наполеоновских войн, ставшего в 1821 г. полковником и вернувшегося из Западной Европы с твердым намерением бороться с самодержавным строем.

Большинство членов «Союза спасения» стремились установить в России конституционную монархию и отменить крепостное право. Некоторые требовали, чтобы «немцев» (германоязычных подданных империи, которых считали слишком лояльными по отношению к власти) отстранили от управления. Наконец, было меньшинство, которое выступало с более радикальными речами. Они желали свергнуть самодержавие при помощи силы — вследствие революции или цареубийства. Следует обратить внимание на этот последний пункт: именно через этих немногих членов тайного общества в русскую культуру вошла идея коллективного насилия, задуманного и заявленного как политическое оружие, нацеленное на цареубийство, — прелюдия революционных нигилистических движений 1870-х — 1880-х гг.

Как бы то ни было, эти движения были очень разнородными с точки зрения политических устремлений. В январе 1817 г. «Союз спасения» принял название «Общество истинных и верных сынов Отечества» в честь ветеранов 1812 г. Спустя месяц, в феврале, у него появился довольно хорошо разработанный устав, преобразовавший общество и установивший различные уровни посвящения, как в ма-

сонской ложе. В том же году тайное общество переместилось в Москву — потому что императорская гвардия получила приказ сопровождать туда императора. Прибыв в священный город, тайное общество реорганизовалось, приняло в свой состав новых членов и стало называться «Союз Благоденствия». Имевший более четкую структуру, чем его предшественник, и более многочисленный (около 200 членов), «Союз Благоденствия» получил устав, известный как «Зеленая книга» и во многом вдохновленный идеями прусского Tugendbund¹⁸⁴. Однако, в отличие от немецкого учреждения, «Союз Благоденствия» не заявил о своей поддержке существовавшего строя¹⁸⁵.

Тайное общество, которым руководил совет из шести человек, в основном занималось филантропической деятельностью: созданием больниц, помощью обездоленным, продвижением пенитенциарной реформы. На первый взгляд, казалось, его направленность была скорее социальной, нежели политической, но, поскольку «Союз Благоденствия» стремился к реформам образования и юстиции, де-факто он покушался на политическую сферу. Кроме того, некоторые из членов общества с начала 1820-х гг. выступали не за конституционную монархию, а за республику. Этот радикальный настрой вкупе с проблемами, которые вызывал полицейский надзор, привели к роспуску «Союза Благоденствия» в конце 1820 г.

После роспуска российские заговорщики основали два новых центра. В 1821 г. в Тульчине возникло Южное общество, во главе директории которого стоял П. И. Пестель. Оно также имело ячейки в полках, расквартированных в Чернигове, Полтаве, Кишиневе, Каменце и Василькове. Северное общество было создано в Санкт-Петербурге в 1823 г. и имело ячейку в Москве. Два общества, находившиеся в контакте друг с другом, были согласны по ряду пунктов: оба являлись приверженцами свобод, оба желали покончить с крепостным правом, но предложенные ими проекты общественно-политического устройства были совершенно различны, о чем свидетельствуют два дошедших до нас документа — «Конституция», составленная Н. М. Муравьевым для Северного общества, и «написанная П. И. Пестелем для Южного общества “Русская правда”»¹⁸⁶.

В преамбуле к проекту конституции Н. М. Муравьева акцент сделан на правах русского народа. В будущем ему суждено было стать свободным, независимым и явить собой источник верховной власти. А значит, крепостное право подлежало уничтожению, вводилась свобода союзов, свобода «излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати», а военные поселения распускались. В вопросах правосудия каждый человек обладал неотчуждаемыми правами. Право голоса на местных выборах предоставлялось

всем, кто соответствовал избирательному цензу (недвижимое имущество на 500 рублей серебром или движимое на 1000 рублей серебром). Для избрания верховной власти требовался более высокий ценз, и еще более высокий — чтобы быть избранным. Превращавшийся в «Верховного Чиновника Российского Правительства» император своими функциями походил бы на американского президента — конституция Н. М. Муравьева вообще во многом вдохновлялась конституцией США. Все привилегии императорской фамилии упразднялись, император получал бы от государства годовое содержание и, подобно американскому президенту, имел бы право вето в законодательных вопросах.

Территория страны, согласно этому проекту, состояла бы из тринадцати держав, каждая со своей столицей, и двух областей с аналогичным статусом — московской и донской. Державы и области делились на 368 уездов или поветов, в свою очередь состоящих из волостей с населением от 360 до 1500 жителей. Таким образом, Н. М. Муравьев воспринимал Российскую империю как административный организм, пригодный для установления федеративной модели. Законодательная власть распределялась между двумя палатами: Палатой народных представителей и Верховной Думой, напоминавшей американский Сенат. Депутаты Думы избирались на шесть лет, а сам депутатский корпус каждые два года обновлялся на треть. В Думе заседало 42 выборных представителя: по три от каждой державы, а также два от Московской области и один от Донской. Палата народных представителей состояла из 450 депутатов, переизбираемых каждые два года. На уровне каждой из тринадцати держав воспроизводилась та же самая система. Таким образом, Н. М. Муравьев создал проект, по которому народ должен был стать хранителем закона, а император — главным слугой государства. Он стремился к конституционной федеративной монархии.

Проект П. И. Пестеля, представленный членам «Южного общества», претендовал на куда большую радикальность. Монархия, согласно ему, должна была быть упразднена. Законодательную власть отправляло «Народное вече», названное так в честь народных собраний средневековых княжеств — Новгородского и Псковского. Однопалатное вече избиралось на пять лет, распустить его было нельзя. Каждый год его состав обновлялся на одну пятую часть. Исполнительная власть принадлежала Державной Думе из пяти человек, избираемых на пять лет, причем каждый год один из пятерых сменялся. Державная Дума контролировала действия министров, а сама была подконтрольна ассамблее из 120 бояр¹⁸⁷, чья задача состояла в том, чтобы следить за соответствием новых законов конституции. Страна

объявлялась централизованной республикой без каких-либо федеративных элементов, специальные условия для национальных меньшинств империи не предусматривались. С социально-экономической точки зрения проект П. И. Пестеля ставил целью достижение свободы и равенства. Крепостное право отменялось, а крестьяне, обрабатывающие землю, получали гарантию, что их земля не могла быть ни продана, ни обменена, ни заложена против их воли. Таким образом, каждая крестьянская семья получала самостоятельность, позволяющую ей выжить. Уничтожались все препоны на пути свободы торговли и предпринимательства, а купеческие гильдии распускались.

Несмотря на политические расхождения, оба тайных общества быстро установили контакт. В 1823 г. Пестель направил посланцев в Северное общество, в 1824 г. он сам явился в Санкт-Петербург, чтобы изложить свою программу и попытаться наладить тесные связи между двумя тайными обществами. Но его план провалился из-за сопротивления Муравьева, который в принципе отказывался использовать для продвижения общего дела насилие, террор и тем более царевийство. Однако, хотя Южное общество не смогло наладить связей с Северным, оно не осталось в изоляции: в 1823 г. при посредничестве С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина оно установило связь с тайным обществом, недавно возникшим в Польше, — Польским патриотическим обществом.

Несмотря на Конституционную Хартию и возникший благодаря ей особый режим, польская знать в большинстве своем не стала лояльной по отношению к российской власти. Она по-прежнему желала восстановить старую Речь Посполитую, сделав свое государство совершенно независимым. Поэтому конец 1810-х гг. стал временем разрастания протестных настроений среди студенчества и в армии. В 1819 г. майор В. Лукасинский основал масонскую ложу в польской армии, которая завязывала связи с поляками, ставшими в 1815 г. прусскими подданными, — наподобие польского генерала Я. Н. Уминского. 3 мая 1821 г. в результате тайной встречи между Лукасинским и Уминским в городе Потоцк близ Варшавы возникло «Польское патриотическое общество», целью которого стала пропаганда идей польской независимости не только в Царстве Польском, но и в Вильне, Кракове, Познани и Львове.

Уже в октябре 1820 г. российские власти получили донос на В. Лукасинского; после тщательного расследования, проведенного в Варшаве Н. Н. Новосильцевым, он и семеро других были в мае 1822 г. арестованы, а в июне 1824 г. приговорены военным трибуналом к тюремному заключению. Несмотря на это Польское патриотическое общество уцелело. Весной 1824 и в январе 1825 г. его представители

тайно встретились в Киеве с представителями Южного общества. Обе стороны пообещали друг другу поддержку в случае перехода к вооруженной борьбе. Российские представители признали, что Польша должна стать независимой, оставив нерешенным вопрос ее границ. Но опасность была столь велика, а полицейский надзор столь активен, что эти связи остались ограниченными.

В 1823 г. студенты Виленского университета составили заговор, предполагая убить великого князя Константина Павловича. Их разоблачение привело к аресту многих десятков студентов и вынужденной отставке А. Чарторыйского, которому пришлось покинуть свой пост куратора университета. По этим примерам можно понять, сколь дотошному и непрерывному полицейскому наблюдению подвергались западные окраины империи. Поэтому контакты Южного общества с Польским патриотическим обществом остались весьма мало значимыми, тогда как с Обществом соединенных славян П. И. Пестелю и его окружению удалось установить более тесную связь.

Это тайное общество было создано в Южной России в 1823 г. по инициативе братьев А. И. и П. И. Борисовых и Ю. К. Люблинского. Это общество, объединившее около тридцати пяти офицеров среднего чина, сильно отличалось от Северного и Южного обществ. Члены Общества соединенных славян, представители мелкого и среднего дворянства, придерживались твердых атеистических и гуманистических убеждений. Убежденные сторонники отмены крепостного права, демократического и республиканского правления, они стремились покончить с самодержавным строем. Кроме того, они желали объединить славян, проживавших вне пределов Российской империи, в панславянскую федерацию, которая основывалась бы не на религиозном, а на этнически-лингвистическом принципе: в начале XIX в. эта мысль была весьма новаторской. В отличие от Северного общества, они были готовы прибегнуть к вооруженной революционной борьбе, что сближало их с Южным обществом. Уже в 1824 г. при посредничестве С. И. Муравьева-Апостола они установили тайные связи, а в сентябре 1825 г. представители двух обществ встретились, чтобы наладить сотрудничество. Убедительность С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, и в особенности превосходящий уровень организации Южного общества, убедили небольшое Общество соединенных славян в сентябре–октябре в необходимости стать новой ячейкой Южного общества. Но на момент смерти Александра I это поглощение только началось: вероятно, в нежелании Общества соединенных славян признавать власть руководителей Южного общества следует усматривать недоверие мелкого дворянства к аристократии...

В 1821–1825 гг. в Южном обществе существовало множество различных проектов. В 1823 г. планировалось похитить императора во время его визита в Бобруйск, год спустя — убить монарха во время маневров в Белой Церкви и поднять вооруженное восстание в Киеве, а затем в Москве. В 1825 г. также намечалось организовать мятеж — в то время, пока гвардия находилась на маневрах в Лещине. Но ни один из этих проектов не был реализован. И лишь после смерти Александра I, в декабре 1825 г., воспользовавшись суматохой, связанной с передачей императорской власти сначала Константину, а затем Николаю Павловичу, заговорщики, вошедшие в историю как «декабристы», попытались свергнуть самодержавие.

В то время как различные тайные общества строили подрывные планы, полиция тоже не оставалась пассивной. Зимой 1820–1821 гг. ей удалось выследить несколько тайных обществ, в том числе «Союз Благоденствия». Зимой 1820–1821 гг. он находился под постоянным наблюдением осведомителей, что, как было показано выше, способствовало его самороспуску. Начиная с февраля 1821 г. власти смогли составить список его самых активных деятелей, который в мае 1821 г. был вручен Александру I генералом И. В. Васильчиковым, генерал-губернатором Санкт-Петербурга и командиром императорской гвардии. Однако Александр I, еще не совсем порвавший со своими юношескими идеалами, в разговоре с генералом отказался карать «злостных», чьи взгляды он и сам разделял в молодости. Он заявил, что не ему надлежит наказывать заговорщиков¹⁸⁸. Но он предписал создать тайную полицию, которая вела бы наблюдение за войсками, расквартированными в Санкт-Петербурге и его окрестностях.

В последующие годы последовало дальнейшее ужесточение политики. 1 августа 1822 г. Александр I направил В. П. Кочубею, тогда еще министру внутренних дел, указ о запрете тайных обществ и мasonicких лож, согласно этому указу военные и гражданские чины должны были — в письменной форме — заявить, что они никогда не принадлежали к подобного рода организациям и обещают никогда в них не вступать. Полицейский надзор также ужесточился. Внутри армии была создана густая централизованная полицейская сеть, частные письма стали регулярно вскрываться, доносы поощрялись. Страна закрылась для иностранных вейний: с 1822 г. российские студенты уже не имели права учиться в иностранных университетах, таких как Гейдельберг или Йена, а преподавание некоторых дисциплин — например, естественного права или политической науки — на территории империи было запрещено.

Однако несмотря на усиленную слежку и карательные меры, государство оказалось неспособно помешать появлению новых тайных обществ и росту протестного движения. В июле 1825 г. Александр I узнал от И. В. Шервуда, молодого унтер-офицера 3-его украинского уланского полка, англичанина по происхождению, что офицеры многих полков этой провинции вместе со своими единомышленниками в Санкт-Петербурге готовят государственный переворот, нацеленный на свержение самодержавия. Шервуд сказал, что ничего больше не знает, но готов выяснить, если на то будет императорская воля. Александр I согласился на это при условии, что тот доложит о результатах своего расследования лично Аракчееву. С точки зрения российского монарха, защита империи входила в обязанности министра. Не утратив окончательно и бесповоротно интереса к вопросам личной безопасности и безопасности своего режима, Александр I тем не менее полностью доверился Аракчееву.

В то же самое время, становившийся все более закрытым для критики, уставший отправления своей власти, более чем когда-либо жаждавший мистического идеала, император решал вопрос о престолонаследии и мечтал о последнем великом деле — объединении церквей Запада и Востока.

От желания отречься к мессианской мечте

Уже в 1820 г., вновь и вновь заявляя о своем возможном отречении от престола, Александр I начал решать вопрос о престолонаследии, отстранив от трона своего брата Константина Павловича, против чего тот совершенно не возражал. Но это решение осталось неизвестным за пределами семейного круга, и о нем не свидетельствовал ни один письменный документ. Начиная с 1822 г. по требованию императора все было оформлено официально. Великий князь Константин Павлович, прибывший в Санкт-Петербург, чтобы объяснить свою позицию вдовствующей императрице Марии Федоровне и своей сестре Марии Павловне, написал 14 января 1822 г. письмо императору, в котором подтверждал свое отречение от престола:

«Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению Моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после Меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал Я непринужденно и торжественно при случае развода Моего с первою Моею женою. Все обстоятельства Моего нынешнего положения меня наиболее к сему убеждают и будут пред Го-

сударством Нашим и всем светом новым доказательством Моих искренних чувств»¹⁸⁹.

В ответном письме от 2 февраля 1822 г. Александр I принимал отречение брата:

«Любезнейший Брат!

С должным вниманием читал Я письмо Ваше. Умею ценить всегда возвышенные чувства Вашей души, сие письмо меня не удивило. Оно мне дало новое доказательство искренней любви Вашей к Государству и попечения о непоколебимом спокойствии оною.

По Вашему желанию, предъявил Я письмо сие Любезнейшей Родительнице Нашей. Она его читала, с тем же, как и Я, чувством признательности к почтенным побуждениям, Вас руководствовавшим.

Нам Обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу Вам, следовать непоколебимому решению Вашему, прося Всемогущего Бога, дабы Он благословил последствия столь чистейших намерений»¹⁹⁰.

Посвятив А. А. Аракчеева и А. Н. Голицына в тайну отречения, император поручил митрополиту Филарету составить официальный акт, подтверждавший отречение Константина Павловича от престола с последующей передачей власти Николаю Павловичу. В конце 1823 г. Филарет передал императору свой текст. 23 августа была составлена окончательная версия документа, написанная рукой Александра I и подписанная им¹⁹¹. В преамбуле объяснялось, почему император не назначил своего наследника раньше:

«Мы не могли, подобно предшественникам Нашим, рано провозгласить Его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли благоугодно неведомым судьбам Божиим даровать Нам Наследника Престола в прямой линии. Но чем далее протекают дни Наши, тем более поспешаем Мы поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным».

Затем, после сообщения о «жертве» Константина Павловича, который, не считая себя достойным престола, решил от него отказаться, наследником императорской власти над всей Россией, согласно документу, провозглашался Николай Павлович:

«Мы определили, во-первых: свободному отречению первого Брата Нашего Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича от права на Всероссийский Престол быть твердым и неизменным; акт же сего отречения, ради достоверной известности, хранить в Московском Большом Успенском Соборе и в трех высших Правительственных местах Империи Нашей: в Святейшем Синоде, Государственном Совете и Правительствующем Сенате. Во-вторых: вследствие того, на точном основании акта о наследовании Престола, Наследником Нашим быть второму Брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу»¹⁹².

После подписания документа его поместили в запечатанный конверт, на котором император начертал: «Хранить в Успенском Соборе, вместе с Актами о наследовании Престола; а в случае моей кончины, прежде всякого другого действия, раскрыть московскому Епархиальному Архиерею и военному Генералу-Губернатору в самом соборе»¹⁹³. После этого Филарет поместил конверт в ларец с документами в Успенском соборе. Но хотя Филарет, А. Н. Голицын, А. А. Аракчев, Мария Федоровна, Константин Павлович и великая княгиня Мария Павловна были в курсе дела, сам великий князь Николай Павлович не знал о решении, принятом в его пользу.

Почему Александр I предпочел оставить своего брата в неведении? Ответить на этот вопрос нелегко. Можно предположить, что в 1823 г. вопрос о смерти императора не казался ни уместным, ни своевременным, поскольку ему тогда было всего сорок шесть лет, и он пребывал в добром здравии. Тем самым Александр I, вероятно, хотел освободить своего молодого брата¹⁹⁴ от груза тайны. Но этот образ действий оказался пагубным, потому что после сообщения о смерти императора наступило хаотичное междуцарствие — не будучи уверенным в том, что Константин Павлович отрекся от престола, Николай Павлович долго не решался занять место своего брата на троне — и именно тогда произошло восстание декабристов, которое в течение нескольких часов угрожало самим основам империи...

В 1825 г., не зная о замыслах, созревавших в среде императорской гвардии, будучи уверен, что вопрос о престолонаследии гарантирован документом, хранящимся в Успенском соборе, Александр I вновь отправился в путешествие. С самого начала года он был в пути. По мере своего продвижения он посылал Елизавете Алексеевне короткие и исполненные нежности письма, которые свидетельствовали о сближении между супругами и о почти полном отсутствии у императора интереса к делам политическим. Его по-прежнему интересовали лишь будущее его военных поселений и польский вопрос. 15 апреля, находясь в Варшаве, куда Александр I прибыл для участия в работе польского сейма, он писал так:

«Посылаю Вам эти строчки, милый друг, дабы сообщить, что я счастливо прибыл сюда. Благодарение Богу, мое путешествие прошло очень хорошо, а после Несвижа вокруг меня настоящее лето. Больше ничего Вам пока не сообщаю, поскольку у меня нет ни минуточки. Да хранит Вас Господь и да направляет он Вас во всем!»¹⁹⁵

Спустя месяц, все еще находясь в Варшаве, он послал ей письмо, в котором поделился своей радостью от того, как развивалась «его» Польша.

«Меня очень порадовало мое небольшое путешествие. Поскольку я не ехал по главной дороге, а сделал множество зигзагов, чтобы лучше увидеть все новые созданные мануфактуры, я с истинным счастьем увидел, сколь многое улучшилось в стране, как в части культуры, так и в мануфактурах. Созданы новые города, и страна кажется веселой, что очень приятно наблюдать. Другие города, старинные, как Калиш, Плоц¹⁹⁶, стали очень красивыми»¹⁹⁷.

Вернувшись в середине июня в Санкт-Петербург, император нашел Елизавету Алексеевну очень ослабевшей. Когда, спустя несколько недель, врачи, обеспокоенные состоянием императрицы, посоветовали ей в конце лета отправиться в места с более мягким климатом, Александр I решил, что они поедут вместе в Таганрог, небольшой город на берегу Азовского моря с населением 10 тыс. человек. Этот выбор многим показался неудачным, поскольку район Таганрога был известен своими ветрами. П. М. Волконский в письме от 14 августа писал, что не может «понять врачей, которые не нашли в России лучше климата, чем таганрогский»¹⁹⁸. На самом деле это направление выбрал Александр I, желавший вернуться туда, где он уже останавливался в мае 1818 г.

Находясь в Санкт-Петербурге и готовясь к отъезду в Таганрог, в августе, император дважды принял своего адъютанта — генерала А. Ф. Мишо. Савояр, родившийся в Ницце, друг Ж. де Местра, с которым он общался в Москве, пылкий католик, А. Ф. Мишо служил королю Сардинскому, прежде чем перейти на русскую службу, на которой он отличился как в русско-турецкой войне, так и в войне 1812 г. Полковник и флигель-адъютант императора, обладавший сильным характером, он настроил против себя часть генерального штаба, оставив Дрисский лагерь, который, как он считал, удержать было невозможно. Именно ему М. И. Кутузов поручил сообщить Наполеону об оставлении Москвы. Наконец, в течение недель, последовавших за объявлением о катастрофе, он был одним из тех, кто убеждал Александра I не сдаваться и продолжать борьбу с врагом.

Невозможно в точности установить, когда именно в августе–сентябре 1825 г. император и А. Ф. Мишо встречались и о чем они говорили, поскольку упоминаний об этих встречах в российских архивах не сохранилось. Это едва ли удивительно: как известно¹⁹⁹, ряд документов, связанных с правлением Александра I, в частности, некоторые письма, дневник Марии Федоровны и часть дневника Елизаветы Алексеевны исчезли, видимо, уничтоженные по приказу Николая I. Вполне возможно, что в ходе этих бесед, состоявшихся в августе–сентябре, император поручил всецело преданному ему генералу Мишо важнейшую миссию — отправиться в Рим, тайно встретиться с папой Львом XII, передать ему желание императора о воз-

вращении православной церкви под власть папы и предложить последнему направить к российскому двору посланника, хорошо говорившего по-французски, для проведения переговоров. Вероятно, получив эти указания, в сентябре Мишо отправился в Рим.

Эта чрезвычайная миссия, имевшая важнейшее значение — речь шла ни больше ни меньше как об окончании раскола в христианстве, — вызывает с последней трети XIX в. жаркую полемику в историографии. В 1877 г., опираясь на тайные источники, иезуит И. С. Гагарин опубликовал небольшую работу под названием «Русские архивы и обращение Александра I»²⁰⁰. Бывший князь, И. С. Гагарин обратился в католицизм в возрасте 27 лет в 1841 г. и спустя год вошел в орден иезуитов. Изгнанный из России после своего обращения и обосновавшийся в Париже, он вел постоянную переписку²⁰¹ с русской и французской интеллигенцией, исповедовал многих высокородных особ и часто принимал находившихся во Франции русских — как католиков, так и православных. Его произведение, опубликованное в 1877 г., описывает тягу, которую испытывал Александр I к католицизму и «обнаруживает» его желание объединить церкви Запада и Востока. Хотя Гагарин не всегда дает точные ссылки на свои источники (в чем его упрекали многочисленные критики), его архив, с которым мы ознакомились, действительно содержит документы, на которых он основывался при написании своего текста²⁰². В частности, там находится удивительное признание, написанной рукой баронессы де Риччи за герцогиню Констанцию де Лаваль-Монморанси²⁰³, которая, будучи в летах, могла написать лишь несколько последних строчек и подписать документ. В этой записке, заверенной И. С. Гагариным в Париже 8 января 1877 г., можно прочесть:

«Я ручаюсь, что узнала от генерала Мишо, что он, адъютант императора Александра, имел от этого государя секретную миссию сообщить тогдашнему папе римскому (я думаю, что это был Лев XII), что государь готов полностью подчиниться его духовной власти. Генерал опустил перед папой на колени и от имени императора признал его главой Церкви».

Спустя более сорока лет с момента публикации этой первой работы отец Пирлинг, иезуит, ставший архивистом и историком, при участии И. С. Гагарина вновь взялся за изучение темы, затронутой его предшественником. В первой брошюре, опубликованной в 1901 г. под довольно провокационным названием «Умер ли император Александр I католиком?»²⁰⁴, он вновь выдвинул гипотезу о том, что Александр I обратился в католицизм и желал слить две церкви воедино, и привел различные, независимые друг от друга источники, которые свидетельствовали в пользу гипотезы²⁰⁵.

Он сообщал, что А. Ф. Мишо спустя многие годы после смерти Александра I поделился своей тайной с двумя близкими друзьями: Констанцией де Местр (здесь он ссылаясь на И. С. Гагарина, чьи архивы он использовал) и графом Тодути де л'Эскарен, уроженцем Ниццы, который, став впоследствии министром короля Сардинского, сообщил эту тайну своему королю в коротком послании, написанном в августе 1841 г., через несколько недель после смерти Мишо²⁰⁶. Кроме того, в более завуалированной форме Мишо упомянул об этой «тайне» в беседе со своей племянницей, графиней Паолетти ди Родоретто²⁰⁷, в гостях у которой, в Палермо, он много раз останавливался в последние годы своей жизни. В 1869 г. графиня опубликовала в Турине книжечку примерно в сто страниц под названием «Взгляд на жизнь его светлости графа Александра Мишо де Боретура, генерал-лейтенанта, адъютанта Их Величеств двух императоров всероссийских Александра I и Николая I и на жизнь его брата шевалье Луи Мишо, полковника инженерных войск, адъютанта Его Величества императора Александра I»²⁰⁸, которую нам удалось отыскать. Она утверждает там, что в 1825 г. «Мишо по приказу императора»²⁰⁹ отправился в Италию, получив разрешение посетить Ниццу»²¹⁰, что император предоставил ему одну из своих собственных карет и взял на себя все расходы на его путешествие²¹¹; и что А. Ф. Мишо скрывал тайну, связанную с Александром I:

«Даже находясь в узком семейном кругу, когда он, казалось, мог говорить обо всем более свободно, чувствовалось множество недомолвок, из-за которых в моей книге немало досадных пробелов.

В самом деле, для нас, его племянниц, живших рядом с ним и почти никогда не покидавших его, несомненно, что в глубине души он скрывал множество тайн, ныне погребенных вместе с ним в могильной тишине. Сколько раз, к примеру, мы слышали, как он восклицал, повествуя о величии чувств и действий императора Александра: «*Ах! Если бы мне было позволено обо всем рассказать!!!.. но я поклялся хранить молчание!*»²¹² Это был последний знак почтения, который он отдавал памяти этого государя, столь благословенного небесами и столь достойного любви»²¹³.

К этим источникам, написанным католиками, близкими генералу А. Ф. Мишо, Пирлинг присовокупил другие, взятые из Папского государства. Мауро Капеллари, бывший аббат монастыря ордена святого Ромуальда, ставший папой под именем Григория XVI, сообщил своему личному секретарю Гаэтано Морони (сделавшему отметку в дневнике, а потом опубликовавшему это сообщение в своем «Словаре»), что некогда Лев XII назначил его посланником в Санкт-Петербург, где он должен был по просьбе российского императора подготовить слияние церквей. Он отказался от этой миссии в пользу

отца Ориоли и тот уже собирался в путь, когда внезапная смерть императора в Таганроге сорвала едва начавшееся дело.

Как только книга Пирлинга была опубликована, ее начал яростно опровергать великий князь Николай Михайлович, русский биограф Александра I и член императорской семьи. Он отказался признавать эту версию, потому что ни один русский источник не подтверждал изложенных Пирлингом фактов и не было никаких доказательств того, что адъютант императора виделся с папой. Но Пирлинг настаивал на своем и в 1913 г. опубликовал переработанное издание своей работы²¹⁴, предоставив точные ссылки на ватиканские источники, согласно которым 5 декабря²¹⁵ 1825 г. действительно состоялась встреча между папой Львом XII и генералом А. Ф. Мишо де Боретуром. Впрочем, о чем шла речь на этой встрече, не уточнялось. Эта публикация поколебала позиции великого князя Николая Михайловича. В очередном издании написанной им биографии Александра I появились новые детали:

«Дело в том, что Мишо, будучи флигель-адъютантом, а потом и генерал-адъютантом Александра I, вышел в отставку, жил в Италии, где и скончался в 1841 г. Мишо оставил запечатанную шкатулку на имя императора Николая, которая и была ему передана родственниками после кончины Мишо. Удалось найти только расписки князя П. М. Волконского в получении этой шкатулки с бумагами, но сами бумаги исчезли и, вероятно, были сожжены Николаем Павловичем»²¹⁶.

Таким образом, начиная с 1913 г. по сей день в российских архивах не удалось обнаружить документы, которые могла отправить в Россию семья А. Ф. Мишо, а изученные нами источники из Папского государства проливают немного света на произошедшее. В них есть упоминание о том, что граф А. Я. Италинский, представитель императора в Папском государстве, 13 ноября²¹⁷ 1825 г. обратился с просьбой об аудиенции для «господина генерала Мишо, генерал-адъютанта Его Величества императора всея Руси, и господина Ракети, генерального секретаря министерства религиозных дел и народного просвещения Царства Польского»²¹⁸, а также ответ кардинала Делла Сомалья от 3 декабря²¹⁹, которым аудиенция была назначена от имени папы на понедельник, 5 декабря. Но никакого протокола встречи нет — а значит, архивы Ватикана позволяют подтвердить лишь один факт: 5 декабря 1825 г., по просьбе Александра I, в самом деле состоялась встреча генерала А. Ф. Мишо с Львом XII.

Что они сказали друг другу? В своем исследовании 1913 г. Пирлинг придерживался свидетельств, оставленных близкими генералом: л'Эскареном, графиней де Монморанси-Лаваль и в меньшей степени — графиней Паолетти, он подводил к тому (и эту гипотезу подтвердил великий князь Николай Михайлович), что А. Ф. Мишо, ког-

тому не давала покоя его тайна, написал объяснительное письмо Николаю I, которое отправил в 1841 г. его брат Гаэтан Мишо. В самом деле, в 1846 г., через пять лет после того, как документы были посланы в Россию, Гаэтан Мишо рассказал об этом одному из своих друзей, отцу Брешани, который, в свою очередь, записал эти сведения в дневник²²⁰, сожалея, что проект примирения церковей закончился ничем. Но в 1913 г. Пирлинг не продвинулся в своем исследовании: несмотря на великое множество предположений, прямых письменных источников явно не хватало.

В 1932 г. интерес к этой теме вспыхнул с новой силой. Хотя письмо, отправленное Гаэтаном Мишо, по получении в России было уничтожено, черновик этого письма сохранился в семейных архивах А. Ф. Мишо, в Ницце, где его в 1932 г. отыскал местный ученый Луи Капатти²²¹. Он опубликовал в «Анналах графства Ницца» статью под названием «Граф Мишо де Боретур, Александр I и папа римский в 1825 г.». В ней он сообщал, что черновик письма, написанного А. Ф. Мишо в июне 1835 г.²²² в Турине, был обнаружен в архивах покойного каноника Огюстена Мишо де Боретура, племянника генерала А. Ф. Мишо де Боретура, и что этот черновик теперь принадлежит графу Феликсу Мишо де Боретуру, племяннику каноника, который пожелал ознакомить с ним ученого. В своей статье он полностью воспроизводит текст этого удивительного письма, главные пассажи которого процитируем и мы:

«Я находился на службе при Его Величестве в злосчастный 1825 г., в Каминском Острове, куда Его Величество прибыл из Царского Села, чтобы провести там день, за несколько суток до праздника в Петергофе. (Его Величество принял в тот же день посла Франции, графа де ла Ферроне, который пришел проститься, потому что уезжал на воды.) Его Величество оказал мне честь призвать меня к себе и, повелев мне сесть возле него, отдал мне следующие приказания.

Я смиренно прошу Ваше Величество позволить мне в самом начале моего рассказа признаться, что я испытываю столь глубокое почтение к памяти Его Величества, ангела-хранителя России, что я никогда не осмелился бы запятнать эту память ложью, это было бы с моей стороны предательством и неблагодарностью, на какие я неспособен, и, если бы я не страшился апоплексического удара, который может помешать мне подписаться под письмом, я бы молчал вплоть до того момента, когда мне настанет пора отправляться отдавать отчет в моих поступках пред судом Божиим, ненавидящим всяческую ложь!

Дабы Ваше Императорское Величество не думали, что причиной моего доклада могут быть религия и вызванное ею ложное усердие, я скажу: Сир, моя религия учит меня, что я буду непоправимо проклят на веки вечные, если осмелюсь прибегнуть ко лжи, к обману, к фальши и к клятвopеступлению и если, умирая, я не предаду их пламени.

“Дорогой генерал, — сказал мне Его Величество, войдя в свой кабинет, садитесь здесь, я покажу Вам, какое доверие я к Вам испытываю. Я отправляю Вас в Рим, Вы явитесь к Святому Отцу и скажете ему, что я уже долгое время лелею в своем сердце желание узреть воссоединение двух церквей, что по многим причинам я не мог поделиться своим намерением вплоть до настоящего времени, что я отправляю Вас с просьбой, чтобы он выбрал монаха, достойного всяческого доверия, вместе с которым Вы явитесь ко мне в мае месяце следующего года. Скажите ему, что, поскольку переговоры о деле должны вести он, глава католической церкви, и я, который... здесь” (Его Величество сделал такой жест, как будто в скромности своей он не решался назвать себя главой греческой церкви). Я сказал: “Да, Сир, Вы представляете здесь главу Вашей церкви.” — “Так вот, Вы ему скажете, что, поскольку переговоры о деле должны вести он и я, я считаю, что с помощью Божественного Провидения мы легко добьемся цели, но объясните ему, как важно сохранить все в тайне: прежде всего, ничего не записывать; а когда его доверенное лицо придет сюда, надеюсь, что мы с ним легко поймем друг друга. Я не сомневаюсь, что Святой Отец проявит добрую волю, как это сделаю и я, но ему не следует выбирать какую-либо заметную персону или высокопоставленное лицо, нужно обязательно избежать огласки, чтобы не пробудить [тех, кто захочет воспрепятствовать]. Я желал бы (если это возможно), чтобы выбор его пал на кого-нибудь из нищенствующих орденов святого Франциска, святого Ромуальда или капуцинов. Я встречал такого монаха, какого ищете, в Вероне, он был исповедником короля Неаполитанского. Конечно, не нужно посылать ко мне его, на него сразу обратят внимание, потому что его видели в Вероне; к тому же нужно, чтобы Святой Отец выбрал того, кому сможет в полной степени доверять. Скажите ему, что я отдаю себе отчет в тех трудностях, с которыми мы столкнемся, когда пожелаем, чтобы Россия сделала этот великий шаг!

Но я полностью веряюсь Господу! К тому же я готов сделать все, что в моих силах, чтобы нам удалось наше предприятие, Святой Отец поступит так же, а Господь сделает все остальное, а если нужно, умрем мученической смертью!

Не забудьте сказать Святому Отцу, что я прошу его выбрать кого-нибудь, кто знает французский язык, это необходимое условие <...>”.

Я уехал в Ниццу, где, по прибытии, сообщил родным, что желаю воспользоваться юбилейным годом и повидать Рим; услышав это, они пожелали все следовать за мной, и я взял с собою двух своих братьев, невестку, жену российского консула, сестру и племянницу, старшую дочь моего покойного брата, скончавшегося в Севастополе. Сперва мы морем направились в Геную. Там я нанял красивую четырехместную карету, и мы поехали не торопясь, производя впечатление людей, путешествующих в свое удовольствие. По пути мы заехали в несколько интересных мест, проехали через Ливорно, а когда прибыли в Рим, к несчастью своему застали Святого Отца больным, и мне пришлось сорок дней ждать, прежде чем я смог его увидеть. Другой причиной задержки стала моя осторожность: я предпочел, чтобы Святому Отцу меня представил г-н Италинский²²³.

русский посол, потому что я опасался его подозрений в том случае, если бы отправился к Святому Отцу без него. Из-за немощей Святого Отца и его преклонного возраста встреча долго откладывалась; наконец, 6 или 7 декабря²²⁴ я представился Святому Отцу.

Я воспользовался этим случаем, чтобы добиться личной аудиенции у Его Святейшества, попросив позволения представить ему своего брата, капитана на службе Его Величества короля Сардинского, который прибыл в Рим вместе со мной ради юбилейного года. Святой Отец соизволил удостоить меня аудиенции, назначив встречу на следующую пятницу, 9 декабря.

Вот, Сир, каким образом я дал понять Его Святейшеству, что должен был открыть ему тайну. Я предупредил брата, что, пользуясь удачным случаем и юбилейным годом, я как военный нуждаюсь в том, чтобы сказать Святому Отцу словечко на исповеди и что я попрошу позволения припасть к его ногам после того, как представлю ему брата. Таким образом, увидев, что я снимаю шпагу, он должен был удалиться.

В самом деле, после нескольких минут разговора я сказал Святому Отцу, что его минуты слишком дороги, чтобы я ими злоупотреблял, и взмолился, чтобы он позволил мне опуститься на колени и сказать ему несколько слов в качестве исповеди, чтобы освободить мою совесть от груза.

Святой Отец сказал, что он готов меня выслушать, мой брат удалился в оконную нишу, отделенную занавесом, а я, опустившись на колени, поведал Его Святейшеству под защитой тайны исповеди о миссии, которая мне была поручена, и о том, что я должен вернуться в Россию с монахом, которого он изберет. Святой Отец, изумленный, со слезами на глазах, обнял меня, молвив:

“Ах! Генерал, какое утешение приносите Вы моему сердцу, с каким прекрасным поручением Вы ко мне явились!” Обнимая меня, он не переставал воздавать хвалу императору и благодарить небеса за благую весть, которую я ему поведал; он добавил, что мы должны еще много раз увидеться, дабы хорошо согласовать все наши действия; и что у него есть замечательный подданный, подходящий, чтобы отправить его со мной в Россию – камальдул (монах ордена святого Ромуальда), достойнейший муж и образец благочестия, человек, который понравится его величеству и которому я смогу в полной мере доверять.

Но в ответ на мою фразу, что его величество просит послать к нему кого-нибудь, кто говорит по-французски, он на момент огорчился. “Ах! — сказал он мне, — я не подумал об этом. К несчастью, мой камальдул не знает этого языка, очень жаль, мы выберем другого человека. Мне это тем более прискорбно, что я собираюсь сделать моего камальдула кардиналом, и я был бы рад сначала направить его в такую прекрасную миссию”.

Я думаю, Сир, что нынешний Святой Отец, вероятно, и есть тот камальдул, о котором говорил Святой Отец, поскольку он в скором времени сделал его кардиналом.

Его Святейшество предоставил мне возможность тайно посещать его по вечерам, и мы много раз беседовали с ним с глазу на глаз. Он обещал мне хранить абсолютную тайну, признавая это в высшей степени важным.

И вот уже был им избран монах для миссии, и он меня познакомил с ним, и мы должны были договориться с ним о встрече в Пьемонте в конце апреля, откуда в мае мы прибыли бы в Россию, но тут нам пришла роковая весть о кончине Его Величества, достославной и бессмертной памяти императора Александра. От этой вести Святой Отец занедужил и смог принять меня лишь спустя три дня, дабы оплакать вместе со мной нашу потерю, которая повергла Святого Отца в отчаяние и сделала его безутешным. Я сказал ему, что немедленно уезжаю, дабы вовремя встретить траурный кортеж и отдать мой последний долг Его Величеству, моему августейшему господину.

Я распрощался со Святым Отцом и немедленно направился в Ниццу, где остановился лишь на 24 часа.

Ваше Величество вспомнит, что по прибытии в Петербург, выразив свои соболезнования, я испросил позволение немедленно уехать, дабы присоединиться к траурному кортежу, который должен был прибыть в Москву в тот же день.

Сир, я только что освободил свою совесть от груза, который отягчил бы последний момент моей жизни, если бы я унес с собою тайну, которую я доверяю сердцу Вашего Императорского Величества. Я в полной мере уверен, что, испытывая глубокое уважение к Вашему августейшему брату, будучи убежденным, что он мог составить столь многотрудный проект лишь после зрелых и святых раздумий, и что сознание его было глубоко благочестивым и добродетельным, Ваше Величество, возможно, однажды сочтет нужным осуществить святой проект, задуманный Вашим августейшим братом, а он своими молитвами привлечет небесное благословение на Ваше царствование и Ваши дела, если небеса в самом деле предназначили увенчать Ваше Величество славой осуществления столь святого дела.

Сир, я остаюсь верным, преданным и глубоко признательным слугой, его адъютантом»²²⁵.

По прочтении этого документа возникают два важных вопроса. Во-первых, является ли он достоверным? С нашей точки зрения, ничто не позволяет в этом усомниться: зачем племяннику генерала А. Ф. Мишо или его двоюродному внуку, потерявшим всякую связь с Россией, где к тому же установился коммунистический режим, фабриковать фальшивку, в которой для них не было никакой выгоды? Все-таки, стремясь лучше разобраться в этом вопросе и заботясь о достоверности и точности, мы попытались повторить исследование Каппатти.

Увы, сегодня, спустя 55 лет после публикации статьи, документ найти невозможно. Он не отложился ни в архиве семьи Мишо, ни в городском архиве Ниццы. Но в архивном фонде Луи Каппатти, хранящемся в библиотеке им. кавалера Чессоле²²⁶ в Ницце, имеется машинописная копия письма А. Ф. Мишо: как и подобает историку, Каппатти подумал о том, чтобы сохранить копию ненадолго вручен-

ного ему документа, напечатав текст на машинке. Пусть этот факт и не является решающим, он важен, так как свидетельствует о том, что Каппатти, известный своей серьезностью ученый, не подвергал достоверности документа никакому сомнению... Во-вторых, не может ли этот документ быть более старинной фальшивкой? Стоит ли доверять самому А. Ф. Мишо? Не мог ли он приукрасить эту миссию, а то и вовсе выдумать ее?

Мое длительное исследование, на пути которого было множество препятствий, позволило мне установить, что А. Ф. Мишо действительно встретился со Львом XII — по крайней мере один раз, в декабре 1825 г. В своем письме Николаю I, написанном спустя десять лет после событий, он с точностью до двух дней сообщал дату этой встречи, которую подтверждают папские архивы. Кроме того, ничто в биографии этого глубоко преданного Александру I офицера, отважного в бою и пылкого католика, не наводит на мысль о том, что он был склонен к безудержным фантазиям. Таким образом, кажется, что А. Ф. Мишо и в самом деле был направлен Александром I с заданием, целью которого было изучить пути к сближению, а то и слиянию Западной и Восточной церкви.

Александр I склонялся к этому в силу своих политических и религиозных взглядов, да и просто своей психологии. Экуменический мессианизм, вписанный в проект Священного Союза, проект международной церкви, воплощенный Библейским обществом, которое он все же не запретил даже после падения А. Н. Голицына, принципиальная важность для него внутренней церкви, веротерпимость²²⁷ к другим христианским конфессиям и отсутствие у него особого интереса к устройству православной церкви²²⁸ — все свидетельствует о том, что подобный проект мог иметь место. Кроме того, известно, что во время Веронского конгресса Александр I и Ф. Р. Шатобриан часто беседовали на религиозные темы. У писателя и дипломата осталось впечатление, что Александр I желал объединить Западную и Восточную церкви.

«Мы коснулись вопроса об объединении греческой и латинской церквей; Александр желал этого, но не считал себя достаточно сильным, чтобы попытаться это слияние осуществить; он стремился посетить Рим и остановился на границе Италии: более робкий, чем Цезарь, он не пересек священного потока, опасаясь того, как будет истолковано его путешествие. Эта внутренняя борьба не проходила без *syndèrèse**: самодержец, всецело захваченный религиозными идеями, не знал, подчинялся ли он скры-

* Синдересис (*франц.*) — угрызения, раскаяния, «дар небес» (*теологич.*). Понятие, широко использовавшееся в позднем Средневековье для обозначения способности, родственной совести, но отличной от нее. (*Прим. ред.*)

той воле Господа или уступал подсказке сатаны, желавшего сделать из него отступника и святотатца»²²⁹.

В архивах Ватикана хранится переписка между папой римским и Александром I, в которой российский император выражает желание нанести понтифику визит, когда будет находиться неподалеку от Рима. Однако это путешествие не состоялось из-за решительных возражений со стороны Марии Федоровны, о чем свидетельствовал великий князь Николай Михайлович:

«В императорской семье подозревали склонность императора Александра I к католицизму. Императрица-мать опасалась, что разговор со Святым Отцом может убедить ее сына вернуться в лоно Церкви, и она настоятельно просила его не ехать в Рим. Император Александр, всегда почтительно относившийся к матери, обещал это ей и сдержал свое слово»²³⁰.

Таким образом, и это свидетельство подтверждает тягу Александра I к католицизму. Наконец, и это важный аргумент, объединение церквей задумывал уже Павел I, который, как мы помним, приказал отцу Г. Груберу, иезуиту, составить на эту тему докладную записку, которая лежала на его рабочем столе в утро его смерти. Нельзя ли, исходя из этого, предположить, что его сын, подверженный мистицизму и усилившимся в 1824–1825 гг. угрызениям совести, попытался таким способом искупить свой грех отцеубийства? Как бы то ни было, этот грандиозный проект, который, вне всякого сомнения, натолкнулся бы на яростное сопротивление как церковных иерархов, так и верующих, не воплотился. Утром 19 ноября император умер...

В ночь с 1 на 2 сентября, за два дня до отъезда императрицы, в 4 часа, Александр I тайком покинул Санкт-Петербург. Он остановился в монастыре св. Александра Невского, где получил благословение митрополита Серафима и долго беседовал с отцом Алексием, аскетом, прежде чем снова отправиться в путь. Его сопровождала немногочисленная свита: глава его штаба и адъютант генерал И. И. Дибич; его врачи Я. В. Виллие и Д. К. Тарасов; обер-вагенмейстер полковник А. Д. Соломко, три младших офицера и несколько слуг. На протяжении всего своего пути он писал Елизавете Алексеевне, также направившейся в Таганрог. Например, 5 сентября он отправил ей предупредительную записку:

«Милый друг, не хочу, чтобы этот день прошел без моих поздравлений и моих добрых Вам пожеланий. Да дарует Вам Господь все то, чего я Вам желаю, и да благословит он Вас!

Я очень желаю, чтобы Ваше путешествие было столь же счастливым и приятным, как наше. Погода удивительная и дороги превосходны.

Я также надеюсь, что Вы будете в достаточной мере довольны ночными пристанищами. Прощайте, милый друг, да сопутствует Вам Бог и да направляет Он Вас во всем»²³¹.

Прибыв в Таганрог 13 сентября вечером, Александр I расположился в весьма скромном дворце, где он вел тихую и уединенную жизнь, чередуя смотры войск, прогулки и молитвы и ожидая приезда Елизаветы Алексеевны. Она присоединилась к нему 23 сентября. Ее сопровождали П. М. Волконский²³², статс-секретарь М. Н. Лонгинов, ее фрейлины княгиня Волконская и княгиня Валуева, врачи К. Штоффреген, Ф. А. Добберт и Рейнгольд и аптекарь Протт. Погрузившись в семейное счастье, пара вела тихую и неприметную жизнь. Вдали от двора и от сотрясающих империю волнений Александр I и Елизавета Алексеевна, казалось, вновь обрели свой юношеский идеал — они уединенно жили «в маленьком домике», но на берегу не Рейна, а Азовского моря. В письме к матери от 23 сентября императрица с мирной радостью рассказывает о своей новой жизни:

«Город очень красив и весел. Море видно почти с каждой улицы, а мое жилье, о котором с такой внимательностью позаботился император, предусмотрев каждую мелочь, красиво и укромно»²³³.

Три дня спустя, в новом письме к матери, она пространно описывала свое новое жилье:

«Император его очень хорошо обставил, частично вещами, присланными из Петербурга, частично очень красивой мебелью, которую делают в этих местах, и я очень удобно устроилась благодаря его до крайности трогательной заботе обо мне. <...> В доме лишь один этаж; он стоит на возвышенности, в конце улицы, которую называют Греческой. Своей широкой стороной дом выходит на эту улицу, а под нашими окнами находится обнесенный изгородью сад. За углом открывается вид на стены древней крепости, о которой я Вам говорила, но из покоев, выходящих во двор, через небольшой сад, прилегающий к дому, можно увидеть море. В углу этого сада есть терраса, откуда открывается прекрасный вид, и я хочу, чтобы настала жара, и я могла бы приходить на эту террасу, чтобы лениво помечтать. Главная зала пересекает весь дом. Из нее направо будут покои императора, который ограничился всего двумя комнатами, а налево — мой салон; затем — мой кабинет с очень удобным диваном, ценнейшим для меня предметом мебели, и именно в этом кабинете я и пишу Вам. За кабинетом находится спальня, которая расположением своих дверей, окон и своими пропорциями напоминает Вашу красную комнату в доме в Карлсруэ. Через маленькую дверцу в глубине спальни можно войти в милую комнатку с одним окошком, которую император предназначил для моих завтраков; из этой комнатки в одну сторону будет маленькая туалетная комната, а в другую — довольно большая комната для горничных, выходящая во двор. В самом конце есть еще маленький кабинет, в котором император сделал для меня библиотеку, чтобы хотя бы из одной комнаты мне открывался вид на море»²³⁴.

В октябре император предпринял новое путешествие и 20-го числа оказался в Крыму. Там он задержался, вновь ощутив желание отречься от

престола и покончить со своим императорским бременем. Он поделился этой мыслью с П. М. Волконским, полусерьезно-полушутливо:

«Скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил двадцать пять лет, и солдату в этот срок дают отставку. <...> И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем»²³⁵.

Эта растущая усталость от власти объяснялась двумя новыми событиями. Во-первых, находясь в Таганроге, Александр I узнал от генерала Дибича о беде, произошедшей 15 сентября²³⁶ в Грузино: слуги убили Анастасию Минкину, любовницу Аракчеева и мать его единственного сына, что привело Аракчеева в столь подавленное состояние, что он отказался продолжать свою государственную службу. Соболезнующий император написал ему дружеское письмо с предложением приехать в Таганрог и провести там какое-то время перед возвращением на службу:

«Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который тебя бы искреннее любил. Место здесь уединенное. Будешь здесь жить, как ты сам расположишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклиная тебя всем, что есть святого, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а с отечеством и я неразлучен»²³⁷.

На это письмо, дающее почувствовать, до какой степени Александр I любил Аракчеева, охваченный горем граф даже не ответил. Приняв решение сложить с себя все полномочия, он, даже не извещая об этом императора, назначил одного из своих подчиненных на свое место. Можно себе представить, в какое расстройство с сентября 1825 г. пришло управление империей. С другой стороны, именно тогда завершилось расследование, начатое И. В. Шервудом: он подтвердил, что вокруг П. И. Пестеля, командовавшего Вятским пехотным полком, существовало тайное общество, активно готовившее заговор. Помимо Пестеля, в числе заговорщиков значились знатные российские фамилии: по всей видимости, в заговоре были замешаны Ермолов, Орлов, Гурьев и множество других военачальников. Но, несмотря на предоставленный Шервудом отчет, Аракчеев, удрученный своей семейной трагедией, не принял против заговорщиков каких-либо превентивных мер. 18 октября из другого источника пришла весть о близящемся заговоре с целью свержения императора. Александр I попросил лишь дополнительных сведений, не требуя принятия каких-либо карательных мер. Замедленная реакция как Аракчеева, так и императора, вне всякого сомнения, облегчила подготовку и воплощение замысла декабристов...

Во время поездки по Крыму император инспектировал войска и военно-морские укрепления, посещал главные монастыри полуострова. Но 27 октября, скача верхом в Свято-Георгиевский мона

стырь близ Севастополя, он простудился. Несмотря на охвативший его жар, он продолжил поездку по Крыму, посещая казармы и военные госпитали. Заболевая все сильнее — настолько сильно, что врачи заподозрили у него тиф, — посещая больных солдат, император долго, до самого 14 ноября, отказывался лечиться, хотя его состояние заметно ухудшилось. Но когда началось лечение, жар не спал, а император все больше слабел. 15 ноября он вызвал к себе православного священника, исповедался и причастился, а 19 ноября в 10.50 утра скончался в присутствии Елизаветы Алексеевны. В тот же день она написала матери, поделившись с ней ужасной новостью:

«Милая мама, наш ангел вознесся на небо, а я осталась на земле. Я самое несчастное существо из всех, кто оплакивает его, о, если бы я могла поскорее воссоединиться с ним! Боже мой, это почти за гранью сил человеческих, но поскольку Он послал мне это испытание, вне всякого сомнения, нужно вытерпеть его. Я не понимаю сама себя, не знаю, сплю я или бодрствую, я не могу осмыслить и понять свое существование»²³⁸.

Несколько недель спустя она снова написала матери, изливая свое горе:

«Все земные узы между нами разорваны... Друзья детства, мы шагали бок о бок в течение тридцати двух лет. Мы вместе пересекли все жизненные этапы. Часто мы удалялись друг от друга, но вновь обретали близость тем или иным образом. Наконец, мы встали на путь истинный и не извлекали из нашего союза ничего, кроме сладости. И именно в этот момент он был похищен у меня»²³⁹.

Подавленная и истощенная горем императрица была не в силах пуститься в путь, чтобы сопровождать похоронный кортеж. Лишь весной 1826 г. она решила вернуться в Санкт-Петербург. Но 3 мая 1826 г., остановившись в Белеве, в Тульской губернии, сорокапятилетняя Елизавета Алексеевна внезапно умерла от сердечного приступа. Она пережила Александра I менее чем на полгода.

* * *

В 1824 г., а значит, за год до смерти Александра I, граф А. Ф. Ланжерон писал о современниках Екатерины II, что они не узнали бы свою родину, если бы ненароком вернулись на Землю, поскольку, как говорил он, «между Россией 1790 года и Россией 1824 года расстояние в три столетия»²⁴⁰. Чем было вызвано такое суждение? В каком отношении двадцать четыре года правления Александра I так глубоко преобразили Российскую империю?

Страна стала важнейшим игроком на международной арене, не только благодаря силе своей армии и нелегким победам, одержанным над Наполеоном, но и по причине постоянного интереса российского монарха к европейским вопросам и его желания превратить

Россию в европейскую державу, игравшую на равных с Великобританией или Францией. Александр I внес свой вклад и в изменение представлений о России и русских в Западной Европе. В 1801 г. и в еще большей степени в 1812, вследствие наполеоновской пропаганды, которая охотно играла на этой теме, русские казались европейцам опасными варварами, жившими на окраине цивилизованного мира. Но в 1814–1815 гг. это враждебное восприятие исчезло, уступив место более нейтральным, а то и хвалебным речам. Нет сомнений, что решительным этапом в этой эволюции было путешествие Александра I в Западную Европу в 1814–1815 гг.: личность императора и его обаяние в большой степени и убедили западноевропейскую знать в полной и абсолютной принадлежности России к западной цивилизации.

Его приверженность идее Священного Союза следует рассматривать под тем же углом зрения. Конечно, с 1821–1822 гг. Священный Союз превратился в карательный инструмент, нацеленный на поддержание авторитарных монархий Европы в их контрреволюционной борьбе, но эти изменения, сколь бы реакционными они ни были, не помешали российскому императору вплоть до самой смерти продвигать общеевропейскую идею принадлежности к единой цивилизации. Значит ли это, что Александр I, поглощенный европейскими вопросами, пожертвовал национальными интересами России, отнесся к ним с небрежением? Хотя некоторые русские националистические историки придерживаются такого мнения, оно не может устоять перед фактами. Да, европейские вопросы действительно занимали важнейшее место в дипломатических проектах императора, можно даже говорить о «европейской мечте» Александра I, но принадлежность России к Европе должна была стать фактором могущества страны. Другими словами, с точки зрения российского монарха, участие в европейских делах со временем привело бы к возрастанию мощи России. В его глазах одно было неотделимо от другого.

Кроме того, за время царствования Александра I территория империи значительно расширилась — как на западе, так и на юге. Присоединение Финляндии, успех, достигнутый на Кавказе, присоединение Бессарабии и создание подконтрольного России польского государства — таковы плоды динамичной экспансии, которая наглядно показала, что Александр I являлся преемником Петра I и Екатерины II.

Однако — и это очень важно — постоянная активность Александра I в деле усиления мощи и обеспечения геополитических интересов России осуществлялась в значительной мере за счет внутреннего положения империи и ее развития.

Продолжительные войны с Францией очень дорого обошлись России с демографической, финансовой и экономической точек зрения. Содержание императорской армии тяжким грузом легло на государственный бюджет, а после вторжения 1812 г. потребовались очень большие средства на восстановление территорий, тяжело пострадавших от нашествия Великой Армии. Но были и политические последствия. С 1805 г., когда дипломатические и стратегические вопросы вышли на первый план (в 1812 г. став жизненно важными), дела внутренние оказались в зависимости от дипломатических приоритетов. Поэтому для обеспечения национального единства потребовался козел отпущения — М. М. Сперанский, которого при дворе считали франкофилом и который в 1812 г. был отстранен Александром I от власти. Порой же о внутренних делах вообще забывали: в годину опасности уже было не ко времени начинать намеченные реформы. Когда в 1812 г. страна, наконец, обрела мир, император, которого по-прежнему притягивала дипломатическая сфера, продолжал отдавать последней большую часть своей энергии, вновь в ущерб делам внутренним. И это привело к весьма серьезным последствиям.

Не считая первых лет правления Александра I, когда царил дух реформ и некоторые меры были предприняты, в частности, преобразование системы школ и создание новых университетов, когда император собирался даровать своему народу политические свободы, а то и конституцию (кроме «времени Сперанского», периода с 1807 по 1812 г., совпавшего с возвращением к мирной жизни и сделавшего внутренние дела приоритетными), реформаторская деятельность императора имела весьма ограниченный характер, несмотря на надежды, которые он внушал с момента своего восшествия на престол. В целом страной не «правили», а «управляли» — поскольку инициативы, принятые на вершине власти, в конечном счете, были немногочисленны и, в общем и целом, не слишком убедительны.

В экономическом и социальном плане Российская империя не сильно изменилась: в конце XVIII в. городское население составляло лишь 4 % общего населения империи; демографический подъем, который вопреки наполеоновским войнам пережила Россия в первой четверти XIX в., не изменил это соотношение. Если в середине XVIII в. Российская империя находилась на первом месте в мире по выплавке чугуна, то в конце XVIII в. ее догнала, а в 1801–1825 гг. значительно обогнала Великобритания. В политическом плане, хотя российский монарх неоднократно обращался к идеям конституционной реформы и отмены крепостного права, они, найдя отражение на страницах нескольких рабочих документов, так и не миновали стадии предварительной разработки.

Вину за эти неудачи различные историки возлагали на недостаток смелости Александра I, его слабовольный характер, его поверхностное увлечение реформизмом, его страх оказаться жертвой заговора со стороны реакционной аристократии. Но на самом деле ни одно из этих обвинений не является состоятельным. Александр I много раз показывал себя храбрым и даже упрямым человеком: об этом свидетельствует его способность противиться двору, враждебно перешептывавшемуся по поводу Тильзита, его поездка в Эрфурт, его участие в боях во главе казачьих полков в заграничном походе. Кроме того, нельзя ставить под сомнение, по крайней мере до 1820-1821 гг., его искреннюю приверженность либеральным идеям и реформаторским проектам.

Несмотря на изначальный оптимизм императора, на его усилия по совершенствованию управления империей и на его стремление при помощи реформы школьного и университетского образования даровать стране новую элиту, происходившую из более широких социальных слоев, Александр I в течение всего своего царствования сталкивался с ключевой проблемой. В стране отсутствовали вспомогательные механизмы и точки опоры, которые помогли бы ему преодолеть глубокую враждебность дворянства, прекрасно осознававшего, что конституционные проекты рано или поздно создадут угрозу для существующего социально-политического порядка, в первую очередь для крепостного права.

Отсутствие точек опоры и враждебное отношение дворян к переменам и сыграли, на наш взгляд, решающую роль в отказе Александра от реформ. Но и другие факторы внесли в это свой вклад, прежде всего религия. Император, чья абсолютная власть являлась священной по своей природе, по мере того как возрастала его вера, должен был испытывать все большие колебания по поводу того, имеет ли он право отказаться от полномочий, возложенных на него Господом, и которые он должен был передать своему наследнику.

Однако, несмотря на отказ Александра I от осуществления в России реформ, что в значительной мере ухудшило итоги его царствования, за эту четверть века произошли важные изменения. Помимо того что выросла российская мощь и укрепились связи России с Европой, необходимо подчеркнуть широту прав, предоставленных Финляндии и Польше, где там можно было делать первые шаги в изучении конституционализма, а также отмену крепостного права в прибалтийских землях — прелюдию к его отмене по всей стране, важность создания университетов, впоследствии сыгравших роль рассадника новых идей. Наконец, если раньше русское национальное движение, прославлявшее народные корни русской культуры и не

признававшее западных веяний, существовало лишь среди малочисленной знати, то после 1812 г. оно заметно расширилось. В результате войны с Наполеоном вся нация, невзирая на сословные различия, сплотилась против захватчика, что привело к возникновению национальной идентичности и национального самосознания, значительно выходящих за пределы узкого круга интеллигентов. Таким образом, правление Александра I, вопреки частым обвинениям историков, отнюдь не было неподвижным и консервативным — оно стало временем зарождения политических, интеллектуальных и социальных идей, которые, пережив царствование Николая I, подготовили умы к великим реформам Александра II.



ВМЕСТО ЭПИЛОГА: ТАЙНА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА

Осенью 1836 г. полиция Пермской губернии арестовала человека, который называл себя Федором Кузьмичом и передвигался верхом. Примерно шестидесяти лет от роду, высокий, широкоплечий, голубоглазый, глухой на одно ухо, образованный и выражающий свои мысли с большой легкостью, он не имел при себе внутреннего паспорта и отказывался что-либо о себе рассказывать. Он был приговорен к двадцати ударам плетью и многим месяцам тюрьмы. После окончания срока заключения Кузьмич был отправлен в Томскую губернию и определен работать на государственный винокуренный завод. Он оставался там пять лет, живя в нужде, окруженный простыми людьми, будучи открытым и проявляя активное участие в тех, кто его окружал: он давал советы крестьянам касательно гигиены, здоровья и сельского хозяйства, учил их детей Священному Писанию, азам письма и счета, истории и географии. Этот странный человек, который владел французским языком и, казалось, хорошо знал российский двор и его нравы, но при этом вел аскетичную жизнь, принося себя в дар другим, быстро стал объектом слухов. О нем начали говорить как об аристократе, сбежавшем от своего прошлого.

Устав от этих слухов, старец¹ в 1842 г. вновь отправился в скитания по Сибири, нигде не останавливаясь надолго. В 1858 г. он поселился, на сей раз окончательно, у томского купца Семена Хромова, который предоставил ему небольшой уединенный домик в четырех верстах от города — он жил там отшельником. После смерти в 1864 г. старик был похоронен на томском монастырском кладбище. На могиле, быстро ставшей местом паломничества, С. Хромов приказал написать «Здесь погребено тело Великого *Благословенного*² старца Феодора Козьмича, скончавшегося в Томске 20 января 1864 года»³.

Выбор эпитета «благословенный» не был безобидным, потому что он отсылал к титулу, которым сенат хотел почтить Александра I. Действительно, сразу же после смерти Федора Кузьмича языки развязались, и по Сибири распространился слух: Федор Кузьмич и Александр I — одно лицо. Будучи в этом убежден, в 1866 г. С. Хромов написал Александру II, надеясь встретиться с ним и передать ему записки и документы, принадлежавшие Федору Кузьмичу, но его

просьба осталась без ответа⁴. Хромов был настойчив. В начале правления Александра III, летом 1881 г., он явился в Санкт-Петербург и встретился с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым⁵, которому объяснил суть дела, вручил неумело составленные записки о Федоре Кузьмиче и попросил передать новому императору имущество покойного, в том числе множество икон и портрет старца, который Александр III впоследствии держал на своем письменном столе. Затем, как рассказывают, — но письменные источники отсутствуют и в нашем распоряжении есть лишь не поддающиеся проверке устные свидетельства, — Александр III приказал вскрыть гробницу Александра I в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Говорят, что граф И. И. Воронцов-Дашков, которому было поручено это дело, констатировал, что гробница пуста⁶.

В самом конце XIX в. образованные представители верхушки общества, в свою очередь, заинтересовались этой тайной.

Убежденный, что Кузьмич и Александр I — одно лицо, Л. Н. Толстой посвятил этой истории произведение под названием «Посмертные записки старца Федора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири близ Томска на заимке купца Хромова». Под видом воспоминаний Кузьмича он описывает, как император организовал ложные похороны и организовал свое бегство. Тогда же, в 1897–1898 гг., Н. К. Шильдер в своей объемной четырехтомной биографии Александра I поддержал версию о добровольном исчезновении императора, которое было легче организовать в Таганроге, вдали от двора, нежели в Санкт-Петербурге. Он подчеркивал тот волнующий факт, что после смерти Кузьмича в его келье было обнаружено множество икон, на одной из которых, посвященной Богородице, под защитным стеклом стоял инициал «А», увенчанный короной⁷. С Шильдером согласились многие петербургские архивисты⁸, а в частных разговорах — и некоторые члены императорской семьи, например цесаревич Николай Александрович, будущий Николай II, который в 1891 г. отправился на могилу старца⁹.

Однако в последние годы существования империи против этих утверждений выступил великий князь Николай Михайлович: в его небольшой работе под названием «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе Старца Федора Кузьмича»¹⁰ официальный историк решительно опроверг версию Н. К. Шильдера. С его точки зрения, инициал под стеклом иконы никоим образом не доказывал, что Кузьмич и Александр I — одно лицо. Кроме того, их почерки отчетливо различаются; наконец, если мы примем версию добровольного исчезновения, это означает, что либо императрица, по-
жедавшая на страницах своего дневника о «болезни» и агонии своего

мужа, лгала (зная цельность ее характера, нельзя ее в этом заподозрить), либо же он не посвятил ее в свой план (а такое предательство кажется совершенно необъяснимым, учитывая возобновление близких отношений между супругами и стремительно прогрессирующий туберкулез императрицы)¹¹. Вместе с тем книга великого князя не покончила с дискуссией, и рассказывают даже, что он сам, незадолго до своей смерти от рук большевиков, увидев новые документы, переменял точку зрения¹².

Полемика вновь разгорелась перед войной. В своей работе, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1913 г. и переизданной в Париже в 1929 г.¹³ князь В. Бяратинский, в свою очередь, выступил защитником версии о добровольном исчезновении Александра I и коварной инсценировке его «смерти». Он подробно и очень убедительно изложил список грубейших несообразностей, обнаруженных им в рассказах очевидцев, присутствовавших в Таганроге.

После победы большевиков и установления коммунистического режима советское руководство, как рассказывают, в 1921 г. изучило останки русских царей, похороненных в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Говорят, что они, в свою очередь, тоже обнаружили гробницу Александра I пустой¹⁴. Но эти сведения, которыми историки и архивисты делились вполголоса, в то время как советские биографы официально разоблачали «легенду» о Федоре Кузьмиче как историю, не имевшую никакой реальной основы, увы, не могут быть подтверждены письменными источниками: дело, связанное с вскрытием гробницы Александра I, по сей день не удается обнаружить в архивах.

«Тайна Кузьмича» породила множество интерпретаций, часто зависящих от политического и культурного кругозора биографа. Если советские историки решительным образом утверждали, что император умер, то на Западе, и в особенности в произведениях русских эмигрантов, предпочитали версию его добровольного исчезновения. В наше время произошел удивительный разворот — и в академических трудах, опубликованных в России в последнее время, версия добровольного исчезновения царя преподносится как вполне возможная¹⁵, а то и несомненная¹⁶.

Хотя по итогам наших исследований мы затрудняемся принять ту или иную точку зрения, мы можем все же подчеркнуть несколько важных моментов. Конечно, в русской истории на протяжении многих веков существовали мифы, в которых важное место отводилось ложным царям и обманщикам, а преждевременная смерть императора (ему было всего лишь сорок семь лет) вдали от взглядов поддан-

ных должна была сама по определению породить самые невероятные слухи. Таким образом, со стороны народа в этой легенде видно более или менее сознательное желание не соглашаться с этой смертью, «ненормальной», если учитывать возраст Александра I. Но этот аргумент не кажется нам приемлемым: в 1825 г. император был крайне непопулярен из-за военных поселений. Почему простые люди Сибири захотели бы спустя десять лет после событий «продлить» жизнь царя этой выдумкой, если последние годы правления Александра I не принесли им ничего, кроме страданий и лишений?

Другой аргумент, который выдвигают сторонники версии смерти Александра I в Таганроге, — трудновыполнимость замысла. С точки зрения историков-«рационалистов», императору было, быть может, нетрудно симулировать болезнь, но найти себе на замену труп и сделать так, чтобы он был принят за тело покойника, можно было только при помощи ближайшего окружения императора, и тайна рано или поздно должна была обнаружиться... Наконец, само позднее «повторное появление» императора подозрительно: каким образом в течение одиннадцати лет бывший монарх мог оставаться инкогнито на территории собственной империи и вновь оказаться в поле зрения лишь в 1836 г.? Что делать с этими одиннадцатью «пропущенными» годами? И, если принять наиболее вероятную гипотезу, что бывший император в течение всего этого периода оставался в монастыре, как можно предположить, что правда так и не вышла наружу? Не стоит ли просто предположить, что Кузьмич не был императором, а всего-навсего, имея сильное сходство с Александром, в конечном счете начал себя с ним отождествлять?

Все эти доводы наталкиваются на столь же убедительные аргументы сторонников добровольного исчезновения.

Первый из них — усталость и многократно высказанное Александром I желание отречься как можно скорее. А ведь в отсутствие конституционной реформы власть, которую он унаследовал, оставалась священной и абсолютной, и освободить его от нее могла лишь смерть — или инсценировка смерти. Осенью 1825 г. совершенно уставший от своей власти Александр I, душой уже покинувший свою империю, полностью положился на А. А. Аракчеева — и разве не могло его вызванное личной трагедией отступничество подтолкнуть императора к быстрому осуществлению задуманного, чтобы, тайно отрекшись от престола, предаться безвестной и молитвенной жизни, о которой он так давно мечтал?..

Наконец, как понять, что болезнь и агония первого лица империи, священного государя, были столь по-разному описаны его близ-

кими, членами его семьи, друзьями и врачами¹⁷? Это смущает больше всего: рассказы очевидцев о решающей неделе (с 11 по 19 ноября) никак не согласуются друг с другом. Хронология болезни отличается в докладах П. М. Волконского, адъютанта и друга императора, и его личного врача Я. В. Виллие. Что же касается дневника, который Елизавета Алексеевна исправно вела, начиная со своего приезда в Таганрог, то его повествование внезапно обрывается 11 ноября. Был ли он уничтожен? Или императрица предпочла хранить молчание? Обе гипотезы возможны... Что же до последних часов жизни императора, то их описания, оставленные двумя личными врачами Александра I — Д. К. Тарасовым и Я. В. Виллие, совершенно противоположны. Д. К. Тарасов писал, что император провел ночь «спокойно», а Я. В. Виллие сообщал об «очень беспокойной ночи», во время которой монарху становилось «хуже и хуже». Не отразился ли в этих противоречиях тот факт, что «дневники» были написаны а posteriori, в неуклюжей попытке рассказать о событии, которого не было?

Результаты вскрытия тоже сомнительны: в них упоминаются мозговые повреждения, связанные с сифилисом, которым император никогда не болел! Кроме того, при том что в 1824 г. Александр I болел рожистым воспалением левой ноги, которое подтверждается медицинскими записями, зарубцевавшиеся язвы были обнаружены на правой ноге трупа... Наконец, хотя протокол вскрытия был завизирован девятью врачами, в присутствии генерала А. И. Чернышева. Д. К. Тарасов, который, как считается, его составил, и чья подпись стоит под документом, впоследствии утверждал в своих «Мемуарах», что не подписывал его. И это еще не все противоречия! С точки зрения Д. К. Тарасова, работа по бальзамированию тела была выполнена превосходно. Шониг сообщает, что оно очень быстро почернело, а по мнению тех немногих, кто видел его вблизи, оно было неузнаваемо. Наконец, и это очень важно, на похоронах, проходивших 26 марта 1826 г. в Санкт-Петербурге, гроб, установленный в Казанском соборе, был скрыт от взглядов присутствующих под предлогом того, что болезнь обезобразила государя, хотя это противоречило православному обряду, согласно которому во время отпевания покойник должен лежать в открытом гробу. Никому не было позволено увидеть лицо царя...

Все эти сведения не позволяют историку быть в чем-либо абсолютно уверенным — разве что могила императора будет вскрыта. Но вне зависимости от того, вел ли Александр I в Сибири под видом отшельника Федора Кузьмича жизнь, полную аскезы и молитв, позволившую ему наконец искупить давний грех отцеубийства, или он

умер в Таганроге, вдали от столицы и двора, вне зависимости от того, умер ли он естественной смертью или пожелал исчезнуть, с 19 ноября 1825 г., сделавшись инкогнито или отправившись к праотцам, Александр I не перестал быть частью истории России.



ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ «Наш ангел на небе», — писала она своей матери, чтобы сообщить ей о смерти Александра I, скончавшегося 10 ноября 1825 г. в Таганроге.

² *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 2007. С. 8.

³ Имя очень талантливого французского комедианта.

⁴ *Caulaincourt A. A. L. Mémoires du duc Caulaincourt.* Paris, 1933; *Las Cases E.-A.-D. Mémoires de Saint-Hélène.* Paris, 1968.

⁵ Великая княгиня Екатерина Павловна, мать — императрица Мария Федоровна.

⁶ Цит. по: *Waliszewski K. La Russie il y a cent ans: le règne d'Alexandre I.* Vol. 1. Paris, 1923. P. 25.

⁷ *Ibid.* P. 23.

⁸ Письмо А. Коленкура к соответствующему министру от 19 сентября 1810 г.: Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812 / под ред. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1907. Т. 5. С. 139.

⁹ Выражение принадлежит поэту П. А. Вяземскому.

¹⁰ См., в частности: *Troubetskoj A. Imperial legend: the Mysterious Disappearance of Tsar Alexander I.* New York, 2002.

¹¹ *Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.

¹² Ту же самую мысль высказывает Н. К. Шильдер: «С 1801 по 1810 гг. в государственной жизни России происходят непрерывные колебания как во внутренней, так и во внешней политике; по всем отраслям управления империей замечается полная неустойчивость взглядов, резкие переходы от одной политической системы к другой. Все эти явления обуславливаются исключительно одной личностью императора Александра, обладавшего свойством нередко колебаться между двумя совершенно различными настроениями без всякой последовательности в избранном им направлении» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1904. С. 1).

¹³ *Waliszewski K.* *Op. cit.*

¹⁴ «Чувствуя на себе любовь и бабки, и Павла, Александр привык делать светлое лицо и там, и здесь. У бабки в большом дворце он умел казаться любящим внуком, а переезжая в Гатчину, умел принимать вид сочувствующего сына. Неизбежная привычка к двуличию и притворству была последствием

этого трудного положения между молотом и наковальней» (Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 2005. С. 503).

¹⁵ *Troyat H.* Alexandre I: le sphinx du nord. Paris, 1980.

¹⁶ *Paléologue M.* Alexandre I, un tsar énigmatique. Paris, 1937.

¹⁷ *Grunwald C.* Alexandre I, le tsar mystique. Paris, 1955.

¹⁸ *Arkhanguelski A.* Alexandre I, le feu follet. Paris, 2000.

¹⁹ *Olivier D.* Alexandre I, prince des illusions. Paris, 1973.

²⁰ *Rain P.* Un tsar idéologue, Alexandre I. Paris, 1913.

²¹ *Klimenko M.* Tsar Alexandre I: Portrait of an Autocrat. New York, 2002.

²² *McConnell A.* Tsar Alexandre I: A Paternalistic Reformer. Chicago, 1970.

²³ The Emperors and Empresses of Russia, Rediscovering the Romanovs / ed. by D. J. Raleigh, compiled by A. A. Iskenderov. New York, 1996. P. 216.

²⁴ *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998.

²⁵ С точки зрения методологии очень ценной является работа Ф. Доссе: *Dosse F.* Le Pari Biographique, écrire une vie. Paris, 2005.

²⁶ Этот фонд находится в Москве (ГА РФ. Ф. 679). Однако не стоит забывать, что российские архивные документы, относящиеся к эпохе Александра I, сохранились лишь частично: Николай I, взойдя на престол в 1825 г., сжег часть бесценных документов, среди которых были части дневников императрицы Елизаветы Алексеевны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

²⁷ Автору удалось поработать в архивах ордена иезуитов в Риме и Ванве.

²⁸ Лишь часть этой переписки была опубликована. Многочисленные и пока неопубликованные письма Александра I на французском и русском языках находятся в Москве и хранятся в РГАДА (письма публичного содержания) и ГА РФ (частные письма). В ГА РФ имеются ценные личные фонды Александра I, а также личные фонды императрицы Елизаветы Алексеевны, Марии Федоровны и великого князя Константина Павловича.

²⁹ *Las Cases E.-A.-D.* Op. cit.

³⁰ Записки Якова Ивановича Санглена: 1776–1831 гг. // Русская старина. 1883. Т. 37. № 1. С. 4.

³¹ *Чарторыйский А. Ю.* Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 202.

³² Там же. С. 229–230.

³³ Михайловский дворец, или замок, назван в честь архангела Михаила, «явившегося» Павлу I, и также известен как Инженерный замок, так как в 1819 г. здание было отдано Главному инженерному училищу. Строительство началось по воле Павла I в 1797 г., и к 1801 г. работы едва были закончены. Михайловский замок выделялся на фоне прочих зданий Санкт-Петербурга своим рвами с водой (не сохранились до наших дней), массивностью, а также тем, что своим внешним видом дворец походил на крепость. В настоящее время Михайловский замок является одним из зданий Государственного Русского музея.

³⁴ См., в частности: Цареубийство 11 марта 1801 г., записки участников и современников / под ред. А. С. Суворина. СПб., 1907.

³⁵ *Langeron A. L. A.* Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagne de 1812, 1813, 1814. Paris, 1902 (документ не пагинирован).

Ланжерон во введении к своим мемуарам указывает на то, что, если бы он составил их в 1826 г., различные свидетельства были бы собраны гораздо быстрее, начиная с раннего повествования Палена 1804 г. и заканчивая гораздо более поздними рассказами Беннигсена и Константина Павловича. Мемуары А. Ланжерона отложились в архиве Ришелье: Fonds du duc de Richelieu, Mémoires et Documents. Paris. Bibliothèque de la Sorbonne. Ms. 99.

³⁶ Свидетельство великого князя Константина Павловича см.: *Mémoire sur la mort de Paul I // Langeron A. L. A. Op. cit.*

³⁷ Письмо Ч. Уитворта к П. А. Палену (26 мая / 7 июня 1800 г.) хранится в архиве (Kent Archive Office. U 269. O. 197/7) и цитируется Дж. Кеннеи: *Kenney J. J. Lord Whitworth and the Conspiracy against Tsar Paul I: The New Evidence of the Kent Archive // Slavic Review. Vol. 36. № 2. P. 214–215.*

³⁸ Поначалу Ч. Уитворт не оправдывался перед финансовыми службами английского министерства иностранных дел (*Kenney J. J. Op. cit. P. 216–217.*)

³⁹ *Ibidem.*

⁴⁰ *Brian-Chaninov N. Alexandre I. Paris, 1934. P. 20–21.*

⁴¹ Офицеры Семеновских и Преображенских полков.

⁴² Свидетельство графа П. А. Палена см.: *Mémoire sur la mort de Paul I // Langeron A. L. A. Op. cit.*

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ *Ibidem.*

⁴⁶ Этот тезис выдвинут, например, великим князем Николаем Михайловичем: *Романов Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования. Пг., 1914.*

⁴⁷ Историк К. Валишевский особенно строг к Александру I, которого он на протяжении всего своего биографического исследования, посвященного российскому императору, рассматривает как воплощение двуличности. Ср., например, его описание Александра в 1796 г.: «Будущий Агамемнон европейской коалиции уже тогда обещал стать одним из самых коварных, хитрых и двуличных людей, которых когда-либо знала история» (*Waliszewski K. Op. cit. Vol. 1. P. 4.*)

⁴⁸ Письмо Елизаветы Алексеевны к матери см.: *Романов Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра Первого. СПб., 1908. Т. 1. С. 271.*

⁴⁹ Цит. по: *Paléologue M. Op. Cit. P. 1.*

⁵⁰ Выражение А. И. Герцена.

I. Детство и юность императора. 1777–1801

¹ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. СПб., 1878. № 46.

² *Heller M. Histoire de la Russie et de son empire. Paris, 1997. P. 545–546.*

³ Раскол произошел в XVII в., когда патриарх Никон решил вновь использовать для богослужения первоначальную версию Священного Писания, убрав из текстов все изменения, накопившиеся в них за многие столетия.

Этот процесс подразумевал изменение обрядовой части: так, например, креститься отныне следовало тремя, а не двумя перстами. Однако группа ревнителей веры, названная с тех пор раскольниками, или староверами, отвергла эти изменения, восприняв их как происки дьявола. За свое противодействие официальной церкви староверы подвергались гонениям, при этом некоторые из них предпочитали скорее умереть, чем отказаться от своих убеждений.

⁴ Однако впервые совещаясь со своими подданными и желая услышать их мнение, императрица создавала благоприятные условия для зарождения гражданского общества.

⁵ Т. е. крестьян, которые не находились в крепостной зависимости от помещиков.

⁶ Младшая дочь Петра Великого Елизавета Петровна правила с 1741 г. по декабрь 1761 г. См. очень ценное биографическое исследование: *Liechtenhan F.-D. Elisabeth I de Russie: L'autre impératrice*. Paris, 2007.

⁷ На самом деле Петр был бесплоден.

⁸ *The Emperors and Empresses of Russia...* P. 177–215. Эта часть книги посвящена правлению Павла I и написана Ю. А. Сорокиным. См., в частности, с. 181–182.

⁹ *Головкин Ф.* Двор и царствование Павла I. М., 1912. С. 110.

¹⁰ Свидетельство Ф. Головкина см.: *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 104.

¹¹ Он был изгнан из России в 1797 г., год спустя после воцарения Павла I, когда в стране настало время франкофобии, и вскоре издал свои мемуары в трех томах, первый из которых вышел в 1800 г., см.: *Masson Ch. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I.* Paris, 1800–1802. Т. 1–3.

¹² *Masson Ch.* Op. cit. Т. 1. Paris, 1800. P. 179–181.

¹³ *The Emperors and Empresses of Russia...* P. 183.

¹⁴ Более подробно об этих двух неудачных попытках см.: *Ragsdale H.* *Tsar Paul and the Question of Madness: An Essay in History and Psychology*. New York, 1988. P. 8–9.

¹⁵ *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 27–28.

¹⁶ Правительствующий Сенат, учрежденный Петром I в 1711 г., выполнял много функций: он управлял страной в отсутствие государя (во время военных кампаний), представлял собой высшую судебную инстанцию и осуществлял надзор за всеми ветвями управления. При преемниках Петра I Сенат играл второстепенную роль, за ним закрепился статус высшей судебной инстанции.

¹⁷ В фонде 728 (ГА РФ. «Собрание документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца») хранится прекрасная коллекция писем, которыми обменивались Александр и его мать в 1790–1794 и 1797–1800 гг.

¹⁸ Не считая случаев неправильной постановки надстрочных знаков, в письмах присутствуют немногочисленные орфографические ошибки, зато нет синтаксических ошибок. Письма хорошо оформлены, строчки ровные, чего нельзя сказать о письмах, написанных после 1792 г.

¹⁹ Ср. с письмом, которое он написал 26 июня 1790 г.:

«Дорогие папа и мама!

Пользуюсь свободной минутой, чтобы написать вам и разузнать о вашем здоровье и сказать вам, мои дорогие родители, что я был бы счастлив уви-

даться с вами завтра или послезавтра. Я очень усердно молюсь Всевышнему, у нас все хорошо и я гуляю целыми днями.

Вчера вечером я был в саду на Пулковской горе. Осмелюсь просить вас, моя дорогая мама, передать мое почтение моему дорогому дяде. С глубочайшим уважением,

Ваш смиренный и покорный сын,
Александр».

²⁰ Это выражение, периодически используемое Екатериной II, впервые появилось в письме к барону Ф. М. Гримму от 28 марта 1779, см.: Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 73.

²¹ Ср. с ее письмом к Ф. М. Гримму: «Будьте добры, отправьте мне один или несколько экземпляров нового дополненного издания “Эмиль, или о воспитании”, ибо это великолепная книга, и ее практическое применение столь благотворно сказалось на обходительности моего маленького господина Александра. Удивительно, насколько этот мальчуган любит слушать умную речь» (Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 92).

²² Речь идет о маленьком костюме, который нарисовала Екатерина и набросок которого содержался в письме.

²³ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 96.

²⁴ Там же. № 79.

²⁵ Там же. № 82.

²⁶ 7 мая 1779 г., в день крещения новорожденного, Екатерина написала Ф. М. Гримму письмо, в котором она не без юмора и неявно раскрывает свой замысел (Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 77).

²⁷ Фраза по меньшей мере странная, учитывая, что она вышла из-под пера самодержавной императрицы!

²⁸ Собрание изречений Екатерины было опубликовано в кн.: Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по Высочайшему повелению. СПб., 1781.

²⁹ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 93.

³⁰ Там же. № 116, 3 июня 1783 г.: «Сегодня 3 июня. Поговорим о приятных предметах. Если бы Вы видели, как господин Александр копает землю, сеет горох, сажает капусту, пашет, сохой с плугом боронит, потом весь в поту идет мыться в ручье, после чего берет свою сеть и с помощью сударя Константина принимается за ловлю рыбы! Они отделяют щук от окуней, потому что щука говорит Александр, поедает других рыб, стало быть, ее надо держать особю».

³¹ Мария Федоровна произвела на свет шестерых дочерей. Сначала родились Александра (29 июля 1783 г.), Елена (13 декабря 1784 г.), Мария (4 февраля 1786 г.) и Екатерина (10 мая 1788 г.). Затем появились Ольга (11 июля 1792 г.), умершая 15 января 1795 г., и Анна (7 января 1795 г.). В отличие от мальчиков, дочерей растили и воспитывали родители, особенно мать.

³² Родилась 29 июля 1783 г. по юлианскому календарю.

³³ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 117.

³⁴ Екатерина говорит об этом как о решенном деле в своем письме к Ф. М. Гримму от 28 марта 1784 г.

³⁵ «Инструкции, составленные для воспитателя Н. И. Салтыкова». Текст приводится в кн.: *Laharpe F.-C.* Op. cit. 1902. P. 269–292. Работа, автор которой неизвестен, была составлена на основе русских источников и неизданных рукописей Ф. Лагарпа, которые он завещал окружной библиотеке в Лозанне. Эти рукописи (двенадцать объемных тетрадей) были озаглавлены «Записки о различных науках, предназначенных послужить основой для уроков, данным великим князьям российским». Автор ссылается на них по ходу главы. Все ссылки даны на один и тот же источник.

³⁶ Малоприятное прозвище, которым Екатерина II наделяет своего сына и невестку в письмах к Ф. М. Гримму.

³⁷ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 122.

³⁸ Отец и дядя трех декабристов.

³⁹ *Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 157.

⁴⁰ Т. е. без этого они страдали запором! (*Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 163).

⁴¹ Впоследствии она станет близкой подругой императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра.

⁴² *Souvenirs de la comtesse Golovine, née princesse Golitsyne.* Paris, 1910.

⁴³ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 103–104.

⁴⁴ Массон называет его Пратасов.

⁴⁵ *Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 163–164.

⁴⁶ *Ibid.* P. 165.

⁴⁷ *Ibid.* P. 94–95: «Это единственный русский священник, который не носит бороды: находясь в Лондоне, он с трудом добился этого разрешения и нашел в себе храбрость бриться и после своего возвращения. Но хотя он и оставил в Англии свою бороду, он привез оттуда знания и склонности, полезные в его родной стране. Он занялся сельскохозяйственным обустройством в окрестностях Царского Села, где он распахал пустыри и осушил болото, чтобы сделать из них плодородные поля и английские сады. Именно так он поквитался за презрение своих наиболее ханжеских собратьев, которые смотрели на него как на еретика».

⁴⁸ Об этом признании Александра упоминает Й.-Х. Шницлер: *Schnitzler J.-H. Histoire intime de la Russie.* Paris, 1847. Vol. 1. P. 461–462.

⁴⁹ *Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 165.

⁵⁰ *Ibid.* P. 166.

⁵¹ Имя Лагарпа встречается в различной орфографии, в зависимости от источника: *La Harpe, Laharpe* или даже *LaHarpe*. В настоящей работе используется вариант, наиболее часто встречающийся в источниках, относящихся к той эпохе, которыми пользовались Екатерина и Александр. Тот же вариант написания фамилии Лагарпа присутствует в работе, опубликованной в 1902 г., начиная с рукописей самого Лагарпа. К тому же именно так пишется фамилия, которую носят его потомки.

⁵² Письмо Александра Павловича к принцессе Баденской, 9 мая 1797 г. ГА РФ. Ф. 658. Д. 109.

⁵³ Цит. по: *Brian-Chaninov N.* Op. cit. P. 42–43.

⁵⁴ Ф. Лагарп оставил после себя если не мемуары, поскольку они посвящены лишь о кратком эпизоде его жизни, то по меньшей мере автобиографический очерк: *Laharpe F.-C. Mémoires de Frédéric-César Laharpe, concernant sa conduite comme directeur de la République helvétique.* Paris, Genève, 1864.

⁵⁵ *Laharpe F.-C. Mémoires...* P. 67: «Именно тогда я жадно читал древнюю историю и питал к людям той эпохи и к республикам то восхищение, которое оказывало на меня столь сильное влияние до конца моей жизни».

⁵⁶ *Laharpe F.-C. Mémoires...* P. 73.

⁵⁷ Письма Екатерины II к барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 107.

⁵⁸ Т. е. 10 июня 1784 г.

⁵⁹ *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 11.

⁶⁰ *Laharpe F.-C. Mémoires...* P. 75–76.

⁶¹ *Ibid.* P. 82.

⁶² Среди них граф Д'Артуа, который обоснуется в Санкт-Петербурге в 1793 г.

⁶³ Эту фразу Екатерины II в своих мемуарах приводил не только Ф. Лагарп, но и Ш. Массон: *Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 159. Рассказ о крамоле содержится также в одном из писем графа Ф. В. Ростопчина к графу М. С. Воронцову от 6 июля 1793 г. Ростопчин, которого едва ли можно заподозрить в республиканских симпатиях, в данном случае присоединился к Лагарпу. См.: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 20–21.

⁶⁴ Письмо от 17 февраля 1810 г. см.: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 19.

⁶⁵ Текст записки см.: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 23.

⁶⁶ Цит. по: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 16–17.

⁶⁷ В его лекциях можно встретить следующее упоминание: «Нюма был достоин трона. Он дал Романовым мудрые законы, которые их осчастливили: он сам первый подавал пример того, как их следовало соблюдать» (*Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 26).

⁶⁸ Замечания о лекциях Лагарпа см.: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 116.

⁶⁹ *Ibid.* P. 33.

⁷⁰ *Ibidem.*

⁷¹ Он сам упоминает об этом в записке, поданной графу Н. И. Салтыкову в декабре 1790 г. См.: Русская старина. 1870. Т. 2. С. 256–266.

⁷² ГА РФ. Ф. 728. Д. 306. В этом же фонде хранится отчет о еженедельных занятиях великих князей Александра и Константина под руководством Ф. Лагарпа.

⁷³ Записки о занятиях Ф. Лагарпа см.: ГА РФ. Ф. 728. Д. 306. Он также писал: «Право есть ограничение свободы отдельно взятого человека при условии, что все остальные могут существовать рядом с ним как свободные люди».

⁷⁴ Прогресс, достигнутый обоими великими князьями в области математики стали предметом подробного доклада: Русская старина. 1870. Т. 2. С. 260.

⁷⁵ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. 18 сент. 1790 г.

⁷⁶ Оба пассажа взяты из кн.: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 46–48.

⁷⁷ Первый сборник басен И. А. Крылова был опубликован в 1802 г. Он сразу же стал популярен в России.

⁷⁸ Выдержки из работ В. О. Ключевского цит. по: *Amacher K. Alexandre I dans l'historiographie russe de la seconde moitié du XIXe siècle et du début du XXe siècle (article publié en ligne sur le site de l'ENS-LSH)*. P. 46.

⁷⁹ В том числе В. О. Ключевский, а также К. Валишевский: *K. Waliszewski*. Op. cit. Vol. 1. P. 8–9.

⁸⁰ *Masson Ch.* Op. cit. Т. 2. P. 169.

⁸¹ 12 мая 1783 г. расхождение во мнениях проявилось в разговоре Екатерины II с сыном. См. статью Ю. А. Сироткина в кн.: *The Emperors and Empresses of Russia...* P. 177–215.

⁸² *Ibid.* P. 193.

⁸³ *Masson Ch.* Op. cit. Т. 1. P. 308.

⁸⁴ *Martin M. Maria Feodorovna en son temps, 1759–1828: Contribution à l'histoire de la Russie et de l'Europe*. Paris, 2003. P. 92.

⁸⁵ *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 29.

⁸⁶ Он родился в сентябре 1769 г., т. е. за 8 лет до Александра I.

⁸⁷ *Jenkins M. Arakcheev, Grand Vizier of The Russian Empire*. London, 1969.

⁸⁸ *Ibid.* P. 43.

⁸⁹ *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 50.

⁹⁰ Обычно великие князья приезжали в Гатчину по пятницам. В субботу они участвовали в военных смотрах и возвращались в Санкт-Петербург в воскресенье.

⁹¹ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 95–96.

⁹² См. депешу графа В. Гольца, прусского посла, от 2 мая 1794 г.: «Помимо огорчений, которые приносят нестроения внутренней и внешней политики, у императрицы появилась новая печаль, связанная с тем, что ее любимый внук великий князь Александр с каждым днем теряет слух» (*Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 233).

⁹³ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 235.

⁹⁴ В письме к Ф. Лагарпу от 12 марта 1796 г. Александр уточнял: «Со слухом стало лучше; электричество, которое использовали для того, чтобы излечить меня от глухоты, мне сильно помогло» (*Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}, suivie de la correspondance Frédéric-César de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie*. Neuchatel, 1978. Т. 1. P. 160).

⁹⁵ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 96.

⁹⁶ Накануне отъезда в апреле 1795 г. он дошел до того, что отправился в Гатчину для встречи с Павлом и посоветовал ему чаще видеться с сыновья-

ми. В знак признательности за этот поступок Павел подарил Лагарпу пару белых перчаток, которые тот сохранил на память до самой смерти.

⁹⁷ *Jenkins M.* Op. cit. P. 51.

⁹⁸ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 249.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 728.

¹⁰⁰ В частности, К. Валишевский, который настаивает на том, что Александру на протяжении всей жизни были свойственны «недоверчивость, скрытность и двуличность» (*Waliszewski K.* Op. cit. Vol. 1. P. 18).

¹⁰¹ Она родилась в Карлсруэ 24 января 1779 г.

¹⁰² Письма Екатерины II барону Гримму // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. № 214.

¹⁰³ Дата по григорианскому календарю.

¹⁰⁴ *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 293–294.

¹⁰⁵ *Heller M.* Op. cit. P. 626.

¹⁰⁶ Выражение Екатерины II (*Heller M.* Op. cit. P. 626).

¹⁰⁷ По-французски она пишет без синтаксических и орфографических ошибок, тогда как ее немецкий не столь хорош.

¹⁰⁸ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 1. С. 51.

¹⁰⁹ Письмо Елизаветы Алексеевны матери от 18 (29) января 1793 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 1. С. 85.

¹¹⁰ В записке (к сожалению не датированной), наспех набросанной Александром, было сказано: «Я самый счастливый человек, она меня любит, она мне в этом призналась, и я прыгаю от радости. Зубная боль прошла, равно как и боль в горле» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 1. Л. 122).

¹¹¹ И на котором пишет без ошибок, в отличие от Александра, чьи послания на французском содержат многочисленные орфографические и синтаксические ошибки.

¹¹² Письмо Елизаветы Алексеевны к Александру от 27 августа 1793 г. цит. по: ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 48.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 658.

¹¹⁴ Т. е. «придворный интендант», приставленный к великому князю.

¹¹⁵ Письмо Александра матери, конец 1792 г. (более точная дата не известна), цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 1. Л. 104.

¹¹⁶ Письмо Александра матери, осень 1793 г. (более точная дата не известна), цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. Л. 70.

¹¹⁷ Письмо Александра матери (без даты, возможно, начало 1794 г.) цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. Л. 52.

¹¹⁸ «Дорогая и добрая *Maman*, не могу выразить, какую радость мне доставил ваш визит; я вас так давно не видел, что это меня ужасно печалило: мне было бы в тысячу раз легче, если бы я мог этим воспользоваться, находясь наедине с женой; но, к несчастью, это случилось в тот момент, когда я едва ли мог насладиться подобным счастьем. Если бы я мог предвидеть ваше появление, дорогая *Maman*, я нашел бы способ остаться наедине с женой, ибо уже так давно я не проводил дивных мгновений с вами, дорогая *Maman*».

мгновений, которыми я столь дорожу, что, признаюсь, у меня щемит сердце» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. Л. 118–119).

¹¹⁹ Точная дата не известна.

¹²⁰ Письмо Александра к матери, конец 1793 г. или начало 1794 г., цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 1. Л. 131.

¹²¹ Письма генерала А. Я. Протасова графу С. Р. Воронцову цит. по: ГА РФ. Ф. 658. Д. 109.

¹²² Там же.

¹²³ Т. е. Александра. Отмеченные курсивом фрагменты выделены в оригинальном письме.

¹²⁴ Именно это дало некоторым историкам говорить о нем как о «снисходительном муже». Письмо Елизаветы Алексеевны графине В. Н. Головиной от 12 декабря 1794 г. цит. по: ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 48.

¹²⁵ Установить более точную дату составления письма невозможно. В любом случае оно было написано после 30 мая 1795 г.

¹²⁶ Письмо не датировано, весна 1795 г., цит. по: ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 48.

¹²⁷ Souvenirs de la comtesse Golovine...

¹²⁸ См. Крылов А. Прелестная Елизавета // Новая юность. 2002. № 3 (54).

¹²⁹ Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince... P. 48.

¹³⁰ Письмо генерала А. Я. Протасова графу С. Р. Воронцову от 18 мая 1794 г. цит. по: ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 109.

¹³¹ Об этом писал сам Александр в письме матери осенью 1794 г.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. Л. 119.

¹³² Письмо Александра к Марии Федоровне, осень 1794 г. цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. Л. 119–119об.

¹³³ Инструкции Ф. Лагарпа Александру (апрель 1795 г.) цит. по: Laharpe F.-C. Le gouverneur d'un prince. P. 316–327.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ «Прощайте, милый друг, чего мне стоит говорит вам это слово! Помните о том, что вы оставляете здесь человека, который вам всецело предан, который не может до конца выразить вам свою признательность и который обязан вам всем, за исключением жизни. Примите от моей супруги, моего брата и меня самого этот сувенир, свидетельствующий о нашей общей признательности. Будьте счастливы, милый друг, это пожелание человека, который вас нежно любит, уважает и ценит вас сильнее, чем это можно выразить словами.

Прощайте, говорю вам в последний раз, мой лучший друг, не забывайте меня.

Александр.

Еще раз мой дорогой, мой друг, мой благодетель» (Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince. P. 49).

¹³⁶ Masson Ch. Op. cit. T. 1. P. 182–183.

¹³⁷ Выдержка из письма Александра Ф. Лагарпу от 26 февраля 1796 г. цит. по: Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince... P. 328–330; Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I. T. 1. P. 159–160.

¹³⁸ С 1793 г. 74-страничный каталог, описывавший коллекцию графа, начал издаваться под названием «Систематический каталог картин, составляющих коллекцию графа Строганова».

¹³⁹ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 86.

¹⁴⁰ 3 млн человек и 250 тыс. км² территории.

¹⁴¹ Около 1,5 млн человек и 120 тыс. км² территории.

¹⁴² Письмо Александра матери, недатированное, вероятно, начало 1795 г., цит. по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2. С. 52.

¹⁴³ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 85.

¹⁴⁴ Письмо Александра В. П. Кочубею от 10 мая 1796 г. цит. по: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 336–337.

¹⁴⁵ Состоялся 18 окт. 1793 г.

¹⁴⁶ *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 50.

¹⁴⁷ Речь идет о будущем императоре Николае I.

¹⁴⁸ *Martin M.* Op. cit. P. 104.

¹⁴⁹ Документ был найден после смерти Екатерины II среди личных бумаг Платона Зубова: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 279.

¹⁵⁰ Впоследствии она часто выступала в роли посредника между Лагарпом и Александром. Также ряд писем Елизаветы Алексеевны матери был передан последней через специального курьера, без ведома Екатерины II, а затем – Павла I.

¹⁵¹ 21 февраля 1796 г.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 1. P. 157.

¹⁵² Речь идет о Платоне Зубове.

¹⁵³ Письмо Александра В. П. Кочубею, 10 мая 1796 г., цит. по: *Laharpe F.-C. Le Gouverneur d'un prince...* P. 336–337.

¹⁵⁴ Эта существенная деталь была мною упущена. Я благодарю Жан-Пьера Минодье за то, что он обратил мое внимание на важную грань личности Александра.

¹⁵⁵ Что касается академических работ, посвященных Павлу I, здесь можно сослаться на следующие исследования: Paul I: A Reassessment of his Life and Reign. Pittsburgh, 1979; *Ragsdale H.* Tsar Paul and the Question of Madness: An Essay in History and Psychology. New York, 1988; *McGrew R.* Paul I of Russia. New York, 1992.

¹⁵⁶ Он действительно являлся героем рассказа Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижее».

¹⁵⁷ См., в частности, работы: *Песков А. М.* Павел I. М., 1999; *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. М., 2000.

¹⁵⁸ Выражение, которое он употребил в беседе с графом Л.-Ф. Сегюром в 1784 г.

¹⁵⁹ *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 140–141.

¹⁶⁰ Примеры и цитаты взяты из кн.: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 89–90.

¹⁶¹ *Heller M.* Op. cit. P. 606.

¹⁶² Выражение принадлежит Павлу I. Речь идет об убийстве его отца Петра III.

¹⁶³ Странники эзотерического учения Св. Мартина, тогда находившегося под запретом в России.

¹⁶⁴ *Heller M.* Op. cit. P. 607.

¹⁶⁵ *Andolenko S.* Histoire de l'armée russe. Paris, 1967. P. 138–139.

¹⁶⁶ Цифры приводятся в кн.: *Jenkins M.* Op. cit. P. 60.

¹⁶⁷ *Andolenko S.* Op. cit. P. 136.

¹⁶⁸ Как по этому поводу резко высказывался А. В. Суворов: «Нет больше вшивых, кроме пруссаков. В казармах и поблизости от их постовых будок кишит зараза. Их прическа своим зловонием заставит вас потерять сознание. Их гетры ранят икры. Раньше мы были избавлены от всех этих заключений, теперь же они первая беда солдата. Возможно ли, чтобы с защитником Отечества так плохо обращались?» (*Andolenko S.* Op. cit. P. 138).

¹⁶⁹ За четыре с половиной года дисциплинарным взысканиям подверглись 2600 офицеров.

¹⁷⁰ *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 79.

¹⁷¹ Там же. С. 77.

¹⁷² Император издал не указ, а рекомендации, соблюдение которых землевладельцами носило менее обязательный характер.

¹⁷³ *The Emperors and Empresses of Russia...* P. 204.

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 357. Ч. 2.

¹⁷⁵ *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 80.

¹⁷⁶ *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 133.

¹⁷⁷ *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России, конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982. С. 90–113.

¹⁷⁸ *The Emperors and Empresses of Russia...* P. 209.

¹⁷⁹ *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 160.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ *Jenkins M.* Op. cit. P. 61–62.

¹⁸² *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 130: «В качестве адъютантов мы имели доступ к великим князьям. Оба они были поглощены своими обязанностями при Дворе, в семье, в военной службе и множеством мелочей, которыми должны были заниматься, как командиры двух гвардейских полков. Утро, до обеда, было поглощено этими занятиями, больше утомлявшими физически, чем доставлявшими пищу уму, хотя требовалось большое внимание, чтобы не сделать ни малейшего упущения по службе».

¹⁸³ Т. е. «противен»; слово в письме Елизаветы Алексеевны написано по-немецки.

¹⁸⁴ *Brian-Chaninov N.* Op. cit. P. 13.

¹⁸⁵ Он тогда был на пути в Англию.

¹⁸⁶ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 281–282; *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 1. P. 214–217.

¹⁸⁷ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 140–143.

¹⁸⁸ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 281–282; *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 1. P. 214–217.

¹⁸⁹ С исторической точки зрения в данном случае следовало бы говорить о Стамбуле», а не «Константинополе», но поскольку во всей дипломатической переписке того времени (не только русской, но и французской, английской) по-прежнему фигурирует «Константинополь», мы намеренно используем это название на протяжении всей книги.

¹⁹⁰ Как это следует из письма, которое он написал своей матери в тот день.

¹⁹¹ Выдержка из личного дневника Александра цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 84–85.

¹⁹² Эта тема является объектом исследования работы Г. Рагсдэйла (*Ragsdale H.* Op. cit.), и полученные результаты убедительны. Павел I не был клинически сумасшедшим, но сильно страдал от навязчивых состояний и компульсивного невроза.

¹⁹³ *Masson Ch.* Op. cit. T. 1. P. 348.

¹⁹⁴ Источники не позволяют подтвердить гипотезу, приводившуюся на страницах некоторых дипломатических источников, относящихся к периоду жизни Павла I.

¹⁹⁵ «Оказывая покровительство иезуитам, Екатерина II, имевшая виды на Польшу, рассчитывала снискать расположение католической церкви в этой стране и нейтрализовать ее противодействие» (*Ratchinski A. Napoléon et Alexandre I^{er} : la guerre des idées.* Paris, 2002. P. 23).

¹⁹⁶ Об истории ордена иезуитов в России см. очень ценное дело (Россия. №1005, 1805–1814 гг.) в архиве ордена иезуитов в Риме.

¹⁹⁷ Выражение Павла I цит. по: *Ratchinski A.* Op. cit. P. 26.

¹⁹⁸ *Ibid.* P. 26–27.

¹⁹⁹ *Ibid.* P. 28.

²⁰⁰ Цит. по: *Grunwald C.* Trois siècles de diplomatie russe. Paris, 1945. P. 137.

²⁰¹ *Андольенко S.* Op. cit. P. 146–147: «Как только всякая опасность миновала, к австрийцам вернулось их хладнокровие. Впоследствии у Суворова забрали все австрийские войска. Интендантство охотно забыло снабжать русские войска всем необходимым. Со своей стороны Суворов протестовал против политики угнетения, проводившейся в Италии».

²⁰² 9 ноября 1799 г. по григорианскому календарю.

²⁰³ *Heller M.* Op. cit. P. 615.

²⁰⁴ Выдержка из проекта русско-французского союза опубликована: Русский архив. 1878. Т. 1; *Grunwald C.* Op. cit. P. 140.

II. Что обещало царствование, или Дух реформ. 1801–1807

¹ Цит. по: *Heller M.* Op. cit. P. 623.

² *Эдлинг Р. С.* Записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 160. Фрейлина Елизаветы Алексеевны, графиня Эдлинг, написала воспоминания в 1829 г. т. е. четыре года спустя после смерти Александра I.

³ Цит. по: *Heller M.* Op. cit. P. 616.

⁴ *Головкин Ф.* Указ. соч. С. 398.

⁵ *Rey M.-P.* Le Dilemme russe, la Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris, 2002. Ch. 4.

⁶ *Hartley J.* A Social History of The Russian Empire, 1650–1825. N.-Y. London, 1999. P. 2.

⁷ Скорее даже по собственному капризу, если говорить о царствовании Павла I.

⁸ Более обстоятельное введение в проблематику российского самодержавия XIX в. см.: *Coquin F.-X.* Des pères du peuple au père des peuples, la Russie de 1825 à 1929. Paris, 1991. P. 1–24.

⁹ Цифры взяты из кн.: *Hartley J.* Op. cit. P. 9.

¹⁰ «Soslovie» написано по-русски.

¹¹ Н. А. Троицкий оценивает численность дворян в конце XVIII в. в 225 тыс. человек, тогда как в биографии А. Архангельского приводится цифра в 726 тыс. человек, см.: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке, курс лекций. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История». М., 2003. С. 9; *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 101.

¹² Около 55 % крестьян.

¹³ На самом деле речь шла о рекомендации, а не об указе, которому дворяне должны были в обязательном порядке подчиниться.

¹⁴ *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 9.

¹⁵ *Hartley J.* Op. cit. P. 40.

¹⁶ *Raeff M.* Comprendre l'Ancien Régime russe, Etat et société en Russie Impériale. Paris, 1982. P. 109: «Выборные от дворянства тем самым имели локальное значение, пользовались широкими полномочиями и определенной независимостью: помимо прочего, они отвечали за местную полицию, судили крепостных крестьян по доверенности от их владельца в случае незначительных проступков и правонарушений; выступали в роли третейских судей в конфликтах между дворянами».

¹⁷ Как, например, Вольное экономическое общество.

¹⁸ Зато «Грамота государственным крестьянам», хотя и была составлена, так и не была обнародована: *Raeff M.* Op. cit. P. 108.

¹⁹ Об истории этой экспансии см.: *Rey M.-P.* De la Russie à l'Union soviétique, la construction de l'empire, 1462–1953. Paris, 1997.

²⁰ Хотя они все считались русскими, но представляли собой — как это следует из наименований, бывших в ходу в империи, — велико-, мало- и белорусов. Сегодня это три разных народа — русские, украинцы и белорусы.

²¹ Или, по терминологии того времени, волжских болгар или булгар.

²² Русские называли их черемисами.

²³ Оказавшись в составе Российской империи после разделов XVIII в., польские евреи со времени царствования Екатерины II проживали в черте оседлости, строго ограничивающей территорию их расселения.

²⁴ Остальные армянские территории традиционно находились под управлением Османской империи.

²⁵ Н. А. Троицкий в то же время признавал, что Англия являлась исключительно важным партнером для России как в сфере импортной, так и экспортной торговли.

²⁶ *Savary A.-J.-M.-R.* Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'empereur Napoléon. Paris, 1828.

²⁷ Речь идет о вдовствующей императрице.

²⁸ *Martin M.* Op. cit. P. 154–155.

²⁹ Цит. по: *Martin M.* Op. cit. P. 156.

³⁰ Слова А. И. Михайловского-Данилевского цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 127–128.

³¹ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 255–256.

³² Курсив наш.

³³ Письмо Ф. Лагарпа Александру I, Санкт-Петербург, 30 августа 1801 г., цит. по: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 1. P. 243.

³⁴ Письмо от 18 апреля 1806 г. цит. по: Русский архив. 1911. № 1. С. 140–142.

³⁵ *Maistre J. Mémoires politiques et correspondance politique de Joseph de Maistre*. Paris, 1858. P. 77.

³⁶ Депеша Жозефа де Местра от 17 июля 1803 г.: *Maistre J.* Op. cit. P. 97.

³⁷ Речь идет о набережной, которая тянется вдоль Зимнего дворца и упирается в Неву.

³⁸ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 40.

³⁹ Цит. по: *Troyat H.* Op. cit. P. 157.

⁴⁰ Речь идет об императрице-матери.

⁴¹ Материалы графа Никиты Петровича Панина. 1770–1837. СПб., 1892. Т. 6. С. 7–8.

⁴² Уменьшительно-ласкательное прозвище, которое он ей дал.

⁴³ Письмо написано по-французски, выделенные курсивом слова — по-русски: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 3.

⁴⁴ Там же. С. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Прописные буквы содержатся в первоначальном тексте.

⁴⁷ *L'Hermite en Russie, ou Observations sur les moeurs et les usages russes au commencement du XIXe siècle*. Т. 2. Paris, 1829. P. 228. Анонимный автор этой работы, вероятно, был близким другом Е. Ф. Камаровского, генерал-адъютанта Александра I. Он провел четыре года в России (с 1821 по 1825 г.) и собрал множество детальных сведений и анекдотов, имевших отношение к царствованию Александра.

⁴⁸ *Karlinsky S. Russian Drama from its beginning to the age of Pushkin*. Berkeley, 1985.

⁴⁹ Цит. по: *Troyat H.* Op. cit. P. 88.

⁵⁰ Цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 108.

⁵¹ *Ibid.* P. 110.

⁵² Ср. с уроком права, составленным Ф. Лагарпом в 1786 г.: «Право есть ограничение свободы каждого при условии, что все остальные смогут существовать рядом с ним как свободные личности» (ГА РФ. Ф. 718. Д. 306).

⁵³ *Hartley J.* Op. cit. P. 57.

⁵⁴ Документ был опубликован В. П. Семенниковым в кн.: *Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования*. М.—Пг., 1923. С. 180–184. Анализ и значение этого документа см.: Конституционные проекты России XVIII–начала XX в. М., 2000. С. 312–332.

⁵⁵ Император рассчитывал запретить продажу крестьян без земли, но столкнувшись с сильным противодействием Сената, он пошел на следующую полумеру: поскольку указанная продажа должна была происходить украдкой, речь шла о том, чтобы подавить желание совершать продажи.

⁵⁶ Последний являлся послом России в Великобритании в 1784–1806 гг.

⁵⁷ Договор удовлетворял претензии России по ряду пунктов. Ср. с утверждением Грюнвальда: «Франция брала на себя обязательство признать незави-

всимость Ионической республики, начать мирные переговоры с Турцией, поддерживать целостность Королевства Обеих Сицилий, гарантировать свободу мореплавания и независимость правителей» (Alexandre I^{er}, le tsar mystique. Paris, 1955. P. 92).

⁵⁸ Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 256–257.

⁵⁹ Что давало Сенату некое подобие законодательной власти.

⁶⁰ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; он же. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

⁶¹ Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 3. P. 373–393.

⁶² Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 215.

⁶³ Делеша Ж. К. М. Дюрока Бонапарту от 14 (26) мая 1801 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890.

⁶⁴ Письмо С. Р. Воронцова Н. Н. Новосильцеву от 6 (18) мая 1801 г. цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 11. М., 1877. С. 391–392.

⁶⁵ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 127. Здесь Мария Федоровна снова сыграла ключевую роль в решающий момент жизни и царствования своего сына.

⁶⁶ В своем имении в Курляндии.

⁶⁷ Письмо В. П. Кочубея С. Р. Воронцову, Дрезден, 8 апреля 1801 г., цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 18. М., 1880. С. 236.

⁶⁸ «Итог разговора с императором, 23 апреля 1801 г.», записки графа П. А. Строганова см.: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov. Paris, 1905. Vol. 2. P. 1–3.*

⁶⁹ Ср. с кн.: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 67.

⁷⁰ Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 232.

⁷¹ «Описание строя, коего надобно придерживаться при преобразовании государственного управления» см.: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 335–336.

⁷² Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 235.

⁷³ Составленные П. А. Строгановым протоколы заседаний Негласного комитета отложились в архивах семьи Строгановых. Эти протоколы были использованы вел. кн. Николаем Михайловичем при составлении жизнеописания графа Строганова и частично публикуются в настоящей монографии.

⁷⁴ Цит. по: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 61–62.*

⁷⁵ Оба цитируемых здесь документа взяты из кн.: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 202.*

⁷⁶ Ibid. P. 202–203.

⁷⁷ См. ценные тексты, составленные П. А. Строгановым по требованию Александра: «Генеральный план работ с императором над реформой»; «Изложение принципа, согласно которому реформа должна быть делом императора»; «Очерк о системе, которой следует придерживаться при реформировании управления империей»; «Принципы императора касательно реформы» (*Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 4–11.*)

⁷⁸ Это то, на что в ряде случаев сетовал Строганов: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 67.

⁷⁹ Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 236.

⁸⁰ McConnell A. Op. cit. P. 386.

⁸¹ Протокол заседания от 5 (17) августа 1801 г. цит. по: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 85.*

⁸² Речь шла о порядках времен императора Павла I, однако в начале 1801 г. запрет был снят ввиду приятных воспоминаний, которые остались у Павла о Ф. Лагарпе после их беседы в Гатчине в апреле 1795 г.

⁸³ Письмо Александра I Ф. Лагарпу от 9 (21) мая 1801 г. цит. по: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I. T. 1. P. 240–241.*

⁸⁴ Как это утверждал Александр, заявлявший В. П. Кочубею в августе: «<...> Я не заставлял его приезжать, но это произошло. Ф. Лагарп написал мне поздравительное письмо в связи с моим восшествием на престол и заметил мне, что счел бы за счастье, если бы после стольких лет, проведенных рядом со мной, он смог меня увидеть еще на какое-то время. Я полагал, что был не вправе отказать ему в его просьбе, и велел написать, что он может приехать; но впрочем, какое значение это может иметь для дел, которые все равно пойдут своим чередом и Ф. Лагарп, вероятно, не сможет принять в них никакого участия». Письмо В. П. Кочубея С. Р. Воронцову от 6 (18) августа 1801 г.: Архив князя Воронцова. Кн. 14. М., 1879. С. 155.

⁸⁵ Разговор с графом Н. П. Паниным, записанный С. Р. Воронцовым и переданный В. П. Кочубею в письме, написанном в Лондоне 3 января 1802 г.: Архив князя Воронцова. Кн. 11. М., 1877. С. 359.

⁸⁶ Которая была противна англофильским настроениям канцлера.

⁸⁷ Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 237–238.

⁸⁸ По поводу этих текстов А. Ю. Чарторыйский писал: «<...> он имел беседы с императором и постоянно передавал ему записки, которые касались всех частей управления и которые зачитывались сначала на тайных заседаниях, а затем передавались из рук в руки по причине их нескончаемой пространности для чтения на досуге» (Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 271).

⁸⁹ Как будет показано в Главе VI.

⁹⁰ Ср. с письмом Ф. Лагарпа Александру I от 17 апр. 1801 г.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I. T. 1. P. 236.*

⁹¹ Письмо Ф. Лагарпа Александру I от 13 апреля 1801 г. цит. по: *Ibid.* P. 229.

⁹² Письмо Ф. Лагарпа Александру I от 16 октября 1801 г. цит. по: *Ibid.* P. 319.

⁹³ Письмо Ф. Лагарпа Александру I от 16 октября 1801 г. цит. по: *Ibid.* P. 317–318.

⁹⁴ Письмо С. Р. Воронцова брату Александру от 14 июня 1801 г. цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 10. М., 1877. С. 99.

⁹⁵ Чарторыйский А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 235.

⁹⁶ Цит. по: *Heller M. Op. cit. P. 631.*

⁹⁷ Эта мысль высказывалась в работах: *Сахаров А. Н. Указ. соч.; Ragsdale H. The Russian Tragedy: The Burden of History. New York, 1996. P. 76.*

⁹⁸ Александр ни разу на это не намекал — ни в своих высказываниях, ни в переписке. Разве что Мария Федоровна в письме к сыну вспоминала, что в начале его царствования он должен был учитывать обстоятельства — витиеватое выражение, которое, быть может, намекает на существование некой

угрозы. С другой стороны, об этом «страхе» Александра упоминали некоторые современники императора, например граф Ф. В. Ростопчин, однако же ни один из ближайших друзей Александра об этом не писал.

⁹⁹ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 67.

¹⁰⁰ *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX в. Л., 1988. С. 78.

¹⁰¹ ПСЗ–I. Т. 27. СПб., 1830. № 20406. С. 243–248.

¹⁰² См. предыдущую главу.

¹⁰³ *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967. P. 79.

¹⁰⁴ 5 августа 1801 г. Негласный комитет обсудил проект, представленный сенаторами 26 июля.

¹⁰⁵ Указ устанавливал двенадцатилетний срок службы для дворян, в течение которого они, неся службу в армии, не получали офицерский чин: *Seton-Watson H.* Op. cit. P. 80.

¹⁰⁶ Что было сопряжено с определенными трудностями. О новой организационной структуре см.: ПСЗ–I. Т. 27. № 20406. С. 243–248.

¹⁰⁷ *Raeff M.* Op. cit. P. 125.

¹⁰⁸ Эти полномочия Сенату были даны со времени царствования Петра I (ср. с Частью I этой книги).

¹⁰⁹ *Ledonne J. P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York–Oxford, 1991. P. 107.

¹¹⁰ *Raeff M.* Op. cit. P. 125.

¹¹¹ Слова А. Чарторыйского, произнесенные в Негласном комитете 10 февраля 1802 г. цит. по: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc.* Le Comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 104.

¹¹² *Seton-Watson H.* Op. cit. P. 82.

¹¹³ Размышления П. А. Строганова о работе министерств цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 345–346.

¹¹⁴ Письмо Александра I Ф. Лагарпу от 26 октября 1802 г. цит. по: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 1. P. 676.

¹¹⁵ Письмо В. П. Кочубея С. Р. Воронцову от 20 января 1803 г. цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 18. С. 283.

¹¹⁶ Письмо Н. Н. Новосильцева С. Р. Воронцову от 20 января цит. по: Архив князя Воронцова. Кн. 18. С. 453.

¹¹⁷ Как следует из писем В. П. Кочубея.

¹¹⁸ Письмо Александра I Ф. Лагарпу от 7 июля 1803 г.: «Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы смогли поближе познакомиться меня с Эрскином и Джефферсоном; я бы поистине почел это за честь» (*Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 338).

¹¹⁹ Цит. по: *Hartley J.* Alexander I. London–New York, 1994. P. 33.

¹²⁰ Ibidem.

¹²¹ *Raeff M.* Op. cit. P. 127.

¹²² *Hartley J.* Alexander I. P. 50.

¹²³ Табель о рангах была введена в России в 1722 г. Петром I с целью создания служилого дворянства в противовес дворянству по праву рождения. Табель о рангах распространялась на военную, гражданскую и придворную службу и насчитывала четырнадцать классов. До 1845 г. потомственное дво-

рянство на военной службе давало 14-й класс Табели, на гражданской службе — 8-й класс.

¹²⁴ В начале XIX в. их численность составляла порядка 30–35 тыс. человек.

¹²⁵ Государство делало вид, что ему необходимо «защитить» русское крестьянство от экономической «эксплуатации» со стороны евреев.

¹²⁶ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 65–66.

¹²⁷ Цифры приводятся в кн.: *Hartley J. Alexander I.* P. 46.

¹²⁸ Цит. по: *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 145.

¹²⁹ Слова П. А. Строганова, произнесенные в Негласном комитете, цит. по: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc.* Le comte Paul Stroganov. Vol. 2. P. 63.

¹³⁰ Указ 12 декабря 1801 г. см. в кн.: ПСЗ–I. Т. 26. СПб., 1830. № 20075. С. 862–863.

¹³¹ Этот важный проект предвосхитил проект, который будет принят в 1861 г. и приведет к отмене крепостного права.

¹³² Учет велся только по душам мужского пола, но вместе с ними свободу получали их семьи (жены и дети).

¹³³ Данные взяты из кн.: *Mayor J.* An Economic History of Russia. London, 1914. Vol. 1. P. 312.

¹³⁴ В начале царствования Александра I всеми тремя губерниями управлял один генерал-губернатор, находившийся в Таллине: *Minaudier J.-P.* Histoire de l'Estonie et de la nation estonienne. Paris, 2007. P. 146.

¹³⁵ Цит. по: *Romanov Nicolas Mikhaïlovitch, grand duc.* Alexandre I. P. 168.

¹³⁶ О реформах и преобразованиях в остзейских губерниях см.: *Minaudier J.-P.* Op. cit. P. 146–147.

¹³⁷ *Précis de la géographie universelle par Malte-Brun.* Paris, 1833. Т. 6. P. 629–630.

¹³⁸ Доклад, представленный 4 марта 1801 г. Павлу I Комиссией об учреждении народных училищ и затребованный Ф. Лагарпом, который хотел взять его за основу при составлении собственного доклада от 4 марта 1802 г.

¹³⁹ Письмо Александра I Ф. Лагарпу, янв. 1802 г. (день не указан) см.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}.* Т. I. P. 478.

¹⁴⁰ Письмо Александра I Ф. Лагарпу от 7 июля 1803 г. см.: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}.* Т. II. P. 46.

¹⁴¹ И представленной тогда же на рассмотрение Национального собрания Франции.

¹⁴² Тогда же, 4 марта 1802 г., он передал Александру I длинное письмо, в котором детально разбирались вопросы образования: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}.* Т. I. P. 495–505.

¹⁴³ Уезд объединял несколько приходов, представляя собой территориальную единицу. Не путать с учебным округом, охватывавшим гораздо более обширную территорию.

¹⁴⁴ См. очень ценную статью: *Walker F. A.* Enlightenment and Religion in Russian Education in the Reign of Tsar Alexander I // *History of Education Quarterly.* 1992. Vol. 32. № 3. P. 343–360.

¹⁴⁵ Где уже существовал знаменитый иезуитский колледж.

- ¹⁴⁶ Согласно традициям средневековых университетов.
- ¹⁴⁷ *Hartley J.* Alexander I. P. 53–54.
- ¹⁴⁸ *Schakovskoy Z.* Saint-Pétersbourg et Paris au XIXe siècle, 1820–1850. Publisud, 1991. P. 141.
- ¹⁴⁹ *Schmidt A. J.* The Restoration of Moscow after 1812 // *The Slavic Review*. Vol. 40. № 1.
- ¹⁵⁰ Может быть, тяга Александра I к правильным геометрическим формам и симметрии была вызвана его посвящением в масонскую ложу? Этот неисследованный вопрос заслуживает того, чтобы быть поставленным.
- ¹⁵¹ Возможно, он был родным сыном графа А. С. Строганова.
- ¹⁵² *Ratchinski A.* Napoléon et Alexandre I^{er}: la guerre des idées. Paris, 2002. P. 56.
- ¹⁵³ *Эдлинг Р. С.* Указ. соч. // *Державный сфинкс*. С. 174.
- ¹⁵⁴ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 70. С. 180–181.
- ¹⁵⁵ *Эдлинг Р. С.* Указ. соч. // *Державный сфинкс*. С. 174.
- ¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1204.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 120.
- ¹⁵⁸ *Эдлинг Р. С.* Указ. соч. // *Державный сфинкс*. С. 211.
- ¹⁵⁹ Все они носили фамилию матери — Нарышкины.
- ¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 120.
- ¹⁶¹ Там же. Д. 961.
- ¹⁶² *Эдлинг Р. С.* Указ. соч. // *Державный сфинкс*. С. 173.
- ¹⁶³ Так она называла М. А. Нарышкину.
- ¹⁶⁴ Письмо Елизаветы Алексеевны к матери от 10 июня 1804 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 133–134.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 147–148.
- ¹⁶⁶ Точнее сказать нельзя: кое-какие сведения содержатся в недавно обнаруженном дневнике Елизаветы Алексеевны, однако большая часть документов, касавшихся этой связи (включая письма обоих адресантов), исчезла в 1826 г., после смерти Александра I и Елизаветы Алексеевны. Николай I уничтожил их, предварительно зачитав своей супруге Александре Федоровне страстные письма, адресованные красивым капитаном объекту своей любви. В дневнике Александры Федоровны приводятся некоторые выдержки из них. Автор дневника очень сурово высказывается об этих письмах, осуждая страсть, которая, по ее мнению, равно как и по мнению Николая I, была несовместима с моральным обликом и положением императрицы.
- ¹⁶⁷ Цит. по: *Sokolov O.* Austerlitz, Napoléon, l'Europe et la Russie. Paris, 2006. P. 85.
- ¹⁶⁸ 17 июня 1801 г. по григорианскому календарю.
- ¹⁶⁹ «Конвенция с лондонским двором, подписанная в С.-Петербурге 5 (17) июня, с 2 отдельными статьями и секретной статьей», см.: *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия 1. Т. 1. М., 1960. С. 28–34.*
- ¹⁷⁰ *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003. С. 55.

¹⁷¹ Текст записки «О политической системе Российской империи», составленной Н. П. Паниным между мартом и июлем 1801 г. и переданной Александру I 16 июля 1801 г., см.: Внешняя политика России. Т. 1. С. 62–67.

¹⁷² *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 243–244.

¹⁷³ Цит. по: Сборник императорского русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1910. С. 178.

¹⁷⁴ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / под ред. Ф. Мартенса. Т. 13. СПб., 1902.

¹⁷⁵ Цит. по: *Sokolov O.* Op. cit. P. 85.

¹⁷⁶ 8 октября 1801 г. по григорианскому календарю.

¹⁷⁷ 10 октября 1801 г. по григорианскому календарю.

¹⁷⁸ Текст соглашения 8 октября 1801 г. см.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 13. С. 263–270; Внешняя политика России. Т. 1. С. 95–96.

¹⁷⁹ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 70. С. 705.

¹⁸⁰ Дата дана по григорианскому календарю, поскольку речь идет о событии, происходившем вне территории Российской империи.

¹⁸¹ Архив князя Воронцова. Кн. 14. С. 171–172.

¹⁸² Там же. Кн. 18. С. 272.

¹⁸³ Сегодня — Клайпеда, портовый город в Литве. В рассматриваемую эпоху отсюда начинались владения Пруссии.

¹⁸⁴ Т. е. Луизе и ее сестре.

¹⁸⁵ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 260.

¹⁸⁶ Там же. С. 300.

¹⁸⁷ О разграничении полномочий между двумя учреждениями см.: Очерки министерства иностранных дел России, 1860–1917. М., 2002. Т. 1. С. 241–243.

¹⁸⁸ *Jenkins M.* Op. cit. P. 100.

¹⁸⁹ Имеретия располагается в районе Кутаиси и в настоящее время находится в центральной части Грузии.

¹⁹⁰ Письмо от 7 (19) июля 1803 г., Каменные острова, цит. по: *Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I.* Т. 2. P. 44–45.

¹⁹¹ Цит. по: *Grunwald C.* *Le tsar mystique.* P. 99.

¹⁹² *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Пг. 1914. С. 33.

¹⁹³ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 60.

¹⁹⁴ *McConnell A.* Op. cit.

¹⁹⁵ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 62.

¹⁹⁶ Донесение А. Р. Воронцова от 12 (24) нояб. 1803 г., см.: Внешняя политика России. Т. 1. С. 639.

¹⁹⁷ Донесение А. Ю. Чарторыйского от 17 (29) февр. 1804 г., см.: Внешняя политика России. Т. 1. С. 624–627.

¹⁹⁸ Письмо А. Ю. Чарторыйского послу С. Р. Воронцову от 9 марта 1804 г., см.: Внешняя политика России. Т. 1. С. 63.

¹⁹⁹ Елизавета Алексеевна была урожденной Луизой Баденской.

²⁰⁰ 30 апреля по григорианскому календарю.

- ²⁰¹ Речь идет о Константине Павловиче, младшем брате Александра I.
- ²⁰² Т. е. полномочному представителю первого консула при петербургском дворе.
- ²⁰³ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 39–40.
- ²⁰⁴ Об этом заседании совета и развернувшихся в ходе него дискуссиях см.: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 339–342. Текст протоколов заседания см.: *Внешняя политика России.* Т. 1. С. 686–696.
- ²⁰⁵ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 339.
- ²⁰⁶ Там же. Т. 2. С. 6.
- ²⁰⁷ Там же. Т. 1. С. 341; *Внешняя политика России.* Т. 1. С. 698.
- ²⁰⁸ 16 мая 1804 г. по григорианскому календарю.
- ²⁰⁹ Цит. по: *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. 13. С. 288–289.
- ²¹⁰ 21 июля по григорианскому календарю.
- ²¹¹ 8 августа 1804 г. по григорианскому календарю.
- ²¹² 14 августа по григорианскому календарю.
- ²¹³ Цит. по: *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. 13. С. 289–290.
- ²¹⁴ О роли аббата Пиатоли в судьбе А. Ю. Чарторыйского см.: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 350–352. См. также биографическое исследование об Александре I, содержащее интересные замечания о личности этого «священника, сбросившего сутану и женившегося на одной даме из окружения герцогини Курляндской» (*Waliszewski K.* Op. cit. Т. 1. P. 143–144).
- ²¹⁵ Полный текст записок см.: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 58–61; *Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I.* Vol. 2. P. 62–66.
- ²¹⁶ Ср. с мнением П. Гримстед по этому поводу: *Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Foreign Diplomacy.* Berkeley, 1969. P. 115.
- ²¹⁷ *Czartoryski A.* Op. cit. Vol. 2. P. 62–66.
- ²¹⁸ Ibid.
- ²¹⁹ А. Чарторыйский уточнял, что на территориях, которые следует освободить от французского покровительства, прежде всего в Швейцарии и Нидерландах, нужно будет поощрять создание независимых национальных государств с конституционной и либеральной формой правления, «гарантов общего равновесия».
- ²²⁰ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 61.
- ²²¹ Полный текст этих «Секретных инструкций» см.: *Внешняя политика России.* Т. 2. С. 138–151; *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 27–44.
- ²²² Т. е. Россией и Англией.
- ²²³ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 29.
- ²²⁴ Там же. С. 28.
- ²²⁵ Там же. С. 30: «Тот же принцип должен быть применен и к Голландии. При решении вопроса о форме правления в этой стране следует беспрестанно принимать во внимание характер нации и ее желания».
- ²²⁶ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 29.

²²⁷ Там же. С. 31.

²²⁸ Там же: «Признав решенным, что для блага Европы и Франции необходимо установить во Франции конституционную монархию, надлежит, однако, ожидать, чтобы предложение о том было заявлено самим французским народом».

²²⁹ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 32.

²³⁰ Термин используется императором: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 34.

²³¹ Аллюзия на проект вечного мира аббата Ш.-И. Сен-Пьера, составленный в 1713 г. и сделавшийся популярным благодаря Ж.-Ж. Руссо и философии И. Канта.

²³² *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 34–35.

²³³ Можно было бы справедливо возразить, что аббат Ш.-И. Сен-Пьер, И. Кант и Ж.-Ж. Руссо раньше российского императора выразили идею европейской лиги. Но тогда речь шла о мыслителях, философах, а не находящихся у власти политических деятелях, и в этом, на наш взгляд, заключается большая разница.

²³⁴ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 35–36: «<...> надлежало бы определить для каждой страны наиболее удобные и подходящие для них границы. <...> В особенности, следовало бы придерживаться естественных границ, указанных самой природой расположением горных цепей, морских берегов или выходов для внешней торговли, необходимых каждой стране для сбыта своих естественных продуктов и промышленных произведений».

²³⁵ Цит. по: *Vermale F. Joseph de Maistre // Mémoires et Documents de la Société Savoisienne d'Histoire et d'Archéologie.* Т. 64. Chambéry, 1927. P. 63–229.

²³⁶ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 36–37.

²³⁷ Там же. Т. 1. С. 335–336.

²³⁸ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. С. 89.

²³⁹ Там же. С. 94–95.

²⁴⁰ Цит. по: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. С. 104–105.

²⁴¹ Внешняя политика России. Т. 2. С. 246.

²⁴² Цит. по: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. С. 100.

²⁴³ 11 апреля 1805 г. по григорианскому календарю.

²⁴⁴ Как он ясно выразился 28 апреля (10 мая) в инструкциях русскому послу в Вене А. К. Разумовскому, поручив довести это до сведения австрийского императора, см.: Внешняя политика России. Т. 2. С. 395.

²⁴⁵ 9 августа 1805 г. по григорианскому календарю.

III. Наполеоновские войны. 1805–1815

¹ 22 августа 1805 г. по григорианскому календарю.

² 21 сентября 1805 г. по григорианскому календарю.

³ Романов Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 167–168.

⁴ Жихарев С. Записки современника. М., 2004. С. 137–138.

⁵ С 1803 г.

⁶ 13 октября по григорианскому календарю.

⁷ 14 октября по григорианскому календарю.

⁸ 19 октября по григорианскому календарю.

⁹ 3 ноября по григорианскому календарю.

¹⁰ Слово «конвенция» присутствует в тексте документа, см.: Внешняя политика России. Т. 2. С. 613–619.

¹¹ 11 апреля 1805 г. по григорианскому календарю. Историческая справка по этой конвенции содержится во второй части работы.

¹² В ночь с 3 на 4 ноября по григорианскому календарю.

¹³ *Andolenko S.* Op. cit. P. 161.

¹⁴ 25 октября по григорианскому календарю.

¹⁵ Ныне Дюрнштайн.

¹⁶ 10–11 ноября по григорианскому календарю.

¹⁷ Цит. по: *Troyat H.* Op. cit. P. 120.

¹⁸ 27 октября по григорианскому календарю.

¹⁹ 27 ноября по григорианскому календарю.

²⁰ Дата дана по григорианскому календарю.

²¹ А. Савари.

²² *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 284.

²³ 27 ноября по григорианскому календарю.

²⁴ Письмо Александра I Наполеону от 15 (27) ноября 1805 г. цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 284.

²⁵ Хотя формально он еще сохранял это звание.

²⁶ 28 ноября по григорианскому календарю.

²⁷ 29 ноября по григорианскому календарю.

²⁸ Письмо Наполеона к курфюрсту Вюртемберга (Аустерлиц, 5 декабря 1805 г.): *Correspondance de Napoléon* на сайте www.histoire-empire.org

²⁹ Дата дана по григорианскому календарю.

³⁰ Письмо Наполеона Ш. М. Талейрану, 30 ноября 1805 г. цит. по: *Correspondance de Napoléon* на сайте www.histoire-empire.org

³¹ Дата дана по григорианскому календарю.

³² См. сноску 28.

³³ *Mikhailovitch-Danilevski A.* Description de la première guerre de l'empereur Alexandre contre Napoléon en 1805. Saint-Petersbourg, 1844. P. 172–173.

³⁴ Аккуратное и детальное описание Аустерлицкого сражения см.: *Sokolov O.* Op. cit. P. 343–417.

³⁵ Воспоминания А. Ф. Ланжерона цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 283.

³⁶ Там же.

³⁷ Дата дана по григорианскому календарю.

³⁸ Ср. с замечанием А. П. Ермолова по поводу диспозиции, представленной Ф. Вейротером: «Она более походила на топографическое описание района Брюнна, чем на схему расположения войск, задача которой состояла в

том, чтобы подготовить к сражению целую армию» (*Sokolov O.* Op. cit. P. 370).

³⁹ *Mikhailovitch-Danilevski A.* Op. cit. P. 181–182.

⁴⁰ Тем не менее следует отметить, что О. Соколов при описании Аустерлица оспаривает точку зрения, согласно которой большая часть этих людей утонула. Он считает подобного рода сообщения преувеличением и полагает, что небольшое число солдат действительно погибли от холода, но не утонули в Сачанском пруду.

⁴¹ Воспоминания генерала Ж.-Б. Марбо цит. по: *Migliorini L. M. Napoléon.* Paris, 2004. P. 269.

⁴² Подсчет потерь см.: *Sokolov O.* Op. cit. P. 420–421.

⁴³ По григорианскому календарю.

⁴⁴ Выражение самого Ш. М. Талейрана. О его роли в заключении Пресбургского мира и его мнение по этому поводу см.: *Waresquiel E. Talleyrand et la paix de Presbourg // Revue du Souvenir Napoleonien.* № 462.

⁴⁵ 5 декабря по григорианскому календарю.

⁴⁶ Ср. с неопубликованной статьей П. Хикса (*Hics P. Pourquoi Iena? Octobre 2006*), размещенной на сайте: www.Napoleon.org

⁴⁷ 8 декабря по григорианскому календарю.

⁴⁸ Письмо Н. Н. Новосильцева П. А. Строганову от 6 января 1806 г. цит. по: *Romanov Nikolai Mikhailovitch, grand duc. Le comte Paul Stroganov.* Т. 3. P. 106.

⁴⁹ Апрельское письмо (более точная дата отсутствует) А. Чарторыйского Александру I цит. по: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 111–113.

⁵⁰ 22 марта 1806 г. по григорианскому календарю.

⁵¹ Текст, утвержденный в феврале 1806 г., был менее благоприятен для Пруссии, чем его предшествующая редакция, подписанная в Шенбрунне в декабре 1805 г. Тем временем Наполеон понял, что Пруссия вела двойную игру, чем и был вызван его жесткий ответ. Ср. со статьей П. Хикса: *Hics P.* Op. cit.

⁵² Текст записки см.: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 61–76.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Письмо Марии Федоровны Александру I от 18 апреля 1806 г. цит. по: *Русский архив.* 1911. №1. С. 145–146.

⁵⁵ По григорианскому календарю.

⁵⁶ Ср. со статьей П. Хикса: *Hics P.* Op. cit.

⁵⁷ По григорианскому календарю.

⁵⁸ Цит. по: *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I. С. 96.

⁵⁹ По григорианскому календарю.

⁶⁰ *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 149–152.

⁶¹ 12 июля по григорианскому календарю.

⁶² 1 июля по григорианскому календарю.

⁶³ 24 июля по григорианскому календарю.

⁶⁴ Текст декларации см.: *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 231–232.

⁶⁵ 8 июля по григорианскому календарю.

⁶⁶ 20 июля по григорианскому календарю.

⁶⁷ Текст договора см.: *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 226–231.

⁶⁸ 11 июля по григорианскому календарю.

⁶⁹ 1 октября по григорианскому календарю.

⁷⁰ 14 октября по григорианскому календарю.

⁷¹ 27 октября по григорианскому календарю.

⁷² *Ratchinski A.* Op. cit. P. 84–85.

⁷³ Что само по себе являлось парадоксом!

⁷⁴ *Ростопчин Ф. В.* Мысли вслух на красном крыльце. СПб., 1807. С. 6–7.

⁷⁵ Тогда Митава.

⁷⁶ Этот титул носил будущий король Людовик XVIII в период своего пребывания в Российской империи. В зависимости от того, кем был его собеседник, он также пользовался титулом графа Прованского.

⁷⁷ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 125.

⁷⁸ Тогда Поланген.

⁷⁹ 26 апреля 1806 г. по григорианскому календарю.

⁸⁰ 23 декабря 1806 г. по григорианскому календарю.

⁸¹ 26 декабря 1806 г. по григорианскому календарю.

⁸² 7–8 февраля по григорианскому календарю.

⁸³ О психологическом эффекте, который произвело на Наполеона сражение при Эйлау, см.: *Migliorini L. M.* Op. cit. P. 356–357.

⁸⁴ 14 июня по григорианскому календарю.

⁸⁵ С августа 1806 г. Наполеон, заботясь о том, чтобы использовать Османскую империю в качестве противовеса России, сблизился с Портой и Персией, предложив им установить доверительные отношения с Францией. Турция склонялась в пользу сближения, но не военно-политического союза, тогда как франко-персидский союз был заключен в мае 1807 г. (*Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 109–113).

⁸⁶ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 145.

⁸⁷ 16 июня по григорианскому календарю.

⁸⁸ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 144.

⁸⁹ 17 июня по григорианскому календарю.

⁹⁰ 24 июня по григорианскому календарю.

⁹¹ Цит. по: *Tatischeff S. Alexandre I^{er} et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812.* Paris, 1891. P. 148–149.

⁹² В ночь с 23 на 24 июня по григорианскому календарю.

⁹³ Это анонимное стихотворение было написано в Париже некоторое время спустя после Тильзитского свидания. Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 294.

⁹⁴ В этом ключе написаны все «наполеонофильские» работы.

⁹⁵ *Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe.* Paris, 1849. Т. 6. P. 2.

⁹⁶ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 293.

⁹⁷ 25 июня 1807 г. по григорианскому календарю.

⁹⁸ 1 июля 1812 г. по григорианскому календарю.

⁹⁹ Письмо Наполеона Александру I от 19 июня (1 июля) 1812 г.: «Война, разделявшая наши государства, закончилась Тильзитским договором. В начале встречи на Немане я твердо решил не заключать мира, полагая, что не смог бы заполучить все преимущества, которые мне сулили обстоятельства. Вследствие этого я отказался встречаться с прусским королем. Ваше Величе-

ство сказали мне: я буду вашим помощником в борьбе против Англии. Слово Вашего Величества все изменило; неизбежным следствием этого стал Тильзитский договор» (*Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 293).

¹⁰⁰ Предложение, поддержанное в ходе первой беседы в Тильзите. Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 296.

¹⁰¹ 26 июня по григорианскому календарю.

¹⁰² Инструкции по заключению мира, составленные Александром I, см.: *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 754–757.

¹⁰³ Речь шла об Александре I.

¹⁰⁴ См.: *Las Cases E.-A.-D.* Op. cit.

¹⁰⁵ *Эдлинг Р. С.* Указ. соч. // *Державный сфинкс.* С. 180.

¹⁰⁶ Цит. по: *Olivier D.* Op. cit. P. 139.

¹⁰⁷ Цит. по: *Migliorini L. M.* Op. cit. P. 359.

¹⁰⁸ 7 июня по григорианскому календарю.

¹⁰⁹ Письмо Александра I сестре Екатерине, написанное в Веймаре 26 мая (7 июня) 1807 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 17.

¹¹⁰ Записка Александра I сестре Екатерине, отправленная из Тильзита 17 (29) мая 1807 г., цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 15.

¹¹¹ Письмо А. Б. Куракина Марии Федоровне (Тильзит, 22 июня 1807 г.) цит. по: *Tatischeff S.* Op. cit. P. 136–137.

¹¹² 7 июля по григорианскому календарю.

¹¹³ Полный текст Тильзитского договора см.: *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 631–637.

¹¹⁴ 9 июля по григорианскому календарю.

¹¹⁵ Некоторые греки, не желавшие терпеть французское владычество, предпочли перейти на службу к российскому императору. Так произошло в случае с И. А. Каподистрией, выходцем из Корфу, решившим поступить на российскую дипломатическую службу. Как будет показано ниже, ему было суждено сыграть важную роль на Венском конгрессе.

¹¹⁶ Статья 5 договора.

¹¹⁷ *Внешняя политика России.* Т. 3. С. 638.

¹¹⁸ Письмо Фридриха-Вильгельма III послу К. Финкенштейну от 6 (18) июня 1807 г. цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 298.

¹¹⁹ Цит. по: *Meneval Ch-F. Mémoire pour servir à l'histoire de Napoléon depuis 1802 jusqu'à 1815.* Т. 2. Paris, 1894. P. 105.

¹²⁰ 9 июля 1807 г. по григорианскому календарю.

¹²¹ Цит. по: *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 181.

¹²² 21 августа по григорианскому календарю.

¹²³ Выдержка из манифеста 9 (21) августа 1807 г. цит. по: *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 197.

¹²⁴ Письмо К. Стединга шведскому королю от 10 (22) октября 1807 г. цит. по: *Stedingk C. Mémoires posthumes du comte de Stedingk.* Paris, 1845. Т. 2. P. 355.

¹²⁵ *Maistre J.* Op. cit. P. 65.

¹²⁶ «Преданный и проданный» (*нем.*).

¹²⁷ Письмо Елизаветы Алексеевны матери от 29 августа (10 сентября) 1807 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 256–257.

¹²⁸ *Caulaincourt A. A. L.* Op. cit. Т. 1. Р. 94.

¹²⁹ Его официальное назначение последовало 12 февр. 1808 г.

¹³⁰ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 198.

¹³¹ Дворянский титул, которым Наполеон пожаловал А. Савари.

¹³² Письмо Елизаветы Алексеевны Н. П. Румянцеву от 7 (19) октября 1807 г. цит. по: *Jacoby J.* Napoléon en Russie, nouveaux documents. Paris, 1938. Р. 33.

¹³³ Воспоминания герцога Ровиго цит. по: *Jacoby J.* Op. cit. Р. 33.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ *Arkhanguelski A.* Op. cit. Р. 163.

¹³⁶ *Ratchinski A.* Op. cit. Р. 268.

¹³⁷ Здесь следует вспомнить, что А. А. Аракчеева, тогда находившегося в немилости, не было в Санкт-Петербурге в момент осуществления заговора, приведшего к смерти Павла I.

¹³⁸ Ср. с анализом А. Савари, представленным им в депеше от 20 октября (1 ноября) 1807 г. в кн.: *Vandal A.* Napoléon et Alexandre I^{er}, l'alliance russe sous le I^{er} Empire. Paris, 1891. Т. 1. Р. 165–167.

¹³⁹ 17 декабря по григорианскому календарю.

¹⁴⁰ Он участвовал в аресте герцога Энгийенского на территории великого княжества Баденского, но не имел непосредственного отношения к его смерти.

¹⁴¹ *Troyat H.* Op. cit. Р. 160.

¹⁴² *Caulaincourt A. A. L.* Op. cit. Т. 1. Р. 96.

¹⁴³ «За его столом собиралась разная публика, а его повар, мастер своего дела, Тардиф, воспетый поэтами и в том числе А. С. Пушкиным, привлекал сотрапезников. Как-то в феврале во время великолепного ужина на 400 персон подали груши, 300 франков за штуку, покоровшие Жозефа де Местра» (*Caulaincourt A. A. L.* Op. cit. Т. 1. Р. 99).

¹⁴⁴ Цит. по: *Дипломатические сношения России и Франции...* Т. 1. С. XXII.

¹⁴⁵ *Paléologue M.* Op. cit. Р. 68.

¹⁴⁶ 1 (13) октября 1808 г.

¹⁴⁷ П. А. Толстой, чувствовавший себя в Париже все более неловко, к тому же отправил Александру I письмо с просьбой освободить его от обязанностей, весьма откровенно указав ему на следующее: «Вот уже год, как я ношу на себе тяжесть поста, к которому привыкнуть не могу. <...> Я ничего не делаю здесь, буквально ничего, и нисколько не полезен, как В. В. это сами изволите знать» (*Дипломатические сношения России и Франции...* Т. 1. С. XXIII).

¹⁴⁸ 6 ноября 1807 г. по григорианскому календарю.

¹⁴⁹ 13 марта 1808 г. по григорианскому календарю.

¹⁵⁰ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 206–208.

¹⁵¹ Депеша А. Коленкура Наполеону от 12 (24) июня 1808 г. цит. по: *Дипломатические сношения России и Франции...* Т. 2. С. 201.

- ¹⁵² 25 августа по григорианскому календарю.
- ¹⁵³ Письмо Марии Федоровны Александру I от 13 (25) августа 1808 г. цит. по: РГАДА. Ф. 1. Оп. 3 (1).
- ¹⁵⁴ Письмо Александра I Марии Федоровне от 13 (25) августа 1808 г. цит. по: *Olivier D.* Op. cit. P. 183.
- ¹⁵⁵ 14 сентября по григорианскому календарю.
- ¹⁵⁶ 25 сентября по григорианскому календарю.
- ¹⁵⁷ 27 сентября по григорианскому календарю.
- ¹⁵⁸ *Vandal A.* Op. cit. P. 141–142.
- ¹⁵⁹ 14 октября по григорианскому календарю.
- ¹⁶⁰ 6 октября по григорианскому календарю.
- ¹⁶¹ 14 октября по григорианскому календарю.
- ¹⁶² Выражение принадлежит Наполеону.
- ¹⁶³ Французский театр давал в Эрфурте следующие спектакли:
 28 сентября — «Цинна» (П. Корнель)
 29 сентября — «Андромаха» (Ж. Б. Расин)
 30 сентября — «Британик» (Ж. Б. Расин)
 1 октября — «Заира» (Ф.-М. Вольтер)
 2 октября — «Митридат» (Ж. Б. Расин)
 3 октября — «Эдип» (Ф.-М. Вольтер)
 4 октября — «Ифигения в Авлиде» (Ж. Б. Расин)
 5 октября — «Федра» (Ж. Б. Расин)
 6 октября — «Смерть Цезаря» (Ф.-М. Вольтер), игралась в Веймаре
 7 октября — «Гораций» (П. Корнель)
 8 октября — «Родогуна» (П. Корнель)
 9 октября — «Магомет» (П. Корнель)
 10 октября — «Радамист и Зенобия» (К. Кребийон)
 11 октября — «Сид» (П. Корнель)
 12 октября — «Манлий Капитолийский» (А. де Ла Фосс)
 13 октября — «Баязед» (Ж. Б. Расин)
- ¹⁶⁴ Инструкции Наполеона III. М. Талейрану цит. по: *Waresquiel E. Talleyrand, le prince immobile.* Paris, 2003. P. 692.
- ¹⁶⁵ *Коленкур А.* Мемуары. М., 1994. С. 38–39.
- ¹⁶⁶ Описанной А. Коленкуром в своих «Мемуарах»: *Caulaincourt A. A. L.* Op. cit. T. 1. P. 273.
- ¹⁶⁷ Экономические и финансовые последствия союза с Францией и участия России в континентальной блокаде рассмотрены в Главе 10.
- ¹⁶⁸ Согласно статье 4 конвенции, гласившей: «Основой соглашения с Англией будет ути посидетис».
- ¹⁶⁹ 12 октября 1808 г. по григорианскому календарю.
- ¹⁷⁰ Полный текст союзной конвенции см.: *Внешняя политика России.* Т. 4. С. 359–361.
- ¹⁷¹ Там же. С. 360.
- ¹⁷² 24 сентября 1808 г. по григорианскому календарю.
- ¹⁷³ *Waresquiel E.* Op. cit. P. 390.
- ¹⁷⁴ *Ibidem.*
- ¹⁷⁵ *Paléologue M.* Op. cit. P. 83.

- ¹⁷⁶ *Waresquiel E.* Op. cit. P. 391.
- ¹⁷⁷ *Ibidem.*
- ¹⁷⁸ Воспоминания Ш. М. Талейрана цит. по: *Waresquiel E.* Op. cit. P. 392.
- ¹⁷⁹ *Ibidem.*
- ¹⁸⁰ Титул Ш. М. Талейрана.
- ¹⁸¹ Подробнее об этом см. следующую главу.
- ¹⁸² 19 января по григорианскому календарю.
- ¹⁸³ *Paléologue M.* Op. cit. P. 89–90.
- ¹⁸⁴ Она умерла 8 июля 1810 г. в возрасте 34 лет.
- ¹⁸⁵ *Paléologue M.* Op. cit. P. 92. Копия дневника королевы Луизы хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).
- ¹⁸⁶ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 226.
- ¹⁸⁷ Политическое значение присоединения Финляндии к Российской империи рассматривается в Главе 10.
- ¹⁸⁸ Письмо Александра I сестре Екатерине от 6 (18) сентября 1809 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 25.
- ¹⁸⁹ Ср. с его письмом Александру I от 31 марта 1808 г.: «Несправедливое завоевание Финляндии не стоит тех усилий, которых потребует ее удержание» (*Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}.* P. 307).
- ¹⁹⁰ 27 апреля по григорианскому календарю.
- ¹⁹¹ 18 мая по григорианскому календарю.
- ¹⁹² 3 июня по григорианскому календарю.
- ¹⁹³ 13 мая по григорианскому календарю.
- ¹⁹⁴ 6 июля по григорианскому календарю.
- ¹⁹⁵ По григорианскому календарю.
- ¹⁹⁶ *Vandal A.* Op. cit. Т. 2. P. 95–96.
- ¹⁹⁷ 14 октября по григорианскому календарю.
- ¹⁹⁸ Она была польского происхождения.
- ¹⁹⁹ Деша А. Коленкура от 19 августа 1809 г. под названием «Говорят» цит. по: *Vandal A.* Op. cit. Т. 2. P. 112.
- ²⁰⁰ 4 января 1810 г. по григорианскому календарю.
- ²⁰¹ 9 января 1810 г. по григорианскому календарю.
- ²⁰² 3 февраля по григорианскому календарю.
- ²⁰³ 7 февраля по григорианскому календарю.
- ²⁰⁴ 23 февраля по григорианскому календарю.
- ²⁰⁵ 6 февраля по григорианскому календарю.
- ²⁰⁶ *Vandal A.* Op. cit. Т. 2. P. 284.
- ²⁰⁷ 10 февраля по григорианскому календарю.
- ²⁰⁸ 19 августа по григорианскому календарю.
- ²⁰⁹ См. следующую главу.
- ²¹⁰ 31 декабря по григорианскому календарю.
- ²¹¹ 13 марта 1811 г. по григорианскому календарю.
- ²¹² Цит. по: *Tatischeff S.* Op. cit. P. 137–138.
- ²¹³ См. следующую главу.
- ²¹⁴ 6 января по григорианскому календарю.
- ²¹⁵ 12 февраля по григорианскому календарю.

²¹⁶ Документы опубликованы в кн.: *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 229–235, 250–257.

²¹⁷ Там же. С. 235.

²¹⁸ Письмо Александра I А. Чарторыйскому от 31 января (12 февраля) 1811 г., см.: *Внешняя политика России.* Т. 6. С. 57–58.

²¹⁹ Ср. с кн.: *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 30.

²²⁰ 13 апреля по григорианскому календарю.

²²¹ *Чарторыйский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 257–258.

²²² *Коленкура А.* Указ соч. С. 47.

²²³ Письмо А. Коленкура французскому министру иностранных дел от 19 сентября 1810 г. см.: *Дипломатические сношения России и Франции...* Т. 5. С. 139; *Коленкура А.* Указ соч. С. 43.

²²⁴ *Paléologue M.* Op. cit. P. 137.

²²⁵ Ibid. P. 125–126.

²²⁶ Ср. с кн.: *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 324.

²²⁷ 14 марта по григорианскому календарю.

²²⁸ 7 апреля по григорианскому календарю.

²²⁹ Он был полномочным представителем австрийского императора Франца I.

²³⁰ *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 325.

²³¹ 9 апреля по григорианскому календарю.

²³² 28 мая по григорианскому календарю.

²³³ 24 июня по григорианскому календарю.

²³⁴ Письмо Александра I Екатерине Павловне от 27 июня 1810 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 33–34.

²³⁵ *Seton-Watson H.* Op. cit. P. 97.

²³⁶ См. главу 6.

²³⁷ Ср. *Майков П.* Барон Г. А. Розенкамф // *Русская старина.* 1904. № 12. С. 373.

²³⁸ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 60.

²³⁹ Сын его сестры.

²⁴⁰ Подробнее о биографии М. М. Сперанского см.: М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000. С. 16.

²⁴¹ Или «департаменты».

²⁴² См.: М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. С. 19.

²⁴³ См.: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 29.

²⁴⁴ Которые он обнаружил при написании проповедей во время обучения в семинарии в Санкт-Петербурге: *Raeff M.* The Political Philosophy of Speranskij // *American Slavic and East European Review.* 1953. Vol. 12. № 1. P. 3.

²⁴⁵ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 29–30.

²⁴⁶ *Raeff M.* The Political Philosophy of Speranskij. P. 6–7.

²⁴⁷ Или чинах. Все чины взяты из Табели о рангах.

²⁴⁸ В Табели о рангах, всего насчитывавшем 14 чинов, личное, но не потомственное дворянство давалось с 9 чина.

²⁴⁹ Цит. по: М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. С. 22.

²⁵⁰ Хотя о свободе передвижения для крестьян речь не шла.

²⁵¹ Цит. по: *La Charte constitutionnelle de l'Empire russe de l'an 1820*. Paris, 1933. P. 18.

²⁵² Цит. по: *Kappeler A. La Russie, empire multiethnique*. Paris, 1994. P. 96.

²⁵³ Хотя российская армия численностью 39 тыс. человек находилась в Финляндии, чтобы обеспечить ее присоединение и помешать шведским войскам создать новую угрозу, с 1809 г. Александр I легко заручился поддержкой финляндской знати, возведя баронскую семью Дегир в графское достоинство, наделив две семьи — фон Тройл и Тандерфельт — баронским титулом и пожаловав дворянством еще три семьи — аф Шультен, фон Гартман и Тенгстрём (*Le pouvoir et la bureaucratie en Finlande, 1809–1998*. Helsinki, 1999. P. 11).

²⁵⁴ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 362.

²⁵⁵ Там же. С. 12.

²⁵⁶ *Kappeler A.* Op. cit. P. 94.

²⁵⁷ Ср. со статьей XVII договора (тогда известного под названием Фридрихсгамского), подписанного 5 (17) сентября 1809 г.: Внешняя политика России. Т. 5. С. 218.

²⁵⁸ Точное описание нового административного устройства и его функционирования на французском языке см.: *Le pouvoir et la bureaucratie en Finlande, 1809–1998*.

²⁵⁹ См. великолепную биографию: *Josselson M. et D. Le General Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly*. Paris, 1986.

²⁶⁰ *Ibidem*.

²⁶¹ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 34.

²⁶² Пометы Марии Федоровны от 27 декабря 1809 г. в тексте проекта, переданного ей Александром I, цит. по: ГА РФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 43.

²⁶³ Цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 165.

²⁶⁴ *Ibid.* P. 166–167.

²⁶⁵ *Jenkins M.* Op. cit. P. 137.

²⁶⁶ См. ценное исследование Р. Пайпса, который перевел на английский, снабдил введением и аннотациями и опубликовал записку: *Pipes R. A Memoir on Ancient and Modern Russia: a Translation and Analysis / Cambridge*, 1959.

²⁶⁷ *McConnell A.* Op. cit. P. 72–73.

²⁶⁸ М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. С. 23.

²⁶⁹ *McConnell A.* Op. cit. P. 74.

²⁷⁰ То есть, как было показано выше, находился под влиянием идей мартинистов, которых многие в России считали опасными сектантами.

²⁷¹ Которым он станет с апреля 1818 г.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.

²⁷² Иллюминатство в России являлось разновидностью мартинизма, который в сердечном понимании, а не в рассудке видел источник просвещения и средство воссоединения с Богом. Письмо М. М. Сперанского Александру I от

11 февраля 1812 г. цит. по: М. М. Сперанский: жизнь, творчество, государственная деятельность. С. 24.

²⁷³ Это тезис А. Н. Сахарова, см.: *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 132–135.

²⁷⁴ М. М. Сперанский завершит его в царствование Николая I.

²⁷⁵ *Raeff M.* Comprendre l'Ancien Régime russe, Etat et société en Russie Impériale. P. 126.

²⁷⁶ Государственный совет в 1805 г. состоял из 42 членов.

²⁷⁷ Взятые из замечательного статистического исследования С. В. Мироненко: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 34–35.

²⁷⁸ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 57.

²⁷⁹ Там же. С. 63.

²⁸⁰ Должность, соответствовавшая должности начальника штаба армии: *Josselson M. Et D.* Op. cit. P. 131.

²⁸¹ Записку М. Б. Баркляя де Толли Александру I, написанную между 12 (24) февраля и 28 февраля (12 марта) 1810 г. см.: Внешняя политика России. Т. 5. С. 379.

²⁸² Или 28 мая по григорианскому календарю.

²⁸³ Цифры взяты из кн.: *Josselson M. Et D.* Op. cit. P. 136.

²⁸⁴ Ibid. P. 138.

²⁸⁵ Письмо Х. А. Ливена, российского посла в Берлине, военному министру М. Б. Баркляю де Толли от 2 (14) декабря 1810 г. см.: Внешняя политика России. Т. 6. С. 635–637.

²⁸⁶ Цит. по: *Cate C.* La Campagne de Russie, 1812, le duel des deux Empereurs. Paris, 2006. P. 79.

²⁸⁷ Подробнее о роли А. И. Чернышева и Мишеля см.: *Josselson M. et D.* Op. cit. P. 139; *Cate C.* Op. cit. P. 78–82.

²⁸⁸ Он ничего не знал о созданном разведывательном аппарате.

²⁸⁹ Впоследствии он был назначен министром иностранных дел.

²⁹⁰ Письмо Ш. М. Талеярана Александру I от 15 сентября 1810 г. цит. по: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 210.

²⁹¹ Деша К. А. Левенгельма от 5 (17) апреля 1812 г. цит. по: *Vandal A.* Op. cit. P. Т. 2. P. 441–442.

²⁹² Из 30 млн руб., уплаченных за товары, вывезенные из Санкт-Петербургского порта в 1802 г., 17 млн пришлось на долю Англии, а на долю Франции — менее 0,5 млн руб.

²⁹³ Ср. *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 237.

²⁹⁴ Там же. С. 241.

²⁹⁵ Там же. С. 243.

²⁹⁶ Там же. С. 249.

²⁹⁷ *Чарторьский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 258–259.

²⁹⁸ Цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 194.

²⁹⁹ Цит. по: *Olivier D.* Op. cit. P. 213.

³⁰⁰ *Чарторьский А. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 260–261.

³⁰¹ *Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX века. М., 1998. С. 3.

³⁰² Тем не менее крупные работы все же появлялись. См. среди прочих: *Тарле Е.* Наполеон. М., 1936.

³⁰³ Что касается французской историографии, достаточно указать на ценные труды Ж. Тюлара (J. Tulard). Из работ российских авторов см. труды В. Г. Сироткина, О. Соколова (некоторые из них публиковались на французском языке: *La campagne de Russie // Napoléon I^{er}, le Magazine du Consulat et de l'Empire.* Novembre 2000 – octobre 2001) и Н. А. Троицкого (*Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 года, история темы. Саратов, 1991; *он же.* Александр I и Наполеон. М., 1994).

³⁰⁴ Слово «дуэль» часто используется историками при описании войны 1812 года.

³⁰⁵ В чем Наполеон несколько раз признавался Э. О. Лас-Казу: *Лас-Каз Э. О.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. М., 2010.

³⁰⁶ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 368.

³⁰⁷ Цит. по: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 52–53.

³⁰⁸ Там же. С. 54.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Ср.: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке: курс лекций. М., 1997. С. 38.

³¹¹ 23 июня 1812 г. по григорианскому календарю.

³¹² *Шуазель-Гуфье С.* Указ. соч. С. 50.

³¹³ Летом и осенью через Неман переправились еще около 200 тыс. человек, после чего общая численность Великой Армии составила 650 тыс. солдат.

³¹⁴ *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. С. 37.

³¹⁵ *Tatischeff S.* Op. cit. Т. 5. P. 535–536.

³¹⁶ Для ясного представления о соотношении сил и основных передвижениях армий в ходе кампании см.: *Campagne de Russie // Dictionnaire Napoléon.* Paris, 1987. Кроме того, приводимые в тексте точные цифры взяты из работы Н. А. Троицкого (*Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. С. 34), автор которой, в свою очередь, извлек их из архива А. А. Аракчеева.

³¹⁷ О российской армии см. серию статей О. Соколова о русской кампании: *Napoléon I^{er}. Le Magazine du Consulat et de l'Empire.* 2000–2001. № 5–10.

³¹⁸ Цит. по: *Josselson M. et D.* Op. cit. P. 173.

³¹⁹ *Dictionnaire Napoléon.* P. 356.

³²⁰ Ср.: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. С. 37.

³²¹ Ср. с блестящей статьей Д. Ливена: *Lieven D.* Russia and the Defeat of Napoleon, 1812–1814 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2006. № 7 (2). P. 283–308.

³²² В ночь с 23 на 24 июня по григорианскому календарю.

³²³ 28 июня по григорианскому календарю.

³²⁴ 27 июня по григорианскому календарю.

³²⁵ *Beauvois D.* Les Français à Vilna en 1812 // *Annales historiques de la Révolution française.* 1981. № 246. P. 560–571.

³²⁶ *Boudon J.-O.* La France et l'Europe de Napoléon. Paris, 2006. P. 264.

³²⁷ Ныне Вильнюс.

- ³²⁸ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 99–100.
- ³²⁹ С 27 на 28 июня по григорианскому календарю.
- ³³⁰ Dictionnaire Napoléon. P. 356.
- ³³¹ 21 июля по григорианскому календарю.
- ³³² Речь идет о будущем великом теоретике и стратеге. Неодобрительно восприняв то, как развивались франко-прусские отношения, в 1812 г. он перешел на службу к российскому императору.
- ³³³ Цит. по: *Sokolov O.* Op. cit.
- ³³⁴ Цит. по: *Josselson M. et D.* Op. cit. P. 181.
- ³³⁵ 25–26 июля по григорианскому календарю.
- ³³⁶ 28 июля по григорианскому календарю.
- ³³⁷ 2 августа по григорианскому календарю.
- ³³⁸ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 118–119.
- ³³⁹ 16 и 17 августа по григорианскому календарю.
- ³⁴⁰ Цит. по: *Sokolov O.* Op. cit.
- ³⁴¹ Цит. по: *Sokolov O.* Op. cit.
- ³⁴² Ср.: *Boudon J.-O.* Op. cit. P. 262.
- ³⁴³ Т.е. крестьянским восстанием, по своему размаху сопоставимым с восстанием во главе с Пугачевым в царствование Екатерины II.
- ³⁴⁴ Ср.: *Парсамов В. С.* История России. XVIII — начало XX века. М., 2007. С. 198.
- ³⁴⁵ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой... С. 82.
- ³⁴⁶ *Langeron A. L. A.* Op. cit. P. 1008.
- ³⁴⁷ 7 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁴⁸ 13 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁴⁹ Цифры взяты из работы: *Martin A.* The response of the population of Moscow to the Napoleonic occupation of 1812 // The Military and Society in Russia: 1450–1917. Boston, 2002. P. 473.
- ³⁵⁰ 14 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁵¹ Цит. по: *Sokolov O.* Op. cit.
- ³⁵² В ночь с 15 на 16 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁵³ 13 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁵⁴ Цит. по: *Ségur A. H. P.* Op. cit. P. 207.
- ³⁵⁵ С 13 по 14 сентября по григорианскому календарю.
- ³⁵⁶ Письмо от 13 (25) сентября 1812 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... С. 129.
- ³⁵⁷ 18 октября по григорианскому календарю.
- ³⁵⁸ 19 октября по григорианскому календарю.
- ³⁵⁹ 25 октября по григорианскому календарю.
- ³⁶⁰ *Boudon J.-O.* Op. cit. P. 264.
- ³⁶¹ По юлианскому календарю.
- ³⁶² С 26 по 28 ноября по григорианскому календарю.
- ³⁶³ 26 ноября по григорианскому календарю.
- ³⁶⁴ 13 декабря по григорианскому календарю.
- ³⁶⁵ 21 декабря по григорианскому календарю.

- ³⁶⁶ Местр Ж. Петербургские письма, 1803–1817 гг. СПб., 1995. С. 232.
- ³⁶⁷ Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811–1817 / éd. par A. Blanc. Paris, 1860. P. 246.
- ³⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 209.
- ³⁶⁹ 18 июля по григорианскому календарю.
- ³⁷⁰ Речь шла о князе, командовавшем русскими войсками во время польской интервенции 1611–1612 гг.
- ³⁷¹ Имеется в виду Троице-Сергиева лавра, келарь которой Авраам Палицын прославился во время осады Троице-Сергиева монастыря войсками Лжедмитрия II в 1608–1610 гг.
- ³⁷² Речь шла о торговце мясом из Нижнего Новгорода, который организовал поход Д. М. Пожарского.
- ³⁷³ ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 209.
- ³⁷⁴ Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. С. 92.
- ³⁷⁵ Ср.: Парсамов В. С. Указ. соч. С. 198.
- ³⁷⁶ Письмо Елизаветы Алексеевны матери от 26 августа (7 сентября) 1812 г. цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 542–543.
- ³⁷⁷ Письмо Елизаветы Алексеевны матери, маркграфине Баденской, от 28 августа (9 сентября) 1812 г. цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елизавета Алексеевна... Т. 2. С. 543.
- ³⁷⁸ Письмо Екатерины Павловны Александру I от 3 (15) сентября 1812 г. цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой... С. 83.
- ³⁷⁹ Записка от 7 (19) сентября цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой... С. 84.
- ³⁸⁰ Письмо от 6 (18) сентября 1812 г. цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой... С. 83–84.
- ³⁸¹ Письмо от 7 (19) сентября 1812 г. цит. по: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой... С. 86–93.
- ³⁸² Беседы с аббатом Л. Эйлером цит. по: Schnitzler J.-H. Op. cit. Т. 1. P. 461–462; Gagarine J. Les archives russes et la conversion d'Alexandre I^{er}. Lyon, 1877.
- ³⁸³ Ср.: Серков А. И. Указ. соч. Статья «Александр I».
- ³⁸⁴ Беседы с аббатом Л. Эйлером цит. по: Schnitzler J.-H. Op. cit. Т. 1. P. 461–462; Gagarine J. Les archives russes et la conversion d'Alexandre I^{er}. Lyon, 1877.
- ³⁸⁵ См. указанные выше работы русского историка В. С. Парсамова.
- ³⁸⁶ Цит. по: Русский архив. 1886. № 4. С. 87.
- ³⁸⁷ Цит. по: Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 219.
- ³⁸⁸ См. по этому поводу: Lincoln B. W. Sunlight at Midnight, St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. New York, 2000. P. 110.
- ³⁸⁹ Город в Польше.
- ³⁹⁰ Этот текст Жермены де Сталь был написан в 1812 г. и опубликован в 1821 г. в «Десяти годах изгнания» (глава XVII). Цит. по: Le voyage en Russie. P. 809–810.

³⁹¹ См. *Lieven D. Russia and the defeat of Napoleon // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. № 7 (2). P. 283–308.*

³⁹² Указ Александра I от 11 (23) ноября 1812 г. см.: Казанские известия. № 48. 30 ноября 1812 г. Воспроизведен на русском Интернет-сайте «1812», который предлагает оригинальные версии многих неизвестных документов, связанных с Отечественной войной.

³⁹³ 24 декабря по григорианскому календарю.

³⁹⁴ Цит. по: *Ratchinski A. Op. cit. P. 319.*

³⁹⁵ *Ibidem.*

³⁹⁶ 13 января 1813 г. по григорианскому календарю.

³⁹⁷ 22 февраля по григорианскому календарю.

³⁹⁸ Цит. по: *Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. Paris, 1815. P. 18* (анонимное произведение, изданное в Париже кем-то из окружения Александра, видимо, офицером его генерального штаба).

³⁹⁹ 28 февраля по григорианскому календарю.

⁴⁰⁰ 2 мая по григорианскому календарю.

⁴⁰¹ 20 мая по григорианскому календарю.

⁴⁰² 28 апреля по григорианскому календарю.

⁴⁰³ 4 июня по григорианскому календарю.

⁴⁰⁴ 10 августа по григорианскому календарю.

⁴⁰⁵ Цит. по *Renouvin P. Histoire des relations internationales. Paris, 1994. T. 2. P. 244.*

⁴⁰⁶ 1 августа Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне: «Я очень тронут всеми Вашими стараниями ради общего дела; я не могу в достаточной степени поблагодарить Вас за все, что Вы уже сделали. <...> Сожалею, что Вы мне еще ничего не сообщили о Меттернихе и о том, что нужно, чтобы он стал всецело нашим; у меня достаточно денег, так что не экономьте. Разрешаю Вам и дальше использовать ту же тактику, самую надежную из всех, повсюду, где в ней будет нужда» (*Paléologue M. Alexandre I^{er}. Op. cit. P. 177*).

⁴⁰⁷ 27 июня по григорианскому календарю.

⁴⁰⁸ 12 августа 1813 г. по григорианскому календарю.

⁴⁰⁹ 26 и 27 августа 1813 г. по григорианскому календарю.

⁴¹⁰ См. *Троцкий Н. А. Россия в XIX веке. С. 56.*

⁴¹¹ 30 августа 1813 г. по григорианскому календарю.

⁴¹² 9 сентября 1813 г. по григорианскому календарю.

⁴¹³ См. *Hartley J. Op. cit. P. 123.*

⁴¹⁴ С 16 по 19 октября 1813 г. по григорианскому календарю.

⁴¹⁵ 17 октября по григорианскому календарю.

⁴¹⁶ Примерно трети от войск, участвовавших в сражении.

⁴¹⁷ Примерно 16 % от войск, участвовавших в сражении.

⁴¹⁸ Обратим внимание, что Александр I продолжает использовать этот термин после своего мистического откровения в 1812 г.

⁴¹⁹ Цит. по *Paléologue M. Op. cit. P. 178–179.*

⁴²⁰ Цит. по: *Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс. С. 307–308.*

⁴²¹ С 21 декабря 1813 г. по 1 января 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴²² Дата по григорианскому календарю.

⁴²³ Дата по григорианскому календарю.

⁴²⁴ Дата по григорианскому календарю.

⁴²⁵ 19 марта по григорианскому календарю.

⁴²⁶ 30 марта по григорианскому календарю.

⁴²⁷ 6 апреля 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴²⁸ 11 апреля 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴²⁹ 23 апреля 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴³⁰ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 2. С. 7.

⁴³¹ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I.

Т. 1. С. 530.

⁴³² Письмо Александра I А. Н. Голицыну от 26 февраля 1812 г. см.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 803.

⁴³³ Цит. по *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 530.

⁴³⁴ Письмо Александра I А. Н. Голицыну. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 531.

⁴³⁵ Цит. по: *Pingaud L. L'Empereur Alexandre I^{er}.* Paris, 1913. P. 15.

⁴³⁶ Цит. по: *Шуазэль-Гуфье С.* Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 295.

⁴³⁷ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 39–40.

⁴³⁸ Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. Op. cit. P. 40.

⁴³⁹ *Шуазэль-Гуфье С.* Исторические мемуары... С. 74–75.

⁴⁴⁰ *Chateaubriand F.-R., de. Mémoires d'outre-tombe.* Op. cit. P. 495.

⁴⁴¹ Цит. по: Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 47.

⁴⁴² Впрочем, эта точка зрения пережила распад СССР. Ее поддерживает, например, Н. А. Троицкий в своей работе, опубликованной в 2003 г., см.: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. С. 55–57.

⁴⁴³ Цит. по: *Troyat H.* Op. cit. P. 265.

⁴⁴⁴ Документальные источники его работы и его рукописные записи находятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 488), где мы их изучали.

⁴⁴⁵ Этот дневник был частично издан до 1917 г., а недавно его часть, относящаяся к 1814–1815 гг., была полностью опубликована, см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары, 1814–1815. СПб, 2001. Издание Российской Национальной библиотеки в коллекции «Рукописные памятники», выпуск № 6. Дневник хранится целиком в рукописной форме в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 488).

⁴⁴⁶ Произведение хранится в собрании Французской Национальной библиотеки, где мы с ним и ознакомились.

⁴⁴⁷ Дата по григорианскому календарю.

⁴⁴⁸ С точки зрения графини де Буань.

⁴⁴⁹ Vive Alexandre

Vive ce roi des rois !

Sans rien prétendre,
Sans nous dicter des lois.
Ce prince auguste
A ce triple renom
De héros, de juste
De nous rendre un Bourbon!

(Mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Récits d'une tante. Edition présentée et annotée par J.-C. Berchet, Paris, 1999. T. 1 : Du règne de Louis XVI à 1820. P. 331.)

⁴⁵⁰ «Мэр Гурнэ сообщил 21 апреля 1814 г., что, когда казаки грабили город, пострадал каждый дом» (*Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005. P. 34.*)

⁴⁵¹ *Mémoires de la comtesse de Boigne. P. 324–325.*

⁴⁵² См. *Hantraye J. Op. cit. P. 225*

⁴⁵³ *Ibidem.*

⁴⁵⁴ *Ibid. P. 226–227.*

⁴⁵⁵ 10 апреля 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴⁵⁶ В этом году православная Пасха совпала с католической.

⁴⁵⁷ Цит. по *Valloton H. Le Tsar Alexandre I. Paris, 1966. P. 225.*

⁴⁵⁸ 11 мая по григорианскому календарю.

⁴⁵⁹ Цит. по: *Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 75.*

⁴⁶⁰ *Шуазель-Гуфье С. Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 314.*

⁴⁶¹ Цит. по: *Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 76.*

⁴⁶² См.: *Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 85.*

⁴⁶³ 29 мая по григорианскому календарю.

⁴⁶⁴ *Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары, 1814–1815. С. 47*

⁴⁶⁵ 31 марта по григорианскому календарю.

⁴⁶⁶ Цит. по: *Alexandrana, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. P. 58.*

⁴⁶⁷ 17 апреля по григорианскому календарю.

⁴⁶⁸ Цит. по: *Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Указ. соч. Т. XIV. С. 237.*

⁴⁶⁹ Цит. по *Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. 14. С. 261.*

⁴⁷⁰ *Chateaubriand, F.-R., de. Mémoires d'outre-tombe. Op. cit. P. 495–496.*

⁴⁷¹ *Mémoires de la comtesse de Voigne. P. 359.*

⁴⁷² Брат Людовика XVIII, будущий Карл X.

⁴⁷³ Граф д'Артуа.

⁴⁷⁴ Уваров не душил Павла I, но участвовал в заговоре и был среди тех, кто выломал дверь в опочивальню императора.

⁴⁷⁵ *Mémoires de la comtesse de Voigne. Op. cit. P. 361–362.*

⁴⁷⁶ 29 апреля 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴⁷⁷ Цит. по: *Paléologue M. Op. cit. P. 199.*

⁴⁷⁸ Дата по григорианскому календарю.

⁴⁷⁹ По словам госпожи Ливен, супруги посла Александра I в Лондоне, см.: *Mémoires de la comtesse de Lieven. Londres, 1814. P. 226.*

⁴⁸⁰ То есть через конюшни, см.: *Mémoires de la comtesse de Lieven. P. 228.*

⁴⁸¹ *Allen W. Life of William Allen with Selections from his Correspondence, in three Volumes. London, 1846. Vol. I. P. 197–198.*

⁴⁸² Цит. по: *Hartley J. Op. cit. P. 126.*

⁴⁸³ Цит. по: *ibidem.*

⁴⁸⁴ 22 июня 1814 г. по григорианскому календарю.

⁴⁸⁵ Эти моральные соображения могут удивить, поскольку супружеская неверность, достойная осуждения в 1814 г., уже была таковой в 1803 г.! Вместе с тем очевидно, что Александр I был более чувствителен к подобным аргументам в 1814 г., чем в 1803 г.

⁴⁸⁶ Точная дата письма не указана.

⁴⁸⁷ Александр I называет свои отношения с М. А. Нарышкиной «браком», что само по себе удивительно. Видимо, это слово следует понимать как «сожитительство» или «гражданский брак».

⁴⁸⁸ Слово «соединен» (*uni*) — предположение, поскольку оригинал письма, почти стершийся, местами неразборчив.

⁴⁸⁹ Обратим внимание, что Александр I ведет отсчет с 1801 г., даты начала своего романа с М. А. Нарышкиной, а не с 1803 г., когда их связь стала официальной и постоянной. Несомненно, это служит целью увеличить важность той жертвы, на которую он идет, и степень его горя.

⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1336. Черновик этого письма находится среди других черновигов, объединенных под названием «Черновики писем Александра к неизвестным адресатам». Письмо к Екатерине Павловне классифицируется очень расплывчато — «письмо к женщине». Тем не менее адресат письма, безусловно, Екатерина Павловна, на что указывают многие детали: Александр I просит свою корреспондентку поцеловать его «двух дружков», то есть двух малолетних сыновей Екатерины Павловны, а заканчивает письмо словами «я могу лишь повторить Вам, что любить Вас нежнее и искреннее, чем люблю Вас я, невозможно» — формула, которую он употребляет лишь в письмах, адресованных сестре! Поэтому можно только удивиться неточности, допущенной при классификации этого документа.

⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 860.

⁴⁹² 12 сентября по григорианскому календарю.

⁴⁹³ 22 и 23 сентября по григорианскому календарю.

⁴⁹⁴ 25 сентября по григорианскому календарю.

⁴⁹⁵ *Sedouy J.-A. Le Congrès de Vienne, l'Europe contre la France, 1812–1815. Paris, 2003. P. 160–161.*

⁴⁹⁶ См., например, произведение Киссинджера, носящее скромное название «Дипломатия» (*Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997*), которое начинается с подробного и удачного анализа Венского конгресса.

⁴⁹⁷ 13 февраля по григорианскому календарю.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 972. Судьба этого письма весьма странна. Оно классифицировано под названием «Письмо Елизаветы к неизвестной женщине» и некоторые биографы Александра I считают, что оно было адресовано матери Елизаветы Алексеевны. Эта интерпретация не имеет никаких оснований: тональность письма, его стиль — все указывает на то, что адресатом письма являлся А. Чарторыйский.

⁴⁹⁹ 8 марта по григорианскому календарю.

⁵⁰⁰ Цит. по: *Zawadzki W. H. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford, 1993. P. 252.*

- ⁵⁰¹ *Renouvin P.* Op. cit. Т. 2. P. 254.
- ⁵⁰² Этот отрывок из дневника был опубликован в журнале «Русская страница» за июнь 1899 г.
- ⁵⁰³ *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары, 1814–1815. С. 186.
- ⁵⁰⁴ См. *Hartley J.* Op. cit. P. 130.
- ⁵⁰⁵ См. *Romanov Nikolai Mikhailovitch, grand duc.* Le Tsar Alexandre I. Т. 1. P. 115.
- ⁵⁰⁶ Это не помешало русским войскам проводить в 1813–1814 гг. на оккупированных польских территориях обширные реквизиции, порой приводившие к случаям голода и насилий в отношении гражданского населения, см.: *Zawadzki W. H.* Op. cit. P. 227.
- ⁵⁰⁷ *Ibid.* P. 231–232.
- ⁵⁰⁸ Цит. по *Троцкий Н. А.* Россия в XIX веке. С. 58.
- ⁵⁰⁹ См. *Zawadzki W. H.* Op. cit. P. 238–239.
- ⁵¹⁰ 30 декабря по григорианскому календарю.
- ⁵¹¹ Цит. по *Waresquier E.* Op. cit. P. 485.
- ⁵¹² Цит. по: *Martin M. Maria Feodorovna en son temps.* P. 406–408.
- ⁵¹³ 9 июня 1815 г. по григорианскому календарю.
- ⁵¹⁴ 20 ноября 1815 г. по григорианскому календарю.
- ⁵¹⁵ 29 августа по юлианскому календарю.
- ⁵¹⁶ Расположенная около Обервилье.
- ⁵¹⁷ Цит. по: *Antonin Careme // La France pittoresque.* 2004. № 10. P. 22.
- ⁵¹⁸ 23 сентября 1815 г. по григорианскому календарю.
- ⁵¹⁹ Цит. по: *Grunwald C.* Trois siècles de diplomatie russe. P. 165.
- ⁵²⁰ Цит. по *Ratchinski A.* Op. cit. P. 346.
- ⁵²¹ 20 ноября по григорианскому календарю.
- ⁵²² 3 мая по григорианскому календарю.
- ⁵²³ Австрия, кроме этого, получила Иллирию, Тироль, Ломбардию и Венецию, вернув себе, таким образом, ведущую роль в Италии.
- ⁵²⁴ Цит. по: *Hartley J.* Alexander I. Op. cit. P. 133.
- ⁵²⁵ Выражение принадлежит лорду Р. С. Каслри.
- ⁵²⁶ Цит. по *Renouvin P.* Op. cit. P. 370.
- ⁵²⁷ 26 сентября по григорианскому календарю.
- ⁵²⁸ Текст договора об учреждении Священного Союза цит. по: *Внешняя политика России.* Т. 8. С. 502–504.
- ⁵²⁹ Письмо, написанное из Луисбурга 22 мая (3 июня) 1815 г. цит по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. С. 194–195.
- ⁵³⁰ *Mémoires de la comtesse de Voigne.* P. 491.
- ⁵³¹ На самом деле она была не графиней, а баронессой фон Крюденер.
- ⁵³² *Mémoires de la comtesse de Voigne.* P. 493–494.
- ⁵³³ Цит. по: *Valloton H.* Op. cit. P. 340.
- ⁵³⁴ Дата по григорианскому календарю.
- ⁵³⁵ Текст, учреждающий Священный Союз, как в первоначальной версии Александра I, так и исправленный императором Австрии, см.: *Внешняя политика России.* Т. 8. С. 502–504.

IV. К правлению все более консервативному. 1815–1825

¹ Например, в своей беседе с мадам де Сталь в декабре 1812 г., о которой она повествует в своей книге: *De Staël. Dix années d'exil.* Paris, 1821. Ch. XVII.

² Эдлинг Р. С. Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 212.

³ 26 декабря по григорианскому календарю.

⁴ Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 3. С. 394.

⁵ Письмо Александра I П. В. Чичагову от 21 марта 1806 г. цит. по: Grimsted P. Op. cit. P. 28.

⁶ Министром он при этом не был.

⁷ Этот стиль также называют классически-романтическим.

⁸ Schmidt A. J. The Restoration of Moscow after 1812 // The Slavic Review. Vol. 40. № 1.

⁹ Минин и Пожарский организовали народное ополчение, которое дало отпор польским захватчикам в Смутное время, в 1612 г., и стали символом патриотического сопротивления.

¹⁰ Schmidt A. J. Op. cit.

¹¹ Он открылся в 1825 г.

¹² Узнав о своем назначении, он заявил императору: «Знаете ли Вы, что я думаю о религии?.. Если я буду служить в этой должности, это будет вопреки моей совести и моим взглядам» (Sokolov O. L'Eglise orthodoxe et Napoléon // Revue du Souvenir Napoléonien. 2007. № 470–471).

¹³ Ratchinski A. Op. cit. P. 57.

¹⁴ Год в документе не указан.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1109. Письмо А. Н. Голицына императору от 18 июля 1820/1821 г.

¹⁶ О моравских братьях и распространении их религиозных идей в балтийских провинциях см: Minaudier J.-P. Op. cit. P. 131–135.

¹⁷ Ratchinski A. Op. cit. P. 56.

¹⁸ См. письмо А. Н. Голицына императору от 4 марта 1821 г. с упоминанием об «обязательстве, которое мы все трое взяли на себя перед Господом». Эту фразу цитируют: Grunwald C. de. Op. cit. P. 224; Ratchinski A. Op. cit. P. 57.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 728. Д. 1303.

²⁰ Листок, сложенный в восемь раз, был обнаружен в переписке Александра I, в конверте, на котором рукой Александра I указано «Ее Императорскому Высочеству великой княгине Е. Павловне в собственные руки». На нем не указана дата, но он написан до смерти Георга Ольденбургского (14 декабря 1812 г.), которому император передавал привет в конце документа. Этот текст приводится в кн.: Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I. С. 286–290.

²¹ Христианство.

²² «Мальбранш» он пишет с двумя «л» и называет его трактат «Исследования об истине», тогда как в оригинальном названии слово «исследование» было в единственном числе.

²³ Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / ed. by B. Seebohm. London, 1860. Vol. I. P. 417. Цит. по: Hartley J. Alexander I. P. 187.

²⁴ Life of William Allen with Selections from his Correspondence. London, 1946. Vol. 2. P. 265. Цит. по: Hartley J. Alexander I. P. 187.

²⁵ Разговор между аббатом Л. Эйлером и Александром I, состоявшийся в 1818 г. цит. по: Schnitzler J.-H. Op. cit. P. 463–464.

²⁶ Ibid. P. 463–464.

²⁷ *Maistre J. Œuvres complètes de Joseph de Maistre. T. 13. P. 282–288.* Слова Александра I также приводятся в брошюре отца Пирлинга: *Pierling. Problème d'histoire. L'empereur Alexandre I^{er} est-il mort catholique. 2nde édition. Paris, 1913. P. 45–56.*

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ Эта версия фигурирует, например, в депеше, отправленной из Вены (Russ 6–VII) монсеньором нунцием Ф. Североли в папскую канцелярию 27 января 1816 г. К ней снова обращается в своем письме преподобный отец Дезидерий Ришардо 14 февраля 1844 г.: *Archivum Historicum Societatis Iesu, Roma. Carton № 1005. Russie. 1805–1814.*

³⁰ См. письмо графа Ж. де Местра к Ф. Североли, Санкт-Петербург, 1 (13) декабря 1815 г.: «Генерала ордена иезуитов одним из первых пригласили участвовать в этом обществе; к счастью, он сумел отказаться, проявив благоразумие и выказав вежливость» (*Archivum Historicum Societatis Iesu, Roma. Carton № 1005. Russie. 1805–1814.*)

³¹ *Note sur l'expulsion des Jésuites de Russie (1821) // Archivum Historicum Societatis Iesu, Roma. Carton № 1005. Russie. 1805–1814.*

³² Он оставался там до весны 1823 г., затем был сослан в Одессу, а в июне 1824 г. – в семейное имение Михайловское, расположенное неподалеку от Пскова.

³³ Это выражение постоянно выходило из-под его пера.

³⁴ *Шуазэль-Гуфье С. Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 294.*

³⁵ *Arkhanguelski A. Op. cit. P. 442.*

³⁶ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // *Русская старина. 1896. № 88. С. 53–54.*

³⁷ Цит. по: *Arkhanguelski A. Op. cit.*

³⁸ В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) имеется копия бюллетеня, составленного главным врачом вюртембергского двора, который описывает развитие болезни королевы Екатерины и ее агонию. В этом же фонде находится копия завещания Екатерины Павловны. Эти два документа, несомненно, были высланы Александру I по его просьбе.

³⁹ *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 117.*

⁴⁰ Она была дочерью королевы Луизы.

⁴¹ Все это изложено в ценнейшем письме от 15 (27) мая, которое Константин Павлович, находясь в Варшаве, написал своей младшей сестре Анне, ставшей принцессой Оранской. Цит. по: *Romanov Relations, the private correspondence of Tsars Alexander I, Nicolas I and the grand dukes Constantine and Michael with their sister Queen Anna Pavlovna, 1817–1855 / ed. by S. W. Jackman. London, 1969. P. 80–81.*

⁴² 27 ноября по григорианскому календарю.

⁴³ 20 октября по григорианскому календарю.

⁴⁴ Меморандум Поццо ди Борго по польскому вопросу, 8 (20) октября 1814 г. // *ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 47.*

⁴⁵ Кроме Финляндии.

⁴⁶ Русских.

⁴⁷ В первую очередь, конечно же, Екатерина II.

⁴⁸ Меморандум Поццо ди Борго по польскому вопросу, 8 (20) октября 1814 г. // *ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 47.*

⁴⁹ Поццо ди Борго делает вид, что отвечает полякам, требующим независимости (риторически к ним обращаясь и подвергая нападкам): «Вы получите то, что называете независимостью, но не перестанете быть такими, как сейчас. Вы продолжите ненавидеть русских вашей привычной ненавистью, и присоедините к ней еще и презрение, на которое вас вдохновит эта победа».

⁵⁰ 21 мая по григорианскому календарю.

⁵¹ 25 мая по григорианскому календарю.

⁵² *Zawadzki W. H.* Op. cit. P. 256–257.

⁵³ 27 ноября по григорианскому календарю.

⁵⁴ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 150.

⁵⁵ *Zawadzki W. H.* Op. cit. P. 261–262.

⁵⁶ Подробный анализ Конституционной Хартии содержится в кн.: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 150–154. Мы заимствуем у автора описание текста и его главные выводы.

⁵⁷ Право голоса предоставлялось только мужчинам.

⁵⁸ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 153.

⁵⁹ Дата по григорианскому календарю.

⁶⁰ Письмо Анны Павловны, принцессы Оранской, от 21 мая 1818 г., написанное в Сустейке // *Romanov Relations...* P. 76

⁶¹ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 154.

⁶² Там же. С. 156.

⁶³ Чтобы не задеть поляков, он не прибежал к русскому языку.

⁶⁴ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 157.

⁶⁵ Полный текст речи, из которой мы процитировали наиболее важные отрывки, находится в архивах отца Пирлинга: ENS Lyon. Bibliothèque de l'Institut Est-Ouest. Fonds jésuite de Meudon. Dossier BSL/PI 9 № 5. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность отцу Рене Маришало, бывшему заведующему фондом, а также Анне Мэтр, его нынешней руководительнице, за большую помощь, которую они мне оказали при поиске в архивах.

⁶⁶ Такова была точка зрения А. И. Михайловского-Данилевского, несмотря на его близость к императору. См. *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 158.

⁶⁷ Курсив наш.

⁶⁸ Десять дней моей жизни: Воспоминания генерала Борштеля, поездка императора Александра I в Германию в 1818 г. // ГА РФ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 633а (текст написан на немецком и французском языках, но в архивной описи указан на русском языке).

⁶⁹ *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 163.

⁷⁰ Там же. С. 168.

⁷¹ Там же. С. 173.

⁷² Документ Новосильцева, оставшийся секретным, был обнаружен в его личных бумагах во время польского восстания 1831 г. Он был опубликован летом 1831 г. польским революционным правительством в виде брошюры. Хартия была подвергнута подробному и аргументированному анализу в кн.: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 184–202. В настоящее время текст хартии находится в архивах РГАДА (Ф. 3. Разряд 3. Д. 25), копия на французском языке хранится в отделе рукописей Императорской библиотеки Санкт-Петербурга (Ф. 37. Д. 916), где мы с ней и ознакомились.

⁷³ Следует обратить внимание на употребление слова «гражданин», а не «подданный».

⁷⁴ Текст ничего не говорит о проживавших на территории империи мусульманах.

⁷⁵ Эти пункты будут рассмотрены подробнее в следующей главе.

⁷⁶ 13 сентября по григорианскому календарю.

⁷⁷ Речь, произнесенная 1 (13) сентября Александром I на открытии польского сейма в Варшаве. Ее текст полностью сохранился в архивах отца Пирлинга: ENS Lyon. Bibliothèque de l'Institut Est-Ouest. Fonds jésuite de Meudon. Dossier BLS/PI 9 № 5.

⁷⁸ На котором собрались представители Союза пяти держав. См. следующую главу.

⁷⁹ В. П. Кочубей недвусмысленно утверждал в своем письме от 22 октября 1820 г.: «Из множества разговоров, которые естественным образом продолжаются, и еще будут продолжаться, следует извлечь один достоверный факт — никто не сомневается в истинном мотиве недовольства. Его приписывают исключительно полковнику Шварцу, чье поведение, необдуманное (а согласно некоторым рассказам, тираническое), привело в отчаяние солдат и вызвало недовольство офицеров. В самом деле, Сир, невозможно найти другой причины этому неповиновению. Если бы кто-то направлял его, разве солдаты повели бы себя с такой мягкостью? Разве не взяли бы они в руки оружие? Разве не попытались бы они поднять и другие полки? Ведь все согласны в том, что другие полки не выступили бы против своих товарищей. Таково всеобщее мнение, Сир; и хотя печально, что этот первый пример нарушения дисциплины произошел в Вашем гвардейском полку, хотя верные Ваши слуги должны быть глубоко опечалены тем горем, что испытает Ваше Величество, с другой стороны, я не могу не утешаться мыслью, что, в отличие от событий в других странах, в данном случае солдатское выступление не имело никакой политической цели, что оно было локальным, ограничилось одним полком, и даже те, кто принял в нем участие, показали покорность, несвойственную людям, которые, доведенные до отчаяния, прибегают к силе» (*Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 540–541*).

⁸⁰ Цит. по: *Troyat H. Op. cit. P. 333.*

⁸¹ *Minaudier J.-P. Op. cit. P. 145–157.*

⁸² Дворянство Лифляндии (Ливонии).

⁸³ Цит. по: *Heller M. Op. cit. P. 655–656.*

⁸⁴ *Мироненко С. В. Указ. соч. С. 96.*

⁸⁵ *Servan J. Le soldat citoyen ou vues patriotiques sur la manière la plus avantageuse de pourvoir à la défense du royaume. Neufchatel, 1780.*

⁸⁶ *Jenkins M. Op. cit. P. 185.*

⁸⁷ *Ibid. P. 189.* Текст меморандума был опубликован: Военный сборник. 1861. № 6. С. 336–340.

⁸⁸ *Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997. С. 185.*

⁸⁹ Т. е. чтобы из них не делали военных поселенцев. Цит. по: Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. № 88. С. 36.

⁹⁰ Доклад графа О. де ла Ферроне о военных поселениях в России, составленный в апреле 1820 г. и адресованный барону Паскье, хранится в архивах

герцога де Ришелье (Paris. Bibliothèque de la Sorbonne. Fonds Richelieu. Ms 99).

⁹¹ Федоров В. А. Указ. соч. С. 178.

⁹² 13 августа по григорианскому календарю.

⁹³ 21 августа по григорианскому календарю.

⁹⁴ 11 сентября 1815 г. по григорианскому календарю.

⁹⁵ 1 мая 1819 г. по григорианскому календарю.

⁹⁶ 10 июня 1823 г. по григорианскому календарю.

⁹⁷ См. главу 7.

⁹⁸ Нынешний Азербайджан.

⁹⁹ Находится на территории нынешнего Азербайджана.

¹⁰⁰ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 245–246.

¹⁰¹ Современный Улан-Батор.

¹⁰² Очерки министерства иностранных дел России. Т. 1. С. 285.

¹⁰³ Архипелаг является частью нынешней Аляски.

¹⁰⁴ Крепость существует и поныне под названием Форт-Росс.

¹⁰⁵ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 274.

¹⁰⁶ 18 февраля по григорианскому календарю.

¹⁰⁷ Цит. по: *Rey M.-P. De la Russie à l'Union soviétique...* P. 105.

¹⁰⁸ *Bridge F. R., Bullen R. The Great Powers and the European States System, 1814–1914. 2nd edition. London–New York, 2005. P. 34.*

¹⁰⁹ О позиции Р. С. Каслри см.: *Bartlett C. J. Peace, War and the European Powers, 1814–1914. London, 1996. P. 16.*

¹¹⁰ Дата по григорианскому календарю.

¹¹¹ Т. е. королем Людовиком XVIII.

¹¹² Цит. по: *Renouwin P. Op. cit. P. 372.*

¹¹³ *Hartley J. Op. cit. P. 142.*

¹¹⁴ 2 апреля по григорианскому календарю.

¹¹⁵ Письмо Александра I Р. С. Каслри, 21 марта (2 апреля) 1816 г. // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 1. С. 108–111.

¹¹⁶ Которое привело к учреждению Союза пяти держав.

¹¹⁷ Письмо Александра I Р. С. Каслри, 21 марта (2 апреля) 1816 г. // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 1. С. 108–111.

¹¹⁸ Цит. по: *Hartley J. Op. cit. P. 144.*

¹¹⁹ 6 июля по григорианскому календарю.

¹²⁰ Доклад министерства иностранных дел Александру I, 24 июня 1818 г. // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 2. С. 409–422.

¹²¹ Цит. по: *Ley F. Alexandre I^{er} et sa Sainte Alliance, 1811–1825, avec des documents inédits. Paris, 1975. P. 215.*

¹²² Цит. по: *Renouwin P. Op. cit. P. 377.*

¹²³ Цит. по: *ibidem.*

¹²⁴ Даты по григорианскому календарю.

¹²⁵ Принц-регент не присутствовал на Аахенском конгрессе. Интересы британского короля там представлял лорд Каслри.

¹²⁶ *Lettres de Metternich à la comtesse de Lieven, 1818–1819, présentées par Jean Hanoteau. Paris, 1909.*

- ¹²⁷ *Lettres de Metternich à la comtesse de Lieven*. P. 78
- ¹²⁸ Дата по григорианскому календарю.
- ¹²⁹ Дата по григорианскому календарю.
- ¹³⁰ Дата по григорианскому календарю.
- ¹³¹ За исключением гипотетического возвращения Наполеона или члена его семьи на французский трон!
- ¹³² Дата по григорианскому календарю.
- ¹³³ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 154.
- ¹³⁴ Цит. по: *Hartley J.* Op. cit. P. 144.
- ¹³⁵ *Bartlett C. J.* Op. cit. P. 18.
- ¹³⁶ Записка государственного секретаря Александру I от 19 (31) декабря 1818 г., Вена // Внешняя политика России. Серия 2. Т. 2. С. 611–618.
- ¹³⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). С. 157.
- ¹³⁸ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 497.
- ¹³⁹ Полный текст письма см: Письмо Александра I А. Н. Голицыну, 8–15 февраля 1821 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1113.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Письмо Александра I А. Н. Голицыну, 14 декабря 1820 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 803.
- ¹⁴³ В то время он находился в Австрийской империи.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Bartlett C. J.* Op. cit. P. 19.
- ¹⁴⁵ См. предыдущую главу.
- ¹⁴⁶ *Seton-Watson H.* Op. cit. P. 177.
- ¹⁴⁷ 19 ноября 1820 г. по григорианскому календарю.
- ¹⁴⁸ Сегодняшняя Любляна. Расположенная на южном склоне Альп, она является воротами в Италию.
- ¹⁴⁹ Цит. по: *Ley F.* Op. cit. P. 180.
- ¹⁵⁰ По статье VII мирного договора Османская империя обещала «твердую защиту христианскому закону и церквам оного», а статьей XVI за Россией признавалось право вмешательства в дела дунайских княжеств., см.: *Bridge F. R., Bullen R.* Op. cit. P. 50.
- ¹⁵¹ Остальная часть, примерно треть Молдавии, была аннексирована Российской империей по этому самому Бухарестскому мирному договору.
- ¹⁵² Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 553.
- ¹⁵³ Поскольку А. К. Ипсиланти на тот момент находился в заключении в Австрии.
- ¹⁵⁴ Письмо Александра I А. Н. Голицыну, 15 февраля 1821 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1113.
- ¹⁵⁵ Цит. по: *Zorin A.* Star of the East: The Holy Alliance and European Mysticism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. № 4 (2). P. 338.
- ¹⁵⁶ *Ibidem.*
- ¹⁵⁷ *Bridge F. R., Bullen R.* Op. cit. P. 54.
- ¹⁵⁸ *McConnell A.* Op. cit. P. 163.
- ¹⁵⁹ Дата по григорианскому календарю.
- ¹⁶⁰ *Bridge F. R., Bullen R.* Op. cit. P. 56.

- ¹⁶¹ *Chateaubriand F.-R., de. Le Congrès de Vérone. Chapitre XXXII.*
- ¹⁶² Т. е. более 200 тыс. км.
- ¹⁶³ *Schnitzler J.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 459.
- ¹⁶⁴ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. № 88. С. 58–59.
- ¹⁶⁵ См. ценное свидетельство Э. Дюпре де Сен-Мора: Dupré de Saint-Maure // *L'Hermite en Russie, ou Observations sur Les Mœurs et Les Usages Russes au Commencement du XIX^e siècle.* Paris, 1829. Т. 2.
- ¹⁶⁶ Письмо Александра I графине Шарль Нессельроде, отправленное из Варшавы 25 апреля 1825 г. // *Lettres, papiers et archives du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850.* Paris, 1850. Т. V. Р. 224–225.
- ¹⁶⁷ *Шуазэль-Гуфье С.* Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 366–367.
- ¹⁶⁸ *Schakovskoy Z.* Saint-Pétersbourg et Paris au XIX^e siècle, 1820–1850. Paris, Toulouse, 1991 (réédition). Р. 44.
- ¹⁶⁹ *Dupré de Saint-Maure* // *L'Hermite en Russie, ou Observations sur Les Mœurs et Les Usages Russes au Commencement du XIX^e siècle.* Paris, 1829. Т. 2. Р. 230–231.
- ¹⁷⁰ *Arkhanguelski A.* Op. cit. Р. 380–381.
- ¹⁷¹ Письмо Александра I А. Н. Голицыну // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1113.
- ¹⁷² Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 299.
- ¹⁷³ То есть большую туберкулезом.
- ¹⁷⁴ *Шуазэль-Гуфье С.* Указ. соч. // Державный сфинкс. С. 374.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 120.
- ¹⁷⁶ 10 апреля 1820 г. по григорианскому календарю.
- ¹⁷⁷ Письмо О. де Ла Ферроне Э. Д. Паскье от 30 марта (10 апреля) 1820 г. цит. по: *McConnell A.* Alexander I's Hundred Days: The politics of a Paternalist Reformer // *Slavic Review.* 1969. Vol. 28. Р. 393.
- ¹⁷⁸ По всей видимости, Е. Ф. Канкрин был единственным из министров — протее А. А. Аракчеева, кто оказался действительно компетентным.
- ¹⁷⁹ Письмо В. П. Кочубея А. А. Аракчееву от 17 мая 1823 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 302.
- ¹⁸⁰ Письмо П. М. Волконского его другу А. А. Закревскому от 3 октября 1823 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 305–306.
- ¹⁸¹ Речь идет о весьма известных пиетистах. Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 299.
- ¹⁸² Отец будущего декабриста П. И. Пестеля. Вклад М. М. Сперанского в развитие Сибири рассмотрен в кн.: *Hartley J.* Op. cit. Р. 170.
- ¹⁸³ *Jenkins M.* Op. cit. Р. 222.
- ¹⁸⁴ Речь идет о Союзе доблести, тайном обществе, которое было основано в Пруссии, в Кенигсберге, в 1808 г., и ставило своей целью возрождение Пруссии и распространение либеральных идей.
- ¹⁸⁵ См. *Seton-Watson H.* Op. cit. Р. 187.
- ¹⁸⁶ По вопросам функционирования этих двух тайных обществ см. хорошее описание в кн.: *Seton-Watson H.* The Russian Empire. Op. cit. Р. 187–192.
- ¹⁸⁷ Термин «боярин», или «вельможа», также был заимствован из средневековой русской истории, но здесь он принимал совершенно иное значение:

«бояр» должны были выбирать на основе их познаний и мудрости, а не знатности их предков.

¹⁸⁸ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 204.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1210. Письмо опубликовано: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. С. 3.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1144. Письмо опубликовано: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. С. 4. Текст также воспроизведен в кн.: *Bariatinsky V. Le Mystère d'Alexandre I^{er}. Le tsar a-t-il survécu sous le nom de Fedor Kouzmitch? Paris, 1929. P. 14.*

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 67. Оригинальный текст подписан Александром I и опубликован в: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. С. 4–5. Некоторые пассажи фигурируют также в произведении барона М. А. Корфа, написанном государственным секретарем Его Величества по приказу императора Александра II: *Korf M. A. Avènement au trône de Nicolas I^{er}. Paris, 1857. P. 24–25.*

¹⁹² Ibidem.

¹⁹³ *Bariatinsky V. Op. cit. P. 15.*

¹⁹⁴ 1796 года рождения.

¹⁹⁵ Письмо Александра I Елизавете Алексеевне, 15 апреля 1825 г. // ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 96. С. 4.

¹⁹⁶ Орфография Александра I сохранена.

¹⁹⁷ Письмо Александра I Елизавете Алексеевне, 12 мая 1825 г. // ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 96. С. 5.

¹⁹⁸ Письмо П. М. Волконского А. А. Закревскому цит. по: *Bariatinsky V. Op. cit. P. 18.*

¹⁹⁹ Об этом сообщал великий князь Николай Михайлович в 1913 г.

²⁰⁰ Текст был опубликован в Лионе в 1877 г. в качестве специального выпуска иезуитского журнала *Etudes religieuses*.

²⁰¹ Вся эта переписка сохранилась в его личных архивах, которые находятся в Ванве, в архивах ордена иезуитов, где мы с ней и ознакомились.

²⁰² *Archives personnelles du père Ivan Gagarine // Archives de la compagnie de Jésus. Vanves. Папка, посвященная «проекту» Александра I, находится под шифром BS GA L 11.*

²⁰³ Урожденная Констанция де Местр, дочь Жозефа де Местра.

²⁰⁴ *Pierling. Op. cit.*

²⁰⁵ Бумаги отца Пирлинга и источники, которые он использовал для составления своей брошюры, находятся в папке «A propos de la mort d'Alexandre I^{er} et de son rapport à l'Eglise catholique» // Fonds des Jésuites de Meudon. Bibliothèque de l'ENS–Lyon LSH. Dossier BSL Pi 13 n° 8.

²⁰⁶ Послание было опубликовано 4 ноября 1876 г. в *Civiltà Cattolica*.

²⁰⁷ Урожденная Анастасия Мишо де Боретур.

²⁰⁸ Произведение было опубликовано в 1869 г. в Турине (издательство Бальоне и К°). Я нашла его след в коллекциях старинных и редких книг Туринской Королевской библиотеки. Я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить архивистов этой библиотеки, в частности Клару Витуло, весьма любезно предоставивших мне копию этого произведения.

²⁰⁹ Курсив наш.

²¹⁰ *Paoletti de Rodoretto. Coup d'œil sur la vie de S. E. le comte Alexandre Michaud de Beauretour lieutenant général, aide de camp de leurs Majestés les empereurs de Russie, Alexandre I et Nicolas I et sur la vie de son frère le chevalier*

Michaud Louis, colonel de génie, aide de camp de S. M. l'empereur Alexandre I. Turin, 1869. P. 117.

²¹¹ Ibid. P. 118.

²¹² Курсив, восклицательные знаки и многоточие присутствуют в оригинале.

²¹³ *Paoletti de Rodoretto*. Op. cit. P. 131.

²¹⁴ Problème d'histoire. L'Empereur Alexandre I^{er} est-il mort catholique? Paris, 1913. Publications de la Bibliothèque slave de Bruxelles.

²¹⁵ 23 ноября по юлианскому календарю.

²¹⁶ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 292.

²¹⁷ 25 ноября по григорианскому календарю.

²¹⁸ Archivio di Vaticano. Roma, Segretaria di Stato, 1825–1830. Vol. 268.

²¹⁹ По русскому календарю 21 ноября, значит, два дня спустя после смерти императора, наступившей утром 19 ноября.

²²⁰ В дневнике отца Антонио Брешани, с которым мы ознакомились, об этом повествуется под датой 22 января 1846 г. Archivio della Civiltà Cattolica. Roma. Diario del Padre Bresciani. Scaffale 24. Palchetto C.

²²¹ Не имевший связей с Россией, но страстно увлеченный историей и культурой Ниццы. Самое яркое его достижение — «Словарь языка Ниццы», созданный в сотрудничестве с Жюлем Эйнауди. Брошюра, опубликованная в Ницце в 1932 г., в «Анналах графства Ницца» (*Les Annales du comté de Nice*) носила название «Граф Мишо де Боретур, Александр I и папа в 1825 г.».

²²² За шесть лет до отправки письма.

²²³ В архивах Ватикана содержится подтверждение того, что посредником был Италинский.

²²⁴ Спустя десять лет после событий память А. Ф. Мишо почти не подводит его: встреча состоялась 5 декабря. См. архивы Ватикана.

²²⁵ Письмо было написано в Турине в июне 1835 г. Версия, отправленная Николаю I, пять лет спустя могла слегка отличаться.

²²⁶ Этот документ был любезно передан нам Женевьевой Шено, хранительницей библиотеки им. кавалера де Чессоле (дворец Массена, Ницца). Выражаем ей нашу глубокую признательность.

²²⁷ За исключением иезуитов. См. выше.

²²⁸ О международном размахе религиозной мысли Александра I см: *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.

²²⁹ *Chateaubriand F.-R.* Op. cit. Chapitre XXXII.

²³⁰ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 291.

²³¹ Письмо Александра I Елизавете Алексеевне, 5 (17) сентября 1825 г. // ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 96. С. 9.

²³² Вернувшись в Россию после долгого пребывания во Франции, П. М. Волконский в 1825 г. вновь поступил на службу, чтобы по приказу Александра I сопровождать Елизавету Алексеевну в Таганрог. Таким образом, самый верный и преданный друг царя оказался рядом с ним во время агонии.

²³³ То есть «уютно»; письмо приводится в: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. Т. 3. С. 455.

²³⁴ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. Т. 3. С. 455–456.

²³⁵ Цит. по: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 452.

²³⁶ Подробное описание этого убийства см.: *Jenkins M.* Op. cit. P. 239–262.

²³⁷ Цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 330.

²³⁸ Письмо Елизаветы Алексеевны матери от 19 ноября (1 декабря) 1825 г. цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. Т. 3. С. 469.

²³⁹ Письмо от 31 декабря 1825 г. (12 января 1826 г.) цит. по: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна. Т. 3. С. 488.

²⁴⁰ Цит. по: *McConnell A.* Tsar Alexander I: Paternalistic Reformer. P. 187.

Вместо эпилога: тайна Федора Кузьмича

¹ Т. е. отшельник.

² Курсив наш.

³ *Файбисович В. М.* Александр I и старец Федор Кузьмич: история одной легенды. Санкт-Петербург, 2004. С. 13.

⁴ По делу Хромова см: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. Санкт-Петербург, 1912. С. 6. Из более недавних работ см.: *Громыко М. М.* Святой праведный старец Федор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный, исследование и материалы к житию. М., 2007. С. 55.

⁵ Их встречи и беседы, состоявшиеся 31 июля, 11 и 25 августа, подтверждаются русскими архивными источниками. См.: РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 137.

⁶ *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 200.

⁷ См. рассмотрение версии Н. К. Шильдера в кн.: *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I... С. 10. Подробное описание иконы см.: *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 509.

⁸ До такой степени, что в настоящий момент в каталогах отдела рукописей Императорской библиотеки Санкт-Петербурга, созданных до Октябрьской революции 1917 г., Александр I и Федор Кузьмич занесены в один и тот же фонд!

⁹ *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Опубликовано в Санкт-Петербурге в 1912 г.

¹¹ *Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I... С. 15 и далее.

¹² *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 123.

¹³ Этот же текст был опубликован во Франции и на французском языке в 1929 г. князем Барятинским, см.: *Bariatinsky V.* Op. cit.

¹⁴ *Arkhanguelski A.* Op. cit. P. 482; *Громыко М. М.* Указ. соч. С. 201.

¹⁵ Так считает, к примеру, историк А. Н. Сахаров, опубликовавший в 1998 г. биографию Александра I.

¹⁶ *Громыко М. М.* Указ. соч.

¹⁷ Большинство этих нестыковок были кропотливо выявлены князем Владимиром Барятинским в его ключевом труде: *Bariatinsky V.* Op. cit.



ХРОНОЛОГИЯ

1777

Родился великий князь Александр Павлович.

1784

Ф. Лагарп стал главным учителем Александра и его брата Константина.

1792

Первая встреча Александра с Луизой-Марией-Августой Гессен-Дармштадтской.

1793

Обручение Александра и Луизы, крещенной под именем Елизаветы Алексеевны.

Брак Александра и Елизаветы.

1795

Отъезд Ф. Лагарпа.

1796

Смерть Екатерины II. Начало правления Павла I.

1801

Убийство Павла I. Начало правления Александра I.

Александр I вновь вводит Жалованную грамоту дворянству, упраздняет Тайную экспедицию Сената, проводит амнистию.

П. А. Пален удален в свои курляндские владения.

Подписание русско-английской конвенции, восстановившей двусторонние отношения и покончившей с кризисом.

Коронация Александра I.

Подписание мирного договора с Францией; спустя два дня подписание секретной конвенции.

1802

Реорганизация государственного аппарата; введение министерств, реформа Сената.

1803

Указ о вольных хлебопашцах.

1804

Казнь герцога Энгиенского.

«Секретная инструкция» Александра I Н. Н. Новосильцеву. Рождение европейского проекта императора.

1805

Заключение русско-австрийского союза.
Создание третьей антифранцузской коалиции.
Капитуляция генерала К. Мака при Ульме.
Поражение под Аустерлицем.
Пресбургский мир.

1806

Пруссия вновь начинает войну против Франции. Четвертая коалиция.

Победа Наполеона при Йене.

Берлин занят наполеоновскими войсками. Бегство короля и королевы Пруссии.

1807

Поражение под Фридландом.

Первая встреча Александра I и Наполеона I в Тильзите.

Подписание Тильзитского мирного договора.

1808

Русско-шведская война.

Эрфуртская встреча Александра I и Наполеона I. Она длится восемнадцать дней.

Императорским указом объявлено о присоединении Финляндии.

1809

Русско-турецкая война.

Александр I собирает в Порвоо финляндский сейм.

Выступление Александра I перед финляндским сеймом.

Фридрихсгамским мирным договором подтверждается присоединение Финляндии.

Долгое пребывание в Санкт-Петербурге прусских короля и королевы.

М. М. Сперанскому поручена реформа государственного управления.

1810

Первое заседание Государственного совета.

1812

Падение М. М. Сперанского.

Русско-шведский союзный договор.

Мир с Турцией. Заключение Бухарестского мирного договора.

Великая Армия форсирует Неман.

М. И. Кутузов назначен главнокомандующим русской армией.

Начало Бородинской битвы.

Вступление Наполеона в Москву.

Московский пожар.
Битва при Малоярославце.
Начало отступления Великой Армии.
Великая Армия вновь форсирует Неман. Окончание похода в
Россию.

Александр I вновь встал во главе русской армии, возглавляя за-
граничный поход.

1813

Русская армия форсирует Неман.
Новый русско-прусский союз.
Заключение союза России, Австрии и Пруссии.
Победа союзников при Кульме.
Теплицкий договор между тремя союзными державами.
Битва народов при Лейпциге.
Подписание Гюлистанского мирного договора с Персией.

1814

Сдача Парижа.
Отречение Наполеона I.
Александр I устраивает торжественное богослужение на площади
Согласия.
Подписание мирного договора в Фонтенбло.
Подписание первого Парижского мирного договора.
Пребывание Александра I в Гейдельберге.
Прибытие Александра I в Вену для участия в работе конгресса.

1815

Сто дней.
Встреча с баронессой В. Ю. фон Крюденер.
Подписание Заключительного акта Венского конгресса.
Заключение Священного союза в Париже.
Подписание польской Конституционной Хартии.
Подписание второго Парижского мирного договора и заключение
Четверного союза.
Изгнание иезуитов из Санкт-Петербурга и Москвы.

1816

Письмо Александра I Р. С. Каслри с предложением о европейском
разоружении.
Александр I подписывает указ, предоставляющий личную свобо-
ду эстляндским крестьянам и положение, фиксирующее их права и
обязанности.
Создание первого в Российской империи военного поселения в
Новгородской губернии.

1817

Освобождение крепостных крестьян Курляндии.

1818

Открытие польского сейма в присутствии Александра I.
Аахенский конгресс.

1819

Освобождение крепостных крестьян Лифляндии.
Создание Азиатского департамента в министерстве иностранных дел.

1820

Изгнание иезуитов из империи.
А. С. Пушкин приговорен к ссылке.
Восстание Семеновского полка в отсутствие Александра I, находящегося на Троппауском конгрессе.

1821

Политическое брожение; развитие тайных обществ.
Лайбахский конгресс.

1822

Отречение Константина Павловича от престола.
Веронский конгресс.

1824

А. Н. Голицын отстранен от должности обер-прокурора Священного Синода.
Смерть Софьи Нарышкиной, дочери Александра I.
Разлив Невы опустошает Санкт-Петербург.

1825

Генерал А. Ф. Мишо покидает Санкт-Петербург, направляясь с миссией в Рим.
Александр I отправляется в Таганрог.
Прибытие Елизаветы Алексеевны в Таганрог.
Смерть Александра I.



БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА, Москва)

Ф. 1. Государственный архив российской империи. Разряд 1. Секретные пакеты, сер. XVIII — 1830 г. Оп. 1.

В частности: семейная переписка Александра I, Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны, вел. кн. Константина Павловича, Александры Павловны, Екатерины Павловны, Елены Павловны 1780–1825 гг.

Ф. 4. Переписка лиц императорской фамилии и других высочайших особ. Оп. 1.

Ф. 5. Разряд V. Переписка высочайших особ с частными лицами, 1682–1869 гг. Оп. 1.

В частности: переписка Александра I с иностранными государственными деятелями, 1808–1825 гг., в т. ч. с кн. Ш. Талейраном (коп.), 1808–1810 гг., герцогом А. Е. де Ришелье 1820 г., кн. К.-В. Меттернихом о революционном движении в Европе 1820–1823, писателем Н. Бергасом о политических событиях в Испании и Франции 1820–1823 гг., герцогом М.-Ф. Монморанси 1825 г. Письмо герцогу А.-У. Веллингтону о положении в Греции (черн.) 1821 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, Москва)

Ф. 658. Императрица Елизавета Алексеевна.

Ф. 663. Императрица Мария Федоровна.

Ф. 679. Император Александр I.

Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. Проанализированы все документы, имеющие отношение к царствованию Александра I.

Российская национальная библиотека (РНБ), бывшая Императорская публичная библиотека в Петербурге

Отдел рукописей (ОР). Ф. Михайловского-Данилевского.

Архив французского министерства иностранных дел

Correspondance diplomatique. Russie. Cartons № 140–167. (Часть этой переписки за 1808–1812 гг. была опубликована вел. кн. Николаем Михайловичем).

Архив Ватикана

Chancellerie secrète et Affaires ecclésiastiques spéciales.

Сборники опубликованных архивных документов

Внешняя политика России XIX и начала XX века / ред. А. Л. Нарочницкий. Серия I. М., 1960–1972. Т. 1–8; Серия II. М. 1974–1982. Т. 1–5.

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812 / под ред. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905–1914. Т. 1–7.

Русский архив. 1866, 1870, 1911.

Русская старина. 1870.

Сборник императорского русского исторического общества. Т. 2, 6, 11, 54, 70, 77, 82, 89, 112, 119, 127.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / под ред. Ф. Мартенса. СПб., 1874–1909. Т. 1–15.

Сборники опубликованных документов из частных российских архивов

Архив князя Воронцова. М., 1860–1895. Т. 1–40.

Материалы графа Никиты Петровича Панина. 1770–1837. СПб., 1892. Т. 1–7.

Частные западноевропейские архивы

Архив ордена иезуитов

Документы, переданные вел. кн. Николаем Михайловичем.

Документы, переданные кардиналом Рамполла.

Ванв: Архив отца Жана Гагарина. Дело об отношении царя Александра I к католицизму.

Лион (старый фонд иезуитов хранится в l'ENS–LSH). Архив отца Пирлинга. BSL/Pi 9. № 5 (Речи Александра I в Варшаве, 1818–1825 гг.); BSL/Pi 13. № 8 (касательно смерти Александра I и его отношения к католической церкви).

Рим: Дела о России.

Архив Civiltà Cattolica

Diario del Padre Bresciani. Scaffale 24, Palchetto C.

La Civiltà Cattolica, 4 novembre 1876, quad. 633.

Архив герцога Ришелье (Отдел рукописей и старых книг, библиотека Сорбонны, Париж)

Comte de Langeron. Mémoire sur la mort de Paul I^{er}.

Переписка

Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796) / Сборник Императорского русского исторического общества. Вып. 23. СПб., 1878.

Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. 1911. № 1. С. 132–172.

Романов Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.

Он же. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра Первого. СПб., 1908–1910. Т. 1–3. В этом издании содержатся все письма Елизаветы Алексеевны своей матери маркграфине Баденской.

Alexandre I^{er} et Napoléon d'après leur correspondance inédite, 1801–1812 / éd. par S. Tatischeff. Paris, 1891.

Chère Annette. Letters from Russia, 1820–1828. The Correspondance of the Empress Maria Feodorovna of Russia to her Daughter the Grand-duchesse Anna Pavlovna, the Princess of Orange / ed. by S. W. Jackman. London, 1994.

Correspondance de Frédéric-César de La Harpe et Alexandre I^{er}, suivie de la correspondance Frédéric-César de La Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Neuchatel, 1978–1980. Vol. 1–3.

Correspondance de Napoléon I^{er}, édition numérisée, publiée sur le site www.histoire-empire.org.

Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811–1817 / éd. par A. Blanc. Paris, 1860.

Czartoryski L. Alexandre I^{er} et le prince Czartoryski, correspondance et conversations particulières, 1801–1823. Paris, 1865.

Lettres de Metternich à la comtesse de Lieven / pres. par J. Hanoteau. Paris, 1909.

Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Paris, 1904. Vol. 1–6.

Oeuvres inédites de Xavier de Maistre. Premiers essais, fragments et correspondance. Paris, 1897.

Romanov Relations, the private correspondence of Tsars Alexander I, Nicolas I and the grand dukes Constantine and Michael with their sister Queen Anna Pavlovna, 1817–1855 / ed. by S. W. Jackman. London, 1969.

Мемуары, воспоминания и дневники

Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. М., 1912.

Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 10–65.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814–1815 // Рукописные памятники. 2001. Вып. 6.

Тарасов Д. К. Император Александр I: последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. По личным воспоминаниям доктора Д. К. Тарасова. Пг., 1915.

Чарторыйский А. Ю. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912–1913. Т. 1–2.

Шуазэль-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе. М., 2007.

Эдлинг Р. С. Записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 157–236.

- Alexandrana ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre I^{er}. Paris, 1815.
- Anecdotes recueillies a Saint-Pétersbourg par le comte de Maistre // Etudes religieuses, historiques et littéraires par des Pères de la Compagnie de Jésus. Paris, 1868. T. 2.
- Caulaincourt A. A. L.* Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'empereur. Paris, 1933. Vol. 1-3.
- Chateaubriand F.-R.* Mémoires d'outre-tombe. Paris, 1998. T. 2, 4.
- Conversation de l'empereur Napoléon avec le général russe Constantin Poltoratzky en 1814 après la bataille de Champaubert // La Revue d'Alsace. 1855. Mai. P. 226.
- Laharpe F.-C.* Le Gouverneur d'un prince, Frédéric-Cesar de Laharpe et Alexandre I de Russie. Paris, 1902.
- Idem.* Mémoires de Frédéric-César Laharpe, concernant sa conduite comme directeur de la République helvétique. Paris, Genève, 1864.
- Langeron A. L. A.* Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagne de 1812, 1813, 1814. Paris, 1902.
- Idem.* Journal inédit de la campagne de 1805: Austerlitz. Paris, 1998.
- Las Cases E.-A.-D.* Mémorial de Saint-Hélène. Paris, 1968.
- L'Hermitte en Russie, ou Observations sur les moeurs et les usages russes au commencement du XIX^e siècle. Paris, 1829. T. 2.
- Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Paris, 1800-1802. T. 1-3.
- Mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond. Récits d'une tante / éd. par J.-C. Berchet, Paris, 1999. T. 1.
- Mémoires de la comtesse de Lieven. Londres, 1814.
- Mémoires du duc de Rovigo pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1828. Vol. 1-8.
- Mémoires du général Bennigsen. Paris, 1907-1908. Vol. 1-3.
- Mémoires du prince de Talleyrand. Paris, 1891-1892. Vol. 1-5.
- Mémoires politiques et correspondance politique de Joseph de Maistre / éd. par A. Blanc. Paris, 1858.
- Rodoretto P.* Coup d'oeil sur la vie de S. E. le comte Alexandre Michaud de Beuretourt lieutenant général, aide de camp de leurs Majestés les empereurs de Russie, Alexandre I et Nicolas I et sur la vie de son frère le chevalier Michaud Louis, colonel du génie, aide de camp de S. M. l'empereur Alexandre I^{er}. Turin, 1869.
- Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie. Paris, 1847. Vol. 1-2.
- Ségur A. H. P.* Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris, 1893.
- Souvenirs de la comtesse Golovine, née princesse Golitsyne. Paris, 1910.
- Une année de l'empereur Alexandre ou Résumé de ses principaux actes et tableau de la Russie pendant les quatre derniers mois de 1802 et les huit premiers mois de l'an 1803. Paris, 1834.
- Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue. Paris, 1802.

Общая библиография

Работы, касающиеся царствования Александра I

- Парсамов В. С.* История России. XVIII — начало XX века. М., 2007.
- Троицкий Н. А.* Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX века. М., 1998.
- Bartlett C. J.* Peace, War and the European Powers, 1814–1914. London, 1996.
- Bridge F. R., Bullen R.* The Great Powers and the European States System, 1814–1914. London–New York, 2005.
- Heller M.* Histoire de la Russie et de son empire. Paris, 1997.
- Kappeler A.* La Russie, empire multiethnique. Paris, 1994.
- Ledonne J. P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York–Oxford, 1991.
- Pipes R.* Russia under the Old Regime. New York, 1992.
- Raeff M.* Comprendre l'Ancien Régime russe, Etat et société en Russie Impériale. Paris, 1982.
- Ragsdale H.* The Russian Tragedy: The Burden of History. New York, 1996.
- Rey M.-P.* Le Dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris, 2002.
- Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801–1917. Oxford, 1967.

Биографии Александра I, изданные до 1917 г.

- Богданович М. И.* История царствования Александра I и России в его время. СПб., 1869–1871. Т. 1–6.
- Кизеветтер А.* Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. М., 1912.
- Мельгунов К.* Дела и люди александровского времени. Берлин, Ватага, 1923.
- Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900.
- Романов Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования. Пг., 1914.
- Семевский В.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1–2.
- Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 1–4.
- Egton A.* Vie d'Alexandre I^{er}, empereur de Russie, suivie de notices sur les grands-ducs Constantin, Nicolas et Michel et de fragments historiques, politiques, littéraires et géographiques propres à faire connaître l'Empire russe depuis le commencement du XIXe siècle jusqu'à ce jour. Paris, 1826.
- Lloyd H. E.* Alexander I, Emperor of Russia. A sketch of his life. London, 1826.
- Phillips W. A.* Alexander I // Encyclopedia Britannica. 11th edition. 1910. Vol. 1. P. 556–559.
- Pingaud L.* L'Empereur Alexandre I^{er}. Paris, 1913.

- Rain P.* Un tsar idéologue, Alexandre I. Paris, 1913.
Schmitzler J.-H. Histoire intime de la Russie. Paris, 1847. Vol. 1–2.
Waliszewski K. La Russie il y a cent ans: le règne d'Alexandre I. Paris, 1923–1925. T. 1–3.

Биографии Александра I, изданные после 1917 г.

- Башилов Б.* Александр Первый и его время: масонство и царствование. Вилья Бальестер, 1950.
Almedingen E. M. The Emperor Alexander I. London, New York, 1964.
Brian-Chaninov N. Alexandre I. Paris, 1934.
Dzięwanowski M. K. Alexander I: Russia's mysterious tsar. New York, 1990.
Gribble F. H. Emperor and Mystic: the Life of Alexander I of Russia. London, 1931.
Grunwald C. Alexandre I^{er}, le tsar mystique. Paris, 1955.
McConnell A. Tsar Alexander I: Paternalistic Reformer. Chicago, 1970.
Olivier D. Alexandre I, prince des illusions. Paris, 1973.
Paléologue M. Alexandre I, un tsar énigmatique. Paris, 1937.
Palmer A. W. Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974.
Troyat H. Alexandre I: le sphinx du nord. Paris, 1980.
Valloton H. Le Tsar Alexandre I^{er}. Paris, 1966.

Биографии Александра I, изданные после 1991 г.

- Балазин В. И.* Император Александр I. М., 1999.
Мережковский Д. С. Александр Первый. М., 1998.
Сахаров А. Н. Человек на троне. М., 1992.
Он же. Александр I. М., 1998.
Arkhanguelski A. Alexandre I^{er}: le feu follet. Paris, 2000.
Hartley J. M. Alexander I. London–New York, 1994.
Klimenko M. Tsar Alexander I: portrait of an Autocrat. New York, 2002.
Mourousy P. Alexandre I^{er}, tsar de Russie: un sphinx en Europe. Paris, 1999.
The Emperors and Empresses of Russia, Rediscovering the Romanovs / ed. by D. J. Raleigh, compiled by A. A. Iskenderov. New York, 1996. Страницы 216–255 посвящены царствованию Александра I и написаны В. А. Федоровым.

О царствовании Павла I

- Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
Оболенский Г. Император Павел I. М., 2000.
Песков А. М. Павел I. М., 1999.
Царевубийство 11 марта 1801 г., записки участников и современников / под ред. А. С. Суворина. СПб., 1907.
Шильдер Н. К. Император Павел I. Историко-биографический очерк. СПб., 1901.
Эйдельман Н. И. Грань веков: политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982.

- Grunwald C.* L'Assassinat de Paul I^{er}, tsar de Russie. Paris, 1960.
- Jenkins M.* Arakcheev, Grand Vizier of the Russian Empire. London, 1969.
- MacGrew R.* Paul I of Russia, 1754–1801. New York, 1992.
- Martin M.* Maria Feodorovna en son temps, 1759–1828, contribution à l'histoire de la Russie et de l'Europe. Paris, 2003.
- Morane P.* Paul I de Russie, avant l'avènement, 1754–1796. Paris, 1907.
- Paul I: A Reassessment of his Life and Reign / ed. by H. Ragsdale. Pittsburgh, 1979.
- Ragsdale H.* Tsar Paul and the Question of Madness: An Essay in History and Psychology. New York, 1988.
- The Emperors and Empresses of Russia, Rediscovering the Romanovs / ed. by D. J. Raleigh, compiled by A. A. Iskenderov. New York, 1996. Страницы 177–215 посвящены царствованию Павла I и написаны Ю. А. Сироткиным.

О внутренней политике в царствование Александра I

- Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX в. Л., 1988.
- Сахаров А. Н., Бертолисси С.* Конституционные проекты России XVIII – начала XX в. М., 2000.
- Сперанский М. М.: жизнь, творчество, государственная деятельность. СПб., 2000.
- Федоров В. А. М. М.* Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.
- Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860. Princeton, 1968.
- Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961.
- Hartley J.* A Social History of The Russian Empire, 1650–1825. N.-Y.–London, 1999.
- Jenkins M.* Arakcheev, Grand Vizier of The Russian Empire. London, 1969.
- Minaudier J.-P.* Histoire de l'Estonie et de la nation estonienne. Paris, 2007.
- Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia. Cambridge, 1959.
- Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague, 1969.
- Idem.* Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905. Englewood Cliffs, 1966.
- Idem.* The Decembrist Movement. Englewood Cliffs, New Jersey, 1966.
- Idem.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956.
- Romanov Nicolas Mikhailovitch, grand duc.* Le comte Paul Stroganov (1774–1817). Paris, 1905. Vol. 1–3.
- Whiting K. R.* Arakcheev A. A. (thèse de doctorat). Harvard University, 1951.

О внешней политике Александра I (помимо русско-французских отношений)

- История внешней политики России, первая половина XIX века, от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1999.

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886.

Очерки министерства иностранных дел России, 1860–1917 гг. М., 2002. Т. 1.

Bourquin M. Histoire de la Sainte-Alliance. Genève, 1954.

Capefigue M. L'empereur Alexandre I^{er} au Congrès de Vienne et les traités de 1815. Paris, 1866.

Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Foreign Diplomacy. Berkeley, 1969.

Grunwald C. Trois siècles de diplomatie russe. Paris, 1945.

Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy, 1814–1914. Philadelphia, 1964.

Idem. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet foreign policy, 1814–1974. Bloomington, 1974.

Kukiel M. Czartoryski and European Unity: 1770–1861. Princeton–New Jersey, 1955.

Ley F. Alexandre I^{er} et sa Sainte-Alliance: 1811–1825, avec des documents inédits. Paris, 1975.

Mouravieff B. L'Alliance russo-turque au milieu des guerres napoléoniennes. Neuchatel, 1954.

Pirrenne H. La Sainte-Alliance: organisation européenne de la paix mondiale. Neuchatel, 1946.

Rey M.-P. De la Russie à l'Union soviétique, la construction de l'empire, 1462–1953. Paris, 1997.

Sedouy J.-A. Le Congrès de Vienne, L'Europe contre la France, 1812–1815. Paris, 2003.

Zawadzki W. H. A Man of Honour, Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford, 1993.

О русско-французских войнах и отношениях между Александром I и Наполеоном

(Биографии Наполеона, ссылки на которые содержатся в сносках, ниже не указаны)

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812 / под ред. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905–1914. Т. 1–7.

Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992.

Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003.

Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX века. М., 1998.

Он же. Александр I и Наполеон. М., 1994.

Andolenko S. Histoire de l'armée russe. Paris, 1967.

Cate C. The War between the Two Emperors: the duel between Napoleon and Alexander. New York, 1985.

- George H. B.* Napoleon's Invasion of Russia. London, 2002.
- Grunwald C.* La Campagne de Russie: 1812. Paris, 1963.
- Hantraye J.* Les Cosaques aux Champs-Élysées, l'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, Belin, 2005.
- Jones T.* Alexander The Blessed, conqueror of Napoleon. 1978.
- Josselson M. et D.* Le General Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly. Paris, 1986.
- Langeron A. L. A.* Journal inédit de la campagne de 1805: Austerlitz. Paris, 1998.
- Lieven D.* Russia against Napoleon, the Battle for Europe, 1807 to 1814. London, New York. 2009.
- Nicolson N.* Napoleon: 1812. London, 1985.
- Niven A. C.* Napoleon and Alexander I: a Study in Franco-Russian Relations, 1807–1812. Washington D. C., 1978.
- Palmer A.* Napoleon in Russia. London, 1997.
- Ratchinski A.* Napoélon et Alexandre I^{er}: la guerre des idées. Paris, 2002.
- Sokolov O.* Austerlitz, Napoleon, l'Europe et la Russie. Paris, 2006.
- Strakhovsky L.* Alexander I of Russia: the man who defeated Napoleon. New York, 1947.
- Tarle E.* Napoleon's Invasion of Russia, 1812. New York, Toronto, 1942.
- Tatischeff S.* Alexandre I^{er} et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801–1812. Paris, 1891.
- Vandal A.* Napoléon et Alexandre I^{er}. L'alliance russe sous le premier empire. Paris, 1898–1903. Vol. 1–3.

О влечении Александра к католицизму и сближении Восточной и Западной церквей

- Gagarine J.* Les archives russes et la conversion d'Alexandre I^{er}. Lyon, 1877.
- Pierling.* L'empereur Alexandre I^{er} est-il mort catholique? Paris, 1901.
- Idem.* L'empereur Alexandre I^{er} est-il mort catholique? Bruxelles, 1913.

Об исчезновении Александра I: гипотезы и факты

- Александр I и старец Федор Кузьмич. СПб., 2004.
- Балазин В.* Сокровенные истории дома Романовых. М., 1996.
- Барятинский В. В.* Царственный мистик: Император Александр I — Федор Кузьмич. Л., 1990 (переиздание книги, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1913 г.).
- Бунич И. Л.* Две смерти императора Александра I: легенды и факты. СПб., 1993.
- Врангель Н. Н.* «В гробу лежал длиннородый старец» // Источник. 1994. № 6. С. 64–67.
- Громыко М. М.* Святой праведный старец Федор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный. Исследование и материалы. М., 2007.
- Любимов Л. Д.* Тайна императора Александра I. Париж, 1938.
- Николаев В. А.* Александр Первый — старец Федор Кузьмич: историческая биография. Сан-Франциско, 1984.

Романов Николай Михайлович, вел. кн. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. СПб., 1907.

Он же. Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I. СПб., 1914.

Федоров В. И. Александр Благословенный — святой старец Федор Томский: историческое исследование. Томск, 2001.

Bariatinski V. V. Le mystère d'Alexandre I^{er}: Le tsar a-t-il survécu sous le nom de Fedor Koussmitch? Paris, 1929 (французский вариант текста, изданного в Санкт-Петербурге в 1913 г.).

Troubetzkoy A. Imperial Legend. The Mysterious Disappearance of Tsar Alexander I. New York, 2002.

Ряд важных статей, посвященных конкретным вопросам

Atacher K. Alexandre I^{er} dans l'historiographie russe de la seconde moitié du XIXe siècle et du début du XXe siècle (статья, представленная в рамках Premières Journées de l'Institut Est-Ouest и опубликованная на сайте l'ENS-LSE, Лион).

Kenney J. J. Lord Whithwort and the Conspiracy against Tsar Paul I: The New Evidence of the Kent Archive // Slavic Review. Vol. 36. № 2. P. 205–219.

Крылов А. Прелестная Елизавета // Новая юность. 2002. № 3 (54).

Lieven D. Russia and the Defeat of Napoleon, 1812–1814 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. № 7 (2). P. 283–308.

McConnell A. Alexander I's Hundred Days: The politics of a Paternalist Reformer // Slavic Review. 1969. Vol. 28. P. 373–393.

Roach E. E. The origins of Alexander I's Unofficial Committee // The Russian Review. 1969. Vol. 28. № 3. P. 315–326.

Schmidt A. J. The Restoration of Moscow after 1812 // The Slavic Review. Vol. 40. № 1.

Walker F. A. Enlightenment and Religion in Russian Education in the Reign of Tsar Alexander I // History of Education Quarterly. 1992. Vol. 32. № 3. P. 343–360.

Zorin A. Star of the East: The Holy Alliance and European Mysticism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2003. № 4 (2). P. 313–342.



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр II, российский император — 419, 420, 474
- Александра Федоровна, великая княгиня — 339, 341, 383, 384, 445, 468, 470, 473, 483
- Анна Павловна, великая княжна — 75, 228, 345, 430, 468, 469
- Аракчеев А. А. — 10, 59, 84, 86, 87, 163, 189, 213, 247, 248, 252–254, 268, 269, 271, 329, 330, 337, 338, 355, 357–359, 383, 386, 389–393, 400–402, 414, 423, 453, 459, 470, 473, 485, 487
- Армафельт Г. М. — 244, 266
- Багратион П. И. — 184, 224, 225, 264, 266–272
- Балашов А. Д. — 259, 264–266, 268, 271, 274, 393
- Барклай де Толли М. Б. — 245, 248, 253–255, 263, 264, 266–272, 277, 289, 291, 357, 458
- Безбородко А. А. — 71, 95, 96, 145
- Беккариа Ч. — 26, 43, 51, 240
- Беннигсен Л. Л. — 16–18, 198–201, 264, 267, 268, 271, 428
- Бентам И. — 71, 240, 256
- Бернадот Ж. Б., шведский король — 230, 236, 280, 291, 362
- Бестужев-Рюмин М. П. — 397, 398
- Виге-Лебрен Е. — 63
- Виллие Я. В. — 149, 189, 412, 424
- Вольтер Ф.-М. А. — 27, 51, 52, 219, 337, 374, 454
- Воронихин А. Н. — 147
- Воронцов А. Р. — 65, 67, 96, 115, 162, 163, 165, 167, 168, 170, 442, 446
- Воронцов С. Р. — 115, 117, 119, 126, 134, 156, 158, 159, 167, 170, 171, 177, 182, 209, 329, 435, 441–443, 446
- Вюртембергский Е. — 92, 273
- Гердер И. Г. — 72, 171
- Голицын А. Н. — 139, 148, 218, 226, 259, 285, 286, 291, 294, 331, 334–338, 352, 373, 374, 378, 379, 384, 387, 388, 390–392, 401, 402, 411, 463, 467, 472, 473, 480
- Головина В. Н. — 43, 64, 66, 67, 435
- Гримм Ф. М. — 22, 23, 27, 35, 38, 41, 47, 61, 62, 428, 430–432, 434, 482
- Грудзинская Ж. А. — 341
- Гурьев Д. А. — 355, 414
- Державин Г. Р. — 100, 111, 134, 136
- Дибич И. И. — 289, 390, 412, 414
- Дидро Д. — 27
- Долгоруков П. П. — 183, 186, 187, 201
- Екатерина II, российская императрица — 9, 11, 14, 15, 19, 22–39, 41–51, 53, 55–59, 61–65, 68–76, 78–80, 82–86, 91–94, 96, 101, 102, 105, 107, 111, 113–115, 136, 140–142, 145, 146, 161, 163, 198, 200, 201, 205, 212, 250, 284, 313, 335, 336, 364, 377, 378, 415, 416, 430–434, 436, 438, 439, 460, 468, 477, 482
- Екатерина Павловна, великая княжна — 106, 111, 149, 211, 223, 224, 246, 248, 252, 253, 257, 258, 266, 268, 271, 281, 282, 288, 290, 307, 308, 310–312, 318, 321, 332, 340, 386, 426, 430, 431, 440, 452, 455, 456, 461, 462, 465, 468, 481, 483
- Елизавета Алексеевна, российская императрица — 8, 11, 15, 19, 62–67, 69, 70, 72, 87, 90, 100, 105, 106, 110, 149–154, 182, 211, 212, 280, 308–311, 340, 385, 388, 402, 403, 412, 413, 415, 424, 427, 428, 431, 434–438, 445, 446, 449, 453, 461, 465, 466, 474–477, 480, 481, 483
- Ермолов А. П. — 114, 264, 270, 363, 414, 449

- Жеребцова О. А.** — 15
- Зубов Н. А.** — 14–17, 104
- Зубов П. А.** — 14–18, 57, 65, 77, 78, 104, 111, 118, 138–140, 436
- Ипсиланти А.** — 378, 379, 473
- Каподистрия И. А.** — 306, 311, 312, 317, 319, 341, 346, 361, 369–372, 375, 376, 378–380, 382, 452
- Карамзин Н. М.** — 105, 146, 248, 288, 347, 351, 352, 384
- Каслри Г. Р. С.** — 292, 293, 307, 313, 366–370, 375, 377, 380, 466, 471, 479
- Клаузевиц К., фон** — 268
- Коленкур А.** — 8, 213, 214, 216, 220, 224, 226–228, 234, 235, 250, 262, 263, 267, 290, 304, 426, 453–456, 459, 460
- Кондорсе Ж.-А.-Н.** — 143, 374
- Константин Павлович, великий князь** — 14, 18, 36–38, 42, 43, 45, 53, 56, 60, 61, 85, 153, 161, 200, 212, 214, 218, 280, 282, 339–341, 345, 348, 398–402, 427, 428, 430, 432, 447, 468, 477, 480, 481
- Костюшко Т.** — 72, 73, 82, 313, 343
- Кочубей В. П.** — 57, 71, 73, 76, 88, 90, 116, 119, 122, 134, 138, 155, 159, 160, 162, 167, 168, 175, 213, 239, 271, 313, 339, 341, 353, 355, 361, 389, 390, 399, 436, 441–443, 470, 473
- Кошелев Р. А.** — 148, 291, 309, 331, 384, 392
- Крафт Г.-В.** — 42, 45, 48, 52
- Крылов И. А.** — 54, 433
- Куракин А. Б.** — 29, 91, 182, 200, 201, 206, 207, 213–215, 229, 235, 239, 255, 256, 452
- Кутузов М. И.** — 181, 184, 185, 187–189, 191, 198, 271–273, 282, 286, 288, 289, 297, 361, 403, 478
- Лагарп Ф.** — 42, 45–55, 60, 61, 67–70, 74, 76–78, 88, 89, 97, 107, 112, 114, 122–126, 130, 134, 135, 137, 138, 142, 143, 147, 165, 166, 173, 204, 226, 243, 303, 308, 312, 319, 377, 431–436, 439, 440, 442–444, 477
- Лобанов-Ростовский Д. И.** — 201, 207
- Людвик XVIII, французский король** — 95, 97, 199, 303–305, 314, 316–318, 451, 464, 471
- Луиза, прусская королева** — 158, 160, 161, 184, 197, 199, 222, 224, 225, 228, 455, 468
- Мария Федоровна, российская императрица** — 9, 18, 33–38, 56–58, 60, 61, 65, 67, 75, 90–92, 105, 106, 108, 118, 149, 152, 159, 193, 197, 200, 201, 206, 211, 212, 214, 217, 224, 228, 246, 247, 282, 302, 400, 402, 403, 412, 426, 427, 430, 435, 441, 442, 450, 452, 454, 457, 481, 483
- Массон Ш. Ф. Ф.** — 31, 42–46, 48, 52, 56, 70, 91, 431, 432
- Местр Ж., де** — 109, 166, 168, 175, 211, 214, 224, 248, 253, 276, 290, 334–336, 403, 440, 453, 461, 468, 474
- Местр К. К., де** — 404, 405, 474
- Меттерних К. В.** — 236, 290, 298, 311, 320, 323, 353, 365, 368–370, 374–377, 380, 381, 462, 481
- Мишо А.** — 268, 403–407, 410, 411, 474, 475, 480
- Мордвинов Н. С.** — 131, 134, 138–140, 355, 363
- Морков А. И.** — 155, 157, 158, 168, 170
- Муравьев М. Н.** — 42, 134, 143, 144
- Нарышкина М. А.** — 111, 149, 150–152, 227, 237, 246, 308, 309, 311, 335, 445, 465
- Нарышкина С. Д.** — 149–151, 387, 388, 480
- Нессельроде К. В.** — 256, 259, 290, 299, 303, 306, 311, 312, 314, 361, 370, 375, 384
- Новиков Н. И.** — 82, 104
- Новосильцев Н. Н.** — 72, 88–90, 117, 119, 120, 122, 130, 131, 134, 138, 143, 144, 160, 170–172, 176–178, 181, 189, 191, 196, 199, 200, 213, 239, 259, 309, 313, 341, 345, 346, 348, 351, 397, 441, 443, 450, 469, 477
- Охотников А. Я.** — 153, 154, 310
- Павел I, российский император** — 9, 13–19, 23, 27–34, 37, 43, 44, 56–61, 63, 65, 71, 72, 74–76, 78–90, 92–97, 100, 102–107, 111–118, 126, 130, 142, 147, 148, 156, 159, 163, 164, 169, 198, 228, 250,

- 305, 335, 340, 343, 359, 361, 412, 426, 427, 429, 433, 434, 436, 438, 442, 444, 453, 464, 477, 483, 486, 487
- Пален П. А. — 16–19, 104, 117, 118, 126, 130, 428, 477
- Паллас П. С. — 42, 45, 48, 52
- Панин Н. П. — 15, 16, 18, 23, 24, 29–32, 96, 97, 104, 110, 118, 123, 124, 156, 440, 442, 446, 482
- Пестель П. И. — 392, 394–398, 414, 473
- Петр I, российский император — 23, 25, 27, 97, 101, 107, 117, 132, 140–142, 226, 244, 329, 338, 416, 429, 443
- Петр III, российский император — 23, 28–31, 82, 84, 91, 159, 429, 436
- Питт У. — 24, 171, 176, 177, 319
- Потоцкий С. О. — 131, 136
- Протасов А. Я. — 42, 44–46, 53, 63, 65, 67, 435
- Пугачев Е. И. — 28, 460
- Радищев А.** — 48, 82, 105, 113, 115, 440
- Разумовский А. К.** — 29, 32, 156, 182, 191, 288, 311, 336, 448
- Ришелье А. Э.** — 141, 317, 318, 368, 370, 371, 428, 471, 481, 482
- Розенкамф Г. А.** — 167, 238, 456
- Ростопчин Ф. В.** — 60, 66, 83, 96, 182, 198, 257, 270, 273, 279, 288, 351, 361, 432, 443, 451, 488
- Румянцев Н. П.** — 61, 62, 169, 182, 195, 212, 216, 218, 227, 228, 249, 253, 256, 265, 282, 361, 453
- Савари А.** — 106, 185, 186, 211–213, 449, 453
- Салтыков Н. И.** — 38, 41–46, 48, 53, 56, 68, 271, 431, 432
- Самборский А. А.** — 40, 42, 45, 48
- Сперанский М. М.** — 218, 237, 238–246, 249–251, 255, 256, 258–260, 337, 361, 392, 417, 456–458, 470, 473, 478, 487
- Строганов П. А.** — 29, 57, 71, 72, 89, 90, 119–122, 130, 131, 133, 134, 139, 147, 181, 189, 191, 196, 274, 362, 436, 441, 443–445, 450
- Суворов А. В.** — 28, 83, 95, 96, 193, 437, 438
- Талейран Ш. М.** — 106, 158, 165, 166, 169, 170, 186, 190, 196, 207, 219, 222, 223, 239, 256, 299, 305, 311, 314, 317, 318, 322, 449, 450, 454, 455, 458, 481
- Тормасов А. П.** — 266
- Убри П. Я.** — 165, 166, 169, 170, 196, 197, 201, 255
- Уитворт Ч.** — 15, 16, 96, 428
- Федор Кузьмич** — 420–422, 424, 476, 489, 490
- Фенелон Ф.** — 50, 332
- Фотий** — 390–392
- Франц I, австрийский император** — 95, 161, 169, 188, 190, 226, 228, 236, 290, 293, 298, 312, 320, 369, 370, 456
- Фридрих-Вильгельм III, прусский король** — 158, 160, 183, 184, 190, 192, 194, 196, 197, 203, 207, 208, 289, 290, 293, 320, 370, 452
- Фридрих II Великий, прусский король** — 23, 30, 33, 80, 83, 184
- Цицианов П. Д.** — 164
- Чарторыйский А. Ю.** — 13, 43, 57, 72, 73, 89, 90, 110, 112, 116–119, 122, 124, 128, 133, 134, 136, 138, 142–144, 153, 159, 160, 162, 163, 167–171, 175, 176, 181–183, 188, 189, 191–193, 196, 200, 209, 213, 223, 232–234, 252, 258, 260, 309, 310, 312, 313, 341, 343, 345, 354, 398, 427, 431, 433, 436, 437, 439, 441–443, 446–448, 450, 456, 458, 465, 483
- Чернышев А. И.** — 255, 424, 458
- Шатобриан Ф. Р.** — 202, 296, 2998, 304, 380, 411
- Шишков А. С.** — 265, 268, 288, 335
- Шуазель-Гуфье С.** — 8, 278, 295, 320, 339, 385, 387, 426, 459, 461–464, 468, 473, 483
- Эйлер Л.** — 284, 331, 333, 334, 461, 468
- Энгиенский Л.-А.-Г.** — 166, 168, 169, 212, 214, 304, 305, 453, 477
- Юнг-Штиллинг И. Г.** — 331, 332, 391

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
К читателю	7
Введение	8
Пролог	13
I. Детство и юность императора. 1777–1801	21
Глава 1. «Господин Александр» и Екатерина Великая.....	22
Российская империя в 1777 г.: могущество и модернизация.....	23
Безраздельная самодержавная власть.....	28
Глава 2. «Будущий венценосец».....	34
Бабушка и внук.....	34
Воспитание и образование Александра.....	42
Глава 3. Великий князь, разрывавшийся между большим и малым дворами.....	56
Будни Александра: между бабушкой и родителями.....	56
Женитьба Александра.....	61
Александр в политических планах Екатерины II.....	69
Глава 4. Цесаревич при дворе Павла I (1796–1801).....	79
Конец «царствования женщин».....	80
Александр при дворе Павла I.....	86
Усиление оппозиции.....	92
II. Что обещало царствование, или Дух реформ. 1801–1807	99
Глава 5. Попытка реформы.....	100
Российская империя в 1801 г.....	101
Новый стиль.....	105
Символические и политические меры.....	113
Император, советники и дело реформ.....	118
Глава 6. Реформаторская деятельность Александра (1801–1805).....	128
Ограниченные, но заслуживающие внимания политические перемены.....	128
Наброски реформ.....	137
Молодой император в поисках себя.....	148
Глава 7. На международной арене (1801–1805).....	155
Пацифист в Европе, экспансионист на юге.....	155
Антифранцузская коалиция.....	170

III. Наполеоновские войны. 1805–1815	179
Глава 8. От первых военных поражений до Тильзитского мира (1805–1807)	181
От складывания третьей коалиции до разгрома при Аустерлице	181
От последствий Аустерлица к поражению под Фридландом	189
От Тильзитского свидания до союза с Наполеоном	200
Глава 9. Эпоха русско-французского союза (1807–1812)	210
Тильзитский мир и его последствия	211
Постепенное ухудшение двусторонних отношений	224
Глава 10. Между внутренними реформами и военными приготовлениями (1807–1812)	237
Час реформы	237
Российская империя на военном положении	251
Глава 11. 1812 г.: дуэль императоров	261
Кампания 1812 г.	261
Александр I во время Отечественной войны	277
Глава 12. Европейский царь (1813–1815)	286
Войти в Париж!	286
«Царь-освободитель» и «благодетель» Европы	298
Конгресс 1815 г. и Священный Союз	308
IV. К правлению все более консервативному. 1815–1825	325
Глава 13. Мистическая экзальтация, стремление к реформам и консерватизм на практике (1815–1820)	327
Царь, преображенный пережитыми испытаниями	328
Начатые и намеченные реформы	341
Глава 14. Русская дипломатия в «европейской системе» (1815–1825)	360
Расширение сферы российской дипломатии	360
Начало «венской системы»	365
Священный Союз — орудие все более консервативной дипломатии	373
Глава 15. Закат (1820–1825)	383
«Я почти не выхожу»	383
Все более спорная политика	393
От желания отречься к мессианской мечте	400
Вместо эпилога: тайна Федора Кузьмича	420
Примечания	426
Хронология	477
Библиография	481
Указатель имен	491

Научное издание

Эпоха 1812 года

Рэй Мари-Пьер

АЛЕКСАНДР I

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *К. Н. Милюкова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.03.2013.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 31,0.

Тираж 1500 экз. Заказ 2321

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



Avec le soutien du
CNL
 Centre national du livre
www.centrenationaldulivre.fr



ЭПОХА

